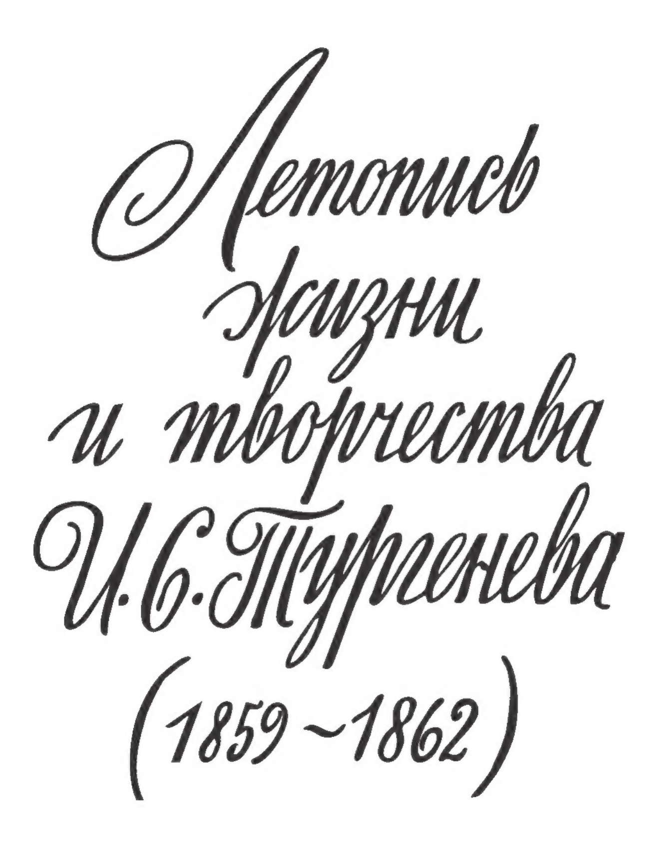
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

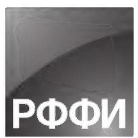

Авторы-составители:
Н. П. ГЕНЕРАЛОВА, С. А. ИПАТОВА,
В. А. ЛУКИНА

С.-Петербург
2018

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-04-00457а

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 18-112-20006 Д_т

Ответственный редактор:
Н. П. ГЕНЕРАЛОВА

Рецензенты:
Н. Ф. БУДАНОВА, Н. Ю. ГРЯКАЛОВА

ISBN 978-5-94668-255-8

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый читателю том «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева» является частью недостающего звена проекта, предпринятого в начале 1990-х годов в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867—1870) / Сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 1997; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875) / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 1998; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876—1883) / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 2003).

Охватывающая всего три с небольшим года жизни писателя — с 1859 по начало марта 1862 — настоящая часть Летописи, тем не менее, представляет собой важнейший отрезок как общественно-политической, так и литературной деятельности Тургенева, который не случайно совпал с необычайным подъемом всей интеллектуальной жизни страны накануне ключевого события — отмены крепостного права, свершившегося 19 февраля 1861 года. Отныне и до конца дней писатель будет отмечать этот день в кругу друзей, чья многолетняя мечта об освобождении крестьян наконец осуществилась.

1859—1862 годы были временем наивысшего расцвета творчества Тургенева. Накануне, поздней осенью 1858-го, Иван Сергеевич окончил работу над романом «Дворянское гнездо», который появился в первой книжке журнала «Современник» за 1859 год, а уже в январе 1859 года писатель приступил к разработке замысла следующего романа — «Накануне», который будет завершен в октябре того же года. Вместе с тем впервые после отдельного издания «Записок охотника» (1852), за которые Тургенев был отправлен в ссылку в Спасское, в мае 1859 года выходит второе издание цикла, вновь привлекшее внимание русского общества к его творчеству. Укрепляются связи писателя с литературным миром Западной Европы.

Вскоре по выходе в свет «Дворянского гнезда» появляются его отдельное издание в России и перевод на французский язык. Конец года ознаменован написанием статьи «Гамлет и Дон-Кихот».

Пользуясь послаблением цензурного режима, Тургенев много печатается, выступает с публичными лекциями, участвует в различных общественных мероприятиях, среди которых в первую очередь следует назвать создание Литературного фонда, или Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в образовании и работе которого писатель принял самое непосредственное участие. Озабоченный перспективами грядущих реформ, Тургенев выступает инициатором учреждения Общества грамотности и первоначального образования, создает свой «проект конституции», написанный в форме адреса Александру II, поддерживает нарождающуюся украинскую литературу, сближаясь в Петербурге с малороссийским кружком, сгруппировавшимся вскоре вокруг журнала «Основа», выступает против закрытия польской газеты «Слово» и ареста ее редактора И. Огрызко. Впервые после запрета на упоминание имени В. Г. Белинского публикует в «Московском вестнике» воспоминания о критике и своих встречах с ним, задумывает и осуществляет собрание своих сочинений в четырех томах в издательстве Н. А. Основского. Немало времени и сил требует улаживание отношений с собственными крестьянами. На любительской и столичной сценах возобновляются постановки пьес Тургенева. В этот период написаны повесть «Первая любовь», роман «Накануне», воспоминания о художнике А. А. Иванове («Поездка в Альбано и Фраскати»), наконец роман «Отцы и дети», ставший вершиной творчества писателя.

В то же время именно в этот период происходит обострение отношений с радикальным составом редакции журнала «Современник» и разрыв с ним, долгой и бурной полемикой завершаются многолетние отношения с А. И. Герценом, следствием которых будет привлечение Тургенева в 1862 году к процессу в особой следственной комиссии по делу «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». Этот процесс завершится лишь в январе 1864 года после вызова писателя в Сенат и допроса. Третейским судом заканчиваются отношения с И. А. Гончаровым, несправедливо обвинившим Тургенева в плагиате, едва не дуэлью — ссора с Л. Н. Толстым. Круг общения писателя в период подготовки реформы и первое время после нее чрезвычайно широк, он становится одной из ключевых фигур общественно-литературного процесса конца 1850-х — начала 1860-х годов, активно выступая в различных жанрах (повести, романы, статьи, рецензии, предисловия, речи,

переводы) в ведущих периодических изданиях («Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки» и др.), в том числе заграничных («Revue des deux mondes», «Revue contemporaine» и др.). Каждое новое произведение Тургенева встречается разноголосой критикой, его имя не сходит со страниц газет и журналов. Лишь ожесточенная полемика вокруг появившегося на страницах «Русского вестника» романа «Отцы и дети», прозвучавшая от представителей прямо противоположных группировок, вызовет у писателя резкий спад творческого настроения и глубокий психологический кризис.

Внешняя канва событий, восстанавливаемых в Летописи по архивным материалам, письмам, воспоминаниям современников, периодической печати и другим источникам, на первый взгляд, не отражает главного — напряженной работы писателя над лучшим своим романом — «Отцы и дети». Задуманный в самый канун готовящихся реформ — роман явился не только плодом пристального наблюдения над многообразными явлениями русской жизни, но и итогом размышлений писателя-реалиста о прошлом, настоящем и будущем страны. Находки последних десятилетий дали возможность максимально приблизиться к творческой истории «Отцов и детей», а подневная роспись событий — представить реальный контекст, в котором зарождался и осуществлялся один из шедевров мировой литературы. Столкновение старого и нового, упорное сопротивление отживших принципов новым идеям, обострение разногласий между либералами и радикалами, оживление казалось бы устаревших споров между западниками и славянофилами — все это оказалось запечатленным на страницах романа «Отцы и дети», которому будет суждена долгая жизнь.

Составители сознательно поставили крайней датой настоящего тома выход в свет романа «Отцы и дети», появление которого знаменовало собой определенный и важнейший этап жизни и творчества Тургенева. Период «после “Отцов и детей”» и до конца 1866 года, времени окончания работы над следующим романом — «Дым» — составит содержание завершающего тома Летописи жизни и творчества Тургенева.

В основных своих принципах составители Летописи исходили из норм, принятых их предшественниками, за исключением некоторых особенностей, призванных максимально сократить многочисленные сноски и отсылки внутри текста. Так, в данном томе принято не ссылаться на соответствующие тома (четвертый и пятый) Писем второго Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, в то время как ссылки на Сочинения даются соответственно в сокраще-

нии: *Соч.*, с указанием тома и страницы. При указании страниц курсивом выделяются те, на которых помещены комментарии, однако подобные ссылки даются лишь в случаях, когда комментарии уточняются или исправляются. В остальных случаях использование комментариев Полного собрания сочинений и писем специально не оговаривается. Отказавшись от комментариев, помещенных в предыдущих книгах Летописи в конце томов, составители настоящего труда выделяли более мелким шрифтом фрагменты, призванные уточнить или объяснить излагаемые факты. В отдельных случаях эти фрагменты представляют собой впервые вводимые в научный оборот архивные материалы.

Ввиду сокращения объема редколлегией было принято решение отказаться от Указателя периодических изданий, присутствующего в предыдущих томах, ограничившись Указателем имен, а также Указателем упомянутых в томе произведений, замыслов и переводов И. С. Тургенева. В то же время было сочтено целесообразным сделать Указатель имен аннотированным, что дало возможность не только более полно представить круг общения писателя, но и сократить текст Летописи за счет изъятия инициалов упомянутых персонажей, за исключением случаев, когда одни и те же фамилии принадлежали разным лицам. Списки условных сокращений и иллюстраций призваны облегчить пользование настоящей книгой.

Подготовка книги к печати и составление указателей осуществлены Н. П. Генераловой и В. А. Лукиной.

1859

1* (*13*) *января*. Четверг**. Дата первого ценз. разрешения № 1 *Совр* (цензор Мацкевич); в нем — роман Т. «Дворянское гнездо» (Отд. 1. С. 5—160). См. ***19* (*31*) *января и ***24 января* (*5 февраля*)**.

Присутствует на обеде у Некрасова по случаю очередного номера *Совр* вместе с Гончаровым, Никитенко, Панаевым, Чернышевским, Полонским, Горбуновым, Н. Ф. Павловым.

Никитенко записывает в дневнике: «Литературный обед у Некрасова. Были почти все наши наличные известности <...>. Из московских был Павлов <...>» (*Никитенко*. Т. 2. С. 53). В дневнике обед ошибочно датирован четвергом 2 января; передатируется на основании несовпадения указанного дня недели и числа (ср.: *Некрасов. Летопись*. Т. 2. С. 157).

Отвечает на два неизв. п. К. Н. Леонтьева. Оправдывает свое длительное молчание тем, что «шесть недель» был болен «горловой болезнью» (вынужден был даже пользоваться «грифельной доской») и «хандрил». Сообщает о том, что комедия Леонтьева «Трудные дни» (опубл.: *ОЗ*. 1858. № 9. С. 105—158), несмотря на рекомендацию Гончарова, который в сентябре 1858 на одном из заседаний Театрально-литературного комитета предлагал ее для постановки на театре, была отвергнута актерами «как несценичная вещь»: «Это тонкая и изящная повесть в драматической форме — а не комедия». Предлагает содействие в продаже нового романа Леонтьева одному из журналов (очевидно, имеется в виду повесть «Второй брак»; опубл.: *БдЧ*. 1860. № 4. С. 1—74). Обещает возобновить переговоры с Катковым относительно сотрудничества Леонтьева в *РВ*. Выражает надежду, «чтобы мой новый труд заслужил Ваше одобрение» («Дворянское гнездо»). Просит передать поклон барону Д. Г. Розену и его жене М. Ф. Розен.

***2* (*14*) *января*.** **Пятница**. Дата п. Салтыкова к Анненкову, в котором, вспоминая свое знакомство с Т. в 1856 и отрицательное отношение Т. к начатым тогда «Губернским очеркам», замечает: «...меня беспокоит и огорчает еще другое, лично до меня относящееся обстоятельство. По приезде моем из Вятки <...> я познакомился с Тургеневым. Был у него два раза, пользовался пожатием его руки, но посещением его не воспользовался, хотя правила самой простой учтивости требовали, чтобы г. Тургенев уже до конца сделал меня счастливым. В то время меня это задело несколько за живое, но, рассуждая сам с собою, я порешил это дело тем, что поступок г. Тургенева есть один из видов генеральства, которому не чужды и наши литераторы. <...> Ныне я узнаю, будто г. Тургенев имеет какое-то предубеждение против нравственных моих качеств. Известие это крайне меня удивило. Уж не думает ли он, что я в “Очерках” описываю собственные мои похождения?.. Прошу Вас передать, что он напрасно так думает, что у меня еще довольно есть в душе стыдливости, чтобы не выставлять на позор свои г<— — —>, и что он напрасно смешивает меня с Павлом Ивановичем Чичи-Мельниковым» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 1. С. 204—205).

По получении п. Анненков дает его прочесть Т. и пишет п. (неизв.) с опровержением этих слухов, что вызвало смущение Салтыкова: «...признаюсь, личико мое несколько покраснело, когда я увидел из письма Вашего, что Вы эпистолу мою подлинником показали Ив<ану> Серг<еевичу>» (Там же. С. 208). См. ***29 января* (*10 февраля*)**.

***3* (*15*) *января*.** **Суббота**. Фет получает п. Т. от ***27 декабря 1858* (*8 января 1859*)** (см. п. Фета к Борисову от 4 (16) января 1859: *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 134).

В газ. «The Critic» (P. 65) появляется англ. перевод отрывка (без заглавия) из рассказа «Два помещика» («Записки охотника») без указания имени переводчика. По-видимому, фрагмент переведен по изданию: Aus dem Tagebuche eines Jägers. 2. Auflage. Berlin, 1858.

Выходит № 1 еженедельной газ. «Парус» (редактор-издатель И. С. Аксаков); в нем — передовая ст. И. С. Аксакова о необходимости гласности в печати, ст-ния Хомякова, «Письма из Польши. — Закон 1848 года, 2-го марта» Н. А. Елагина и др. См. отклик Т. ***7* (*19*) *января*.**

Вышло всего два номера газеты, после чего 31 января (12 февраля) она была официально запрещена. 11 (23) февраля Лонгинов сообщал Полторацкому: «“Парус” запрещен, и Капнист отставлен с прописанием, что он тем более виноват, что первый нумер “Паруса” был перед ним

читан цензором Крузе. Действительно, участие такого злодея, как наш Николай Федорович, должно бы устрашить благонамеренного человека» (*РНБ*. Ф. 603. № 145. Л. 5; цит. по: *Репинецкий С. А.* Московский цензурный комитет и политика в отношении печати накануне отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 2. С. 113–114).

Вторая половина декабря ст. ст. (после 12, т. е. 20 или 27 декабря) 1858 или 3 (15) января 1859*. Суббота**. Отправляет утром письма к Безобразову, Кавелину, возможно также к Краевскому и гр. Кушелеву-Безбородко (последние два неизв.) с подписным листом для сбора средств в пользу отставленного от службы ***12 (24) декабря 1858 («причислен к министерству нар. просвещения с увольнением от настоящей должности») московского цензора Крузе, который Бабст должен отвезти в Москву.

Ранее Крузе был вынесен правительственный выговор за пропуск «вольнолюбивых» материалов в *РВ*. Положение усугублялось тем, что его имя упоминалось в «Списке подозрительных лиц в Москве», переданном шефу жандармов кн. Долгорукову в августе 1858, в котором московский цензор назывался «приятелем всех западников и славянофилов, другом Каткова, корреспондентом Герцена, готовым на все и желающим переворотов» (*РА*. 1885. № 7. С. 450).

Подписка, возможно, была инспирирована московскими литераторами, в том числе Катковым, который писал Безобразову в декабре 1858, рассчитывая, что п. будет передано для прочтения: «Вам уже известно, что Н. Ф. фон Крузе более не цензор. Интрига, так искусно и упорно веденная против него, увенчалась наконец успехом, и он тишком причислен к министерству с увольнением от цензорской должности. Он не хочет оставаться на службе и уже подал в отставку. Его дело кончено, наше начинается. Мы должны вспомнить, как доблестно, с каким мужеством и как бескорыстно действовал он в продолжение трех лет своей цензорской службы. Он понял смысл современных требований и обрек себя на энергическое служение им. Он был пионером новой области, которая открылась для русской мысли и слова; он шел вперед, разведывая пути, не отступая ни на шаг, и пространство, пройденное им, останется навсегда за русским словом; никакая реакция, никакие интриги не отобьют назад этого пространства; могут быть еще жертвы, но общее дело вне всякой опасности. Что сделано, то сделано, и что написано, того не вырубишь топором. Интрига со временем откроется и само правительство отдаст ему должную справедливость; потому что, действуя по своему усмотрению, он действовал не вопреки стремлениям верховной власти и служил ей честно и верно. Между тем мы, общество, зная всю интригу, не должны оставаться равнодушными зрителями незаслуженного падения человека, послужившего общему

делу. На нас ложится долг что-нибудь сделать в честь и в пользу его. В Англии для людей, которые ознаменовали себя общественными заслугами, открывается национальная подписка. Крузе заслуживает подобной подписки. Мы не можем сделать это печатным образом и в таких размерах, как бывает это в Англии, но хорошо будет и то, если в разных кругах будут обращаться списки жертвователей, и таким образом будет заявлено, что у нас уже существует до некоторой степени самостоятельное общество. В Москве подписка уже открылась в разных кругах, идет живо и обещает значительный сбор. Она открывается в разных университетских городах; можно надеяться, что Петербург не отстанет в этом деле. Мы надеемся, что Вы не откажетесь действовать в Вашем кругу и откроете в нем подписку, как открывается она в разных других кругах» (*ИРЛИ*. Ф. 23. № 69. Л. 5—6; цит. по: Российская история. 2011. № 2. С. 113).

Вопреки противодействию со стороны властей, подписка была успешной: 7 (19) мая 1859 Крузе с семьей выехал из Москвы за границу.

В том же п. к Кавелину сообщает, что не может вечером прийти к нему, поскольку должен быть на концерте, и обещает зайти в 8 ч. вечера на следующий день.

Во второй половине дня пишет еще одну записку Безобразову, сообщает, что собирается навестить его «завтра утром».

Вечером предположительно присутствует на концерте (на каком, уточнить не удалось, см. выше).

Около 3 (15) января. И. С. Аксаков высылает Т. «билет» на только начавшую выходить газ. «Парус» (см. ***7 (19) января***).

4 (16) января. **Воскресенье**. Фет сообщает Борисову о получении п. Т. от ***27 декабря 1858 (8 января 1859)***: «Тургенев постоянно вас вспоминает». Передает рассказ об охоте братьев Л. Н. и Н. Н. Толстых и П. Аф. Шеншина на медведя, которая состоялась 21—22 декабря ст. ст. 1858, когда Толстой был искусан медведицей (*ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 134; *Фет. МВ*. Ч. 1. С. 227—228).

21 декабря 1858 (2 января 1859) или 28 декабря 1858 (9 января 1859) или 4 (16) января. **Воскресенье**. Посещает Кавелина и Безобразова по делу Крузе (см. ***Вторая половина декабря ст. ст. (после 12, т. е. 20 или 27 декабря) 1858 или 3 (15) января 1859***).

5 (17) января. **Понедельник**. Дата п. начальника III отделения кн. Долгорукова министру нар. просвещения Евг. П. Ковалевскому:

«До сведения государя императора дошло, что в пользу Крузе открыта подписка в Москве, С.-Петербурге, Казани и других городах, преимущественно университетских. Его величеству угодно, чтобы Ваше превосходительство сделали распоряжения о немедленном воспрещении подобной подписки по вверенному Вам ведомству» (*РГИА*. Ф. 772. Оп. 7. № 152087; см. также: *Барсуков*. Кн. 16. С. 405). См. ***Вторая половина декабря ст. ст. (после 12, т. е. 20 или 27 декабря) 1858 или 3 (15) января 1859***.

Начало января ст. ст. Получает 10 оттисков романа «Дворянское гнездо» (*Совр.* 1859. № 1. С. 5—160), раздает и рассылает их друзьям и знакомым, в том числе один — Фету и Аксаковым (см. ***7 (19) января***). Один из экземпляров дарит Анненкову, снабдив его надписью на первой странице: «Павлу Васильевичу Анненкову. На память двукратного чтения в очках во время моей безголосицы. От любящего его автора». Экземпляр (в переплете, заглавие вытиснено на корешке) содержит правку Т. на с. 31, 40, 51; хранится в Библиотеке ИРЛИ (см.: *ПД. Описание.* С. 46. № 410).

6 (18) января. **Вторник**. Никитенко записывает в дневнике: «По секрету получено в университете высочайшее повеление, чтобы не делать подписки на денежное вспомоществование отставленному московскому цензору Крузе» (*Никитенко.* Т. 2. С. 54). См. ***Вторая половина декабря ст. ст. (после 12, т. е. 20 или 27 декабря) 1858 или 3 (15) января 1859***.

7 (19) января. **Среда**. Посылает Фету в Москву журнальный оттиск «Дворянского гнезда» (см. ***1 (13) января***) с просьбой судить «строго и даже сурово», просит по прочтении передать оттиск Аксаковым вместе с прилагаемым п. к С. Т. Аксакову. Интересуется здоровьем Толстого, получившего рану во время охоты на медведя 21—22 декабря 1858 (об этой охоте см.: *Толстой.* Т. 60. С. 276—277; о ней Фет писал также Борисову ***4 (16) января***).

Посылает через Фета ответ на п. С. Т. Аксакова (неизв.), где выражает сожаление, что из-за болезни не смог посетить его во время пребывания в Москве (около 10 (22) ноября 1858). Посылает на «суд» С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых роман «Дворянское гнездо» (отд. оттиск) и рассчитывает на «откровенно и бесцеремонно высказанное мнение» о романе. Сообщает о своем намерении в апреле посетить Москву и погостить у Аксаковых (см. ***Между 20 марта (1 апреля) и 23 марта (4 апреля)***). Благодарит И. С. Аксакова

«за билет» на газ. «Парус». Делится впечатлением от прочтения передовой ст., в которой Аксаков, в частности, ратовал за гласность печати (1859. 3 янв. № 1): «Я прочел первую статью — и вложил в уста перст изумленья. Это удивительная вещь. Что-то будет?».

Из передовицы Аксакова в «Парусе»: «...эпоха, в которую мы живем, многознаменательная и великая по своим последствиям, с высоты исторического созерцания, — представляет <...> в ежедневной жизни много странных, противоречащих явлений, имеет такие стороны, которые подчас очень и очень невыгодны для отдельных лиц и частных случаев. <...> Сознается необходимость гласности и общественного мнения, сознается даже и отсталыми, но, привыкнув к долголетнему шепоту, эти несчастные — самою скромною речью, произносимою самым обыкновенным голосом, поражаются будто раскатами грома. <...> Особенно странный резонанс в Петербурге, и к законам петербургской акустики мы никак не могли приладиться. Лучшим для нас доказательством служат те ложные толкования, которым подверглось наше собственное объявление о “Парусе”. <...> Когда же, Боже мой, можно будет, согласно с требованием совести, не хитрить, не выдумывать иносказательных оборотов, а говорить свое мнение прямо и просто, во всеуслышание? Разве не довольно мы лгали? <...> Было такое время, когда ни воздуху, ни свету не давалось людям, когда жизнь притаилась и смолкла и в пустынном мраке пировала и величалась официальная ложь, одна — владыкою безмолвного простора! Но ведь это время прошло! Или мы еще не убедились, что постоянное лганье приводит общество к безнравственности, к бессилию и гибели? <...> Гласность лучше всякой полиции, составляющей обыкновенно ошибочные и бестолковые донесения, объяснит правительству и настоящее положение дел и его отношения к обществу, и в чем заключаются недостатки его распоряжений, и что предстоит ему совершить или исправить. — Горячо убежденные в пользе гласности, веруя в возможность преобразований путем мирным и разумным, мы постараемся излагать наши мнения в “Парусе” с полною откровенностью и подавать постоянно свой голос при разрешении всех современных общественных вопросов, разумеется всегда почтительный и скромный, но вполне независимый и свободный» (3 января. № 1. С. 1–2).

***8 (20) января*. Четверг**. Дата п. Кавелина к Чичерину из Петербурга с выражением протеста против его п. к Герцену, опубликованного последним в «Колоколе» вместе с ответом на него под названием «Обвинительный акт» (1858. 1 декабря. Л. 29. С. 236–239): «...Вы не имели никакого права так жестоко, с высоты величия, говорить с человеком, которого, кроме большого имени и положительных заслуг, ограждают от всяких оскорблений великие несчастия и стра-

дания», прибегать «к аргументам ложным, клеветам». По мнению Кавелина, Герцен хочет, «чтобы предстоящие реформы совершились у нас мирно и спокойно, без крови и жертв», а обвинения Чичерина, что Герцен «желает революции в России», на руку правительству: «Оно давно предполагало, что цель Герцена произвести революцию в России <...> что в обществе, при помощи “Колокола”, революционное направление растет и усиливается, и в этом его поддерживают наши литературные органы» (*Барсуков.* Кн. 15. С. 261—268). Письмо Кавелина получило широкое распространение и вызвало сочувствие Т. См. ***Январь — начало февраля ст. ст.*** и ***13 (25) февраля***.

Открытое п. Чичерина к Герцену (подпись: Ч.) было опубликовано Герценом в «Колоколе» (1858. 1 декабря. Л. 29. С. 236—239) под заголовком «Обвинительный акт» с собственным предисловием, в котором говорилось: «Я являюсь перед нашими читателями с *обвинительным актом* в руке. / На этот раз обвиняемый не Панин, не Закревский — обвиняемый *я сам*». Призывая читателей поддержать обвинения «значительного числа мыслящих людей в России» в том, что «вся деятельность моя, т. е. дело моей жизни — приносит *вред России*», или опровергнуть его, Герцен открыл дискуссию о правомерности существования вольной русской печати за границей и справедливости борьбы, которую он вел с царским правительством. В переданном «на суд общественного мнения» п. Чичерина говорилось, что деятельность Герцена в условиях, когда правительство не решается «прямо и явно вступить на новую дорогу», а народ «просит света, просит лекарства от наболевших ран», Герцен мог бы «спокойно и беспристрастно высказать правду всем и каждому, обличать злоупотребления, действовать на правительство, давать направление обществу». Признавая за Герценом «силу и власть» в русском государстве, заслуги в борьбе с злоупотреблениями, Чичерин обвиняет его в том, что в свободной русской печати слышится «не слово разума, а слово страсти»: в переломный момент, когда следует «путем закона перевести один гражданский порядок в другой», «нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокоивать раздражение умов, чтобы вернее достигнуть цели». «Вы открываете страницы своего журнала безумным воззваниям к дикой силе; вы сами, стоя на другом берегу, с спокойной и презрительной иронией указываете нам на палку и на топор, как на поэтические капризы, которым даже мешать неучтиво».

Никитенко записывает в дневнике: «В 29 № “Колокола” прочитал письмо к Герцену, приписываемое Чичерину, в котором Герцена упрекают от имени всех мыслящих людей в России за резкий тон и радикализм. Это, конечно, отчасти справедливо, и Герцен вредит этим своему влиянию на общество и на правительство. Но возражение, ему сделанное, кажется, еще вреднее. Оно как бы оправдывает крутые меры и вызывает их» (*Никитенко.* Т. 2. С. 54).

***9 (21) января*. Пятница**. Э. Ф. Тютчева читает больному Тютчеву «Дворянское гнездо» (запись в дневнике М. Ф. Тютчевой: «Обедали Дарья, Щебальский и Дяденька, после обеда мамá громко читала “Дворянское гнездо” <...>» (см.: *Тютчев. Летопись.* Кн. 2. С. 310).

10 (22) января*. Суббота**. В ответ на неизв. п. Фета приглашает его погостить к себе в Петербург (см. ***После 22 января (3 февраля)); на сообщение (ошибочное) о приезде в Петербург Толстого замечает: «здесь он никому не показался — должно быть, в Бологове опять схватился с медведем» (Л. Н. и Н. Н. Толстые действительно 4 (16) января отправились на медвежью охоту). Интересуется, получил ли Фет оттиск с романом «Дворянское гнездо» для Аксаковых, который был отослан им ***7 (19) января***.

Выходит № 2 газ. «Парус», где в отделе «Критика и библиография» П. А. Кулиш, рецензируя сборник поэта Крутоярченко (Л. Блюммера) «Хохлацьки спивки» (СПб., 1858), начинает с выпада против Т.: «Можно было бы подумать, что это — произведение не малороссиянина, а одного из тех людей, которые говорят, что хохол заплачет от всякой чепухи, и вводят в свои повести образчики трогательных стихотворений, вроде следующего: Седее козачына Наливайко на кургане, / Грае, грае воропае, / Гоп! гоп!», давая прямую отсылку: «См. повесть г. Тургенева “Рудин”» (С. 31).

12 (24) января*. Понедельник**. Дата ценз. разрешения № 1 *БдЧ* (цензор Бекетов); в нем — комедия Островского «Воспитанница» (Отд. 1. С. 1—50); ст-ние Фета «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга...») (Отд. 1. С. 51—52); рассказ Толстого «Три смерти» (см. ***16 (28) января), ст. Т. «Обед в Обществе английского литературного фонда (Письмо к автору статьи: “О литературном фонде”. “Библ<иотека> для чтен<ия>”. 1858)» (Отд. 2. С. 81—86; подпись: Ив. Тургенев; с датой: «С. Спасское. 30 октября 1858»), написанная по просьбе Дружинина в ответ на его ст. (*БдЧ.* 1857. № 11. Отд. 3. С. 1—28). См. ***10 (22) августа 1858, 25 августа (6 сентября) 1858***.

***13 (25) января*. Вторник**. Обед у Некрасова, на котором присутствуют Т., Гончаров, Анненков с целью уговорить цензора Мацкевича пропустить рассказ Салтыкова «Развеселое житье» (ценз. разрешение получено 15 (27) января; см.: *Некрасов.* Т. 14. Кн. 2. С. 120, 246).

***14* (*26*) *января*. Среда**. Выходит из печати № 1 *ОЗ*; в нем — первая часть романа Гончарова «Обломов».

***Первая половина января ст. ст.* (*до 16* (*28*) *января*)**. Бывает в доме Штакеншнейдеров.

М. Ф. Штакеншнейдер в п. к Майкову от 16 (28) января сообщает: «В нашем обществе появилось несколько новых лиц, как то: Шевченко, Тургенев, Ап. Григорьев и несметное количество студентов» (*Жур П.* Труды и дни Кобзаря. Люберцы, 1996. С. 419).

***16* (*28*) *января 1859*. Пятница**. В п. к дочери (по-франц.) просит прощения за пропущенные три п. без ответа (неизв.), выражает огорчение из-за ее ухудшившихся отношений с П. Виардо, просит передать Н. И. и Кларе Тургеневым благодарность за заботу о ней, прилагает п. к кн. Трубецкому (неизв.). Обещает выслать через Штиглица деньги для Л. Виардо на расходы, связанные с дочерью.

Отвечает по пунктам на полученное п. Фета (неизв.) с отредактированным по замечаниям Т. переводом ст-ния А. Шенье «Лида» (см. ***27 декабря 1858* (*8 января 1859*)**, где не отмечено, о каком ст-нии идет речь), а также новым переводом из Шенье «Супруг надменный коз...» (оба предназначены для *БдЧ*). Оценивает перевод обоих как неудовлетворительный; упрекает Фета в пристрастии к латинизированному синтаксису и инверсиям, подтрунивает над склонностью к сентиментальным выражениям в духе Ю. А. Нелединского-Мелецкого и к канцеляризмам в духе С. А. Медведева; сообщает новые критические замечания, учтенные Фетом при публикации (*БдЧ*. 1859. № 9. С. 54; № 10. С. 1—3). См.: *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 631—633.

Сообщает об отсылке Фету Полонским и Ап. Григорьевым первой корректуры выполненного им и отредактированного Т. (см. ***Вторая половина июня — до 25 августа* (*6 сентября*) *1858***) перевода трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» (опубл.: *РСл.* 1859. № 2. С. 54—208). «Григорьев пьет без просыпу — а Полонский смотрит полевым цветком, неделю тому назад подрезанным сохою». Просит передать Толстому приглашение приехать «поскорей» в Петербург: «он бы нас всех вообще — а Дружинина в особенности бы порадовал» (см. ***10* (*22*) *марта***), а также просьбу прислать или привезти рассказ «Три смерти», предназначенный для № 1 *БдЧ* (см. ***11* (*23*) *февраля***). Передает поклон «обоим Толстым» и гр. М. Н. Толстой, спрашивает ее адрес.

Благодарит за присылку пуговок, выточенных Фетом: «...ношу их каждодневно». Передает привет М. П. Фет, Н. А. и И. П. Борисовым. Рекомендует «заставить» Островского прочесть свою новую комедию «Воспитанница» (опубл.: *БдЧ*. 1859. № 1): «прелесть!» (Островский читал пьесу у Фета еще 3 (15) января, о чем Фет известил Борисова; см.: *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 132). С иронией откликается на переданные в п. Фета слова Е. Ф. Корша «о превосходных качествах *нашего* поколения», сказанные по адресу той части сотрудников «Атенея», к которым относились сам Т., Анненков, Салтыков, Кетчер, Кавелин, в противовес «молодым» (Чичерин, Соловьев, Бабст, Тихонравов и др.): «А видно, он поручил издавать “*Атеней*” молодым». Интересуется содержанием ст. Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева», предназначенной для № 2 *РСл* за 1859 (см. ***25 февраля (9 марта)***). Как о вымученном и бесплодном произведении отзывается о ст-нии Ап. Григорьева «Venezia la bella. Дневник странствующего романтика» (опубл.: *Совр*. 1858. № 12).

Сообщает, что Полонский (редактировавший совместно с Григорьевым *РСл* в 1859) «на днях спрашивал меня о значении следующей фразы Григорьева: “Каждый человек в наше время разом переживает две формулы”. Я уверен, что Толстой будет уверять, что эта фраза совершенно ясна». Просит не сердиться за «преувеличенные ругательства»: «Никогда сильнее не любишь приятеля, как когда тычешь ему кулаком под ребра, стараясь притом заострить сгиб третьего пальца».

Данная «фраза» была взята Полонским из ст. Григорьева «Взгляд на историю России. Соч. С. Соловьева» (опубл.: *РСл*. 1859. № 1, в журнальной публикации эта фраза отсутствует) и явилась причиной размолвки между Полонским и Григорьевым. Впоследствии в черновом п. к Фету (ноябрь 1889) Полонский вспоминал об этой размолвке (*ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 767).

Предположительно присутствует на представлении оперы «Марта» Флотова в Большом театре, в котором пели Бозио (сопрано), Мерик-Лаблаш (контральто) и др. (п. к П. Виардо от ***1 (13) февраля***).

В *Сев Пчеле* выходит объявление об издании журнала «Подснежник» в 1859, к которому предполагается в виде подарка для подписавшихся до 1 (13) мая «Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей», куда включен среди прочего «Бежин луг» Т. (№ 12. С. 48).

19 (31) января*.** **Понедельник.** Дата второго ценз. разрешения № 1 *Совр*; в нем — роман Т. «Дворянское гнездо». См. ***1 (13) января и ***24 января (5 февраля)***.

Около 20 января (1 февраля). П. Виардо отправляется на гастроли в Англию на три месяца, на протяжении которых дала около 50 концертов в разных городах. См.: *Розанов.* С. 112—113; указатель мест пребывания и концертов: *Stier M.* Pauline Viardot-Garcia in Großbritannien und Irland. Hildesheim; Zürich; New York, 2012. S. 363—369.

21 января (2 февраля). **Среда.** На IV заседании возобновившего свою деятельность после 30-летнего перерыва Общества любителей российской словесности при Московском ун-те, по предложению К. С. Аксакова, Т. избирается одновременно с Л. Толстым и Крузе его действительным членом. Председатель: Хомяков, присутствовали: Снегирев, С. А. Маслов, Погодин, Шевырев, Н. Ф. Павлов, Максимович, Вельтман, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Бессонов, Гиляров-Платонов, Катков, Лонгинов, Ф. Б. Миллер, Полторацкий, Соболевский, Сушков, В. М. Ундольский (*МВед.* 1859. 7 февраля. № 33. С. 245—246; *Словарь членов ОЛРС.* С. 290).

По другим данным, Т. был выбран по предложению Лонгинова (см.: Иван Тургенев и Общество любителей российской словесности. М., 2009. С. 159).

22 января (3 февраля). **Четверг.** В *МВед* выходит объявление об издании в Москве с февраля 1859 еженедельной политической и литературной газ. *МВест* (ред. Воронцов-Вельяминов). Среди будущих участников, помимо Т., заявлены: Боткин, Основский, Островский, Павлов, Плещеев, Потехин, Салтыков, Селиванов, Толстой, Фет, Чернышевский, Щербина и др. Среди приобретенных редакцией статей названа ст. Т. «Несколько мыслей о современном значении и призвании русского дворянства» (не заверш., не опубл.; автограф в *BN*; набросок см.: *Соч.* Т. 11. С. 282—285) (№ 19. С. 144; см. также: *РВ.* 1859. № 1. Кн. 2. Отд. «Современная летопись». С. 190).

После 22 января (3 февраля). В Петербург из Москвы приезжает Фет.

23 января (4 февраля). **Пятница.** В Петербург из Немирова (через Москву) приезжает М. А. Маркович (Марко Вовчок) вместе с мужем А. В. Марковичем и сыном Богданом.

29 января (10 февраля) М. Г. Карташевская сообщала В. С. Аксаковой: «Малороссийская колония в восхищении от Марка Вовчка, настоящее entichement (увлечение — *франц.*), даже от Вовченка» (цит. по: *Марко Вовчок. Твори.* С. 86).

В *СПбВед* выходит объявление о подписке на *Совр* («журнал литературный и (с 1859 года) политический») на 1859, где среди прочего анонсируется выход романа Т. «Дворянское гнездо» (№ 18. С. 72).

***24 января (5 февраля)*. Суббота**. Выходит в свет № 1 *Совр*; в нем — роман Т. «Дворянское гнездо» (Отд. 1. С. 5—160).

По словам самого Т., «Дворянское гнездо» «имело самый большой успех, который когда-либо выпал мне на долю. Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимания критики» (*Соч.* Т. 9. С. 391).

Анненков вспоминал, что успех «Дворянского гнезда» был оглушительным: «Молодые писатели, начинающие свою карьеру, один за другим являлись к нему, приносили свои произведения и ждали его приговора, в чем он никогда не отказывал им, стараясь уразуметь их дарования и их наклонности; светские высокопоставленные особы и знаменитости всех родов искали свидания с ним и его знакомства. Особенно <...> он сделался любимцем прекрасного пола, упивавшегося чтением его романа. Женщины высших кругов петербургского общества открыли ему свои салоны, ввели его в свою среду, заставили отцов, мужей, братьев добиваться его приязни и его доверия. Он сделался *свой человек* между ними и каждый вечер облекался во фрак, надевал белый галстук и являлся на их рауты и “causeries” удивлять изящным французским языком, блестящим изложением мнений своих с применением к понятиям новых его слушательниц и слушателей, остроумными анекдотами и оригинальной и весьма красивой фигурой» (*Анненков* (*1983*). С. 416).

О первом чтении только что вышедшего романа вспоминала Н. А. Островская: «“Дворянское гнездо” читал вслух папаша. Слушали я, мамаша, тетушка, дядюшка Константин Николаевич (Татаринов. — *Ред.*), Петр Михайлович (Грибовский. — *Ред.*). Тетушка Аделаида Николаевна (Кашперова. — *Ред.*) раз как-то сказала, что Тургенева читаешь, как едят просвирку, чтобы ни одной крошки не пропадало. Я так и слушала, насторожив уши, впиваясь глазами в отца, чтобы не пропустить ни словечка, — и хорошо мне было, и так стремилась я в те минуты ко всему доброму, честному... / “Славная старушка, эта тетка”, — произнесла мамаша умиленным голосом. “Паншин — настоящий Т., — провозгласила тетушка. — Т. и пел так же подобные романсы, и даже пейзаж рисовал все один и тот же, с растрепанным деревом”. — “Однако, — сказал дя-

дюшка, — эта Лиза надоедница порядочная, со своими обеднями и молитвами". — "Нет, — возразил Петр Михайлович, — она не надоедница. Девушка она отличная — только сохрани бог такую полюбить. И убеждения у нее настоящие. Такую не переубедишь. Полюби такую — просто беда! Что может быть ужаснее, как нравственное разъединение с самым близким человеком" — "Вот он какой хороший! — думала я. Он может полюбить совсем, совсем как надо"» (*РГАЛИ*. Ф. 496. № 3. Л. 166—167; цит. по: «Воспоминания о Тургеневе» Н. А. Островской (неизвестные страницы) / Публ. В. А. Громова // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 194).

Предположительно присутствует в Большом театре на представлении оперы «Дон-Жуан» Моцарта «в пользу г-жи Лотти-Делла-Санта», в котором задействованы Лотти дела Санта (сопрано), Бозио (сопрано), Тамберлик (тенор), Эверарди (баритон) и др. (п. к П. Виардо от ***1* (*13*) *февраля***. Еще одно (добавочное) представление «Дон-Жуана» состоялось 28 января (9 февраля)).

Указом Александра II учрежден негласный Комитет по делам книгопечатания для неофициального надзора над литературой с целью «нравственного влияния» на прессу и использования ее «в видах правительственных». Членами Комитета назначены гр. А. В. Адлерберг, Тимашев и Н. А. Муханов. С 1 (13) марта в Комитет введен Никитенко в качестве директора-делопроизводителя (*Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904. Т. 2. С. 335).

***26 января* (*7 февраля*). Понедельник**. В п. к Протопоповой Ап. Григорьев, пытаясь объяснить свое обособленное положение в литературном мире, замечает: «С исключительно либералами не сойтись мне совсем, потому что я по натуре артист; с исключительно артистами же не схожусь я потому, что каждая жила моя бьется за свободу и ни одна не выносит тупого, спокойного индифферентизма политического и религиозного, к которому все артистические натуры (кроме одного Островского) чрезвычайно способны. <...> Тяжело стоять почти что одному, тяжело верить глубоко в правду своей мысли — и знать вместе с тем, что в *ходу, на очереди* стоит не эта, а другая мысль, которой сочувствуешь только наполовину. Хорошо было Белинскому! В нем и в его эпохе не было этого ужасного раздвоения... А господа *олимпийские* друзья мои, т. е. Писемский, Тургенев, Фет, Анненков, даже Островский, кажется, мечтают, что мне так же легко будет бороться, как покойнику Виссариону Григорьевичу. Бороться в эпоху, когда, что ни человек — то партия, то новый оттенок мнения!!!» (*Григорьев. Письма*. С. 208).

27 января (***8 февраля***). **Вторник**. Предположительная дата п. Дружинина к Никитенко с просьбой ускорить составление устава Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, с тем чтобы, по подписании, Анненков отвез его в Москву для привлечения московских литераторов: «Сегодня утром заходил ко мне А. Д. Галахов и известил, что Анненков на этих днях едет в Москву и принимает на себя иметь совещание с московскими литераторами. Для этого ему необходимо иметь при себе хотя бы неполный проект постановления за подписью главных петербургских участников. Имея в виду это важное обстоятельство, мы решаемся посягнуть на дорогое время Ваше и покорнейше просить Вас об уведомлении, не найдете ли Вы возможным ускорить изготовление проекта, хотя бы в кратком виде. В случае, если занятия не позволяют Вам этого сделать на днях же, то не можем ли мы трое, собравшись в один из вечеров и не теряя времени, составить хотя бы очерк проекта для Анненкова и, переписав его в то же собрание, передать по принадлежности, к подписи?» (*ИРЛИ*. № 18519. Л. 9; цит. по: *Сажин В. Н.* Литературный фонд в годы революционной ситуации // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978. С. 143). См. ***2*** (***14***) ***февраля***.

29 января (***10 февраля***). **Четверг**. Видится с Некрасовым, который передает ему п. для Толстого (датированное тем же числом). В нем Некрасов пишет: «Тургенев мне сегодня сказал, что Вы окончили свой роман» (повесть «Семейное счастье»), предлагает напечатать его в *Совр* на любых условиях (*Некрасов*. Т. 14. Кн. 2. С. 121, 246). См. ***2*** (***14***) ***февраля***.

Дата ценз. разрешения кн. 1 журнала «Московское обозрение» (цензор П. И. Капнист); в нем — в отделе «Современная литература» анонимная рец. на немецкое отдельное издание «Записок охотника» (Berlin, 1858; первая часть в переводе Видерта, вторая — Больтца; впервые напечатаны в одном томе): «Aus dem Tagebuche eines Jäger's. Von Iwan Turghenew. Zweite Auflage (Ausgabe in einem Bande). Berlin, 1858» (С. 76—85).

Автор отмечает разительное отличие в подходе к переводу у Видерта и Больтца: «Органическое целое может сохраниться в каждом переводе отдельно; но, когда они взяты вместе, единство это непременно разрушается, во-первых потому, что каждый из двух переводчиков по-своему понимает нашего автора, а во-вторых потому, что они сами две совершенно розные личности. <...> Первый том старается передать дух

"Записок охотника", второй — слово; первый хочет поделиться с немецким читателем, не знающим по-русски, тем впечатлением, которое на самого переводчика произвел подлинник, второй, напротив, предполагает в читателях своих знание русского языка, или, по крайней мере, силится пересоздать немецкого читателя в соотечественника подлиннику» (С. 77). Далее следует резко критический разбор второй части перевода, выполненной А. Больтцем, который заканчивается выводом: «Непростительный поступок г. Больтца заключается, впрочем, не столько в том, что он взялся за дело, которое ему не по силам, сколько в том, что он выдал свой перевод за немецкий. Сверх того, г. Больтц поступил бы добросовестнее, если б вовсе не упомянул автора "Записок охотника" и назвал бы одного себя. <...> Если Жуковский своими отличными переводами с немецкого прославил более свое собственное имя, потому что он других имен не называл, то г. Больтц, выдавая собственные свои выдумки за откровения автора "Записок охотника", крайне унизил этим одно из лучших произведений русской литературы нашего времени» (С. 85).

Дата п. Салтыкова к Анненкову, при котором он прилагает п. для Т. (неизв.) и благодарит Анненкова за посредничество в развенчании слухов о будто бы возникших сомнениях Т. в нравственных качествах Салтыкова (см. ***2* (*14*) *января***). Сообщает, что еще не получил № 1 *Совр* и потому не читал роман Т. «Дворянское гнездо»: «Я нисколько не сомневаюсь, что это прелестная вещь, и заранее предвкушаю наслаждение» (*Щедрин.* Т. 18. Кн. 1. С. 208—209). См. ***3* (*15*) *февраля***.

30 января* (*11 февраля*). Пятница.** Присутствует (вместе с Фетом) в Александринском театре на представлении в бенефис Мартынова пьесы Чернышева «Не в деньгах счастье»; в главной роли купца Боярышникова — Мартынов; видится с Мартыновым в его ложе (см. п. к П. Виардо от ***1* (*13*) *февраля, Толстому от ***2* (*14*) *февраля***, Боткину от ***10* (*22*) *февраля***).

«...г. Мартынов еще раз доказал нам, в свой бенефис, что обладает не только огромным талантом, но и гениальностью; он создал большую, глубоко-драматическую роль с таким удивительным совершенством, что она одна могла бы составить славу актера, если б этого актера не звали Мартыновым и если б он давно уже не служил лучшим украшением русской сцены. Игра его в новом для его таланта роде напомнила нам исполнение превосходным трагиком Ольдриджем комической роли негра в водевиле "Висячий замо́к". И Ольдридж и Мартынов вышли на время из обычной своей сферы, не перестав быть великими ак-

терами: такова сила и могущество гениального таланта, что ему доступны самые разнообразные проявления человеческого духа, что он, не ограничиваясь односторонним изображением той или другой личности, в состоянии изобразить перед нами человека со всем разнообразием его чувств и страстей» (*СПбВед.* 1859. 8 февраля. № 31. С. 124). В пьесе были заняты также Самойлов, Линская, Бурдин, Снеткова 3-я.

По воспоминаниям современников, после представления «толпа любителей ворвалась к Мартынову на сцену и при этом И. С. Тургенев, обнимая его, сказал: "что́ вы сегодня со мной сделали?"» (Искусства. 1860. № 3 (Октябрь). Кн. 2. С. 10).

Гончаров в п. к Боткину сообщает об успехе романа «Дворянское гнездо»: «Тургеневская повесть делает фурор, начиная от дворцов до чиновничьих углов включительно». Сообщает об обеде у Т.: «Сегодня мы обедали у Тургенева и наелись ужасно по обыкновению. Вспоминали Вас и бранили, что Вы не здесь. Он все по княгиням да по графиням, то есть Тургенев: если не побывает в один вечер в трех домах, то печален» (*Гончаров. Письма.* С. 305).

31 января (12 февраля)*. Суббота.** Предположительно присутствует на представлении оперы «Отелло» Верди в Большом театре в пользу Тамберлика, в котором задействованы Бозио (сопрано), Тамберлик (тенор), Дебассини (баритон) (п. к П. Виардо от ***1 (13) февраля).

Январь ст. ст. Часто посещает Ламберт (п. к П. Виардо от ***1 (13) февраля***, Толстому от ***2 (14) февраля***; см. ***Между 14 (26) декабря и 30 декабря 1858 (11 января 1859)***), общается с гр. А. А. Толстой.

Знакомится с Неведомской (п. к П. Виардо от ***1 (13) февраля***).

Работает над ст. «Несколько мыслей о современном значении и призвании русского дворянства» (см. ***22 января (3 февраля)***).

Конец января ст. ст. Приступает к разработке замысла романа «Накануне» (первоначальное заглавие «Инсаров»).

Первый перечень «действующих лиц повести» был составлен Т., по предположению А. Мазона, еще в декабре 1857 — январе 1858; в это время произведение имело заглавие «Инсаров» (см.: Revue des études slaves. 1925. T. 5. № 3–4. P. 245–247; *Соч.* Т. 6. С. *428, 431*; *Т Сб* (*2*). С. 83–86).

«Он не позволил отуманить себя общественными похвалами (после выхода «Дворянского гнезда». — *Ред.*), а, напротив, под говор их взгляд

его на самого себя приобретал особенную трезвость и ясность. Едва напечатав “Дворянское гнездо”, он принялся за новое произведение, <...> повесть “Накануне”, которая была совершенной противоположностью с романом, имевшим такой колоссальный успех» (*Анненков* (*1983*). С. 416).

Встречается с Фетом, который читает ему свой перевод «Тимона Афинского» Шекспира (см. п. Фета к М. П. Фет от 31 января 1859: «Живу у любезных Щербатских. <...> “Тимона” читал Тургеневу, и он очень доволен» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 23. Л. 1; текст перевода неизв.) и рассказывает о новом романе Толстого (с которым неоднократно виделся в Москве) «Семейное счастье». См. ***11*** (***23***) ***февраля***.

1 (***13***) ***февраля***. **Воскресенье**. Утром у себя на квартире (ул. Конюшенная, № 34, дом Вебера) видится с Н. В. Ханыковым, который ошибочно сообщает ему, что в этот день в 1 час дня состоится собрание, связанное с выбором членов в Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). В связи с этим пишет записку Ег. П. Ковалевскому (ответ неизв.) с просьбой уточнить дату собрания. См. ***2*** (***14***) ***февраля***.

Дата п. к П. Виардо (отправлено в Париж), которая гастролирует в Англии: «Из газет я знаю, что вы пели в Лондоне — возможно, вы еще там <...> Расскажите мне, что у вас нового, умоляю вас; мне действительно слишком тягостно не знать, что вы делаете, как поживаете».

12 (24) и 15 (27) января П. Виардо выступала в Сент-Джеймс-холле в Лондоне (см.: Times. 1859. Jan. 1. P. 10). *СПбВед* сообщали 19 февраля (3 марта): «Единственное развлечение в общественной жизни Лондона — концерты г-жи Виардо в зале Saint-James’s-Hall. Между любителями разнеслись было тревожные слухи, что она утратила часть своего дивного голоса; но первые ноты пропетой ею арии Пачини из “Ниобы” успокоили и восхитили слушателей, доказав, что орган певицы не лишился прежнего своего блеска и свежести. В числе других нумеров она исполнила арию Бенедикта и Берио “Prendi, per me”, которая привела в совершенный восторг публику, и два испанские романса. Все это было проникнуто и согрето тем “священным огнем”, которым одарены немногие артисты, не говоря уже о художественной выработке голоса, о совершенстве методы. Журнал “Athenæum”, давая отчет о концерте, сказал, что Полина Виардо в настоящее время бесспорно первая из первых певиц в целой Европе» (№ 40. С. 163).

Сообщает, что часто выезжает, но «прилежно» посещает «лишь один дом — графини Ламберт»: «Она одарила меня своей друж-

бой — и вот почти все вечера я провожу у нее». В театре бывает «довольно редко»: «дают Верди или же Флотова — вы согласитесь, что все это мало привлекательно» (см. ***16*** (***28***) ***января***, ***31 января*** (***12 февраля***)). Пишет о представлении «Дон-Жуана» Моцарта: «исполнение было скверным, но и самое скверное исполнение не в состоянии погубить шедевр» (см. ***24 января*** (***5 февраля***)). С негодованием рассказывает «об одной *идее* (!)» директора имп. театров А. И. Сабурова: «в сцене на кладбище при каждом ответе статуи за кулисами зажигается *зеленый* бенгальский огонь (почему не *розовый*?), что придает всей сцене изысканный привкус балета или Воксхолла — и вызывает желание отходить палкой *изобретательного* директора, посмевшего таким образом покуситься на поэзию одного из самых великих театральных произведений». Делится впечатлениями от игры Мартынова в пьесе Чернышева «Не в деньгах счастье», которую видел ***30 января*** (***11 февраля***) на сцене Александринского театра: «...наш великий комик Мартынов (уверяю вас, что он достоин так именоваться) недавно с большим успехом попытался выступить в роли почти трагической; я не мог удержаться, чтобы не пойти расцеловать его в его ложе; это было поистине откровением» (см. также ***2*** (***14***) ***февраля***, ***10*** (***22***) ***февраля***). Сообщает о большом успехе «Дворянского гнезда», намеревается перевести роман вместе с Л. Виардо на франц. язык (не осуществ.) в Куртавнеле, где рассчитывает провести осень (см. ***6*** (***18***) ***июля***). Замечает, что «великий вопрос об освобождении крестьян все еще в пути», но «сам я принял меры — и уже сейчас могу сказать, что для меня и моих крестьян вопрос решен» (перевод на оброк). Сообщает о знакомстве с певицей Неведомской, племянницей А. Ф. Львова: «У нее сильно развитое музыкальное чувство, она вас обожает — но я не верю, что ее голос когда-нибудь обретет хоть какую-нибудь гибкость».

В *СПбВед* выходит объявление о выходе и раздаче подписчикам № 1 *Совр*, где в содержании значится «Дворянское гнездо». Среди авторов, чьи произведения будут помещены в следующих книжках, Т. не назван (№ 26. С. 105).

2 (***14***) ***февраля***. **Понедельник**. Посещает собрание, на котором 11 членов-учредителей — Ег. П. Ковалевский, Т., Анненков, Дудышкин, Чернышевский, Дружинин, Заблоцкий-Десятовский, Галахов, Никитенко, Кавелин и Краевский — подписали проект устава Литературного фонда (в качестве образца послужил устав имп. Географического общества; см.: *Сб Лит фонда* (*L*). С. 82). Тогда же учреди-

тели были намечены в качестве членов будущего Комитета Общества. См. ***9 (21) февраля***, ***7 (19) августа***, ***8 (20) ноября***.

«Проект устава <...>, составлявшийся и редижировавшийся девятью живущими в Петербурге литераторами, окончательно составлен ими и подписан <...> *2-го февраля*, день, который поэтому и будет считаться днем основания общества, если суждено ему будет осуществиться. <...> Первою, непосредственною целию этого возникающего учреждения будет вспомоществование вдовам и сиротам умерших литераторов и ученых и тех лиц педагогического сословия, которые ознаменовали свою деятельность каким-нибудь заслуживающим внимание сочинением. Сверх того, общество намерено оказывать пособие тем литераторам и ученым, которые болезнию или другими несчастиями лишены возможности трудиться и тем снискивать себе пропитание...» (*СПбВед.* 8 февраля. № 31. С. 123). См. ***9 (21) февраля***.

Дата п. к Толстому. Сожалеет, что Толстой не собирается в ближайшее время в Петербург, и вновь приглашает приехать «хоть на недельку» (см. ***10 (22) марта***). Надеется на скорейшее завершение его нового «романа» («Семейное счастье»), в связи с чем прилагает п. Некрасова к Толстому от ***29 января (10 февраля)***: «...Вы увидите, что он (Некрасов. — *Ред.*) намерен засыпать Вас золотом. Мне сказал какой-то москвич, что роман Ваш готов — и я ему повторил это» (опубл.: *РВ*. 1859. № 4. Кн. 1, 2). Просит написать Некрасову и «два слова» ему: «Не надобно давать переписке замолкнуть». Сообщает о возобновлении знакомства с гр. Алекс-рой Андр. Толстой: «...т. е. я и прежде был с нею знаком, но теперь я больше с нею сблизился — и полюбил ее» (см. ***11 (23) февраля***), и о частых встречах с гр. Ламберт, «которую я Вам не хвалю, зная, как вредно это действует на Вас — и как мало располагает Вас в пользу хвалимого». Делится петербургскими литературными новостями: «Дружинин, Анненков, Писемский — всё те же; Григорьев держится и пьет (увы!) особняком; Некрасова тоже мало видно; Галахов и Кавелин приблизились; впрочем, всё по-старому». Замечает по поводу образованного в 1859 гр. Кушелевым-Безбородко журнала *РСл* (ред. Полонский и Ап. Григорьев): «У Кушелева происходит какая-то трескучая и унылая чепуха; Полонский сидит на одной ветке с женою и поет себе в зоб, как снегирь». Делится впечатлениями от игры Мартынова в пьесе Чернышева «Не в деньгах счастье» (см. ***30 января (11 февраля)***). См. также ***1 (13) февраля***, ***10 (22) февраля***. Просит ответить (ответ неизв.).

3 (15) февраля. **Вторник**. Дата п. Салтыкова к Анненкову (очевидно, рассчитанного на прочтение Т.) с восторженным отзывом

о романе «Дворянское гнездо»: «Сейчас прочитал я “Дворянское гнездо” <...> и хотелось бы мне сказать Вам мое мнение об этой вещи. Но я решительно не могу. Да и вряд ли кто возьмется за это, кроме разве Ал. Вас. <Дружинина>, который своим сладостным пером сделает все возможное, чтобы разжидить светлую поэзию, разлитую в каждом звуке этого романа. Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Но ведь это будут только общие места, а это, именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом и, однако ж, все-таки пропадающее в пустом пространстве. Но чтоб и эти общие места прилично высказать, надобно самому быть поэтом и впадать в лиризм. Герои Тургенева не кончают своего дела: они исчезают в воздухе. Критику нельзя их уловить, потому что их нельзя держать в руках, как героев Писемского. Поэтому-то хоть о Тургеневе и много писали, но не прямо об нем, а лишь по поводу его. Можно написать много чепухи о лишнем человеке, как это и сделал Стерван Дудышкин (намек на ст. Дудышкина «Повести и рассказы И. С. Тургенева» (*ОЗ*. 1857. № 1. Отд. 2). — *Ред.*), можно коснуться русского человека на rendez-vous (намек на ст. Чернышевского (Атеней. 1858. № 18). — *Ред.*), но о самом Тургеневе писать невозможно. Сочинения его можно характеризовать его же словами, которыми он заключает свой роман: на них можно только указать и пройти мимо. Я давно не был так потрясен, но чем именно — не могу дать себе отчета. Думаю, что ни тем, ни другим, ни третьим, а общим строем романа». Вместе с тем заключает, что роман «едва ли может ставить Тургенева высоко как художника» («хотя Варвара Павловна есть прелестное создание и в художественном отношении, но она вместе с тем гадит общий строй романа»), поскольку «у нас на Руси художникам время еще не приспело» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 1. С. 212).

В № 26 *Сев Пчелы*, в разделе «Пчелка» («Газетные заметки. Мечтания старого педагога») выходит рец. на «Дворянское гнездо» Греча (подпись: Эрмион):

> «Долгом считаем обратить внимание всей читающей русской публики на новое прекрасное произведение нашей словесности, повесть <...> “Дворянское гнездо” <...>. Давно не случалось нам читать чего-либо подобного: и умно, и интересно, и верно, и умилительно! И как усладетельно и отрадно чтение такой повести после бесконечного ряда урод-

ливых, грязных рассказов из мира небывалого, порожденных расстроенным воображением, обличающих незнание людей и света, довершаемых уродливостью языка и слога! <...> все характеры лиц, выведенных в ней, и русских, и немногих иностранцев, сняты с натуры и выдержаны с начала до конца. В числе этих лиц нет великих героев добродетели, нет и великих злодеев. Все люди более или менее рассудительные, более или менее образованные, подчиненные слабостям, увлекаемые страстями, люди, каких мы видим ежедневно, но подмечаемые в своих помыслах, чувствах, делах и самой наружности только необыкновенною наблюдательностью истинного, зрелого таланта и глубоким знанием человеческого сердца. И как хорошо, верно, метко изображены женщины <...> Еще встречается в этой повести элемент, которого мы напрасно искали в ценнейших повестях и с грустью не находили — элемент религиозный, русский по превосходству. Прибавьте к этому прекрасный, чистый русский язык, обогащенный многими счастливыми выражениями и оборотами, плавный, приятный слог. <...> Благодаря почтенного автора за этот драгоценный подарок всей нашей публике, не можем не высказать желания, чтоб он поскорее напечатал свою повесть отдельно: мы переплетем ее изящно, поставим на первом месте между нынешними русскими книгами, и на одной полке с лучшими произведениями современной иностранной литературы» (С. 102).

Январь — начало февраля ст. ст. Вместе с Бабстом, Н. Н. Тютчевым, Галаховым, Анненковым, Масловым и А. И. Скребицким подписывает коллективное п. к Кавелину (написано рукой Бабста) с выражением «полного сочувствия» его п. от ***8 (20) января***, протестующему против «обвинительного» п. Чичерина. Послано Кавелиным Чичерину вместе со своим протестным п. См. ***13 (25) февраля***.

Салтыков 10 (22) февраля пишет Анненкову из Рязани по поводу «обвинительного акта» Чичерина: «Говорят <...> что Чичерин написал к некоему господину ругательное письмо и что некий господин напечатал это письмо с оговоркой, что очень, дескать, рад, что письмо это поможет Вам достичь профессуры... Правда ли это? Если правда, то Чичерин идею эту у Мельникова, нашего милого Павла Ивановича, украл. Сей последний давно уж сбирался писать, надеясь чрез это попасть в вице-директоры или, по крайней мере, в директоры Нижегородской ярмарки. Однако это довольно стыдно. Конечно, если очень на профессуру стоит, то отчего и не употребить изворотец... нет, воля ваша, стыдно!» (*Щедрин.* Т. 18. Кн. 1. С. 208—209).

Конец января ст. ст. — 4 (16) февраля. Т. и Фет встречаются с Тютчевым у него на квартире. В *Тютчев. Летопись* (Кн. 2) эта встреча не зафиксирована.

«Милый долбоносый Тургенев познакомил меня в Питере с Тютчевым, сказав наперед, что Ф<едор> Ива<нович> Тютчев — австрийский посланник при Баварском дворе, воспитанный аббатом Petitpas или в этом роде» (п. Фета к Борисову от ***9* (*21*) *февраля***: *ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 140).

Дружинин в п. к Толстому от ***10* (*22*) *февраля*** (см.) отмечает: «В краткий свой приезд сюда Фет несколько раз был истинно велик, и его проект о выколонии глаз всем итальянцам до сих пор вспоминается нами не без умиления» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 278. Очевидно, имеются в виду впечатления Фета об Италии во время его путешествия, отразившиеся в ст-ниях «Италия» («Италия! Ты сердцу солгала...»), «На развалинах цезарских палат» и др.).

Январь* (*после 24*) — *начало февраля ст. ст. Знакомится с Маркович (см. ***23 января* (*4 февраля*)**, ***10* (*22*) *февраля*** и ***15* (*27*) *февраля***), затем с Т. Г. Шевченко в студии Академии художеств, служившей тому местом жительства и работы.

По свидетельству Анненкова, Т. «искал знакомства с поэтом Шевченкой, высказывал искренние симпатии его прошлым страданиям и его таланту, но не разделял его увлечений. Над его привязанностью к Запорожью, казачьему удальству, к гайдаматчине он посмеивался не раз, в приятельском кружку» (*Анненков* (*1983*). С. 436).

Вспоминая об этой встрече в 1875 в очерке «<Воспоминания о Шевченке>», Т. писал: «Первое наше свидание произошло в Академии художеств, вскоре после его возвращения в Петербург, зимою, в студии одного живописца, у которого Тарас Григорьевич намеревался поселиться. Я приехал в Академию вместе с Марьей Александровной Маркович (Марко Вовчок), которая незадолго перед тем тоже переселилась в нашу северную столицу и служила украшением и средоточием небольшой группы малороссов, съютившейся тогда в Петербурге <...> В студии художника, куда мы прибыли с г-жою Маркович, уже находилась одна дама (тоже малороссиянка по происхождению), которая также желала увидеть Тараса Григорьевича, — г-жа Кар—ская (В. Я. Карташевская. — *Ред.*); в ее доме по вечерам часто собиралась та группа, о которой я говорил <...>. Мы прождали около часу. Наконец явился Тарас Григорьевич — и, разумеется, прежде чем кого-либо из нас, приветствовал г-жу Маркович: он уже встречался с нею, был искренно к ней привязан и высоко ценил ее талант» (*Соч.* Т. 11. С. 187).

Ср. другие датировки: конец января — начало февраля (Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка / Сост. М. М. Ткаченко. Київ, 1961. С. 242); начало февраля (*Соч.* Т. 11. С. 428; Письма М. А. Маркович (Марко Вовчок) <к И. С. Тургеневу> (1859—1864) / Публ. Н. Е. Крутиковой // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 254).

В. И. Дудко предлагает датировать знакомство временем после 2 (14), но до 7 (19) февраля на основании п. Т. к Толстому от ***2* (*14*) *февраля***, в котором Т., характеризуя «здешний литературный кружок», ничего не говорит о новых украинских знакомых (*Дудко В. И.* Т. Г. Шевченко и И. С. Тургенев: К истории отношений // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2 (27). С. 85).

Соглашается отредактировать и поставить свое имя как автора перевода на русский язык «Украинских народных рассказов» («Народні оповідання») М. Вовчок и написать к их отдельному изданию предисловие. См. ***9* (*21*) *февраля***, ***11* (*23*) *марта***, ***15* (*27*) *марта***, ***Март* (*до 26*) *ст. ст.***

По мнению Е. Брандиса (биографа Маркович), Т. не переводил, а только редактировал «Украинские народные рассказы»: «Тургенев исправил неудачные обороты, подобрал во многих случаях более точные эпитеты, заменил украинизмы близкими по смыслу русскими выражениями, значительно обогатил словарь, синтаксис и ритмический строй речи» (*Брандис Е.* Марко Вовчок. М., 1968. С. 103).

5* (*17*) *февраля. **Четверг**. Фет возвращается из Петербурга в Москву (см. п. Фета к Борисову от 6 (18) февраля: *ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 139).

Получено разрешение (подписано министром нар. просвещения Евг. П. Ковалевским) на второе отдельное издание «Записок охотника» (по докладу члена Главного управления цензуры Тройницкого, составленному на основании рапорта Гончарова). Издание разрешено при условии изъятия из рассказов «Контора» и «Чертопханов и Недопюскин» издания 1852 г. отдельных выражений и фраз (Дело о разрешении нового издания книги «Записки охотника» // *РГИА.* Ф. 772. Оп. 6. № 151190. Л. 23; *Mazon. Gontcharov.* С. 347—356). См. ***7* (*19*) *февраля***, ***25 февраля* (*9 марта*)**, ***Начало мая ст. ст.***

20 ноября* (*2 декабря*) *1858. Гончаров представил в С.-Петербургский цензурный комитет рапорт о необходимости снятия запрета на публикацию «Записок охотника»: «Эта книга обратила на себя некоторое внимание бывшего г-на министра народного просвещения тем, что в ней местами как бы выражалось желание улучшения быта крестьян, и второе издание ее до времени было приостановлено. Так как великое дело улучшения быта крестьян, по высочайшей воле, приводится ныне в исполнение, то и книга Тургенева не только потеряла всякое сомнительное значение, но она, скорее, может подтвердить необходимость принимаемых правительством мер» (*Гончаров.* Т. 10. С. 43). Записка Гончарова из С.-Петербургского цензурного комитета была направлена в Главное управление цензуры.

9 (21) декабря 1858. Тройницкий, широко используя докладную записку Гончарова, признал, что в «Записках охотника» «нигде не видно у автора желания восстановить одно сословие против другого; напротив того, произвол помещиков выставляется более как последствие прав, укоренившихся законом и обычаем; в словах же и разговорах крестьян редко слышится жалоба, а видна везде почти покорность своей судьбе и как бы проявляется убеждение, что рассказываемые ими случаи не поражают их своею странностью или несправедливостью и что все это должно быть так, а не иначе, по самому устройству нашего общества», и предлагал разрешить их новое издание (*Mazon. Gontcharov.* P. 352).

Февраль ст. ст. Дата ценз. разрешения № 2 *БдЧ*; в нем — в разделе «Литературная летопись» редакционная ст. «“Тысяча душ”, роман А. Ф. Писемского», в которой дана высокая оценка романа Т. «Дворянское гнездо»: «Начало нынешнего 1859 года может считаться весьма утешительной порою в нашей изящной литературе: беллетристическая атмосфера, сделавшаяся удушливою от наплыва дидактических и *обличительных* сочинений, внезапно посвежела и расчистилась от зловонных паров, накопившихся в ней отчасти чрез непозволительную ярость непризванных наставников, а еще более, вследствие терпимости чересчур снисходительной критики. Почти каждый из лучших наших писателей, при самом начале нового года, подарил читателям по одной истинно художественной вещи, и все эти разом явившиеся произведения дают результат, какого они, может быть, не произвели бы, явившись поодиночке. “Обломов” г. Гончарова, “Воспитанница” г. Островского, “Дворянское гнездо” г. Тургенева, бесспорно, принадлежат к разряду зрелейших трудов, когда-либо написанных их авторами. Перед каждым из сказанных трудов надолго померкнут рапсодии наставников и обличителей, не шутя начинавших глядеть на область искусств как на неприятельскую землю, ими завоеванную и укрепленную за ними общественным мнением. Благотворная реакция, кажется, совершена, и совершена дружно, последовательно, энергично» (С. 1).

Начало февраля ст. ст. У Шевченко знакомится с Карташевской. См. ***7 (19) февраля.***

Впоследствии Карташевская вспоминала: «С Тургеневым я случайно встретилась у Шевченка в его студии. Он слышал о наших малороссийских вечерах и просил позволения приехать» (см.: Из воспоминаний В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченке / Вступит. заметка, публ. и примеч. Н. Ш<угурова> // Киевская старина. 1900. Т. 68. Февраль. Отд. 2. С. 63).

7 (19) февраля*. Суббота**. Дата ценз. разрешения издания: Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. Издание второе (без перемен). Часть первая и вторая. СПб., 1859. Цензорами Бекетовым и Фрейгангом автору предложено внести в текст несколько изменений. См. ***5 (17) февраля*, *25 февраля (9 марта).

Дата п. Шевченко к Макарову, в котором он просит сообщить, «будет ли дома завтра вечером» Карташевская, намеревается в случае утвердительного ответа прийти к ней вместе с Т. и приглашает на встречу Макарова (*Шевченко Т.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 5. С. 432, где п. датировано 1860).

Датировка п. уточнена (с 1860 на 1859): *Дудко В. И.* Т. Г. Шевченко и И. С. Тургенев: К истории отношений // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2 (27). С. 83—86.

Ранее 8 (20) февраля. В Петербург из Берлина прибывает Лауб (см. п. к Боткину от ***10 (22) февраля***).

«Знаменитый германский скрипач Лауб, о котором немецкие журналы отзываются с величайшим восторгом, прибыл уже в Петербург» (*СПбВед.* 8 февраля. № 31. С. 124).

***8 (20) февраля*. Воскресенье**. Предположительно присутствует на обеде бывших студентов Петербургского ун-та (всего около 60 человек, в доме Тимофеева), где Никитенко произносит тост: «Я в ответ предложил тост в честь Тургенева и притом сказал: “Господа! Судьба раскидала нас по разным поприщам деятельности, но каждый из нас, где бы он ни был и каким бы путем ни шел, носит в сердце своем глубокую любовь к русской мысли и к русскому слову, следовательно, и к литературе. Выпьем же в честь одного из лучших строителей этой литературы — в честь Ивана Сергеевича Тургенева, который в своих произведениях так верен художественной красоте и национальному духу, что не знаешь, что он больше любит — искусство или Россию. По-моему, он любит их равно”» (*Никитенко.* Т. 2. С. 61).

Возможно, вместе с Шевченко и Макаровым посещает Карташевскую (см. ***7 (19) февраля***).

***9 (21) февраля*. Понедельник**. Утром пишет записку Ег. П. Ковалевскому с приглашением на «обед основателей Литературного фонда», который должен состояться на квартире Т. в 5 часов: «Все положили Вас непременно звать».

На квартире Т. в доме Вебера проходит обед «основателей Литературного фонда». Присутствовавшие — Ег. П. Ковалевский, Анненков, Дудышкин, Чернышевский, Дружинин, Заблоцкий, Галахов, Никитенко, Кавелин и Краевский — подписали проект Общества, а также просьбу министру нар. просвещения Евг. П. Ковалевскому о его утверждении, которую ему должен был представить Ег. П. Ковалевский. См. ***2* (*14*) *февраля*, *8* (*20*) *ноября***.

Никитенко записывает в дневнике: «Обед у Тургенева по случаю проекта о Фонде или Обществе для пособия бедным литераторам и их семействам. Как обыкновенно, все наши проекты общественные должны быть спрыснуты шампанским. Я мало верю в русские ассоциации, однако же я писал и проект устава Общества пособия, к которому первую мысль подал Дружинин, заимствовав ее в английских журналах <...>. Все мы сегодня подписали наш проект и просьбу на имя министра народного просвещения. Ковалевский, брат министра, взялся представить их ему». (*Никитенко.* Т. 2. С. 61—62). На обеде присутствовал также Забелин, приехавший из Москвы и записавший в своем дневнике: «Обедал у Тургенева по приглашению Анненкова. Обед был по случаю Литературного фонда, о котором они хотели подавать просьбу. Были на обеде Тургенев, Анненков, Галахов, Кавелин, Гончаров, Краевский, Егор Ковалевский, которого Галахов часто называл вашим превосходительством, Чернышевский, Дудышкин, Дружинин, Никитенко и я, 12-ый» (*Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки / Подгот. текста, предисл., коммент. Н. А. Каргаполовой. М., 2001. С. 40). Возможно, на обеде или позже у Т. был и Писемский, который в этот день отправил записку Анненкову: «Ваш обед, вероятно, совершится в квартире Тургенева, я этого и не спросил у Вас, а то, чтобы мне не продрать куда-нибудь в непоказанное место <...>» (*Писемский.* С. 129).

Дата ценз. разрешения книги: Украинские народные рассказы Марка Вовчка. *Перевод И. С. Тургенева.* СПб.: издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859 (цензор Палаузов), в которую вошли 11 произведений: «Козачка», «Чумак», «Одарка», «Сон», «Горпина», «Выкуп», «Свекровь», «Отец Андрей», «Максим Гримач», «Данило Гурч». См. ***11* (*23*) *марта*, *15* (*27*) *марта*, *Март* (*до 26*) *ст. ст***.

Фет сообщает Борисову о состоявшемся в Петербурге при посредстве Т. знакомстве с Тютчевым (см. ***Конец января ст. ст.* — *4* (*16*) *февраля***).

Ранее 10* (*22*) *февраля*.** Предположительно присутствует на частном концерте скрипача Лауба (см. ***10* (*22*) *февраля).

Об одном из подобных концертов, где Лауб исполнял «две пьесы в классическом роде» (И. Баха), сообщали *СПбВед*: «Что за удивитель-

ное, неподражаемое исполнение и какой громадный талант! <...> У этого артиста есть все, чтобы поражать и увлекать слушателей: механизм, развитый до крайних пределов виртуозности, широкий, могучий смычок и — что поражает каждого с первого раза — необыкновенная полнота звука» (1 марта. № 46. С. 192).

10* (*22*) *февраля*. Вторник**. Дата п. к Боткину в Москву. Приглашает его вместе с Л. Толстым в Петербург «на праздники» (см. ***11* (*23*) *февраля*, *Около 13* (*25*) *февраля). Рассказывает о новых знакомствах, среди них — «г-жа М. А. Маркович (писавшая малороссийские рассказы под именем Марка Вовчка), премилая женщина, которая так *выглядит* <...> как будто не ведает, какою рукою берется перо» (см. ***Январь* (*после 24*) *— начало февраля ст. ст.***), «целая колония малороссов и малороссиянок», где «все — кроме картавого тупоумца Кулиша — милейшие люди». Сообщает о приезде из Берлина скрипача Лауба («чрезвычайно замечательный») (см. ***3* (*15*) *марта***), о разрешении второго издания «Записок охотника» (см. ***5* (*17*), *7* (*19*) *февраля*, *25 февраля* (*9 марта*)**) и большом обеде «по этому поводу». Делится впечатлениями об игре Мартынова («невообразимо хорош») в пьесе Чернышева «Не в деньгах счастье» (см. ***30 января* (*11 февраля*)**). Сообщает о высылке «следуемых» Боткину денег, делится подробностями интимной жизни.

М. Н. Островский передает брату (А. Н. Островскому) привет от Т., Писемского, Дружинина, Анненкова и сообщает подробности о пребывании Т. в Петербурге (ГЦТМ им. Бахрушина. 86928; см.: *Островский. Летопись.* С. 92).

Плещеев пишет Достоевскому о Т.: «...это личность в высшей степени симпатическая, любящая. Он всех влечет к себе с первого разу; и вся эта ватага Прометеев, становящихся на ходули, начиная от гнилого оптимиста Дружинина до озлобленного Некрасова, — в подметки ему не годятся. Недаром один хохол (Шевченко. — *Ред.*) недавно выразился про Тургенева: племянник Иисуса Христа!» (Письма А. Н. Плещеева // Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1935. С. 443). Предположение о том, что автором высказывания был Шевченко, высказано впервые: *Дудко В. И.* Отзыв Т. Г. Шевченко о Тургеневе в изложении А. Н. Плещеева // *НИиМ* (*3*). С. 160—164.

Дружинин замечает в п. к Толстому: «По поводу “Дворянского гнезда” я теперь наблюдаю отзывы и вижу, что знатоки дела большей частью городят бесцветный вздор. Когда Тургенев читал ее в рукописи, наши друзья источали потоки меда, с важным видом строили замечания насчет отдельных фраз и пользы не принесли никакой. Не говорите этого никому из них, хотя, впрочем, я не скрываюсь и им это тогда же

высказал» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 278; см. ***28*** и ***29 декабря ст. ст. 1858***).

11 (***23***) ***февраля***. **Среда.** Отвечает на неизв. п. Толстого «с географическими рисунками и очень верными, хотя смутно выраженными мыслями», приглашает его вместе с Боткиным в Петербург (см. ***10*** (***22***) ***февраля***). Сообщает о впечатлении, произведенном рассказом «Три смерти», которые «здесь вообще понравились — но конец находят странным и даже не совсем понимают связь его с двумя предыдущими смертями, а те, которые понимают — недовольны». Интересуется романом «Семейное счастье», в котором «Вы, по выражению Фета, всё опять ломаете». Извещает о двух встречах с гр. А. А. Толстой, о возобновлении знакомства с которой писал ***2*** (***14***) ***февраля***: «Она очень хорошая и умная женщина: водиться с нею должно быть очень “здраво” для души; но в ней есть какая-то резкая оконченность убеждений, слов и движений даже, которая меня слегка смущает. Я тут нашел двух-трех женщин, которые мне больше по сердцу». Намеревается после приезда Толстого в Петербург отправиться с ним в Москву «на недельку» (см. ***20 марта*** (***1 апреля***)). Передает поклоны семье и М. Н. Толстой. По всей видимости, посылает п. через Боткина, который отправляет его только ***20 февраля*** (***4 марта***).

В Париже в газ. «L'Union quotidienne. France. Echo française» выходит рец. на второй сборник произведений Т. «Scènes de la vie russe» (Paris, 1858, в переводе Т. и Л. Виардо) Ано де Мезьера (de Maizières), где он сравнивает Т. со Стерном за сплав новизны и естественности; рекомендует пьесу «Нахлебник» (во франц. переводе «Le pain d'autrui» («Чужой хлеб»)) вниманию Дюма-сына (очевидно, для переделки для франц. сцены): «не встречал ничего более простого и в то же время более оригинального, чем стиль этого небольшого произведения».

12 (***24***) ***февраля***. **Четверг**. Дата ценз. разрешения № 1 *МВест* (цензор Драшусов); в нем — очерк Т. «Собственная господская контора». См. ***14*** (***26***) ***февраля***.

Между 10 (***22***) ***и 13*** (***25***) ***февраля***. Присутствует на чтении повести Маркович «Институтка» (см. ***15*** (***27***) ***февраля***). Возможно, тогда же соглашается перевести ее на русский язык с помощью подстрочника.

Около 13 (25) февраля. В Петербург из Москвы приезжает Боткин.

13 (25) февраля*. Пятница**. Дата п. Чичерина к Герцену, в котором он посылает п. Кавелина от ***8 (20) января и коллективное п. от ***Января – начала февраля ст. ст.*** Просит возвратить письма (Вольное слово. 1883. 22 мая. № 61–62. С. 7). Герцен вернул протест Кавелина, коллективное п. оставив у себя.

***14 (26) февраля*. Суббота**. В Москве выходит № 1 *МВест*; в нем — очерк Т. «Собственная господская контора» (С. 8–12), отрывок из романа «Два поколения» (не сохр.).

Получает п. от Павлова (неизв.), в котором тот извещает, что в связи с болезнью остается в деревне (Мценского уезда Орловской губернии), сообщает о еще одном отправленном ранее п. к Т. (утраченном) и просит выслать оттиск «Дворянского гнезда». См. ***15 (27) февраля***.

Выходит из печати № 2 *ОЗ* (ценз. разрешение 10 февраля); в нем — вторая часть романа Гончарова «Обломов».

Первая половина февраля ст. ст. Знакомится и общается с группой украинских литераторов, объединившихся впоследствии вокруг журнала «Основа», — Белозерским, Макаровым (брат Карташевской), а также Костомаровым, Кулишом, братьями Жемчужниковыми, о чем сообщает в п. к Боткину от ***10 (22) февраля***, Павлову от ***15 (27) февраля***: «Я здесь с недавних пор погрузился в малороссийскую жизнь. Познакомился с Шевченкой, с г-жею Маркович (она пишет под именем: Марко Вовчок) и со многими другими, большей частью весьма либеральными хохлами».

По предположению Т. П. Головановой, с Макаровым Т. мог познакомиться ранее 1859, так как они одновременно сотрудничали в *Совр* еще с начала 1850-х (в 1853–1854 Макаров вел один из отделов журнала). Кроме того, Макаров находился в родственных отношениях с Н. Н. Тютчевым, управляющим имением Т. в 1850-х (*Т Сб (5)*. С. 373).

Благодарит Каткова за бесплатный экземпляр *РВ* и просит высылать его далее не по петербургскому адресу, а на имя Н. Н. Тургенева в Мценск. Сообщает о прочтении ответа Громеки (*РВ*. 1859. № 1. Кн. 2. Отд. «Современная летопись». С. 108–112) на ст. Ржевусского «Армеец неармейцу» (Русский инвалид. 1858. 24 декабря. № 281), в которой тот протестовал против раскрытия в печати злоупотреб-

лений, существовавших в армии и описывавшихся в анонимной ст. (Военный сборник. 1858. № 7): «Успел я прочесть во 2-м № “Р<усского> в<естника>” ответ Громеки Ржевусскому — и прошу передать автору крепкое и сердечное спасибо». Интересуется работой негласного Комитета по делам книгопечатания (см. ***24 января*** (***5 февраля***)). Сообщает о том, что министру нар. просвещения Евг. П. Ковалевскому не удалось сделать своим «помощником» (товарищем министра) Кавелина: «...начальство (Александр II. — *Ред.*), как я предвидел, не одобрило этого выбора».

15 (***27***) ***февраля***. **Воскресенье**. Отвечает на п. Павлова (см. ***14*** (***26***) ***февраля***), выражает сочувствие в связи с «нездоровьем» (воспаление седалищного нерва) и надежду на то, что оно не помешает работе в *МВест*: «Я убежден, что только в литературной деятельности Вы найдете успокоение — то успокоение, которое всегда соприсутствует исполнению призвания <...>». Высоко отзывается о рассказе Павлова «Из записок деревенского врача. Клехатуха», с которым ознакомился до публикации (*МВест*. 1859. № 2, с посвящением Т., подпись: Л. Оптухин). Сообщает, что не может сразу выслать оттиск «Дворянского гнезда», так как «по глупости своей <...> выговорил себе только 10 экз. <...> и они давно разлетелись», обещает вскоре достать один экземпляр и интересуется мнением Павлова о романе. Жалуется, что подписка на *МВест* в Петербурге идет вяло: «Ждут первого номера <...>». Выражает опасения в связи с впечатлением, которое произведет помещенный в нем очерк «Собственная господская контора» (см. ***14*** (***26***) ***февраля***): «Глава из моего брошенного романа («Два поколения». — *Ред.*), боюсь, несколько устарела — по крайней мере мне самому так показалось».

Сожалеет о плачевном состоянии Каратеева. Рассказывает о погружении в «малороссийскую жизнь», знакомстве с Шевченко, Маркович («весьма замечательная, оригинальная и самородная натура (ей лет 25) <...>») и другими петербургскими украинцами (см. ***Первая половина февраля ст. ст.***), а также о состоявшемся «на днях» чтении «довольно большой повести» Маркович «Институтка», от которой «пришел в совершенный восторг: этакой свежести и силы еще, кажется, не было — и всё это растет само из земли как деревцо». Намеревается перевести повесть, «хотя и не скрываю от себя трудности этой задачи». Иронически пишет о первых действиях негласного Комитета по делам книгопечатания (см. ***24 января*** (***5 февраля***)), называя его «комитетом для направления литературы», который «разослал всем редакторские циркуляры, в которых,

между прочим, сказано, что они обязаны помещать у себя в журналах статьи, сообщаемые Комитетом. Должно надеяться, что под этими статьями будет стоять слово: “Сообщено”». Сообщает о том, что Комитет предлагал место правителя дел Гончарову (отказался) и К. А. Полевому. Заключает: «В ценсуре заметно возвращение к строгости».

Дата ценз. разрешения № 2 *Совр*; в нем — ст. Добролюбова о «Воспитаннице» Островского, где упомянуто «Дворянское гнездо»: «...нынешний год начался для нашей беллетристики таким блестящим образом, как немногие годы начинались... Мы не станем говорить о “Дворянском гнезде” г. Тургенева: высокое и чистое наслаждение, испытанное нами при чтении этой повести, давно уже, конечно, разделили с нами все читатели, и, без сомнения, все согласны, что одного такого произведения было бы уже достаточно для того, чтобы сделать очень замечательным литературное начало нынешнего года» (С. 284; см. также: *Добролюбов*. Т. 4. С. 212—213).

Дата ценз. разрешения № 5 (февраль) «Семейного круга»; в нем — в разделе «Смесь» восторженная рец. на «Дворянское гнездо» (С. 228—234; подпись: Як. У-н; дата: «1 февраля 1859 г.»).

> «Роман этот не просто “*хорошее произведение*”; это нечто особенно прекрасное, нечто такое, пред чем, по выражению Пушкина, “...остановишься невольно. / Благоговея богомольно / Перед святыней красоты!..”».

16 (28) февраля*. Понедельник**. Отвечает на неизв. «длинное», но «немного беспорядочное» п. дочери (Полины), сообщает, что намерен приложить п. на имя Клары Тургеневой (неизв.). Упрекает дочь в «некоторой ветрености», призывает больше времени уделять занятиям в пансионе («Танцы плохо вяжутся с орфографией, — у тебя же она еще немного хромает»), который она должна окончить в сентябре. Однако в этот день п. не отправляет. Возвращается к п. в Москве ***23 марта (4 апреля).

Обедает у Краевского, о чем Забелин оставляет запись в дневнике: «Обедал по приглашению еще в понедельник у Краевского, где были Тургенев, Галахов, Дудышкин, Кавелин, Гончаров, Баталин, Анненков. Галахов страшно срезал Тургенева, который разговаривал со мной о давешнем своем обещании издать мой “Быт” (Имеется в виду кн. «Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетии», которую Т. ранее предложил помочь издать Забелину. См. ***18 (30) мая 1853***. — *Ред.*). Галахов весьма резко и, может быть, кстати хватил, что он-де все врет и ничего не исполнит. Слышал ли Галахов в чем

дело — не знаю, но Тургенев сильно сконфузился. Обед был отличный и заметно было, что я был первым гостем. Краевский свое дело знает» (*Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки / Подгот. текста, придисл., коммент. Н. А. Каргаполовой. М., 2001. С. 42).

Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд) (см. ***2*** (***14***) ***февраля***) представлен министру нар. просвещения Евг. П. Ковалевскому вместе с прошением за подписями Анненкова, Дудышкина, Чернышевского, Заблоцкого-Десятовского, Ег. П. Ковалевского, Галахова, Никитенко, Кавелина, Краевского и Т.: «Нижеподписавшиеся, представляя при сем на благоусмотрение Ваше проект устава Общества <...>, составленный по примеру устава подобного общества, существующего для пособия вдовам и сиротам медиков, покорнейше просят ваше высокопревосходительство оказать высокое покровительство означенному учреждению, исходатайствовав оному Высочайшее утверждение» (*Сб Лит фонда* (*L*). С. 82. О дальнейшей истории утверждения Общества см.: Там же. С. 82—85).

17 февраля (***1 марта***). **Вторник**. Александр II утверждает предложение об учреждении Редакционных комиссий под председательством Ростовцева, в них вошли 16 членов от правительства, принадлежавших к девяти ведомствам, и 22 члена-эксперта. Открытие работы и первое заседание Редакционных комиссий состоялось 4 (16) марта.

18 февраля (***2 марта***). **Среда**. Объявление о выходе № 1 *МВест*, в котором упоминается очерк Т. «Собственная господская контора» (*МВед.* 1859. 18 февр. № 42. С. 320). См. ***14*** (***26***) ***февраля***.

Дата ценз. разрешения № 2 *МВест*; в нем — рассказ «Клехатуха. Из записок деревенского врача» Л. Оптухина (И. В. Павлова) с посвящением Т. Отзыв о нем Т. см. ***15*** (***27***) ***февраля***.

Предположительно пишет записку гр. Ламберт, сожалея, что не сможет присутствовать у нее ***19 февраля*** (***3 марта***) на детском представлении, так как получил приглашение от вел. кн. Елены Павловны «обедать у ней в 6 $^1/_2$ ч.».

19 февраля (***3 марта***). **Четверг**. Присутствует на обеде у вел. кн. Елены Павловны (см. п. Боткина к Толстому от ***20 февраля*** (***4 марта***)).

20 февраля (***4 марта***). **Пятница**. Боткин из Петербурга отправляет Толстому п. Т. от ***11*** (***23***) ***февраля***, посланное ему ранее в Москву, а также сообщает петербургские новости: «Тургенев находится в настоящую минуту в восторге от одной малороссийской писательницы, пишущей под именем Марка-Вовчка. Говорит, что такой поэтической натуры еще не встречал. Вчера был он приглашен на вечер Эллены Павловны. Вообще он, кажется, лев нынешнего сезона». Оценивая литературные новинки, отмечает: «В литературе нет ничего замечательного. По общим отзывам, роман Гончарова («Обломов». — *Ред.*) успехом не отличился; отдельные мнения сливаются в один общий тон: скучен. А явись роман этот десять лет назад, он показался бы превосходным. От эпической тишины и спокойствия публика теперь отвыкла и хочет *забирательных* ощущений. Общество, очевидно, выходит из обломовской неподвижности и тревожно осматривается вокруг себя» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 240).

22 февраля (***6 марта***). **Воскресенье**. Т. слушает Бозио в «Травиате».

Об этом последнем выступлении певицы в Петербурге перед отъездом в Москву и кончиной, последовавшей ***31 марта*** (***12 апреля***), *СПбВед* сообщали 1 (13) марта: «В воскресенье на масленице публика простилась с ней самым восторженным образом: вызвали ее неисчислимое количество раз. Она пела в этот вечер “Травиату”» (№ 46. С. 191). См. ***7*** (***19***) ***апреля*** (п. к Гончарову).

24 февраля (***8 марта***). **Вторник**. Герцен пишет сыну Александру о «самой интересной новости» — получении от Чичерина протеста группы русских литераторов (в том числе Т.) против «Обвинительного акта» (см. ***13*** (***25***) ***февраля***, ***Январь — начало февраля ст. ст.***): «Печатать, разумеется, этого нельзя, потому что компрометируешь (и говорить с русскими об этом надобно с осторожностью) тех, кто подписались. Но сам по себе это поступок до того энергический и резкий, что, помимо личного удовольствия, он нас очень обрадовал» (*Герцен.* Т. 26. С. 244).

25 февраля (***9 марта***). **Среда**. Выходит в свет № 2 *Совр*; в нем — рец. Добролюбова на пьесу Островского «Воспитанница», в которой упоминается о скором выходе отдельного издания «Записок охотника»: «Приготовляются к печати “Записки охотника” И. С. Тургенева, нового издания которых уже несколько лет с таким

нетерпением ожидала терпеливая русская публика. Эта новость уже не в предположениях только, а в действительности: мы видели, наконец, экземпляр “Записок охотника”, одобренный цензурою к новому изданию. Месяца через два книга эта появится в свет» (Отд. 2: Новые книги. С. 289). В начале рец. Добролюбов высоко оценивает «Дворянское гнездо». См. ***15 (27) февраля***, а также ***5 (17) февраля***, ***7 (19) февраля***, ***Начало мая ст. ст***.

Дата ценз. разрешения № 2 *РСл*; в нем — ст. Ап. Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина...», а также ст. Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева», в которой он открыто встает на сторону противников «утилитарного» искусства, утверждая право художника на свободу творчества и заявляя, в частности: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзостью в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры» (Отд. «Критика». С. 75, 76).

26 февраля (10 марта). **Четверг**. Заключен в Петропавловскую крепость редактор польской газ. «Słowo» Огрызко за помещение в № 15 от 21 февраля п. Лелевеля к Огрызко и к профессору Петербургского ун-та А. Чайковскому, а также редакционного замечания, содержавшего несколько теплых слов о Лелевеле, что заставило Т. обратиться с ходатайством к Александру II (см. ***5 (17) марта***, ***13 (25) марта***).

Никитенко записал в дневнике 27 февраля (11 марта): «Говорят, что редактор польской газеты Огрызко посажен в крепость. Что газета его запрещена, это справедливо. Но что самого редактора запретили, это мне только сегодня сообщил один из моих пятничных посетителей. Виновником этого называют Горчакова, наместника Царства Польского, который теперь здесь. Он напал на редактора за напечатанное в его газете письмо Лелевеля — письмо, одно по себе, может быть, и невинное, но преступное потому, что оно доказывает связь редактора с государственным преступником». В записи от 7 (19) марта Никитенко отметил: «Огрызко сделался предметом всеобщих толков. Заключение его в крепость и запрещение журнала вызвали в публике самое тяжелое впечатление. Говорят, государь согласился на эту меру только потому, что Горчаков (варшавский) объявил, что не поедет обратно в Варшаву, если Огрызко не будет посажен в крепость. / В совете министров за Огрызко сильно стояли Ковалевский, Ростовцев и князь Долгорукий» (*Никитенко*. Т. 2. С. 66—67, 69).

Одоевский записал в феврале в дневнике: «Говорят, что “Польское слово” запрещено, а издатель Огрызко посажен на месяц в крепость по

настоянию кн. Горчакова (наместника), который, говорят, в этом деле обойден польскими иезуитами, досадовавшими за слишком русское направление “Слова” и старания сблизить обе нации. <...> Говорят, что “Польское слово” запрещено за письмо Лелевеля, но что такое же письмо было пропущено в “Виленском сборнике” самим Горчаковым. — Все это происшествие производит сильное впечатление; везде об нем толки» (*Одоевский. Дневник.* С. 92).

О поднявшихся по поводу заключения Огрызко «криках неудовольствия в Петербурге и в Москве, а отчасти и в целой России» вспоминали впоследствии Н. В. Берг (см.: *РА*. 1870. Стб. 1857) и Анненков (*Анненков* (*1983*). С. 441).

Январь — февраль ст. ст. Т. фотографируется у Деньера в Петербурге (портрет впоследствии гравирован и помещен в «Альбоме фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России» (1865. № 5 (май)).

Февраль ст. ст. Шевченко несколько раз посещает Т.

«Он посетил меня несколько раз, но о своей изгнаннической жизни говорил мало; лишь по иным отрывочным словам и восклицаниям можно было понять, как солоно она пришлась ему и какие он перенес испытания и невзгоды. Он мне показал крошечную книжечку, переплетенную в простой дегтярный товар, в которую он заносил свои стихотворения и которую прятал в голенище сапога, так как ему запрещено было заниматься писанием; показал также свой дневник, веденный им на русском языке, что немало изумляло и даже несколько огорчало его соотчичей <...>» (*Соч.* Т. 11. С. 188).

«Во время своего пребывания в Петербурге он додумался до того, что не шутя стал носиться с мыслью создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное, а именно: поэму на таком языке, который был бы одинаково понятен русскому и малороссу; он даже принялся за эту поэму и читал мне ее начало» (Там же. С. 189). Очевидно, имелась в виду незавершенная поэма «Юродивый» или поэма «Мария»

Зима 1858/1859. В узком кругу знакомых в течение нескольких вечеров читает отрывки «из скомканной, неумелой, плохой рукописной повести» Каратеева «Московское семейство», удивляя слушателей «своим участием к произведению, не заслуживающему никакого внимания» (в дальнейшем предположительно послужило первоосновой «Накануне») (*Анненков* (*1983*). С. 417—418. Здесь же см. изложение сюжета повести Каратеева). Усиленно работает над планом новой повести («Накануне»).

2 (***14***) ***марта***. **Понедельник**. Посылает свою фотографию (Левицкого или Бергнера) А. И. Свечиной. С теплотой вспоминает о знакомстве с покойным А. П. Свечиным и его семейством, а также «о пребыванье» в их деревенском доме в Ситове (Тульская губерния) ***осенью 1853***, которое «всегда было сохранено в моей памяти как одно из самых приятных впечатлений всей моей прошедшей жизни». Выражает желание «свидеться».

3 (***15***) ***марта***. **Вторник**. Авдеев, Боткин, Погуляев, А. А. <?> Половцов и Д. В. Стасов, обедая в ресторане Вери (в доме Вебера), посылают Т. записку с предложением прийти к ним или пригласить их к себе в квартиру, располагавшуюся в том же доме. Т. отказывается, поскольку в этот день к нему приходят Маркович с мужем. Передает, по просьбе Краевского, всем участникам обеда в честь Мартынова (см. ***10*** (***22***) ***марта***), что на следующий день с 12 до 3 состоится съемка у Деньера для альбома (см. ***4*** (***16***) ***марта***).

Возможно, присутствует на первом концерте скрипача Лауба в Большом театре (см. ***10*** (***22***) ***февраля***).

4 (***16***) ***марта***. **Среда**. Т. вместе с другими литераторами фотографируется у Деньера для альбома, преподносимого Мартынову (см. ***10*** (***22***) ***марта***). Впоследствии с фотографии Борелем исполнена литография для издания Мюнстера «Портретная галерея русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей» (СПб., 1859). См. ***5*** (***17***) ***марта***, ***30 ноября*** (***12 декабря***).

Литографии Бореля и репродукции хранятся: *ИРЛИ*; *ГРМ* (литография В. Бахмана); воспроизведения см.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 8, фронтиспис; *ЛН.* Т. 76. С. 573 и др.

Посылает три первых номера *МВест* Панаеву и просит поместить о них заметку в «Записках Нового Поэта», «расхваливши в прах» (см. ***23 марта*** (***4 апреля***)).

5 (***17***) ***марта***. **Четверг**. Обращается с п. к Александру II, ходатайствуя об освобождении заключенного в крепости редактора польской газ. «Słowo» Огрызко за помещение в № 15 от 21 февраля п. Лелевеля (см. ***26 февраля*** (***10 марта***)). Сведений о реакции Александра II на п. Т. не сохранилось. Помимо Т., к императору обращались А. М. Жемчужников и др. литераторы. См. ***13*** (***25***) ***марта***.

По мнению Анненкова, «письмо, конечно, не имело никаких последствий для Тургенева и оставлено было без ответа. Тургенев рассказывал только потом, что, встретившись с государем на улице и поклонившись ему, он мог приметить строгое выражение на его лице, а в глазах прочесть как бы упрек: “Не мешайся в дело, которого не разумеешь”» (*Анненков* (*1983*). С. 441).

Герцен полагал, что своим п. Т. «спас» Огрызко. См. его п. к М. К. Рейхель от 8 (20) мая: «Вы знаете, что его спас И. Тургенев из тюрьмы, он писал к государю — каков?» (*Герцен*. Т. 26. С. 267).

Дата ценз. разрешения III тетради «Портретной галереи» Мюнстера (СПб., 1859), где помещены портреты Т., Гончарова, Писемского и Костомарова (см. ***4*** (***16***) ***марта***, ***30 ноября*** (***12 декабря***)).

6 (***18***) ***марта.*** **Пятница**. В Петербург прибывает Островский (*Островский. Летопись*. С. 92).

7 (***19***) ***марта.*** **Суббота**. Выходит № 10 «Северного цветка», где в фельетоне «Литературные заметки» приветствуется появление трех произведений «трех замечательнейших беллетристов» («Дворянское гнездо» Т., «Тысяча душ» Писемского и «Обломов» Гончарова), в которых «наконец-то художественный элемент заменяет собой дидактический», и дается высокая оценка романа Т. Отмечается выход № 1 *МВест*, в числе сотрудников назван Т. как один из «лучших наших литераторов» (вместе с Потехиным, Фетом, Л. Толстым и Салтыковым).

«И. С. Тургенев, имя которого в последнее время редко появлялось в литературе, обладает совершенно особенным талантом: возьмется ли он за тему из современной жизни — из его труда выйдет не сухой, дидактический рассказ, а художественная картина, согретая чувством, не лишенная творчества и поэзии, вспомните его “Записки охотника” <...>. Другой отличительный признак таланта г. Тургенева — это удивительное знание человеческой души, эта полнота характера, его обрисовка, в которой каждая черта, каждое слово у места. / Многие уверяют, что г. Тургенев не может создать большого романа в истинном значении этого слова, что в его произведениях всегда преобладает развитие одного характера, что герои всех его повестей — люди чрезвычайно похожие один на другого... / Не будем доказывать, насколько верны подобные мнения, а посоветуем этим многим прочесть: “Дворянское гнездо” <...> “Дворянское гнездо” названо романом, но нам кажется, что это скорее рассказ, художественный рассказ, великолепная картина гениального художника. Роман г. Тургенева, как заметил один почтенный знаток русской литературы, картина, изображающая светлую, чистую воду,

в которой ясно, всецело, полно отражаются личности романа. <...> всякий, хоть сколько-нибудь интересующийся русской литературою, *должен* прочесть его, и мы уверены, что всякий, как бы он ни смотрел на искусство и на литературу, к какой бы литературной партии ни принадлежал, скажет, по прочтении романа, сколько поэзии, чувства, мысли и со всем этим художественной простоты! / Новый роман Тургенева решительно не может найти порицателей» (С. 145—147, 150; подпись: М. Ф.).

9 (21) марта*. Понедельник**. Сообщает Мартынову о времени обеда в его честь (см. ***10 (22) марта), на котором его ждут с Чернышевым. Благодарит за ложу в Большом театре — по всей видимости, на вечерний концерт франц. пианиста австрийского происхождения Г. Герца в Большом театре. Просит еще одну на «середу», ***11 (23) марта***, вероятно чтобы присутствовать на концерте А. Г. Рубинштейна. Подписывает записку: «приятель Ваш Ив. Тургенев».

Высказано предположение, что Т. имел в виду ложу на концерт Вагнера, состоявшийся 8 (20) марта (*П.* Т. 4. С. *466*), однако оно представляется малоубедительным. В рецензиях отмечалось, что «самыми интересными концертами прошедшей недели были концерт г. Герца (9-го марта) и г. Рубинштейна (11-го марта), двух знаменитых представителей игры на фортепьяно — каждый своей эпохи. Судьба как бы нарочно поставила этих двух виртуозов рядом на концертной эстраде, чтобы мы могли сравнить, чем была фортепьянная игра за тридцать лет пред сим и чем сделалась она теперь» (*СПбВед.* 1859. 15 марта. № 58. С. 244).

Концерт Герца широко анонсировался, наравне с выступлениями Лауба, которыми также интересовался Т. 1 (13) марта *СПбВед* сообщали: «Знаменитый Герц тоже объявил свой концерт (в Большом театре, в понедельник 9-го марта). Г-н Герц в свое время пользовался колоссальною репутациею; целое поколение училось на фортепьяно по его пьесам; в тридцатых годах он уже был в полной славе. С тех пор он уступил виртуозность молодому поколению артистов; явились Лист, Шопен, Тальберг и целая фаланга новых знаменитостей, внесших новое направление в фортепьянную музыку, а равно и другие приемы. Герц уступил и направление, и виртуозность, и приемы, но славы своей не уступил, напротив <...>» (№ 46. С. 192).

***10 (22) марта*. Вторник**. В Петербург прибывает Толстой, останавливается у Т. (см.: *Толстой. Летопись.* С. 198).

Присутствует в ресторане Дюссо на прощальном обеде (начало в $4^{1}/_{2}$), организованном группой литераторов в честь Мартынова, тяжело заболевшего (обострившийся туберкулез) и вынужденного

выехать для лечения за границу. Организация чествования была поручена Т., Гончарову, Григоровичу и Дружинину. На обеде присутствовало около 40 человек, среди них — Боткин, Вейнберг, Гончаров, Григорович, Добролюбов, Дружинин, Некрасов, Никитенко, Островский, Писемский, Салтыков, Толстой, Чернышевский, Шевченко, М. А. Языков и др. Во время обеда Дружинин и Островский зачитали «*спичи* в прозе», а Некрасов произнес приветствие в стихах (*БдЧ.* 1859. № 4. Современная русская летопись. С. 56 (дата: 1 апреля 1859); там же опубл. речи Дружинина и Островского и ст-ние Некрасова «А. Е. Мартынову» («Со славою прошел ты полдороги...»)). По сообщению «присяжного фельетониста» (Вейнберга), «и проза, и стихи прерывались рукоплесканиями присутствовавших, а стихи были даже, по общему желанию, повторены автором. Тут же, на обеде, поднесен был Мартынову бархатный альбом с фотографическими портретами участвовавших на обеде литераторов; на переплете альбома было изображено золотыми буквами: "*Александру Евстафьевичу Мартынову, от почитателей его высокого дарования, 10-го марта 1859 г.*"» (Там же. С. 62). Т. и Салтыков увенчали актера лавровым венком, ленты которого поддерживали Гончаров и Толстой (*СПбВед.* 1859. 15 марта. № 58; Россия. 1901. 12 декабря. № 946).

Подписывает вместе со всеми присутствовавшими адрес Мартынову, составленный и прочитанный Дружининым:

> «Уже много лет, как мы все, здесь собравшиеся, чтители высокого дарования вашего, следим с живейшим сочувствием за вашей артистической деятельностью. Мы чтим в вас не только артиста, одаренного великим талантом, но мужественного бойца за честь русского искусства, так часто увлекаемого на ложную дорогу. Мы видели в вас художника с здравым и возвышенным направлением, художника русского по твердости, русского по неуклонному своему постоянству. В других странах Европы великие артисты имеют за себя богатую драматическую литературу, сотни ролей, исключительно для них написанных лучшими писателями, наконец публику, воспитанную на строгих идеях изящного. Вам судьба назначила действовать в другой сфере. Наша сценическая литература не богата, немногие из лучших писателей трудятся для театра. Наперекор всем невыгодным и подчас невыносимым условиям, вы честно делали свое дело и ни шагу не отступили перед трудностями, вас окружавшими. Может быть, самый этот гнет неблагоприятных обстоятельств был плодотворен для вашего гения, для того внутреннего огня, который вы навсегда сохранили в своем сердце. Русскому дарованию необходимы борьба и могучий труд; вся история нашего искусства служит подтверждением этой истине. / Примите же, наш высокоталантливый друг, выражение искреннего поздравления по поводу последних

заслуг ваших. Настоящий год будет памятен в летописях русского театра, благодаря ролям, истинно *созданным* вами на удивление всем поклонникам вашим. <...> По нашему искреннему и нелицемерному мнению, в ряду современных артистов вы стоите первым между первыми. И в Англии, и в Германии, и во Франции вы можете встретить достойного соперника, но не найдете ни одного победителя. / Берегите же себя для славы нашего родного театра. Храните свое здоровье и свой талант, как нашу общую драгоценность, и пусть судьба пошлет вам сладкие месяцы отдыха под чужим небом, после честного и славного труда, за который, в лице нашем, благодарят вас все чтители изящного в нашем отечестве» (*БдЧ.* 1859. № 4. С. 56—57; см. также: *СПбВед.* 1859. 15 марта. № 58. С. 243—244).

Никитенко записывает в дневнике: «Обед у Дюссо, данный литераторами в честь актера Мартынова. <...> Обед был весел и оживлен, но без криков, возгласов и всяких излишеств, какими обыкновенно отличаются наши триумфальные обеды. Все было искренно, просто и потому хорошо» (*Никитенко.* Т. 2. С. 70).

11 (23) марта Боткин писал об этом обеде своему брату Михаилу: «Всего было до 40 человек. Обед происходил с некоторой торжественностию, прочитан был адрес и за подписью всех передан Мартынову. Составление адреса было поручено Дружинину, и он отлично составил его; затем Островский сказал или увы! прочитал длинную и умную речь об отношении драматического писателя к актеру — затем Некрасов прочел небольшое, но весьма удачное стихотворение к Мартынову. Такой чести еще не было никакому актеру. Мартынов прослезился, терялся и чувствовал себя счастливейшим человеком: это можно было читать на его лице» (*Лит Мысль.* Вып. 2. С. 162).

Дата ценз. разрешения № 3 *БдЧ*; в нем — перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», выполненный Фетом и отредактированный Т. (Отд. 1. С. 2—94); в разделе «Современная русская летопись» помещена ст. без подписи «О выходе в свет “Портретной галереи”», в ней сообщается о выпуске в свет трех тетрадей художника-литографа Мюнстера под названием «Портретная галерея русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей» (СПб., 1859). Среди них портрет Т., выполненный гравером Борелем с фотографии Деньера, снятой ***4 (16) марта*** (см. ***30 ноября (12 декабря)***).

Дата п. Павлова к Основскому с отзывом о «Дворянском гнезде»: «Роман, несмотря на великолепнейшие подробности, в целом есть *фальшивый* аккорд. Доказательства мои просты, ясны, жестоки и неотразимы! Героиня *не* русская, *не* христианка и даже *не* девушка, а член “кружка” 40-х годов. Дикая неженственная псевдорелигиозность в ней сбоку припека <...> в сущности она одна из лживых, неестествен-

ных зандихиных героинь (т. е. героинь романов Жорж Санд. — *Ред.*). <...> Я так обожаю Ивана Сергеевича, что ошибка его приводит меня в совершенное отчаяние! После “Фауста” и “Аси”, в которых он достиг сионских вершин творчества, написать “гнездо” <...> Это ужасно!» (*РНБ.* Собр. рус. автографов. К. 19; см. также: *Письма Павлова.* С. 149).

11* (*23*) *марта*. Среда**. Предположительно присутствует на концерте А. Г. Рубинштейна в Большом театре в 8 ч. вечера. См. ***9* (*21*) *марта. В газ. *СПбВед* Рубинштейн был назван «непосредственным преемником Ф. Листа» и «виртуозом-поэтом», а его первые опыты как композитора «блистательными» (1859. 15 марта. № 58. С. 245).

Вечером сообщает Плетневу, что не сможет обедать у него в четверг, ***12* (*24*) *марта***, поскольку в этот день должен «вместе со многими приятелями обедать» у Безобразова (ранее уже переносил обед с пятницы на четверг, п. не сохр.). Обещает быть у Плетнева в субботу, ***14* (*26*) *марта***.

В *СПбВед* анонсируется выход «Украинских народных рассказов» Марко Вовчок в переводе Т. и с его предисловием. В объявлении о скором поступлении книги в магазин Кожанчикова в Петербурге указан ранний вариант заглавия «Малороссийские рассказы Марка Вовчка» (№ 54. С. 229). См. ***9* (*21*) *февраля***, ***15* (*27*) *марта***, ***Март* (*до 26*) *ст. ст.***, ***11* (*23*) *апреля***.

12* (*24*) *марта*. Четверг**. Отвечает на неизв. п. К. С. Аксакова и передает свое п. вместе с Основским, который уезжает в Москву. Разделяет негодование рец. Добролюбова (*Совр.* 1859. № 2. С. 237—249) на книгу С. Т. Аксакова «Разные сочинения» (М., 1858): «...я выразил им (редакции «Современника». — *Ред.*) мое негодование — и, скажу Вам между нами — строки моей в “Совр<еменник>е” уже больше не будет <...>» (последнее произведение Т. «Гамлет и Дон-Кихот вышло в № 1 «Современника» за 1860). Предложение К. С. Аксакова написать рец. считает «неудобным и бесполезным». С возмущением отзывается о запрещении журнала «Слово» и заключении в Петропавловскую крепость ее редактора Огрызко (см. ***26 февраля* (*10 марта*)**, ***5* (*17*) *марта): «Должно сказать, что общественное мнение выразилось весьма единодушно насчет этого дела; государь получил несколько писем — между прочим, одно от меня <...>». Предлагает прочесть его в копии, которую снял Основский и взял с собой в Москву (см. ***17* (*29*) *марта***). Планирует переговорить об этом лично во время встречи в Москве, куда намерен

прибыть 18 (20) марта и остаться до субботы, 21 марта (2 апреля), однако сроки пребывания Т. в Москве сдвинулись (см. ***20 марта*** (***1 апреля***) и ***23 марта*** (***4 апреля***)). Сообщает, что имеет известия об Аксаковых от В. Г. Карташевского.

Предположительно обедает у Безобразова. См. ***11*** (***23***) ***марта***.

Выходит № 52 «Revue de l'instruction publique en France et dans les pays étrangers»; в нем — в разделе «Bibliographie» рец. Клаво на сборник произведений Т. во франц. переводе «Scènes de la vie russe» в двух томах (1-й — в переводе Кс. Мармье, куда вошли «Два приятеля», «Яков Пасынков», «Муму», «Фауст», «Бретер», «Три портрета»; 2-й — Т. и Л. Виардо, куда вошли «Постоялый двор», «Затишье», «Нахлебник», «Переписка», «Поездка в Полесье», «Завтрак у предводителя»).

Критик отмечает, что подобные книги имеют двойной интерес: «с одной стороны, они рисуют нравы, с другой — все человечество; то или иное общество и общество в целом; человека определенной страны и человека вообще; частные, случайные, свойственные какой-то нации страсти и общие, вечные страсти человеческого сердца». Второе гораздо значительнее, поскольку подобные книги остаются «уникальными и неисчерпаемыми текстами, дающими возможность познать суть человека, к какой бы нации он ни принадлежал и в какую бы эпоху ни жил». Оба элемента присутствуют в книге Т., который «чрезвычайно тонко рисует нравы своих соотечественников, выхватывая важнейшие черты с мастерской силой, делающей честь более художнику, чем его моделям». Далее Клаво излагает свои тенденциозные взгляды на Россию и русских: «Русские — народ, более всего одаренный способностью натягивать на себя одежду, которую ему предлагают, овладевать ремеслом, которое ему вменяют в обязанность, перенимать чужестранные нравы и с колыбели утрачивать ту малую толику самобытности, которую в него вложила природа. Достойный одобрения за способность усваивать любой опыт, русский будет тем, кем захотите: солдатом, торговцем, рабочим, светским человеком и даже художником; но никогда человеком. Русский — это профессия, класс, тип, разновидность автомата, удивительно гибкого и сотворенного для того, чтобы приспосабливаться к любым требованиям законов, предрассудков и судьбы. Русский умелец — это русский умелец, не имеющий ничего общего с человечеством. Следует признать, и г. Тургенев это признает, что русского собственно не существует вообще. Полное отсутствие идеала, которого следует придерживаться и к которому следует направлять свои усилия с тем, чтобы стать чем-то, похожим на человеческое существо, сделало из него нечто вроде живой и двигающейся абстракции, особую разновидность, некую замечательную особь, характерной чертой которой является всякое отсутствие характера и которую можно *ad libitum* (по

желанию — *лат.*) поместить в любую категорию. Если какая резкая черта или, вернее, порок и делает его различимым, то это тщеславие. От мала до велика оно присуще всем русским. Это относится к мужчинам. Что касается женщин, то они остаются из апатии верны супругам, избранным согласно обычаю. Воодушевление полностью чуждо обоим полам. Русский не скомпрометирует себя ни в домашнем кругу, ни извне; француз считается экспансивным на улице, англичанин у домашнего очага; русский никогда, его природе чужд позыв или, скорее, в его механизме не хватает пружины. / Общество делится на три класса: старые русские, русские немцы и русские французы; последних более всего. Три этих языка, три различных моды в одежде, три типа привычек разделяют империю московитов». Объединяющим эти группы Клаво считает то, что все русские «принимают, понимают и поддерживают жесткую классовую иерархию; все равным образом испытывают власть феодалов, царящую в России; все обладают некой долей грубости, плохо скрываемой за внешней приветливостью и мягкостью». Заслугу Т. Клаво видит в том, что «он показал нам огромные беды, поражающие сегодня русское общество; утонченную продажность высшего общества, грубость и невежество низших классов; беззаконие судов» и т. д. «Впрочем, он делает это без излишней горечи, с некой предвзятой позиции безразличия, которую сам же показывает в своих соотечественниках. <...> Он рассказывает то, что видел, передает то, что наблюдал, не более; вы сами должны делать заключения. На всем протяжении книги вы догадываетесь, какова моральная оценка автора, но он ее никогда не выражает: философствование не дается г. Тургеневу, а если где-то и примешивается философия, надо уметь извлечь ее из речи рассказчика». Характеризуя манеру Т., критик называет ее «чисто исторической»: «Сюжеты его рассказов обычно далеки от сложности; и развитие их также не слишком затруднено. Чаще всего он довольствуется тем, что описывает историю того или иного персонажа, ограниченную двумя датами, одной в начале, другой в конце, и обозначенную мельчайшим событием: дуэлью, интрижкой, страстишкой, или даже какой-то странностью. Его рассказы — это эпизоды; герои — обыкновенные люди <...> Это жизнь, как она есть, жизнь, которая не имеет завязки, никогда не кончается, которая нанизывает удачи и несчастья <...> Кто из людей может сказать: здесь начался мой роман, а здесь он закончился. Жизнь сама есть роман, имеющий одну развязку, смерть <...>. Из этого пренебрежения к приготовлениям, отсутствия композиции и театральных эффектов не следует заключать, чтобы г. Тургенев не был художником. Но он художник бессознательный, как бы вопреки своей воле, вследствие естественного и непосредственного излияния изысканной чувствительности, которая переливается через край в виде проявлений страсти, в правдивых и захватывающих картинах, тем более захватывающих, что они не преднамеренны. <...> Тургенев никогда не рассуждает и не поучает. <...> Главным словом в его философии является отречение

и прощение». В заключение Клаво относит Тургенева к категории писателей-реалистов («сегодня это слово в ходу»): «Простотой своих рассказов, своим пренебрежением драматическими эффектами, захватывающей простотой диалогов он действительно принадлежит к этой школе, которая ставит прекрасное в зависимость от точного воспроизведения правды. <...> его новеллы более близки к древним поэмам, например к “Одиссее”, нежели к модным романам. Его реализм есть реализм литературы еще не полной, которая находится в стадии детства, но которая в него еще не впала. Правдивость у него наивна, а не утонченна; она не демонстрирует себя, она просто есть; он изображает природу как человек, который не мыслит ее исправлять, ни тем более уродовать; он наблюдает бессознательно, как первобытный философ, для которого всякое зрелище ново и неожиданно <...> Что несомненно, так это то, что он добивается поразительного результата. Если этим он обязан непосредственности своего таланта, следует признать его необыкновенным; если же к нему на помощь приходит искусство и вся патетика просчитана, то это следует признать чудом, поскольку для начала он слишком силен, умело скрывая свои средства и пряча свои приемы. Охотнее всего из французских писателей я бы сравнил его с г. Проспером Мериме, исключая приемы. В самом деле, у последнего больше ума, но, несомненно, меньше елейности, меньше наивной грации, меньше дикой свежести и в особенности меньше полноты охвата» (Р. 819—821).

***Февраль — до 12 (24) марта*. Четверг**. В записке к Ег. П. Ковалевскому приглашает его назавтра к себе обедать, чтобы обсудить его ст. (предположительно вторую часть «Путевых записок о славянских землях»; опубл.: *Рус Беседа*. 1859. № 5), которая «очень и очень хороша», но вместе с тем планирует высказать замечания — «у меня будут Анненков и Некрасов».

Датировку «Февраль — 20 марта ст. ст.» (*П*. Т. 4. С. 25) следует сузить, поскольку маловероятно, что Т. приглашал Ковалевского на встречу 19 марта (31 апреля). В ст. Ковалевского есть указание на то, что он обсуждал ее в период подготовки с друзьями-писателями: «...случалось мне рассказывать двум-трем приятелям некоторые события <...> Один из них так увлекся, что обещал включить их в какой-нибудь из своих рассказов, — тогда, я уверен, под его творческим пером восстанут эти живые образы...» (*Рус Беседа*. 1859. № 5. Смесь. С. 38).

По предположению Б. А. Вальской, среди «приятелей» Ковалевского, возможно, был и Т., что нашло отражение в гл. XXXIII «Накануне»: «Накануне» и «Путевые записки о славянских землях» Е. П. Ковалевского // *Т Сб* (*5*). С. 235—238.

13 (25) марта*. Пятница**. Освобожден Огрызко. См. ***5 (17) марта.

14 (26) марта Одоевский записывает в дневнике: «Говорят, что вследствие оффицияльных просьб редакции “Польского слова”, а равно писем Тургенева и других (?) государь велел передоложить дело. Честь и слава государю, но не его советникам!» (*Одоевский. Дневник.* С. 92).

В № 11 газ. «Русский мир» в разделе «Критическое обозрение» помещена ст. Гиероглифова о «Дворянском гнезде», в которой дана высокая оценка романа (С. 261—264; подпись: А. Г—фов): «Почва, на которой стоит современная наша литература, возрастила роскошный цветок, в котором есть и аромат, и яркость красок, и целебное свойство, — это роман социальный, политический и философский. К роду таких произведений принадлежит и последнее произведение г. Тургенева <...>» (С. 262).

«Лиза — прежде всего русская женщина, точно так же, как и все прочие женские лица романа г. Тургенева вовсе не представляют отдельных типов русских характеров, но все вместе рисуют нам общий облик русской женщины. В литературе нашей до сих пор не было еще столь полного и художественного изображения русской женщины, и в этом отношении произведение г. Тургенева занимает первое место между всеми произведениями предшествовавших нашему времени великих русских писателей. / Воспитание Лизы совершилось под одним исключительным влиянием русских начал, в ней нет ничего чужеземного, и ее симпатичная, нежная, возвышенная натура — есть светлая сторона русской жизни» (С. 263).

«Характер Лаврецкого более сложен, нежели все прочие характеры, выведенные в романе. / Природа дала Лаврецкому все, что нужно для того, чтобы быть человеком и гражданином; одним словом, он был — хорошее, здоровое зерно, ожидающее доброй почвы, чтобы вырасти и дать обильный плод. Но воспитание помешало этому <...> Художник-мыслитель дал нам в Лаврецком портрет современного человека не того сорта, к которому можно причислить современных купцов, спекуляторов и т. п., для которых жизнь очень простая вещь, — средство приобресть деньги и которым, посему, — море по колено; сорт людей, к какому принадлежит Лаврецкий, гораздо выше, и апатичность этих людей не может подлежать тому приговору, который, пожалуй, можно ждать в наш реальный век от людей рутины, смотрящих на все в мире с точки зрения минутного, житейского интереса. / Пусть мыслящий читатель решает сам, хорош ли современный человек, нарисованный в романе г. Тургенева; чего недостает этому человеку и отчего он таков» (Там же).

«В художественном отношении, точно так же, как и в отношении содержания, настоящее произведение г. Тургенева выше всех прочих его произведений; а по глубине мысли и психологического анализа, — едва ли есть что-нибудь подобное в нашей литературе. <...> Роман г. Турге-

нева обнимает не одно только настоящее время действия самого романа; но и предшествовавшую эпоху русской жизни, с начала девятнадцатого столетия. Литература наша того времени, отличавшаяся, как известно, романтическим направлением и потому пренебрегавшая действительностию, — не дала нам никакой нравственной характеристики о современной ей эпохе; почему этот отдел романа г. Тургенева имеет для нас не одно художественное, но и историческое значение» (С. 264).

«Меркантильная критика может задавать себе такие вопросы, наприм., почему произведение г. Тургенева <...> не наименовано ни повестью, ни романом (мы думаем, что из всех названий форм эпической поэзии самое приличное для произведения г. Тургенева — поэма) <...>» (Там же).

Между 11 (23) и 13 (25) марта. Вместе с Боткиным, Дружининым и др. присутствует на чтении Л. Толстым повести «Семейное счастье», которая признается слушателями «довольно неудачною» (см.: *Письма к Дружинину*. С. 57).

Чтение датируется на основании даты приезда Толстого в Петербург (***10 (22) марта***) и п. Боткина к брату Михаилу от ***11 (23) марта***, в котором он замечал: «Хотел было вчера уехать, — неожиданно приехал сюда Толстой — и удержал меня, но через два дня уеду непременно» (*Лит Мысль*. Вып. 2. С. 162).

14 (26) марта.* Суббота.** Предположительно обедает у Плетнева. См. ***11 (23) марта. Возможно, обед перенесен на ***16 (28) марта***.

15 (27) марта.* Воскресенье.** *СПбВед* анонсируют выход «Украинских народных рассказов» М. Вовчок: «Замечательный талант Марка Вовчка в самое короткое время приобрел огромную известность, быстро выдвинулся в нашей литературе на первый план, признан всеми без различия литературных партий; что касается переводчика — хвалить этот талант, значило бы повторять общие места. Мы скажем только, что перевод и предисловие И. С. Тургенева придают особый интерес этому изданию» (№ 58. С. 245). См. ***9 (21) февраля, ***11 (23) марта***, ***Март (до 26) ст. ст.***

***16 (28) марта.* Понедельник.** На квартире у Т. Анненков дает обед по случаю его отъезда.

Просит прощения у Плетнева, что не может приехать к нему, поскольку занят гостями; просит перенести встречу на ***20 марта***

(***1 апреля***): «...я для всех уезжаю в четверг, а для Вас в пятницу — и тихонько приеду к Вам в четверг со всеми принадлежностями».

Уведомляет Основского, что планирует выехать в Москву ***19*** (***31***) ***марта*** и прибыть туда 20 марта (1 апреля) (фактически выезжает ***20 марта*** (***1 апреля***)), просит удержать номер в гостинице у Мореля. Планирует быть у Каткова 21 марта (2 апреля) и 22 марта (3 апреля) выехать в Спасское (выезжает ***23 марта*** (***4 апреля***)).

17 (***29***) ***марта***. **Вторник**. Московский генерал-губернатор Закревский пишет А. Ф. Орлову: «Здесь (в Москве. — *Ред.*) ходит по рукам письмо Тургенева к государю по поводу ареста *Огрызки* и запрещения издававшегося им в Петербурге польского журнала <...> Говорят, что государю писали о том же Жемчужников и другие литераторы» (*Гол Мин*. 1913. № 8. С. 268). См. ***5*** (***17***) ***марта***.

Около 17 (***29***) ***марта***. Умирает сосед Т. по имению Каратеев («по небрежности родных и невнимательности доктора»), рукопись которого «Московское семейство» во многом послужила первоосновой замысла романа «Накануне» (см. ***Зима 1858/1859***). О смерти Каратеева Т. узнает по приезде в Спасское ***26 марта*** (***7 апреля***) и сообщает в п. к друзьям и знакомым: Ламберт, Павлову ***27 марта*** (***8 апреля***), П. Виардо, Карташевской ***31 марта*** (***12 апреля***).

18 (***30***) ***марта***. **Среда**. Сообщает владельцу типографии Вульфу, что все распоряжения по отдельному изданию «Записок охотника» поручил Щербине, просит в дальнейшем со всеми вопросами по изданию («насчет корректур, бумаги и вообще всяких сопряженных с печатанием дел») обращаться к нему. См. ***7*** (***19***) ***февраля***, ***Начало мая ст. ст.***

Дата ценз. разрешения книги: Весна. Литературный сборник на 1859 год. СПб., 1859; в ней — в разделе «Критика» рец. Ахшарумова «“Дворянское гнездо” И. С. Тургенева, Совр. Янв. 1859 г.» (С. 358—374).

В рец. дана высокая оценка образа Лизы, который «с самого начала же ярко делится от всего остального по своей поэтической красоте», но в конце и особенно в последней сцене «достигает почти до трагической высоты. Вот истинная причина, отчего легкий, простой и милый рассказ г-на Тургенева, несмотря на свои бесконечные эпизоды и на свой местами небрежно шутливый тон, приобретает в наших глазах серьезное значение. Лиза, ее характер, ее положение и судьба — все это резко

выходит из круга обыкновенных явлений нашей литературы и жизни, по своей тесной связи с трудным, но в высшей степени интересным вопросом о религии нашего общества и о социальном значении между нами людей, в характере которых преобладает религиозное направление» (С. 370). Делая ряд упреков по поводу сюжетного построения, наличию случайных эпизодов и чрезмерно подробных характеристик второстепенных персонажей, рецензент вместе с тем отмечает: «...есть одна черта, которая преобладает над всеми другими и сильнее всех других привлекает нас своей красотой — это лирический тон, лирическое настроение главных характеров в их отношении друг к другу и к жизни. Эта черта, или этот тон местами незаметно сливается со всем остальным, но местами делится и выходит наружу так ярко, с таким увлекательным, вдохновенным порывом, что мы забываем отсутствие метра и рифмы и видим перед собой уже не главы романа, а песни поэмы. Действительно, есть страницы в "Дворянском гнезде" г. Тургенева, которым недостает только музыкальной формы, чтобы занять свое место в ряду лучших песен, звучавших когда-нибудь на нашем родном языке» (С. 373).

Выходит из печати № 3 *ОЗ*; в нем — третья часть романа Гончарова «Обломов».

Между 11 (23) и 19 (31) марта. Вместе с Л. Толстым встречается с гр. А. А. Толстой.

Очевидно, после отъезда Толстого и Т. из Петербурга (см. ***20 марта (1 апреля)***) она шутливо замечает в п. к Толстому: «Когда-то у меня были против него (Тургенева) молочные зубы, которыми не укусишь и которые при первых благоприятных впечатлениях выпали сами собой без боли. Зато теперь против него мои зубы мудрости или, вернее, прозорливости; она подсказывает мне, что это именно он увез вас отсюда, несмотря ни на что» (цит. по: *Толстой*. Т. 60. С. 290).

19 (31) марта. **Четверг**. Предположительно посещает Плетнева. См. ***16 (28) марта***.

Предположительно вместе с Л. Толстым наносит визит А. Ф. Тютчевой.

Никитенко записывает в дневнике: «Тимашев прочитал безыменный донос о том, что в "С.-П<етербургских> ведомостях" напечатано извещение о приготовляющемся переводе малороссийских повестей Вовчка на русский язык и о намерении некоторых литераторов пустить их в продажу по самой дешевой цене. Доносчик *с патриотическою ревностию* указывает на страшный вред, долженствующий произойти от распространения в народе подобных вещей. Я объявил, что не понимаю ни этого предприятия, ни вреда от него: повести Марко Вовчка, по крайней

мере те, которые я читал в “Рус<ском> вестнике”, очень скучны и больше ничего. На это Муханов возразил: знаю ли я “Казачку”? “Нет”, — отвечал я. Он пересказал ее содержание. Выходит, что повесть эта действительно написана с целию как бы вооружить крестьян против помещиков, их притеснителей-владельцев. Она может, точно, произвести неблагоприятные впечатления. Странно, что подобные вещи печатаются теперь, когда дело идет об уничтожении злоупотреблений, против которых восстает автор “Казачки”. Это чистый анахронизм. Муханов хотел дать знать об этом министру народного просвещения. Странно также, что переводчиком повестей Вовчка в “С.-П<етербургских> ведомостях” объявлен Тургенев, не знающий вовсе малороссийского языка. Это должна быть какая-нибудь спекуляция» (*Никитенко.* Т. 2. С. 77). См. ***15 (27) марта***.

Ранее или 19 (31) марта. Подробно рассказывает Гончарову о предполагаемом содержании будущей повести («Накануне»), пытается развеять подозрения в заимствовании у него сюжетной линии.

В п., написанном под впечатлением от этого разговора и встречи при отъезде Т. ***20 марта (1 апреля)*** из Петербурга, Гончаров отмечал: «Лира и лира — вот Ваш инструмент. Поэтому я было обрадовался, когда вы сказали, что предметом задумываемого Вами произведения избираете *восторженную* девушку, но вспомнил, что Вы — ведь дипломат: не хотите ли обойти, или прикрыть этим эпитетом другой (нет ли тут еще *гнезда*, продолжения его, то есть одного сюжета, разложенного на две повести и приправленного болгаром; если я ошибаюсь, если это — не то, то мне придется поверить Вам в том, что Вы, по Вашим словам, может быть, *невольно*, а не сознательно *впечатлительны*, и я приму это как *данное*, не достававшее мне для решения одного важного вопроса насчет Вашего характера). Если это — действительно *восторженная*, то такой женщины ни описывать, ни драматизировать нельзя: ее надо спеть и сыграть теми звуками, какие только есть у Вас и ни у кого более. Я разумею восторженную, как fleuriste (цветочница — *франц.*) в “André” у Ж. Занд. Но такие женщины чисты; они едва касаются земли, любят не мужчину, а идеал, призрак, а Ваша убегает за любовником в Венецию (отчего не в Одессу? там ближе от Болгарии); да еще есть другая сестра: “Та — *так себе*”, — сказали вы... Тут и все, чтó вы мне сказали» (*Гончаров. Письма.* С. 309; *Гончаров и Т.* С. 31—32). См. ***20 марта (1 апреля)***, ***28 марта (9 апреля)***.

20 марта (1 апреля). **Пятница**. Выезжает из Петербурга в Москву вместе с Л. Толстым. Их провожают Анненков, Гончаров.

В п. от ***28 марта (9 апреля)*** Гончаров приводит слова Т., сказанные им при прощании на станции: «Садясь в вагон у Знаменья на станции

и прощаясь со мной, Вы мне сказали: “Надеюсь, теперь Вы убедились (по поводу нашего разговора накануне), что Вы не правы”, и потом прибавили Ваш обыкновенный refrain: “Спросите у NN: когда я говорил ему *о том-то* и *о том-то*”» (*Гончаров. Письма*. С. 305—306).

21 марта (2 апреля)*. Суббота.** Прибывает в Москву и останавливается у Боткина на Маросейке, в Петроверигском переулке. Предположительно видится с Катковым. См. ***16 (28) марта.

22 марта (3 апреля)*. Воскресенье.** *СПбВед* сообщают о выходе в свет пяти первых номеров *МВест*, в числе других литературных произведений названа «Собственная господская контора», а также о выходе III тетради «Портретной галереи» Мюнстера, где помещены портреты Т. (литография с фотографии Деньера), Гончарова, Писемского и Костомарова (№ 64. С. 274). См. ***14 (26) февраля, ***5 (17) марта***.

23 марта (4 апреля)*. Понедельник.** Завершает п. к дочери Полине, начатое ***16 (28) февраля. Сообщает, что покинул Петербург и «через час» едет в деревню, где намерен пробыть «около месяца», собирается прибыть в Париж 8 (20) мая. Обещанное п. к Кларе Тургеневой не посылает.

Выезжает из Москвы в Спасское.

В п. от ***5 (17) апреля*** Боткин сообщал Дружинину: «Тургенев пробыл в Москве два дня и спешил переехать Оку. <...> обещал быть здесь 20 апреля» (*Письма к Дружинину*. С. 57). Т. приехал в Москву ***21 апреля (3 мая)***.

Выходит № 3 *Совр*; в нем в «Заметках Нового поэта» Панаев одобрительно отзывается о трех первых номерах *МВест* и настоятельно рекомендует газету читателям (см. ***4 (16) марта***), здесь же сообщается, что в литературном отделе первых двух номеров уже помещено «несколько небольших, но замечательных произведений», в частности «превосходный отрывок из неизданного романа И. С. Тургенева: “Собственная господская контора”» (Отд. 3. С. 203). См. ***14 (26) февраля***.

Между 20 марта (1 апреля) и 23 марта (4 апреля). Видится в Москве с семейством Аксаковых, где застает смертельно больного С. Т. Аксакова. См. ***31 марта (12 апреля)*** (п. к Карташевской).

Предположительно видится с Фетом.

Между 23 марта (4 апреля) и 25 марта (6 апреля). По дороге из Москвы в Спасское видится в Туле с кн. Черкасским и в Ясной Поляне с гр. М. Н. Толстой. См. ***29 марта (10 апреля)*** (п. к Боткину).

У Черкасского в Туле Т. останавливался также годом ранее, в конце августа — начале сентября 1858 (не отмечено в *Летописи* (*1818—1858*)), когда присутствовал на съезде дворян Тульской губернии для избрания депутатов в Губернский комитет улучшения быта крестьян. По всей видимости, именно к этому пребыванию в Туле относятся воспоминания некоей Е. М. (Милютиной?), родственницы Т.: «Увидела я его опять <...> у князя Черкасского в Туле, в 59-м (Так! — *Ред.*) году, когда тульское дворянство съехалось для обсуждения вопроса об освобождении крестьян. У Черкасского собирался почти каждый вечер интимный и интеллигентный кружок людей, сочувствующих великому преобразованию. Иван Сергеевич, проездом из деревни, остановился на день у Черкасского, но заболел, слегка простудившись, и прожил у него недели две. Я нашла, что он по внешности очень переменился в свою пользу, лицо побледнело, черты удлинились и облагородились, длинные волосы, слегка волнистые, падали до плеч; глаза не имели ничего презрительного, в них просвечивал тонко улыбающийся ум. Иван Сергеевич был весел, разговорчив, прост. Он комично жаловался на тульских докторов. / — Помилуйте, — говорил он, — что это за доктора? Дают мне какую-то кисленькую микстуру, вот и все!.. / Он всегда с восторгом говорил о музыке и жалел, что у него нет голоса. / — Сейчас бы отдал свой талант писателя за посредственный голос; да, за самый маленький tenorino, не больше, и сколько женщин я бы очаровал, влюбил в себя, сколько супружеского счастья я бы расстроил, — говорил он смеясь. <...> В один из этих памятных вечеров он рассказывал фантастическую повесть “Собачки”, которая только через несколько лет после явилась в печати; он сам только что слышал ее на постоялом дворе от мещанина, с которым это случилось. Несколько лет спустя Тургенев жалел, что железные дороги совершенно изменили русский быт и что постоялые дворы потеряли свое общественное значение: они были прежде случайным сборным пунктом всех сословий, и Тургенев там почерпнул несколько сюжетов для своих “Записок охотника”» (цит. по: *Звенья*. Вып. 8. С. 262—263).

26 марта (7 апреля). **Четверг**. Приезжает в Спасское, где находит «всё в прежнем виде». См. ***27 марта (8 апреля)*** (п. к гр. Ламберт).

Март (до 26) ст. ст. Пишет предисловие «От переводчика» к русскому переводу «Украинских народных рассказов Марко Вовч-

ка» (СПб., 1859. С. I—II; подпись: И. Т.; дата: «Март»), в котором замечает: «...пишущий эти строки поставил себе задачей — соблюсти в своем переводе чистоту и правильность родного языка и в то же время сохранить по возможности ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацию, которою исполнены “Народные рассказы”» (*Соч.* Т. 10. С. 332). См. ***9 (21) февраля***, ***11 (23) марта***, ***15 (27) марта***.

Высылает Маркович предисловие в Петербург. См. ***29 марта (10 апреля)*** (п. от Маркович).

27 марта (8 апреля). **Пятница**. Пишет гр. Ламберт о прибытии накануне в Спасское и о смерти «почти единственного нашего соседа, очень милого и доброго молодого человека» (Каратеева) (см. ***Около 17 (29) марта***), а также своего бывшего дядьки, «старика лет 65», Павла Андреева (?): «Смерть уносит людей, не разбирая. Мы все у ней в долгу, — а должники не могут предписывать заимодавцу, с кого именно ему начинать...». Сообщает, что занят составлением «плана новой повести» («Накануне»): «...это работа довольно утомительная — тем более, что она никаких *видимых* следов не оставляет: лежишь себе на диване или ходишь по комнате — да переворачиваешь в голове какой-нибудь характер или положение <...> в нашем ремесле удовольствий довольно мало — да оно так и следует: все, даже артисты, даже богатые, должны жить в поте лица... а у кого лицо не потеет, тем хуже для него: у него сердце либо болит, либо засыхает». Часто вспоминает о вечерах, проведенных на Фурштатской у Ламберт: «Оказывается, что эти воспоминания — лучшее, что я вынес из петербургской жизни». Сообщает, что забыл передать 75 р., но просит распорядиться этими деньгами, рассчитывая вернуть их по возвращении в Петербург (очевидно, на нужды Николаевского сиротского приюта, попечительницей которого была Ламберт). Напоминает об обещании навестить его 23 апреля (5 мая) в Петербурге (не осуществ., см. ***21 апреля (3 мая)***). Собирается «на днях» в Орел, чтобы присутствовать на заседаниях Орловского губернского комитета для составления проекта улучшения быта помещичьих крестьян, образованного летом 1858 (затем долгое время откладывает поездку из-за отсутствия проезда, окончательно отказывается от нее ***12 (24) апреля***), но к 5 (17) апреля рассчитывает вернуться в Спасское, чтобы успеть поохотиться на вальдшнепов.

Сообщает Павлову о получении двух его п. (неизв.) и настойчиво приглашает приехать в Орел, где планирует остановиться в гостинице Иордан (напоминает, что в ней когда-то Павлов, будучи врачом,

оперировал Т. по поводу карбункула) и пробыть с 30 марта (11 апреля) до 5 (17) апреля (о том же в п. к Боткину от ***29 марта*** (***10 апреля***)). Поездка не состоялась. См. ***13*** (***25***) ***апреля*** (п. к Павлову).

28 марта (***9 апреля***). **Суббота**. Дата п. Гончарова к Т. по поводу «Дворянского гнезда» и задуманного Т. нового произведения («Накануне»), возвращается к теме своих бесед с Т. в Петербурге (см. ***Ранее или 19*** (***31***) ***марта***, ***20 марта*** (***1 апреля***)) и завуалированно обвиняет его в плагиате, усмотрев очередную попытку незаконного вторжения в давно известный ему замысел «Обрыва».

Дает свое видение характера дарования Т.: «...Вам дан нежный, верный рисунок и звуки, а Вы порываетесь строить огромные здания или цирки и хотите дать драму. Свое свободное, безгранично отведенное Вам пространство хотите Вы сами насильственно ограничить тесными рамками. Вам, как орлу, суждено нестись над горами, областями, городами, а Вы кружитесь над селом и хотите сосредоточиться над прудом, над невидимыми для Вас сверху внутренними чувствами, страстями семейной драмы. Хотите спокойно и глубоко повествовать о лице, о чувстве, которых по быстроте полета не успели разглядеть, изучить и окунуться сами в его грусть и радость. В этом непонимании своих свойств лежит вся, по моему мнению, ваша ошибка. Скажу очень смелую вещь: сколько Вы ни пишите еще повестей и драм, Вы не опередите Вашей “Илиады”, Ваших “Записок охотника”: там нет ошибок; там Вы просты, высоки, классичны, там лежат перлы Вашей музы: рисунки и звуки во всем их блистательном совершенстве!». Передает мнение «одного господина» («учителя») о «Дворянском гнезде»: «Этот господин был под обаянием впечатления и, между прочим, сказал, что, когда впечатление минует, в памяти остается мало; между лицами нет органической связи, многие из них лишние, не знаешь, зачем рассказывается история барыни (Варвары Павловны), потому что, очевидно, автора занимает не она, а картинки, силуэты, мелькающие очерки, исполненные жизни, а не сущность, не связь и не целость взятого круга жизни; но что гимн любви, сыгранный немцем, ночь в коляске и у кареты и ночная беседа двух приятелей — совершенство, и они-то придают весь интерес и держат под обаянием, но ведь они могли бы быть и не в такой большой рамке, а в очерке, и действовали бы живее, не охлаждая промежутками... Сообщаю Вам эту рецензию учителя (он — учитель) не потому, чтоб она была безусловная правда, а потому, что она хоть отчасти подтверждает мой взгляд на Ваши произведения. Летучие быстрые порывы, как известный лирический порыв Мицкевича, населяемые так же быстро мелькающими лицами, событиями отрывочными, недосказанными, недопетыми (как Лиза в “Гнезде”), лицами жалкими и скорбными звуками или

радостными кликами, — вот где Ваша непобедимая и неподражаемая сила. А чуть эта же Лиза начала шевелиться, обертываться всеми сторонами, она и побледнела. “Но Варвара Павловна, скажут, полный, законченный образ”. Да, пожалуй, но какой внешний! У каких писателей не встречается он! Вы простите, если напомню роман Paul de Kock “Le Cocu”, где такой же образ выведен, но еще трогательный: там он извлекает слезы. Вам, кажется, дано (по крайней мере так до сих пор было, а теперь, говорят, Вы вышли на *новую* дорогу) не оживлять фантазией действительную жизнь, а окрашивать фантазию действительною жизнию, по временам, местами, чтобы она была не слишком призрачна и прозрачна» (*Гончаров. Письма.* С. 307—309; *Гончаров и Т.* С. 31—32). См. ***7 (19) апреля.***

29 марта (10 апреля)*. Воскресенье.** В п. к Боткину сообщает о приезде в Спасское ***26 марта (7 апреля), упоминает о встрече по дороге в Туле с кн. Черкасским и в Ясной Поляне с гр. М. Н. Толстой. О последней замечает: «...очень она переменилась на мои глаза — да сверх того — je n’ai rien à lui dire (мне нечего ей сказать — *франц.*)», намекая на ее влюбленность. Намеревается на следующий день ехать в Орел, чтобы присутствовать на заседаниях Орловского губернского комитета: «...говорят, с особого разрешения губернатора позволяют присутствовать на заседаниях» (о том же ранее в п. к Ламберт и Павлову от ***27 марта (8 апреля)***. Поездка не состоялась). Планирует вернуться 5 (17) апреля в Спасское, чтобы поохотиться на вальдшнепов, к 20 апреля (2 мая) рассчитывает быть в Москве. Высылает 525 р. в счет долга (522 р. 35 к.).

Дата п. Маркович к Т. из Петербурга, в котором благодарит за предисловие к ее сборнику «Украинские народные рассказы». См. ***9 (21) февраля***, ***Март (до 26) ст. ст.*** Планирует «дня через три» выслать повесть «Институтка», которую Т. обещал перевести (опубл.: *ОЗ.* 1860. № 1). Сообщает о своей болезни и твердом намерении ехать за границу (см. ***29 апреля (11 мая)***). Передает привет от Шевченко и А. В. Марковича. Выражает надежду на встречу в Петербурге 20 апреля (2 мая) (встреча состоялась после приезда Т. ***24 апреля (6 мая)***). Просит сообщить сведения об орловском знакомом Н. К. Рутцене и адрес его сестры С. К. Рутцен (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 265).

Дружинин пишет Толстому: «Тургенев на сей раз не оставил больших сожалений о себе — он так был предан своим безобразным хохлам и разным ярыгам вроде Маркевича, что оно уж было нехорошо. Для пользы отечества и его собственной его бы полезно держать под стражей в деревне месяцев 6 и отпускать в город с другою стражей, которая

бы отгоняла от него всех его приятелей, более или менее подлежащих каторжной работе» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 281).

30 марта (11 апреля)*. Понедельник**. Отвечает на неизв. п. Леонтьева, в котором тот просил прочесть его повесть «Подлипки» и содействовать в ее напечатании. Сообщает о своих планах: возвращении в Петербург 23 апреля (5 мая) (см. ***24 апреля (6 мая)) и дальнейшей поездке за границу с ***29 апреля (11 мая)*** до осени, в связи с чем просит прислать повесть в Петербург к 20 апреля (2 мая) в дом Вебера, № 34. Просит указать журнал, в который Леонтьев хочет поместить повесть, и «minimum цены с листа» (повесть опубл.: *ОЗ*. 1861. № 9—11). Благодарит за отзыв о романе «Дворянское гнездо»: «...суд именно таких читателей — самый верный». Сообщает, что занят разработкой новой повести («Накануне»): «Теперь у меня другой сюжет в голове, с которым я вожусь уже месяца два — и только теперь надеюсь сладить: на исполнение нужен будет, по крайней мере, год».

С запозданием отвечает по-франц. на «любезное и хорошее письмо» (неизв.) М. Гартмана, написанное вслед за еще одним п. от ***4 (16) сентября 1858*** (в нем Гартман выражал чувство дружбы и уважения к русскому писателю (*BN*)), оставшимся без ответа. Сообщает о событиях в своей жизни с лета 1858: «...я провел лето и осень в деревне, гоняясь за дичью, работая понемногу, бездельничая; это последнее занятие мне в особенности отлично удавалось. <...> Наконец, пришла зима, и я поехал в Петербург; для начала проболел шесть недель, затем напечатал маленький роман («Дворянское гнездо». — *Ред.*), <...> затем метался в пустоте, затем познакомился со множеством очень интересных малороссов, собравшихся вокруг двух любезных женщин (Маркович и Карташевской. — *Ред.*), затем они мне надоели, затем я покинул “Северную Пальмиру” — и вот я в своем совином гнезде <...>». Назначает свидание в Париже в мае (не состоялось). См. ***13 (25) мая***. Отправляет п. к Гартману предположительно вместе с п. к П. Виардо от ***31 марта (12 апреля)***.

31 марта (12 апреля)*. Вторник**. Отвечает на неизв. п. П. Виардо (с ошибкой в адресе квартиры Т.), переправленное к нему из Петербурга, и сообщает о своем пребывании в Спасском, «отвратительной» погоде («на земле снег и грязь, в воздухе дождь, большая белая простыня, мокрая и грязная, вместо неба, ветер стонет, как больной ребенок»), смерти Каратеева (см. ***Около 17 (29) марта),

о ближайших планах: пробыть в Спасском до ***20 апреля*** (***2 мая***), с ***20 апреля*** (***2 мая***) до ***29 апреля*** (***11 мая***) между Спасским, Москвой и Петербургом, с ***29 апреля*** (***11 мая***) по ***8*** (***20***) ***мая*** в дороге и 20 мая (1 июня) рассчитывает увидеться в Париже или в Лондоне. Сетует на нерегулярность писем от П. Виардо, интересуется ее выступлением в роли Леди Макбет в опере Верди во время гастролей в Великобритании: «Это прекрасная роль, возвышенная, простая (несмотря на хитрость этой дамы), глубокая и — следовательно — трудная, почти опасная». Предлагает сыграть «Макбет» во время своего будущего пребывания в Куртавнеле: «Я прошу для себя роль тени Банко — она без слов».

Виардо выступила в опере «Макбет» в Королевском театре в Дублине 18 (30) марта (премьера оперы в Ирландии), 25 марта (6 апреля) и 1 (13) апреля.

Испытывает трудности в разработке замысла нового романа («Накануне»): «...в голове у меня есть сюжет романа, который я беспрестанно верчу и переворачиваю; но до сих пор ребенок отказывается появиться, через... посмотрите в Медицинском словаре, какой способ появления на свет самый неудобный. — Терпение, ребенок родится, может быть, несмотря ни на что, жизнеспособным». Откликается на сообщение Виардо о знакомстве с кн. А. А. Трубецкой: «Это, в сущности, добрая женщина, несмотря на ее странности — одна из тех добрых женщин, которые делают очень мало добра».

В п. к Карташевской интересуется новостями «милого малороссийского» петербургского «мирка» (спрашивает о Шевченко, Макарове, Карташевском, Марковиче, Белозерском и др., а также состоялось ли ее знакомство с Маркович). Сообщает, что до сих пор не получил перевод (подстрочник Кулиша и частично Каменецкого) и оригинал «Институтки» для редактирования перевода повести; рассчитывает, что ему их пришлет Кулиш. Рассказывает о встрече в Москве ***Между 20 марта*** (***1 апреля***) ***и 23 марта*** (***4 апреля***) с семейством Аксаковых, о тяжелой болезни С. Т. Аксакова: «...он очень мучится и еще более мучит своих, особенно Константина Сергеевича, на которого надивиться довольно нельзя: самоотверженность его превосходит всякое вероятие». Сообщает о смерти Каратеева (см. ***Около 17*** (***29***) ***марта***) и о работе над планом нового произведения («Накануне»): «Я теперь занят планом повести, мысль которой извлечена мною из одного рассказа Каратеева — и, если я ее кончу, посвящу ее его памяти. — В одном лице я постараюсь изобразить его самого» (Имеется в виду Шубин. Роман опублико-

ван без посвящения). Интересуется, как продвигается знакомство Карташевской с Анненковым. Рассчитывает на встречу в Петербурге «через три недели».

В Петербурге, по возвращении из Москвы, на 29-м году жизни от воспаления легких умирает приехавшая на гастроли итальянская певица Бозио. См. ***7 (19) апреля***.

> «Эта неожиданная смерть, так рано похитившая у нас и у искусства артистку, еще так недавно полную сил, во всем цвете молодости и дарования, произвела очень сильное впечатление. Петербург привык к Бозио в четыре года, полюбил ее не только как высокодаровитую артистку, но и как прекрасную женщину <...> Еще звучит в ушах и в душе каждого из нас этот сладкий, металлический, гибкий голос; еще живые пред нами — Травиата, Розина, Церлина, Марта <...>» (*СПбВед.* 1859. 5 апреля. № 75. С. 321).

Март ст. ст. Интенсивно работает над разработкой плана новой повести («Накануне»), о чем сообщает ряду корреспондентов. См. п. к Ламберт от ***27 марта (8 апреля)***, Леонтьеву от ***30 марта (11 апреля)***, П. Виардо от ***31 марта (12 апреля)***. Вероятно, к этому времени относится составленный Т. «План новой повести», состоящий из перечня действующих лиц, который восходит к аналогичному раннему списку (см. ***Конец января ст. ст.***), и краткого плана-конспекта, где излагается содержание 14 глав. Опубл. Мазоном: L'élaboration d'un roman de Turgenev: «A la veille», «Premier amour», «Fumée» // Revue des études slaves. 1925. T. 5. № 3—4. P. 248—254).

1 (13) апреля*. Среда**. Дата ценз. разрешения № 4 *БдЧ*; в нем — «Письмо И. С. Тургеневу о результатах вольного труда в одном из имений Тульской губернии» (С. 107—112; подпись: В. Л.); в разделе «Современная литературная летопись» «присяжный фельетонист» (Вейнберг) сообщает об отъезде актера Мартынова и обеде, данном в его честь русскими литераторами ***10 (22) марта.

3 (15) апреля*. Пятница**. В парижском журнале «Revue contemporaine» (Vol. 8. P. 535—564) выходит первая часть франц. перевода романа «Дворянское гнездо», выполненного Соллогубом и А. де Калонном, под заглавием «Scènes et mœurs de la vie de province en Russie. Une Nichée de gentilshommes» (подпись: Ivan Tourguenef). Продолжение вышло в номерах от ***18 (30) апреля, ***3 (15)*** и ***18 (30) мая***. Перевод появился вопреки желанию Т. (см. ***10 (22) июня***). Позднее этот перевод вышел отдельным изданием (см. ***21 сентября (3 октября) 1861***).

4 (16) апреля*. Суббота**. Дата ценз. разрешения № 4 *РСл*; в нем — в разделе «Критика» начало ст. Ап. Григорьева в виде п. к гр. Кушелеву-Безбородко: «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа: “Дворянское гнездо” (“Современник”, 1859 г. № 1). Письма к г. Г. А. К. Б.» (Отд. 2. С. 1—34; окончание в № 5, 6 и 8). Рассуждая о роли типов и местностей в поэзии, утверждает, что истинная поэзия «следит природу в тонких, неуловимых ее явлениях», приводя в пример Т., Толстого, Фета, Полонского «и, во главе их всех — отца их в этом отношении» Тютчева (С. 8). См. также ***8 (20) мая*, *17 (29) июня*, *4 (16) августа.

5 (17) апреля*. Воскресенье**. Боткин, одобрительно отзываясь о повести «Саргина могила» М. А. Петрова (опубл.: *БдЧ*. 1859. № 2), пишет Дружинину: «Я заметил также у него во многих местах и именно в описаниях природы влияние тургеневской манеры». Упоминает, что Т. пробыл в Москве два дня (см. также ***23 марта (4 апреля)). Сообщает о намерении Т. быть в Москве 20 апреля (2 мая) (Т. прибыл ***21 апреля (3 мая)***; *Письма к Дружинину*. С. 57). Ответное п. Дружинина см. ***8 (20) апреля***.

6 (18) апреля*. Понедельник**. Дата отв. п. Боткина на п. Т. от ***29 марта (10 апреля). Извещает о получении 525 р. с., сообщает новости о московских приятелях: Кетчере, с которым виделся на днях, Толстом, который продолжает работать над повестью «Семейное счастье» и планирует поместить ее в журнале Каткова *РВ*. О повести отзывается невысоко: «Впрочем переделка Толстого кажется незначительна и большею частию все осталось по-прежнему. Вчера я сказал ему прямо, что это и холодно и скучно. Он совсем другого мнения. Намерение его было представить процесс любви в браке, начинающейся романтическими стремлениями и оканчивающейся любовию к детям. Я заметил ему, что потому-то он так и холоден, что занимается одною отвлеченностью, общностью. Надо признаться, что Толстой самого высокого мнения о своей силе и своих произведениях. <...> Я довольно часто вижусь с ним, — но так же мало понимаю его, как и прежде. Страстная, причудливая и капризная натура. И притом самая неудобная для жизни с другими людьми. И весь он полон разными сочинениями, теориями и схемами, почти ежедневно изменяющимися. Большая внутренняя работа, но работа, похожая на иксионовскую». Делится впечатлениями о повести Петрова «Саргина могила» (*БдЧ*. 1859. № 2), которую находит уди-

вительно талантливой: «Однако ж я подметил подражание твоей манере в описании природы, но даже и в подражании видна талантливость». Извещает о получении п. от Делаво и получении тем экземпляра романа «Дворянское гнездо», отправленного ему ранее Боткиным. Делаво «в великом беспокойстве» по поводу перевода «Дворянского гнезда», который он планировал осуществить для журнала «Revue des deux mondes» и за который ему обещано 400 фр.: «Ему сказали у Трубецких, что его переводит Виардо. Из этого он заключает, что если ты ему сам не послал, то это потому, что ты не хочешь, чтобы он перевел ее, и он боится, чтобы ты не стал протестовать против его перевода». Передает просьбу Делаво «уладить» это дело. См. ***12*** (***24***) ***апреля***.

7 (***19***) ***апреля***. **Вторник**. Отвечает на обвинения в плагиате, прозвучавшие в п. Гончарова от ***28 марта*** (***9 апреля***): «...какое удовольствие писать человеку, который считает тебя присвоителем чужих мыслей (plagiaire), лгуном (Вы подозреваете, что в сюжете моей новой повести опять есть закорючка, что я Вам только хотел глаза отвесть) и болтуном (Вы полагаете, что я рассказал Анненкову наш разговор). Согласитесь, что, какова бы ни была моя “дипломатия”, трудно улыбаться и любезничать, получая подобные пилюли. Согласитесь также, что за половину — что я говорю! — за десятую долю подобных упреков Вы бы прогневались окончательно. Но я — назовите это во мне чем хотите, слабостью или притворством — я только подумал: “Хорошего же он о тебе мнения” и только удивился тому, что Вы еще кое-что нашли во мне, что любить можно». По поводу переданного ему Гончаровым мнения о «Дворянском гнезде» одного знакомого замечает: «Скажу без ложного смирения, что я совершенно согласен с тем, что говорил “учитель” <...>. Но что же прикажете мне делать? Не могу же я повторять “Записки охотника” ad infinitum (до бесконечности — *лат.*)! А бросить писать тоже не хочется. Остается сочинять такие повести, в которых, не претендуя ни на целость и крепость характеров, ни на глубокое и всестороннее проникновение в жизнь, я бы мог высказать, что мне приходит в голову. <...> Кому нужен роман в эпическом значении этого слова, тому я не нужен; но я столько же думаю о создании романа, как о хождении на голове: что бы я ни писал, у меня выйдет ряд эскизов. <...> Но ведь Вы и в этом сознании увидите дипломатию: думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы. Берите меня, каков я есмь, или совсем не берите; но не требуйте, чтоб я переделался, а главное, <не считайте> меня таким Талейраном, что уу!».

Сообщает о намерении выехать ***20 апреля*** (***2 мая***) из Спасского и прибыть в Петербург ***24 апреля*** (***6 мая***), а уже ***29 апреля*** (***11 мая***) выехать за границу. Просит поклониться «всем хорошим знакомым и милой <Е. П.> Майковой». Обещает написать на следующий день гр. Кушелеву-Безбородко, которого называет «Митрофанушкой-меценатом», о переводе П. Л. Соляникова (п. неизв.). С сожалением узнал о смерти Бозио, которую видел в «день ее последнего представления: она играла “Травиату”; не думала она тогда, разыгрывая умирающую, что ей скоро придется исполнить эту роль не в шутку» (см. ***31 марта*** (***12 апреля***)). Прощаясь, называет Гончарова «несправедливым человеком».

Пишет «деловое письмо» Макарову, в котором дает несколько поручений: просит напечатать в *СПбВед* о своем отъезде за границу, не дожидаясь 15 (27) апреля, поскольку «все уже припечатались, которые позднее меня едут» (имеются в виду Кулиш, Панаева, Плетнев с семьей; см. ***10*** (***22***) ***апреля***); напоминает, чтобы ему прислали подстрочник и оригинал повести Маркович «Институтка» для перевода; просит осведомиться у Вульфа о ходе второго издания «Записок охотника»: «Подвигается ли оно и сколько листов *второго* тома уже отпечатано — ибо я полагаю, что первый том должен уже быть готов» (см. ***7*** (***19***) ***февраля***). Интересуется, получила ли Карташевская его п. от ***31 марта*** (***12 апреля***).

Герцен сообщает М. К. Рейхель о п. Т. к Александру II с протестом против заключения Огрызко в Петропавловскую крепость: «Знаете ли вы, что Ив. Тургенев писал к государю о заключении Огришки (И. Огрызко. — *Ред.*) в Петропавловскую крепость — и его государь по письму Т<ургенева> велел выпустить» (*Герцен.* Т. 26. С. 255). См. ***26 февраля*** (***10 марта***), ***5*** (***17***) ***марта***.

Дата п. И. С. Аксакова к Соханской с положительным отзывом на ее повесть «Из провинциальной галереи портретов» (*РВ.* 1859. № 3. Кн. 2), в которой Аксаков видит «зарю нового отношения искусства к жизни» и сравнивает с Т.: «Вы — первый русский художник, ставший не в отрицательное, а в положительное отношение к русской жизни. Потребность такого отношения мучительно, но бессильно сознавалась до сих пор нашими великими художниками. Гоголь умер под бременем задачи <...>. Затем прочие художники наши вдались в эти *поиски* за положительным отношением, за жизненной основой, одним словом в поиски за народностью, которые все были более или менее неудачны, обличали не свободное, а придуманное, искусственное, натянутое отношение. Когда читаешь произведения Григоровича и даже самого Тургенева (которого, впрочем, очень люблю), так и видишь всю эту внутреннюю

работу, так и слышишь, как пыхтит автор, стараясь быть народным, так и боишься, что вот-вот он проврется. И действительно, <...> Григорович и Тургенев, с рабскою точностью записывая интонации орловского мужика, выдавали их за общерусскую речь. Между тем язык литературный все больше и больше расходился с жизнью» (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858—1884) / Сост., вступит. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 33).

8 (20) апреля*. Среда.** Предположительно пишет гр. Кушелеву-Безбородко, ходатайствуя о переводе П. Л. Соляникова (см. ***7 (19) апреля).

Дата п. Е. Я. Колбасина к Т. из Парижа, написанного под впечатлением от прочтения «Дворянского гнезда»: «Не знаю, что и сказать Вам, добрейший Иван Сергеевич, как благодарить Вас за Ваше “Дворянское гнездо”. Я только что кончил его. Отлично-хорошо! И глубоко, и поэтично, и свежо, свежо до крайности! Ну, Бог Вам в помощь: двинулись Вы шибко вперед. Я боюсь даже распространяться, позвольте только облобызать Вас с любовью и почтением. / Об одном прошу Вас: напишите мне, пожалуйста, каково было впечатление, сделанное “Гнездом” на публику, это для меня интересно по многим причинам. Я здесь ничего не знаю, но год тому назад оставил русскую публику, голодную как волчиху, но в то же время до неистовства горделивою Щедриными и Селивановыми? Неужели и теперь все продолжается по-старому? Пожалуйста, хоть два-три слова напишите об этом, потому что я решительно отстал от русской литературы и ничего не знаю о предмете, ближайшем моему сердцу. Вот как одолжите! По самое горло!». Сообщает сведения о себе: «Я был доволен своим пребыванием здесь, да только глупостей наделал слишком много. Горько и рассказывать, когда-нибудь после — все строил иллюзии, издержал очень много здоровья и денег, все тянул да тянул вверх и теперь шлепнулся так, что косточки затрещали. Сам не постигаю, как новое чувство вытеснило старое, петербургское, и как пролетели эти одиннадцать месяцев за границею. А результат плохой — меня провели, как дурака, да кроме того, что еще хуже, я разленился до того, что и признаться стыдно. Смотрите, не проговоритесь об этом Некрасову, а то он, пожалуй, и денег мне не вышлет, след<овательно> совсем посадит на мель. Я теперь живу один, бирюком, понемножку работаю, чтоб расквитаться с долгами». Пишет, что часто видится с А. А. Шеншиным: «...это очень хороший господин (кстати, мы с ним читали “Гнездо” вместе и он в некоторых сценах плакал, как ребенок. Я его еще больше полюбил за

это). В его лета сохранить такую изящную впечатлительность — это диво!». Кланяется Анненкову и Некрасову, просит сообщить сведения о брате Дмитрии, Тютчевых, а также напомнить «Дружинину, что я прошу у него денег, о чем я ему недавно писал. У Некрасова не прошу, пока не кончу повести». Просит адресовать п. на имя Шеншина. Посылает п. на адрес конторы *Совр* в Петербурге (*ИРЛИ*. № 5800. Л. 43—44 об.). Ответ Т. неизвестен.

Дружинин, отвечая на п. Боткина от ***5*** (***17***) ***апреля***, замечает: «Поездка Тургенева за границу, если продолжится по образу его прежних поездок, — будет глупость невообразимая. Вообще я с горестью должен сказать, что в этот приезд он был столь же плох относительно жизни, как хорош по части своего литерат<урного> развития. Одна женщина, видавшая его раза два, сказала мне удивительное про него слово. Отдавши ему полную хвалу, она сравнила его с Ламартином — pour sa rage puerile de la popularité à tout prix (за его мальчишескую страсть к славе во что бы то ни стало — *франц.*). Меня как молнией озарило. Вот разгадка писунов, мерзавцев, зовущих себя его друзьями, страсти к хохлацким писателям, выездов в скучные дома, непонятные снисходительности к людям, которые плутуют перед его носом и выкупают свои плутни ловкими восторгами к его особе. Хорошие и надежные люди ему ничто, но он их готов, хотя временно, но променять на всякое новое лицо — юродивого генерала, девицу Тютчеву, императора Сулука — que sais-je? Чем новее, тем лучше» (*Письма к Дружинину*. С. 58).

Первая половина апреля (***до 10***) ***ст. ст.*** Выходит в свет первый том второго отдельного издания «Записок охотника» (СПб., 1859).

10 (***22***) ***апреля***. **Пятница**. В *СПбВед* выходит данное Макаровым первое объявление об отъезде ***29 апреля*** (***11 мая***) за границу Т. и Маркович с сыном Богданом (№ 79).

Около 10 (***22***) ***апреля***. Макаров предположительно высылает Т. оригинал и подстрочник повести Маркович «Институтка» для редактирования (см. ***7*** (***19***) ***апреля***).

Между 7 (***19***) ***и 11*** (***23***) ***апреля***. В п. к Делаво (неизв.) сообщает о том, что отказался от намерения переводить «Дворянское гнездо» с Л. Виардо, дает разрешение на перевод романа для «Revue des deux mondes» и планирует просмотреть его вместе с ним по приезде в Париж в мае. См. ***6*** (***18***) и ***12*** (***24***) ***апреля***.

Март (после 26) – апрель (до 11) ст. ст. Часто видится и охотится (со своей собакой Бубуль) с Фетом. См. п. к Боткину от ***12 (24) апреля.***

«Дичи мало» (п. к Гончарову от ***7 (19) апреля***).

Встречается с Л. Толстым, решает окончательно разойтись с ним (см. п. к Боткину от ***12 (24) апреля***).

11 (23) апреля. **Суббота.** В *СПбВед* выходит второе объявление (данное Макаровым) об отъезде Т. за границу (№ 80. С. 352), см. ***10 (22) апреля.*** Здесь же помещено объявление о поступившей в продажу в магазин Кожанчикова книге «Украинские народные рассказы» Марко Вовчок в переводе Т. (СПб., 1859) (С. 350).

Гончаров в п. к Майкову замечает: «Тургенев, независимо от сильного таланта, мягок, готов сидеть со всяким, всюду идет — и в салон Кушелева, и к Плещееву, во всех редакциях — идол. Я не умею и не могу, потому, между прочим, что у меня вся жизнь пронизана каким-нибудь самостоятельным — может быть и уродливым, — но своим взглядом, идеею, воззрением, притом упорным, последовательным и верным себе воззрением. От этого я для всех почти, за исключением немногих друзей, "неприятный господин". <...> Все литераторы наши разъехались: целую зиму был ряд обедов то у того, то у другого. Тургенев уехал с большим триумфом. Повесть его произвела огромный успех» (*Гончаров. Письма.* С. 317–318. Имеется в виду роман «Дворянское гнездо»).

12 (24) апреля. **Воскресенье.** Присутствует на Всенощной по случаю Светлого воскресенья: «Дьячки пели на редкость: Христос воскресе — в церкви пахло тулупами и свечной копотью, вокруг церкви трещали бураки и шутихи доморощенной "*леминации*", плечи мои ныли от тяжести шубы — но на душе вместе с воспоминаньями детства проходило что-то хорошее и глубоко грустное» (см. ниже п. к Боткину).

Отвечает на п. Боткина от ***6 (18) апреля*** и сообщает о том, что выезжает из Спасского утром ***20 апреля (2 мая)***, рассчитывая к вечеру ***21 апреля (3 мая)*** прибыть в Москву, где планирует остановиться у Боткина на Маросейке до ***23 апреля (5 мая)***. Просит в случае приезда Анненкова в Москву известить того об этом. Сообщает, что ответил Делаво (см. ***Между 7 (19) и 11 (23) апреля***). Делится невеселыми размышлениями: «Жизнь пролита до капли, но запах только что опорожненного сосуда еще сильнее, чем когда он был полный. Addio, vita (Прощай, жизнь — *итал.*), слышал я раз на

Корсо, во время Карнавала; молодой женский голос произнес эти слова — и долго звук их звенел у меня в ушах». Упоминает о частых встречах с Фетом и окончательном расхождении с Толстым: «Я с Толстым покончил все свои счеты: как человек он для меня более не существует. Дай бог ему и его таланту всего хорошего — но мне, сказавши ему: здравствуйте — неотразимо хочется сказать: прощайте — и без свидания. Мы созданы противуположными полюсами. Если я ем суп и он мне нравится, я уже по *одному этому* наверное знаю, что Толстому он противен — et vice versa (и наоборот — *лат.*)». Окончательно отказывается от поездки в Орел.

***13 (25) апреля*. Понедельник**. Приезжает в Новоселки к Фетам и остается на ночь.

В п. от 16 (28) апреля М. П. Фет сообщала Н. К. Боткиной: «...на другой день (после Пасхи. — *Ред.*) приехал Тургенев, провел целый день и ночевал. Как досадно, что он уезжает за границу, и Фет очень жалеет о нем, да подобного соседа трудно заменить» (*ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 372. Л. 40 об.—41. Указано И. А. Кузьминой).

Отвечая на неизв. п. Павлова, извиняется за то, что «нехотя обманул» его, пригласив встретиться в Орле и так и не собравшись туда. См. ***27 марта* (*8 апреля*)**. Приглашает приехать в Спасское в ближайшие четверг, пятницу или субботу: «...мне очень хочется видеться с Вами и потолковать о многом — перед отъездом в чужие края» (см. ***16* (*28*) *или 17* (*29*) *апреля***). Откликается на критику Павловым «Дворянского гнезда»: «С одним Вашим возражением я не согласен: действительно, наши Варвары Павловны читают Жорж Занда — но теперешние, у которых и посадка совсем другая — а не те, которые родились в 15-х и 20-х годах, как моя В<арвара> П<авловна>». Удивляется, что критический отзыв на роман Павлов собирается помещать не в *МВест*: «Почему же нет — и неужели Вы думаете, что у меня epidermis так щекотлив?» (ст. Павлова в печати не появилась).

Отвечает на неизв. п. Щербины, благодарит за хлопоты по второму изданию «Записок охотника» (см. ***18* (*30*) *марта***), просит передать Вульфу, чтобы тот «немедленно» выслал первый том в Москву на имя Боткина. Планирует вести переговоры с книгопродавцем Базуновым об условиях продажи через него нового издания «Записок охотника». Сообщает о намерении выехать в Москву ***20 апреля* (*2 мая*)** и ***24 апреля* (*6 мая*)** прибыть в Петербург.

Получает п. Леонтьева от 13 (25) марта (неизв.), пересланное из Петербурга. См. ***16* (*28*) *апреля***.

14 (26) апреля*. Вторник**. Герцен знакомит навестивших его Ф. и Т. Пульских и Д. Танарки с последними новостями русской общественной жизни, в том числе рассказывает о п. Т. к Александру II в защиту Огрызко. См. ***5 (17) марта.

26 марта (7 апреля) — первая половина апреля ст. ст. Отправляет крепостного Бизюкина учиться в Земледельческую школу при Горыгорецком институте. См. ***30 мая (11 июня) 1861***. У Т. в Спасском гостит Н. Н. Толстой.

Толстой в п. к Дружинину от 16 (28) апреля отмечает: «Тургенева я не видал, но брат Н<иколай> все время жил у него. Он, т. е. Тург<енев>, охотится, ездит по соседям и твердо убежден, что он заводит фермы и делает то, “*что уж надо же наконец покончить*”» (*Толстой*. Т. 60. С. 291).

16 (28) апреля*. Четверг**. Отвечает на неизв. п. Леонтьева от 13 (25) марта, извиняется за задержку с ответом, вызванную тем, что п. было переслано ему из Петербурга позже и получено только ***13 (25) апреля. Сообщает, что намерен пробыть в Петербурге с ***24 апреля (6 мая)*** по ***29 апреля (11 мая)***, и предлагает встретиться в это время. Обещает предварительно переговорить с Некрасовым и Дружининым о романе Леонтьева «Подлипки» (роман опубл. позже в *ОЗ*). Передает поклон Д. Г. Розену и его семейству.

В *СПбВед* выходит третье объявление (данное Макаровым) об отъезде Т. за границу (№ 81), см. ***10 (22) апреля*** и ***11 (23) апреля***.

16 (28) или 17 (29) апреля. Павлов навещает Т. в Спасском и сообщает об этом Основскому 17 (29) апреля (*РНБ*. Собр. рус. автографов).

18 (30) апреля*. Суббота**. В парижском журнале «Revue contemporaine» (Vol. 8. P. 728—764) выходит вторая часть франц. перевода романа «Дворянское гнездо», выполненного Соллогубом и А. де Калонном. См. ***3 (15) апреля, ***3 (15)*** и ***18 (30) мая***.

Начало апреля н. ст. В лондонском реферативном литературно-критическом журнале «National Review» (Vol. 8) анонимно выходит ст. Мери Моль (Mohl) «Peasant Life in Russia» («Крестьянская жизнь в России») (P. 469—487), содержащая рец. на вышедшие в Париже в 1858 «Записки охотника» в переводе Делаво («Récits

d'un chasseur») и два сборника произведений Т. «Scènes de la vie russe» (см. ***12 (24) марта***).

Начиная свою ст. с указания на памятное появление в 1854 «Записок охотника» в переводе Шаррьера, М. Моль отмечает, что именно тогда возник вопрос, кто же был автором «произведения, которое впервые приподняло плотную завесу, скрывавшую восток Европы от запада» (P. 469). Вкратце рассказывая историю публикации «Записок охотника» в России, рецензентка акцентирует внимание на их исторической роли («Весьма вероятно, что величайшее событие этого столетия, освобождение 21 000 000 человек <...>, полностью изменит или во всяком случае в большой степени повлияет на характер нации. Эта книга <...> останется фотографией того, что когда-то существовало, и фотографией, которая никогда не выцветет <...>»), порой намеренно сгущая краски: «Но когда отрывки были собраны в одну книгу и правительство осознало подлинную цель произведения, автора сначала посадили в тюрьму на два месяца, а затем сослали в свое поместье; цензор был приговорен к двум годам заключения, чтобы на будущее его восприятие обострилось. В предисловии ко второму переводу (Делаво. — *Ред.*) указывается, что русское издание давно разошлось, а второе не дозволялось вплоть до нынешнего года» (P. 470). Говоря о переводе Делаво, рецензентка замечает, что он не только вышел с одобрения Т., но и содержит «ряд фрагментов, из осторожности опущенных в оригинале» (P. 470). «Глубокое отвращение к рабству — вот впечатление, которое остается в памяти; вместе с тем (и это добавляет ценности изображаемому) крепостные не рисуются в фантастическом или лестном свете. Эффект достигается не за счет несуществующих добродетелей или воображаемых достоинств. Иван Тургенев просто брал из жизни персонажей и различные происшествия, какими они представали перед глазами внимательного наблюдателя. Его талант по преимуществу драматический; его персонажи проявляются в своих поступках и разговорах. Часто многое говорит один вздох, взгляд, жест; и даже молчание не лишено значения» (P. 472). Подробно останавливается на изложении рассказов «Бурмистр», «Хорь и Калиныч», «Однодворец Овсяников». Отмечает, что широкий успех «Записок охотника» во Франции повлек за собой появление двух сборников произведений Т. во франц. переводе, которые также представляют собой «рассказы из русской жизни, только на этот раз взятые из жизни более высоких и более образованных классов», преимущественно поместного дворянства (P. 482—483). Более обстоятельно говорит о «Нахлебнике», «Переписке» и «Постоялом дворе», сводя разговор преимущественно к необходимости отмены крепостного права. Вместе с тем отмечает «удивительную силу» Т. в «*чеканке*» («*chiselling*») женских образов (обращая особое внимание в этом отношении на «Затишье»). В завершение упоминает о том, что в России

только что вышло новое произведение Т. «Дворянское гнездо», и анонсирует его скорое появление в переводе Делаво. См. об этой ст. также: *Waddington P.* Some salient phases of Turgenev's critical reception in Britain. Part I: 1853—1870 // *N Z Sl J.* 1980. № 2. P. 27—28.

20 апреля (***2 мая***). **Понедельник**. Утром выезжает из Спасского в Москву.

21 апреля (***3 мая***). **Вторник**. Вечером прибывает в Москву и останавливается у Боткина на Маросейке, в Петроверигском переулке.

Отвечая на неизв. п. гр. Ламберт, просит прощения, что не может встретиться с ней 23 апреля (5 мая), как обещал, поскольку в этот день планирует только выехать в Петербург. Переносит приглашение посетить его на ***24 апреля*** (***6 мая***). Обещает в этот же день утром навестить ее.

21 или 22 апреля (***3 или 4 мая***). **Вторник или среда**. Предположительно встречается с Катковым и ведет переговоры о помещении нового произведения («Накануне») в журнале *РВ*.

Предположительно встречается с Базуновым по поводу продажи через него нового издания «Записок охотника» (см. ***9*** (***21***) ***мая***).

Навещает Аксаковых (см. ***28 апреля*** (***10 мая***) ***— 2*** (***14***) ***мая***).

23 апреля (***5 мая***). **Четверг**. Выезжает в Петербург.

24 апреля (***6 мая***). **Пятница**. Приезжает в Петербург. Предположительно утром наносит визит гр. Ламберт в ее доме на Фурштатской. См. ***21 апреля*** (***3 мая***).

26 апреля (***8 мая***). **Воскресенье**. Утром пишет записку гр. Ламберт (на франц. яз.), в которой сообщает, что намерен быть у нее «в половине второго» в связи с хлопотами по размену для предстоящего путешествия русских бумажных денег на золотую валюту.

Посещает Ламберт и вечером отправляет ей еще одну записку (на франц. яз.), в которой благодарит за помощь (оказанную через министра финансов Княжевича), обещает навестить ее на следующий день вечером.

В № 98 *МВед* в ст. Гатцука «Новости малороссийской литературы» сообщается о выходе перевода «Украинских народных расска-

зов» Марко Вовчок, осуществленном Т.: «Перевод весьма хорош. Рассказ “Чумов” удался менее других. Очень жаль, что, желая передавать подлинник чисто по-русски, переводчик не избежал оборотов малороссийских и употребляет слова малороссийские, которым есть однозначащие и в русском языке» (С. 735).

Дата п. С. В. Энгельгардт к Фету с отзывом о «Дворянском гнезде»: «...перечла “Дворянское гнездо”. Боже мой, какое сокровище! — Но вот Вам и сплетня: недавно г<рафиня> Сальяс объявила, что в одном из ее произведений находятся те самые типы, которыми мы так восхищаемся в “Д<ворянском> гнезде”; однако она скромно сознается, что у Тургенева больше отделки. По этому поводу брат (А. В. Новосильцев. — *Ред.*) говорит, что в Москве устроилась нового рода скачка: блоха скачет с первоклассным скакуном». Сообщает, что пробовала перевести на франц. язык ст-ние Фета «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга...»), «билась <...> целый день и бросила. Выражение “ты наш” приходится заменить целой строчкой» (*34 письма Энгельгардт*. С. 181).

***27 апреля (9 мая)*. Понедельник**. Предположительно вечером навещает гр. Ламберт в ее доме на Фурштатской.

***Январь — 17 (29) марта или 28 апреля (10 мая)*. Вторник**. Посылает записку Некрасову через начинающего литератора Н. Ф. Смирнова; просит прислать ответ сегодня, по-видимому по поводу публикации повести Смирнова «Очерки Кавказской военной жизни» (опубл.: *Совр.* 1859. № 7).

***27 или 28 апреля (9 или 10 мая)*. Понедельник или вторник**. Пишет по-франц. записку к гр. Ламберт, в которой сообщает: «Моя душа сирены, как вам угодно называть ее, явится в сопровождении своего старого тела к княгине Багратион и мы будем читать Пушкина, который уж, конечно, по-настоящему бессмертен».

***28 апреля (10 мая)* (?). Вторник**. Обед у Дюссо в честь проводов Т. за границу. Присутствуют Гончаров, Некрасов, Никитенко, Панаев, Н. Р. Ребиндер и др.

В дневнике Никитенко обед отнесен к 30 апреля (12 мая) (*Никитенко*. Т. 2. С. 86), однако эта дата справедливо подвергнута сомнению, так как 29 апреля (11 мая) в ночь Т. уехал за границу. На этом основании обед предположительно отнесен к ***27 или 28 апреля (9 или 10 мая)***

(Там же. С. 576; ср.: *Некрасов. Летопись.* С. 170). В *Гончаров. Летопись* (С. 94) обед датируется ***29 апреля*** (***11 мая***).

29 апреля (***11 мая***). **Среда**. В п. к Д. Я. Колбасину просит прощения, что забыл привезти ружье, которое брал у него. Извещает, что написал дяде Н. Н. Тургеневу (неизв.), чтобы тот доставил его Колбасину в Новгород, и просит принять на память.

Очевидно, имеется в виду ружье Лепажа, которое Т. подарил Колбасину летом 1852, во время пребывания его в Спасском, и в 1859 брал взаймы. Подаренное ему ружье Колбасин хранил «как святыню» и в 1908 передал в дар Новороссийскому обществу любителей охоты в Одессе. См. его воспоминания: На охоте с Тургеневым // Южный сборник. Одесса, 1892. С. 139; перепечатано: Забытые воспоминания о Тургеневе-охотнике / Публ., предисл. и примеч. В. Громова // Охотничьи просторы. 1966. № 24. С. 195.

Сообщает, что поручил натаскать собаку Исаеву. Извещает об отъезде в Париж, где намеревается увидеться с Е. Я. Колбасиным.

В ночь выезжает в дилижансе вместе с Маркович и ее сыном Богданом из Петербурга через Ковно, Варшаву, на Кенигсберг и затем в Берлин.

Вспоминая свое путешествие с Маркович и ее сыном, «Тургенев с уморительным юмором рассказывал потом, как резвый мальчик сидел у него всю дорогу на руках, на ногах и спал на шее. В Париже он поместил мальчика в пансион» (*Анненков* (*1983*). С. 436).

30 апреля (***12 мая***). **Четверг**. В Москве в ночь с 29 на 30 апреля (11 на 12 мая) после тяжелой и мучительной болезни, приведшей к потере зрения, умирает С. Т. Аксаков.

На станции Кресты (возле Пскова) Т. ожидает почтовую карету, которая должна прийти в 11 ч. вечера. Около 6 ч. вечера пишет гр. Ламберт, просит ее похлопотать о переводе офицера И. Беленкова, служащего на Кавказе, в другой полк (см. ***12*** (***24***) ***июня***, ***26 сентября*** (***8 октября***)). Пишет п. «домой» (вероятно, Н. Н. Тургеневу; неизв.) с просьбой переслать подробные сведения о Беленкове Н. Н. Тютчеву, который должен передать их Ламберт. Делится переживаниями накануне отъезда: «Итак, я уехал, и мне сдается, как будто что-то новое началось в моей жизни. Или это только так кажется, а уже ничего нового, неожиданного жизнь мне представить не может, кроме смерти? Чувство грусти при перемене в жизни, при расставании — чувство молодое и тесно связано с чувством надеж-

ды на будущее. Эти два разноцветные цветка растут на одном корне: завяли ли они у меня? Не знаю, но иногда мне самому становится жутко... А ведь и это еще признак молодости? / Мне просто жаль, что я расстался с петербургскими друзьями, или, говоря определительнее, жаль, что я расстался с Вами. — Я мало знаю мест на свете, где бы мне было так хорошо, как в Вашей комнатке <...>». Вспоминает, как однажды Ламберт плакала при нем «и не стыдились плакать». Отправляет п. вместе с «господином, который <...> сейчас едет назад в Петербург». Намеревается проводить Маркович до Берлина, откуда она отправится с сыном в Дрезден. Обещает описать свое путешествие. Характеризует А. В. Марковича как «нестерпимого» человека «из породы добродетельных, раздражительных и честных глупцов».

28 апреля (10 мая) — 2 (14) мая. **Вторник — суббота.** И. С. Аксаков в п. к Соханской сообщает: «На днях проезжал здесь Тургенев (он отправился за границу). Я говорил с ним о Вашей повести (Из провинциальной галереи портретов // *РВ.* 1859. № 3. Кн. 2. — *Ред.*). Он был в совершенном восторге от первой (После обеда в гостях // *РВ.* 1858. № 8. Кн. 2. — *Ред.*), но второю не так доволен. Считаю не лишним сообщить Вам его замечания <...>. Он находит, что во второй Вашей повести слишком много лиризму, сказочных размеров, что картины слишком шаржированы (chargés), краски слишком ярки и густы, наконец, что песен слишком много. Последнее замечание может быть справедливо, но что касается до первого, то Вы прямо и называйте повесть — былью о чуде-богатыре Гавриле Мих<айловиче>». Высоко оценивая творчество Соханской, Аксаков замечает: «Один английский критик различает в литературе две струи — мужскую и женскую, не в отношении к различию полов, к которым принадлежат писатели, а в отношении к характеру их произведений, к трезвости мысли, к твердости убеждения и проч.». На этом основании причисляет к разряду «женственных писателей» Т., Толстого, Гончарова, а Соханскую — «к мужской» половине (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858—1884) / Сост., вступит. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 35, 37).

3 (15) мая. **Воскресенье.** В парижском журнале «Revue contemporaine» (Vol. 9. P. 97—134) выходит третья часть франц. перевода романа «Дворянское гнездо», выполненного Соллогубом и А. де Калонном. См. ***3 (15), 18 (30) апреля*** и ***18 (30) мая.***

Между 21 апреля (3 мая) и 3 (15) мая. В Лондоне выходит «Полярная звезда» на 1859 (Кн. V); в ней — ст-ние «Кнут» («Ременный кнут, не безуханный...») (С. 47, без указания имени автора), являющееся пародией на «Цветок» Пушкина (1828) и впоследствии приписывавшееся Т. (в том числе Белоголовым, Ефремовым и др.). См.: *Алексеев М. П.* «Кнут». Стихотворение, приписываемое Тургеневу // *Т Сб* (*3*). С. 92—100; *Соч.* Т. 12. С. *556*, *711—712*.

О датировке выхода «Полярной звезды» см.: *Герцен. Летопись.* С. 39.

4 (16) или 5 (17) мая. **Понедельник или вторник**. Т. прибывает вместе с Маркович и ее сыном Богданом в Кенигсберг, откуда железной дорогой отправляется в Берлин.

Начало мая ст. ст. В Петербурге выходит второй том второго отдельного издания «Записок охотника. Издание второе без перемен» в 2 ч. (СПб., 1859). См. ***5 (17) февраля***, ***7 (19) февраля***.

5 (17) мая. **Вторник**. Прибывает по железной дороге вместе с Маркович и ее сыном Богданом в Берлин, где проводит два дня (см.: *Лобач-Жученко Б. Б.* О Марко Вовчок: Воспоминания, поиски, находки. Киев, 1987. С. 100).

7 (19) мая. **Четверг**. Провожает Маркович и ее сына до Дрездена, где с вокзала отвозит Маркович к М. К. Рейхель и ее семейству. Знакомит Маркович с А. В. и Е. К. Станкевичами, затем отправляется в Париж (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 256; *Лобач-Жученко Б. Б.* О Марко Вовчок: Воспоминания, поиски, находки. Киев, 1987. С. 100—101).

8 (20) мая. **Пятница**. Дата ценз. разрешения № 5 *РСл*; в нем — в разделе «Критика» продолжение ст. Ап. Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа: “Дворянское гнездо”» (Отд. 2. С. 20—41; начало в № 4, окончание в № 6 и 8). См. также ***4 (16) апреля***, ***17 (29) июня***, ***4 (16) августа***.

Утверждая, что Т., «этот талант, всей высотой своей обязанный романтизму с одной стороны и искренности с другой», «не миновал подчинения теориям», Григорьев выделяет несколько произведений, прежде всего «Холостяка» и «Нахлебника», где это влияние выразилось особенно резко, попутно отмечая, что «от этих, чисто уже заказных (т. е. заказанных теориями. — *Ред.*), не по внутреннему побуждению писанных, вещей отрекся сам Тургенев как истинный поэт». «...Эти произведения, которыми <...> столь же мало дорожит автор, как и своими

поэмами и лирическими стихотворениями (некоторыми из последних, впрочем, совершенно напрасно) — для критика чрезвычайно важны и дороги. Талант глубоко искренний, как талант Тургенева, искренно подчиняется, на время, и теориям — стало быть, художнически стремясь сообщить им плоть и кровь, идет смело <...> до крайних граней». Так, в «Холостяке», особенно представленном на сцене Щепкиным, Григорьев видит «сентиментальный натурализм» конца 40-х, доведенный до крайних пределов комизма. «Нахлебник», «к сожалению, не игранный на сцене, эта “пьеса с причиной”, как назвал ее *почему-то* покойный Гоголь — привел натурализм уже не к комическому, а к отвратительному». В нем Григорьев видит «сок, выжатый из повестей Ф. Достоевского, Буткова и других натуралистов — поэтом-романтиком, поэтом-идеалистом» (С. 21—22). Подчеркивая, что талант Тургенева «так гибок и мягок, что не только выносил на себе все веяния эпохи», но подчинялся «даже модам», Григорьев причисляет «Где тонко, там и рвется» и «Провинциалку» к произведениям в духе «пословиц» Мюссе и видит в них «жертву моде и какую-то женскую прихоть автора “Записок охотника”, “Рудина” и “Дворянского гнезда”», неожиданно заключая: «...хорошо, что этот симпатичнейший талант нашей эпохи искренне отдавался всем наитиям, искренне и мучительно переживал все веяния, искренне и женственно увлекался всеми литературными модами» (С. 23—25). Именно в этом Григорьев видит «великое историческое значение» Т. как «представителя органического, пушкинского процесса»: «...он (Т. — *Ред.*), как высоко-поэтическая натура, отзывался на все веяния пережитых им эпох процесса и передавал нам искренне весь свой внутренний мир и непосредственно — смело, вопреки мягкости поэтической натуры — доводил художественно всякое веяние до его крайних последствий. На лермонтовский романтизм он отозвался “Тремя портретами”, — на лермонтовские по принципу и гоголевские по форме изображения действительности в трагически-мрачном или трагически-грязном виде, поэмою “Помещик”, исполненною протеста личности и вражды к *козлиным* башмакам; на сентиментальный романтизм правого гегелизма — “Яшей Пасынковым”; на сентиментальный натурализм — своими драмами и превосходным рассказом “Петушков”; на идиллическую школу народности — сельской Офелией в “Рассказах охотника”... На чисто органический протест за простое, непосредственное и типовое — откликался он многим — всей своею деятельностью, всей борьбой с блестящим, извне пришедшим типом, впадая в противоречия, в крайности, то как “Муму”, льстившие славянофильству — то как “Постоялый двор”, дышавшие протестом: явно мучительно переживал он все эти противоречия и, бессознательно-женственно подчиняясь веяниям, служа их органом, выходил все-таки самим собою, благодаря опять-таки высоко-поэтической, никаким теориям не поддающейся натуре. / Анализ деятельности Тургенева есть поэтому анализ целой нашей эпохи со мно-

жеством ее процессов. Другого столь полного ее представителя у нас — нет. Островский и Толстой, каждый в своем роде — сильнее Тургенева, но одностороннее» (С. 31—32).

В № 18 газ. «Русский мир» в фельетоне «Текущая литература» выходит рец. на «Украинские народные рассказы» Марко Вовчок в переводе Т. (СПб., 1859), автор которой заключает: «Из всего этого вытекает удивительная простота, отличающаяся спокойным, идиллическим тоном; но в этих идиллиях нет той искусственной идеализации, какую часто приходится встречать в подобных рассказах. Перед вами выступают все лица живые, с которыми вы невольно роднитесь, признавая законность их человеческих чувств. / При этом вы утешаетесь мыслию, что некоторые из этих лиц скоро перейдут в прошедшее, в воспоминание: в будущем, при изменяющихся условиях жизни, они будут невозможны. <...> Поблагодарим же Марка Вовчка за его прекрасные рассказы и пожелаем, чтобы он продолжал свои труды, которые, мы уверены, не останутся бесполезными; такие труды должны иметь благодетельное влияние на общественные понятия. Тот же г. Тургенев не откажется переводить их; своим мастерским переводом он оказал услугу нашей литературе» (С. 438).

8 (20) мая у Монтебелло произошло первое крупное сражение австро-итало-французской войны, разразившейся в результате длительного противостояния Австрии, Франции и Сардинского королевства и закончившейся полным поражением Австрии. В результате сражения при Монтебелло победа оказалась на стороне франко-сардинских войск. 14 (26) мая сардинцы под предводительством Дж. Гарибальди разгромили австрийцев в Варезской битве, а 18 (30) мая в битве при Палестро австрийцы вновь потерпели сокрушительное поражение от франко-сардинских войск. Таким же разгромом закончилась и битва при Мадженте 23 мая (4 июня), где главным французским корпусом командовал генерал Мак-Магон. Последнее, самое крупное сражение состоялось 12 (24) июня при Сольферино, где австрийская армия под предводительством императора Франца Иосифа потерпела окончательное поражение и вынуждена была оставить Ломбардию. Однако Наполеон III, опасавшийся усиления Сардинии, с которой стремились объединиться итальянские государства (Тоскана, Модена, Парма и др.), пошел на перемирие с Францем Иосифом. 29 июня (11 июля) между Францией и Австрией было подписано Виллафранкское перемирие, по которому Франция получила Ломбардию, а от Сардинского королевства Савойю и Ниццу. Вопреки усилиям Наполеона III, к концу 1859 — началу 1860 объединение Италии все же состоялось. См. также ***1 (13) августа***.

***9 (21) мая*. Суббота**. В № 99 *Сев Пчелы* помещено объявление о поступлении в продажу у Базунова отдельного издания «Записок охотника. Издание второе без перемен» в 2 ч. (СПб., 1859).

Около 10 (22) мая. Прибывает в Париж и останавливается в Hôtel Byron на Rue Lafitte, № 17.

10 (22) мая*. Воскресенье**. В п. к Маркович интересуется ее пребыванием в Дрездене, спрашивает о сыне: «Я во всем этом принимаю живейшее участие — потому что я Вас искренне полюбил; не так как К<улиш> — но не менее сильно, хотя в совсем другом роде». Просит сообщить, приехал ли в Дрезден «*Берлинец*» (Кулиш). Обещает написать вскоре «большое» п. (см. ***19 (31) мая), кланяется А. и М. К. Рейхель. См. ***Около 14 (26) мая***.

***11 (23) мая*. Понедельник**. Дата ценз. разрешения № 5 *Совр*; в нем — ст. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (подпись: Н. —бов), в которой содержится отзыв о романе Т. «Дворянское гнездо», а также рец. на «Украинские народные рассказы» Марко Вовчок в переводе Т. (СПб., 1859). Отмечая сложность поставленной Т. задачи, Добролюбов заключает: «...если кто-нибудь из великорусов способен к совершенно удовлетворительному исполнению подобной задачи, так это именно Тургенев. В его собственном таланте столько поэтической грации и прелести, его сочувствия так близки к народной жизни, что он мог приложить к этому делу свою душу, и это ручается нам, что русская публика получает теперь перевод украинских рассказов Марка Вовчка, не уступающий оригиналу» (С. 103—104; см. также: *Добролюбов*. Т. 4. С. 348—349). Далее приведен рассказ «Одарка» в переводе Т.

***13 (25) мая*. Среда**. Дата п. кнж. Е. Н. Орловой к М. Гартману из Парижа: «Здесь Тургенев. Он справлялся, где находитесь Вы, как Ваше здоровье и не написали ли Вы что-нибудь новое и т. д.» (Wiener Stadtsbibliothek. № 54383/35).

Около 14 (26) мая. Дата ответного п. Маркович из Дрездена на п. Т. от ***10 (22) мая***. Сообщает, что пять дней живет на Johannisstrasse, № 3, каждый день видится с А. Рейхелем, который нашел ей учителя немецкого языка. Рассказывает, что после отъезда Т. сын Богдан «очень о вас плакал, но теперь его утешает дружба с Саши Рейхель, хотя и теперь он о вас не иначе вспоминает, как со вздо-

хом, а когда ему сказали, что он вас любит за апельсины, то глубоко обиделся и отвечал, что хотя любит за апельсины, но любит и *за головіка*». Ожидает А. В. Марковича «через неделю или через две» (задержался в России из-за хлопот в связи с получением заграничного паспорта). Сообщает, что Кулиш не приезжал и не писал ей. Пишет, что ведет частые беседы о Т., в том числе с С. К. Рутцен, которая «расспрашивает меня, веселого ли вы нрава, разговорчивы ли вы?». Интересуется, как обстоят дела у дочери Т. Полины (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 267).

14* (*26*) *мая.* Четверг**. Встречается с Мериме, разговаривает с ним о политической обстановке в Европе (см. ***8* (*20*) *мая), в частности о возможной агрессии немцев против Франции и России, об итальянских симпатиях русского общества (см. ***15* (*27*) *мая*, *16* (*28*) *мая***).

***15* (*27*) *мая*. Пятница**. Выходит № 5 *Совр*; в нем — на лицевой стороне передней обложки объявление «От редакции», в котором сказано, что ввиду распродажи первых номеров за 1859 «редакция печатает *второе издание* первых номеров» (*Некрасов.* Т. 13. Кн. 1. С. 162, 439).

О том, что экземпляры № 1 *Совр*, в котором был напечатан роман «Дворянское гнездо», стали расхватываться и перепродаваться по спекулятивным ценам, см.: *Свешников Н. И.* Воспоминания пропащего человека. М., 1996. С. 179.

Дата п. Мериме к главному директору Британского музея А. Паницци, в котором он напоминает о Т., представленном год тому назад на обеде английского Литературного фонда, и передает содержание своего разговора с ним: «Один русский, г. Тургенев, которого я вам представил в прошлом году на знаменитом банкете, приехал из Москвы. Он говорит, что немцы хотят зараз проглотить и Францию и Россию. Они домогаются от нас Эльзаса, а от русских — Курляндии и Лифляндии. Тургенев говорит, что в России все еще сочувствуют итальянцам, а армия горит желанием воевать с австрийцами» (*Клеман. Т и Мериме.* С. 716). О том же Мериме пишет к Ж. Дакен ***16* (*28*) *мая***.

16* (*28*) *мая*. Суббота**. Дата п. Мериме к Женни Дакен, в котором он сообщает о встрече с Т. ***14* (*26*) *мая и разговоре с ним: «Г-н Иван Тургенев, только что прибывший в Париж прямо из Москвы, говорит, что вся Россия молится за нас, а армия будет рада воевать с ав-

стриякaми. Попы проповедуют, что бог накажет их за преследование православных славян. Открываются подписки для отсылки кроатам библий и требников для защиты их от папской ереси. Это походит несколько на политическую пропаганду панславизма» (*Клеман. Т и Мериме.* С. 716).

***15 (27) или 16 (28) мая.* Пятница или суббота**. Дата п. Маркович из Дрездена с вестями из России: о Шевченко, который на нее «сердится» из-за отъезда за границу; о Полонском, который «упал с дрожек и ушиб себе ногу», и др., сообщает о совете врача Круневича отправиться на две недели в Виши, затем в Эмс, Остенде и Швейцарию. Интересуется, успел ли Т. съездить в Лондон и планирует ли приехать в Дрезден. Ждет ответного п. Начинает лечение по наставлениям петербургского врача Шипулинского (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 268).

Между 10 (22) мая и 16 (28) мая. Видится с братом Николаем и его женой А. Я. Тургеневой, которые собираются в Вюрцбург. Навещает в пансионе дочь Полину. См. п. к Н. Н. Тургеневу от ***17 (29) мая.***

17 (29) мая*. Воскресенье**. Пишет дяде Н. Н. Тургеневу о благополучном приезде в Париж. Сообщает, что нашел дочь Полину «здоровою», виделся с братом Николаем и его женой: «...оба очень потолстели и поздоровели, однако на днях едут в Вюрцбург к своему доктору». Интересуется, как идут дела на «спасской ферме» (где крестьяне были переведены с барщинного труда на вольнонаемный). Предполагает через неделю выехать в Виши пить воды (см. ***4 (16) июня), затем в Остенде «купаться в море», откуда планирует через три месяца выехать в Спасское. Сообщает, что в Петербурге повар Степан просил руки Аси (побочной дочери Н. Н. Тургенева от крепостной): «...говорит, что пользуется ее расположением», и просит поступить «как знаешь» (брак состоялся).

18 (30) мая*. Понедельник**. В парижском журнале «Revue contemporaine» (Vol. 9. P. 325—361) выходит четвертая (последняя) часть франц. перевода романа «Дворянское гнездо», выполненного Соллогубом и А. де Калонном. См. ***3 (15), ***18 (30) апреля*** и ***3 (15) мая.***

19 (31) мая*. Вторник**. Отвечает на два п. Маркович (см. ***Около 14 (26) мая и ***15 (27) или 16 (28) мая***). Не советует следовать

схеме лечения, предложенной Круневичем, предлагая остаться в Дрездене и лечиться «по методе Шипулинского, а недель через шесть потолковать с Рихтером или Вальтером». Сообщает о том, что виделся с дочерью Полиной: «Она очень хорошая натура, но требует еще некоторой полировки». Намеревается на следующий день ехать в Лондон и пробыть там три дня, откуда планирует отправиться в Виши (см. ***6 (18) или 7 (19) июня***) на шесть недель. Обещает отдать билет на меховые вещи Маркович, оставшиеся в Кенигсберге, при встрече в Дрездене, куда намерен приехать в конце августа, или переслать по почте. Просит выслать один экземпляр «Украинских народных рассказов» (возможно, для Герцена или Мериме), обещая заплатить на пересылку. Рекомендует «сильно налечь на немецкий язык»; спрашивает, начала ли Маркович работать. Просит кланяться А. и М. К. Рейхель. См. ***Начало июня (до 8) ст. ст.***

20 мая (1 июня). **Среда**. Выезжает в Лондон с Е. Я. Колбасиным.

По воспоминаниям Колбасина (не лишенным ошибок и преувеличений), в это время он виделся с Т. «по несколько раз в неделю»: «В один день ко мне вошел Иван Сергеевич и, не снимая шляпы, озабоченно произнес: “Хотите, поедем завтра в Лондон?”. Я стал отказываться, говоря, что в данную минуту могу располагать только тремястами франков <...>. “Этого будет с лишком достаточно, сказал Тургенев, — собирайтесь без замедления и не пропускайте случая увидеть туманный Альбион”. / На другой день мы выехали из Парижа по направлению к Булони, где пересели на английский пароход. Всю дорогу Тургенев был, по обыкновению, любезен и весел, много рассказывал смешных анекдотов о себе и других литераторах. Это было в июле месяце, и погода стояла светлая и жаркая, но, переезжая Ламанш, наш маленький пароход испытал такую громадную качку, что решительно всех укачало, кроме капитана и Тургенева, балансировавшего посреди палубы и закутанного в огромный черный плащ. Мы высадились в Дувре, и Тургенев, свежий и бодрый, посмеивался над моим изнеможением. Дорогой, из Дувра в Лондон, мы поменялись ролями; с каждой почти станцией Иван Сергеевич, сверх обыкновения, становился раздражительным и даже сердитым, несмотря на весь комфорт английского вагона и фешенебельную публику» (*Т в восп совр.* Т. 2. С. 17—18).

В «Колоколе» (л. 44) напечатана ст. Герцена «Very dangerous!!!», содержащая резкий выпад против *Совр*, которая вызывает озабоченность Некрасова, Добролюбова и Чернышевского (см. ***27 июня (9 июля)***).

Направленная прежде всего против дискредитации обличительной литературы в «Современнике» и в «Свистке» (преимущественно в выступлениях Добролюбова, в частности в его ст. «Литературные мелочи прошлого года», опубл. в № 1 и 4 *Совр*) («Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований и чуть не ремесло из мрачных сочувствий со страждущими, катаются со смеху над *обличительной* литературой, над неудачными опытами *гласности*. И это не то чтоб случайно, но при большом театре ставят особые балаганчики для освистывания первых опытов свободного слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголове, так она недавно сидела в остроге»), ст. Герцена завершалась фактически обвинением: «Не лучше ли в сто раз, господа, вместо освистываний, неловких опытов, вывести на торную дорогу — самим на деле помочь и показать, как надо пользоваться гласностью?/ Мало ли на что вам есть точить желчь — от ценсурной троицы (Имеется в виду Комитет по делам книгопечатанья. — *Ред.*) до покровительства кабаков, от плантаторских комитетов до полицейских побоев. Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что по этой скользкой дороге можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего боже сохрани) и до *Станислава на шею*!» (см.: *Герцен*. Т. 14. С. 116, 120—121, *493*).

5 (17) июня Некрасов узнал в клубе и сообщил Добролюбову о ст. Герцена, якобы предающей «поруганию священное имя гласности», и с намеком на подкуп руководителей *Совр* «триумвирным бюро», т. е. Комитетом по делам книгопечатанья (см.: *Герцен*. Т. 14. С. 116). Добролюбов записывает в дневнике: «Если это правда, то Герцен человек вовсе не серьезный. Так легкомысленно судить о людях в печати — ужасно дико. Но чем более думаю я об этом известии, тем более убеждаюсь, что Некрасову только так показалось и что, в сущности, намека этого нет». «Однако хороши наши передовые люди! Успели уж пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уж у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности!.. Я лично не очень убит неблаговолением Герцена, с которым могу померяться, если на то пойдет, но Некрасов обеспокоен, говоря, что это обстоятельство свяжет нам руки, так как значение Герцена для лучшей части нашего общества очень сильно. В особенности намек на бюро оскорбляет его, так что он чуть не решается ехать в Лондон для объяснений, говоря, что этакое дело может кончиться и дуэлью. Ничего этого я не понимаю и не одобряю, но необходимость объяснения сам чувствую и для этого готов был бы сам ехать» (*Добролюбов*. Т. 8. С. 569—570). Листок с записью взят у Чернышевского при аресте (*Дело Чернышевского*. С. 301).

Гончаров в п. к Анненкову замечает: «...проводили и Тургенева, этого милого, всеобщего изменника и баловня. Теперь, вероятно, он забыл всех здешних друзей <...> и радует тамошних, которые с появлением

его, конечно, убедились, что, кроме их, у него никогда других не было в уме: в такой степени обладает он этою мягкою, магическою привлекательностию. Но Вы знаете его лучше меня, Вы, пользующиеся его в самом деле особенною симпатиею, насколько он только способен *обособиться* в этом отношении. Мы с ним как будто немного кое о чем с живостью поспорили, потом перестали спорить, поговорили покойно и расстались, напутствовав друг друга самыми дружескими благословениями у Donon и у Дюссо» (*Гончаров. Письма.* С. 322). В тот же день более определенно высказывается в п. к И. И. Льховскому: «Тургенев недавно уехал за границу на лето. У нас было с ним крупное объяснение по поводу двух моих неласковых писем к нему (Известно одно п. от ***28 марта*** (***9 апреля***). — *Ред.*). Но кончилось прочным, кажется, миром. Он даже предложил и усиленно просил меня взять от него письмо, в котором говорит, что план нового моего романа был пересказан мною ему года четыре тому назад, прежде нежели он задумал о своей повести, даже сознался, что сходство есть и что, вероятно, у него многое бессознательно осталось в памяти. Конечно, если я напишу роман, то такое письмо может оградить меня от подозрения» (Там же. С. 320).

В этот день начинается действие романа «Отцы и дети»: «Что, Петр, не видать еще? — спрашивал 20-го мая 1859 года <...> барин лет сорока с небольшим <...>» (*Соч.* Т. 7. С. 7).

24 мая (***5 июня***). **Воскресенье**. Дата п. Фета к М. П. Фет из Ясной Поляны, в котором сообщает, что 22 мая (3 июня) был с Л. Толстым в Спасском: «Николай Николаевич (Тургенев. — *Ред.*) болен, что не мешало мне осмотреть лошадей, и они для нас оказались негодными. <...> Марья Николаевна (Толстая. — *Ред.*) несколько поправилась здоровьем <...>». Сообщает, что написал п. к Т. в Париж (неизв.) (*РГБ.* Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 32—33).

Между 20 мая (***1 июня***) ***и 24 или 25 мая*** (***5 или 6 июня***). Почти каждый день видится в Лондоне с Герценом в Фулеме (Park House, Percy Cross). Вероятно, передает ему материалы для «Колокола» и обещает прислать экземпляр «Украинских народных рассказов» Марко Вовчок в своем переводе (СПб., 1859) (см. ***Около 9*** (***21***) ***июня***).

В *Герцен. Летопись* (С. 44) утверждается, что Т., вероятно, привез с собой «Украинские народные рассказы», однако этому противоречат как воспоминания Тучковой-Огаревой, так и тот факт, что у Т. ко времени поездки в Лондон не было свободного экземпляра книги, о присылке которого он просил Маркович еще ***19*** (***31***) ***мая***. См. также ***Ранее 17*** (***29***) ***июня***.

Позднейшие воспоминания Е. Я. Колбасина (где, однако, переплелись воспоминания о нескольких поездках в Лондон) см.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 17—26. См. также воспоминания Тучковой-Огаревой: Там же. С. 214—215.

Предположительно встречается с Чорли и передает ему экземпляр «Записок охотника» во франц. переводе Делаво (Paris, 1858) с дарственной надписью (Anthony C. Hall catalogue № 58 (1978). Item 1617; см.: *НИиМ* (*4*). С. 68).

24 или 25 мая (***5 или 6 июня***). **Воскресенье или понедельник**. Уезжает вместе с Е. Я. Колбасиным из Лондона (*Герцен.* Т. 22. С. 229).

В *Герцен. Летопись* (С. 45) отъезд Т. из Лондона датируется около 27 мая (8 июня).

31 мая (***12 июня***). **Воскресенье**. В фельетоне *СПбВед* указывается, что *МВест* «замечателен блистательными именами своих сотрудников», из которых многие «украсили уже страницы журнала своими статьями». По мнению автора, «резче других выдаются своими достоинствами статья г. Оптухина» (Павлов), «рассказ г. Плещеева» и «в особенности рассказ И. С. Тургенева “Собственная господская контора” (отрывок из романа)» (№ 117. С. 517; подпись: Н. Н.). См. ***14*** (***26***), ***15*** (***27***) ***февраля***.

Герцен сообщает сыну Александру: «Был здесь Тургенев, который поседел еще, но все так же умен и ужасно тешил нас рассказами» (*Герцен.* Т. 26. С. 273).

3 (***15***) ***июня***. **Среда**. Сообщает дяде Н. Н. Тургеневу в Спасское о своем отъезде на следующий день в Виши на шесть недель для лечения мочевого пузыря и намерении вернуться в Спасское в конце августа (см. также ***17*** (***29***) ***мая***). Просит по получении п. выслать 1000 р. сер. до востребования в Париж. Извещает об отъезде брата Николая из Парижа. Интересуется делами в Спасском. По поводу австро-итало-французской войны и последних побед сардинско-пьемонтских войск (см. ***8*** (***20***) ***мая***) замечает: «Дела в Италии идут пока отлично, дай бог, чтобы у нас обошлось без войны: у нас теперь другие заботы», опасаясь, что война могла бы задержать подготовку крестьянской реформы.

Между 10 (***22***) ***мая — 3*** (***15***) ***июня***. Видится в Париже с гр. К. К. Ламбертом, который сообщает ему о том, что гр. Ламберт находится в Гапсале.

4 (16) июня*. Четверг**. Выезжает из Парижа на воды в Виши для лечения мочевого пузыря. Берет с собой книгу «Мысли» Паскаля: Pensées de Pascal, édition variorum d'après le texte du manuscrit autographe contenant les lettres et opuscules, l'histoire des éditions des Pensées, La vie de Pascal par sa sœur, des notes choisies et inédites et un index complet par Charles Louandre. Paris, 1854 (экземпляр сохранился в Библиотеке ИРЛИ), которую читает в дороге. См. п. к П. и Л. Виардо от ***8 (20) июня.

***6 (18) или 7 (19) июня*. Суббота или воскресенье**. Приезжает на воды в Виши и останавливается в Hôtel du Louvre, на Rue de Nîmes, посещает врача. В Виши видится с Тимашевым.

***8 (20) июня*. Понедельник**. Дата п. к П. Виардо, в котором сообщает о своем прибытии в Виши, визите к врачу, о том, что записался к Штраусу и в читальный зал Бугареля. Делится впечатлениями о Виши: «Внешне Виши совсем не напоминает пригожих и кокетливых немецких курортов: он грязноват, грустноват и до сих пор изрядно пуст. <...> Деревьев мало — большая река, называемая Аллье, несет уныло-желтые волны по слишком широкому руслу, устланному гравием: этот поток мрачен и лишен всякой поэзии. — Повсюду много тополей, и льет дождь».

Делится впечатлением от чтения книги «Мысли» Паскаля (см. ***4 (16) июня***), которую взял с собой в дорогу — «самую ужасную и приводящую в отчаяние книгу, какая когда-либо была напечатана. Этот человек попирает все самое дорогое, что есть у человека — и втаптывает нас в грязь — а потом, в качестве утешения, предлагает вам религию горькую и жестокую, которая вас *отупляет* (это его слово), — религию, которую разум (в том числе и самого Паскаля) не может не отвергать, но которую сердце *должно* принять, *смиряя себя*. <...> Но никогда еще ни у кого не было паскалевых интонаций: его тоска, его проклятия ужасают; рядом с ним Байрон — прозрачный ручей. И какая глубина, какая ясность — какое величие!». Цитирует несколько «мыслей» Паскаля (см.: *П.* Т. 4. С. 47—48, *478—480*). Отмечает «свободный, сильный, дерзкий и возвышенный язык». Сообщает, что намерен «поработать» (над «Накануне»).

В приписке для Л. Виардо повторяет просьбу прочесть свою повесть «Ася» в переводе Делаво, вышедшую в «Revue des deux mondes» (1858. 1 octobre. P. 553—595) под заглавием «Anouchka, Souvenirs des bords du Rhin»: «...мне нужно ваше мнение — я слишком высоко ценю ваш безупречный вкус, чтобы не желать и одновременно не-

много не побаиваться вашей критики». Выражает осторожное желание приехать в Куртавнель (см. ***6*** (***18***) ***июля***) и познакомить Виардо со своим новым романом «Дворянское гнездо» или заняться переводом лирических ст-ний Пушкина (см. ***1862***).

Начало июня (***до 8***) ***ст. ст.*** Маркович отвечает на п. Т. от ***19*** (***31***) ***мая*** и посылает вместе с п. экземпляр своих «Украинских народных рассказов», о котором просил Т. Сообщает о приезде три дня назад в Дрезден мужа и другие новости из жизни общих петербургских и московских знакомых: о смерти С. Т. Аксакова в Москве ***30 апреля*** (***12 мая***); выздоровлении Полонского; отъезде Кулиша на Кавказ вместе с женой; отъезде художника И. И. Соколова в Малороссию; предполагаемом приезде в Дрезден Макарова; намерении Белозерского издавать альманах «Хата». Жалуется на ухудшение здоровья, отказывается от поездки в Эмс, Виши и Остенде, рекомендованной доктором Круневичем, и продолжает лечиться по методе Шипулинского. Намерена с мужем ехать в Тарент «поискать себе там приюта». Сообщает об отъезде семьи А. В. Станкевича из Дрездена в Киссенген через «два дня после вашего отъезда», а также о прочитанных книгах: «Записках княгини Е. Р. Дашковой, писанных ею самой» (Лондон, 1859), изданных Герценом, и его «Прерванных рассказах» (Лондон, 1857. 2-е изд.). Просит написать о Герцене. Сетует, что начала работать, «да работа нехороша и пуста что-то» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 269). См. ***9*** (***21***) ***июня***.

9 (***21***) ***июня***. **Вторник**. Отвечает на п. Маркович от ***Начала июня*** (***до 8***) ***ст. ст.*** и благодарит за п. и присылку экземпляра книги «Украинские народные рассказы» (вероятно, для Герцена), о котором просил ***19*** (***31***) ***мая***, и за известия об общих знакомых (Кулише, Марковиче и др.). Сообщает, что прибыл в Виши «третьего дня» (***6*** (***18***) ***или 7*** (***19***) ***июня***): «Виши грязный и не веселый городок — везде французские козлиные лица, французское щебетанье: веселого в этом мало: слава богу, русских до сих пор немного». Сожалеет о нездоровье Маркович и одобряет ее идею перебраться в Тарент. На запрос о Герцене сообщает, что пробыл в Лондоне неделю и каждый день видел его: «он бодр и крепок — внутренняя грусть меньше его точит, чем прежде: теперь у него есть деятельность. Натура могучая, шумная — и славная. Я возил к нему одного хохленка, <Е. Я.> Колбасина; тот чуть не сошел с ума от восторга». Сообщает о том, что из русских в Виши находится Тимашев: «Как он пленителен в статском сюртуке с какими-то пестрыми ленточками

в петлице!» (возможно, впечатление от встречи отразилось в описании «молодых генералов» в «Дыме»). По поводу замечания Маркович об отсутствии учителя немецкого языка пишет: «...а что немецкий учитель до сих пор не пришел — это я, в Вашего позволения, приписываю не немецкой неаккуратности — а малороссийско-великороссийской лени».

Начинает работу над переводом (редактированием подстрочника) повести Маркович «Институтка» (о чем сообщает в п. к Маркович).

Около 9 (21) июня. Предположительно высылает Герцену в Англию «Украинские народные рассказы Марко Вовчка» (СПб., 1859) в своем переводе (см. ***Ранее 17 (29) июня***).

10 (22) июня. **Среда**. В п. к Анненкову сообщает, что Соллогуба «дернуло перевести» «Дворянское гнездо» для «Revue contemporaine» — «гнусный журнальчик, — но я отклонил такую великую честь». См. ***18 (30) мая***, ***3 (15)***, ***18 (30) апреля*** и ***3 (15) мая***. С раздражением пишет о французах: «Все французское для меня воняет, и уж, коли выбирать, лучше возиться с французскими épiciers (лавочниками — *франц.*), чем с французскими beaux esprits (остроумцами — *франц.*)». Одобрительно высказывается по поводу итальянских событий и Гарибальди (о войне Сардинии и Франции против Австрии) и приветствует Наполеона III как пособника освобождения Италии (см. ***8 (20) мая***): «Можно кричать: Evviva l'Italia! Evviva Garibaldi! — черт возьми — Evviva Napoleone! (Да здравствует Италия! Да здравствует Гарибальди! <...> Да здравствует Наполеон! — *итал.*)». Просит написать ему «немедленно» в Париж (см. ***9 (21) июля***).

Вспоминая позднее это время и зная о стойкой неприязни Т. к Наполеону III, который оказался временным союзником итальянского освободительного движения, Анненков, хронологически несколько смещая события, писал: «Войска, участвовавшие в итальянской кампании, стягивались в Париж, где император готовил им колоссальный смотр <...>, имевший все подобие триумфа старых кесарей Римской империи. От этого триумфа именно Тургенев и бежал сперва в Виши, а потом в Куртавнель. От природы Тургенев был ненавистником всего деланного, официально праздничного, декоративного — без теплоты и сердечного участия. Письма его от этой эпохи наполнены восторженными восклицаниями: evviva l'Italia, evviva Garibaldi, которые он считал еще революционными возгласами, как оказывается, да еще насмешками и ироническим отношением к французам и к их национальному безмерному

самолюбию <...>» (*Анненков* (*1983*). С. 418—419). См. также ***1* (*13*) *августа*.**

Сообщает (по-франц.) дочери Полине о приезде в Виши и намерении, сократив свое пребывание до 25 дней, вернуться в Париж ***3* (*15*) *июля*.** Планирует провести с ней день и затем отправиться в Куртавнель: «...надеюсь, что меня туда пригласят» (см. ***6* (*18*) *июля***), откуда вернуться «к торжественному дню раздачи наград» (Т. полагал, что осенью Полина покинет пансион, однако она вышла из него только в конце июля 1860). Просит сообщить о своем здоровье и здоровье Х. Гарсиа, а также о первом уроке «закона божьего» у священника посольской церкви в Париже Васильева. Жалуется на нездоровье: «...мои боли меня порядочно беспокоят, — но говорят, что это бывает всегда так в начале лечения». Планирует засесть за работу («Накануне», перевод «Институтки» Марко Вовчок).

11* (*23*) *июня*. Четверг.** Выходит № 162 газ. «Le Nord», в которой Т. читает сообщение о предстоящем с 1860 переходе *Совр* под редакцию его владельца Плетнева и намерении Некрасова и Панаева основать журнал под названием «Временник» (см. ***18* (*30*) *июня).

12* (*24*) *июня*. Пятница.** Отвечает на два неизв. п. гр. Ламберт. Сообщает о пребывании в Виши (отрицательно отзывается о городе), благодарит за увенчавшиеся успехом хлопоты о Беленкове (см. ***30 апреля* (*12 мая*)**), а также о г-же Змеевой (неизв.), о последней замечает: «...между нами говоря — дама эта очень мало меня интересует; ее несносная, задушевно-пошло-фразисто-чувствительно-восторженная болтовня очень противна <...>». Выражает надежду, что пребывание в Гапсале и «морские купанья» поправят здоровье Ламберт. Признается: «Я часто думаю об Вас и чувствую, что глубоко и искренно к Вам привязан. Я нахожусь теперь в том полувзволнованном, полугрустном настроении, которое всегда находит на меня перед работой («Накануне». — *Ред.*); но если бы я был помоложе, я бы бросил всякую работу и поехал бы в Италию — подышать этим, теперь вдвойне благодатным воздухом». Восторженно оценивает события в Италии (войну против Австрии): «Стало быть, есть еще на земле энтузиазм? Люди умеют жертвовать собою, могут радоваться, безумствовать, надеяться?» (см. ***8* (*20*) *мая). Рассказывает о частых встречах с дочерью во время пребывания в Париже: «...в ней нет ничего необыкновенного — есть кое-какие, довольно важные недостатки; но она очень чистое и честное создание; она будет хорошей женой. Как это сделалось — не знаю; воспитание она

получила пансионское, французское — то есть прескверное: такая уже, видно, кровь. Я не хочу этим сказать, что она в меня вышла; напротив, этих-то качеств именно и нет у меня; я хотел сказать, что она, видно, так родилась». Сообщает о том, что осенью его дочь выходит из пансиона (в действительности, это произошло в следующем году, см. ***Конец июля 1860***), после чего собирается поселить ее «в хорошем доме, у почтенного семейства» (предположительно Н. И. Тургенева) и совершить «вдвоем маленькое путешествие по Рейну» (не осуществ.). Собирается вернуться в Россию в сентябре. Рассказывает о встрече в Париже с гр. К. К. Ламбертом. Просит поклониться «Вашему милому и доброму мужу и всем хорошим петербургским знакомым». Описывая липовую аллею в цвету в Виши, замечает: «Этот сладкий запах напоминает мне родину — но нет здесь ее необозримых полей, полыни по межам, прудов с ракитами и т. д. ... Что ни говорите, человек гораздо больше растение, растение с *корнем*, чем он сам предполагает».

Дата ценз. разрешения № 6 *Совр*; в нем — рец. Добролюбова «Весна. Литературный сборник на 1859 год. СПб., 1859», содержащая отклик на ст. о «Дворянском гнезде» Ахшарумова («поборника чистого искусства»): «Есть несколько замечаний, с которыми можно согласиться, и в статье о “Дворянском гнезде” Тургенева, хоть вся она совершенно ложна в своем основании, признавая, что сущность повести Тургенева заключается в изображении характера Лизы <...>» (*Добролюбов.* Т. 4. С. 376). См. ***18 (30) марта***.

13—14 (25—26) июня*. Суббота — воскресенье**. Маркович отвечает из Дрездена на п. Т. от ***9 (21) июня. Сообщает, что нашла учителя немецкого языка и берет уроки вместе с С. К. Рутцен два раза в неделю. Рассказывает о встрече с Кавелиным и Гончаровым, знакомстве с Вл. Н. Майковым: «Все спрашивали у меня о вас». Передает новости о Шевченко, расстроенном тем, что его не выпускают из Петербурга (подал 5 (17) мая просьбу выдать пропуск на проезд в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии сроком на пять месяцев), об управляющем типографией Кулиша в Петербурге Каменецком: «...пишет тоже, что ему хочется *с мосту да в воду*». Пишет, что сын Богдан «уж четыре дня как поступил в школу». Собирается остаться с мужем еще на месяц в Дрездене. Интересуется, каковы дела у дочери Т. Просит прислать портрет (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 271—272). См. ***18 (30) июня***.

***14 (26) июня*. Воскресенье**. Отвечает на неизв. п. дочери. Доволен впечатлением, которое на нее произвел первый урок с о. Васи-

львевым (см. ***10*** (***22***) ***июня***). Выражает недовольство второй частью п., в частности тоном «по отношению к г-же Виардо»: «Ты слишком забываешь всё, чем обязана ей. Знай, что я не желаю, чтобы ты словно старалась настроить меня против нее, да это, впрочем, ни к чему и не послужит, потому что в десяти случаях из десяти я найду ее вполне правой <...>. Повторяю, ты должна повиноваться ей беспрекословно — и, поверь мне, для тебя было бы большим несчастьем, если бы она перестала интересоваться тобой и позволила бы укрепиться в тебе некоторым наклонностям, которые надо искоренять. Ты себялюбива, обидчива и любишь не тех, кто этого заслуживает, а тех, кто выказывает любовь к тебе или балует тебя».

16 (***28***) ***июня***. **Вторник**. В Виши приступает к работе над черновой рукописью романа «Накануне». Помета на титульном листе: «Начата в Виши во вторник 28/16 июня 1859 г.» (*РНБ*), но первоначально работа продвигается медленно, о чем сообщает нескольким корреспондентам (Маркович, Фету ***18*** (***30***) ***июня***).

Ранее 17 (***29***) ***июня***. Герцен читает своей дочери Наталье (Тате) «Украинские рассказы Марка Вовчка» в переводе Т. (*Герцен*. Т. 26. С. 278).

17 (***29***) ***июня***. **Среда**. Вечером получает п. от дочери Полины (с задержкой, поскольку на конверте не выставлен город), пишет ответ ***18*** (***30***) ***июня***.

Дата ценз. разрешения № 6 *РСл*; в нем — третья ст. Ап. Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа: “Дворянское гнездо”» (Отд. 2. С. 1—52). См. также ***4*** (***16***) ***апреля***, ***8*** (***20***) ***мая***, ***4*** (***16***) ***августа***.

В третьей ст. Григорьев подходит непосредственно к рассмотрению «Дворянского гнезда». «Глубокое впечатление», которое роман произвел «на всех более или менее чувствующих людей и притом в разных слоях общества», критик объясняет «органическою жизнью, развитою в “Дворянском гнезде” <...> органическим и неискусственным процессом зарождения художественной мысли, лежащей в основе создания» (С. 1). Вместе с тем указывает на то, что с точки зрения архитектоники роман слаб и представляет собой «огромную раму с холстом для большой картины», на котором «отделан только один уголок или, пожалуй, центр»: «это драма, в которой одно только отношение разработано — живое, органическое целое, вырванное почти безжалостно из обстанов-

ки, с которой оно связано всеми своими нервами, и оборванные нити, оборванные связи безобразно висят на виду зрителей» (С. 1—2). Признавая, что Т. ставил перед собой «огромную задачу» создать «огромную историческую картину» («“Дворянское гнездо” должно было обвить как разнообразный растительный мир центральную группу, и свет, падающий преимущественно на эту группу, в известной степени озарил бы и все перспективы того мира, с которым центральная группа связана физиологическим единством»), критик полагает, что Т., как и Островскому (в «Воспитаннице»), не удалось с ней справиться в силу «эпохи, разумеется эпохи, взятой исключительно у нас на Руси, — <...> эпохи пробы огромных сил, не выработавших себе простора деятельности, и между тем страшно возбужденных сил, неминуемо долженствующих кончать свои попытки неверием... в те широко раскидывающиеся миры, которые им грезятся!» (С. 2—5). Видя в Лаврецком «центр драмы» («...фигура Лаврецкого и психологические задачи, которых представителем он является, имеют важное значение в нравственном, душевном процессе поэта и нашей эпохи»), Григорьев далее подробно разбирает этот образ и приходит к выводу: «Лаврецкий <...> идеалист, но в нем есть плоть, кровь, натура: у него сознание не ограничилось одним отрицанием и перешло в дело... В нем столько же натуры и привязанности к почве, сколько идеализма. В его душе глубоко отзываются и воспоминания детства, и семейные предания, и быт родного края, и даже суеверия. Он человек почвы, он, если хотите, из обломовцев, к которым недавно проникся такою враждою замечательно-даровитый публицист “Современника” (Добролюбов. — *Ред.*). В этом его слабость, но в этом и его сила; слабость, разумеется, в настоящем, сила в будущем. Он *наш*, он *нам* родной, нам русским людям, какими сделала нас реформа. / Покамест он точно, как обломовец, ни в какое дело не годится, но он наша эгида против реформаторов Паншиных, против устроителей Костанжогло, наконец против этой бесцельной деятельности, которая математически-резко, но верно представлена Гончаровым в фокусе (ибо личностью я фокуса назвать не могу) Штольца». В заключение утверждает, что «в первый раз в литературе нашей, в лице Лаврецкого, наш Иван Петрович Белкин вышел из своего запуганного, чисто-отрицательного состояния. <...> Когда он, усталый от жизни, полуразбитый жизнию, возвращается в мир старых преданий, на родную, взрастившую его почву, он возвращается туда не умирать, как г. Чулкатурин (из «Дневника лишнего человека» Т. — *Ред.*) в свои “Овечьи Воды”... Он живет и живет впервые полною гармоническою жизнию. / Высокая поэтическая идея, за одну которую можно простить Тургеневу всю неоконченность создания!..» (С. 5—6, 47—48).

Чернышевский выезжает из Петербурга за границу для встречи с Герценом, в частности для объяснения по поводу его ст. «Very dangerous!!!» (см. ***20 мая*** (***1 июня***), ***24 июля*** (***6 июля***)).

18 (30) июня. **Четверг**. Отвечает на п. Маркович от ***13–14 (25–26) июня.*** Откликается на известия из России и поддразнивает ее, намекая на большое количество ее поклонников: «...но что же делать? — Этому горю пособить нельзя. Впрочем, успокойтесь: Ш<евченко> не повесится, — Кул<иш> — не застрелится, — Кост<омаров>... может быть, бросится в воду, — но повторяю, что же делать?». Сообщает, что остается в Виши еще на две недели, и обещает по приезде в Париж снять с себя и дочери фотографии и послать их Маркович. Радуется успехам Богдана и вспоминает совместное путешествие из Петербурга: «Отличный у Вас это мальчик. Вспомнил я его милые птичьи крики, когда он передразнивал русских ямщиков. При звуке этого крика — я тотчас же заключил две вещи — что у него добрейшее сердце <...> и что он будет художник <...>». Пишет о том, что перевод «Институтки» «подвигается медленно». Обещает выслать его через 2–3 недели (см. ***15 (27) сентября или 16 (28) сентября***). О работе над новым произведением («Накануне») сообщает: «Собственная работа совсем как-то стала. В голове всё накипело — а на бумагу не ложится».

Отвечает (по-франц.) на неизв. п. дочери, которое доставило ему «величайшее удовольствие», после высказанных в предыдущем п. от ***14 (26) июня*** упреков о поведении дочери по отношению к П. Виардо. Просит сообщить, переехала ли П. Виардо в Куртавнель, поскольку сама она ему не пишет. Намеревается в скором времени покинуть Виши и встретиться с дочерью ***2 (14) июля.*** Просит передать «тысячу добрых пожеланий» Х. Гарсиа и М. Сичес.

Пишет Фету о ходе лечения в Виши: «...до сих пор пользы никакой не ощущаю». Работает мало (о «Накануне»), пишет по страничке в день. Вспоминает «о России, о русских друзьях, о Вас, о наших прошлогодних спорах». Живо интересуется творческой работой Фета, его переводом «Антония и Клеопатры» Шекспира, охотой: «А Муза? А Шекспир? А охота?». Просит сообщить подробности недавней охоты (предположительно с Алифановым) в Щигровке, о собаках (в особенности о Весне, дочери Ночки), при этом пародируя по-немецки ст-ние Шиллера «Das Siegesfest» («Поминки» в пер. Тютчева). Спрашивает о М. П. Фет, Н. А. и И. П. Борисовых, их сыне Петре, о дяде Н. Н. Тургеневе и его семействе, о Толстом и М. Н. Толстой, Н. Н. Толстом, П. Кудряшове и пр. Далее следует серия вопросов, которые имеют полушутливый, полусерьезный характер: о крестьянском вопросе, о литературе; вопрос о «*Со*временнике» и «*В*ременнике» намекает на слух, проникший в печать, о том, что, вследствие разногласий с Плетневым относительно условий

аренды *Совр*, издатели — Некрасов и Панаев — отказываются от аренды и будут с 1860 издавать новый журнал — «Временник» (см. ***11*** (***23***) ***июня***; возможно, узнал это от самого Плетнева, который находился за границей). Спрашивает также «о Некрасове и Ваших счетах с ним». «Я же с своей стороны ни о чем Вас не извещаю — ибо знаю, что для Вас всё Западное — всё Европейское — есть нечто вроде (следующая за сим фраза не для дам) протухлой блевотины паршивой собаки, наевшейся полусгнивших и полных содержимым кишок человека, умершего от элефантиазиса, сопряженного с сатириазисом!» Намеревается приехать в Россию в августе и пострелять с Фетом «куропаток и вальдшнепов» (см. ***Середина сентября ст. ст.***). В заключение спрашивает об Ап. Григорьеве («...об Аполлоне Григорьеве, об Аполлоне, об Аполлоне!!!»).

19 июня (***1 июля***). **Пятница**. Выходит № 6 *Совр*; в нем — в разделе «Современное обозрение» рец. Михаловского «Шекспир в переводе г. Фета». См. ***1*** (***13***) ***августа***.

В № 24 газ. «Русский мир» в разделе «Текущая литература» помещено обозрение, где приводятся основные положения первой ст. Ап. Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа: “Дворянское гнездо”», опубликованной в *РСл* (см. ***4*** (***16***) ***апреля***), и высказывается «мнение, несколько противоположное» Григорьеву и Дружинину (С. 585—586).

«Сочувствие к поэту-идеалисту никак не может определяться одной *поэзией* его произведений, составляющей противоположность натурализму: сочувствие это всего более зависит от свойства самых идеалов поэта. Чем возвышеннее эти идеалы, чем более в них истины, являющейся новым откровением, и чем ярче ставит поэт жизнь в противоречие с идеей, тем сильнее возбуждается сочувствие к произведению и тем полнее достигает оно до поглощающего, чарующего обаяния. Правда то, что после произведений Тургенева остается, вместо веры и удовлетворения, какое-то моральное раздражение. Но в этом-то и есть его сила. Глубокий анализ жизни обнажает сокровеннейшие ее процессы, уясняя всю раздирающую душу дисгармонию их; за жизнь делается страшно; но успокоения, утешения нет: идеал недосягаем, черты его неуловимы; может быть, идеал остается таким же и в душе поэта и его тревожат также недосягаемые стремленья к этому идеалу. Поэт увлекает вас с собою в эту безграничную даль <...>. / Возвышенность идеала и анализ сильный до отрицания — вот, по нашему мнению, в чем заключается особенность таланта Тургенева и особенность сочувствия к его произведениям. Когда истина является в форме высокого идеала — только одна поэзия и может быть представительницей этой исти-

ны, другими словами: кто владеет пропагандой этой истины, тот непременно — поэт. Отсюда — сила поэтического творчества и высокая художественность произведений Тургенева. Одна эстетическая критика его произведений никогда не уяснит всей сущности и всей особенности их. Точно так же, как и сравнение одного произведения с другим, разбор всякого отдельно взятого произведения из предшествовавших последнему не помогут сделать общего и верного взгляда. Произведения поэта-философа — это лестница, по которой он идет постоянно вперед. Поэтому последнее произведение — венец всех других, апогей его таланта; в этом только произведении и можно искать полной характеристики поэта, все же остальное — не более как подготовка» (С. 586).

22 июня (4 июля)*. Понедельник**. Отвечает на «французское» п. Е. Я. Колбасина (неизв.), поздравляет с «небольшим, но несомненным успехом, которым Вы, вероятно, обязаны любезности и терпению г-жи <В. И.> Шеншиной» (в овладении франц. языком). Сообщает о неудовлетворительном состоянии здоровья, а также о намерении покинуть Виши «через 10 дней». Обращается через Колбасина к мужу Шеншиной А. А. Шеншину с просьбой выслать ему в Виши 150 или 200 франков, которые необходимы ему, чтобы расплатиться: «Деньги мои у Виардо, но он переехал в деревню — и это было бы хлопотно». Колбасин просьбу Т. выполняет. См. ***25 июня (7 июля).

Конец июня ст. ст. Маркович отвечает из Дрездена на п. Т. от ***18 (30) июня***. Сообщает, что кончила свое лечение по советам Шипулинского и посетила по советам супругов Рейхель дрезденского врача Рихтера, который «велел непременно ехать на воды, а потом купаться в море». Склоняется к поездке в Швальбах, куда намерена отправиться «недели через полторы, не раньше» (выехала в середине июля, около 8 (20) июля). Интересуется, когда Т. собирается выехать из Виши и куда. Передает поклон от мужа и сына. Т. получил данное п. в Куртавнеле (см. ***10 (22) июля***).

Маркович пишет еще одно п. в ответ на неизв. п. Т., где просит простить, «если мое прошлое письмо вам досадило». Сообщает об отъезде в Швальбах «через неделю или дней через десять» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 271—273). См. ***2—6 (14—18) июля***.

24 июня (6 июля)*. Среда**. Чернышевский, приехавший в Лондон, вечером в первый раз посещает Герцена, присутствуют Д. В. Стасов и Б. И. Утин (*Герцен. Летопись*. С. 55). См. ***20 мая (1 июня), ***27 июня (9 июля)***.

25 июня (***7 июля***). **Четверг**. Отвечает на п. Е. Я. Колбасина из Парижа с присланными по запросу в п. от ***22 июня*** (***4 июля***) 200 франками, которые обещает отдать по возвращении в Париж, долгу же Колбасина дает отсрочку до возвращения в Петербург («или мы рассоримся»). Сообщает о своем лечении в Виши: «Здешние воды начали помогать мне, но я умудрился при 35 градусах жары простудиться и сильно кашляю». Намеревается вернуться в Париж «через неделю». Пишет, что мало продвинулся в работе над новой повестью («Накануне»). Просит поклониться «милым» В. И. и А. А. Шеншиным.

26 июня (***8 июля***). **Пятница**. Дата п. гр. Ламберт к Т. (неизв.).

Июнь (***до 29***) ***ст. ст.*** Получает неизв. п. от П. Виардо (вероятно, ответ на п. от ***8*** (***20***) ***июня***) с приглашением приехать в Куртавнель (см. также ***6*** (***18***) ***июля***). См. п. к П. Тургеневой от ***29 июня*** (***11 июля***).

27 июня (***9 июля***). **Суббота**. Чернышевский во второй раз посещает Герцена, объясняется с ним по поводу ст. «Very dangerous!!!» (*Герцен. Летопись.* С. 56). См. ***20 мая*** (***1 июня***).

Результатом этой встречи стала ст. Герцена «Объяснение статьи “Very dangerous!!!”», опубликованная в «Колоколе» 20 июля (1 августа).

27 или 28 июня (9 или 10 июля) Чернышевский пересылает через Пыпина п. к Добролюбову в Петербург, давая негативную оценку встречам с Герценом: «Оставаться здесь было бы *скучно.* Разумеется, я ездил не понапрасну, но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него <...> если хотите вперед узнать мое впечатление, спросите Николая Алексеевича (Некрасова. — *Ред.*), чтобы он откровенно высказал свое мнение о моих теперешних собеседниках, и поверьте тому, что он скажет; он ошибется разве в одном: скажет все-таки что-нибудь лучшее, нежели сказал бы я об этом предмете. Кавелин в квадрате — вот вам все» (*Чернышевский.* Т. 14. С. 379, с датой: Конец июня ст. ст.).

29 июня (***11 июля***). **Понедельник**. Посылает шутливое стихотворное послание Е. Я. Колбасину в Париж («Мой юный друг, Колбасин Елисей...»), в котором сообщает, что намерен выехать из Виши в Париж ***1*** (***13***) ***июля***, и назначает на ***2*** (***14***) ***июля*** в 11 ч. встречу в Hôtel Byron, где планирует остановиться. Заблаговременно, на случай если вдруг «дела меня задержат», назначает вторую встречу на ***4*** (***16***) ***июля***.

В этот день подписано Виллафранкское перемирие между Францией и Австрией (см. ***8 (20) мая***).

1 (13) июля Тютчев писал жене Э. Ф. Тютчевой: «Каков молодец этот французский император! Надо сознаться, что если дядя был великий акробат, то племянник искусный фокусник. Как он ловко подтасовывает карты! Какой ловкий мошенник! <...> Совершенно ясно, что последствием этого мира, если он будет заключен на предполагаемых условиях, — будет такая же временная Италия, как и прежде, и Германия, более чем когда-нибудь разделенная, а это именно то, что нужно этому великому мастеру ловить рыбу в мутной воде» (цит. по: *Тютчев. Летопись.* Кн. 2. С. 326. Подлинник по-франц.).

Отвечает (по-франц.) на неизв. п. дочери, в котором радуется известиям об уроках закона божия со священником Васильевым: «Это весьма достойный человек, и я счастлив, что он доволен тобой». Одобряет намерение дочери «ходить в театр с английскими барышнями». Собирается увидеться ***2 (14) июля*** между 1 и 2 ч. или ***4 (16) июля*** утром. Сообщает о полученном п. от П. Виардо и приглашении приехать в Куртавнель. Удивлен желанием дочери провести отпуск у матери П. Виардо, Хоакины Гарсиа, которая, по его представлению, находится в Брюсселе. Планирует в Куртавнеле поблагодарить Берту Виардо за то, что она навестила дочь в пансионе: «...полагаю, что эта кисло-сладкая особа уже находится там». Призывает дочь «усердно» работать: «Твоя орфография все еще немножко хромает. Что не хромает — так это моя любовь к тебе».

***1 (13) июля*. Среда**. Вечером выезжает из Виши в Париж.

2 (14) июля*. Четверг**. Прибывает в Париж и останавливается в Hôtel Byron, куда предположительно в 11 ч. утра приходит Е. Я. Колбасин (см. ***29 июня (11 июля)), в этот день между 1 и 2 ч. встречается также с дочерью Полиной.

***2–4 (14–16) июля*. Четверг — суббота**. Маркович сообщает в п. об отъезде на следующий день из Дрездена в Швальбах, поскольку Макаров задерживается с приездом: «...будет только через две недели, а может и через месяц». Пишет о том, что Макаров и Белозерский «спрашивают, где вы и что делаете». Извещает об отъезде из Дрездена Н. К. Рутцена, рассказывает о его изобретении (специальная паровая машина для перевозки грузов по снегу и льду). Сообщает, что работа (предположительно «Червонный король») «идет скоро, да все что-то нехорошо очень». Хочет узнать мнение Т. перед

отправкой рассказа в Россию. Извещает, что «достала те стихи, что вы дорогою читали у Рейхель. Я прочла еще раз Пушкина, и всякий раз, как читаю, вижу, что прежде много пропустила». Пишет, что хочет побывать в Лондоне (ради встречи с Герценом). Просит сообщить о времени приезда Т. в Париж и Дрезден, напоминает об обещании приехать и проигранном пари, желает встретиться, готова приехать сама. Сообщает о разрешении, полученном Шевченко для выезда на Украину. Передает поклоны от мужа, Рейхелей и С. К. Рутцен. См. ***10 (22) июля***.

4 (16) июля. **Суббота**. Возможно, встречается с Е. Я. Колбасиным. См. ***29 июня (11 июля)***.

Дата («Courtavenel 16 juillet 1859»), проставленная П. Виардо под записанным ею в своем альбоме нотным автографом «Chœur de lutins» (впоследствии «Chœur des elfes»; «Хор эльфов»), которым будет открываться оперетта «Последний колдун» (Houghton Library. Harvard University. MS Mus 264 (97). F. 87 v—91). «Хор эльфов» записан ею с франц. текстом, принадлежащим Т. («Par ici, par ici...»). Не исключено, что рукопись Т. «Chœur de lutins» (*BN*. Slave 75. F. 117—117 v) также следует датировать 1859 или более ранним временем (текст см.: *Соч.* Т. 12. С. 480—481).

5 (17) июля. **Воскресенье**. Извещает Каткова из Парижа, что повесть для *РВ* («Накануне») «подвигается *быстро*», и надеется представить ее в ноябре. Общий объем повести оценивает «листов в 10 с лишком». Намеревается сам наблюдать за печатанием (см. ***16 (28) января 1860***). Просит прислать аванс в 1000 р. сер., «так как по скудости урожая в нынешнем году доходы с деревень предвидятся плохие». Сообщает, что в Париже «мы здесь не видим “Р<усского> в<естника>”», передает поклоны «всем московским друзьям».

6 (18) июля. **Понедельник**. Приезжает в имение Виардо Куртавнель.

8 (20) июля. **Среда**. Пишет шутливое стихотворное послание Е. Я. Колбасину («Многострадальный Колбасин, и в то же время счастливец!..»). Извещает о прибытии «третьего дня» в Куртавнель. Просит обратиться к А. А. Шеншину с тем, чтобы тот передал ему 300 франков, которые Т. должен Колбасину. См. ***22 июня (4 июля)***, ***15 (27) июля***. Просит сообщить о своем здоровье.

9* (*21*) *июля*. Четверг**. Анненков из Симбирска отвечает на п. Т. от ***10* (*22*) *июня. В ответ на запрос «сведений об отечестве» не без иронии рекомендует книгу «Ульрих фон Гуттен» немецкого теолога Д.-Ф. Штрауса (Страуса), находя параллели между борьбой немецкого гуманиста и реформатора (называет фон Гуттена «Виссарионом Григорьевичем из рыцарей») и интеллектуальной атмосферой 1840-х и ролью в ней Белинского.

Из книг «об России» рекомендует также «Land und Leute» («Земля и народ» — *нем.*) В.-Г. Риля (перв. изд.: Штутгарт, 1854; вошло в качестве т. 1 в его книгу «Naturgeschichte des Volkes als Grundlage einer deutschen Social-Politik»): «Основная мысль ее — создать правительственную и социальную науку об изучении коренных свойств каждого племени и народа», называя ее «русской мыслью, которая одна и составляет единственную политическую религию для нас, внеправительственных лиц». Риль говорит, что «изучение народных стремлений есть консерватизм, а пренебрежение этой науки и постройка общества на кабинетных соображениях принадлежат либерализму и что поэтому государство, не имеющее консервативных начал, не имеет будущности, так как оно не может знать ни себя, ни путей, ему предстоящих». Находя созвучие в рассуждениях Риля, пишет, что немецкий ученый «просто у нас с языка выхватывает афоризм — порядочному человеку стыдно в наше время называться либералом!», высказывает убеждение, что «во всей Европе нет зрелища гнуснее <...> нынешнего русского либерализма», в подтверждение рисует неприглядную картину жизни провинциального общества Симбирска. С одобрением отзывается о присоединении к Редакционной комиссии 4-го (финансового) отдела, в ведении которого находился вопрос о выкупе, а также о вынесении на публичное обсуждение всех предлагаемых мер. Подробно сообщает о выработанном Редакционной комиссией Уставе о сельской общине, заметив, однако, что и Комиссия «не избегла современного русского либерализма».

Высказывает сомнения в жизнеспособности Виллафранкского перемирия, заключенного ***29 июня* (*11 июля*)** Францем Иосифом и Наполеоном III (см. ***8* (*20*) *мая***). Сообщает о волне местных «манифестаций» — «кабако-бития» из-за отсутствия в кабаках дешевого вина: «Оно началось в Пензенской губернии, где 100 кабаков снесено, разлилось по Саратовской и достигает Симбирской. <...> Кабаки валятся, как снопы, отряды войск не поспевают спасать их, откупщики сдают свои откупы в казну <...>. Откуп решительно разваливается сам собой». Передает поклон «всем общим знакомым»

и просит ознакомить с содержанием п., в том числе Боткина. Просит передать поклон дочери Т., «напомнив ей о седом господине, который бранил ей ее отца» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 70—72). См. ***1* (*13*) *августа*.**

***10* (*22*) *июля*. Пятница**. Отвечает на п. Маркович от ***2—4* (*14—16*) *июля*.** Сообщает о приезде в Куртавнель и намерении пробыть там «недели две», а также о дальнейших планах: вернуться в Париж, чтобы присутствовать на выпускных экзаменах дочери; с 5 по 15 августа н. ст. совершить с ней путешествие по Рейну или в Швейцарии, к которому предлагает присоединиться Маркович (не осуществ. из-за недостатка денег); затем до 15 сентября н. ст. планирует пробыть в Куртавнеле, после чего через Берлин и Варшаву отправиться в Москву и в Спасское до декабря. Просит сообщить свой «план» (в ответ на напоминание о проигранном пари): «Я с удовольствием поеду туда, где Вы будете — лишь бы это не было слишком далеко от Рейна — и Вы будете иметь случай познакомиться с моей дочерью, т. е. я хотел сказать, что она будет иметь случай познакомиться с Вами». Радуется сообщенным Маркович известиям (о Богдане, об изобретении Рутцена, повергшем «в недоумение», об отъезде Шевченко «в Украйну»). Сообщает о том, что работает над переводом ее повести «Институтка». Советует читать Пушкина: «...это самая полезная, самая здоровая пища для нашего брата, литератора; когда мы свидимся — мы вместе будем читать его». Интересуется планами Маркович на зиму. Делится своими впечатлениями от пребывания в замке Виардо: «Всё очень тихо вокруг: слышатся детские голоса и шаги (у г-жи Виардо прекрасные дети) — в саду воркуют дикие голуби — а малиновка распевает; ветер веет мне в лицо — а на сердце у меня — едва ли не старческая грусть. Нет счастья вне семьи — и вне родины; каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю... Что лепиться к краешку чужого гнезда?». Передает поклоны Макарову, Белозерскому (письменно), а также мужу и сыну Маркович.

Середина июля ст. ст. Отвечает на «милое» п. гр. Ламберт (неизв.), благодарит за прямоту, сообщает о том, что находится в замке Виардо Куртавнеле, откровенно делится своими переживаниями по поводу отношений с П. Виардо: «Здоровье мое хорошо; но душа моя грустна. Кругом меня правильная семейная жизнь... для чего я тут, и зачем, уже отходя прочь от всего мне дорогого, — зачем обращать взоры назад? Вы поймете легко, и что я хочу сказать, и мое положение. Впрочем, тревоги во мне нет; говорят: человек несколько раз

умирает перед своей смертью... Я знаю, чтó во мне умерло; для чего же стоять и глядеть на закрытый гроб? Не чувство во мне умерло; нет... но возможность его осуществления. Я гляжу на *свое* счастье — как я гляжу на *свою* молодость, на молодость и счастье другого; я здесь — а всё это там; и между этим *здесь* и этим *там* — бездна, которую не наполнит ничто и никогда в целую вечность». Сообщает о том, что общался со своей дочерью Полиной в последнее время «и узнал ее»: «При большом сходстве со мною — она натура совершенно различная от меня: художественного начала в ней и следа нет; она очень положительна, одарена характером, спокойствием, здравым смыслом: она будет хорошая жена, добрая мать семейства, превосходная хозяйка <...> Она, вероятно, будет счастлива». Сообщает о посещении вместе с дочерью русской церкви в Париже, о ее знакомстве со священником Васильевым, «который дает ей уроки и очень ею доволен». Надеется, что Ламберт вскоре познакомится с его дочерью (см. ***6* (*18*) *августа 1860***). Сообщает о том, что «занят большой повестью, в которую намерен положить всё, что у меня еще осталось в душе...» («Накануне»): «Бог знает, удастся ли? Я беспрестанно вожусь с моими лицами — даже во сне их вижу». Намеревается посвятить повесть Ламберт, если будет доволен своим произведением. Передает поклоны мужу Ламберт, «всем петербургским приятелям, не забывая г-жи Веригиной».

***15* (*27*) *июля*. Среда**. Отвечает на неизв. п. Е. Я. Колбасина шутливым стихотворным посланием «в фетовском стиле, его же размером», т. е. верлибром («О юный Колбасин!..»). Сочувствует проблемам Колбасина со здоровьем. Рассчитывает приехать к нему в Аниер ***20 июля* (*1 августа*)** и вернуть долг в 300 франков. См. ***22 июня* (*4 июля*)**.

Дата п. Маркович к Т. из Швальбаха. Сообщает об отъезде через неделю в Англию, на о. Уайт и намерении заехать в Аахен к Макарову на «три-четыре» дня. Интересуется планами Т., чтобы назначить время и место встречи. В своих дальнейших планах не уверена. О пребывании в Швальбахе замечает: «Ночи здесь теплы и тихи, а днем душно, пыльно и шумно. Куда ни обернешься, везде толпа. Иногда вспомню ваши наставления и прямо иду в эту толпу» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 274). См. ***18* (*30*) *июля***.

16* (*28*) *июля*. Четверг**. Пишет записку (по-франц.) к дочери Полине, извещая, что прибудет в Париж ***19* (*31*) *июля, и планирует вместе пообедать, чтобы обсудить «все наши дела».

Пишет шутливое стихотворное послание Фету («Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...») в ответ на п. Фета из Ясной Поляны (неизв.). Вспоминает о пребывании Фета в Куртавнеле в сентябре 1856 и своих с ним спорах. В ответ на жалобы Фета советует:

А на земле — *коль* есть покойный угол,
Да добрый человек с тобой живет,
Да не грызет тебя недуг упорный —
Доволен будь — «*большого*» не желай,
Не бейся, не томись, не злись, не кисни,
Не унывай, не охай, не канючь <...>

Передавая поклоны знакомым, упоминает о Толстом:

И Льву Толстому поклонитесь — также
Сестре его. Он прав в своей приписке:
Мне *нé за что* к нему писать. Я знаю:
Меня он любит мало — и его
Люблю я мало. — Слишком в нас различны
Стихии; но дорог на свете много:
Друг другу мы мешать не захотим.

***17 (29) июля*. Пятница**. П. Виардо сообщает в п. к Ю. Рицу: «Тургенев, друг, о котором я вам недавно рассказывала — он все еще у нас — он принадлежит к тем немногим, кого я называю друзьями. Он очень хорошо говорит по-немецки, как и на всех возможных языках, и мы много читаем вместе вслух — то есть обычно много, так как на этот раз мы только вчера принялись за Гомера» (цит. по: Musical Quarterly. 1916. Vol. 2. № 1 (Jan.). P. 39. Подлинник по-нем.).

18 (30) июля*. Суббота**. Получает п. Маркович от ***15 (27) июля и отвечает на него. Извещает, что свободен с 22 июля (3 августа) по 29 июля (10 августа), в течение этого времени предлагает встретиться и съездить вместе на Рейн (поездка не осуществ.). Просит срочно сообщить в Париж, где 22 июля (3 августа) вечером или 23 июля (4 августа) утром планирует быть Маркович. См. ***20 июля (1 августа)***.

Выходит в свет № 7 *Совр*; в нем — объявление «От редакции», в котором опровергается новость, опубликованная в «Le Nord» и некоторых др. русских журналах, что *Совр* с 1860 будет издаваться Плетневым и Лакиером, а нынешние издатели *Совр* будут издавать «Временник». См. ***11 (23) июня***.

6–19 (18–31) июля. Во время пребывания в Куртавнеле интенсивно работает над романом «Накануне».

Предположительно вместе с П. Виардо работает над сценарием оперетты «Последний колдун». См. также ***Между 30 июля (11 августа) и 1 (13) сентября***.

***19 (31) июля*.** **Воскресенье**. Приезжает в Париж. Предположительно встречается с дочерью Полиной. Получает деньги из Спасского, которых оказывается меньше ожидаемого из-за неурожая.

20 июля (1 августа)*.** **Понедельник**. Пишет п. к Каткову (неизв.) с просьбой выслать аванс за «Накануне» в 1500 р. сер. (упомянуто в п. к Маркович того же дня, см. ниже). См. также ***5 (17) июля.

Дата п. к Маркович, в котором Т. отказывается от совместной поездки на Рейн и встречи в Швальбахе из-за нехватки средств: «Никогда я так не досадовал на отсутствие “*презренного*” металла». Выражает надежду на будущую встречу (в том числе чтобы вернуть долг за проигранное пари). Сообщает, что ***3 (15) сентября*** планирует выехать в Россию «*и где <бы> Вы ни были*», «непременно» к ней заехать, чтобы отдать долг. Для этого просит срочно сообщить о ее планах на ***3 (15) сентября***, сообщает, что написал о том же Макарову в Аахен.

Дублирует свою просьбу в п. к Макарову в Аахен. Макаров просьбу Т. выполнил. См. ***25–26 июля (6–7 августа)***. Интересуется, как дела у Карташевской и Ракович (тетушки Макарова). Передает поклон им и Белозерскому.

Предположительно встречается с Е. Я. Колбасиным в Аниере (Anières), пригороде Париже на берегу Сены, и возвращает ему долг. См. ***22 июня (4 июля)***, ***15 (27) июля***.

Получает п. от гр. Ламберт от ***26 июня (8 июля)*** (неизв.). См. ***23 июля (4 августа)***.

21 июля (2 августа)*.** **Вторник**. Приезжает к Трубецким в Бельфонтен, где собирается прогостить до ***26 июля (7 августа) и работать над романом («Накануне»). От поездки в Германию отказывается из-за нехватки средств.

Писемский пишет из Полюстрово Т. «наугад» в Париж с «огромнейшей» просьбой: дать какое-нибудь произведение в *БдЧ*, приводя «тысячу доводов»: «“Современник” и без того уже имеет 5 тысяч подписчиков, “Русский вестник” столько же, по его мнению, нуждается в хороших повестях, как и в старых сапогах; поддерживать Краевского, каналью, тоже особенно нечего, — следовательно, осталась одна только бедная “Библиотека для чтения”, которая только

своим литературным отделом и может иметь значение и с существованием которой связано и мое, например, существованье». Как о главных литературных новостях сообщает о прекращении периодических изданий «Атеней», «Московского обозрения» и «Русского дневника». Коротко извещает о Дружинине («живет в деревне»), Гончарове («за границей», в это время в Булони), Майкове и Григоровиче: «с Некрасовым и Панаевым я, по обыкновению, не вижусь». Благодарит за издание «Записок охотника» (СПб., 1859) (очевидно, переданное перед отъездом самим Т.): «Прелесть, что такое! Я посердился только за то, что как было не исправить в некоторых местах речь мужицкую. Я бы вам это сделал в два часа, кабы мне вы поручили» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 157—158).

22 июля (***3 августа***). **Среда**. В записке по-франц. к дочери Полине напоминает, что в воскресенье утром ***26 июля*** (***7 августа***) будет в Париже. Просит г-жу Мерижо (директрису пансиона, в котором учится Полина) подготовить счет, а также сообщить, следует ли уплатить преподавательнице м-ль Торра-Морель.

Отвечает на неизв. п. Фета, в котором было послано ст-ние «По ветви нижние леса...» (при жизни Фета не опубл.), которое «очень мило и безукоризненно». Высказывает критические замечания о 3-й строфе («но это мелочная придирка»). Недоумевает, почему тот не получает п. от него со времени отъезда за границу («написал уже три», из которых известны два: от ***18*** (***30***) ***июня*** и ***16*** (***28***) ***июля***). Сообщает, что живет у кн. Трубецкого, «в доме, окруженном прекрасным садом и великолепным Фонтенеблоским лесом». Пишет, что занимается своим романом («Накануне»), «который подвигается понемногу — и, надеюсь, будет окончен в половине ноября» (см. ***25 октября*** (***6 ноября***)): «Посмотрю, понравится ли Вам мой новый труд: это было бы большим для меня ручательством за его дельность. Я с Вами часто спорю и не соглашаюсь — но питаю большое уважение к Вашему художническому вкусу». Планирует остаться в Париже до начала охоты, которая начнется «не раньше, как через четыре недели», а затем «марш домой». Просит прислать описание охоты в Щигровке, куда Фет ездил с Алифановым и Н. Н. Толстым: «У меня слюни текли при мысли, что я мог быть с обоими Вами там... <...> Хотел бы я посмотреть на него (Толстого. — *Ред.*) в разговоре с “французом” Афанасием». Обещает привезти книгу переводов Даумера из Гафиза, которую просил Фет: *Hafis.* Eine Sammlung persischer Gedichte. Von G. Fr. Daumer. Hamburg, 1856. См. ***9*** (***21***) ***октября***. Жалуется на плохую работу почты: отсутствие вестей от

Анненкова после п. от ***10* (*22*) *июня***, позднее поступление русских журналов: «“Русское слово”, — и в глаза не видишь» (намек на ст. Ап. Григорьева, см. п. к Анненкову от ***1* (*13*) *августа***). Просит поклониться «всем»: М. П. Фет, Борисову, сестре Фета Надежде.

В п. к Л. Виардо извещает, что находится в Бельфонтене: «...это — прелестное место (хотя, конечно, и уступающее Куртавнелю, несмотря на его родство с сыром бри)». Сообщает, что отказался от поездки в Германию, поскольку получил из дома сумму, меньшую, чем рассчитывал: 3500 франков вместо 5000, которой «едва хватит на устройство Полинетты» и на путешествие в Россию. Шутливо замечает, что Трубецкие «требуют г-жу Виардо, м-ль Луизу (Виардо. — *Ред.*) и вас. Я объяснил им причину вашего отсутствия и сказал при этом, что, быть может, вы приедете сюда через неделю». Планирует остаться в Бельфонтене до ***26 июля* (*7 августа*)**. Сообщает, что намеревается приехать в Куртавнель с дочерью ***30 июля* (*11 августа*)**.

23 июля* (*4 августа*)**. **Четверг**. Отвечает на неизв. п. гр. Ламберт от ***26 июня* (*8 июля*)**, которое «дней двадцать пролежало на почте». Сообщает подробности о своем пребывании в Бельфонтене и работе над романом «Накануне»: «У меня отдельная комнатка в отдельном флигеле, и я много работаю над новым моим романом. Эта работа отвлекает мои мысли ото всего другого и придает им что-то плоское и безжизненное, которое, вероятно, отразится в этом письме». Благодарит за «милое, слишком милое письмо»: «Как можно говорить человеку такие лестные вещи, и говорить их так умно и красиво — что он, хотя краснел от незаслуженных похвал, не может не любоваться их выражением?». Интересуется планами Ламберт на ***10* (*22*) *сентября, когда намеревается быть в Петербурге и увидеться с ней. Предполагает выехать в Россию ***3* (*15*) *сентября***. Обещает в Петербурге ей «прежде всех других» прочесть свой роман, если «у меня не будет опять болеть горло, как в прошлом году» (когда вместо Т. «Дворянское гнездо» пришлось читать Анненкову, см. ***Между 14* (*26*) *и 18* (*30*) *ноября 1858***).

***25 июля* (*6 августа*)**. **Суббота**. Едет в Ненвиль на охоту.

***25—26 июля* (*6—7 августа*)**. **Суббота — воскресенье**. Маркович из Швальбаха пишет Т., получив от Макарова п. с извещением, что Т. не приедет в Швальбах (см.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 275). Сообщает, что собирается на о. Уайт (для встречи с Герценом).

26 июля (***7 августа***). **Воскресенье**. Утром приезжает в Париж. Очевидно, оплачивает счет в пансионе, где учится дочь. См. ***22 июля*** (***3 августа***).

29 июля (***10 августа***). **Среда**. Уезжает из Парижа в Куртавнель вместе с дочерью Полиной.

30 июля (***11 августа***). **Четверг**. Приезжает в Куртавнель с дочерью, где думает остаться до ***Конца августа н. ст.***

Дата п. Боткина к Макарову: «О Тургеневе ничего не знаю, где он и что он?» (*РГБ*. Ф. 637. К. 1. № 3).

31 июля (***12 августа***). **Пятница**. Дата п. к К. Тургеневой, просит прощения, что из-за краткости пребывания в Париже не успел нанести ей визит в Вербуа. Просит указать день, в который Тургеневы смогут его принять между 15 (27) и 19 (31) августа, чтобы поговорить о дочери. Просит сообщить сведения о Н. И. и А. Н. Тургеневых, которые находятся в России.

1 (***13***) ***августа***. **Суббота**. Пишет Фету по поводу ст. «Шекспир в переводе г. Фета» М. Лавренского (псевд. Д. Л. Михаловского) в *Совр* (1859. № 6), написанной в развязном тоне и включавшей в себя шутливую пародию Т. на переводы Фета («Брыкни, коль мог...»), не предназначенную для обнародования. В связи с этим Т. дает Некрасову нелестные и резкие характеристики: «вонючий цинизм», «злобно зевающий барин, сидящий в грязи...». Недоумевает, почему Фет не получил ни одного из посланных им четырех п. Отправляет п. через дядю Н. Н. Тургенева. Сообщает, что место на пароходе, отплывающем из Штеттина 5 (17) сентября, уже взято, а к 14 (26) сентября намеревается быть в Спасском «и на другой же день колочу вальдшнепов».

Отвечает на «большое и милое» п. Анненкова от ***9*** (***21***) ***июля***: «С истинным наслаждением прочел я Ваши поучительные и занимательные странички <...>». Сообщает о себе: «Дела мои идут порядочно, то есть болезнь меня не мучит (много помогли воды Виши) <...>»; о ходе работы над романом («Накануне»): «...работа подвигается <...> объемом будет больше “Дворян<ского> гнезда”. Каков он будет в исполнении — это ведают одни боги. Я должен Вам сказать, что я так постоянно занят своим произведением — даже тогда, когда ничего не делаю — что мне почти нечего сообщать приятелю: я ничего не знаю и не ведаю, в строгом значении этого слова». Намере-

вается к ***14*** (***26***) ***сентября*** приехать в Спасское и там завершить роман, а «к половине ноября» привезти его в Москву и поместить в *РВ*.

Откликаясь на пассаж в п. Анненкова, посвященный окончанию войны Франции и Италии с Австрией (см. ***8*** (***20***) ***мая***), замечает по поводу триумфального возвращения Наполеона III в Париж и грядущих торжеств: «Знаю, что завтра происходит в Париже великое преториански-цезарское празднество, что все улицы Парижа перерыты, везде наставлены триумфальные ворота, венецианские мачты, статуи, эмблемы, колонны, везде навешаны знамена и цветы: это император будет держать аллокуцию в цесарско-римском духе <...>», и далее переходит на латынь, находя «величайшее сходство между Галлией (Францией) нынешнего времени и Римом Траяна, а также Каракаллы и прочих Гелиогабалов»: «Я, разумеется, бежал из Парижа в то самое время, как сотни поездов со всех концов Европы, с свистом и треском, мчали тысячи гостей в центр мира; всякое военное торжество ist mir ein Gräuel (мне отвратительно — *нем.*), подавно это: будут штыки, мундиры, крики, дерзкие sergeants de ville (полицейские — *франц.*) и пóтом облитые адъютанты, будет жарко, душно и вонюче — connu, connu!.. (знакомо! знакомо!.. — *франц.*) Лучше сидеть перед раскрытым окном и глядеть в неподвижный сад, медленно мешая образы собственной фантазии с воспоминаниями далеких друзей и далекой родины».

С наслаждением читает рекомендованную Анненковым книгу Риля «Land und Leute» («хотя по временам честил его филистером»). Намеревается прочесть вторую рекомендованную им книгу «Ульрих фон Гуттен» Штрауса, обещает привезти портрет Гуттена. Благодарит за «описание провинциального брожения, сверху кислого, в середине пресного, внизу горько-горячего»: «Вы мастер резюмировать данный момент эпохи (говоря по-русски)». Из русских видел за границей только Е. Я. Колбасина: «...Боткин тайком пробрался в Англию, кажется, на остров Уайт, и не дает знать о себе». Сообщает, что «русские журналы» попадают к нему изредка, сожалеет, что не может достать *РСл*: «Говорят, Григорьев написал обо всех нас статью прелюбопытную» (имея в виду ст. «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа: “Дворянское гнездо”», в частности вторую часть — см. ***8*** (***20***) ***мая***). Обсуждает планы на зиму, собирается провести месяц в Москве в связи с публикацией романа и предлагает Анненкову провести этот месяц вместе.

О событиях в Италии и намерении Гарибальди, не удовлетворенного условиями Виллафранкского мира (см. ***29 июня*** (***11 июля***)),

встать во главе экспедиции, которая должна была овладеть Римом: «Какая каша происходит в Италии! Вот где бы хорошо провести с месяц! Одно беда: пожалуй, досада возьмет нашего брата, исконного зрителя — и заставит сделать какую-нибудь глупость. Вдруг закричишь: viva Garibaldi! или а basso... (долой — *итал.*) кого-нибудь другого — и глядь, с трех сторон розги хлещут по спине». Завершает п. по-латыни. См. ***1*** (***13***) ***октября***.

Отвечает на п. Маркович от ***25—26 июля*** (***6—7 августа***). Упрекает, что она не дала ответа на вопрос о встрече с 12 по 20 сентября н. ст. Повторяет свой запрос. Обещает: «Где бы Вы ни были, я к Вам приеду и проведу с Вами дней *пять*».

Посылает п. к Маркович через Макарова, которому также пишет записку с просьбой доставить п. «немедленно». Просит при случае дать знать Боткину, что не получал от него п. до востребования в Париже (см. ***30 июля*** (***11 августа***)), что «мы все (Делаво и пр.) пеняем на него», и просит доставить свой адрес.

3 (***15***) ***августа***. **Понедельник**. Пишет Е. Я. Колбасину шутливое стихотворное послание («Милый Колбасин!..»). Просит прощения, что не успел встретиться с ним в Париже перед отъездом в Куртавнель.

4 (***16***) ***августа***. **Вторник**. Дата ценз. разрешения № 8 *РСл*; в нем — четвертая (последняя) ст. Ап. Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа: “Дворянское гнездо”» (Отд. 2. С. 1—40). См. также ***4*** (***16***) ***апреля***, ***8*** (***20***) ***мая***, ***17*** (***29***) ***июня***.

В заключительной статье, сопоставляя «художественную идею» «Дворянского гнезда» и «Обломова», Григорьев приходит к выводу, что роман Гончарова «своим миросозерцанием представляет явный контраст произведениям Тургенева вообще и последнему его произведению в особенности». Задаваясь вопросом: «Что главным образом *сказалось* в “Дворянском гнезде”?», критик замечает: «...отвечать на этот вопрос — *потруднее*, чем отвечать на вопрос, что *сказалось* в “Обломове”. <...> Вся эпоха от смерти Пушкина до наших дней тут сказалась: весь пушкинский процесс, который я называю нашим душевным Иваном Петровичем Белкиным — тут сказался — ибо весь этот процесс должен был повториться в Тургеневе, для того чтобы <...> создался новый, живой тип уже не отрицательный только, а положительный; загнанный, смиренный, простой человек, доселе только позволявший себе изредка критическое или комическое отношение к блестящему, хищному человеку и большею частию то подбиравший чужую любовь, да и то невпопад, то смеявшийся судорожным смехом Гамлета Щигровского

уезда над своим бессилием, то плакавший горьким плачем “лишнего человека” — переходит в живой, положительный образ. / Что сказалось “Дворянским гнездом”? Вся умственная жизнь послепушкинской эпохи от туманных еще начал ее в кружке Станкевича до резкого постановления вопросов Белинским и от резкости Белинского до уступок, весьма значительных — сделанных мыслию жизни и почве... Борьба славянофильства и западничества и борьба жизни с теориею — славянофильскою или западною все равно — завершается в поэтических задачах тургеневского типа победою жизни над теориями...» (С. 16—17).

В п. к Дружинину Писемский сообщает о том, что получил п. Т. (неизв.): «Он с божбой и клятвой уверяет, что к декабрю приготовит нам повесть» («Первая любовь») (*Писемский.* С. 131). См. также ***4*** (***16***) ***декабря***.

К этому времени Т. уже был составлен перечень действующих лиц повести, относящийся к январю 1858, и определено заглавие (датировка предложена Мазоном: Revue des études slaves. 1925. T. 5. № 3—4. P. 259; см. также: *Т Сб* (*2*). С. 83—84; *Соч.* Т. 6. С. *479*). См. ***10*** (***22***) ***марта 1860***.

В «Одесском вестнике» в списке отъезжающих за границу объявлено: «Отставной прапорщик Александр Вегелин, с племянницею дочерью генерал-майора Марьею Граве» (№ 84. С. 364). Очевидно, Вегелин должен был передать материалы для «Колокола» Герцену, полученные через Миницкого (см. п. Т. к Герцену от ***4*** (***16***) ***сентября***).

7 (***19***) ***августа***. **Пятница**. Высочайше утвержден Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. См. ***8*** (***20***) ***февраля***, ***16*** (***28***) ***февраля***, ***8*** (***20***) ***ноября*** (*Сб Лит фонда* (*XXV*). С. 427).

11 (***23***) ***августа***. **Вторник**. Дата п. Боткина к Т. из Вентнора, о. Уайт, где он находится с братом С. П. Боткиным и его женой. Извещает, что узнал только что из п. Делаво о том, что Т. во Франции. Сообщает, что читал «лестную» ст. о Т. в «National Review» за ***Апрель н. ст.***: «Она написана по поводу “Записок охотника”». Сообщает, что выехал из России в июле и дорогой познакомился с Макаровым («нашел в нем прекрасного человека»). Предполагает остаться в Вентноре до 10 сентября н. ст. и просит сообщить, когда Т. собирается вернуться в Россию. Интересуется, знает ли Т. о поездке Чернышевского в Лондон для встречи с Герценом (см. ***24 июня*** (***6 июля***), ***27 июня*** (***9 июля***)): «Оно характерно». Передает поклон П. Виардо,

«воспоминание о которой я храню как одно из великих удовольствий в моей жизни». Интересуется ходом работы над новым романом («Накануне»): «По моему мнению, она чертовски трудна». Сообщает, что по рекомендации Т. Монктон Милнс «был очень обязателен со мной, и я ему очень благодарен» (*Боткин и Т.* С. 156—157).

13* (*25*) *августа*. Четверг**. Пишет п. К. Тургеневой (выставив в адресе: Париж) с просьбой навестить ее вместе с дочерью около ***3* (*15*) *сентября. Передает приветы Н. И. и А. Н. Тургеневым, которые находятся в России, а также детям Тургеневых — Фанни и Пьеру.

Откликаясь на неизв. п. Т., в котором он извещал о намерении «возвратиться в начале сентября в Питер», Писемский сообщает, что мечтает после возвращения Т. «из вашей гадкой Франции» поехать с ним «недельки на две в деревню» (Спасское): «Город — душитель мой <...>. Когда бы вы пошли за охотой, я последовал бы за вами, как вернейшая собака». Горячо приветствует согласие Т. дать в *БдЧ* свое произведение (им станет «Первая любовь») (см. ***21 июля* (*2 августа*), *4* (*16*) *декабря***): «На повесть вашу крепкую возлагаем надежду <...>». Сообщает, что «почти уж кончил» свою драму «Горькая судьбина», но очень боится за 4-й акт в цензурном отношении, а также о задуманном новом «длинном» романе («Старческий грех»). Сообщает новости о «Грозе» Островского («говорят, написал новую комедию и хочет нам прислать»), М. А. Петрове и его повести «Выборы» (*БдЧ.* 1859. № 9). «О крестьянском вопросе разные толки: кто говорит, что к 8-му сентябрю, т. е. к совершеннолетию наследника будет все кончено и объявлено, а кто говорит, что дело оттянется года на два». О чтении первого собр. соч. Белинского (М.: изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859; к августу 1859 вышли две части): «Я все это время перечитываю Белинского. Что это за прелесть такая! Кроме уж удивительного чутья, величайшей добросовестности и рыцарской смелости, нашим современным критикам недостает по преимуществу той почти пламенной любви к русской литературе: он не пропускал ни одного явления, в котором хоть намек был на живую истину. Это решительно был великий человек!». Завершает п. сообщением о том, что Анненкова нет в Петербурге: «и где он теперь, никому неведомо!» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 158—159).

***17* (*29*) *августа*. Понедельник**. Дата ценз. разрешения отдельного издания «Дворянского гнезда» (М.: издание книгопродавца А. И. Глазунова, 1859; цензор Драшусов).

***18* (*30*) *августа.* Вторник**. Дата п. Боткина к Т. из Вентнора, о. Уайт, в котором он уведомляет о высылке Катковым векселя из Москвы в Париж на адрес «F. Homberg et C°»: «Катков теперь здесь со мной в одной гостинице живет и сегодня получил письмо от <П. М.> Леонтьева, который извещает его о посылке тебе векселя <...>». Сообщает о том, что на днях получил п. от Макарова из Аахена. Рассказывает, что Маркович была в Лондоне, виделась с Герценом и «очень понравилась ему». «Ужасно» интересуется повестью («Накануне») и жаждет узнать: «...доволен ли ты ею сам». Сообщает, что Катков «не знает, как дождаться ее. Он только с неделю, как здесь, и пробудет здесь недели три» (*Боткин и Т.* С. 158).

***22 августа* (*3 сентября*). Суббота**. Дата п. Мериме к Ж. Дакен, в котором сообщает, что ему должны доставить вскоре экземпляр «Украинских народных рассказов» Марко Вовчок в переводе Т.: «Мне обещают по возвращении из Тарба роман, написанный на малороссийском языке и переведенный на русский Тургеневым. Это, по рассказам, шедевр, превосходящий “Дядю Тома”» (*Клеман. Т и Мериме*. С. 719).

***23 августа* (*4 сентября*). Воскресенье**. В № 247 газ. «Le Constitutionnel» выходит объявление о подписке на журнал «Revue contemporaine», где в числе основных произведений, опубликованных за первые восемь месяцев, назван перевод романа «Дворянское гнездо». См. ***3* (*15*)** и ***18* (*30*) *апреля*, *3* (*15*)** и ***18* (*30*) *мая*.**

***25 августа* (*6 сентября*). Вторник**. Боткин отвечает из Вентнора на неизв. п. Т., в котором писатель, очевидно, отказывался получить полный гонорар за еще не оконченную повесть, сообщает о разговоре с Катковым по поводу публикации «Накануне» в *РВ*: «Я говорил Каткову о твоем предложении, но сначала он никак не решался на него, опасаясь, чтобы ты, приехавши в Петербург, не склонился на умильные просьбы Некрасова отдать свою повесть в “Современник”, “а получив эти деньги, — говорил мне Катков, — Тургенев будет в полном праве отказать Некрасову”». Замечает о «Накануне»: «Из нескольких слов твоих я заключаю, что ты повестью своей доволен, и это меня очень обрадовало, тем более, что зная ее содержание, понимаю, как исполнение ее трудно. Но судя по “Двор<янскому> гнезду”, я вижу, как много окреп твой талант и как возросла в тебе настойчивость в проведении и отделке характеров. Меня печалит только то, что мне не приведется узнать эту повесть

до ее появления в печати». Советует Т. посетить Крузе, который живет в Париже: «...этот человек прожил недаром и заслужил свои гражданские шпоры». Интересуется, знает ли Т. что-либо о «большом разладе» в Комитете Ростовцева («что Черкасский, Самарин и Соловьев перессорились между собою»). Сообщает, что получил п. от Делаво, который пишет, что Гончаров «был в Париже и уехал с Майковым в Булонь». Замечает, что новый роман Гончарова («Обрыв») куплен *Совр* (*Боткин и Т.* С. 159—160).

29 августа (***10 сентября***). **Суббота**. Отвечает на п. Боткина от ***25 августа*** (***6 сентября***). Намеревается через пять дней приехать в Париж и посетить Крузе (см. ***Около 3*** (***15***) ***сентября***). Просит сообщить Каткову, что готов возвратить ему высланный аванс (вексель, посланный Гомбергу) за «Накануне», как только прибудет в Париж (см. ***5*** (***17***) ***сентября***). С ***15*** (***27***) ***сентября*** предполагает поселиться в Спасском и «не выедет оттуда пока роман («Накануне». — *Ред.*) не будет кончен». Пишет, что «ничего не слыхал о покупке гончаровского романа “Современником”» (речь идет об отрывке из будущего романа «Обрыв»). Прощаясь, «дружески жмет» Боткину и Каткову руку.

31 августа (***12 сентября***). **Понедельник**. Запиской сообщает Е. Я. Колбасину, что не отвечал, так как «ездил охотиться к Трубецким» в Бельфонтен (см. ***25 июля*** (***6 августа***)). Назначает встречу в Аньере утром ***4*** (***16***) ***сентября***. Передает поклон А. А. Шеншину.

В п. к Дружинину из Мценска Фет сообщает: «Жду с каждым днем Тургенева, чтобы у него зажечь свою лампадку», и далее замечает, что «к 5-му сентября Тургенев обещал непременно быть сюда» (*Письма к Дружинину*. С. 339).

Между 30 июля (***11 августа***) ***и 1*** (***13***) ***сентября***. Во время пребывания в Куртавнеле вместе с П. Виардо работает над сценарием оперетты «Последний колдун». См. также ***6—19*** (***18—31***) ***июля***. Вероятно, к этому времени относится записанный Т. сценарий «Le dernier des sorciers» («Последний колдун»), рукопись которого хранится в *BN* (Slave 75. F. 115—116 v; опубл.: *Соч.* Т. 12. С. 478—480). См. п. к П. Виардо от ***4*** (***16***) ***сентября***.

В это же время, по-видимому, ухудшаются отношения между П. Виардо и дочерью Т. Полиной.

По предположению П. Уоддингтона, к этому времени относится рисунок, атрибутируемый им Клоди Виардо (?), где изображен Т., кото-

рый сидит за столом за трапезой (*T. Portraits Catalogue.* P. 11—12; воспроизведен: *N Z Sl J.* 1983, между с. 248 и 249).

***2 (14) сентября*. Среда**. Выезжает из Куртавнеля в Париж, дочь Полину оставляет у Виардо.

3 (15) сентября*. Четверг**. Слушает с братом П. Виардо М. Гарсиа «Фауста» Гуно (премьера: Париж, 7 (19) марта): «...во время представления он делал заметки и собирается написать вам о нем большое письмо» (см. п. к П. Виардо от ***4 (16) сентября).

После театра наносит визит к Ж. Симону, однако не застает его, так как тот еще не вернулся из своего путешествия, оставляет ему записку и «двух неощипанных куропаток», очевидно по просьбе Л. Виардо (см. п. к П. Виардо от ***4 (16) сентября***).

***4 (16) сентября*. Пятница**. Утром встречается с Е. Я. Колбасиным в Аньере.

В п. к Герцену в Фулем предупреждает, что «недели через две» к нему явится декабрист А. И. Вегелин, который «желает <...> познакомиться», и привезет важные рукописи, доставленные Т. в Виши для «Полярной звезды» (см. ***5 (17) августа***). Сообщает о знакомстве с декабристом С. Г. Волконским, «очень милым и хорошим стариком, который тоже тебя любит и ценит». Интересуется, действительно ли к Герцену в Лондон приезжал Чернышевский (об этом узнал из п. Боткина от ***11 (23) августа***), и спрашивает о цели его посещения: «...как он тебе понравился?». Просит сообщить свои впечатления не ему лично, а Е. Я. Колбасину и А. А. Шеншину (п. Герцена неизв.), поскольку сам планирует узнать подробности в Петербурге. Извещает об отъезде на следующий день в Россию (см. ***6—8 (18—20) сентября***). Кланяется Огареву и Тучковой-Огаревой и «всем твоим». Советует «для верности» писать о Чернышевском «иносказательно»: «Колбасин малый не промах, поймет».

Благодарит П. Виардо за пересылку двух п. («одно из них — весьма важное» — вероятно, п. от Маркович от ***27 августа (8 сентября)***). Сообщает, что из-за новостей, содержащихся в этом п., планирует выехать в Россию вечером ***5 (17) сентября*** вместо ***6 (18) сентября*** и заехать в Остенде к Маркович (не осуществ.). Сообщает о своих впечатлениях от оперы Гуно «Фауст», которую слушал ***3 (15) сентября*** с М. Гарсиа: К. Карвальо (жена директора Лирического театра в Париже), исполнявшая роль Маргариты, произвела на Гарсиа «большое впечатление». Новый тенор Гварди, исполнявший заглавную роль, «весьма плох». Извещает о том, что не

застал накануне Ж. Симона. Намеревается на следующий день посетить К. Тургеневу или написать ей и просит передать это дочери Полине. Собирается написать «длинное *наставительное* грозноватенькое письмо» для дочери (неизв.) и вложить его в конверт с п. к П. Виардо. Обещает оставить в доме Виардо на ул. Дуэ «переписанный сценарий “Кракамиша”» (оперетты «Последний колдун»). По всей видимости, выполняет обещание: вероятно, к этому времени относится выполненная переписчиком копия сценария «Le dernier des sorciers» («Последний колдун»), рукопись которого хранится в *BN* (Slave 75. F. 119—120). См. также ***Между 30 июля (11 августа) и 1 (13) сентября***.

Навещает священника Васильева.

Вечером вместе с М. Гарсиа присутствует на представлении оперы Моцарта «Похищение из сераля».

5 (17) сентября*. Суббота**. Отвечает на «любезное» п. Каткова (неизв.), вызванное, по-видимому, содержанием п. Т. к Боткину от ***29 августа (10 сентября). Заверяет, что новая повесть («Накануне») «пишется» для *РВ* и появится только в нем. Обещает привезти рукопись в Москву к 1 (13) декабря, рассчитывая, что она может быть напечатана в январской книжке журнала (рукопись передана в декабре; опубл.: *РВ*. 1860. № 1. Кн. 1, 2): «Объемом она больше “Двор<янского> гнезда”». О денежных расчетах сообщает, что из присланных 3600 франков взял 600, остальные 3000 высылает «в прилагаемом векселе от Гомберга на лондонского банкира». Просит немедленно дать знать о получении векселя в Остенде (rue de Saint Paul, hôtel de l’Agneau, где проживала Маркович), куда намеревается выехать вечером, однако поездка в Остенде по неизв. причинам не состоялась (см. ***6—8 (18—20) сентября***).

Предположительно посещает К. Тургеневу.

Вероятно, пишет п. к П. Виардо (неизв.) и к дочери Полине (неизв.).

Начало сентября ст. ст. Предположительная дата п. Л. Виардо к Этцелю с упоминанием о Т. (см. ***Лето (до 26 июля) 1860***).

6 (18) сентября. Объявление о поступлении в продажу в магазин Кожанчикова отдельного издания романа «Дворянское гнездо» (М., 1859) (*СПбВед*. 1859. 6 сентября. № 193. С. 837).

***7 (19) сентября*. Понедельник**. В № 262 газ. «Le Constitutionnel» выходит объявление о подписке на журнал «Revue contemporaine», где в числе именитых авторов в разделе «Профессоры, пуб-

лицисты, романисты и т. д.» назван Т. (как «граф Иван Тургенев»), а также А. де Калонн, гр. Соллогуб, М. Гартман, Ш. Бодлер и др.

6–8 (18–20) сентября. **Воскресенье–вторник**. Сообщает из Парижа Маркович, что в Остенде к ней не приедет, планирует направиться прямо в Берлин, а затем в Штеттин на пароход и далее в Петербург, Москву и Спасское, куда должен попасть к 20 сентября (2 октября): «Я уж и счет потерял, в который раз я Вас обманываю <...>». Сообщает, что намерен провести зиму в Петербурге, и просит известить о ее планах на зиму. Обещает вручить перевод «Институтки» Краевскому, а оригинал возвратить Белозерскому (см. ***15 (27) сентября или 16 (28) сентября***). Просит переслать два п., которые должны прийти на его имя в Остенде (одно из них от Каткова; второе — возможно, от Боткина), на его адрес в Орловской губернии (см. ***Конец сентября ст. ст.***). Зовет на зиму в Петербург, где можно будет «устроить жизнь лучше прошлогодней».

7 (19) или 8 (20) сентября. **Понедельник или вторник**. Выезжает из Парижа в Берлин.

8 (20) или 9 (21) сентября. **Вторник или среда**. Прибывает в Берлин.

Ранее 10 (22) сентября. Предположительно в Гейдельберге встречается с Л. Ф. де Роберти и берется устроить его повесть «Трое» в *Совр* (см. ***29 декабря 1859 (10 января 1860)***).

10 (22) сентября. **Четверг**. Отплывает на пароходе из Штеттина в Россию, далее через Ковно в Псков, откуда железной дорогой в Петербург.

В № 195 *СПбВед* сообщается об участии П. Виардо в благотворительном концерте Берлиоза в Баден-Бадене «в огромной зале Conversation»: «Все места разобраны заранее, несмотря на довольно высокую цену, и избранная публика собралась на этот фестиваль. Оркестр и хоры, составленные из артистов Бадена, Страсбурга, Штутгарда и Карлсруэ, превосходно исполнили симфонию “Ромео и Джульетта”, также большую сцену и дуэт из оперы Берлиоза “Троянцы”. Эти два последние нумера переданы были Полиною Виардо и тенором Жюлем Лефором с неподражаемым совершенством» (С. 844).

13 (***25***) ***сентября***. **Воскресенье**. В фельетоне *СПбВед* сообщается: «Из литературных новостей можно указать разве на выход отдельным изданием романа Тургенева “Дворянское гнездо”; но при этом нельзя не заметить, что цена ему назначена довольно дорогая: полтора рубля сереб. без пересылки и два с пересылкою. Пора бы, кажется, уменьшать цены на издания!» (№ 198. С. 858).

15 (***27***) ***сентября***. **Вторник**. Приезжает в Петербург (см. п. к П. Виардо от ***16*** (***28***) ***сентября***).

15 (***27***) ***сентября или 16*** (***28***) ***сентября***. **Вторник или среда**. В Петербурге видится с Некрасовым, просившим продолжать сотрудничество в *Совр* (возможно также с Панаевым), а также с гр. Ламберт (см. п. к П. Виардо от ***16*** (***28***) ***сентября***).

Результатом встречи с редакцией *Совр* стало объявление «Об издании “Современника” в 1860 году» (см. ***20 октября*** (***1 ноября***)), где среди прочих было указано новое произведение Т.

Предположительно передает Краевскому рукопись своего перевода «Институтки» Маркович, подлинник — Белозерскому (см. ***6—8*** (***18—20***) ***сентября***).

16 (***28***) ***сентября***. **Среда**. В п. к П. Виардо сообщает о приезде в Петербург «после утомительнейшего из путешествий», поскольку ехал сухим путем: «Мне не советовали ехать морем ввиду осеннего равноденствия... но меня гораздо больше укачало и измотало по пути из Ковно в Псков (где я обнаружил железную дорогу), чем во время самого яростного шторма». Надеется на скорейшее завершение строительства железной дороги, «которая свяжет нас с Европой». Намерен в этот день выехать в Москву, где планирует задержаться на несколько часов и ехать в Спасское. Надеется на удачную охоту в Спасском, а с 1 (13) октября обещает засесть на «Накануне»: «кладу ружье под замок, беру перо и за 6 недель разделываюсь с проклятой работой» (см. ***25 октября*** (***6 ноября***)). Просит не оставлять письмами: «*Заклинаю вас*, не забывайте меня». Повторяет свое обещание, высказанное в п. к П. Виардо от ***4*** (***16***) ***сентября***, выслать дочери Полине «*большое* письмо», которое ей «покажется чем-то вроде преисподней» (см. ***10*** (***22***) ***ноября***). Сожалеет, что не попросил П. Виардо в Куртавнеле «воспроизвести на фортепьяно партитуру “Орфея”, которую я знаю только в отрывках» (см. ***6*** (***18***) ***ноября***). Сообщает о том, что виделся с гр. Ламберт: «она,

как всегда, добра и очаровательна. Но, бедная женщина, она очень страдает». Обещает написать из Спасского (см. ***20 сентября*** (***2 октября***)). Отправляет п. в Париж, на ул. Дуэ.

17 (***29***) ***сентября***. **Четверг**. Приезжает в Москву, встречается с Боткиным (см. п. Анненкова к Т. от ***1*** (***13***) ***октября***) и выезжает в Спасское.

18 (***30***) ***сентября***. **Пятница**. Вечером приезжает в Спасское.

Дата ценз. разрешения второй августовской книжки *РВ*; в ней — ст. Анненкова «“Дворянское гнездо”. Роман И. С. Тургенева. Москва. 1859» (С. 508—538).

Предлагая «сериозно подумать о причинах того единогласного сочувствия и одобрения, того восторга и увлечения», которыми сопровождалось появление «Дворянского гнезда» среди «людей противоположных партий», Анненков приходит к выводу, что это единодушие вызвано не столько «торжеством поэзии и художнического таланта, самовластно подчиняющих себе разнороднейшие оттенки общественной мысли», сколько непониманием внутреннего значения произведения со стороны ряда критиков, которое нуждается в раскрытии. Дает развернутую оценку предшествовавшему творчеству Тургенева, начиная с «Записок охотника» («период поэтических анекдотов с тонкими чертами из народного быта, с мастерски заостренным юмористическим словом, с легкими по видимому, но глубоко задуманными и сильно выработанными картинами и положениями») до «Рудина», где он «уже близок к настоящему делу» и к тому, чтобы получить «право на название летописца современной жизни»: «Через ряд более или менее удачных опытов г. Тургенев дошел наконец до простой, многозначительной драмы, какая является в “Дворянском гнезде” и каких тысячи втихомолку разыгрываются по разным углам нашего отечества, дошел до лиц и характеров, нисколько не запятнанных грубым авторским произволом, а взятых из неисчислимой движущейся толпы так называемого образованного общества <...>; словом, он изобразил такое событие, которое оказалось связанным тончайшими нитями с нашею современностью, с сердцами всего настоящего, или, лучше, всего *отживающего* поколения». «До сих пор г. Тургенев был избранный и непревосходимый летописец *безвыходных положений*. Как ни удобны для развязки потрясающей драмы так называемые “безвыходные положения” вообще, но и для них наступила пора преобразования. Можно требовать теперь, по крайней мере, чтобы “безвыходные положения” рождались из естественного течения и развития обстоятельств, из свободной воли самих лиц, выбравших себе дорогу посреди множества дорог, а не походили на стену, поставленную какою-то невидимою рукой поперек пути, на

которую неизбежно наталкиваются все проезжающие и проходящие, и под тенью которой умирают, не зная, что им делать. Настроение, родившее все прежние романы г. Тургенева, исчерпано последним, "Дворянским гнездом", кажется нам, до капли. "Дворянским гнездом" автор завершил все старые свои представления, все образы, тревожившие душу его в течение многих лет: он возвел их наконец до полного выражения и тем самым простился с ними навсегда».

19 сентября (1 октября). **Суббота**. Посылает п. с нарочным в Новоселки с приглашением Борисову и Толстому посетить его в воскресенье, 20 сентября (2 октября), в Спасском. Тогда же посылает приглашение Фету.

В журнале «Revue des deux mondes» (Vol. 23. P. 696—719) выходит франц. перевод «Трех встреч» под заглавием «Trois rencontres. Souvenirs de chasse et de voyage», выполненный Т. совместно с Л. Виардо (см.: *Waddington/Montreynaud.* Item 15). См. ***7 (19) апреля 1862.***

19 или 20 сентября (1 или 2 октября). **Суббота или воскресенье**. В Спасское приезжает Фет, которому Т. привез из-за границы обещанное издание Даумера «Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte. Nebst poetischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern» (Hamburg, 1856). См. ***22 июля (3 августа)***.

20 сентября (2 октября). **Воскресенье**. Сообщает П. Виардо о прибытии «третьего дня» в Спасское. Планирует провести здесь «в тепле и покое» два месяца, необходимые «для завершения работы» («Накануне»). Рассказывает о собаке Бубуль («круглый и толстый, но, к сожалению, не хватает главного — бекасов»). Надеется попытать на следующий день счастья с Фетом: «...кажется, в верстах десяти отсюда есть куропатки; Фет свидетельствует вам свое глубочайшее почтение». Вспоминает о Куртавнеле и «обо всем, что с ним связано». Обещает вскоре прислать «Кракамиша» («Последний колдун») (Возможно, речь идет о либретто оперетты, над которым Т. работал после завершения сценария. Копия либретто под заглавием «Le dernier des sorciers», переписанная той же рукой, что и сценарий, хранится: *BN. NAF.* № 16278. F. 104—119; опубл. Гранжаром: Un libretto inconnu de l'opéra bouffe de I. S. Turgenev «Le dernier sorcier» // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14. № 3. P. 349—375. См. также ***Между 30 июля (11 августа) и 1 (13) сентября***, ***4 (16) сентября***, ***11 (23) октября***) и давно обещанное п. к дочери Полине (см. ***4 (16) сентября***, ***16 (28) сентября***). Просит

сообщить, на какое время назначен дебют в «Орфее» Глюка (см. ***6 (18) ноября***). Интересуется, виделась ли П. Виардо с Гуно, а также пел ли он ей «что-нибудь из своей новой оперы» «Фауст».

***21 сентября (3 октября)*. Понедельник**. Охотится с Фетом.

Фет позднее вспоминал: «Наконец, после долгих сборов и обещаний, Тургенев приехал в Спасское, и мы, хотя с грехом пополам, поохотились с ним на куропаток и вальдшнепов. На одном из привалов он вдруг предался своей обычной забаве придираться к моей беспамятности с географическими именами, требуя, например, двадцати названий французских городов. На этот раз он требовал только пяти португальских, кроме Лиссабона. "Только пяти", — настойчиво прибавлял он. Назвав Опорто и Коимбру, я было стал в тупик, но вдруг упомнил урок из Арсеньевой географии, и язык мой машинально пролепетал: Тавиро, Фаро и Лагос, портовые города. "Ха-ха-ха! — вынужденно захохотал Тургенев; — какой ужасный вздор!" — "Очень жаль, что вы их не знаете", — сказал я, надеясь на своего Арсеньева как на каменную гору. Тургенев достал памятную книжку и записал города. "Хотите пари?" — "Пожалуй, — отвечал я, — на бутылку шампанского! — Это значило бы пробрать вас!" — "Знаем мы эти штуки! — воскликнул Тургенев, — это незнание в одежде великодушия". Мы ударили по рукам. На другой день Тургенев, подходя ко мне в биллиардной со старою книжкой в руках, сказал: "А ведь шампанское-то я проиграл, ведь вот они в самом деле эти нелепые города"» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 308—309).

Дата п. Н. А. Борисовой к И. П. Борисову из Новоселок: «Афони (Фета. — *Ред.*) дома нет, за него я прочла твою записку и сказала старосте об лошади. Тургенев приехал в пятницу; на другой <день> нарочный из Спасского привез от него письмо, в котором он Льва Ник<олаевича Толстого> и тебя звал на воскресенье — вчера Афоня нам гонца оттуда прислал и по поручению всех хозяев Спасского зовет вас охотников к И<вану> С<ергеевичу>, а нас проститься с дамами. Может быть, завтра в 11 часов утра мы и отправимся к ним» (*РГБ.* Ф. 315. К. 6. № 21. Л. 1. Указано И. А. Кузьминой).

Писемский в п. из Петербурга сожалеет, что не смог проводить Т. в день отъезда (***16 (28) сентября***): «в самое то утро принесли мне уйму экстреннейших корректур». Сообщает, что вернувшийся из-за границы 20 сентября (2 октября) Гончаров «сильно посерживается на Лондон и когда говорит об этом, то по всему видно, что это тронуло его глубоко» (очевидно, оценка «Обломова» в ст. Герцена «Very dangerous!!!») (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 160).

***23 сентября (5 октября)*. Среда**. Отвечая на неизв. п. гр. Ламберт, просит ее прислать начатое ею в Гапсале, но неотправленное п.

к нему (см. ***3*** (***15***) ***октября***), о котором она, видимо, упомянула. Сообщает о приезде в Спасское и жалуется на отсутствие дичи. За работу («Накануне») предполагает засесть «дня через два»: «В это мгновенье у меня решительно нет ничего путного в голове; кружатся в душе всякого рода ощущения — как снежинки во время метели — и чувствую я, что хорошо сделал, что приехал в это старое гнездо — но в то же время мне грустно — и только сильнее обыкновенного говорят во мне мои старые привязанности. Образ Ваш очень часто представляется мне <...>». Ждет ответного п.

26 сентября (***8 октября***). **Суббота**. Обращается к гр. Ламберт с просьбой узнать через ее мужа, И. К. Ламберта, от генерала Герштенцвейга о полке, в который переведен, по ее ходатайству (см. ***30 апреля*** (***12 мая***)), его сосед Беленков: «...он известился, что переведен — но в какой полк, осталось покрыто для него мраком неизвестности; а срок его отпуска истекает первого ноября, после чего он, не явившись в новый свой полк, будет считаться чуть ли не дезертиром». Просит также содействия, чтобы «выхлопотать ему прогоны до места нахождения его полка» (см. ***9*** (***21***) ***октября***).

Конец сентября ст. ст. Маркович извещает, что, согласно просьбе Т. в п. от ***6—8*** (***18—20***) ***сентября***, переслала ему п. из Парижа в тот же день, как получила его в Остенде (от кого было это п., остается неизвестным). Сообщает, что планирует пробыть в Дрездене «месяца два», а затем отправиться в Петербург. Просит адресовать ответное п. на имя Рейхеля (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 278).

1 (***13***) ***октября.*** **Четверг**. Дата п. Анненкова из Москвы в ответ на п. Т. от ***1*** (***13***) ***августа***. Сообщает, что прибыл из Симбирска накануне («успел быть полупьяным в трактире Самарина с Кетчером и прочими») и намерен пробыть «2—3 недели». Сожалеет, что не застал Т. в Москве: «Зайчиком <...> проскочили вы через Москву <...> и только печальный герольд Ваш, Иоанн Боткинус, известил приятелей, что Вы ему исключительно посвятили один день своего пребывания в столице». Шутливо интересуется: «Изложите же мне, о грызун литературный — ясно и добросовестно, что вы такое в настоящую минуту, а на орехи, в виде вознаграждения, вы уже от меня получили в статье "Русского вестника", мнение о коей знать желаю ваше», имея в виду свою ст. о «Дворянском гнезде» (*РВ*. 1859. № 8. Кн. 2; см. ***18*** (***30***) ***сентября***; отклик Т. неизвестен). Сообщает, что получил «милейшую цидулу» от Гончарова (п. от 20 мая ст. ст.

1859), в которой он «требует разбора Обломова и намекает, что “Современник” в отношении общественного значения этого романа сказал все, что можно сказать. Остается, говорит, отдать справедливость постройке самого романа и указать достоинство женских лиц, в нем действующих. На это я им и избран». Спрашивает мнения Т., «справедливо ли будет назвать тип Обломова простым до бедности, до пошлости, и отвратительным до омерзения, оставляя ему вполне достоинство художнической красоты». Напоминает о своей комиссии по поводу портрета фон Гуттена (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 73).

Отвечая на неизв. п. Т., Писемский из Петербурга сообщает, что исполнил его просьбу относительно ст. кн. Трубецкого, которая после правки Майковым «переписана и сдана мною сегодняшний день Александру Николаевичу Татаринову (члену Комитета), который обещался послезавтра передать ее Ростовцеву». Шутливо замечает, что рад отсутствию дичи в Спасском: «поработайте и поддержите нашу “Библиотеку <для чтения>”» (намек на повесть «Первая любовь»). Просит при встрече с Толстым передать ему просьбу «отдать нам роман» (вероятно, «Казаки»): «Он уже обещал это; для него, вероятно, “Библиотека” ближе по убеждениям, чем другие журналы, и мы лучше его оценим» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 160–161).

2 (14) октября*. Пятница**. Приступает к окончанию работы над «Накануне» (см. п. к гр. Ламберт от ***3 (15) октября).

3 (15) октября.* Суббота**. Отвечает на неизв. п. гр. Ламберт, к которому она приложила более раннее свое п., начатое в Гапсале (см. ***23 сентября (5 октября)): «Какое странное, милое, горячее и печальное письмо — точно те короткие, нешумные летние грозы, после которых всё в природе еще более томится и млеет». Сообщает, что «только со вчерашнего дня присел за работу, за окончание моего романа — и мне это письмо пришлось так кстати — как... как... сыр к макаронам, по выражению итальянцев». Признается: «...я только два существа на свете люблю больше Вас: одно, потому что она моя дочь, — другое, потому... Вы знаете, почему». Завершает п. ***5 (17) октября.***

***4 (16) октября*. Воскресенье**. Получает неизв. п. от гр. Ламберт.

Откликаясь на п. Дружинина от 29 сентября (11 октября), Фет замечает: «Кроме Вас и Тургенева, в настоящее время в Питере для

меня нет особенно симпатичных собеседников. “Современнику” я, разумеется, ни строки ни за что и к ним ни ногой». Сообщает о том, что занят переводом Гафиза, экземпляр которого в переводе (вернее, вольном переложении Даумера) ему привез Т.: «Это мне Тургенев привез из-за границы по моей просьбе. <...> С Тургеневым я пересмотрю эти переводы и тогда свяжу букет от 20 до 30 стихотворений и напишу небольшое предисловие к этим стихам» (*Письма к Дружинину*. С. 340). См. ***9*** (***21***) ***октября***.

5 (***17***) ***октября***. **Понедельник**. Завершает п. к гр. Ламберт, начатое ***3*** (***15***) ***октября***, и откликается тут же на второе п., полученное накануне. Кланяется «всем знакомым, начиная с Mme Веригиной».

Благодарит Основского за доставленный номер *МВест*, «который я при первом удобном случае прочту». Сообщает, что занят окончанием повести для *РВ* («Накануне»), которую надеется привезти в Москву к концу ноября. Тогда же планирует доставить давно обещанную ст. для *МВест* («Несколько мыслей о современном значении и призвании русского дворянства», см. ***22 января*** (***3 февраля***)): «Совестно мне, мочи нет, что дело это так затянулось — но даю Вам слово — Вы ее непременно напечатаете в нынешнем же году» (см. ***23 января*** (***4 февраля***) ***1860***). Просит прислать экземпляр отдельного издания «Дворянского гнезда» (М., 1859): «...да, говорят, вышла книга о прививании рогатого скота против моровой язвы — если такая книга есть, пришлите мне ее тоже — а то у нас кругом ужасный падеж, да и у меня скотина колеет». Передает поклон Воронцову-Вельяминову.

Начало октября ст. ст. Павлов навещает Т. в Спасском.

Т. заболевает (ларингит, затем бронхит).

6 (***18***) ***октября***. **Вторник**. В этот день Ап. Григорьев записывает в длинном п.-«исповеди» к Погодину от 26 августа — 7 октября ст. ст., вспоминая свое пребывание в Берлине без гроша и настойчивое желание возвратиться в Россию: «Никогда не был я так похож на тургеневского Рудина (в эпилоге) (Имеется в виду первый эпилог, до добавления Т. сцены гибели героя на баррикадах в *Соч* (*1860—1861*). — *Ред.*), как тут. Разбитый, без средств, без цели, без завтра. Одно только — что в душе у меня была глубокая вера в промысл, в то, что есть еще много впереди. А чего?.. Этого я и сам не знал. По-настоящему — ничего не было. На родину ведь я являлся

бесполезным человеком — с развитым чувством изящного, с оригинальным, но несколько капризно-оригинальным взглядом на искусство, — с общественными идеалами прежними, т. е. хоть и более выясненными, но рановременными и, во всяком случае, несвоевременными, — с глубоким православным чувством и с страшным скептицизмом в нравственных понятиях, с распущенностью и с неутомимою жаждою жизни!» (*Григорьев. Письма*. С. 224).

***7* (*19*) *октября*. Среда**. В п. к дочери Полине (по-франц.) спрашивает, почему она ему не пишет: «Ты чертовски обидчива, мое дитя, и ты дуешься со слишком уж большой легкостью». Сообщает, что «изо всех сил» работает над романом («Накануне»), «который должен быть закончен через месяц, а я из него написал только половину». Жалуется на неудачную охоту («бекасы *не давались*») и простуду, «вследствие чего не выхожу из своей комнаты и никого не вижу». Просит сообщить новости о себе: «как ты устроилась в своей комнатке, какие уроки берешь и т. д.», о П. Виардо и о Х. Гарсиа. Передает поклон П. Виардо и просит сказать ей, что не получил ответа «на пять или шесть писем». Рассчитывает пробыть в Спасском «еще полтора месяца».

В Петербурге в Александринском театре возобновляется постановка комедии Т. «Холостяк» в бенефис Марковецкого, вместе с двумя другими пьесами — «Керим-Гирей, Крымский хан, или Бахчисарайский фонтан» кн. Шаховского и водевилем «Колечко с бирюзой». Исполнители: Мартынов (Мошкин), Марковецкий (Шпуньдик), Линская (Пряжкина), Яблочкин (фон Клакс), Малышев (Вилицкий), Снеткова 3-я (Белоногова).

11 (23) октября *СПбВед* откликнулись пространной рец.: «Бенефис г. Марковецкого доставил нам высокое эстетическое наслаждение <...> он поставил <...> прекрасную пьесу г. Тургенева “*Холостяк*”, не игранную у нас, по крайней мере, десять лет, но в свое время имевшую огромный успех, благодаря игре г. Щепкина. На этот раз роль его взял на себя г. Мартынов и сделал из нее нечто до того замечательное, что все похвалы ему непременно должны показаться бледными и ничтожными в сравнении с тем потрясающим впечатлением, какое должно произвести на всякого истинного любителя искусства такое удивительное исполнение. Это создание роли еще раз свидетельствует об исполинском таланте нашего *комика* в высшем значении этого слова. Г-н Мартынов смешил нас только в первом акте; во втором и третьем комический элемент роли исчез перед глубоким, внутренним драматизмом, который проникал насквозь высокохудожественную игру его, полную удивительной, не многим доступной правды. Комедия г. Тургенева превос-

ходна в литературном и психологическом отношении; только третий акт ее несколько длинен на сцене и через это делается немного однообразным и утомительным; но г. Мартынов заставил нас забыть на время такой недостаток пьесы <...>» (№ 220. С. 964).

Положительно отозвался о постановке Панаев в «Заметках Нового поэта», упомянув об «отрадном художественном наслаждении», испытанном при виде Мартынова в «Холостяке», «который возобновлен и несколько сокращен»: «Мысль этого возобновления очень счастливая, потому что пиеса, несмотря на свою длинноту, от которой охлаждается драматическое движение, имеет неоспоримые достоинства». Критикуя исполнение заглавной роли в прежние годы Щепкиным как «уже слишком сентиментальное», Панаев отметил: «Мартынов, как великий артист, создающий типы из самых ничтожных ролей в самых ничтожных пьесах, удивительно воспользовался прекрасными данными, которые представила ему роль Холостяка и создал из него полный и цельный характер в высшей степени симпатический и трогательный и между тем совершенно верный действительности, поразительно истинный. Он передал роль Мошкина с тою изумительною тонкостию, которая может быть оценена только немногими, людьми истинно понимающими искусство и любящими его, и вместе с тою глубиною чувства, которая должна трогать и смягчать самые черствые и закоренелые души и потрясать всех. <...> Вследствие игры Мартынова “Холостяк” должен сделаться одною из самых замечательных пьес русского репертуара» (*Совр.* 1859. № 10. Отд. 3. С. 475—476).

О сильнейшем впечатлении, которое производило исполнение Мартыновым роли Мошкина, сообщает его биограф: «Роль эту ему пришлось сыграть лишь за год до смерти, и эта задача была тем более трудна, что раньше Мошкина неизменно изображал Щепкин. Несмотря на это, Мартынов так гениально воплотил задуманный автором образ, что пьеса как бы впервые предстала перед зрителем. О “Холостяке” заговорил весь город и у всех была одна и та же мысль о том, что именно в этой роли всего ярче проявились основные черты мартыновского творчества... / Если в чем вправе были упрекнуть в ту пору Мартынова, то лишь в желании придать Мошкину слишком много растерянности и забитости. Но и тут рецензент осуждал артиста лишь за первую часть роли, с восторгом говоря о пятом действии: “Вот где Мартынов в настоящем характере своей роли: зритель смеется, а между тем у него слезы на глазах”» (*Долгов Н. Н.* А. Е. Мартынов: Очерк жизни и опыт сценической характеристики. СПб., 1910. С. 40).

Ранее 8 (20) октября. Пишет п. Фету (неизв.). См. ***9 (21) октября.***

Толстой навещает Т. в Спасском (см. п. Толстого к Дружинину от ***9 (21) октября***).

8 (***20***) ***октября***. **Четверг**. Объявление о поступлении в продажу отдельного издания романа «Дворянское гнездо» (М., 1859) в книжный магазин Овсянникова в Петербурге (*СПбВед.* № 217. С. 951).

9 (***21***) ***октября***. **Пятница**. Отвечая на неизв. п. гр. Ламберт, исполненные «неудовольствия», замечает: «Всякая женщина, даже самая лучшая (и Вы — доказательство тому), склонна к несправедливости». Благодарит за успешные хлопоты по поводу Беленкова (см. ***26 сентября*** (***8 октября***)): «Он лет 23-х, краснощек, и на вид глуповат: нос имеет большой, руки у него потеют, и он не знает орфографии». Сообщает, что «весьма прилежно» работает над своей новой повестью («Накануне»), которая, «если Вы найдете ее хорошей, разумеется, будет посвящена Вам»: «Сам я теперь о ней судить не могу: находясь в дыму сражения, не знаешь, победил ли ты или разбит». Намеревается около ***15*** (***27***) ***ноября*** явиться к Ламберт на Фурштатскую «с рукописью под мышкой». Жалуется на простуду, в результате которой получил «ту самую болезнь, которая меня мучила в прошлом году в Петербурге: не могу не только говорить, даже шептать: кашель поднимается судорожный».

Откликается на неизв. п. Фета с сообщением о состоянии его сестры Надежды, психическое здоровье которой резко ухудшилось. Просит выразить сочувствие ее мужу, Борисову. Высоко оценивает присланные переводы из Гафиза, выполненные Фетом по привезенному Т. из-за границы изданию Даумера: «А кстати я Вам подарил Гафиза. Добрый гений мне это подшепнул» (см. ***19 или 20 сентября*** (***1 или 2 октября***)). Вместе с тем, намекая на вышедшую в № 6 *Совр* резко критическую рец. Михаловского на отредактированный Т. перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (см. ***10*** (***22***) ***марта***, ***19 июня*** (***1 июля***)), замечает: «Переводы Ваши хороши, но, наученный Шекспиром, я становлюсь неумолимым», и высказывает ряд замечаний к ст-ниям «В доброй вести, нежный друг, не откажи...» и «Ежели осень наносит...» (частично учтены Фетом при публ.: *РСл.* 1860. № 2), заключая: «Но сколько я мог заметить — в тон Гафиза Вы попали. Продолжайте не *спеша*, и может выйти прелестная книжечка».

Сообщает, что после отъезда Борисова в Москву простудился и занят работой (над «Накануне»): «Но *что* такое я делаю — господь ведает. Забрался в каменоломню — бью направо и налево — пока, кроме пыли, мне самому ничего не видно». Рассчитывает быть в Москве около 20 ноября (2 декабря). Передает поклон от «наших дам» (жены Н. Н. Тургенева и ее сестры Белокопытовой). «С Тол-

стым мы беседовали мирно и расстались дружелюбно. Кажется, недоразумений между нами быть не может — потому что мы друг друга понимаем ясно — и понимаем, что тесно сойтись нам невозможно. Мы из разной глины слеплены».

В Петербурге в Театре-цирке (подле Александринского театра) состоялось второе представление комедии Т. «Холостяк», вместе с двумя другими пьесами (см. ***7 (19) октября***).

Толстой, вернувшись из Спасского в Ясную Поляну, пишет Дружинину о Т.: «...в нынешний его приезд я окончательно убедился, что он и [добрый] умный и даровитый человек, но один из самых несноснейших в мире. А с тех пор, как я получил эту новую точку зренья на него, мне с ним легко стало» (*Толстой. Переписка.* С. 290). Резко отзывается о Т. в дневнике. См. также ***15 (27) октября***.

***10 (22) октября*. Суббота**. В ответ на неизв. п. Карташевской объясняет свое молчание тем, что усиленная работа над «большой» повестью («Накануне») заставила отложить перевод «Институтки» Марко Вовчок: «...проклятый перевод просто как клад в руки не дается». Предполагает, что сможет приняться за перевод только по окончании новой повести, и рассчитывает привести его в Петербург к 20 ноября (2 декабря). Признается, что простудился на охоте и вторую неделю не выходит из комнат. Просит поклониться «всем добрым знакомым», особенно Макарову, а также Карташевскому и кузине (Ракович). Спрашивает, бывает ли у Карташевской Шевченко, интересуется планами Маркович на зиму.

В записке к Яздовской, написанной в юмористическом тоне, называя ее «ангелочком», а себя «обольстителем твоим», просит купить для него «у Рузанова воду для зубов», а также передает послание для Е. Я. Колбасина.

Получает неизв. п. от П. Виардо, датированное 10 (22) сентября (см. ***11 (23) октября***).

В № 217 газ. «Русский инвалид» в связи с выходом отдельного издания романа выходит фельетон «Тургенев и его новый роман “Дворянское гнездо”» за подписью «Л. Л—о» (С. 885—887).
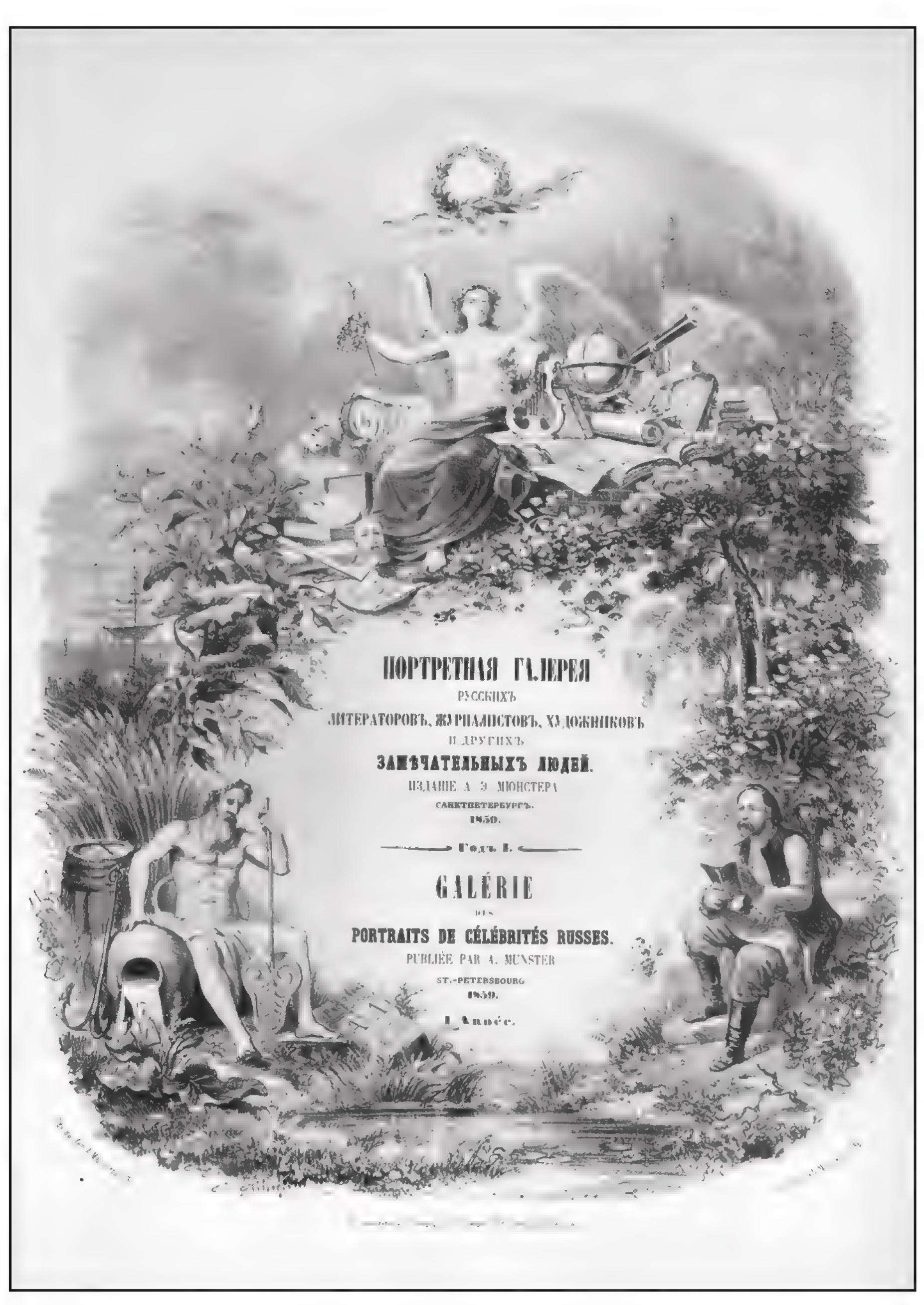
Пытаясь уяснить значение нового романа, автор рец. вступает в полемику в автором рец. в газ. «Русский мир» (см. ***19 июня (1 июля)***), в частности подвергает сомнению тезис о том, что в силу особенностей дарования Т. каждое новое произведение его «будет всегда венцом всех других». «Много путей предстояло ему (Тургеневу. — *Ред.*) на новой дороге отрицания болезненных явлений общества, но самый верный из них был путь анализа — медленного, постепенного, но зато верного, ве-

дущего к цели: поставить выше всего жизненную правду и естественность наших внутренних, нравственных и сердечных, движений. Путь этот был труден и высок; раз вступивши на него, он не мог уже увлечься в иную сторону, посвятить себя другим явлениям духовной жизни, а весь, сознательно и глубоко, посвятил себя на разработку одного психологического вопроса. Отсюда это всеми замеченное сходство идеалов во всех произведениях Тургенева и одинаковая степень симпатии ко всем, несмотря на то, что не все они равносильны, как по художественному исполнению, так и по исторической разработке заданного автором вопроса. Таким образом, весь предыдущий ряд его произведений представляет нам в высшей степени любопытную черновую работу художника, который, вооружившись анализом, терпеливо, и не без внутренней боли, раскрывает нам многосторонние явления из нашей внутренней жизни и из каждого нового произведения извлекает только малую долю убегающей от него истины». Подчеркивая, что талант Т. является «истинно поэтически художественным», автор рец. проводит параллель с Толстым и Гончаровым: «...анализ этих двух писателей столь же глубок и верен, как анализ Тургенева, даже, может быть, иногда полнее обнимает все стороны данного явления; но нет в нем того увлекающего поэтического настроения, которое видим мы у Тургенева, ибо вопросы, анализируемые им, не принадлежат к числу *скрыто*-болезненных явлений, а сознаются очень легко всяким. Другое дело у Тургенева: вопросы, поднимаемые его поэмами (и это самое точное определение многих произведений Тургенева), так глубоко вкоренены в нравственной жизни общества, что не всякий задавал себе труд обращать на них когда-нибудь свое нравственное око; вместе с тем они так важны и так присущи человеческой природе, что стоило только появиться первой мастерской *попытке* их решения, чтобы обратить на автора его всю симпатию и все сочувствие читателей» (С. 885).

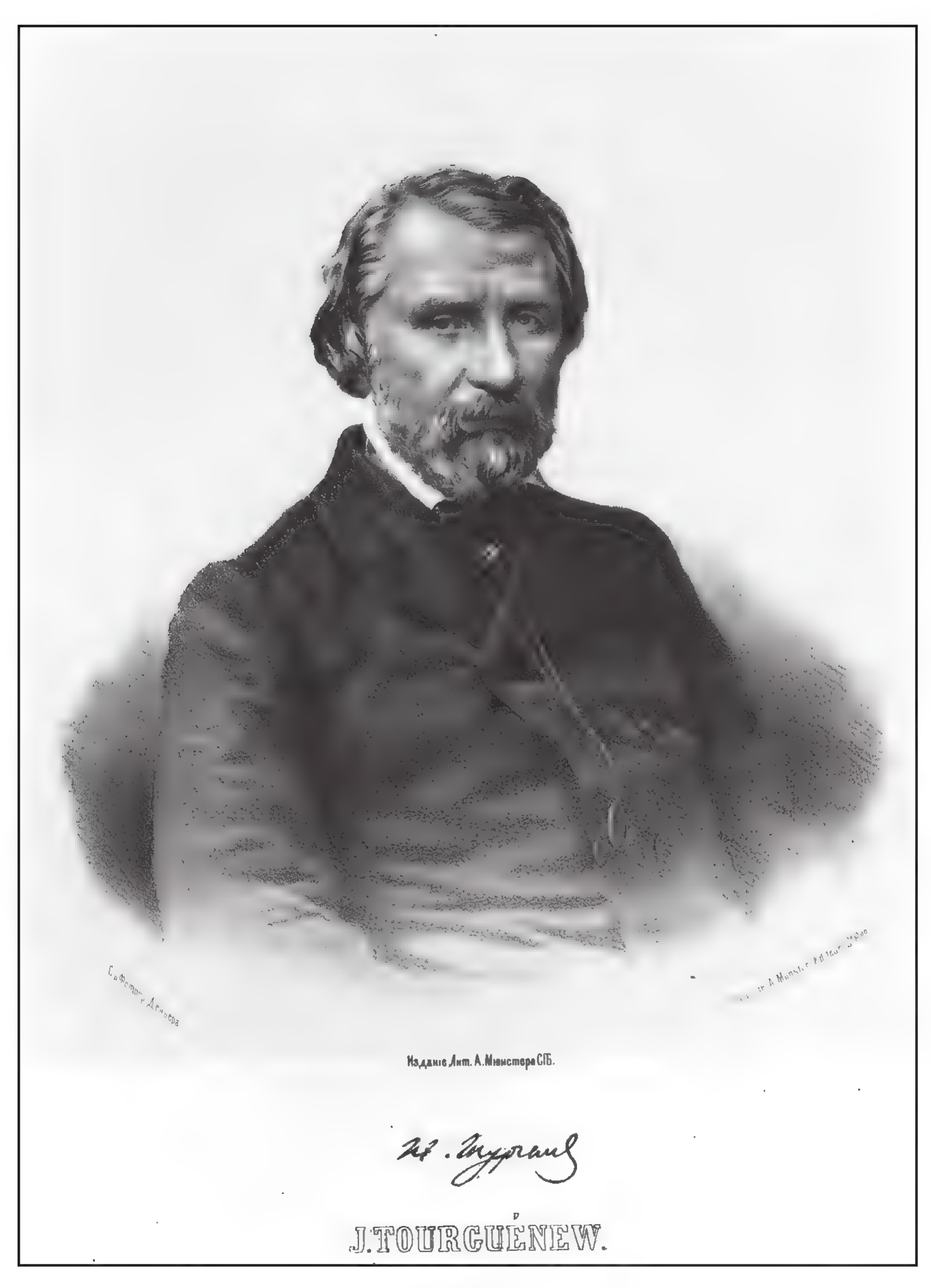
Дата п. Галахова к Анненкову с просьбой приехать из Москвы для участия в заседании, где будет утверждаться список членов Литфонда: «Вы крайне нужны. Ваш голос будет противодействовать темной силе, которая, может быть, явится на совещание о том, кого принять и кого не принимать в начальный состав Общества для вспоможения бедным литераторам. По крайней мере — Вы знаете — она (т. е. темная сила) всегда готова явиться в Северной Пальмире. Совещание же будет между лицами, подписавшими устав. Всех их 11, но без Вас и Тургенева — 9. Соберемся мы у Е. П. Ковалевского в субботу или воскресенье непременно (т. е. 17 или 18). Приезжайте, пожалуйста» (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 29. Л. 8; см. также: *Сажин В. Н.* Литературный фонд в годы революционной ситуации // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978. С. 145).

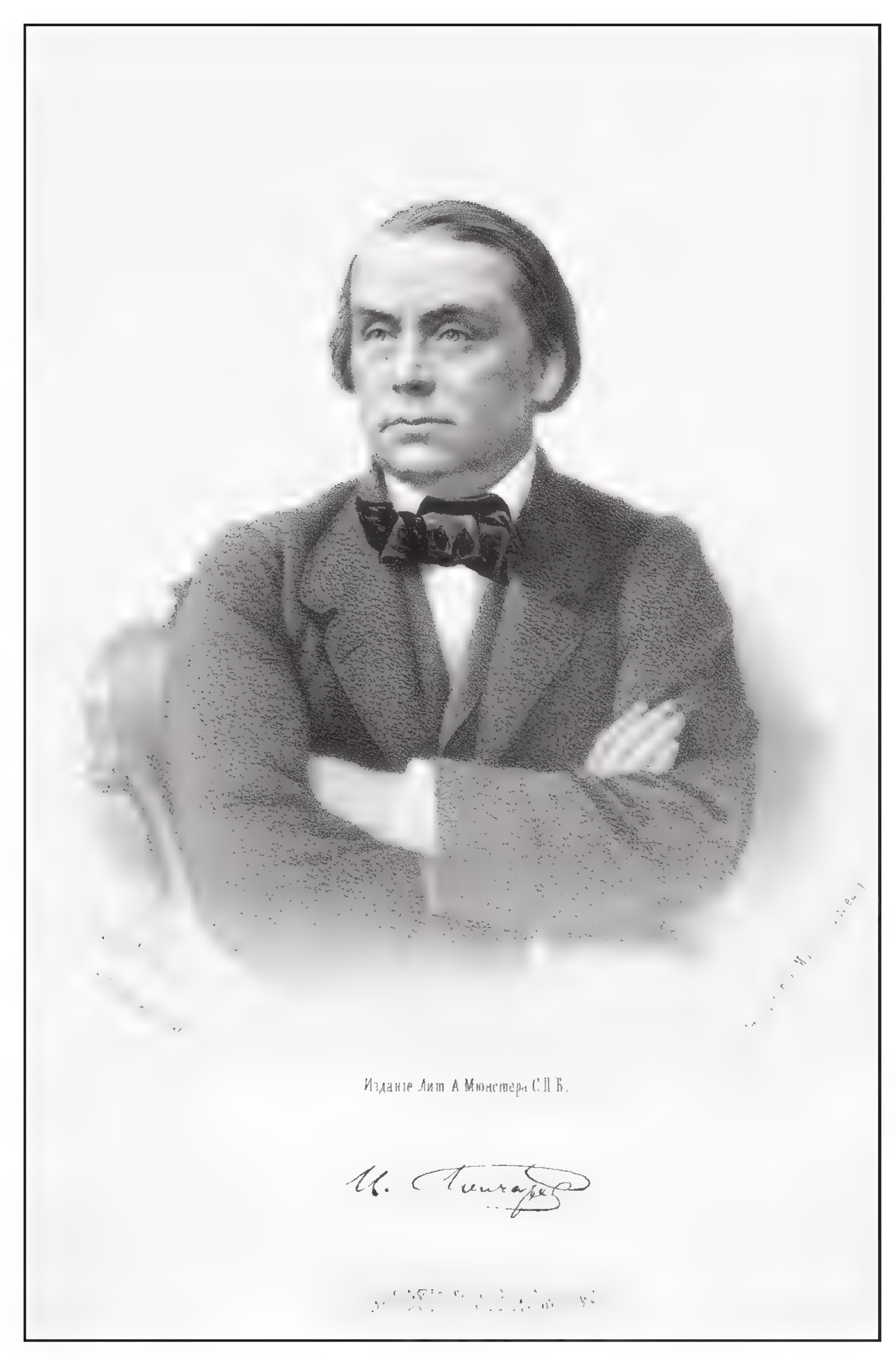
И. С. Тургенев. Фотография Э. Каржа.
Париж, октябрь 1861 г.

Обложка с замаскированным портретом А. И. Герцена работы А. И. Лебедева.
Литография с тоном. Петербург, 1859 г.

И. С. Тургенев.
Литография П. Ф. Бореля по фотографии А. И. Деньера.
Петербург, март 1859 г.

И. А. Гончаров.
Литография П. Ф. Бореля 1859 г. по фотографии Оже 1847 г.

А. В. Дружинин.
Литография П. Ф. Бореля по фотографии А. И. Деньера.
Петербург, март 1859 г.

Дворянское Гнѣздо,

повѣсть Ивана Тургенева.

Задумана въ началѣ 1856го года; долгое время не принимался за нее, все вертѣлъ ее въ головѣ; началъ разрабатывать ее въ Августѣ 1858го года въ Спасскомъ. —

Кончена въ Понедѣльникъ, 27го октября 1858го года въ Спасскомъ

1858.

«Дворянское гнездо». Титульный лист чернового автографа романа

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый съ 1847 года И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ.

ТОМЪ LXXIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
въ типографіи Карла Вульфа

1859

Титульный лист журнала «Современник» за январь 1859 г.

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

«На что душа рождена, того Богъ и далъ».

Кирша Даниловъ. Пѣсня о Князѣ Репнинѣ.

ГЛАВА I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру; небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ красиваго дома въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О... (дѣло происходило въ 1842 году) сидѣли двѣ женщины, одна — лѣтъ пятидесяти, другая — уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ, — человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый, — умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетѣ, но, рожденный въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньгу. Марья Дмитріевна вышла за него по любви; онъ былъ недуренъ собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезенъ. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Мос-

Первая страница романа «Дворянское гнездо»

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО

РОМАНЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. ГЛАЗУНОВА.
1859.

Первое отдельное издание романа «Дворянское гнездо» (М., 1859).
Титульный лист

Ап. Григорьев. Петербург, начало 1860-х гг.

«Лиза и Лаврецкий у пруда в Васильевском».
Иллюстрация к роману «Дворянское гнездо». Гравюра на дереве А. Малиновского
по рисунку Н. П. Загорского. 1876 г.

Т. Г. Шевченко.
С совместной фотографии с Г. Н. Честаховским.
Петербург, 1860 г.

УКРАИНСКІЕ

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ

МАРКА ВОВЧКА.

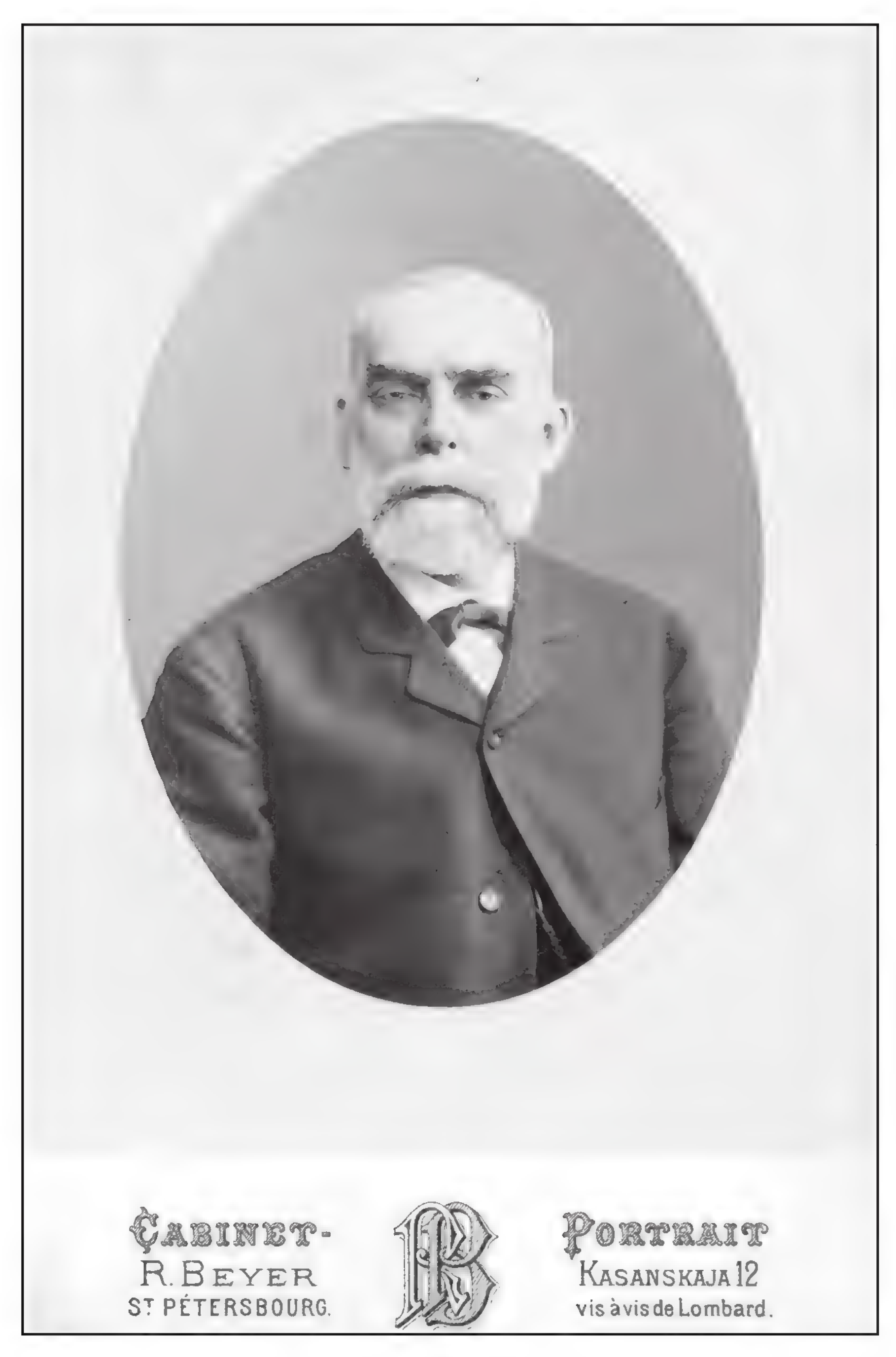
Переводъ И. С. Тургенева.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.
1859.

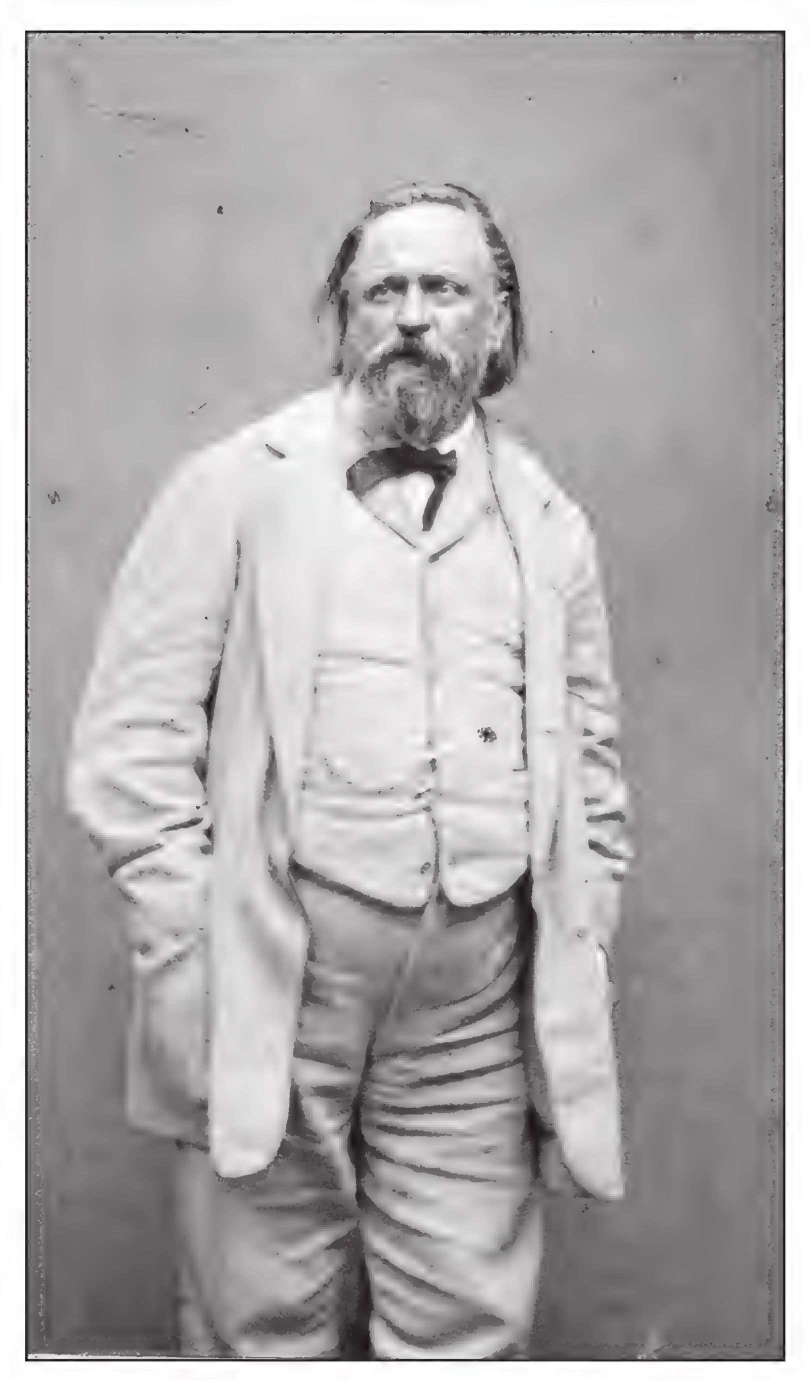
«Украинские народные рассказы» Марко Вовчок
в переводе И. С. Тургенева (СПб., 1859).
Титульный лист

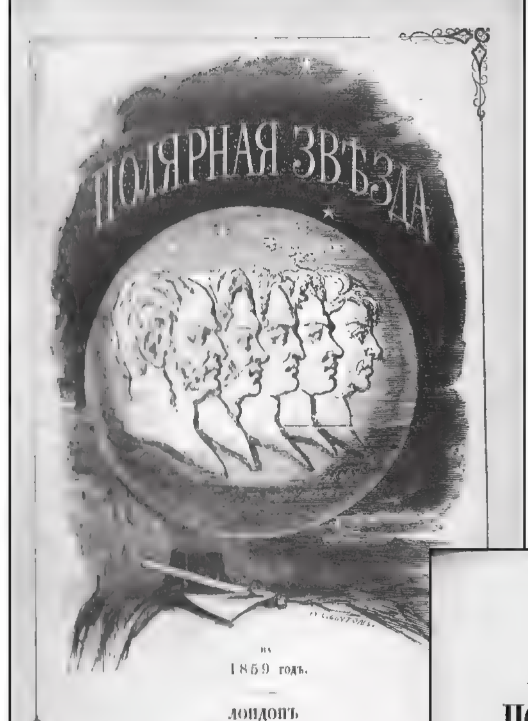
М. А. Маркович (Марко Вовчок).
Фотография ателье Майера и Пирсона.
Париж, 1860-е гг.

Н. Я. Макаров. Фотография Р. Бейера.
Петерург, 1880-е гг.

А. И. Герцен. Фотография Э. Каржа.
Париж, 1861 г.

«Полярная звезда на 1859 год» (Лондон: Вольная русская типография, 1859), в которой впервые опубликовано стихотворение «Кнут», приписываемое И. С. Тургеневу. Обложка

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1859

ИЗДАВАЕМАЯ

ИСКАНДЕРОМЪ и Н. ОГАРЕВЫМЪ

Да здравствуетъ разумъ!

А. ПУШКИНЪ.

КНИЖКА ПЯТАЯ

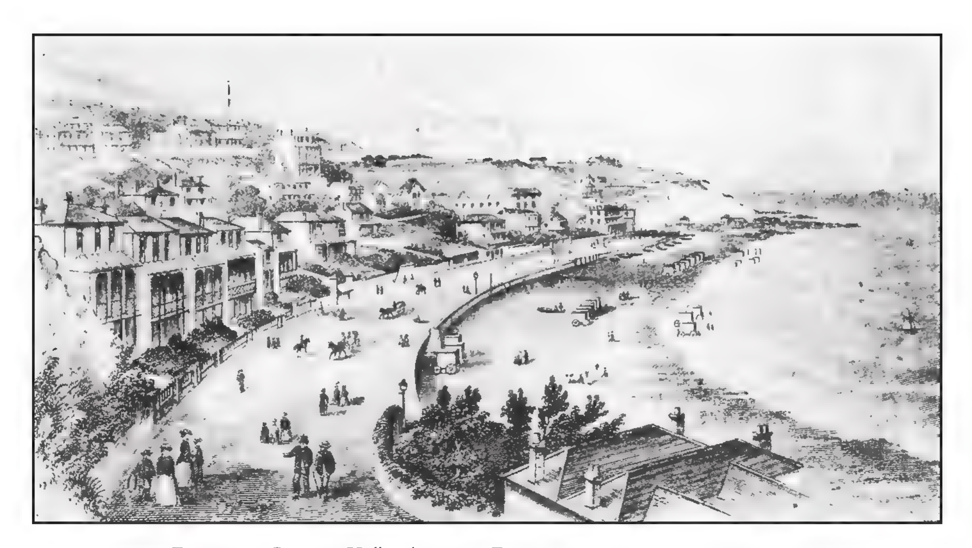
ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

2, JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.

1859

Титульный лист с дарственной надписью А. И. Герцена Фр. Боденштедту. Фулем, 22 мая 1859 г.

Вентнор. Остров Уайт, Англия. Вид на площадку для гуляния.
Belinda House, где останавливались П. В. Анненков и И. С. Тургенев,
четвертый дом слева. Фотография. 1880-е гг.

Eagle's Nest (Орлиное гнездо). Коттедж, который в августе 1860 г.
снимала семья А. И. Герцена.
Борнемут, Англия. Современная фотография

РУССКАЯ

ПОТАЕННАЯ

ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Н. ОГАРЕВА.

ЛОНДОНЪ
TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW.
1861.

«Русская потаенная литература XIX столетия. Часть первая. Стихотворения» (Лондон: Trübner & Co, 1861). Обложка. Экземпляр из библиотеки А. Ф. Онегина

360

КНУТЪ.

Ремянный кнутъ, не безъуханный,
Забытый въ полѣ вижу я,
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто далъ тебѣ твой видъ пріятный,
Тебя тесемкою обвилъ,
И кто твой кончикъ сыромятный
Такъ превосходно прикрѣпилъ ?

Скажи мнѣ кто владѣлъ тобою,
И что онъ былъ за человѣкъ ?
Съ тяжелой, легкой-ли рукою,
А главное, — кого ты сѣкъ ?

Стегалъ-ли ты кляченки жалкой
Хребетъ и впалые бока,
Иль, мирно чередуясь съ палкой,
Гулялъ по ж... мужика ?

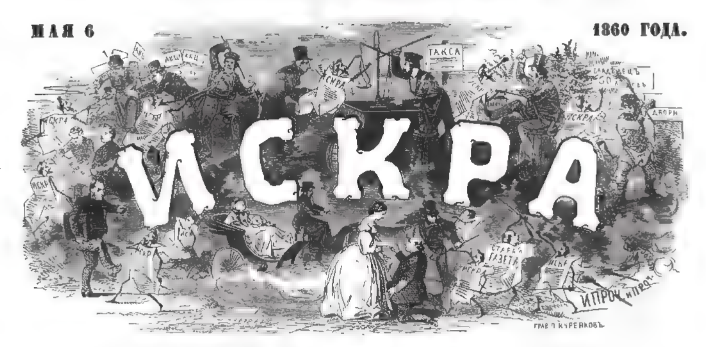
Мужчинъ-ли больше ты исправилъ,
Иль также женщинъ поучалъ ?
И тотъ зачѣмъ тебя оставилъ,
Кто, кнутъ ! тобою обладалъ ?

Стихотворение И. С. Тургенева «Кнут», напечатанное в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия». Первая страница с пометами А. Ф. Онегина

Первый Комитет Литературного фонда.
Сидят слева направо: А. В. Никитенко, А. А. Краевский, Ег. П. Ковалевский, И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, А. Д. Галахов.
Стоят: С. С. Дудышкин, Е. И. Ламанский, А. П. Заблоцкий-Десятовский, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Дружинин.
Фотография М. Н. Кучаева. Петербург, 27 марта 1860 г.

МАЯ 6 1860 ГОДА.

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

Годъ II. № 17.

СОДЕРЖАНІЕ. *«Русская женщина» «Нашего Времени»*, Пр. Знаменскаго. — *Прогулка съ препятствіями*, В. М—ва. — *Четыре возраста*, сцены, П Преображенскаго. — Выдержки изъ памятной книжки. — На пароходѣ, письмо Безкопытнаго. — *ИСКОРКИ Медико-статистическая замѣтка о причинахъ смертности въ русской журналистикѣ*, Спасопреображенскаго. — *Законное рѣшеніе*, стих. Егора Клей-но. — *Гусары былыхъ временъ*, стих. А. Ж. — Провинціальные анекдоты, М. М. Стопановскаго. — Вопросы съ отвѣтами.

РИСУНКИ Н. Степанова, Н. Е. Рачкова, М. М. Знаменскаго и Н. А. Д—ва-М—ва.

«РЕВИЗОРЪ» ВЪ СПЕКТАКЛѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

ЛИТЕРАТОРЫ ВЪ РОЛЯХЪ КУПЦОВЪ И ГОРОДНИЧАГО.

Счастливые купцы!—Мало того, что товары ихъ продаются на вѣсъ золота, но еще платятъ деньги, чтобъ только на нихъ посмотрѣть.

Сцена из любительской постановки «Ревизора» с участием писателей. Петербург, 20 апреля 1860 г.
Гравюра П. З. Куренкова по рисунку Н. А. Степанова.
Городничий (А. Ф. Писемский) объясняется с купцами.
Стоят слева направо: Ф. А. Кони, А. Н. Майков, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, А. В. Дружинин, А. А. Краевский <?>, В. С. Курочкин, В. Г. Бенедиктов <?>.
Карикатура журнала «Искра» (1860. № 17, обложка)

***11 (23) октября*. Воскресенье**. В ответ на п. П. Виардо от 10 (22) сентября (неизв.), полученное накануне, жалуется на столь длительное отсутствие п., частично вызванное небрежностью при выставлении адреса. Откликается на новости о Берлиозе, который в сентябре провел два дня в Куртавнеле, работая с Виардо над постановкой «Орфея» Глюка: «Бедный Берлиоз внушает мне искреннюю жалость, и я счастлив узнать, что его опера («Троянцы». — *Ред.*) — прекрасная вещь и что, может статься, у вас будет в ней одна великолепная роль». Добавляет, очевидно по поводу намерения Виардо исполнить в опере две роли (Кассандры и Дидоны), что «исполнение двух разных ролей в одном произведении в один и тот же вечер всегда казалось мне прегрешением перед искусством»: «Это выглядит трюком даже тогда, когда таковым не является, и потом неприятно видеть, как артист столь быстро меняет кожу; хочется думать, что и одной *созданной роли* ему достаточно и она ему дорого обходится. Сам бог сотворил единовременно лишь один-единственный мир». Сообщает, что работает над «новым романом»: «сейчас я как раз *сочиняю* отрывок из дневника молодой девицы (все молодые девицы ведут дневник — а вы вели дневник?), — но это очень трудно. Трудно схватить ту смесь разума и чувства, которая стоит всей рассудительности мира. А кроме того, надо быть наивным... Я, хоть и старичок, чувствую в себе много детского, но это совершенно разные вещи» (отрывки из дневника Елены в гл. XVI: *Соч.* Т. 6. С. 224–228). Сообщает о болезни (ларингит), которая не позволяет «даже шептать, угрожая разорвать грудь приступами судорожного кашля». Намеревается остаться в Спасском до 15 (27) ноября. Передает приветы всему семейству, включая М. Гарсиа, Х. Гарсиа. Напоминает о предстоящей работе над «Кракамишем» («Последний колдун»), опереттой, либретто которой было написано Т., а музыка П. Виардо: «...я от него не отступлюсь».

Объявление о поступлении в продажу в магазин Глазунова в Петербурге отдельного издания романа «Дворянское гнездо» (М., 1859) (*СПбВед.* № 220. С. 965).

***14 (26) октября*. Среда**. Откликается на неизв. п. гр. Ламберт, в котором она процитировала фрагмент о Т. из п. к другому своему корреспонденту: «Зачем говорите Вы мне сладкие вещи, милая графиня?». Просит более не делать этого: «Человек уж так создан, что всегда готов объедаться вареньем, даже если знает, что оно ему вредно — и что это варенье собственно не принадлежит ему вовсе». Сообщает о том, что болеет и продолжает работать. Пускается, по

собственным словам, в «философствования»: «Мне недавно пришло в голову, что в судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, — только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни. <...> И потом мы все осуждены на смерть... Какого еще хотеть трагического?».

15* (*27*) *октября*. Четверг.** В ответ на п. Толстого от ***9* (*21*) *октября Дружинин замечает: «Мы <...> все знаем слабость Тургенева, но между самой его дрянной повестью и самым лучшим романом какой-нибудь госпожи Евгении Тур, с ее полуталантом, целый океан» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 291).

***16* (*28*), *17* (*29*) *октября*.** В газ. «Le Nord» выходит перевод на франц. язык «Трех встреч» под заглавием «Les trois rencontres» в переводе Франчеши. Перевод сопровождается примечанием, согласно которому «данный роман (так! — *Ред.*) является исключительной собственностью газеты». Окончание см. ***20 октября* (*1 ноября*)**.

19* (*31*) *октября*. Понедельник.** Откликаясь на посвященный ему фрагмент п. Т. к Дружинину (неизв.), полный «усиленно-ядовитых выражений», Анненков в п. к Т. спрашивает из Петербурга: «За что прогневались, Иван Сергеевич? Эпитет *грызуна* что ли огорчил? <...> А насчет моего тумана — будем снисходительны друг к другу: у всякого есть свой туман», очевидно имея в виду как свое п. от ***1* (*13*) *октября, так и ст. о «Дворянском гнезде» в *РВ* (см. ***18* (*30*) *сентября***). С иронией пишет о «тумане», который возник «на обе столицы» из-за того, что Т. пообещал к новому году по повести сразу трем журналам (*РВ*, *Совр*, *БдЧ*): «Тут тоже никто ничего не понимает, но все продолжают Вас и хвалить, и любить».

Сообщает о назначенном на ***8* (*20*) *ноября*** официальном открытии Литфонда («более 70 членов уже состоит налицо») и выборах в Комитет: «Отсутствующие члены могут присылать свои голоса (за собственной подписью, разумеется) кому-либо из присутствующих членов, который и сообщает их обществу». Предлагает себя в роли посредника: «...а насчет персонала, из которого следует выбирать, не затрудняйтесь: все мало-мальски выдающиеся имена принадлежат уже обществу». Рассказывает о «великой беде», которая стряслась с Писемским при прохождении его драмы «Горькая судьбина» через цензуру (см. п. Писемского к Т. от ***21 октября* (*2 ноября*)**).

О деятельности Редакционной комиссии, которая с осени приступила к совещаниям с «депутатами первого приглашения», и не-

довольстве ряда депутатов после первого же заседания 30 сентября (13 октября), выразившегося в обращении к Александру II председателя тверского комитета Унковского (его подписали также члены харьковского комитета Хрущов и Шретер и др.): «Замечательное явление в современной жизни представляет единодушный протест всего либерального и нелиберального класса землевладельцев против последнего положения Редакционной комиссии, объявившей оставление за крестьянами существующего надела земли, положившей за него крайне низкую повинность и вместе с тем оставившей барщинную работу на два года. Это значит запереть в одну комнату крайне раздраженных противников, вместо того чтоб развести их. <...> подали государю прошение, умоляя его спасти землю русскую от больших бед, перейти прямо к выкупу, учредив *хозяйственное управление* по губерниям, новую систему судопроизводства и общую гласность. Чем кончится это дело, уведомлю, но круг страха, сомнения, вспомоществуемый еще огромным финансовым кризисом — все продолжает увеличиваться и расти...» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 74—75). См. ***23 октября*** (***4 ноября***).

Фет сообщает Дружинину, что «Тургенев работает сильно в деревне» (над «Накануне»). Извещает также, что перевел около 30 ст-ний из Гафиза, получив «одобрение» от Т., и выражает твердое намерение не печатать их «до пересмотра с Тургеневым»: «Итак, вот в чем дело: Гафиз будет напечатан, только с одобрения Тургенева. <...> Повторяю, если Тургенев скажет, что весь перевод или частию неудовлетворителен, я его ни за что печатать не стану» (*Письма к Дружинину.* С. 342).

20 октября (***1 ноября***). **Вторник**. Извиняясь за задержку в высылке перевода «Панночки» («Институтки») Марко Вовчок, сообщает Краевскому, что «первые десять дней я точно охотился (хотя дичи было мало до гадости) — а потом принялся за повесть для “Русского вестника” — которую и окончил», потом заболел: «вот уже 3 недели, как я онемел, кашляю беспрерывно», стал лечиться гомеопатией. Вместе с тем принялся за перевод и обещает закончить его «к первым числам ноября», чтобы успеть к декабрьской книжке: «...но я советовал бы Вам ее поместить в январскую, которую она действительно *украсит*, говоря языком программы “Современника”». По поводу просьбы дать в журнал свое произведение: «...готового у меня ничего нет: кое-что начато — и все, что я могу сказать Вам — это то, что теперь я буду работать для “О<течественных> з<аписок>” — как работал для “Русского вестника”». Кланяется Дудышкину, Гончарову и «всем хорошим приятелям».

В газ. «Le Nord» выходит окончание перевода на франц. язык «Трех встреч» под заглавием «Les trois rencontres» в переводе Франчеши (см. ***16 (28), 17 (29) октября***).

Дата первого ценз. разрешения № 10 *Совр*; в нем — объявление «Об издании “Современника” в 1860 году», где сообщается: «И. С. Тургенев также обещал “Современнику” новое свое произведение» (С. 4, отд. паг.); «Заметки Нового поэта» (Панаева), которые в части, посвященной «текущей петербургской жизни», также открываются сообщением: «...все отсутствовавшие возвратились из своих деревень и из-за границы и между прочими гг. Тургенев и Гончаров. Тургенев пробыл, впрочем, только один день в Петербурге и отправился в свою орловскую деревню, из которой вернется не ранее ноября. Он обещал новую повесть для “Современника”, которая будет напечатана в первых нумерах следующего года» (Отд. 3. С. 471). Далее Панаев сообщает о выходе отдельного издания «Дворянского гнезда» (М., 1859; см. ***17 (29) августа***), а также отдельного издания «Обломова» Гончарова: «Эти издания должны разойтись мгновенно. В этом нет сомнения. Нам нечего даже желать об этом, — это совершится само собою, после огромного успеха, каким встречены были эти произведения в публике при своем первом появлении в журналах» (С. 494).

Данные сообщения взволновали редакцию *РВ*, которая посчитала, что они могут существенно помешать подписке на журнал (см. ***28 октября (9 ноября)***).

В № 1 *Совр* за 1860 была опубликована ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот».

Отметил Панаев также выход перевода «Трех встреч» в «Revue des deux mondes» (см. ***19 сентября (1 октября)***).

Плещеев в п. к Барановскому высылает вышедшие за 1859 номера *МВест* с просьбой рекомендовать его знакомым, которые «желают выписывать дешевую политическую газету»; называет среди участников Т., Островского, Толстого, Салтыкова, Чернышевского и др. Среди прочего сообщает о том, что «вскоре» будет «напечатана статья И. С. Тургенева о призвании и значении русского дворянства, которая должна обратить на себя внимание» (*Шестидесятые годы.* С. 453). См. ***22 января (3 февраля)***.

21 октября (2 ноября). **Среда**. Откликается на п. Маркович из Дрездена от ***Конца сентября ст. ст.***, упрекая ее за краткость. Сообщает новости о себе: о болезни, которая длится уже три недели; об окончании «большой повести» для *РВ* («Накануне»). По поводу пе-

ревода «Институтки» сообщает, что уже списался с Краевским (см. ***20 октября*** (***1 ноября***)) и рассчитывает либо привезти, либо переслать ее в Петербург «в 10-х числах ноября». Интересуется планами Маркович на зиму и надеется на ее возвращение в Петербург («мне сдается, что мы проведем хорошо эту зиму»). Кланяется Марковичу, их сыну Богдану, супругам Рейхель и «дрезденской Мадонне».

В п. к Т. из Петербурга Писемский сообщает о сложностях с прохождением через цензуру своей драмы «Горькая судьбина»: «...пиэса моя была уже пропущена; но по каким-то сплетням, дошедшим до министра, она вытребована к нему, где и будет, вероятно, прихлопнута» (пьеса была передана Гончарову и пропущена им, с изменениями). В связи с чем, опасаясь за судьбу *БдЧ* и не рассчитывая на Дружинина («который не может и не хочет понимать вещи, как они есть»), «настоятельно» умоляет «дать нам вашу вещь» (Т. отдаст в *БдЧ* «Первую любовь»): «...что вам за охота поддерживать “Русский вестник”, “Современник” — это значит на человека в шубе надевать еще шубу. <...> В ваши намерения написать для нас повесть в две какие-нибудь недели все мы, ваши друзья, т. е. Дружинин, Анненков и я, откровенно сказать, не верим; а потому докажите нам противное <...>» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 161).

Дата второго ценз. разрешения № 10 *Совр* (см. ***20 октября*** (***1 ноября***)).

22 октября (***3 ноября***). **Четверг**. В п. к И. С. Аксакову просит прощения, что не навестил его в Москве, где был проездом из Петербурга в Спасское (см. ***16*** (***28***) ***октября***). Рассказывает о том, где был со времени посещения Аксаковых весной («за несколько дней до кончины Вашего батюшки; весть о ней дошла до меня за границей — и глубоко меня огорчила, хотя я и ожидал ее»). Сообщает о своей болезни (ларингит) и окончании «большой повести» для *РВ* («Накануне»): «...желал бы я очень, чтобы Вы ее одобрили»; слышал «много похвал» редактировавшемуся Аксаковым журналу *Рус Беседа*. Извещает о ходе подготовки к крестьянской реформе: «С крестьянами я почти везде благополучно размежевался (оставив, разумеется, старое количество земли), переселил их (с их согласия) — и с нынешней зимы они все поступают на оброк, по 3 рубля серебром с десятины; я говорю: *я* — а я должен бы сказать: мой дядя, которому *новые порядки* очень не по нутру — но который понял, что *старые порядки* вернуться не могут. Крестьяне, перед разлукой с “господами” — становятся, как говорят у нас, козаками — и тащут с господ всё, что могут: хлеб, лес, скот и т. д.». Замечает так-

же: «О *мире*, об *общине*, о мирской ответственности в наших околотках никто слышать не хочет: я почти убеждаюсь, что это надо будет *наложить* на крестьян в виде административной и финансовой меры: сами собою они не согласятся — т. е. они дорожат миром — только с юридической точки зрения, — как *самосудством*, если можно так выразиться, но никак не иначе». Передает поклоны О. С. Аксаковой, К. С. Аксакову, а также Хомякову, Елагиным и др.

23 октября* (*4 ноября*). Пятница**. Откликаясь на п. Анненкова от ***19* (*31*) *октября, впервые сообщает «по секрету» название новой повести — «Накануне». Объясняется в связи с недоумением в литературной среде, вызванным распространившимися сообщениями об обещанных им повестях сразу в три журнала. Сообщает, что отдает «Накануне» в *РВ* («Это несомненно <...>»); для *БдЧ*, которая «знает, что у меня повести готовой нет», надеется написать «хоть небольшую вещь» (это будет «Первая любовь»; опубл.: 1860. № 3). Более подробно останавливается на сути своих отношений с *Совр*: «Во время проезда через Петербург Некрасов явился ко мне и, сказав, что знает, что моя повесть будет в “Русском вестнике”, — просил хоть чего-нибудь и позволения напечатать, что я им дам что-нибудь: новое какое-нибудь произведение. К этому он прибавил местоимение *свое*, и вышло, что я им даю свое *новое произведение*. Но, кроме этих трех слов, они от меня ничего не получат» (в № 1 *Совр* за 1860 напечатана ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот»).

С одобрением отзывается об утверждении Литфонда и сожалеет, что из-за болезни не сможет присутствовать на первом собрании Общества ***8* (*20*) *ноября***. Рассчитывает приехать к 20 ноября (2 декабря) (приехал ***25 ноября* (*7 декабря*)**) и надеется, что Анненков «по примеру “Дворянского гнезда”» первым прочтет «Накануне»: «Я теперь не имею никакого суждения о том, что я произвел на свет: кажется, эротического много, Шатобрианом пахнет... Коли не выгорело, брошу — не без сожаления, но с решительностью. Теперь уже нельзя... в грязь садиться: это позволительно только до 30 лет...». Извещает о завершении перевода крестьян на оброк: «Оброк назначался по 3 руб. сер. с десятины, разумеется, безо всяких других повинностей. Но леса истребляются страшно — все продают, пока их не раскрали». Сообщает о визите Толстого «недели две тому назад»: «...но мы с ним не ладим — хоть ты что!». П. сохранилось не полностью. Очевидно, к нему прилагался список членов для избрания в Комитет Литфонда (среди кандидатур — Гончаров). См. ***30 октября* (*11 ноября*)**.

В Петербурге в Театре-цирке (подле Александринского театра) состоялось представление комедии Т. «Холостяк» с участием Мартынова (см. ***7*** (***19***) ***октября***).

25 октября (***6 ноября***). **Воскресенье**. Завершает в Спасском черновую редакцию романа «Накануне»: «...кончена в Спасском, в воскресение 25-го окт./6 ноябр. 1859-го г.» (помета на черновом автографе: *РНБ*).

26 октября (***7 ноября***). **Понедельник**. И. С. Аксаков, отвечая на п. Т. от ***22 октября*** (***3 ноября***), сообщает: «Кончина батюшки не была для семьи просто потерею отца, но потерей, сверх того, самого живого и живящего ее члена, самого сочувственного лица, самого ласкового, теплого и мудрого советника, с которым все мы постоянно находились в умственном общении». Особо сильно смерть С. Т. Аксакова сказалась, по его словам, на Константине, которого она «совершенно перевернула»: «Вы его не узнаете — так он переменился. Он как будто продолжает держать за руку покойного, не покидает его и за гробом, так сказать, находится в постоянном с ним общении. Всякое развлечение себя он считает нравственным падением». Предлагает выслать Т. журнал *Рус Беседа*. Сообщает об отказе Главного управления цензуры в разрешении на издание газ. «Дума» (из-за недоверия правительства после прекращения издания газ. «Парус»). По поводу готовящейся реформы замечает: «В Петербурге депутаты с ростовцевскою комиссией режутся не на живот, а на смерть. Эта борьба представляет прелюбопытное зрелище» (*РО*. 1894. № 12. С. 596—597).

27 октября (***8 ноября***). **Вторник**. Т. навещает врач из Орла, который «объявил», «что он еще не встречал такой странной болезни и не знает, как ее лечить» (см. п. к гр. Ламберт от ***28 октября*** (***9 ноября***)).

В Петербурге в Александринском театре состоялось представление комедии Т. «Холостяк» с участием Мартынова (см. ***7*** (***19***) ***октября***).

28 октября (***9 ноября***). **Среда**. Отвечая на два неизв. п. гр. Ламберт, просит прощения за молчание («нахожусь в унынии»), жалуется на болезнь, которая «не только не проходит, но становится всё сильнее». Сообщает о состоявшемся накануне визите «доктора из Орла» (см. ***27 октября*** (***8 ноября***)). «...Сегодня день моего рожде-

нья (мне 41 год) — в этот день я всегда чувствую особенно невеселое расположение духа». Извещает об окончании «Накануне»: «Моя повесть окончена. Надо бы ее переписать — а тут новое затруднение: когда я наклоняюсь к столу, чтобы писать, у меня опять поднимается судорожный кашель — чепуха, да и только!».

Дата п. Феоктистова к Т. из Москвы по «делу» *РВ*. Сообщает о своей обеспокоенности, наравне с П. М. Леонтьевым (заведовал редакцией в отсутствие Каткова, находившегося на о. Уайт в Англии), по поводу несколько раз повторенных в *Совр* сведений о грядущей публикации нового произведения Т. в январской книжке журнала (*Совр.* 1859. № 10; см. ***20 октября*** (***1 ноября***)): «Вы знаете, как дорожит редакция произведением, которое обещали Вы поместить в ее журнале. Можно сказать без преувеличения, что одна из главных надежд ее на успех в будущем году опирается на Ваш роман. <...> Вы понимаете, что публика может быть введена в заблуждение и, слыша эти настойчивые повторения редакции “Современника”, думает, что по-прежнему будет встречать романы Ваши почти исключительно в этом журнале». Просит сообщить название повести, на случай если Катков решит в виде исключения дать объявление о ее выходе: «...повесть или роман Ваш возбуждает такой интерес в редакции <...> и, вероятно, еще гораздо больший интерес в публике, что нельзя молчать, когда другие твердят на все лады, что роман появится у них. Очень может быть, что Вы не хотели отказать “Современнику” совершенно в своем сотрудничестве и обещали какую-нибудь повесть, но Вы поймете сами уловку этого почтенного журнала. Панаев, в своих заметках, поговоривши о выходе “Дворянского гнезда”, извещает тотчас же, что “новое произведение Ваше” будет помещено у них, как будто дело идет о единственном произведении, кроме которого Вы ничего не писали в последнее время, и по объему не уступающем “Двор<янскому> гнезду”». В завершение сообщает о московских новостях (*Письма Феоктистова.* С. 139). См. ***24 декабря 1859*** (***5 января 1860***).

30 октября (***11 ноября***). **Пятница**. В ответ на п. Т. от ***23 октября*** (***4 ноября***) Анненков из Петербурга одобрительно отзывается на известие о продвижении «Накануне»: «Итак, вы на 230-й странице — пишите более и верьте, что кому другому полезна краткость, а вам нужна, необходима и спасительна плодовитость речи» (фрагмент п., на который отвечает Анненков, неизвестен). Сообщает о двух визитах к Карташевской, которая, «узнав, что вы больны, приказала вам написать, что один малоросс из ее приятелей спасся

от чахотки французскими бергамотами (сорт груш. — *Ред.*) и что мы складчиной пришлем вам бочонок этих плодов, если вы согласитесь на предлагаемое лечение». Отмечает: «Вообще же все хохлы и прелестнейшие хохлицы этого дома говорят о вас с невыразимой симпатией, и я отношу даже собственный успех между ними качеству вашего приятеля и старого знакомого». Среди них называет свою будущую жену Г. А. Ракович.

Сообщает новость о М. А. Безобразове: «Дерзкий и беспокойный реакционер Безобразов выключен из службы и выслан из города за дерзкое письмо государю по поводу внутренней политики» (текст записки см.: *Семенов. Освобождение.* Т. 2. С. 940—953). Извещает также об отказе Гончарова от участия в Литфонде «за неприглашение его в учредители, почему имя его и вычеркнуто мною из вашего списка»; о строгостях цензуры («головомытие»), от которой пострадали Гончаров за пропуск окончания рец. Бабста на книгу А. В. Семенова (*ОЗ*. 1859. № 10), Панаев за обвинения в адрес фон Таубе в «Записках Нового поэта» (*Совр.* 1859. № 10) и Дружинин за помещение ст-ния Зарина «Ночь»: «Грозят строгими мерами, если наша литература пойдет по такому коварному пути». Откликаясь на сообщение Т. о размере оброка, положенного им своим крестьянам, отмечает: «А вы положили оброк по 3 р. с десятины — не спросясь хозяина. Настоящий наш хозяин — Редакционная комиссия назначила 8 р. сер. оброка с $4^1/_2$ десятин — стало быть, каждая десятина обложена повинностью около 1 р. 75 к. Исправьте-ка это» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 75—76). Ответ Т. неизв.

***1 (13) ноября.* Воскресенье**. Дата ценз. разрешения № 11 *РСл*; в нем — ст. Де-Пуле «“Дворянское гнездо” И. С. Тургенева» (Отд. 2. С. 1—22; дата: «Воронеж. Май 1859 г.»), приуроченная к выходу отдельного издания романа.

> «После Пушкина мы не знаем писателя, который бы пользовался такою любовию нашей публики, как г. Тургенев. <...> г. Тургенев стоит на одной только русской почве, благодушно обозревает несущуюся мимо его жизнь, рисует ее без всяких прикрас и только с особенною любовию схватывает ее поэтическое проявление. Г-на Тургенева давно назвали поэтом, конечно в смысле художника, мастерски умеющего изображать поэтическое. <...> Талант г. Тургенева чисто поэтический. Поэтический элемент преобладает во всех произведениях автора “Записок охотника” и “Дворянского гнезда”. В этом отношении судьба наделила его не меньше Пушкина. Никто из современных писателей не может сравниться с ним в этой особенности его дарования; всех ближе подходит

к нему Гончаров. <...> Но признавая в Тургеневе высоту поэтического дарования, мы должны вместе с тем сказать, что другой элемент его дарования, художественный, сравнительно слаб. <...> Г-н Тургенев во всех отношениях неподражаем в особенном роде эпической поэзии — повести. Таковы его несравненные “Записки охотника”! Роман не его сфера: в романе слишком медленно идет действие, слишком много бывает посторонних лиц, требующих большей или меньшей отделки. <...> “Дворянское гнездо” все-таки повесть, а не роман: повесть потому, что представляемая им драма, правда, кипящая жизнию и трагическим элементом, немногосложна и непродолжительна; ее никак не хватило бы на обширное поэтическое произведение, каковы роман и собственно драма». Здесь же дается высокая оценка «Рудина».

3 (15) ноября*. Вторник**. Просит у гр. Ламберт прощения за «малодушное» п. от ***28 октября (9 ноября). Сообщает о внезапном улучшении в своем состоянии и намерении выехать из Спасского около 14 (26) ноября (выехал ***21 или 22 ноября (3 или 4 декабря)***). Надеется на встречу в Петербурге.

В *СПбВед* публикуется список членов-учредителей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым; в этом списке Т. (№ 238. С. 1055).

Дата п. Макарова к Маркович, в котором он пишет: «Тургенева еще нет и не будет ранее конца этого месяца. “Институтки” Вашей тоже все еще нет» (*ИРЛИ.* № 9052. Л. 1 об. См. также: *Марко Вовчок. Твори.* С. 377).

5 (17) ноября.* Четверг**. В № 241 *Сев Пчелы* выходит рец. К. А. Полевого на возобновленную постановку комедии Т. «Холостяк» с Мартыновым в главной роли (см. ***7 (19) октября*, *9 (21) октября*, *23 октября (4 ноября) и ***27 октября (8 ноября)***):

«Александринский театр бывает полон каждый раз, когда в нем играют “Холостяка”, комедию г. Тургенева, в которой г. Мартынов исполняет роль Мошкина. Молва, иногда, кстати, услужливая, разнесла весть, что эта роль — торжество г. Мартынова, что он, этот превосходный актер, любимец публики, является истинным, великим артистом в роли, им созданной». Решительно возражая против авторской и актерской трактовки образа Мошкина, полагает, что Т., «развивая характер Мошкина, <...> увлекся больше в изображение петербургского чиновника, нежели оригинала-холостяка, и даже чиновника представил неверно. <...> Мы видим на сцене не *холостяка*, а петербургского чиновника, набитого разными предрассудками и кажущегося почти дурачком. Он нисколько не понимает своего положения и поддается всем

предрассудкам своих собратов, а это неверно. Мошкин вовсе не глуп, притом чист душою, следовательно должен видеть ясно предметы, которые знает наизусть. / Нам кажется, что г-н Мартынов преувеличивает и это ложное положение, являясь перед фон-Клаксом совершенно растерянным человеком. Он мог бы казаться больше самостоятельным. Еще досаднее, что и в Мошкине — опять тот же тип, который мы видали в сотне других комедий! Опять тот же склад, те же приемы: немного искривленный рот, немного склоненное в правую сторону тело, скороговорка... <...> в последнем действии, особливо в последней сцене с Машею, г. Мартынов искупает все недостатки и комедии, и своей игры в первых двух действиях. Вот где он в настоящем характере своей роли: зритель смеется, а между тем у него слезы в глазах! Таково и должно быть впечатление этой комедии» (С. 965—966).

6 (18) ноября.* Пятница**. Откликаясь из Петербурга на неизв. п. Т., Писемский выражает сочувствие в связи с его болезнью. Сообщает об оживлении в литературном мире, в частности новой «отличной» драме Островского «Гроза» (*БдЧ.* 1860. № 1), о которой рассчитывает услышать «искреннее мнение» Т. (см. ***27 ноября* (*9 декабря*)**). По поводу ст. Дружинина в ноябрьской книжке об «Украинских народных рассказах» Марко Вовчок в переводе Т. (см. ***17* (*29*) *ноября) замечает, что не согласен «от первого до последнего слова»: «и потому не вините меня в ней. Статья эта даже не была мне читана предварительно, и я уже пробежал ее во второй корректуре». В продолжение своего п. от ***21 октября* (*2 ноября*)** рассказывает о своей драме «Горькая судьбина», с которой «вышла целая история»: «...ее захватили у меня из типографии и отправили на личное прочтение к министру, который меня через несколько дней призвал к себе и объявил, что драма моя имеет капитальные достоинства, что должна быть пропущена за исключением некоторых мест, которые пересмотреть и поручил Гончарову <...>». Сообщает новости о Литфонде, первое заседание которого назначено на ***8* (*20*) *ноября***: «станут выбирать председателя и членов»; намерен предложить собранию <...> читать за деньги, — читаю я недурно, и публики, из одного любопытства, вероятно, соберется довольно; так что я для Общества могу в зиму заработать руб. 500. Одобряете ли вы эту мысль мою или нет?» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 162). Мнение Т. см. ***18* (*30*) *ноября*.**

П. Виардо дебютирует с большим успехом в «Орфее» Глюка в контральтовой партии Орфея на сцене Лирического театра в Париже; постановка Берлиоза.

О спорах по поводу даты премьеры см.: *Müller-Höcker K.* Pauline Viardot Orpheus-Interpretation in der Berlioz-Fassung von Glucks «Orphée». Hildesheim; Zürich; New York, 2016. P. 164.

***7* (*19*) *ноября*. Суббота**. С запозданием отвечая на неизв. п. Карташевской, оправдывает молчание «невеселым расположением духа» из-за болезни (ларингит). Благодарит за переданный Анненковым совет «лечиться бергамотами» (см. ***30 октября* (*11 ноября*)**): «...но я теперь пью беспрестанно молоко — единственная вещь, которая мне помогла — и, сколько я могу судить, эти два способа лечения несовместимы». Просит передать Белозерскому, что получил его «очень большое, теплое письмо» (неизв.), и обещает «на днях» ответить (неизв.). Сообщает, что «не только кончил, <...> уже переписал и пересмотрел свою повесть» («Накануне»). Сожалеет, что не может присутствовать на возобновившихся вечерах у Карташевских.

Благодарит М. Н. Толстую за порадовавшее его «содержанием своим и тоном» п. (окончание в октябре постройки дома в Пирогово, куда она уехала вместе с детьми из Ясной Поляны, где жила после развода с В. П. Толстым): «Иметь свое гнездо — жить для детей — что может быть лучше на земле!». Пишет о болезни и о том, что в первый раз решается выехать на $^1/_4$ часа в карете. Сообщает, что написал и даже переписал «большую повесть, объемом с “Дворянское гнездо”», желает, чтобы она «понравилась Вам более “Дворянского гнезда”, которое, сколько я помню, произвело на Вас впечатление не совсем приятное». Надеется будущей весной навестить Толстую в Пирогово «и полюбоваться Вашим хозяйством». Ожидал, что Н. Н. Толстой «завернет» к нему в Спасское из своего Никольского: «Я его от души люблю», просит передать ему дружеский поклон. «Брат Ваш Лев был у меня — и я его видел у Фета; но, видно, мне не суждено сойтись с этим умным и замечательным человеком: и ему со мной — и мне с ним — неловко; я люблю всё, чего он не любит — и наоборот: мы созданы совершенно антиподами. Что делать!». Радуется известию, что графиня «прилежно» занимается музыкой, и «удерживает за собою кресло в первом ряду на будущую весну».

***8* (*20*) *ноября*. Воскресенье**. В здании Министерства народного просвещения состоялось первое собрание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, на котором члены-учредители (77 человек) избрали Комитет общества в составе 12 членов. Т.

закрытым голосованием заочно (поскольку находился в Спасском) был избран членом Комитета (*РНБ*. Ф. 438. № 1; *Сб Лит фонда* (*XXV*). С. 427).

9 (***21***) ***ноября***. **Понедельник**. Дата ценз. разрешения № 11 журнала «Рассвет»; в нем — в разделе «Библиография» ст. Писарева «“Дворянское гнездо”. Роман И. С. Тургенева» (С. 23—40).

Роман отнесен Писаревым к числу тех произведений, которые с художественным совершенством «представляют жизнь как она есть» и, касаясь вопросов современности, не ограничиваются узкой злободневностью, но показывают в, казалось бы, локальных явлениях «общечеловеческую сторону».

О том, что Писарев придавал этой работе серьезное значение, свидетельствует упоминание о ней как об этапной в ст. «Наша университетская наука» (см.: *Писарев.* Т. 1. С. *471*).

10 (***22***) ***ноября***. **Вторник**. Пишет (по-франц.) дочери давно обещанное «*большое*» п., где выражает недовольство ее поведением во время своего пребывания во Франции. Среди недостатков, которые бросились в глаза, называет обидчивость, тщеславие, упрямство и скрытность, ревность к детям семьи Виардо, самолюбие. «У тебя много хороших качеств — и если я о них не говорю, то лишь потому, что нахожу это столь же неуместным, как если бы обращался к самому себе с похвалами относительно хороших качеств, какие могут у меня быть: ты слишком близка мне, я слишком люблю тебя, чтобы не смотреть на тебя, как на часть самого себя». Надеется выехать из Спасского через неделю.

Первая треть (***до 11***) ***ноября ст. ст***. Заканчивает переписку романа «Накануне» (см. п. к Павлову от ***11*** (***23***) ***ноября***).

11 (***23***) ***ноября***. **Среда**. В п. к Павлову сообщает о поразившей после его визита (см. ***Начало октября ст. ст.***) болезни и своем плачевном состоянии: «беспрестанный зуд и боль в горле — при совершенной невозможности даже шептать, не только говорить». Описывает подробности болезни, просит заехать к нему в Спасское и дать медицинский совет. Сообщает об окончании «повести» («Накануне»), которую предлагает ему для прочтения.

12 (***24***) ***ноября***. **Четверг**. Отвечая на «двойное» неизв. п. гр. Ламберт, сообщает об отсрочке выезда из Спасского, вызванной продолжающейся болезнью.

***13 (25) ноября*. Пятница**. Отвечает на неизв. п. Фета из Москвы, оправдывая свое долгое молчание болезнью и неопределенностью планов на будущее. Выражает сочувствие в связи с ухудшением состояния сестры Фета — Н. А. Борисовой (психическое заболевание). Намеревается «около 22-го» быть в Москве, где остановится на один день в гостинице, чтобы сразу отправиться в Петербург. Положительно оценивает присланное Фетом ст-ние «Тополь», но высказывает замечания по поводу двух стихов (Фет публикует ст-ние (*РСл.* 1860. № 4) без изменений, но при последующей публикации в первом выпуске «Вечерних огней» (М., 1883) перерабатывает указанные стихи). Дает отзыв о двух новых переводах из Гафиза.

Отвечая с запозданием (из-за болезни) на п. И. С. Аксакова от ***26 октября (7 ноября)***, сообщает, что «на днях кончил и переписал мою повесть» («Накануне»): «...но от того ли, что она мне уже самому успела надоесть — от другой ли какой причины, — мне она не понравилась. Посмотрю, что скажут друзья, которые — спасибо им за это! — говорят мне всегда правду, как бы горька она ни была. В основание моей повести положена мысль об необходимости *сознательно*-героических натур (стало быть — тут речь не о народе) — для того, чтобы дело подвинулось вперед. Но, говоря языком Аполлона Григорьева, — едва ли я выбрал хорошую “*фабулу*”. Посмотрим». Замечает, что сведения, сообщенные Аксаковым о брате Константине, его тронули и заставили «много думать». Характеризует К. С. Аксакова как «героическую натуру», «но с *самоделанным* содержанием (общая беда нас всех!) — и это содержание оттого не менее самоделанно, что восстает противу всякой самодельщины». Высказывает сожаление в связи с тем, что Аксакову не разрешили издавать газ. «Дума». Замечает, что С. Т. Аксакова «до сих пор никто не оценил критически, как бы следовало: но тем не менее он уже занял в мнении публики следующее ему место». Благодарит за предложение высылать ему *Рус Беседу*. Намерен увидеться с Аксаковым в Москве, где планирует пробыть три недели («вероятно, в январе»), наблюдая за печатанием своего нового романа. Обещает написать в *Рус Беседу* ст. в виде п. к К. С. Аксакову «о некоторых моих грамматических сомнениях и вопросах» (не осуществ.).

В Петербурге в Театре-цирке (подле Александринского театра) состоялось представление комедии Т. «Холостяк» с участием Мартынова (см. ***7 (19) октября***).

***17 (29) ноября*. Вторник**. Дата ценз. разрешения № 11 *БдЧ*; в нем — рец. Дружинина на «Украинские народные рассказы» Мар-

ко Вовчок в переводе Т. (СПб., 1859), содержащая довольно резкий отзыв: «...книжка утомительна для русского читателя, не подкупленного национальной прелестью изложения, какого в ней, по словам малороссиян, весьма много. Отдельные рассказы <...>, прочитанные медленно, <...> доставляют наслаждение, — в общей сложности ими остаешься недоволен. Корень этого недовольства <...> заключается в односторонности рассказов, которые таковы, что, прочитавши один из них, точно как будто прочитал все остальные». Сам перевод оценен достаточно высоко: «Перевод г. Тургенева очень гладок и прост, — это лучшая похвала всякому переводу <...>» (С. 1—14; подпись: *Ред.*). Ст. вызвала ряд полемических откликов (*ОЗ*. 1859. № 12 и др.).

***18* (*30*) *ноября*. Среда.** На третьем заседании Литфонда Анненков передает председателю (Т. отсутствовал) «желание» членов Комитета «гг. Писемского, Островского и Тургенева читать публично свои произведения для сбора в пользу Общества. — Комитет, принося искреннюю благодарность за это предложение, определил воспользоваться им в ближайшее по возможности время и вместе с тем пригласить и других гг. литераторов и артистов содействовать его успеху своим просвещенным участием» (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 7 об.). См. ***30 ноября* (*12 декабря*)**.

***20 ноября* (*2 декабря*). Пятница.** Сообщает дочери по-франц. о получении ее «розового» п. (неизв.): «Письмо твое розовое во всех отношениях, доброе, остроумное и полное приятных вещей». Радуется ее успехам в английском и испанском языках. Сообщает о некотором улучшении в своем состоянии и намерении добраться до Петербурга, чтобы повидаться со своим врачом. Просит поблагодарить О. А. Сомову за доброту, проявленную к ней, и намеревается написать Н. И. Тургеневу, чтобы «он поговорил со священником Васильевым» по поводу уроков закона божьего (см. ***5* (*17*) *декабря*.**). Передает привет г-же Гарсиа и всей семье Виардо. Завершает и отправляет п. из Петербурга ***26 ноября* (*8 декабря*)**.

***21 или 22 ноября* (*3 или 4 декабря*). Суббота или воскресенье.** Выезжает из Спасского в Москву.

***22 ноября* (*3 декабря*). Воскресенье.** В Царском Селе в присутствии Александра II дается пьеса Т. «Холостяк» (см.: *Тютчев. Летопись.* Кн. 2. С. 342).

23 ноября (***5 декабря***). **Понедельник**. Приезжает в Москву, останавливается в гостинице «Дрезден». Ввиду болезни никуда не выходит. На следующий день предполагает выехать в Петербург.

Пишет записку к Фету, сообщая о приезде, приглашает навестить его в гостинице, намеревается просить его из-за нездоровья съездить к Феоктистову или Каткову, вероятно, в связи с предстоящим печатанием «Накануне», а также к И. С. Аксакову.

Встречается с Фетом, который передает ему для ознакомления рукопись 35 переводов из Гафиза. Тургенев забирает рукопись в Петербург для последующего обсуждения с Дружининым и помещения в *БдЧ*. См. ***27 ноября*** (***9 декабря***).

24 ноября (***6 декабря***). **Вторник**. Выезжает в Петербург.

25 ноября (***7 декабря***). **Среда**. Приезжает в Петербург.

После 25 ноября (***7 декабря***). Дает прочесть рукопись «Накануне» Анненкову.

26 ноября (***8 декабря***). **Четверг**. Т. посещает врач и запрещает ему «выходить на воздух». С сожалением пишет гр. Ламберт, что не может навестить ее. Просит прислать ему номер газ. «Le Nord» от ***24 ноября*** (***6 декабря***) или «L'Indépendance belge» от ***21 ноября*** (***3 декабря***), «где говорится об Орфее и Mme Viardot».

Завершает п. к дочери, начатое ***20 ноября*** (***2 декабря***), сообщением о своем приезде в Петербург.

27 ноября (***9 декабря***). **Пятница**. Устраивает у себя чтение переводов Фета из Гафиза. Присутствуют Анненков и Дружинин. См. ***28, 29 ноября*** (***10, 11 декабря***).

Фет интересуется у Дружинина результатами чтения: «Журналисты! Гафиз! что ж! не держите! решайтесь! и рукопись мне для поправок, согласно тургеневским отметкам» (*Письма к Дружинину*. С. 345).

В Петербурге в Михайловском театре состоялось представление комедии Т. «Холостяк» с участием Мартынова (см. ***7*** (***19***) ***октября***). На этом спектакле предположительно присутствует Т.

В предисловии к «Сценам и комедиям» (1869) в издании своих «Сочинений» 1868—1871 гг. Т. отмечал, что «гениальный Мартынов» «перед самым концом своей блестящей, слишком рано прерванной карьеры превратил, силою великого дарования, бледную фигуру Мошкина (в “Холостяке”) в живое и трогательное лицо» (*Соч.* Т. 2. С. 481).

28 ноября (***10 декабря***). **Суббота**. Начинает п. к Фету, в котором излагает итоги состоявшегося накануне в присутствии Дружинина и Анненкова чтения его переводов из Гафиза, предлагая опубликовать в первоначальном виде 13 ст-ний, 9 — «выправить», а оставшиеся 13 «как незначительные и могущие только охладить на первых порах публику к Гафизу» временно не публиковать. Высказывает подробные замечания по стихотворениям «второго» разряда и взамен отвергнутых предлагает перевести еще шесть, но «из числа *философских*», особенно рекомендуя «Nicht düstre, Theosoph, so tief!.. » (переведено Фетом, см. ***7—25 декабря ст. ст.***) и «Wir haben allen Glanz der Heiligkeit...» (см.: *Лукина В. А.* Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза (Несколько добавлений к академическому изданию И. С. Тургенева) // *НИиМ* (*1*). С. 193—208). Завершает п. ***29 ноября*** (***11 декабря***).

В этот день Островский читает на квартире у Т. «Грозу».

Отвечает на неизв. п. гр. Ламберт, сожалеет, что не может увидеться с ней из-за болезни (бронхит). Обещает «отпроситься» у врача, который должен навестить его «завтра», на понедельник вечером или вторник (оба визита не состоялись) и привезти рукопись «Накануне». См. ***30 ноября*** (***12 декабря***) ***— 3*** (***15***) ***декабря.***

29 ноября (***11 декабря***). **Воскресенье**. Завершает п. к Фету, начатое накануне. Сообщает о получении п. Фета «из деревни» (неизв.). Упрекает в непонимании поэтической стороны «Грозы»: «Фет! помилосердуйте! Где было Ваше чутье, Ваше пониманье поэзии, когда Вы не признали в “Грозе” <...> удивительнейшее, великолепнейшее произведение русского, могучего, вполне овладевшего собою таланта? Где Вы нашли тут мелодраму, французские замашки, неестественность? Я решительно ничего не понимаю — и в первый раз гляжу на Вас (в *этого рода вопросе*) с недоуменьем. Аллах! какое затменье нашло на Вас?».

Т. навещает врач.

Сообщает Карташевской о том, что «вчера целый день не выезжал», и о некотором улучшении в своем состоянии, благодарит за капли. Обещает привезти для ознакомления рукопись «Накануне» «завтра» (см. ***2*** (***14***) ***декабря*** и ***3*** (***15***) ***декабря***).

30 ноября (***12 декабря***). **Понедельник**. Дата ценз. разрешения годового издания «Портретная галерея русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей» (СПб., 1859; изд. А. Э. Мюнстера. Год «I»; на обложке — замаскированный порт-

рет Герцена). Среди них портрет Т., выполненный гравером Борелем с фотографии Деньера (см. ***4* (*16*) *марта***). В «Списке лиц, портреты которых помещены в “Портретной галерее” на 1859 год» даны следующие сведения о Т.: «...известный современный писатель, автор “Записок охотника”, “Дворянского гнезда” и многих других произведений. Своим талантом и многосторонним образованием известен не только у нас, но и за границей. Родился в 1818 году, в Москве».

В п. к гр. Ламберт сообщает, что «никак» не может сам прочесть ей «Накануне» («состояние моего голоса мне этого не позволяет»), и посылает рукопись романа, прося «делать на полях критические замечанья карандашом» (см. ***3* (*15*) *декабря***). Здесь же отмечает: «Вы знаете, что моя повесть Вам посвящена — но я не хотел написать это посвящение, пока Вы ее сами не прочтете — особенно 28-ую главу (посещение Еленой Инсарова и сцена ее «падения». — *Ред.*)». Пишет, что не сможет в этот день навестить ее: «...да оно, я вижу, и неудобно», поскольку понедельник был приемным днем у И. К. Ламберта; обещает нанести визит ***1* (*13*) *декабря*** (не осуществ.). Возвращает ей п. неизв. корреспондента, в котором речь шла о переводе какого-то произведения Т. (предположительно чешском переводе рассказа «Бирюк», выполненного Томичеком).

Присутствует на четвертом заседании Литфонда, на котором Комитет, «рассуждая о литературном чтении в пользу Общества, предложенном в предыдущем заседании» (см. ***18* (*30*) *ноября***), поручает ему устройство литературного чтения (см. ***10* (*22*) *января 1860***). На этом же заседании члены Комитета Краевский и Т. сообщили председателю «желание доктора Александра Павловича Каталинского безвозмездно оказывать медицинские пособия бедным литераторам и ученым», на что Комитет принес Каталинскому благодарность (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 9 об.—10). Предположительно передает «денежные пожертвования» в размере 200 р. от гр. Ламберт (Там же. Л. 10 об.).

Мериме посылает через К. де Ландресса для передачи Дюмону список заказываемых книг, среди которых: «Les Nouvelles de Gogol», «Les Nouvelles de Ivan Tourguéneff» и «Les Mémoires d’un chasseur, la traduction nouvelle et non celle de M. Charrière» («Записки охотника» в новом переводе, а не в переводе г. Шарьера» — *франц.*), под двумя последними имея в виду: 2-й сборник «Scènes de la vie russe» (Paris, 1858; в переводе Т. и Л. Виардо) и перевод «Записок охотника» Делаво (скорее всего, второе издание: Récits d’un chasseur. Paris, 1859).

Ноябрь ст. ст. В п. к Дружинину Писемский сообщает по поводу обещанного Т. в *БдЧ* нового произведения («Первая любовь»): «Насчет повести я буду ждать Тургенева донельзя; а там увидим» (*Письма к Дружинину*. С. 257).

Полонский в п. к гр. Кушелеву-Безбородко, подводя итог своему участию в *РСл*, указывает, в частности, что стал посредником сближения графа с Т. в Риме в конце 1857: «Кто старался в Риме познакомить тебя с Тургеневым, Боткиным и Авдеевым? — Полонский (с тех пор первый написал одну повесть, а последние ни строчки — стало быть я не мог иметь на них дальнейшего влияния)» (*Звенья*. Вып. 1. С. 322). Факт встречи Т. в Риме с Кушелевым-Безбородко в *Летописи* (*1818—1858*) не отмечен.

***1* (*13*) *декабря*. Вторник**. В первый раз после начала болезни выезжает на час. Сообщает гр. Ламберт, что вновь не сможет быть у нее из-за болезни («зуд в горле, кашель»). См. ***30 ноября* (*12 декабря*)**.

2* (*14*) *декабря*. Среда**. Вновь откладывает свой визит к Карташевской, ссылаясь на простуду («грудь моя опять расклеилась», см. ***29 ноября* (*11 декабря*)**), обещает достать ей на вечер ложу на премьеру «Грозы» Островского в Александринском театре (не удается, см. ***5* (*17*) *декабря), надеется навестить ее ***3* (*15*) *декабря*** и привезти или прислать для ознакомления рукопись «Накануне».

В ответ на неизв. п. гр. Ламберт благодарит ее за намерение посетить его на следующий день, чтобы возвратить рукопись «Накануне», посланную ей ***30 ноября* (*12 декабря*)**, и поделиться своим впечатлением от романа.

Вечером Т. посещает врач и ставит ему «две мушки».

3* (*15*) *декабря*. Четверг**. Утром запиской уведомляет кн. Черкасскую, что из-за болезни, обострившейся после выезда ***1* (*13*) *декабря, не сможет, вопреки обещанию, обедать у нее.

Т. посещает врач и продлевает ему домашний режим на неделю.

Вечером, отвечая на неизв. п. Полонского, объясняет свое молчание после приезда в Петербург болезнью, помешавшей личному визиту и откладывающей хлопоты перед Тютчевым, через которого он рассчитывал устроить Полонского в Комитет иностранной цензуры. Сообщает, что «уже принял свои меры, чтобы по крайней мере через других довести до него Ваши желанья» (возможно, име-

ется в виду Анненков, Никитенко или Майков). Обещает навестить при первой возможности. Кланяется Е. В. Полонской.

Вечером Е. Е. и И. К. Ламберты навещают больного Т. Гр. Ламберт возвращает рукопись «Накануне» со своими замечаниями и резко критикует роман.

Просит (запиской) Анненкова зайти в 3 ч. дня и решить, можно ли публиковать «Накануне»: «У меня сейчас была графиня Ламберт с мужем, и она (прочитавши мой роман) так неопровержимо доказала мне, что он никуда не годится, фальшив и ложен от А до Z, — что я серьезно думаю — не бросить ли его в огонь? <...> Она, без всякого преувеличения, поселила во мне отвращение к моему продукту — и я, без всяких шуток, только из уважения к Вам и веря в Ваш вкус — не тот же час уничтожил мою работу».

4 (***16***) ***декабря***. **Пятница**. Дата ценз. разрешения № 12 *РСл*; в нем — в заметке «От редакции» среди постоянных авторов журнала на 1860 указано имя Т., «от которого мы получили положительное обещание дать нам свою повесть, давно уже им начатую» (Отд.: Смесь. С. 145).

Утром в записке к Карташевской поздравляет ее с днем ангела и сообщает, что из-за болезни не сможет быть у нее.

Анненков навещает Т. и убеждает его не отказываться от публикации «Накануне» (см. ***3*** (***15***) ***декабря***).

В ответ на неизв. п. Карташевской посылает ей рукопись «Накануне» для ознакомления с сопроводительной запиской, где просит вернуть рукопись «дня через два». См. ***5*** (***17***) ***декабря***.

5 (***17***) ***декабря***. **Суббота**. Утром запиской просит Карташевскую возвратить рукопись «Накануне», в которой «оказалась мне внезапная нужда» (см. ***3*** (***15***) ***декабря***). Карташевская, по-видимому, передает рукопись своему брату Макарову (см. ***6*** (***18***) ***декабря***). Обещает достать ложу в Александринский театр на второе представление «Грозы» Островского, назначенное на ***9*** (***21***) ***декабря*** (см. ***2*** (***14***) ***декабря***). Сообщает о запрете врача на выезды, но рассчитывает на встречу.

Дата п. к Н. И. Тургеневу, в котором просит уладить недоразумения со священником Васильевым, начавшим давать уроки закона божия дочери Полине: «...он очень охотно согласился; однако после 4 или 5 уроков он больше не явился. Мне было совестно говорить с ним о деньгах, и я намеревался отблагодарить его в конце года каким-нибудь подарком; теперь же мне стало достоверно известно,

что именно мое молчание и побудило г-на Васильева прекратить эти уроки». Просит выступить в качестве посредника и дает «полную свободу действий относительно платы». Сообщает о том, что «великое дело освобождения идет успешно», подразумевая разработку «Положения о крестьянах» Ростовцевым, о котором замечает: «...генерал Ростовцев пользуется по-прежнему доверием императора — и <...> есть все основания думать, что Указ будет обнародован весной. Судебные реформы, по достоверным сведениям, также не заставят себя долго ждать» (к этому времени подготовлены отдельные части реформы: проекты гражданского и уголовного судопроизводства, устав судоустройства и положение о присяжных поверенных). Посылает п. на следующий день, вместе с п. к дочери от ***6* (*18*) *декабря***.

В п. к Дружинину Фет извещает, что получил от Т. «выписки тому, что одобрено и что надо исправить» в переводе из Гафиза. Сообщает о внесенных поправках, а также о том, что оставил «*карамели* и *кофе* без изменений. Публику надо учить, а не у нее учиться». Сообщает о том, что послал Т. еще один перевод, и просит взглянуть на него. Поясняет, что «обегал» философских ст-ний, «потому что их никакая цензура не пропустит». Настаивает на скорейшей публикации «букета» из Гафиза: «При всем уважении к чутью и вкусу Вашему, Тургенева и Анненкова, я не могу не оставаться самим собой и не могу против своего убеждения выбрасывать то, что считаю красотами» (*Письма к Дружинину*. С. 345—346).

6* (*18*) *декабря*. Воскресенье**. Коротко отвечает (по-франц.) на неизв. п. дочери, которое получил с запозданием из-за того, что оно было послано в Спасское. Извещает, что в качестве «новогоднего подарка и на другие расходы» поручил Луи Виардо передать ей 250 фр. Устанавливает ее ежемесячное содержание в 25 фр. Поручает переслать приложенное п. Н. И. Тургеневу (см. ***5* (*17*) *декабря) и одновременно написать записку Кларе Тургеневой. Сообщает об улучшении состояния своего здоровья и о том, что начал выходить.

Присутствует на пятом заседании Литфонда, где предлагает в члены Общества кандидатуру Маркевича (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 13 об.). На этом же заседании обсуждается бедственное положение семьи умершего литератора Крешева; выносится определение о выдаче постоянного ежегодного пособия (Там же. Л. 14).

Соглашается на просьбу Макарова задержать рукопись «Накануне» еще на один день (см. ***5* (*17*) *декабря***), просит прислать ее «завтра до 12 часов», так как «должен отправить ее в Москву завтра же».

Не исключено, что данное п. датируется 13 (25) декабря, в таком случае рукопись была отправлена Каткову 14 (26) декабря.

7 (19) декабря*. Понедельник**. Впервые после ***1 (13) декабря выезжает. Предположительно присутствует на третьем концерте Русского музыкального общества в зале Благородного собрания (см. п. к гр. Ламберт от ***9 (21) декабря***), где видит Одоевского (см. п. к О. С. Одоевской от ***16 (28) декабря***).

В программе: увертюра «Hochland» Гаде, кантата Ф. Э. Баха, валахский танец из оперы «Громобой» Верстовского, «Busslied» Бетховена (исп. Штуббе), хор дервишей и турецкий марш из «Афинских развалин» Бетховена, симфония (B-dur) Шумана (см.: *СПбВед.* 1859. 5 декабря. № 265. С. 1179).

Рукопись «Накануне», по-видимому, не отправляет. См. ***12 (24) декабря***.

Плетнев предположительно навещает Т., но не застает его и оставляет записку (см. ***13 (25) декабря***).

***8 (20) декабря*. Вторник**. Собирается вечером нанести визит гр. Ламберт, но получает от нее записку (неизв.) с уведомлением, что ее не будет дома.

9 (21) декабря*. Среда**. Запиской уведомляет гр. Ламберт, что после посещения концерта ***7 (19) декабря чувствует себя «опять так плохо, что нечего и думать о выезде».

В тот же день получает ответное («грустное») п. Ламберт на русском языке: «Сегодня тяжело на сердце, Бог знает с чего — как-то мне особенно жаль своей молодости и прошедшего — не то чтоб мне их воротить — зачем и что б я с ними сделала? а так, жизни жаль — что она навеки ушла в темную даль — и не наполнила я ее ни особенно добрыми делами — ни даже злом — так потянулась она, пустая, плохая, ненужная <...> Что-то очень много печального насмотрелась я с некоторых пор — все слезы, да горе, болезнь и смерть». Приглашает навестить ее в субботу ***12 (24) декабря***. Сообщает, что ***10 (22) декабря*** намерена посетить епископа Ревельского Агафангела, а также о своих планах на ближайшие дни (*Granjard.* P. 64—65). См. ***10 (22) декабря***.

***10 (22) декабря*. Четверг**. Запиской уведомляет кн. Черкасскую, что не сможет у нее быть из-за обострения болезни: «мне опять

скверно, опять горло болит, опять кашель». Ожидает посещения врача. Обещает употребить «все возможные старания, чтобы быть у Вас завтра»; в противном случае известить. Кланяется кн. Черкасскому и «всему Михайловскому дворцу» (т. е. вел. кн. Елене Павловне и тому кружку либерально-аристократического направления, который вокруг нее сгруппировался).

Вечером откликается на «грустное и милое русское» п. гр. Ламберт от ***9*** (***21***) ***декабря***: «Я сижу один в своей келье и не знаю, когда выеду; но мысль моя с Вами — и я бы так хотел Вас знать счастливой и спокойной!».

После посещения епископа Ревельского (см. ***9*** (***21***) ***декабря***), вечером гр. Ламберт пишет Т. длинное п., содержащее исповедь ее душевного состояния и религиозно-нравственные раздумья (*Granjard.* P. 66—68). Отсылает его, по-видимому, на следующий день.

11 (***23***) ***декабря.* Пятница**. Громека в п. к Герцену и Огареву пишет по поводу одного из корреспондентов, служащего в Одессе, Миницкого: «О закрытии для “Колокола” одесского порта не беспокойтесь: ничего не сделают. <...> на привоз “Колокола” у нас не сердятся, другое дело — за переписку с “Колоколом”: Ивана Федоровича Миницкого сильно прижали было по подозрению за доставление вам сведений <...>» (*ЛН.* Т. 62. С. 112).

12 (***24***) ***декабря*. Суббота**. Утром запиской просит Карташевскую возвратить рукопись «Накануне» (см. ***5*** (***17***) ***декабря***). Сообщает об улучшении состояния здоровья и надеется скоро нанести ей визит. Благодарит за подарок.

Благодарит гр. Ламберт за «хорошее» п. от ***10*** (***22***) ***декабря***: «Я его прочел несколько раз с каким-то невольным умилением». Отвергает упреки в «авторском кокетстве»; имея в виду организацию чтений в пользу Литфонда и подготовку речи «Гамлет и Дон-Кихот», пишет: «На меня возложена работа, а я ничего не в состоянии делать. Мне не то чтобы скучно или грустно, но вот, что я чувствую теперь: страстное, непреодолимое желание своего гнезда, своего *home*’а — вместе с сознанием невозможности осуществления моей мечты — и в то же время — присутствие постоянной мысли о тщете всего земного, о близости *чего-то*, что я назвать не умею. Слово: смерть — одно не выражает вполне этого *чего-то*, а потому обращение к богу — рядом с порывами на заповедные, зеленые луга. Но, должно быть, лампа вспыхивает в последний раз перед концом. Туда

ей и дорога!». Сообщает об усилении болезни и о полном запрете выезжать, что лишает его возможности посетить ее. С одобрением отзывается о владении гр. Ламберт русским языком: «Если Вам не тяжело писать на этом языке — пишите: Вы увидите, что хотя он не имеет *бескостной* гибкости французского языка — для выражения многих и лучших мыслей — он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело! Этих четырех качеств — честности, простоты, свободы и силы нет в народе — а в языке они есть... Значит, будут и в народе». Интересуется, нет ли у Ламберт последнего номера журнала «Revue des deux mondes», где опубликована ст. о представлении «Орфея», в котором пела П. Виардо. См. ***15* (*27*) *декабря*.**

19 ноября (1 декабря) выходит номер «Revue des deux mondes» со ст. Скудо (P. Scudo) «Reprise de “L’Orphée” de Gluck» («Возобновление “Орфея” Глюка») (P. 719—729), где дан восторженный отзыв об исполнении П. Виардо партии Орфея, блестящем как в вокальном, так и в драматическом отношении.

13* (*25*) *декабря.* Воскресенье**. Утром отвечает на неизв. записку Плетнева, который, по-видимому, заходил к Т. ***7* (*19*) *декабря, но не застал его. Пишет, что не смог нанести ответный визит из-за болезни: «у меня какая-то странная и упорная боль в горле, которая вот уж 3-й месяц как мучит меня — бог знает, что это такое — вероятно, та же невралгия, которая туда бросилась». Кланяется А. В. Плетневой.

По получении этой записки Плетнев сам навещает Т.

Гр. Ламберт получает п. Т. от ***12* (*24*) *декабря***.

14* (*26*) *декабря.* Понедельник**. Сообщает Карташевской, что чувствует себя плохо, но обещает быть у нее ***17* (*29*) *декабря вместе с Писемским, который прочтет свое новое произведение «Горькая судьбина». Просит подготовить все к этому чтению.

15* (*27*) *декабря.* Вторник**. Вечером гр. Ламберт откликается на «сердечное, дорогое» п. Т. от ***12* (*24*) *декабря: «Никогда до сих пор не имела я *счастия* получить от Вас письмо, в котором выражался бы — в Вас живущий — в каждом из нас, когда мы его не заставляем молчать, человек духовный — Ваш душевный человек мне давно знаком — и мил — слишком мил, потому что не надо привязываться к тем качествам, которые умирают с нами» (*Granjard.* P. 70).

16* (*28*) *декабря*. Среда**. В. Н. Бекетов наносит визит Т. и передает ему п. от Кашперова (неизв.) из Италии (см. ***17* (*29*) *декабря). В п. к кн. О. С. Одоевской сообщает о своей длительной болезни, из-за которой выезжал только ***7* (*19*) *декабря*** «в глупый концерт», где виделся с Одоевским. Просит оказать покровительство М. Пинто, рекомендует его «как отличнейшего и честнейшего человека, который по встретившимся несчастьям (он принадлежал к партии римских либералов <...>) — принужден искать себе места или занятия».

Вечером запиской уведомляет гр. Ламберт, что не может быть у нее ни в этот день, ни на следующий, обещает нанести визит вечером ***19* (*31*) *декабря***: «...если буду жив, в пятницу вечером, в 8 часов, буду непременно».

17* (*29*) *декабря*. Четверг**. Присутствует на шестом заседании Литфонда, где обсуждается устройство первого литературного чтения «в одной из зал здешнего университета» (см. ***10* (*22*) *января 1860): «Предметы чтения предположены следующие: сцены из Шекспирова Ричарда III, в переводе А. В. Дружинина, которые предложил прочесть» Маркевич; «статья И. С. Тургенева: “Гамлет и Дон-Кихот”, и стихотворения: В. Г. Бенедиктова, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова и Я. П. Полонского. — Комитет назначил для сего особую Комиссию из трех членов: И. С. Тургенева, К. Д. Кавелина и А. А. Краевского» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 15). На этом же заседании обсуждается вопрос о предоставлении пособия литератору и поэту В. Д. Яковлеву (см. ***1* (*13*) *января 1860***). Т. предлагает в члены Литфонда кандидатуру Апухтина (Там же. Л. 15 об.—16).

Откликается на неизв. п. Кашперова, переданное ему его шурином Бекетовым накануне, и поздравляет с успехом первой постановки его оперы «Мария Тюдор» (либретто Числанцони по драме Гюго) в театре Каркано в Милане: «Идите вперед, пишите как можно больше, овладейте собой, своим искусством, всеми его трудностями и тайнами, сценой и ее условиями — и тогда являйтесь в Россию и сделайтесь наследником Глинки, подарите нам живую русскую оперу!». Просит собрать и прислать газетные отзывы, из которых предполагает составить «статейку, которую тисну во всех здешних журналах. Ударить в колокол — наше дело!» (просьба была выполнена Кашперовым; одна из присланных ст. — очевидно, Серве в «Figaro»). См. ***12* (*24*) *февраля 1860***, ***19* *февраля* (*2 марта*) *1860***. Просит прислать две ст. Кашперова для публикации: «Я уверен, что они интересны и могут быть очень полезны <...>» (опубл. одна: «Об операх Верди» в *СПбВед*). На предложение увидеться в мае 1860, во

время приезда Кашперова в Россию, отвечает, что планирует весной (см. ***24 апреля (6 мая) 1860***) или осенью выехать за границу (встреча, по-видимому, не состоялась). Кланяется А. Н. Кашперовой.

Первая публикация этого п. сопровождалась комментарием Кашперова: «Письмо Тургенева написано по поводу постановки первой моей оперы — “Марии Тюдор”. Она была поставлена в Милане в 1859 году в театре Каркано, в декабре месяце, и, судя по вызовам, имела успех. В первое представление меня вызвали семнадцать раз, а в следующие представления не менее 14 и 12 раз. После этого мне было предложено поставить ее в Ницце, где в это время жила покойная императрица Александра Федоровна. / Опера и в Ницце имела успех <...>. / Когда я получил письмо Тургенева, то он вскоре сильно заболел. Газетных статей по поводу “Марии Тюдор” в Милане было много, и была еще в Париже в “Фигаро” статья виолончелиста Серве. Не помню, посылал ли я их Тургеневу. Вернее что нет, так как знал уже о его болезни» (*РО.* 1893. № 11. С. 535).

Огарев сообщил об успехе «Марии Тюдор» Анненкову 2 (14) мая 1860 г.: «...Кашперов поставил в Милане “Marie Tudor” с большим успехом, на что Головин уже напечатал, что аплодировали, а итальянцы освистали» (*Звенья.* Т. 3—4. С. 409).

Посылает записку гр. Ламберт с поздравлениями накануне ее дня рождения: «Вы можете себе представить, как искренно и горячо я Вам желаю всего лучшего на земле <...>», обещает быть у нее на следующий день.

Предположительно присутствует на чтении Писемским драмы «Горькая судьбина» на квартире Карташевской (см. ***14 (26) декабря***).

По мнению С. А. Переселенкова, Т., «когда Писемский написал “Горькую судьбину”, счел необходимым пригласить ее <Карташевскую> на первое чтение этой драмы, очевидно затем, чтобы она о ней высказалась» (*Гол Мин.* 1919. № 1—4. С. 211). Драма Писемского, однако, к тому времени была уже опубликована (*БдЧ.* 1859. № 11; отд. изд. поступило в продажу 19 декабря ст. ст. 1859).

Боткин в п. к Дружинину из Парижа замечает по поводу литературных дел: «Из последних книжек “Современника” видно, что Чернышевский продолжает чернышевствовать и Бов (Н. А. Добролюбов. — *Ред.*) — бобствовать по-прежнему. Из напечатанных отчетов общества — вижу, что милейший Павел Васильевич (Анненков. — *Ред.*) — здравствует по-прежнему. Публичные чтения Писемского и Островского производят фурор, но Тургеневу не следовало бы читать публично, он свои вещи читает нехорошо» (*Письма к Дружинину.* С. 59).

18 (***30***) ***декабря*****. Пятница**. Утром запиской уведомляет кн. Черкасскую, что будет у нее в 5 ч. Очевидно, вечером наносит ей визит.

Вечером посещает гр. Ламберт в связи с днем ее рождения и, вероятно, просит отыскать для него номер журнала «Revue des deux mondes» со ст. Скудо «Reprise de “L’Orphée” de Gluck» о постановке в Париже оперы Глюка «Орфей» с участием П. Виардо (см. ***12*** (***24***) ***декабря***, ***20 декабря 1859*** (***1 января 1860***)).

20 декабря 1859 (***1 января 1860***). **Воскресенье**. Гр. Ламберт исполняет просьбу Т. и посылает ему номер журнала «Revue des deux mondes» со ст. Скудо о постановке в Париже оперы Глюка «Орфей» (см. ***12*** (***24***) ***декабря***, ***18*** (***30***) ***декабря***), замечая: «Если бы я не восхищалась талантом и умом г-жи В<иардо>, я бы ненавидела ее, потому что она заставляет вас говорить злые вещи таким резким голосом». Просит вернуть журнал в тот же день к двум часам, чтобы муж мог отнести его туда, откуда получил «до обеденного часа в Яхт-клубе» (*Granjard*. P. 72. Подлинник по-франц.)

Запиской благодарит Ламберт за присылку «Revue des deux mondes» и обещает вернуть журнал вовремя. Откликаясь на упрек Ламберт, спрашивает: «...какие же это злые вещи говорю я под *влиянием* “Орфея”?».

Вечером предположительно навещает гр. Ламберт.

Толстой в п. к Дружинину замечает по поводу четырех новых переводов из Гафиза, присланных ему Фетом в п. от 1 (13) ноября: «Фет прислал мне несколько стихотворений из Гафиза. Напрасно он их писал. Опять на Тургеневе грех», имея в виду, что сборник ст-ний Гафиза (Даумера) был привезен Фету Т. (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 293). См. ***19 или 20 сентября*** (***1 или 2 октября***).

Ранее 21 декабря 1859 (***2 января 1860***). Видится с Тютчевым, который передает ему просьбу кн. Вяземского устроить у него чтение Писемским драмы «Горькая судьбина» (см. ***24 декабря 1859*** (***5 января 1860***)).

Не исключено, что Вяземский высказал это желание во время посещения Тютчевых, состоявшегося 5 (17) декабря.

Около 20 декабря 1859 (***1 января 1860***). Возобновляет работу над ст. «Гамлет и Дон-Кихот», задуманной еще в конце 1840-х и обещанной *Совр* в 1856 (см.: *Соч*. Т. 5. С. 507—508).

Начало работы над сохранившимся черновым автографом датируется ***27 февраля*** (***11 марта***) ***1857***.

Между 27 ноября (9 декабря) и 20 декабря 1859 (1 января 1860). Пишет фельетон-пародию «Шестилетний обличитель», направленную против Добролюбова и «Свистка». См.: *Соч.* Т. 310—313, *656—657.*

Атрибуция и датировка впервые осуществлены Г. Ф. Перминовым: Тургенев о Н. А. Добролюбове: Неизвестный фельетон-пародия Тургенева в «Искре» // *Т Сб* (*3*). С. 106—118.

21 декабря 1859 (2 января 1860). **Понедельник**. Дата ценз. разрешения № 50 «Искры»; в нем — фельетон-пародия Т. «Шестилетний обличитель» (С. 513—515; подпись: Платон Недобобов). См. ***Между 27 ноября (9 декабря) и 20 декабря 1859 (1 января 1860).***

С сожалением отказывается от приглашения А. М. Веневитиновой на обед, так как доктор вновь запретил ему выезжать. Узнав из ее п., что на обеде будет присутствовать кн. Вяземский, просит передать ему, что заручился согласием Писемского прочесть у него «Горькую судьбину». Просит сообщить накануне об удобном дне для чтения. См. ***24 декабря 1859 (5 января 1860).***

23 декабря 1859 (4 января 1860). **Среда**. Присутствует на седьмом заседании Литфонда, где предлагает «вносить в пользу Общества по пяти процентов с вознаграждения за статьи, помещенные в журналах. — Определено: выразить чувствительную благодарность» (см.: *РНБ.* Ф. 438. № 1. Л. 17 об.—18). На этом же заседании обсуждается просьба Н. А. Серно-Соловьевича об оказании помощи бывшему декабристу, престарелому барону Штейнгелю и выносится решение о выдаче пособия опальному священнику Беллюстину.

23 или 24 декабря 1859 (4 или 5 января 1860). Предположительно получает п. (неизв.) от кн. Вяземского, который предлагает назначить чтение у него Писемским «Горькой судьбины» на ***24 декабря 1859 (5 января 1860).***

24 декабря 1859 (5 января 1860). **Четверг**. Сообщает кн. Вяземскому о согласии Писемского прочесть у него в этот день «Горькую судьбину», но замечает, что Писемский «раньше 10 часов вечера прийти не может». Вечером предположительно присутствует на этом чтении у Вяземского.

Дата ценз. разрешения первой декабрьской книжки *РВ*; в ней — объявление «От редакции», где Катков, чтобы дезавуировать сооб-

щения *Совр* о готовящейся публикации в нем нового романа Т. (см. ***20 октября*** (***1 ноября***), ***28 октября*** (***9 ноября***)), анонсирует появление «Накануне» в *РВ*, впервые печатно обнародовав заглавие. Формальным поводом для объявления послужило уведомление читателей о выходе сдвоенного первого номера за 1860 вместо привычных двух книжек: «В январе за наступающий год должно появиться в “Русском вестнике” новое произведение И. С. Тургенева (“Накануне”). По своему содержанию, оно не может дробиться на несколько книжек, и автор, передавая свою рукопись в редакцию, постановил непременным условием, чтоб она была напечатана разом. Но объем этой повести, или, лучше сказать, этого романа, так велик, что он не дал бы места никаким другим статьям. Соображая это обстоятельство с давнею потребностию редакции войти в определенные сроки, мы решаемся, вместо двух книжек за наступающий январь месяц, выпустить одну книжку, которая объемом и содержанием своим будет вполне соответствовать двум. С февраля же начнется правильный выход книжек, в половине и конце каждого месяца» (Современная летопись. С. 275).

Между 6 (***18***) ***декабря*** и ***25 декабря 1859*** (***6 января 1860***). Просит Тютчева о предоставлении Полонскому должности в Комитете цензуры иностранной. См. ***25 декабря 1859*** (***6 января 1860***) и ***27 декабря 1859*** (***8 января 1860***).

В *Тютчев. Летопись* (Кн. 2. С. 344) дата: «До 27 декабря» (даты п. к Полонскому), однако очевидно, что к 25 декабря Т. уже успел переговорить с Тютчевым и получить от него ответ.

Между 7 (***19***) ***декабря 1859 и 25 декабря 1859*** (***6 января 1860***). «По пунктам» отвечает на три неизв. п. Фета, связанных с подготовкой к публикации его переводов из Гафиза (см. ***5*** (***17***) ***декабря***). Отвергает упрек в «*угодливости* публике» при оценке фетовских переводов «ареопагом» из Т., Дружинина и Анненкова: «...стихи же мы Ваши браковали не потому, что они слишком *смелы* и для публики непонятны, — а просто потому что они нам казались слабы, вялы и *не*смелы. <...> Сохрани бог, чтобы мы хотели Вас переделать: во-первых, это было бы очень жалко, — а во-вторых, невозможно <...>». Дает оценку двум новым присланным ст-ниям: «Море и звезды» — «недурно, не более — за исключением непостижимо-непонятного стиха» (учтено Фетом при публ.: *РСл.* 1860. № 4); «Сны и тени» — «совершеннейший сумбур» (опубл. Фетом позднее: Вечерние огни. М., 1883); и новому переводу из Гафиза: «Не будь,

о богослов, так строг!..» — «прелестен — за исключением темного стиха» (учтено Фетом при публикации в сборнике 1863 г.; в *РСл* эта строфа изъята по цензурным соображениям). Подробно останавливается на разборе присланных ранее переводов из Гафиза: перечисляет 11 ст-ний «1-й категории», т. е. не нуждающихся в поправках; резко критически высказывается о поправках, присланных Фетом к ст-ниям «2-й категории» в ответ на п. Т. от ***28, 29 ноября (10, 11 декабря)***. Спрашивает, нужно ли переслать рукопись в Москву.

25 декабря 1859 (6 января 1860)*. Пятница**. Навещает Полонского в связи с организацией благотворительного чтения Литфонда, намеченного на ***10 (22) января 1860, но не застает его дома. См. ***27 декабря 1859 (8 января 1860)***.

Сообщает Плетневу о том, что выделит Я. К. Гроту по его поручению билеты на благотворительное чтение в пользу Литфонда.

Ранее 27 декабря 1859 (8 января 1860). Де Роберти пишет п. (неизв.) Т. с просьбой сообщить о судьбе его повести «Трое», которую ранее передал через Т. в *Совр.* См. ***Ранее 10 (22) сентября***, ***29 декабря 1859 (10 января 1860)***.

27 декабря 1859 (8 января 1860)*. Воскресенье**. Запиской извещает Полонского, что не застал его дома ***25 декабря 1859 (6 января 1860). Сообщает, что репетиция благотворительного чтения в пользу Литфонда назначена на среду ***30 декабря 1859 (11 января 1860)***, в 8 часов вечера, в здании Министерства нар. просвещения. Просит приехать и захватить с собой, кроме «Зимы», еще какое-нибудь ст-ние (Полонский выбрал ст-ние «Наяды»). Обещает при личной встрече рассказать о результатах его ходатайства перед Тютчевым с целью получения места в Комитете иностранной цензуры.

Хлопоты Т. увенчались успехом (см. ***10 (22) февраля 1860***, ***9 (21) марта 1860***).

***28 декабря 1859 (9 января 1860)*. Понедельник**. Завершает черновую редакцию ст. «Гамлет и Дон-Кихот». Помета на рукописи: «Кончено 28-го дек. 1859 / 8-го янв. 1860 в С. Петербурге, в понедельник. Писано с большими перерывами» (см.: *Mazon.* P. 60; *Т Сб* (*2*). С. 75).

29 декабря 1859 (10 января 1860). Де Роберти в п. благодарит Некрасова за сведения о его повести «Трое» (опубл.: *Совр.* 1860. № 1; псевдоним: П. Волгонский), которую передал через Т. в *Совр*

(см. ***Ранее 10 (22) сентября***), и совет в отношении псевдонима: «...мне решительно все равно, будет ли под моим рассказом написано Волюнский или Волгонский. Впрочем, желание было написать последнее имя, но так как оно не нравится ни Вам, ни Тургеневу, то я готов просить у Вас крещения, как просил благословения. Несколько дней тому назад я писал Тургеневу, спрашивая его, что сталось с моим романом <...>» (*ЛН*. Т. 51—52. С. 479).

30 декабря 1859 (11 января 1860). **Среда**. В здании Министерства нар. просвещения на Чернышевой площади проходит репетиция благотворительного чтения в пользу Литфонда, намеченного на ***10 (22) января 1860***, в котором принимает участие Т. (с чтением «Гамлета и Дон-Кихота»).

Начинает п. к П. Виардо, в котором упрекает ее за редкость п. Пишет, что следит за газетными сообщениями о предполагавшихся выступлениях певицы в «Фиделио» Бетховена и «Армиде» Глюка (очевидно, ошибочно; вместо «Альцесты»). Замечает, что получает известия о ней из писем дочери (неизв.). Оправдывает чрезмерно большую (по мнению П. Виардо) сумму, посланную дочери к Новому году, получением гонорара за роман «Накануне»: «Я хочу сообщить вам нечто такое, что должно остаться между нами, дабы мне не пришлось краснеть: я продал свой роман московскому издателю “Русского вестника” за 16 000 франков (том в 200 страниц!). Не правда ли, очень недурно? И что же! Издатель здешнего “Современника” предложил мне за него... ровно вдвое больше, 32 000 франков!! — Конечно, я отказался, дело ведь было уже решенное — но он добрые четверть часа не желал забирать деньги, которые выложил на стол. — Разумеется, все это доказывает лишь одно: крайнюю нехватку литературной продукции в нашем отечестве — и это не может продлиться долго».

Сообщает о том, что «все последние дни» работал над ст. «Гамлет и Док-Кихот», которую «обещал прочитать дней через десять — и притом прочитать публично — перед платной аудиторией в 500 человек! — Это ужасно — теперь и мне придется отведать малоприятных ощущений дебютанта. — Я не мог отказаться от этой неприятной обязанности, поскольку цель чтения — благотворительная» (см. ***10 (22) января 1860***). Намеревается перевести специально для П. Виардо эту ст., «где лучшая роль отдана Дон-Кихоту (если только я не потерпел фиаско)». Из-за беспокоящего горла намеревается, по совету доктора, как можно скорее покинуть Петербург и «не дожидаясь мая» пуститься в путь. Интересуется, где планирует быть

П. Виардо в конце апреля н. ст. 1860. Спрашивает, встречается ли она с Гуно. Предполагает, что она часто видится с Берлиозом, и замечает: «Я стал испытывать к нему теплое чувство, когда узнал, что вы его любите». Завершает п. ***6 (18) января 1860***.

31 декабря 1859 (12 января 1860). **Четверг**. Знакомится с Северцовым, сообщает об этом Михайлову и приглашает последнего вместе с Шелгуновыми на следующий день к себе на обед.

Дата первого ценз. разрешения № 1 *Совр* за 1860 (цензор Бекетов); в нем — ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот» (Отд. 1. С. 239—258). См. ***21 января (2 февраля) 1860***, ***27 января (8 февраля) 1860***.

Дата ценз. разрешения № 1 *РСл* за 1860, на лицевой стороне обложки которого объявлено: «В следующих книжках “Русского слова”, сверх статей, объявленных в программе, будут напечатаны: И. С. ТУРГЕНЕВА (кроме обещанной повести): *Бёрнс и Кольцов* <...>» (не осуществ.). Объявление повторено в № 2 и 3 (см. ***31 января (12 февраля) 1860***, ***8 (20) марта 1860***).

В *СПбВед* в анонимном обзоре петербургских журналов выходит рец. на «Дворянское гнездо», автор которой заключает, что в романе, «при всей наклонности нашего времени во всем видеть поучение или обличение, чрезвычайно трудно отыскать хотя бы малейший намек на тенденцию. Иные хотели видеть в романе г. Тургенева изображение трех поколений — екатерининского, александровского и николаевского — с целью указать, что все эти поколения оказались несостоятельными в жизни и что настоящая жизнь принадлежит четвертому, будущему поколению, которое на минуту является в конце рассказа <...> Эти социальные и практические вопросы, которые на каждом шагу останавливают читателя “Обломова” — им нет места в “Дворянском гнезде” <...> роман г. Тургенева — высокая, чистая поэзия» (№ 284).

Дата п. Дружинина к Толстому о Литфонде: «Общество фонда сильно нас занимает и, помимо своего полезного значения, служит нам центром соединения. Из комитета всегда уезжаешь с приятным чувством. Ковалевский кричит, Чернышевский попискивает, Анненков пускает сладостного туману, Тургенев блаженствует, как рыба в воде, и сам Андрей (Краевский. — *Ред.*) хотя предлагает в члены отъявленных стервецов, но с бурчанием своим прекрасен <...>» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 294).

Декабрь ст. ст. Сообщает запиской Некрасову, что посещал его, но не застал дома; просит прислать заглавия четырех ст-ний, из ко-

торых планирует выбрать два для чтения на вечере Литературного фонда ***10* (*22*) *января 1860*.**

Середина сентября или конец ноября – декабрь ст. ст. Предположительно в Петербурге, во время подготовки «Накануне» к публикации в *РВ*, состоялась встреча с Некрасовым. Некрасов в п. (неизв.) предлагал Т. 8000 р. за роман «Накануне», запроданный уже в *РВ*. См.: *Некрасов*. Т. 15. Кн. 2. С. 290.

Конец 1859. Через Ап. Григорьева знакомится с Случевским и передает его ст-ния в *Совр* (шесть ст-ний опубл.: 1860. № 1).

По воспоминаниям Случевского, сначала он познакомился с Григорьевым, которому Вс. Крестовский ранее передал его ст-ния: «Григорьеву стихотворения мои очень понравились. Он попросил Крестовского привести меня к нему, что и было исполнено. Помню, как теперь, что я прочел “Вечер на Лемане” и “Ходит ветер, подбочась”. Григорьев пришел в неописуемый восторг, предрек мне “великую славу” и попросил оставить эти стихотворения у себя. Несколько дней спустя я увидел, совершенно для меня неожиданно, на столе корректуру моих стихотворений со штемпелем на них — “Современник”, день и число. Как доставил их Григорьев Тургеневу и как передал их Тургенев Некрасову и почему дан был мне такой быстрый ход — я не знаю, но стихи мои были напечатаны» (*Случевский К. К.* Одна из встреч с Тургеневым (Воспоминание) // Денница. Альманах 1900 года. СПб., 1900. С. 200–201).

Не исключено, что именно к этому времени относится эпизод, зафиксированный Анненковым: «Однажды <...> довелось прийти к Тургеневу довольно рано утром. В кабинете его сидел критик Аполлон Григорьев, мыслитель и всегдашний энтузиаст, сказавший про Тургенева слово, которое долго оставалось в памяти автора “Дворянского гнезда”: “Вы *ненужный более* продолжатель традиций Пушкина в нашем обществе”. Едва А. Григорьев завидел меня в дверях кабинета, как вскочил с дивана, где сидел, и, указывая мне на своего соседа, молодого морского офицера очень скромной и приличной наружности, торжественным и зычным голосом воскликнул: “На колени! Становитесь на колени! Вы находитесь в присутствии гения!” Молодой офицер был поэт Случевский, никому тогда не известный. Он покраснел и не знал, что делать от смущения. Поднявшийся Тургенев тоже проговорил: “Да, батюшка, это будущий великий писатель”. Пошли расспросы — оказалось, что они только что выслушали произведения Случевского и приведены ими были в восторженное состояние, которое — увы! — не разделили ни критики, ни общественное мнение, когда те же самые произведения предоставлены были их суду» (*Анненков* (*1983*). С. 383–384).

Конец 1859 или начало 1860. Знакомится с П. Л. Лавровым.

По воспоминаниям Лаврова, их первое знакомство, «весьма, впрочем, не близкое», относится к 1859. Оно состоялось «по поводу чтений в пользу Литературного фонда, на первом из которых (10 января 1860 г.) он читал “Гамлета и Дон-Кихота”, а потом способствовал устройству моих “Бесед о современном значении философии” в ноябре того же года в пользу того же фонда» (см.: *Лавров П. Л.* И. С. Тургенев и развитие русского общества // *ЛН*. Т. 76. С. 219).

1859. Генри Бишоп упоминает о Т. (как о «Toorghènieff») в ст. о России в «Encyclopedia Britannica» (Edinburgh, 1859. 8th edition. Vol. 19. P. 547).

1860

1** (**13**) **января**. **Пятница**. Утром в п. к Ег. П. Ковалевскому просит устроить в Азиатский департамент Министерства иностр. дел и направить на службу в Молдавию «отличнейшего человека», молдаванина Кира-Динжана (Кир-Дженджан), в котором принимает «искреннее участие и о котором <...> уже <...> писал из-за границы» (п. неизв.). Жалуется на здоровье: «мое проклятое горло опять меня схватило — и я опять должен сидеть дома». Уверяет, что хлопочет об организации чтения Литературного фонда (см. ***10** (**22**) **января). Хвалит «такие прелестные», написанные специально для этого чтения Майковым («Приговор») и Полонским («Наяды» и «Зима») ст-ния. Сообщает программу чтения: Майков, Т. — «Гамлет и Дон-Кихот», Полонский, Бенедиктов («И ныне», «Борьба»), Маркевич (два отрывка из «Ричарда III» Шекспира в пер. Дружинина), Некрасов («Филантроп», «Еду ли ночью по улице темной...»).

Присутствует на заседании (№ 8) Литературного фонда, где обсуждается вопрос об устройстве первого литературного чтения: «Комиссия, наряженная Комитетом для устройства чтения в пользу Общества (см. ***17** (**29**) **декабря 1859**. — Ред.*) и состоящая из трех членов его: К. Д. Кавелина, А. А. Краевского и И. С. Тургенева, представила свои соображения по этому предмету и составила программу. — Назначить чтение 10-го января (в воскресенье), в 7 $^{1}/_{2}$ часов веч., в зале Пассажа, о чем публиковать в “С.-Петербургских ведомостях”; программу чтения напечатать в числе 600 экз. для раздачи при билетах; цены местам назначить следующие: ложа — 10 рублей; кресла: 1-го ряда — 5 р., 2-го ряда — 3 р., 3-го ряда — 3 р.; стулья по 1 $^{1}/_{2}$ р. и места в галерее по рублю» (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 19 об.). На этом же заседании принято решение о предоставлении постоянного пособия (300 р.) литератору и поэту В. Д. Яковлеву. Т. предлагает в члены Литературного фонда: И. Л. Дзюбина, гр. В. Е. Канкрина, Северцова и С. Д. Карпова (Там же. Л. 21).

На обед (в 16 ч. $^1/_2$) к Т. приходят Северцов, Шелгунов и Шелгунова, Михайлов, приглашенный накануне (см. п. к нему от ***31 декабря 1859*** (***12 января 1860***)).

Ранее 5 (***17***) ***января***. В записке к Некрасову сообщает, что заезжал к нему, чтобы «окончательно» договориться насчет того, какие ст-ния тот будет читать на вечере в пользу Литературного фонда, но не застал дома, просит прислать «непременно сегодня» заглавия четырех ст-ний, чтобы можно было выбрать два из них, и сообщить цензору Бекетову, который должен утвердить программу. Пишет, что артистка Самойлова (к тому времени Мичурина) не будет принимать участия в вечере.

Начало января ст. ст. Начата повесть «Первая любовь». Запись на титуле черновой рукописи (она же наборная): «Начата в Петербурге в первых числах 1860-го года. Кончена в Петербурге в четверг, 10-го/22 марта 1860-го года» (*ИРЛИ*. Ф. 441. № 22. См.: *ПД. Описание*. С. 14).

Предположительная дата двух п. Маркович к Макарову из Гейдельберга. В первом спрашивает: «Скажите, что слуху об Иване Сергеевиче? Где он и скоро ли его ждут в Петербург? Если уже он приехал, спросите, получил ли мое второе письмо. Я ему писала в деревню» (*Марко Вовчок. Листи*. С. 51). Во втором п., имея в виду Герцена, замечает: «Дочка его (Ольга. — *Ред.*) до сих пор здесь. Мы не вместе живем — отсоветовал Ив<ан> Сер<геевич> и как-то не вышло» (Там же. С. 52). См. также ***14*** (***26***) ***января***.

5 (***17***) ***января***. **Вторник**. Дата утверждения Деляновым программы первого литературного чтения Литературного фонда, составленной Т. (см.: *Сб Лит фонда* (*L*). С. 86). См. ***1*** (***13***) ***января***.

6 (***18***) ***января***. **Среда**. Отвечает на неизв. п. Маркович из Гейдельберга, извещает о выходе «на днях» № 1 *ОЗ* с ее повестью «Институтка» в пер. Т. (см. ***15*** (***27***) ***января***), сообщает, что цензор Снегирев «ее порядком пощипал — однако печатать было можно»: «Вышло из нее 2 листа $^3/_4$ — по 150 руб. за лист — выходит 400 руб. с небольшим». Напоминает, что редактор *ОЗ* Краевский уже выдал Маркович вперед 300 р., оставшиеся 100 р. обещает передать Белозерскому, который должен переслать их адресатке («Он, насколько мне известно, Ваш корреспондент по денежным делам») (см. ***29 января*** (***10 февраля***)). Одобряет решение Маркович провести зиму

с сыном Богданом в Германии («это хорошо и полезно для Вашего здоровья <...> и Богдану будет во всех отношениях хорошо пожить в немецком городе, с немецкими детьми»).

О ситуации в России пишет: «Здесь все идет по-старому — и по-новому, в то же время». Сообщает о будущем чтении в пользу Литературного фонда («в котором Вы — членом») (см. ***10*** (***23***) ***января***): «...между прочим, я читаю статью под заглавием “Д<он>-Кихот и Гамлет”. Желающих чрезвычайно много — посмотрим, каков-то будет успех». Сообщает, что собирается в Москву «для печатания <...> новой повести в “Русском вестнике”» («Накануне»). О своем здоровье пишет: «Здоровье мое все еще в каком-то странном положении: в комнате я не кашляю — а чуть выставлю нос на воздух — у меня поднимается нечто вроде коклюша». Сообщает о встречах со здешними «малороссами», «но не так часто, как в прошлом году», особенно с Шевченко, который, «говорят, написал какую-то неудачную поэму», имея в виду неосуществл. замысел поэмы «Сатрап и Дервиш», задуманной еще в 1857 (сохранилось лишь начало под заглавием «Юродивый», которое Шевченко читал Т. позже).

> В «Воспоминаниях о Шевченке» Т. писал: «...он додумался до того, что не шутя стал носиться с мыслью создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное, — а именно: поэму на таком языке, который был бы одинаково понятен русскому и малороссу; он даже принялся за эту поэму и читал мне ее начало. Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые из всех, написанных им: бесцветное подражание Пушкину» (*Соч.* Т. 11. С. 189).

Советует Маркович читать Гёте, Гомера и Шекспира («это лучше всего»), надеется, что она «одолела» немецкий язык. Сообщает о намерении поехать летом за границу, где будет возможность встретиться. Просит написать о своих планах.

Сообщает в п. к Маслову, что намерен приехать в Москву «через неделю», 13 (25) января, и остановиться, как обычно, у него в доме Удельной конторы на Пречистенском бульваре. Раньше выехать не может, так как ***10*** (***22***) ***января*** должен участвовать в чтении Литературного фонда. В случае согласия Маслова принять его, просит выслать карету на станцию железной дороги. Сообщает свой петербургский адрес: на Большой Конюшенной, в доме Вебера.

В п. к баронессе Раден (на франц. яз.) сообщает, что «будет иметь честь» прибыть в Михайловский дворец на аудиенцию ее имп. высочества вел. кн. Елены Павловны.

Отвечает по-франц. дочери Полине на коллективное п. Клоди и Марианны Виардо, Хоакины Гарсиа и Марикиты Сичес (матери и тетки П. Виардо), присланное с авеню Терн (квартиры матери певицы) (п. неизв.), благодарит за содержащиеся в нем «много приятных вещей». Надеется на скорое воссоединение «нас всех». Выговаривает дочери за то, что она сделала долги: «Тратя деньги, надо не раз подумать, за исключением тех случаев, когда можешь помочь другим». Передал некоей Ольге (возможно, О. А. Киреевой) привет от дочери, о чем она просила в п., и сообщает, что фотография Полинетты «*украшает*» одну из стен ее гостиной. Жалуется на кашель, усиливающийся на свежем воздухе. Сообщает о благотворительном чтении (см. ***10*** (***22***) ***января***), в котором будет одним из главных «фигурантов».

Заканчивает и отправляет п. к П. Виардо, начатое ***30 декабря 1859*** (***11 января 1860***). Сообщает, что целую неделю был занят подготовкой к публичному чтению в пользу Литературного фонда («вещь нелегкая»), а также о намерении сразу после этого отправиться в Москву для публикации своего романа («Накануне»). Пишет, что «только что» написал п. к Л. Виардо (неизв.), в котором отправил 1000 франков (на содержание своей дочери Полины), и просит прощения за задержку. Обещает до отъезда в Москву сообщить, как прошло первое появление перед публикой (п. Т. неизв.), и просит об ответном п.

8 (***20***) ***января***. **Пятница**. На заседании Комитета Литературного фонда Т. «объяснил» собранию «обстоятельства прошлой жизни и настоящее положение» П. А. Радищева, престарелого сына известного писателя. «Из этого объяснения видно, — отмечено в протоколе, — что П. А. Радищев имеет от роду с лишком 80 лет и лишен всяких надежных средств к существованию», в связи с чем решено назначить ему пенсию 400 р. в год. После выступления Т. председатель Ег. П. Ковалевский предложил составлять краткие биографии лиц, уже получивших пособие или претендующих на вспомоществование от Литературного фонда, с изложением их литературных и ученых заслуг; биографии эти «покажут и основания, которыми Комитет руководствовался в назначении пособий». На этом же заседании члену Комитета Т. было поручено составить биографии Радищева и писателя В. С. Подшивалова (биографию последнего впоследствии было поручено составить Анненкову), умершего в 1813, чье семейство оказалось в бедственном положении (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 22—23 об.).

Выходит № 5 *СПбВед*; в нем — в разделе «Разные известия» объявление о назначенном «в зале Пассажа, в воскресенье, 10-го января 1860 г. Чтении в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Здесь же помещена программа (см. ***1*** (***13***) ***января***) и обозначена цена местам: ложи по 10 р., кресла 1-го ряда — 5, 2-го — 4, 3-го — 3, нумерованные стулья — 1 р. 50 коп., галерея — 1 р. (С. 21).

9 (***21***) ***января***. **Суббота**. В № 6 «Русского инвалида» напечатано объявление о первом чтении в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд).

В № 7 *Сев Пчелы* в фельетоне «Петербургское обозрение» как о «важном, истинно полезном и достойном нашей эпохе явлении» прошлого года сообщается об образовании Литературного фонда, при этом ошибочно указывается, что «первая мысль этого учреждения принадлежит талантливому, увлекательному нашему беллетристу И. С. Тургеневу, которого вся Россия читает и любит» (С. 25). Данное сообщение вынудило Т. опубликовать опровержение в виде п. в *СПбВед* (см. ***Между 9*** (***21***) ***и 16*** (***28***) ***января***). Здесь же сообщается об итогах деятельности Литературного фонда с 8 ноября по 17 декабря ст. ст. 1859, а также анонсируется первое литературное чтение в пользу Общества, назначенное на ***10*** (***22***) ***января*** (С. 26).

10 (***22***) ***января***. **Воскресенье**. В № 7 *СПбВед* в «Петербургской летописи» сообщается о назначенном на вечер первом литературном чтении в пользу Литературного фонда: «Билеты раскуплены нарасхват, и в этом нет ничего удивительного: не говоря уже о благотворительной цели, которая всегда вызывает сочувствие <...> каждому любопытно провести час-другой в обществе, где литераторы сами читают свои произведения» (С. 28).

В 19 ч. 30 вечера в Петербурге, в зале Пассажа, при большом стечении публики состоялось первое публичное чтение в пользу Литературного фонда, в организации которого Т. принял деятельное участие (о программе вечера см. п. к Ег. П. Ковалевскому от ***1*** (***13***) ***января***). Первым читал Полонский ст-ния «Наяды» и «Зима» (опубл.: *РСл*. 1860. № 1). «Но что было, когда на смену ему вступил на эстраду Тургенев, и описать нельзя, — записала в своем дневнике Штакеншнейдер. — Уста, руки, ноги гремели во славу его. Он читал свою статью “Параллель между Дон-Кихотом и Гамлетом” <...> Такой же взрыв рукоплесканий, как при встрече, и проводил его» (*Штакеншнейдер*. С. 246). Однако содержание речи понравилось не всем.

Так, Штакеншнейдер передала мнение присутствовавшего П. Л. Лаврова: «умно, очень умно построена, но парадокс на парадоксе» (Там же) и свое собственное: «Гамлета Тургенев называет эгоистом; Санхо Панчо и Полония как-то странно сравнивает друг с другом и говорит, что если люди над чем-нибудь смеются, то значит начинают это любить. Вот, например, смеются над всеми министрами, так это значит, что их начинают любить? Совсем неожиданный вывод и для министров и для смеющихся» (Там же).

Сам Лавров позднее вспоминал: «В “Гамлете и Дон-Кихоте” Тургенев выставил прямо догматически то превосходство людей смелого, самоотверженного дела над людьми эгоистического самоуглубления и неспособности к делу, которое в художественных формах составляет главное содержание “Накануне”. Он признавал за людьми типа Гамлета “вражду с ложью” <…> и то, что их скептицизм не есть индифферентизм <…>, но он отметил, что они “одиноки”, “бесплодны” и “бесполезны массе”. Его возвышение Дон-Кихота, — я это очень хорошо помню, — показалось натянутым для публики и было большею частью отнесено к чему-то вроде литературного каприза. Но теперь, имея за собою прошедшие с тех пор почти четверть века и позднейшие произведения Ивана Сергеевича, читатель открывает иной смысл в словах, казавшихся тогда странными <…>» (см.: *Лавров П. Л.* И. С. Тургенев и развитие русского общества // *ЛН.* Т. 76. С. 220).

Штакеншнейдер отметила новизну события: «Публично ведь все они читали в первый раз. А это ведь не то, что читать в гостиной, в знакомом кружке». Майков читал «Приговор (Легенда о Констанцском соборе)» («На соборе на Констанцском...»), при этом в середине чтения на слове «свобода» «прорвался неожиданный, но общий аплодисмент» (Там же). Фурор произвел Бенедиктов, прочитавший ст-ния «И ныне» и «Борьба» (последнее ст-ние пришлось повторить на бис. Оба были опубликованы вместе со ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот» (*Совр.* 1860. № 1). Некрасов вместо объявленного на афише и в газетах «Филантропа» читал «Блажен незлобивый поэт...» и «Еду ли ночью по улице темной...» из-за того, что получил утром 10 (22) января от кн. Одоевского п. с протестом против чтения этого ст-ния, поскольку в нем, по слухам, усматривался намек на Одоевского как на председателя «Общества поощрения бедным» (см.: Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову / Примеч. сост. Н. Ашукин. М., 1916. С. 132–133). Некрасов тотчас ответил Одоевскому, заверяя, что не будет читать «Филантропа», и давая честное слово, что не имел в виду его, а написал ст-ние после визита к Далю, который обошелся с ним невежливо, сочтя его, со слов Т., пьяным. Публика же связала героя ст-ния с Одоевским, поскольку в нем было употреблено слово «сиятельство» (*Некрасов.* Т. 14. Кн. 2. С. 131–132, *255–256*). Впоследствии Некрасов заменил в тексте слово «сиятельство». Однако на чтении публика требовала заявленного

ст-ния (см.: *Штакеншнейдер.* С. 247; *Одоевский. Дневник.* С. 103). В ответ на требование публики прочитать объявленного ранее «Филантропа» Некрасов заявил, что «слабость груди препятствует ему читать более» (Там же). Вместо Дружинина отрывок из «Ричарда III» Шекспира в его переводе читал Маркевич (*Штакеншнейдер.* С. 247). Во время чтения был привезен ежегодный взнос в 1000 р. от Александра II.

К этому дню относится эпизод, описанный Чернышевским после смерти Добролюбова в ст. «В изъявление признательности. Письмо к г. З—ну»: «Это было на первом литературном чтении в пользу “Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым”. Члены комитета этого общества и лица, участвовавшие в чтении, собрались в галереях, окружающих залу Пассажа, где происходило чтение. В одной из них случилось как-то остаться троим или четверым из нас, в том числе г. Тургеневу и мне. Он был тогда недоволен одною статьей Добролюбова и в заключение спора со мною о ней сказал: “Вас я могу еще переносить”, но Добролюбова не могу”. — “Это оттого, — сказал я, — что Добролюбов умнее и взгляд на вещи у него яснее и тверже”. — “Да, — отвечал он с добродушной шутливостью, которая очень привлекательна в нем, — да, вы — простая змея, а Добролюбов — очковая змея”» (*Совр.* 1862. № 2. Отд. «Современное обозрение». С. 393).

В ответ на горячие аплодисменты, встретившие Т., он, по воспоминаниям Пантелеева, обращаясь к публике, сказал: «Как ни глубоко тронут я знаками высказанного мне сочувствия, но не могу всецело принять его на свой счет, а скорее вижу в нем выражения сочувствия к нашей литературе» (*Пантелеев.* С. 221). Тот же мемуарист писал (хотя и ошибся в очередности выступавших, назвав Т. первым): «...в течение нескольких минут не умолкали рукоплескания; Тургенев, хотя и с заметной проседью, но еще во всей красе сорокалетнего возраста, только успевал раскланиваться <...>» (Там же).

Все ведущие периодические издания откликнулись на это событие, поместив, как правило, подробные отчеты. Одним из первых в *СПбВед* отозвался Я. К. Грот в ст. «Литературный вечер 10-го января 1860 года в Санкт-Петербурге»: «Вчерашний вечер будет памятен в истории русского просвещения; он должен быть навсегда отмечен в летописях нашей литературы. “Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым” еще в конце прошлого года начало свои действия: вчера оно в первый раз вступило в живое общение с публикой, и это первое соприкосновение ознаменовалось таким сочувствием со стороны публики, которое обещает Обществу и прочное существование и полное достижение его прекрасной цели». Не освещая подробно само чтение (о Т.: «...тут г. Тургенев прочел свою увлекательную статью о Дон-Кихоте и Гамлете, между которыми он, с остроумием и глубиною, проводит совершенно новое сближение»), Грот констатирует: «Все слышанное

публикою было принято ею с громкими одобрениями и с таким напряженным вниманием, что при малейшем нарушении тишины раздавались энергические шиканья <...>». Останавливаясь «на двух или трех явлениях этого вечера», упоминает: «Самыми живыми и продолжительными рукоплесканиями был встречен И. С. Тургенев. “Прием такой лестный, — сказал он, когда они, наконец, приумолкли, — что я не смею никак принять его на свой счет и приписываю его вашему сочувствию к литературе, от имени которой и имею честь благодарить”. Находчивость этого ответа вызвала новые рукоплескания». Сообщает Грот и об огромном успехе ст-ния Бенедиктова «Борьба», которое поэт по настоянию публики прочел дважды. Завершает ст. Грот на оптимистичной ноте, полагая, что образование подобного общества и сближение его с публикой «посредством открытых бесед в области изящного» знаменует «окончательное вступление нашей литературы в новую эпоху ее развития», эпоху «возмужалости»: «Теперь исключительное занятие литературой и наукой перестает уже и у нас быть неосуществимой мечтой — если еще не в непосредственном настоящем, то, по крайней мере, в не слишком отдаленном будущем. <...> Примирение государственной службы с поприщем писателя становится возможным — в их разъединении» (15 января. № 9. С. 37). Откликнулись также *ОЗ* (см. ***15*** (***27***) ***января***), *Совр* (1860. № 2. Отд. 3), *РСл* (см. ***31 января*** (***12 февраля***)) и др.

20 марта (1 апреля) в *СПбВед* автор фельетона, процитировав слова из речи Т. «Гамлет и Дон-Кихот» «Все пройдет, все исчезнет ~ одна любовь останется», заключал: «И повторяя это, мы, кажется, слышим мягкий, симпатичный голос, слышим искреннее чувство, которым было согрето каждое из приведенных здесь слов, когда автор произносил их на первом литературном вечере, и нам еще более верится в их глубокую, неоспоримую истину...» (№ 63. С. 307).

Позднее Анненков вспоминал: «Знаменитая, более остроумная и блестящая, чем неотразимо убедительная речь Тургенева “Гамлет и Дон-Кихот” явилась, по обыкновению, на страницах “Современника”» (*Анненков* (*1983*). С. 427).

11 (***23***) ***января***. **Понедельник**. Завершает п. к дочери (на франц. языке) от ***6*** (***18***) ***января***. Рассказывает подробности о прошедшем чтении в пользу Литературного фонда: «Это чтение состоялось вчера и прошло с необычайным успехом. Твоему отцу неистово аплодировали, что заставило его с глупейшим видом бормотать не помню уж какие слова благодарности. Это приятно — но действует слишком сильно. <...> Публика расхватала все билеты еще накануне <...> Сбор составил 1200 рублей (4800 франков), — что увеличило наши денежные средства до 7000 рублей (28 000 фр.)». В ответ на желание учить итальянский язык советует повременить с решением

до своего возвращения, высказывает опасение, что наряду с англ., испанским и франц. языками, которыми уже занимается дочь, в ее голове может образоваться «вавилонское смешение языков», кроме того, итальянский будет мешать испанскому и наоборот. Спрашивает, говорит ли дочь по-английски. Обещает вернуться самое большее через $3\,^1/_2$ месяца.

12 **(*24*)** ***января.*** **Вторник.** В п. к Карташевской благодарит за подарок (очевидно, пресс-папье), сообщает, что не может передать Анненкову билета, по которому выдают тома сочинений Пушкина в 5 т. в издании Исакова (в феврале должен был появиться дополнительный том), поскольку не располагает таковым. Обещает непременно достать том по приезде из Москвы.

Просит Плетнева заступиться за итальянца Пинто («не дайте, чтоб заклевали Пинто пустыми формальностями»), приехавшего по рекомендации Т. в Петербург, чтобы преподавать в ун-те итальянский язык и литературу; признается, что принимает в Пинто «живейшее участие» и убежден в том, что итальянец принесет ун-ту «честь и пользу».

13 **(*25*)** ***января.*** **Среда.** В п. к гр. Ламберт подтверждает, что ее предположение о перенесении даты его отъезда в Москву исполнилось «слово в слово»: «я сегодня не поехал <...> а еду завтра»; обещает вернуться дней через 10 и при встрече вдвоем прочесть «Юлия Цезаря».

Очевидно, имелся в виду недавно опубликованный в *БдЧ* (1859. № 3. С. 2—94) перевод трагедии Шекспира, выполненный Фетом. Предположение о том, что речь могла идти о «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря или о чтении в подлиннике пьесы Шекспира, вряд ли обоснованно (см.: *П.* Т. 4. С. *527.* Коммент. Т. П. Ден).

В п. к Некрасову просит переслать экземпляр ст. «Гамлет и Дон-Кихот», напечатанной в № 1 *Совр* и прочитанной ***10*** **(*22*)** ***января*** в зале Пассажа на первом литературном чтении в пользу Литературного фонда, редактору петербургской газ. «Journal de St.-Pétersbourg» Каппельмансу с надписью «От Тургенева» (см. ***3—4*** **(*15—16*)** ***февраля***). Просит также послать в Женеву, до востребования, оттиск повести Де Роберти «Трое», напечатанной в том же номере *Совр* (подпись: П. Волгонский). В журнал повесть была передана также через Т. (см. ***29 декабря 1859*** **(*10 января 1860*)**).

Отвечая на неизв. п. Маслова, подтверждающего свое приглашение остановиться у него в Москве, благодарит за «ласковое пись-

мо», объясняет задержку с выездом морозами и нездоровьем, просит выслать карету к поезду и сообщить о приезде в редакцию *РВ.*

Декабрь ст. ст. 1859 — январь (до 14) ст. ст. 1860. Бывает у Макарова вместе с Анненковым и Писемским (см. п. Макарова к Маркович от ***29 января (10 февраля)***).

14 (26) января. **Четверг**. В записке к Макарову просит одолжить 100 р., которые завтра же обещает выслать из Москвы.

Выезжает из Петербурга в Москву.

Дата п. Макарова к Маркович: «Тургенев получил все письма Ваши; он часто говорит о Вас и всегда с удовольствием. <...> Тургенев написал прекрасную повесть "Накануне"; я читал ее в рукописи. Три дня тому назад автор поехал в Москву, чтобы напечатать свое произведение в "<Русском> вестнике". За день до своего отъезда Тургенев провел у меня вечер вместе с Анненковым и моею сестрою. Я сказал Тургеневу, что намерен писать Вам, и спросил, что сказать Вам от него. Скажите ей, что я сам буду писать ей, ответил Тургенев, что я виноват перед нею, но в последнее время не имел свободной минуты, и что ей следует получить от Краевского деньги, которые передадутся Белозерскому для доставления к Вам. Белозерский получил уже от Тургенева записку к Краевскому (неизв. — *Ред.*), но денег, кажется, еще не получил. <...> На вечерах моей сестры, кроме Тургенева, начал появляться в последнее время Писемский. Он далеко не так симпатичен, как Тургенев. <...> Но все же он весьма интересен как писатель, как чтец и как рассказчик» (*ИРЛИ.* № 9572. Л. 6—7. См. также: *Марко Вовчок. Твори.* С. 379—380).

15 (27) января. **Пятница**. Приезжает из Петербурга в Москву.

Утром сообщает запиской Каткову о приезде и о том, что остановился в доме Удельной конторы на Пречистенском бульваре у Маслова. Просит прислать набранные листы повести «Накануне».

Очевидно, в тот же день или назавтра получает ответ Каткова (неизв.) о том, что корректура «Накануне» будет готова только на следующей неделе в среду (см. ***16 (28) января***).

Дата ценз. разрешения № 1 *ОЗ* (цензор Гончаров); в нем — повесть Марко Вовчок (Маркович) «Институтка» (с посвящением Шевченко) в пер. «с малороссийского» Т. (С. 1—44); в разделе «Современная хроника России» — обзор первого литературного чтения в пользу Литературного фонда в Петербурге (см. ***10 (22) января***).

Освещая «неутомимую» деятельность Комитета Литературного фонда, автор «Современной хроники России» сообщает: «Вся зала Пассажа, до последнего места на хорах, была занята и билеты все были разобраны в первый же день, как только появилось объявление. <...> Мы знаем, что пришлось отказывать в билетах тем запоздавшим своими требованиями, кому бы члены общества охотно желали доставить удовольствие слышать чтение. <...> зала Пассажа уступлена была безденежно на этот вечер гг. Водовым, Пахитоновым и Струговщиковым <...> Чтение началось г. Полонским и продолжалось гг. Тургеневым, Майковым, Бенедиктовым, Некрасовым и Маркевичем, читавшим вместо г. Дружинина. Прием всем, кто читал, сделан был блистательный, но особенно сильно и продолжительно аплодировала публика, когда увидела перед собою г. Тургенева. Г-н Тургенев, отблагодарив публику, сказал несколько слов, в этом роде: “Господа, я не ожидал такого приема и отношу его не лично к себе, а к вашему сочувствию к литературе, и потому позвольте мне благодарить вас от ее имени”. Этот скромный ответ вызвал, конечно, еще больше аплодисментов... Наконец, все утихло и чтение продолжалось. Г-н Тургенев читал свою статью “Дон-Кихот и Гамлет” — характеристику этих двух замечательных типов, созданных новейшею литературою, как представителей двух начал, которым новейшая история обязана своим развитием: веры и анализа, консерватизма и прогресса. Несмотря на то, что статья эта ученая, публика прослушала ее внимательно... Г-н Бенедиктов, г. Некрасов, г. Майков, читавшие свои стихотворения, были встречены также громкими рукоплесканиями...» (С. 39—40).

В Петербурге состоялось представление комедии Т. «Холостяк» с участием Мартынова (см. ***7 (19) октября 1859***).

16 (28) января. **Суббота.** В п. к Анненкову сообщает о своем приезде в Москву, сетует на Каткова, не ответившего на четыре посланных к нему п. (все неизв.) и даже на последнее, извещающее об отъезде из Петербурга, между тем оказалось, что корректура «Накануне» будет передана только в среду на следующей неделе: «Вот как следует учить сотрудников, чтобы они не забывались: Некрасов и Краевский никогда не достигали такой олимпийской высоты неделикатности, не заставляли больного человека скакать за 600 верст <...>». Сообщает, что «по слухам» «Накануне» признано редакцией *РВ* «образчиком нелепой бездарности».

Между 9 (21) и 16 (28) января. Дата открытого п. в редакцию *СПбВед* с протестом против напечатанной в *Сев Пчеле* заметки о том, что идея Литературного фонда была привезена Тургеневым из Лон-

дона после того, как он поприсутствовал на банкете тамошнего литературного фонда и «возымел желание пересадить его на русскую почву» (см. ***9 (21) января***). Опровергая высказанное утверждение, Т. писал: «Считаю долгом объявить, что первая мысль учреждения Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым принадлежит никак не мне, а А. В. Дружинину <...>». При этом Т. сослался на ст. Дружинина «Несколько предположений по устройству русского Литературного фонда для пособия нуждающимся лицам ученого и литературного круга» (*БдЧ*. 1857. № 6. Отд. 3—4. С. 1—28), в которой указывалось, что идея подобного фонда происходит из Англии. В п. Т. подтверждал также, что именно по просьбе Дружинина им была написана ст. «Обед в Обществе английского литературного фонда», напечатанная в виде п. к автору ст., т. е. к Дружинину (*БдЧ*. 1859. № 1). См. ***12 (24) января 1859***.

17 (29) января. Выходит № 13 *СПбВед*; в нем — в фельетоне «Петербургская летопись» открытое п. Т. в редакцию (С. 57). См. ***Между 9 (21) и 16 (28) января***.

Упоминая о первом литературном чтении в пользу Литературного фонда, прошедшем ***10 (22) января***, автор фельетона «Петербургская летопись» отмечает: «Кроме литературных вечеров, Общество намерено устроить, великим постом, так называемые *литературные беседы*, в которых известные из наших литераторов и ученых будут сообщать публике сведения, касающиеся интереснейших вопросов, как нашей, так и иностранной литературы и науки. Наконец, интересная новость заключается в том, что некоторыми из членов Общества и посторонними любителями предположено устроить один или два спектакля, в которых публика увидит исполнение драматических сцен Пушкина, комедий Гоголя и т. п.» (С. 57).

18 (30) января. **Понедельник**. Дата ценз. разрешения сдвоенного январского номера *РВ* (Кн. 1—2; цензор Гиляров-Платонов); в нем — роман Т. «Накануне» (см. ***1 (13) февраля***).

Начинает п. к гр. Ламберт, сообщает о прибытии в Москву, куда просит написать «словечко». «Московские мои впечатления до сих пор не очень разнообразны: те же лица, те же толки — нового только — одни ужасные ухабы по всем улицам». Завершает п. ***1 (13) февраля***.

Фет приглашает к себе Островского вместе с Майковым к обеду на ***20 января (1 февраля)***, обещая встречу с Т. (*Островский. Летопись*. С. 98).

19* (*31*) *января. **Вторник**. Выходит № 1 *ОЗ*; в нем — повесть Маркович «Институтка» в пер. Т. (см. ***15* (*27*) *января***) (см.: *СПбВед*. 1860. 19 января. № 11. С. 66).

***20 января* (*1 февраля*)**. **Среда**. Утром в п. к Сушкову сообщает, что не может встретиться с ним «сегодня» на вечере у Киреевой, чтобы вместе отправиться на бал к кн. Гагарину, поскольку хочет присутствовать на представлении «Грозы» Островского вместе с автором. Обещает предупредить Кирееву и просит разрешения заехать к Сушкову после театра.

Возможно, присутствует на обеде у Фета с Островским и Майковым (см. ***18* (*30*) *января***).

Присутствует на представлении «Грозы» в московском Малом театре вместе с Островским.

Вечером предположительно заезжает к Сушкову.

***21 января* (*2 февраля*)**. **Четверг**. Дата второго ценз. разрешения № 1 *Совр*; в нем — ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот» с подзаголовком: «Речь, произнесенная 10 января 1860 года, на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым» (Отд. 1. С. 239—258). См. ***31 декабря 1859* (*12 января 1860*)**, ***27 января* (*8 февраля*)**.

Фет, по просьбе Т., заезжает к Лонгинову с просьбой оказать содействие для организации ***25 января* (*6 февраля*)** в Москве чтения в пользу Литературного фонда.

По свидетельству Лонгинова, «в четверг 21 января приехал ко мне А. А. Фет и предложил мне, чтобы я оказал содействие в этом чтении <...> от лица И. С. Тургенева, незадолго до того приехавшего в Москву, и других писателей. Без всяких притязаний я взялся, несмотря на свое нездоровье, читать стихи А. С. Хомякова, согласно его желанию, выраженному им А. А. Фету, и стихи князя П. А. Вяземского. Времени оставалось немного, потому что И. С. Тургенев, статья которого («Гамлет и Дон-Кихот». — *Ред.*) была капитальным предметом чтения, непременно собирался уехать в Петербург во вторник 26 числа. Поэтому чтение назначено было на 25. Я сам, совещаясь с А. А. Фетом, написал программу чтения для напечатания в газетах» (*Присяжный фельетонист.* Петербургские заметки // *БдЧ.* 1860. № 3. Отд. «Современная летопись». С. 91).

***22 января* (*3 февраля*)**. **Пятница**. В записке к Киреевой сообщает, что принимает ее приглашение на вторник, ***26 января* (*7 февраля*)** и обещает быть у нее «завтра», т. е. ***23 января* (*3 февраля*)**.

23 января (***4 февраля***). **Суббота**. Выходит № 3 *МВест*; в нем — ст. Т. «Встреча моя с Белинским (Письма к Н. А. Основскому). I» (С. 40—42).

Дата неизв. записки Киреевой, приглашающей Т. к некоей г-же Бреверн (см. ***24 января*** (***5 февраля***)).

Предположительно присутствует на квартире Н. И. Давыдова, где в исполнении артистов Красноворотского любительского театра в присутствии автора были представлены сцены из комедий «Не в свои сани не садись» и «Не сошлись характерами» (см.: *Островский. Летопись.* С. 98).

В № 18 *МВед* выходит объявление о назначенном на ***25 января*** (***6 февраля***) публичном чтении в пользу Литературного фонда в Москве с участием Т. В программе: Фет — «“Деревня” (2-я эпода Горация), в своем переводе», Майков («Приговор»), Лонгинов («Сознание», ст-ние Вяземского), Т. («Гамлет и Дон-Кихот»), Фет («Даки»), Майков («Нива»), Лонгинов («Труженик», ст-ние Хомякова), Островский (отрывок из комедии «Свои люди — сочтемся») (С. 130).

Дата ценз. разрешения № 1 журнала «Рассвет»; в нем — в разделе «Библиография» обстоятельная рец. Скабичевского на отд. издание «Записок охотника» (СПб., 1859) (С. 1—20; подпись: А. С.).

В рец. Скабичевский дает общую оценку творчеству Т. 40—50-х гг.: «Талант Тургенева скоро обратил на себя всеобщее внимание и возбудил самые разнообразные толки и мнения. Уловить его долго не могла никакая критика. Произведения его были полны неподдельной, искренней, свежей поэзии; но в то же время не имели никакого определенного направления, невозможно было подвести их под какие-нибудь существовавшие тогда рубрики. Некоторые из них написаны над направлением натуральной школы, другие проникнуты байронизмом, третьи — своею реальною объективностию, грациозною образностью напоминают поэзию Пушкина. Во многих можно найти все три направления вместе. Видно было, что молодой, сильный талант нашел в душе своей отзыв всем существовавшим тогда литературным направлениям, всех их воспринял в себя и они в нем боролись для того, чтобы соединиться потом и составить что-то новое, общее, может быть, и великое». Полагая, что именно появлявшиеся одновременно с повестями «Записки охотника» «упрочили литературную известность Тургенева, расположили окончательно публику в его пользу, сделали его передовым писателем», Скабичевский предлагает считать их «первым самостоятельным» произведением Т. (С. 3). В «Записках охотника» он видит «стройную, громадную» «картину провинциального общества во всех его частях, со всех его сторон», «в его сущности, жизни, в том трагическом положе-

нии, в котором оно находилось тогда» (С. 6–7). Подробно анализируя отдельные рассказы, критик приходит заключению: «Кто интересуется русскою литературой, тот должен прочесть “Записки охотника” как одно из капитальных произведений ее. Кто прибегнет к этой книге с целию эстетического наслаждения, найдет в ней море поэзии; кто желает изучить русское провинциальное общество, русского человека, жизнь его со всею обстановкой, с малейшими оттенками, для того “Записки охотника” должны быть настольною книгой» (С. 20).

Дата ценз. разрешения № 1 журнала «Светоч»; в нем — в разделе «Критическое обозрение русской литературы» рец. на «Украинские народные рассказы Марка Вовчка» в пер. Т. (СПб., 1859) (С. 65–76), в которой Т. иронично сравнивается с «литературным Ротшильдом»: «...имя Марка Вовчка, выступившего на скользкий паркет русской литературы под руку с И. С. Тургеневым, который так мило перевел его малороссийские рассказы, сделалось известностью громкой и почетной. Фельетонисты и рецензенты, зная, что эстетический вкус автора “Записок охотника” не позволит ему заняться переводом чего-нибудь посредственного, взглянули на новое дарование в увеличительное стеклышко и нашли в нем огромный талант; журналы, чувствуя, что новая известность может дать новых подписчиков, спешили предложить ей почетное место на своих страницах, а публика в свою очередь заинтересовалась новым писателем, нашла в нем достоинства и скоро привыкла к нему» (С. 67).

Задаваясь вопросом о сути дарования Марко Вовчок («Должны ли мы признать, что наш любимый романист действительно отыскал таившийся в неизвестности обширный талант <...>»), автор рец. исходит из того, что «племенная литература (в данном случае малороссийская по отношению к русской. — *Ред.*), как бы ни было богато одарено от природы самое племя, если оно только родственно господствующему народу, всегда бывает замкнута в кругу очень тесном», «это только материал для литературы народа: она может внести в нее новые, свежие элементы, обогатить ее новыми мотивами, а сама по себе не в состоянии развиться в окончательные формы» (С. 67–68). Признавая в М. Вовчок «несомненное и очень милое дарование», критик в то же время отмечает, что «украинские народные рассказы» отличаются «чрезвычайным однообразием и утомительной монотонностью, как в содержании, так и в изложении, и кажутся одним бесконечно повторяющимся мотивом». Сравнивает их с «Записками охотника»: «Это тоже ряд прелестных эскизов, набросанных слегка, но бойко и характерно; круг их по видимому тоже не широкий, но посмотрите, какое в них разнообразие <...>! При одном общем колорите, свойственном художнику, вы в каждом портрете, в каждой картинке видите новый сюжет, новый об-

раз. Не таковы повести Марка Вовчка. Читая один рассказ, вы невольно увлекаетесь прелестью чувства и какой-то задушевности, но принимаясь за другой отрывок, с удивлением слышите тот же самый мотив и слушаете его уже без всякого увлечения. Наконец при остальных рассказах вы не только скучаете, но вам становится тяжело и вы готовы перейти к самой плохой, дюжинной повести, чтобы только избавиться от этого нестерпимого однообразия» (С. 71—72).

24 января (***5 февраля***). **Воскресенье**. В п. к Киреевой извиняется, что накануне не ответил ей (см. ***23 января*** (***4 февраля***), поскольку домой вернулся очень поздно (возможно, присутствовал с Островским на квартире Давыдова, где были представлены сцены из комедий «Не в свои сани не садись» и «Не сошлись характерами», см. ***23 января*** (***4 февраля***)). Обещает «сегодня утром» и «завтра вечером» непременно заехать к г-же Бреверн.

25 января (***6 февраля***). **Понедельник**. На состоявшемся в 1 час чтении в пользу Литературного фонда в зале Практической академии коммерческих наук (близ Покровских казарм) с участием Островского, Фета (читавшего вторую эподу Горация в своем переводе, а также ст-ние «Даки») и Майкова (ст-ния «Приговор» и «Нива») читает ст. «Гамлет и Дон-Кихот». Кроме того, Лонгинов читает ст-ние Хомякова «Труженик» и ст-ние Вяземского «Сознание». По ходатайству Т., Островскому разрешено было прочитать отрывок из комедии «Свои люди — сочтемся» (*МВед*. 1860. 23 и 30 янв. № 18, 24).

В воспоминаниях Анненкова отмечено, что эта пьеса «много возмущала петербургскую цензуру и дозволена была московскою без особого затруднения». По свидетельству мемуариста, Т. выслал в комитет Лифонда 1220 р. 50 к., прибавив в неизв. п.: «Комитет должен быть доволен мною» (*Анненков* (*1983*). С. 427).

30 января (11 февраля) *МВед* сообщали: «Чтение это устроилось почти случайно, благодаря приезду в Москву гг. Тургенева и Майкова, которые на днях оставляли наш город, и потому о чтении даже нельзя было известить московскую публику заблаговременно. Но общее сочувствие к этому делу увенчало его полным успехом. / По первому слуху о задуманном литературном утре, начальство Практической академии коммерческих наук предложило учредителям большую, превосходную залу Академии и тем доставило возможность пригласить на чтение многочисленную публику. Зала была предложена бесплатно, и тем устранены расходы из сбора, предназначенного в пособие бедным. Несмотря на довольно высокую цену билетов (3 р. сер.) и отдаленность места чте-

ния от центра города, к назначенному часу публика собралась в зале Академии. Нечего и говорить о том, с каким сочувствием встречала она каждого, выходившего для чтения. / Всех билетов было роздано 414 и собрано 1242 р. Зала была почти полна; но многие заметили почти совершенное отсутствие московских литераторов» (№ 24. С. 183; подпись: Z.).

Газ. *МВест* также поместила подробный обзор о чтении, отметив: «Статья И. С. Тургенева "Гамлет и Дон-Кихот" поразила всех глубиной мысли. Статья эта принадлежит к числу тех немногих литературных и художественных произведений, над которыми призадумается каждый мыслящий человек. Взрыв рукоплесканий следовал при появлении автора "Гамлета и Дон-Кихота" и по окончании чтения. Это единодушное приветствие служит ясным, осязательным доказательством сочувствия любви москвичей к творцу "Записок охотника", "Дворянского гнезда"...» (30 января. № 4. С. 66).

В протоколе заседания Комитета Литературного фонда от 17 (29) февраля отмечено: вынести благодарность способствовавшим «значительному усилению» средств фонда Фету, Островскому, Лонгинову, Киттары и Основскому «за их искреннее сочувствие и деятельное участие при устройстве в Москве вместе с И. С. Тургеневым литературного чтения в пользу Общества» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 40).

Дата п. Плещеева к Е. И. Барановскому: «В Петербурге очень успешно действует общество литературного фонда <...>. Оно уже имеет довольно значительные суммы и назначило много пенсий. <...> Недавно было здесь и в Петербурге публичное чтение, в пользу этого фонда, и И. С. Тургенев был на нем принят с страшным энтузиазмом» (цит. по: *Шестидесятые годы.* С. 457).

26 января (***7 февраля***). **Вторник**. Получив от Киреевой п. (неизв.) с просьбой прислать читанную им на чтении в пользу Литературного фонда ст. «Гамлет и Дон-Кихот», посылает ей наборный экземпляр, по которому, очевидно, читал ее ***25 января*** (***6 февраля***), извиняется за ее «неаккуратность» («она побывала в руках наборщиков»). Сообщает, что простудился и вынужден сидеть дома, отчего не смог навестить г-жу Бреверн (см. ***24 января*** (***5 февраля***)), надеется на днях увидеться с Киреевой.

27 января (***8 февраля***). **Среда**. Выходит № 1 *Совр* (ценз. разрешения 31 декабря 1859 и 21 января 1860); в нем — ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот (Речь, произнесенная 10 января 1860 года на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым)» (Отд. 1. С. 238—258). В этом же но-

мере воспоминания о Белинском Панаева, статьи Чернышевского, Добролюбова, в том числе рец. Добролюбова на книгу Е. Я. Колбасина «Литературные деятели прежнего времени» (СПб., 1859), где критик косвенным образом задел Т., к которому Колбасин питал особенно почтительные чувства.

Опровергая утверждение автора о том, что «при всех недостатках прежней литературы представители ее своим авторитетом и влиянием воспитывали, быть может, гораздо более людей в эстетическом и нравственном отношении, чем нынешние университеты и различные заведения», Добролюбов насмешливо отзывался о «литературном генеральстве» и противопоставлял ему Белинского, которому не к кому было идти, чтобы получить эстетическое и нравственное воспитание: «...он сам себе был авторитетом, сам себя воспитал, и если искал какой-нибудь внешней опоры, то разве в молодых друзьях своих, для которых сам скоро сделался авторитетом, а уж никак не в отживавших старцах с почетными именами. <...> И после Белинского нет возврата на путь литературных ухаживаний и поклонений для русского писателя <...>» (*Добролюбов.* Т. 6. С. 45). Задетый рец. Добролюбова, 1 (13) февраля 1860 Колбасин просил Анненкова сообщить ему о каком-нибудь собрании у Некрасова, намереваясь явиться туда и потребовать у Добролюбова извинений в присутствии всех. При этом он просил Анненкова присутствовать в качестве *«постороннего свидетеля»*: «Я все ожидал Тургенева, но не лучше ли будет обделать все это до его приезда, потому что он косвенным образом тоже задет этою рецензией, след<овательно>, без его вмешательства надо проучить нелитературного рецензента» (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 50. Л. 9).

28 января (9 февраля).* Четверг.** Дата п. гр. Ламберт, в котором она просит помочь найти работу (переводы) некоему Франсуа Буле (Boulet) (по отцу французу, по матери православному), попавшему в затруднительное положение и оказавшемуся в тюрьме: «Достаньте ему дела — кто Тургеневу откажет?» (*Granjard.* P. 74). См. ***1 (13) февраля.

Дата п. к кнж. Хилковой, с которым посылает оттиск «Накануне» из *РВ* («экземпляр моей новой повести, которую только что отпечатали — (№ “Русского вестника”, в котором она явится, еще не вышел)»): «Я хотел сдержать данное мною Вам обещание — но не знаю, понравится ли Вам моя посылка — и не следует ли ее дать прочесть сперва Вашей матушке. Вы так и сделайте — а потом, если удосужитесь, дайте мне знать через Вашего брата (Григория. — *Ред.*) — (письма от Вас прямо ко мне я не смею просить) — какое было Ваше впечатление?». Радуется тому, что княжне нравится Дрезден: «Дрез-

ден прекрасный город — и люди живут там хорошие». Сообщает, что знает о знакомстве Хилковой с Рейхелем. О себе пишет: «Я с самого октября месяца все нездоров: какой-то неотвязный, нервический кашель мучит меня — и здесь я не выхожу из комнаты». Рассказывает, что приехал в Москву две недели назад, «чтобы напечатать повесть — и простудился»: «Теперь я только думаю о том, как бы вернуться в Петербург, где у меня затеялись разные дела, требующие моего присутствия». Весной собирается в деревню, «а на осень в Париж». Замечает: «Кстати, мне Ваш брат сказывал, что Вы в деревне едва ли будете — и наши планы издания бумаг Вашего батюшки (возможно, имеются в виду бумаги Д. А. Хилкова, посвященные его участию в Отечественной войне 1812. — *Ред.*) должны рушиться?». Передает поклон матери княжны (Е. Г. Хилковой) и сестре Пелагее (*Письма к Нелидовой*. С. 2—3).

29 января (***10 февраля***). **Пятница**. Утром в п. к Киреевой признается, что рад получать от нее записки (неизв.) и отвечать, «особенно, когда речь идет о добром деле». Одобряет намерение Киреевой познакомиться с писательницей Хвощинской через ее родственницу Акинфову, очевидно с целью оказать материальную помощь нуждающейся писательнице. Будет ожидать результатов этой встречи. Сообщает, что «занемог не на шутку» и останется в Москве по крайней мере еще на неделю.

Дата п. Макарова к Маркевич, в котором он пересылает 250 р., в том числе часть «от Краевского за “Институтку” (см. ***6*** (***18***) ***января***. — *Ред.*), которая напечатана в первой книжке этого года, а остальные от Белозерского». Сообщает: «Изредка по вечерам собираются у меня Тургенев, Анненков и Писемский. Впрочем, Тургенев еще не возвратился из Москвы, куда он уехал печатать свою последнюю повесть («Накануне». — *Ред.*)» (*ИРЛИ*. № 9572. Л. 8—8 об. См. также: *Марко Вовчок. Твори*. С. 380—381). См. также п. Маркович к Макарову от ***Начала февраля ст. ст.***

31 января (***12 февраля***). **Воскресенье**. Дата ценз. разрешения № 2 *РСл*, на лицевой стороне обложки которого повторно объявлено о скором появлении в журнале ст. Т. «Бёрнс и Кольцов» (см. ***31 декабря 1859*** (***12 января 1860***)); здесь же в отделе «Смесь» ст. Н. В. Шелгунова «Литературное чтение в зале Пассажа» (С. 72—78; подпись: Н. Ш. Ст. Шелгунова в содержании пропущена), где дан обзор первого литературного чтения в пользу Литературного фонда (см. ***10*** (***22***) ***января***).

«Капитальным чтением, около которого группировалось все остальное, — отмечал Шелгунов, — была статья И. С. Тургенева “Дон-Кихот и Гамлет”. Статья эта в высшей степени честная по мысли, честная по направлению, произведение вполне поэтическое по изложению и по чувству, которым она проникнута, составляет замечательное явление нашей современной литературы. <...> Статья И. С. Тургенева вызвала страшный гром рукоплесканий. Касаясь общечеловеческого вопроса, изображая две совершенные крайности человеческой природы, она вместе с тем представляла интерес более местный, интерес современный русский: каждый из нас, как человек, более или менее Дон-Кихот или Гамлет; эти черты мы переносим и в сферу нашей общественной деятельности. Не представляя таких частных, крайних типов, мы богаты тут преимущественно помесью — донкихотствующими Гамлетами; мы богаты великолепными экземплярами весьма рассудительных и зрелых в юности личностей, великих поклонников спокойного государственного взгляда на вещи и начал политической экономии. Эти Гамлеты, стоя с сложенными накрест руками, донкихотствуют, делая вид, что они работают что-то, трудятся для общего дела; в сущности же не зная, к кому пристать, куда идти, административные Гамлеты делают попросту то, что им выгодно. Это признаки нашего линянья. / Ни один из литераторов не был встречен такими единодушными, восторженными рукоплесканиями, как Тургенев; но зато и ни одно чтение не представляло такого полного, живого интереса, как чтение И. С. Тургенева» (С. 76—77). Сожалея, что «прекрасные стихи» Полонского «не произвели того впечатления, какое они могли бы произвести», рецензент видел причину «в том, что г. Полонский читал первый и несколько тихо». «Лучше всех» читали Майков и Бенедиктов, чтение Некрасова «было много слабее; от грудного расстройства и страданий горла у г. Некрасова почти нет голоса» (С. 77). Иронически откликнулся критик на ст. о литературном чтении Грота в *СПбВед* (см. ***15*** (***27***) ***января***), раскритиковав, в частности, его утверждение, что «в нашей публике заметно развивается вкус к наслаждению в литературе всем истинным и действительно изящным»: «Неужели?! Г. ученый, живя в четырех стенах своего кабинета и читая по преимуществу русские сочинения прошедшего столетия, был приятно удивлен, узнав, что у нас есть литература и журналистика, совсем непохожая на литературу времен Хераскова и Сумарокова <...>» (Там же). В завершение Шелгунов отмечал: «В Петербурге пронесся слух, что литературные вечера будут у нас каждое воскресенье; но воскресений прошло много с 10-го января, а чтений не было. Уверяют, однако, что второй вечер составит светило нашей современной литературы А. Ф. Писемский» (С. 78).

В записке к Сушкову, в ответ на его приглашение (неизв.), сообщает, что с понедельника не выезжает по болезни и задерживается в Москве, обещает до отъезда навестить Сушкова.

1 (***13***) ***февраля*. Понедельник**. Выходит сдвоенный январский номер *РВ* (Кн. 1—2; ценз. разрешение 18 января); в нем — роман Т. «Накануне» (С. 69—212; дата и место написания: «С. Спасское. 1859»). Редакция журнала задержала выход в свет № 1, чтобы роман был опубликован целиком, о чем сообщалось ранее (см. ***24 декабря 1859*** (***5 января 1860***)).

Характеризуя позднее реакцию русского общества на выход в свет романа, Анненков писал: «В оценке “Накануне” публика наша разделилась на два лагеря <...>. Хвалебную часть публики составляли университетская молодежь, класс ученых и писателей, энтузиасты освобождения угнетенных племен <...> светская часть, наоборот, была встревожена <...> и ужаснулась настроению автора <...>. Вдохновенная, энтузиастическая Елена казалась <...> еще аномалией в русском обществе <...>. Между ними <...> ходило чье-то слово (П. А. Вяземского. — *Ред.*): “Это «Накануне» никогда не будет иметь своего завтра”» (*Анненков* (*1983*). С. 423).

Дарит оттиски «Накануне» Лонгинову (с надписью на обложке: «Михаилу Николаевичу / Лонгинову / от старого приятеля / Ив. Тургенев. / Москва. / 1-го февр. 1860») и Островскому (с надписью на обложке: «Александру Николаевичу / Островскому от приятеля и почитателя / Ив. Тургенев. / Москва. / 1-го фев. 1860»), внеся поправки на с. 132, 173, 202. Оба экземпляра хранятся в Библиотеке ИРЛИ (см.: *ПД. Описание.* С. 45—46. № 411, 412).

Заканчивает п. к гр. Ламберт, начатое ***18*** (***30***) ***января***. Пишет, что 13 дней не принимался за перо, ожидал корректуру, за это время роман вышел из печати, Ламберт успела написать к нему два п. (одно из них от ***28 января*** (***9 февраля***)), а сам он успел прочитать публично еще раз свою ст. «Гамлет и Дон-Кихот» (см. ***25 января*** (***6 февраля***)) и простудиться: «...опять занемог, как в деревне — горлом: опять я без голоса, кашляю, и вот уже 8-й день, как не выхожу из комнаты». Извиняется за долгое молчание, мечтает вырваться из Москвы и побывать у графини на Фурштатской. Обещает по приезде в Петербург заняться protégé графини Ф. Буле (см. ***28 января*** (***9 февраля***)): «Выберите только ему хорошие вещи для перевода, а уж мы его работу пристроим» (см. ***19 февраля*** (***2 марта***)). Поздравляет со свадьбой племянницы Олимпии.

3 (***15***) ***февраля*. Среда**. Отвечает на неизв. п. Миницкого из Одессы, благодарит за возврат долга: «...эти деньги пошли на дело, однородное с тем, на которое они уже были раз употреблены: думаю, что эта мысль будет Вам не неприятна». Сообщает о выходе

в свет «Накануне», о чтении в пользу Литературного фонда, о своей болезни, о том, что имеет сведения об адресате от Е. Я. Колбасина, а также что собирается лето провести в деревне, а на зиму уехать в Париж, чтобы выдать дочь замуж.

Дата п. гр. Ламберт (ответ на п. Т. от ***1* (*13*) *февраля***): «Как весело писать к тем, которые все замечают, все ценят! — Как утешительно писать к Вам, милый Иван Сергеевич — это письмо вряд ли застанет Вас в Москве, а я все-таки отправлю его, для того чтоб поделиться с Вами тем чувством спокойной и чистой радости, которое навеяло на меня Ваше дружеское письмо — дай Вам Бог здоровье и счастие за то, что Вы так хорошо умеете любить и понимать — нет, дай Вам Бог все это — так, даром — даже не за Вашу светлую душу — а за то только, что человек нуждается в счастии, а Вы более чем кто-либо» (*Granjard*. P. 77). Сообщает, что получила п. от г-жи Змеевой («наша змея проснулась к весне»).

3—4* (*15—16*) *февраля*. Среда — четверг**. В петербургской газ. «Journal de St.-Pétersbourg» (№ 27) напечатана ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот» в переводе на франц. язык (см. ***13* (*25*) *января).

***4* (*16*) *февраля*. Четверг**. Утром в записке к Киреевой сообщает, что не смог третьего дня быть у нее вечером, так как страдал головной болью, а «вчера» «целый день был в хлопотах и не посетил Хвощинских», надеется все это исправить.

Вечером пишет еще одну записку к Киреевой, благодарит за возвращенную наборную рукопись ст. «Гамлет и Дон-Кихот», отвергает возможность повторного чтения (см. ***25 января* (*6 февраля*)**).

Предполагаемая дата п. гр. Ламберт, в котором содержится упрек в том, что Т. пишет лишь «городские записочки на разные случаи жизни»: «...пишите, как пишут разумной твари и настоящему другу, а не как женщине светской — пустяки или мадригалы — стара я для последних — а первые, обыкновенная пища, приготовленная вашим братом нашей сестре — хоть бы никогда Вы не писали, и век бы не пришлось нам видеться» (*Granjard*. P. 78).

***5* (*17*) *февраля*. Пятница**. Отвечает на неизв. п. Карташевской, жалуется на нездоровье, собирается выехать из Москвы в понедельник, рад, что Карташевская общается с «любезнейшим из кавалеров» Анненковым, спрашивает новостей о брате Карташевской Макарове.

Встречается с Григоровичем и отправляет с ним в Петербург к Н. Н. Тютчеву отдельный оттиск романа «Накануне».

Отвечает на неизв. п. Е. Я. Колбасина, просившего добыть какие-то бумаги о покойном министре Уварове через его сына А. С. Уварова: «Уварова здесь нет — он в Италии, — а бумаг об его отце потому достать нельзя <...> уже об этом хлопочет М. Н. Лонгинов, который сам собирается написать биографию покойного министра». Сообщает о выходе в свет романа «Накануне», о получении нескольких отдельных оттисков, один из которых отправил «сегодня» с Григоровичем через Анненкова в Петербург для передачи Н. Н. Тютчеву. Просит прочитать и сказать свое мнение. Интересуется здоровьем Колбасина, который находится в больнице.

Отвечает (на «клочке» бумаги) гр. Ламберт на три п. (известны два, см. выше): «Если бы Вы знали, как мне хочется поскорей назад в Петербург! Сижу я здесь, никуда не выхожу, приходят ко мне разные приятели, курят, толкуют, спорят, я им рад, а в душе тайное желание уехать от них. Впрочем, тут есть два, три человека прелестных (Фет, Борисов, гр. Н. Н. Толстой и мой хозяин Маслов). Когда я вернусь и буду сидеть в Вашей комнатке, заставьте меня описать их Вам, очертить их характеры». Жалуется, что не удается «сблизиться» с Москвой: «...заметил я две, три женские личности (это одно собственно и интересно), хотел узнать, в чем дело... Является простуда, кашель <...> Остается дополнять фантазией едва уловленные черты: но фантазия, при всем своем кажущемся разнообразии и богатстве, и беднее и однообразнее жизни — т. е. не так оригинальна. Ничего не может быть ненужнее — а потому досаднее — неоконченного этюда. Я уверен, что в эту минуту Вы думаете: “всё для него только сюжет этюда”; — но не забывайте, пожалуйста, что Вы сами назвали себя моим другом и что я Вас *люблю.* Это не мешает мне изучать и Вас — но это изучение совсем другого рода дело. <...> я Вас люблю — и с этими тремя словами — я не боюсь никого, ни собственных наблюдений, ни чужих недоразумений, ни себя, ни Вас».

Пишет прощальную записку Островскому, сообщая, что уезжает в понедельник.

Начало февраля ст. ст. Предположительная дата п. Маркович к Макарову (ответ на п. от ***29 января*** (***10 февраля***)), в котором она извещает о получении денег и спрашивает: «Получил ли Иван Сергеевич мою посылку и письмо?» (п. Маркович к Т. неизв). См.: *Марко Вовчок. Листи.* С. 54.

6 (18) февраля*. Суббота**. В Петербурге умирает председатель Редакционных комиссий при Главном комитете по крестьянскому делу Ростовцев, стоявший у истоков разработки крестьянской реформы и успевший составить записку по крестьянскому делу, которая послужила основой для «Положения о крестьянах». После его смерти вдова и дети были возведены в графское достоинство. См. также ***9 (21) февраля.

В зале Пассажа состоялось второе чтение в пользу Литературного фонда, в нем приняли участие Гончаров — две главы из нового романа («Обрыв»), Майков — ст-ние «Нива», Полонский — ст-ние «На юбилей Шиллера».

Панаев в «Заметках Нового поэта» отмечает: «Литературные чтения в Петербурге встречены публикою с большим участием, за билеты на эти чтения платят втрое против объявленной цены и более, зала Пассажа не может вместить всех желающих. Если бы эта зала была так велика, как зала Большого театра, она и тогда бы была наполнена сверху донизу. — Билеты на чтения доставать очень трудно, даже многие из журналистов и литераторов не могли достать для себя билетов на первое чтение» (*Совр.* 1860. № 2. Отд. 3: Современное обозрение. С. 376).

Между 15 (27) января и 7 (19) февраля. Во время пребывания в Москве встречается с Основским, который передает ему гонорар для Достоевского (см. ***9 (21) февраля***), и предположительно договаривается об издании собрания своих соч. в 4 т.

Встречается с Феоктистовым, который жалуется ему на «стеснения» со стороны редакции *РВ* (см. ***9 (21) июля***).

***8 (20) февраля*. Понедельник**. Выезжает из Москвы в Петербург.

***9 (21) февраля*. Вторник**. Приезжает из Москвы в Петербург.

В Петербурге похороны Ростовцева. «Государь сам закрыл ему глаза. Он, говорят, изъявил скорбь свою тяжкими рыданиями. Этою смертью глубоко опечалены все, кроме врагов освобождения крестьян. Конечно, это лучшее надгробное слово Ростовцеву» (*Никитенко.* Т. 2. С. 106).

На его место неожиданно назначен министр юстиции Панин, что было воспринято либеральной частью общества негативно. Герцен поместил известие об этом назначении обведенным в траурную рамку на первом месте в № 65—66 «Колокола»: «Невероятная новость о назначении *Панина* на место *Ростовцева* подтвердилась. Глава самой дикой,

самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян. <...> Это вызов, это дерзость, это обдуманное оскорбление общественного мнения и уступка плантаторской партии» (*Герцен.* Т. 14. С. 247).

Пишет записку к Достоевскому, извещая о своем приезде и о том, что привез для него от издателя Основского 600 р. (за приобретенное им и изданное в 1860 собрание соч. в 2 т.), за которыми просит зайти, поскольку сам выйти не может из-за болезни.

Дата п. к гр. Ламберт, извещает о своем приезде из Москвы и об ухудшении состояния здоровья: «через час после моего приезда со мной сделалось довольно сильное кровохаркание, которое продолжается до сих пор». Хотел бы посоветоваться с доктором Здекауэром, поскольку в Шипулинского «потерял веру». Просит написать Здекауэру и попросить зайти к нему «завтра». Обещает, что первый выезд будет к Ламберт.

Ламберт одновременно получает записку и п. от ***5* (*17*) *февраля*** и отвечает: «...как я рада, что Вы здесь, и как горюю, что Вы больны! — сейчас же написала к Здекауеру и просила его, чтоб он назначил Вам завтра час своего приезда, отнюдь бы не опаздывал — по своей привычке — (он, кажется, член 10 комитетов и обществ) — и особенно бы занялся Вами, потому что я Вас люблю, потому что Ваша болезнь мое личное горе. — Мы с ним такие друзья — что этой причины достаточно для того, чтобы заинтересовался Вами». К вечеру Ламберт получает п. от Здекауэра с назначенным часом на завтра: около двух часов пополудни (*Granjard.* P. 80).

***Между 5* (*17*) *и 10* (*22*) *февраля*.** В п. к Е. Я. Колбасину удивляется, что не имеет от него известий; сообщает, что чуть не поругался из-за него с Некрасовым и Чернышевским: «последнего я, кажется, пристыдил, чего, разумеется, с первым — никак случиться не может». Посылает «оттиск моей повести» («Накануне»), просит прочитать. Посылает также записку Авдеева (неизв.), касающуюся до Колбасина. Спрашивает об отношениях к *Совр* и интересуется состоянием здоровья.

Очевидно, не дождавшись переданного ***5* (*17*) *февраля*** через Григоровича оттиска, Колбасин попросил Т. прислать его повторно. В *ПССиП*(*2*). *Письма* п. датируется расширительно концом февраля — началом марта ст. ст. (С. 168, *544*); в первой публикации — летом 1858 (*Первое собрание писем.* С. 57—58).

***10* (*22*) *февраля*. Среда.** Присутствует на заседании Комитета Литературного фонда, где решено устроить третье литературное

чтение в пользу Общества: «Устроить его на второй неделе поста и повторить потом, так как число желающих присутствовать на чтениях далеко превышает число мест в зале Пассажа» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 36—36 об.). См. ***23 февраля*** (***6 марта***) и ***27 февраля*** (***10 марта***). По предложению Т., в члены Общества принят Н. В. Сушков.

К Т. приходит вызванный ***9*** (***21***) ***февраля*** гр. Ламберт доктор Здекауэр.

Т. пишет Карташевской, что вернулся из Москвы, но не может быть у брата Карташевской Макарова, поскольку только что навестивший его Здекауэр запретил выходить из дома. По той же причине не может быть у Карташевской «завтра».

В ответном п. к дочери Полине («большое и хорошее письмо в 8 страниц» П. Тургеневой неизв.) сообщает о своем возвращении из Москвы, где пробыл вместо предполагаемой недели целых три, из-за болезни. Хвалит за удовлетворительную грамотность, надеется, что этому соответствуют успехи в музыке и в англ. языке. По поводу увлечения русским языком вместо итальянского просит дать два месяца для принятия решения, каким из этих языков продолжать заниматься. Надеется, что его ответ на коллективное п. с авеню Терн не затерялся (см. ***6*** (***18***) ***января***). Просит передать прилагаемое п. к Н. И. Тургеневу по назначению и сообщить его точный адрес. Сообщает, что послал месяц назад деньги Л. Виардо (см. п. к П. Виардо от ***6*** (***18***) ***января***) для оплаты долгов дочери. Собирается приехать в Париж в мае.

П. к Н. И. Тургеневу, в котором благодарит за хлопоты по поводу возобновления уроков Закона Божьего для дочери, которые давал ей священник посольской церкви о. Васильев: «Дочь моя может почесть себя счастливою, что нашла в Вас и в Вашем семействе таких добрых и снисходительных покровителей». Сообщает о смерти председателя Редакционных комиссий Ростовцева (ум. ***6*** (***18***) ***февраля***) и его похоронах (***9*** (***21***) ***февраля***): «Смерть эта, в настоящих обстоятельствах — бедственна. — Причины нет предполагать, чтобы от этого изменились воззрения правительства на вопрос освобождения — но Вы сами знаете, как много зависит от личностей». Надеется, что на место Ростовцева никто не будет назначен, а работа редакционных комиссий закончится, как ему сказали, коллегиально, «тем более, что работы эти уже весьма продвинуты». В то же время обеспокоен ходом дел: «Трудно предвидеть — к какому окончательному результату придет все дело: кажется, умеренный надел восторжествует — хотя многие не желают этого». Подробно расска-

зывает, какие меры принял в своих имениях в преддверии реформы: «Я у себя в деревне уже покончил дело: отрезал крестьянам к одному месту землю по прежнему их владению и назначил им оброка по 3 р. сер. с десятины, безо всяких других повинностей. Переселяться я никого не заставлял — но желающим выдавал сруб и все нужное для постройки безденежно, оставляя им владение старыми коноплянинками на три года. — Эта мера увенчалась успехом, даже слишком полным: я рассчитывал, что они будут переселяться исподволь, в два, три года, а они пожелали переселиться почти все вдруг, что мне стоило немало денег. Но я уже не хотел отступаться от своего слова. — Остальную (господскую) землю я в двух имениях буду обрабатывать вольным трудом — а в прочих имениях буду отдавать внаймы». Предполагает, что потеряет в первый год более четверти своего дохода, но надеется, что со временем результаты вольного труда и «употребленного капитала» восполнят потери. Пока работников найти нетрудно и они просят не много. Не знает, как будут выплачивать оброк крестьяне, которые неохотно соглашаются на круговую поруку. Выражает надежду, что предпринятыми мерами облегчил себе «переход в новый быт». Сообщает, что многие помещики в округе перевели крестьян с барщины на оброк. Рассчитывает, что правительство, разочтя оброк на 5%, выдаст облигации по 60 р. за десятину. Хотел бы прочесть две последние брошюры Тургенева (очевидно, «О суде крестьян и о судебной полиции» (1860) и «Un dernier mot sur l'émancipation des serfs» («Последнее слово об освобождении крестьян», 1860)), но не может придумать, как получить их, поскольку ввоз заграничных изданий ограничивался строгой цензурой, в особенности когда речь шла о политических эмигрантах. Очень хотел бы узнать мнение Тургенева о своей последней повести «Накануне», напечатанной в *РВ*. Не зная номера дома на Rue de Lille, где живет семья Тургеневых, посылает это письмо через дочь.

Дата прошения Полонского на имя Тютчева о зачислении его на должность секретаря Комитета цензуры иностранной (см.: *Тютчев. Летопись.* Кн. 2. С. 349), зачислен на службу 9 (21) марта (Там же. С. 351). За Полонского перед Тютчевым ходатайствовал Т. (см. ***Между 6 (18) декабря и 25 декабря 1859 (6 января 1860)***).

Январь ст. ст. (до 14) или между 9 (21) и 11 (23) февраля. Вечером вместе с Анненковым и Дудышкиным навещает Случевского в доме его матери на Гончарной, знакомится с его младшим братом Владимиром.

По воспоминаниям Случевского (который ошибочно относит этот визит к концу января 1860, когда Т. был в Москве), «П. В. Анненков и С. С. Дудышкин приехали ко мне часов в девять, один вслед за другим, и ожидали Тургенева, почему-то запоздавшего. <...> Крепкий, энергичный, с зычным голосом и здоровым цветом лица — Анненков являлся значительным контрастом со скромным, как бы неловким Дудышкиным и его изжелта-бледным лицом. <...> Разговор шел на разные темы, главным образом между Анненковым и Тургеневым, а Дудышкин вмешивался в него чрезвычайно редко. / Помню, я был крайне поражен тем, что, сознавая, что причиною их появления у меня были мои стихи, они со мной именно о стихах ничего не говорили. Это меня не только удивляло, но даже смущало; почти ничего не говорили о “Современнике”, судьба которого в эти годы была поистине замечательна, так как выход каждого номера в свет являлся крупным событием петербургской жизни. Говорили больше о посторонних вещах и, между прочим, о только что начавшей действовать Николаевской железной дороге. Вспомнили Николая I и Клейнмихеля и как он сразу слетел. В значительной степени доставалось <...> тогдашнему интендантству, грехи которого после Крымской войны всплыли один за другим и поражали теми широкими основаниями, на которых они практиковались. Говорилось очень много о Севастополе, в котором ни один из трех названных лиц не бывал, но рассказами о котором преисполнено было общество и еще недавно обогащена литература в чудеснейших рассказах графа Льва Толстого. Наконец, как бы сама собою, речь перешла к охоте и к охотникам. Несколько насмешливых слов Анненкова, одобренных молчаливой улыбкой Дудышкина, вызвали Ивана Сергеевича на разговор, и он начал вспоминать о том, чего недописал в своих “Записках охотника”». Далее Т. рассказал несколько охотничьих историй, в том числе случай на охоте с «Ермолаем» (Алифановым), когда ему на грудь бросился «громадный заяц» (что являлось дурной приметой) и после этого опрокинулась бричка и Т. «сломал себе ключицу» (хотя Случевский тут же признается, что не помнит точно, что именно себе сломал Т.) (см.: *Случевский К. К.* Одна из встреч с Тургеневым // Случевский К. К. Новые повести. СПб., 1904. С. 95—107).

***11* (*23*) *февраля*. Четверг**. Утром пишет Майкову, призывая его написать ст-ние для третьих чтений в пользу Литературного фонда, которые Комитет поручил ему подготовить: «Без Вас дело не пойдет как следует: Вы видите, как публика Вас любит». Извиняется, что по нездоровью не может сам нанести визит Майкову. Приглашает на завтра на блины в 4 часа. Сообщает, что третье чтение намечено в начале второй недели поста (см. ***23 февраля* (*6 марта*)**).

Утром сообщает Некрасову, что Случевский принес три ст-ния («Ночь весны», «Снега» и «Вечер на Лемане»), из которых два «ре-

шительно отличных — или я дурак». Считает, что их следует поместить в *Совр* вместе с другим ст-нием того же автора — «Бандурист» (Некрасов согласился с мнением Т. и опубликовал все названные ст-ния в № 2 *Совр* за 1860).

Утром в п. к приехавшему накануне из Москвы Островскому просит прислать комедию «Свои люди — сочтемся», отметив в тексте то, что было читано в Москве ***28 января*** (***9 февраля***), чтобы передать ее в цензуру. Приглашает назавтра на обед к себе, приглашает также брата Островского сенатора М. Н. Островского.

Вечером присутствует на костюмированном балу у вел. кн. Елены Павловны (см.: *Трубецкая О.* Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. М., 1904. Т. 1. Кн. 2. С. 148), после чего состояние Т. резко ухудшилось. На балу встречает чету Черкасских и гр. И. К. Ламберта.

12 (***24***) ***февраля***. **Пятница**. В п. к Карташевской благодарит ее за подарок (неизв.), который обещает надеть.

В п. к Краевскому обещает «завтра» прислать статьи о Кашперове и виолончелисте К. Ю. Давыдове (Давидове). См. ***19 февраля*** (***2 марта***).

Фрагмент о Кашперове, опубликованный в *СПбВед*, был включен в *ПССиП*(*1*) *и ПССиП*(*2*), однако часть ст., посвященная Давыдову, в собрание сочинений не попала (текст ее см.: *Герашко Л. В.* Тургенев и К. Ю. Давыдов: Новые материалы (Дополнения к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева) // *НИиМ* (*2*). С. 356—357). Здесь высказано предположение, что Т. мог познакомиться с Давыдовым в Германии во время его гастролей. Возможно, Т. повторил публикацию этих двух заметок в *МВест* (№ 5, 6).

Спрашивает, не желает ли Краевский приобрести для *ОЗ* ст. Ржевского «О централизации и самоуправлении», о которой автор написал ему, что она «объемом четыре печатных листа и вся оригинальная, безо всяких вставок и заимствований, и наполнена намеками на современные обстоятельства»; просит сообщить, нужна ли такая статья и готов ли Краевский заплатить за нее 1000 р. сер., а если нет, то сколько готов заплатить: «А статьи Ржевского все дельны и производят впечатление». Ответ Краевского был, очевидно, отрицательным, и Ржевский передал ст. в *РВ*, где она вышла под заглавием «Взгляд на теорию бюрократической администрации» (1860. № 10).

Посылает кн. Черкасскому, по его просьбе, для его родственницы гр. Протасовой последний оттиск романа «Накануне» и просит его вернуть по прочтении. Очевидно, откликаясь на какие-то оценки

в неизв. п. Черкасского, пишет: «Но что Вы делаете? Разве Вы не знаете, что я безнравственный писатель? Что если и гр. Протасова придет в негодование?».

Островский обедает у Т.

Дата п. гр. Ламберт с выговором за выезд на бал к вел. кн. Елене Павловне, где оказался муж графини и рассказал ей, что встретил там Т.: «Вы ребенок, который должен непременно жениться, хоть бы на какой-нибудь Аннушке, для того чтоб она во время болезни удержала Вас от подобных fugues. Хотела я подобрать посильнее слово *да не хочу* — Вы, пожалуй, вообразите, что я ревную к балам в<еликой> кн<ягини> (впрочем, дружба может вмещать такие скверные, хоть естественные чувства) <...>». Не хочет видеть Т., пока доктор не позволит выезжать (*Granjard.* P. 81).

Дата п. Плещеева к Добролюбову, содержащего высокую оценку романа «Накануне»: «Большинство будет им недовольно; но я не на стороне большинства. По-моему, этот роман гораздо шире по концепции, чем “Гнездо”. Есть места до бесконечности поэтические» (*РМысль.* 1913. № 1. Отд. 2. С. 141).

Дата п. Фета к Толстому с просьбой высказать свое мнение о романе Т.: «Прочтите “Накануне” и скажите мне, что это?» (*ЛН.* Т. 103. Кн. 2. С. 22). Отклик Толстого см. ***23 февраля*** (***6 марта***).

13 (***25***) ***февраля***. **Суббота**. Утром пишет Карташевской, по-видимому в ответ на приглашение посетить ее, что он «не выезжает» и собирается выезжать только после разрешения доктора. Надеется увидеться либо у нее, либо у ее брата Макарова.

Утром посылает кн. Черкасскому записку с отказом от приглашения на обед: «Я всю ночь прокашлял — и теперь мне не совсем хорошо». Намекая на костюмированный бал у вел. кн. Елены Павловны (см. ***11*** (***23***) ***февраля***), пишет: «Довольно и одной неосторожности».

Отвечает по-франц. на п. бар. Раден (неизв.) с просьбой прислать роман «Накануне»: «...надеюсь, что вы примете его благосклонно, хотя это еще не значит, что по прочтении вы его не осудите. / Вы написали мне такую милую записочку, что я пожалел о том, что мы не можем чаще видеться <...>».

Предположительно посылает Краевскому для помещения в *СПбВед* заметки о Кашперове и Давыдове (см. ***12*** (***24***) ***февраля***).

Дата записи в дневнике М. Ф. Тютчевой: «Начали читать вслух новую повесть Тургенева “Накануне”» (см.: *Тютчев. Летопись.* Кн. 2. С. 349).

***14 (26) февраля*. Воскресенье**. Отказывается от приглашения Карташевской: «Увы! — мне не велено выходить <...> хотя мне действительно немного получше. Я масленицу прожил как Великий пост — авось мне великим постом будет масленица».

Отвечает утром на п. гр. Ламберт от ***12 (24) февраля***: «Вы очень хорошо делаете, что браните меня, милая графиня, и я очень Вам за это благодарен. Я немножко поплатился за мое легкомыслие». Говорит, что Здекауэр прописал ему рыбий жир и велел до вторника сидеть дома. Обещает по выздоровлении первым делом навестить Ламберт.

Получив записку, Ламберт тотчас пишет в ответ большое исповедальное послание, поблагодарив Т. за «холодное» п., но по существу упрекая его в невнимании: «...не думайте, добрый друг, чтоб я была на Вас сердита. — Я не писала бы к Вам — а в душе моей сохранилось бы какое-нибудь горькое чувство — теперь иные, *лучшие* времена! — В сердце моем закралась какая-то усталость, невозможность обижаться тем и другим — и успокоительная потребность обращаться к Тому, Который один знает то, что нам нужно в каждом случае нашей жизни. — Что может бедный человек для другого? — Какая бы ни была у него добрая душа — где ему знать безошибочно расположение и потребности ближнего своего, когда перед его глазами закрыта книга чужой души! Открывается ли она? — он, может быть, в ту минуту смотрит в другую сторону — или сам занят собой — своим горем, своим счастием. — Перед его невольной рассеянностью или холодностью закрывается эта книга — может быть навсегда» (*Granjard*. P. 82—83). Характеризуя личность Т. и оценивая его отношение к ней, Ламберт пишет: «...Вы не fat (фат — *франц.*), и есть в Вас (с основательной причиной) какая-то невольная и детская уверенность в своем собственном prestige (очаровании — *франц.*) — Вы слишком часто замечали, что Вами многие увлекались, и *боитесь*, что (вопреки Вашего желания) — это может случиться, к несчастью, и с такой особой, в которой Вы бы не хотели видеть других чувств, кроме искренней дружбы. Sirène charmante! (Очаровательная сирена! — *франц.*) — балованные дети как-то мило и дерзко уверены, что все должны их любить так, как они любимы матерьми и нянюшками» (Ibid. P. 83). Признается, что «холодное» п. «отозвалось болью» в ее душе, что она плакала в церкви. Благодарит же его за это п. потому, что человеку нужны «непрестанные — тяжелые или легкие удары»: «Иному счастье в пользу, а другому слезы <...>». Считает, что вина за недоразумение в их отношениях лежит целиком на ней: «Как-то не могу совершенно оторваться от

земли — все тянет к ней — к дружбе, горячей и молодой — все хочется ответы на все вопросы — еще живет ум — потребность понимать — желание считаться за какую-нибудь единицу в других сердцах».

Одна фраза из п. Ламберт в измененном виде вошла позже в роман «Отцы и дети»: «...жизнь во мне догорает трудно, как догорает тускло свеча в ночи на мраморном столе — свеча эта перед концом вспыхивает ярче, покуда не потухнет» (Ibid.).

Подробно рассказывает приснившийся ей сон, в котором она прощалась с жизнью и надеждами на счастье. Завершает п. следующими словами: «Прощайте, Вы теперь очень заняты и развлечены — а я вполне уверена, что все-таки, когда Вам приносят письмо от меня, Вам всегда весело — а подчас отрадно» (Ibid. P. 85).

Взволнованный и задетый полученным п., Т. тут же принимается за ответ: «Я не могу отвечать Вам сейчас, как бы хотелось, но не могу также не отвечать Вам хотя несколькими словами <...>». Оправдываясь, решительно отвергает упреки в избалованности и холодности, ссылаясь на свои недуги и возраст, а также на то, что в момент написания п. его комната была набита народом и он спешил: «И мне было горько, что я не могу выехать и быть у Вас — других чувств у меня не было». Отрицает упрек в том, что он «занят и развлечен», признается, что последний день масленицы проводит в одиночестве: «...я бы хотел быть у Вас — но так как это нельзя — то лучше быть одному»: «Женщины удивительные мастерицы читать между строками, но они иногда читают то, чего вовсе там нет. Я знаю, очень твердо знаю, что я люблю Вас крепко и неизменно — и Вы сами меня не собьете с этого убежденья». По поводу рассказанного графиней сна пишет: «Ваш сон удивительный — и я готов бы украсть его у Вас». Обещает написать «завтра» больше (см. п. к Ламберт от ***16*** (***28***) ***февраля***).

Не позднее середины февраля ст. ст. Маркович посылает Т. свою «работу» (по-видимому, повесть «Червонный король») с просьбой устроить в какое-нибудь издание. См. п. Маркович к Макарову от ***Начала марта*** и п. Т. к ней от ***20 марта*** (***1 апреля***).

15 (***27***) ***февраля***. **Понедельник**. Отвечает на неизв. п. Карташевской, очевидно, упрекнувшей его, что он не посетил ее в последний день масленицы, в то время как побывал ***11*** (***23***) ***февраля*** на бале у вел. кн. Елены Павловны: «Я действительно выехал и был на

бале у вел. княгини: это был мой единственный выезд — и в то же время это была великая глупость: я поплатился на другой день тем, что у меня опять кровь показалась горлом <...>. Мне захотелось увидеть цветы, красивых женщин, множество свечей и т. д. — и я, точно, увидал все это; но, видно, это уже не по моей части <...>». Надеется увидеть Карташевскую на следующей неделе. В ответ на традиционное прощение грехов в чистый понедельник пишет: «Разве только христианский обычай — а то и придумать невозможно, в чем Вы у меня можете просить прощения. Скорей я перед Вами виноват, хотя и то с натяжкой».

Пишет п. к Фету: «...переписываться с Вами для меня потребность — и на меня находит грусть, если я долго не вижу Ваш связно-красивый, поэтически-безалаберный и кидающийся из пятого этажа почерк». Сообщает вкратце новости о себе после возвращения из Москвы, где они часто виделись (болезнь, бал у вел. кн. Елены Павловны, встречи с приятелями). «Случевский написал еще три стихотворения, которые будут напечатаны в “Современнике” — из которых одно великолепно; два другие стихотворения, им не оконченные — замечательны: этот малый растет быстро: кажется, из него выйдет путь». Обобщает оценку романа «Накануне»: «Что касается до моей повести, то я еще не видывал примера такого полного “фиаско”; все ею недовольны — за исключением единственного Некрасова: это ручательство слабое. Что ж! надобно и это испытать в жизни; всё надобно испытать». Сообщает, что через неделю состоится третье чтение в пользу Литературного фонда (см. ***23 февраля*** (***6 марта***)), в котором примут участие Островский, Писемский, Майков и Полонский (или Некрасов). Вспоминает визиты к Фетам в доме Сердобинской, передает приветы Борисову, Н. Н. Толстому, Маслову, С. В. Энгельгардт. Спрашивает о новых стихах, сообщает, что из подборки «Из Гафиза» цензура выкинула «едва ли не лучшее стихотворение»: «Цензурные здесь дела нехороши: ветер опять задул с севера».

Предполагаемая дата п. гр. Ламберт к Т., ответ на п. от ***15*** (***27***) ***февраля***, в котором она извиняется за предыдущее п. с упреками за «холодность» (см. ***15*** (***27***) ***февраля***): «Я прочла пять раз Ваше письмо и открыла, что оно не только не холодно, а очень ласковое и сердечное — кто меня знает, с чего я это взяла быть этим письмом недовольной <...>» (*Granjard.* P. 86). Просит художественно оформить рассказанный ею в предыдущем п. сон, рассуждает о снах и значении их в жизни, добавляет некоторые детали к рассказанному, хотела бы видеть все это напечатанным.

***16 (28) февраля*. Вторник**. Деляновым подписано разрешение на третье чтение в пользу Литературного фонда в зале Пассажа в Петербурге (*ИРЛИ*. Ф. 155. Архив Литературного фонда. 1859–1860. Л. 43 об.).

В п. к гр. Ламберт сообщает, что доктор Здекауэр запретил на сегодня выезд и лишил возможности увидеться с нею («так бы мне хотелось увидеть Вас, посидеть с Вами, послушать Вас — и долго говорить с Вами о снах и обо всем на свете!»), обещает непременно воспользоваться рассказанным ею сном «с его дополнением»: «...сон этот удивительно хорош — и носит на себе ту правдивую жизненную печать, которой нет на всем (даже очень умно) выдуманном». Еще не знает, куда поместит его, во всяком случае не в ту повесть, которую теперь пишет («Первая любовь»): «Я чувствую, что в эту повесть Ваш сон не годится — этот звук, чистый и глубокий, не идет к тем звукам». Рассказывает о знакомстве с М. Н. Зубовой, которая захотела брать у него уроки русского языка и которой он предложил читать вместе Пушкина. Пишет, что вовремя вспомнил, что уже не молод и болен: «Нет, милая графиня — у меня только одно место здесь в Петербурге — Ваша комнатка: там хорошо сидеть нам, инвалидам <...>». Рассказывает о поэте Случевском, в стихах которого усматривает «зародыши великого таланта», хотел бы показать их Ламберт, поскольку очень верит в ее «критический и художественный инстинкт»: «Но *и* он, сколько мне сдается, материалист — в том смысле этого слова, которое принято между нами». Хвалит ее русский язык, но советует быть смелее, решаться «бить грамматику и синтаксис по носу — выйдет очень хорошо»: «То ли дело — возиться с этим молодым, свежим, неуклюжим, но здоровым языком. А французский язык, как неприятно-предупредительный лакей, забегает Вам навстречу и иногда заставляет Вас говорить *не совсем* то, что Вы думаете, что гораздо хуже, чем если б он заставлял Вас говорить совсем не то, что Вы думаете».

В п. к Леонтьеву дает оценку его повести «Второй брак» (опубл.: *БдЧ*. 1860. № 4): «...не дурна, читается легко — но не более: задумана она умно, с стремлением к простоте и ясности — лица правдивы — но жизненности, красоты, движения мало; все это заменено каким-то авторским, игривым, часто тонким, часто вычурным хитродушием; автор, видимо, рисует, старается и сам подсмеивается — а в результате выходит что-то холодное, бескровное и бледное». Задает вопрос: а художник ли Леонтьев и отвечает, «кладя руку на сердце и взвешивая свои слова», «ни да — ни нет». Не хочет мешать работе и советует продолжать писать, «пока <...> не будут выходить

живые образы». Советует попробовать писать критические и эстетические этюды (см. ***Между 11 (23) апреля и 20 апреля (2 мая)***). Сообщает, что *БдЧ* готова предложить за повесть 50 р. сер. за лист и выслать деньги вперед, но собирается показать повесть в *Совр* и в *ОЗ*: «...если кто даст больше, я так и распоряжусь» (см. ***22 апреля (4 мая)***). Просит не обижаться за резкость п.

В записке к Мею, приглашавшему на неизв. субботнее мероприятие, сообщает, что пока не выезжает, но, если доктор позволит, приедет.

После 16 (28) февраля. Недатированное п. гр. Ламберт (ответ на п. Т. от ***16 (28) февраля***) с отзывом о романе «Накануне», которое начинается словами: «Не пугайтесь / Мой друг, мой брат, мой милый! / Вот единственные слова, которые меня потрясли, запали в сердце, когда я прочла Вашу повесть — я не упоминаю о прекрасных картинах, описаний, разговоров. — Это все не есть душа книги, а плоть и кость <...> Вы доверяете моему вкусу — это много чести для меня. <...> В этой повести есть *Ваши* слезы. — Вы мне это сказали, — как же они не выразились, не отпечатались в ней — и все потому, что в Елене мало женственности — бойкая барышня — повторяю. Мы привыкли к той мысли, что добродетель должна быть угнетена или по крайней мере скромна и застенчива; — оттого недоразумения так скверно выходят в жизни; а так прекрасно в романах. Читатель любит покровительствовать, плакать, сожалеть о героях — он желал бы им помочь и вывести из беды, а если нельзя, по всемогущей воле автора, читателю приятно потужить о них. — В Вашей повести героиня выполняет роль читателя (особенной услужливостью), а героиня сама такого характера, что за себя постоит — и благо живете — умирайте, нам какое дело» (*Granjard.* P. 89). Спрашивает Тургенева, какую повесть он пишет теперь: «Несколько отшатнулись Вы от “Дворянского гнезда” — мне нравилось то направление, по которому Вы шли тогда — это, может статься, была только зарница в летней южной ночи, при свете которой мы видели, на мгновение, другие небеса, другой горизонт — и опять повисло над нами то небо, подернутое тучами, опять кругом нас та же атмосфера теплая, влажная, та же тема земного счастья, которая охватывает нас, наводя на страстные и грешные мысли» (Ibid. P. 89—90). Просит рассказать при встрече московские впечатления о «русской итальянке» Зубовой (см. п. к Ламберт от ***16 (28) февраля***), «которая Вам так понравилась. — Унесла она опять Ивана Сергеевича в тот мир обаянья, из которого так трудно вырваться». Делится впечатле-

ниями от ст-ний Случевского: «...да — он материалист — да еще какой — без малейшей примеси душевного чувства». По поводу своего русского языка признается, что училась мало, писала под диктовку поэмы Пушкина: «о других поэтах вряд ли мы слышали» (Ibid. P. 90).

17 (29) февраля.* Среда**. Присутствует на заседании (№ 13) Комитета Литературного фонда, где принято решение о назначении ежегодной пенсии вдове Белинского (600 руб.). В этот же день Комитет выносит благодарность Фету, Островскому, Лонгинову, М. Я. Киттары и Основскому «за их искреннее сочувствие и деятельное участие при устройстве в Москве вместе с И. С. Тургеневым литературного чтения в пользу Общества», состоявшегося ***25 января (6 февраля) (см.: *РНБ.* Ф. 438. № 1. Л. 39). Объявлена также благодарность комиссии, назначенной для устройства литературных чтений в Петербурге, и в особенности двум ее членам: Т. и Краевскому, «на которых преимущественно падали заботы и распоряжения по этому делу» (Там же. Л. 40 об.). По предложению Писемского и Вейнберга, решено «устроить на Фоминой неделе один или два спектакля в пользу Общества», с этой целью создана комиссия, в которую включены также Дружинин и Т. (Там же. Л. 41 об.). См. ***14 (26) апреля*** и ***18 (30) апреля***.

19 февраля (2 марта).* Пятница**. К Т. заезжает Некрасов, чтобы отобрать ст-ния для чтений ***23 февраля (6 марта) в пользу Литературного фонда (см. ниже п. к Ег. П. Ковалевскому).

Мнение о том, что Некрасов мог передать Т. рукопись ст. Добролюбова о «Накануне» (см., например: *Панаева (1972). С. 445*, примеч. 2. Коммент. Г. В. Краснова), основывающееся на ошибочной датировке п. Некрасова к Чернышевскому, ранее датировавшегося 19 февраля (2 марта) 1860 (см.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1952. Т. 10. С. 413), было убедительно опровергнуто (см.: *Костомарова И. А.* К вопросу о датировке записки Н. А. Некрасова Н. Г. Чернышевскому // Филологические науки. 1971. № 6. С. 30). Учтено: *Некрасов.* Т. 14. Кн. 2. С. 12. В недатированном п. к Чернышевскому Некрасов писал: «Я прочитал статью и отдал ее Тургеневу. Вы получите ее от него часу в 9-м сегодня. Я вымарал много, но иначе нельзя, по моему мнению. Припишите что-нибудь в конце. Ваш Н. Некрасов. / Бекетов заходил к Тургеневу и сказал ему, что он статью не пропустит, но это вздор — завтра мы к нему отправимся». Ныне п. Некрасова датируется 28 марта ст. ст. 1856, речь в нем идет о 4-й части ст. Чернышевского «Очерки гоголевского периода».

В п. к Ег. П. Ковалевскому сообщает, что «сейчас» к нему заехал Некрасов и они выбрали «пять *безобидных* стихотворений (новых у него нет — а “Сашу” мы оставим до другого чтения) — а именно: “Свадьба”, “Несжатая полоса”, “Школьник”, “Нравственный человек” и “Княгиня”». Приглашает заехать вечером и выбрать два ст-ния из пяти. Просит не откладывать приезд, чтобы не опоздать с прохождением через цензуру.

Дата записки цензора Бекетова к Добролюбову по поводу его ст. о романе «Накануне» («Когда же придет настоящий день?»): «Критика такая, каких давно никто не писал и напоминает Белинского. Пропустить ее в том виде, как она составлена, решительно нет никакой никому возможности. <...> Напечатав так, как она вылилась из-под вашего пера, по убеждению, значит, обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да и не поздоровилось бы и другим» (Заветы. 1913. № 2. С. 96).

Предположительно Бекетов заносит ст. Добролюбова к Т. Ознакомившись с нею, Т., очевидно, пишет записку к Некрасову с просьбой не печатать ст. в *Совр.* (см. ***19 или 20 февраля*** (***2 или 3 марта***)), заходит к нему и либо не застает его дома, либо решает послать для переговоров Колбасина. Таким образом, Т. мог познакомиться с первой редакцией ст. Добролюбова, которая существенно отличалась от напечатанной в *Совр.* См. также ***31 марта*** (***12 апреля***).

Мы не разделяем мнения В. Э. Боград, высказанного в комментариях к ст. Добролюбова (см.: *Добролюбов.* Т. 6. С. *492—493*), о том, что, перепечатывая уже после смерти Добролюбова ст. в сборнике 1862, Чернышевский полностью восстановил первоначальный текст, как он это сделал в отношении других статей, располагая рукописями. «...Если считать, что текст изд. 1862 г. не является первоначальным вариантом, то тогда необходимо признать наличие еще одного варианта, который является промежуточным между первоначальным и дошедшей до нас корректурой» (Там же). Нельзя признать убедительным тот аргумент, что корректуре предшествовал только первоначальный вариант. Напротив, свидетельства самого Добролюбова говорят о том, что после вмешательства в текст его ст. цензора Бекетова, вымаравшего «полтора листа, целую половину из статьи», он принял решение ее не публиковать (Там же. Т. 9. С. 402). Отказавшись печатать ст. в искаженном виде, Добролюбов послал ее (в рукописи или в корректуре) друзьям для распространения и даже получил предложение от Плещеева напечатать ее в газ. *МВест.* Однако в первой половине марта он уже сообщает Славутинскому: «У Вас в руках статейка моя о Тургеневе. Пожалуйста, не распространяйте ее, чтобы шуму не было. Я ее переделал и представил опять в цензуру; благодаря тому, что у нас цензор теперь другой (им стал Ф. И. Рахманинов. — *Ред.*), она пропущена. Впрочем, вторая

половина получила совсем другой характер, немножко напоминающий начало Вашего обозрения. Что делать...» (Там же. С. 409). Тот факт, что первоначальная редакция ст. Добролюбова до нас не дошла, не вызывал сомнения у комментаторов Полного собр. соч. Чернышевского (см.: *Чернышевский.* Т. 1. С. 813, примеч. 3). Очевидно, Некрасову удалось уговорить Добролюбова смягчить ряд положений ст., чем последний, разумеется, был недоволен. Из сказанного следует, что новому цензору была представлена новая редакция ст. Вполне вероятно, что, отослав рукопись в Москву и не получив ее обратно, Добролюбов записал вторую редакцию, о чем он прямо пишет в приведенном п. к Славутинскому. Очевидно, была набрана и новая корректура. Что касается сходства второй половины ст. с «обозрением» Славутинского, то о нем Добролюбов писал в том же п.: «И вдруг Вы начинаете гладить современное общество по головке, оправдывать его переходным временем (да ведь других времен, кроме переходных, и не бывает, если уж на то пошло), видеть в нем какое-то сознательное и твердое следование к какой-то цели!.. <...> Я привык находить в Вас строгий и печально-недоверчивый взгляд на всякого рода надежды и обещания. А тут у Вас такой розовый колорит всему придан, таким блаженством неведения все дышит, точно будто бы Вы в самом деле верите, что в пять лет <...> с нами чудо случилось, что мы поднялись, точно сказочный Илья Муромец... Точно будто в самом деле верите Вы, что мужикам лучше жить будет, как только редакционная комиссия кончит свои занятия <...>» (*Добролюбов.* Т. 9. С. 407—408). Предлагая заменить это «розовое» начало обзора предисловием от редакции, Добролюбов фактически призывал к революции: «У нас другая задача, другая идея. Мы знаем (и Вы тоже), что современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие хоть в той части общества, какая доступна нашему влиянию, мы должны действовать не усыпляющим, а совсем противным образом. <...> надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи <...>» (Там же. С. 408). Можно предположить, что и в первоначальной редакции ст. о «Накануне», в особенности в первой ее части, содержались подобные призывы, а изменения, внесенные во вторую редакцию, менее всего касались оценки романа Тургенева. Впрочем, ряд прямых и косвенных выпадов против Т. в публикациях Добролюбова, как в *Совр*, так и особенно в прилагавшемся к нему «Свистке», не оставался не замеченным писателем и побудил его ошибочно считать именно Добролюбова, а не Чернышевского, автором неподписанной ст. о Готорне (см. ***18*** (***30***) ***июня***).

Пишет записку к гр. Ламберт о том, что получил ее п. и перевод Буле (см. ***1*** (***13***) ***февраля***), в то время как сидел за столом со своими

так называемыми приятелями (очевидно, Некрасовым и Ег. П. Ковалевским). Не может отвечать так, как хотел бы, но обещает «завтра вечером» надеть респиратор и навестить графиню.

В № 38 *СПбВед*, редактором которых был Краевский, в музыкальном обзоре «Искусства» напечатана включенная в него заметка (ст.) Т. о композиторе Кашперове и виолончелисте К. Ю. Давыдове (Давидове) (см. ***12 (24) февраля***). В своей заметке Т., в частности, писал: «Другой наш соотечественник, пожинающий лавры за границею — г. Давидов, москвич. Мы слышали, что в течение поста он приедет в Петербург с намерением дать здесь несколько концертов. Г-н Давидов только что окончил музыкальное путешествие по главным городам Германии — и упрочил за собою славу одного из первых современных виолончелистов».

Дата п. Плещеева к Барановскому, в котором пишет о романе «Накануне»: «По концепции он гораздо шире “Дворянского гнезда”, а поэзии в нем столько же. Впечатление оставляет сильное, а главное — заставляет крепко призадуматься. Но такого повсеместного и единогласного успеха этот роман не может иметь, как имело “Гнездо”, по многим причинам. Зато все живое, молодое и мыслящее будет на стороне Тургенева» (цит. по: *Шестидесятые годы*. С. 458).

19 или 20 февраля (2 или 3 марта)*. Пятница или суббота**. Предположительная дата записки к Некрасову с убедительной просьбой не печатать в *Совр* ст. Добролюбова о «Накануне» («Когда же придет настоящий день?»): «*Убедительно тебя прошу*, милый Н<екрасов>, *не печатать этой статьи*: она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка — я не буду знать, куда деться, если она напечатается. — Пожалуйста, уважь мою просьбу. — Я зайду к тебе». См. ***19 февраля (2 марта), ***31 марта (12 апреля)***.

На деле, по просьбе Т., с Некрасовым объяснялся Е. Я. Колбасин (см. ***20 февраля (3 марта)***). По воспоминаниям Панаевой, Некрасов, испугавшись потерять такого сотрудника, как Т., жаловался ей: «Тургенев сейчас прислал ко мне Колбасина с просьбой выбросить из статьи все начало. Я еще не успел ее прочитать. По словам Тургенева, переданным мне Колбасиным, Добролюбов будто бы глумится над его литературным авторитетом, и вся статья переполнена какими-то недобросовестными, ехидными намеками» (*Панаева* (*1972*). С. 272–273). Мемуаристка отметила свое недоумение, почему Т. прибегнул к посреднику, а не приехал объясняться сам.

По воспоминаниям Панаевой, которые следует воспринимать критически, корректурные листы ст. Добролюбова «Когда же придет на-

стоящий день?» (под измененным по требованию цензуры заглавием «Новая повесть г. Тургенева» опубл.: *Совр.* № 3) сам цензор Бекетов отвез Т. «из желания услужить» (*Панаева* (*1972*). С. 273). Панаева же передает разговор между нею и Некрасовым по этому поводу, в котором она осудила поступок цензора, а Некрасов возразил: «Дело идет не о цензоре, а о требовании Тургенева выкинуть все начало статьи... нельзя же ссориться с ним!». На это Панаева якобы возразила: «А вы находите, что с Добролюбовым можно? <...> Он, наверно, не захочет признать за Тургеневым цензорские права над своими статьями». В изложении Панаевой Некрасов был скорее склонен уступить Т. и склонить Добролюбова к переделке ст., а сам Добролюбов возмущен «генеральским» поведением Т. и уступчивостью Некрасова. По словам Панаевой, Некрасов дважды заезжал к Т. и, не застав его дома, оставил п. (неизв.), на которое получил ответ, состоящий из одной фразы: «Выбирай: я или Добролюбов» (такое п. также неизв.). Послав Панаеву к Добролюбову в качестве «парламентера», Некрасов просил последнего снять ст., на что критик ответил решительным отказом и, в свою очередь, пригрозил выйти из состава *Совр* (Там же. С. 274—275). Панаева передает также инцидент в театре, рассказанный Панаевым: «Никакого соглашения не может быть с Тургеневым. Я был в театре, и там мне говорили, как о деле решенном, что Тургенев не хочет более иметь дела с “Современником”, потому что редакторы дозволяют писать на него ругательные статьи... Анненков накинулся на меня с пеной у рта, упрекая в черной неблагодарности, что единственно одному Тургеневу мы обязаны успехом журнала; что мы осрамили себя, дозволив нахальному и ехидному мальчишке писать ругательства о таком великом писателе, как Тургенев! Я не мог уйти от него, потому что в проходе была толпа, а Анненков воспользовался этим и нарочно громко говорил, чтобы все его слышали... Я только тем заставил его замолчать, когда сказал ему, что он, верно, за обедом выпил много шампанского, что так кричит в публике» (Там же. С. 276). Описывая реакцию издателей *Совр* на поведение Т., мемуаристка приписывает его друзьям распускание сплетен о Панаеве, которые роковым образом повлияли на здоровье последнего. См. также ***31 марта*** (***12 апреля***).

20 февраля (***3 марта***). **Суббота**. Утром посылает Е. Я. Колбасину, очевидно, по его просьбе, 70 р. сер. и в сопроводительной записке пишет: «Догадываюсь, что было у Вас с Некрасовым, и очень сожалею, что Вам как будто хуже», имея в виду состоявшийся между Некрасовым и Колбасиным разговор о возможности отвода или переделки ст. Добролюбова (см. ***19 или 20 февраля*** (***2 или 3 марта***). Вероятно, Колбасин известил Т. о готовности Некрасова сократить или переделать начало ст. Добролюбова), хотя не исключено, что у Колбасина с Некрасовым мог быть разговор на другую

тему. Извиняется, что не может зайти к Колбасину сам, поскольку ему запрещено врачом выходить из дому.

Возможно, наносит визит гр. Ламберт (см. ***19 февраля*** (***2 марта***)).

22 февраля (***5 марта***). **Понедельник**. Обедает у кн. Черкасского (см.: *Трубецкая* О. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. М., 1904. Т. 1. Кн. 2. С. 150).

Начинает отвечать на коллективное послание Фета и Борисова (неизв.), однако прерывает п. на первой фразе и возвращается к нему лишь неделю спустя. См. ***29 февраля*** (***12 марта***).

Выходит № 2 *Совр* (ценз. разрешения 22 и 23 февраля 1860); в нем — начало романа Гончарова «Обрыв» (под заглавием «Софья Николаевна Беловодова (Пять (В действительности четыре. — *Ред.*) глав из романа “Эпизоды из жизни Райского”»). Отклик Т. см. ***22, 29 февраля*** (***5, 12 марта***).

Дата п. Добролюбова к Славутинскому, в котором он жалуется на ужесточение цензуры со стороны Бекетова: «У меня в прошлом месяце запретили статью о духовенстве <...>. В нынешнем Бекетов вымарал полтора листа, целую половину из статьи о новой повести Тургенева («Накануне». — *Ред.*); я, разумеется, статью должен был бросить. А он пренахально спрашивает: отчего же я не хотел печатать свою статью!» (*Добролюбов*. Т. 9. С. 401—402). См. ***19 февраля*** (***2 марта***) и ***19 или 20 февраля*** (***2 или 3 марта***).

23 февраля (***6 марта***). **Вторник**. Отвечает на неизв. п. Карташевской, на которое «мудрено отвечать на бумаге». Надеется, что «завтра» ему позволят выехать, но поскольку Карташевская говеет, то на встречу с ней не рассчитывает. Признается, что как правдивый человек не может отвечать тем, чем бы следовало, «а всё остальное не нужно». Советует быть спокойной и думать о своем здоровье.

В рекомендательном п. к Д. Я. Колбасину просит принять подателя его Горбунова, который едет на неделю в Новгород и желал бы остановиться у адресата. Сожалеет, что отсутствовал в Петербурге, когда приезжал Колбасин.

В зале Пассажа проходят третьи литературные чтения в пользу Литературного фонда, на которых Островский читает (с небольшими купюрами) комедию «Свои люди — сочтемся», Писемский — рассказ «Старая барыня», Майков — ст-ние «Последние язычники»

и «Ниву» (по требованию публики), Некрасов — ст-ния «Школьник» и «Свадьба» (см.: *Совр.* 1860. № 3. Отд. «Современное обозрение». С. 208—209; Бирюч петербургских театров. 1919. № 13—14. С. 152). Т. на этих чтениях не выступал. См. также ***27 февраля*** (***10 марта***).

Боткин пишет Фету из Парижа по поводу его намерения купить землю у Т. неподалеку от Спасского: «...хочу похвалить тебя за твою мысль купить земли у Тургенева и выстроить себе Эрмитаж. Мысль во всех отношениях отличная, только не забудь, что Эрмитаж без реки никуда не годится, а сколько мне помнится, у Тургенева реки нигде нет. Это непременно прими к соображению. Ты не можешь себе представить, с каким нетерпением я жду прочесть его “Накануне”» (*Фет/Боткин.* С. 285). Боткин ошибся: деревня Кальна, о которой шла речь, располагалась на р. Снежедь, притоке Оки. Пишет, что получил п. от Т. (неизв.), в котором тот сообщал о возобновлении работы Толстого над «кавказским романом» (повесть «Казаки»). Из того же п. Боткин узнал, что Т. собирается в Париж в конце апреля.

Откликаясь на просьбу Фета (см. ***12*** (***24***) ***февраля***), Толстой сообщает ему свое впечатление от романа «Накануне»:

> «Вот мое мнение: писать повести вообще напрасно, а еще более тем людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни. Впрочем, “Накануне” много лучше “Дворянского гнезда”, и есть в нем отрицательные лица превосходные — художник и отец. Другие же не только не типы, но даже замысел их, положение их не типическое, или уж они совсем пошлы. Впрочем, это всегдашняя ошибка Тургенева. Девица — из рук вон плоха — *ах, как я тебя люблю... у ней ресницы были длинные...* Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при царе Горохе и при Гоголе (да и еще надо сказать, что, ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело, а не так, как одержимый хандрою и диспепсией Тургенев). Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повести, несмотря на то, что она успеха иметь не будет» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 339).

25 февраля (***8 марта***). **Четверг**. Плещеев в п. к Добролюбову просит от имени Павлова прислать ст. о «Накануне», чтобы напеча-

тать ее в *МВест* (*Добролюбов. Летопись.* С. 246; *РМысль.* 1913. № 1. Отд. 2. С. 144). См. ***19 февраля*** (***2 марта***).

Дата п. Бакунина к Анненкову из Томска, которое передает со Спешневым, аттестуя его как «человека, с которым Вам приятно будет познакомиться» и который готов познакомить Анненкова с гр. Муравьевым-Амурским, «человеком, которого в последнее время *подлецы* Завалишин и Петрашевский старались замарать всячески, — но который, по моему *трехлетнему* опыту и твердому убеждению, и по сердцу и по уму и по делам и по направлению и по всему, чего от не<го> должно ожидать в будущем, один из лучших и *необходимейших* людей в России. — Я бы очень желал, чтоб *Вы* с ним познакомились — а там как знаете». На предыдущее п., посланное два года назад (неизв.), не получил ответа. Сообщает, что женился и живет в Иркутске: «...служил в Амурской компании, — но Амурская компания лопается, если уже не лопнула — а я опять ищу места и занятий для содержания жены и себя». Рассчитывает на помощь Муравьева-Амурского, который обещал выхлопотать ему право возвращения в Россию. В случае успеха надеется увидеться в «будущую зиму»: «...я никогда не забуду, что Вам отчасти я обязан свободою — жизнию — Вам и графу Толстому». Надеется на ответ, просит сообщить свой «прямой» адрес и рекомендует справиться об адресе у Спешнева или Кавелина, либо «писать прямо» на имя М. С. Корсакова в Иркутск, указав имя Бакунина на внутренней стороне конверта, либо «через курьеров» (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 20. Л. 1—1 об.).

Содержание п. Анненков сообщил Т., который также познакомился со Спешневым (см. ***Март — 17*** (***29***) ***апреля***).

27 февраля (***10 марта***). ***Суббота.*** В зале Пассажа повторно проходят литературные чтения, состоявшиеся ***23 февраля*** (***6 марта***).

Панаев отмечает в «Заметках Нового поэта»: «На третьем литературном вечере (23 февр.) в пассаже так же, как и на двух первых, было многочисленное стечение публики. Зала не могла вместить всех желавших, и потому чтение это было повторено 27 февраля» (*Совр.* 1860. № 3. Отд. «Современное обозрение». С. 208).

28 февраля (***11 марта***). **Воскресенье**. Фет в п. к Толстому оценивает его высказывания о «Накануне» как «причудливо-капризноносовздернутые» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 341). См. ***23 февраля*** (***6 марта***).

29 февраля (***12 марта***). **Понедельник**. Продолжает ответ на коллективное послание Фета и Борисова (неизв.), начатый ***22 февраля*** (***5 марта***). Сообщает, что стал много выезжать, «по милости респиратора, сиречь намордника», сделал много новых и интересных знакомств, о которых собирается рассказать друзьям уже в Спасском. Сожалеет, что дважды заходивший к нему и не заставший его дома Н. Н. Толстой не оставил своего адреса. В неизв. п. Фета и Борисова речь шла об имении Т. Кальна, которое Фет собирался купить у него, чтобы заняться там сельским хозяйством, оставив литературные занятия (см. п. Боткина к Фету от ***23 февраля*** (***6 марта***)). Характеризуя его, Т. пишет: «Теперь надо сказать несколько слов о *Кальне.* Дядя пишет мне, что он сообщил вам опись этого имения в подробности (п. Н. Н. Тургенева неизв.). Цена, им назначенная, мне кажется велика — и мы об этом переговорим: общий залог Кальны с другими деревнями не может сделать затруднения; был бы капитал. Мы также переговорим о том, не продать ли Вам одну господскую землю (с мельницей и т. д.), если это возможно — для того чтобы не затруднять Вас отношениями с крестьянами, посаженными на оброк. — Посмотрите сами, понравится ли Вам место и т. д.». Сообщает, что доктор посылает его в мае за границу, но сам он хочет встретить весну и провести месяц в деревне.

Хвалит присланные переводы Фета из Гафиза («на сей раз очень хороши»), советует исправить один стих в ст-нии «Терзают грудь земли, и, посмотри, она...». Сообщает, что чтения в пользу Литературного фонда идут успешно. Рассказывает, что Гончаров на днях прочел ему и Анненкову «удивительный отрывок» вроде «Сна Обломова» («Софья Николаевна Беловодова», опубл.: *Совр.* 1860. № 2), хотя героиня Беловодова ему не понравилась. О реакции на роман «Накануне» сообщает: «Моей повестью и здесь недовольны — но о ней много спорят и кричат: если б совсем молчали — было бы плохо. Есть и энтузиасты — но весьма мало». Имея в виду увлечение Толстого созданной им школой в Ясной Поляне и желание оставить литературу ради хозяйственной деятельности, пишет: «А Лёв Толстой продолжает чудить. Видно так уж написано ему на роду. Когда он перекувыркнется в последний раз — и станет на ноги?».

Январь — февраль ст. ст. В записке к Полонскому упрекает, что его невозможно застать дома, напоминает, что должен непременно уточнить (для цензора), какое ст-ние будет читать поэт на очередном литературном чтении (предположительно в пользу Литературного фонда), поскольку заявленное им ранее ст-ние «Для

немногих» «неудобно». Просит прийти к нему на квартиру «сегодня», до 9 ч. вечера.

Вечером Полонский предположительно навещает Т.

***2 (14) марта*. Среда.** Пишет на франц. языке рекомендательное п. к кн. Черкасскому для Пинто, называя его своим другом, надеется, что и Черкассскому он станет другом. Просит уважить просьбу Пинто, очевидно в подыскании работы. Надеется увидеть князя «на днях».

3 (15) марта*. Четверг.** Дата п. Гончарова к Т.: возвращает переданный ему роман «Накануне», из которого прочитал «всего страниц сорок»: «Дочитаю когда-нибудь после, а теперь боюсь задержать: у меня есть другое дело. / На обе эти повести, т. е. “Дворянское гнездо” и “Накануне” я смотрю как-то в связи, потому, может быть, что ими начался новый период Вашей литературной деятельности. Я даже беру смелость, судя и по тем сорока страницам, которые я прочел, заключить, каким чувством руководились Вы, когда писали и ту и другую вещь. / Извините, если скажу, что, не читая “Накануне”, я считал Вас слабее и всего того значения не придавал Вам, какое Вы приобретаете этою повестью, по крайней мере в моих глазах и некоторых других, может быть. Мне очень весело признать в Вас смелого и колоссального... “артиста”. Желаю, чтоб Вы продолжали и кончили литературную карьеру тем путем, на который недавно так блистательно вступили» (*Гончаров. Письма.* С. 327; *Гончаров и Т.* С. 36). Напоминает о творческом кризисе Т. в 1857, когда он уничтожил все свои планы и начинания и собирался отдаться только переводческой деятельности: «Я помню, что Вы однажды было приуныли и как будто опустили крылья, но талант, к всеобщей радости, не дал Вам покоя и благородные стремления расшевелились». Признается, что раньше недооценивал талант Тургенева: «По прежним Вашим сочинениям я и многие тоже не могли составить себе определенного понятия о роде Вашего таланта, но по этим двум повестям я разглядел и оценил окончательно Вас как писателя и как человека» (*Гончаров. Письма.* С. 327; *Гончаров и Т.* С. 36—37). Благодарит за «снисходительное, пристальное» внимание, с которым Тургенев выслушивает сочинения других и между прочим недавно выслушал и расхвалил «ничтожный отрывок все из того же романа («Обрыв». — *Ред.* См. ***29 февраля (12 марта)), который был Вам рассказан уже давно в программе» (Там же). Просит вернуть забытый у Т. носовой платок; отказывается участвовать в очередных чтениях Литературного фонда «по нездоровью».

Выходит № 48 *СПбВед*, где фельетон «Литературная летопись» практически полностью посвящен роману «Накануне» (С. 229–231).

«Редко когда появление литературного произведения возбуждало такие разноречащие суждения и споры, как новая повесть г. Тургенева. Одни, с важностью ученых знатоков, утверждали, что автор “Записок охотника” сделал шаг назад; другие превозносили его повесть до небес. Посреди дельных и основательных замечаний слышались самые нелепые толки, обнаруживавшие окончательное непонимание условий художественного произведения». К «неоцененным достоинствам» романа, по мнению автора ст., «принадлежат подробности, передавать которые *своими словами* невозможно, да и грешно. Первое впечатление <...> неотразимо. <...> “Это — соната Бетховена”, — сказал нам один знакомый, прочтя “Накануне”, и мы находим, что он не совсем неправ. Поэтичность, своего рода музыкальность, глубокая задушевность и теплота — так и брызжут из каждой почти страницы <...>». Образ Елены Стаховой называется «лучшим созданием» Т., «да и вообще лучшей русской женщиной, какую мы встречали в русской литературе со времени пушкинской Татьяны». Критиков, обвинявших героиню в безнравственности, автор ст. называет «поклонниками ложной нравственности», «Тартюфами в юбках и фраках». Образ Инсарова не произвел на критика должного впечатления, он не нашел в нем «живого укора нашей недеятельности» и не увидел причин, по которым его следует признавать «нашим образцом: он ничем фактическим не заявил своей деятельности; вся жизнь его была только приготовлением, стремлением» (С. 230).

4 (16) марта*. Пятница**. В п. к А. А. Оболонскому сообщает, что Комитет Литературного фонда принял решение ходатайствовать об освобождении родных Шевченко от крепостной зависимости (см. также ***21 марта (2 апреля) и ***10 (22) июля***). Просит прислать необходимые сведения для Кавелина, которому поручено составить текст п.

Начало марта ст. ст. В п. к гр. Ламберт сообщает, что горлу его лучше, но пока не знает, сможет ли зайти к ней вечером, предуведомляет, что «завтра» около 12 ч. привезет к ней Пинто, «здешнего лектора италианского языка при Университете», которого рекомендует наилучшим образом: «Это человек *отличнейший* в полном смысле слова», в высшей степени терпимый и надежный, но бедствует и нуждается в уроках. Просит сообщить, если назначенный час не подходит.

Предположительная дата п. Маркович к Макарову из Гейдельберга, в котором она просит привезти ей «Пушкина и “*Накануне*”»,

а также сообщает: «Я послала недели две тому работу свою («Червонный король». — *Ред.*) Ивану Сергеевичу, а Аксаков говорит, что Иван Сергеевич теперь в Москве, напишите ему слова два об этом» (см. ***20 марта*** (***1 апреля***)).

6 (***18***) ***марта***. **Воскресенье**. В № 10 «Сына отечества» выходит рец. на «Накануне» А. И. Хитрова (С. 265—270), в которой дана высокая оценка романа и творчества Т. в целом: «...с каждым новым произведением вы видите, что кругозор его становится шире, вопросы серьезнее, образы полнее, выражение этих образов рельефнее».

«Глубокая идея, мастерски изображенные типы, изложение, дышащее поэзией и до того увлекательное, что не хочется оторваться от чтения, — все это делает новое произведение г. Тургенева вполне замечательным», — констатирует Хитров. «Новое слово» и «развитие таланта» Т. критик видит «во всем»: «автор вышел здесь из того определенного круга, в котором вращался он до сих пор»: «он распахнул как бы дверь и вошел во всю русскую жизнь, теперь вся она сделалась его предметом, со всеми коренными, основными своими вопросами, со всеми своими насущными потребностями. Он взял содержанием самую задачу нашего времени — и решил ее». Отмечая, что по взятой на себя задаче Т. «сошелся с Гончаровым в его "Обломове"», Хитров отдает преимущество Т., так как он «даже пошел в известном отношении далее Гончарова: тот коснулся лишь нашего отживающего быта и вывел будущее, тот светлый образ, который должен стать на месте обломовщины; этот же коснулся и того среднего, того кануна, который от одного приготовляет к другому, хотя <...> уступил Гончарову в его психологическом анализе». В Елене и Инсарове критик увидел «типы беспредельной любви к общему благу»: «Высок был тип Лизы в "Дворянском гнезде", но в нем еще не отразилась вся глубина той жизни души, которая дышит в Елене <...>. Высок тип Ольги Гончарова, — богатая, мощная натура, подобно Елене стремящаяся вперед, ничем не удовлетворяемая, — но там рефлекция, там постоянная работа мысли, там <...> самолюбие, эгоизм, а здесь сердце, здесь чувство. И это — не частный тип, это не тип только русской женщины или другой какой, это тип общечеловеческий; и Елена и Инсаров не просто русская и болгар, — а они "человеки". На них успокоивается сердце каждого, к ним и стремиться будет также каждый, и никто не может не ценить или не может не преклоняться перед ними» (С. 270). См. также ***1*** (***13***) ***мая***.

8 (***20***) ***марта***. **Вторник**. Присутствует на заседании (№ 14) Литературного фонда, где обсуждается устройство спектакля, «предпринимаемого гг. Писемским и Вейнбергом в пользу Общества»

(*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 45). Предлагает в члены Литературного фонда А. А. Оболонского и П. П. Демидова (Там же. Л. 47 об.).

В п. к Плетневу обещает исполнить его просьбу и доставить билеты (очевидно на пятые литературные чтения в пользу Литературного фонда, намеченные на конец марта; не состоялись). См. ***11*** (***23***) ***марта***.

Присутствует на вечере у кнж. Львовой (фрейлины вел. кн. Елены Павловны) (см. п. к Раден от ***9*** (***21***) ***марта***).

Боткин в п. к Фетам дает оценку присланного Фетом в Париж романа «Накануне»:

> «Несмотря на недостатки, “Накануне” я прочел с наслаждением. Я не знаю, есть ли в какой повести Тургенева столько поэтических подробностей, сколько их рассыпано в этой. Словно он сам чувствовал небрежность основных линий здания и чтобы скрыть эту небрежность, а может быть, и неопределенность фондаментальных линий, он обогатил их превосходнейшими деталями, как иногда делали строители готических церквей. Для меня эти поэтические, истинно художественные подробности заставляют забывать о неясности целого. Какие озаряющие предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдруг раскрывающие внутренние перспективы предметов. Правда, что несчастный болгар решительно не удался; всепоглощающая любовь его к родине — так слабо очерчена, что не возбуждает ни малейшего участия, а вследствие этого и любовь к нему Елены более удивляет, нежели трогает. Успеху в публике эта повесть иметь не может, ибо публика вообще читает поутиному и любит глотать целиком. Но я думаю, едва ли найдется хоть один человек с поэтическим чувством, который не простит повести все ее математические недостатки за те сладкие ощущения, которые пробудят в душе его ее нежные, тонкие и грациозные детали. Да, я заранее согласен со всем, что можно сказать о недостатках этой повести — и все-таки я считаю ее прелестною. Правда, что она не потрясет, не тронет даже, не заставит задуматься, но она повеет ароматом лучших цветов жизни» (*Фет/Боткин*. С. 287).

Дата ценз. разрешения № 3 *РСл*, на лицевой стороне обложки которого в третий (и последний) раз объявлено о скором появлении в журнале ст. Т. «Бёрнс и Кольцов». См. ***31 декабря 1859*** (***12 января 1860***).

9 (***21***) ***марта***. **Среда**. Посылает с Гайдебуровым записку к Островскому с просьбой принять участие в литературных чтениях в пользу бедных студентов, назначенных на ***16*** (***28***) ***марта***. Гайдебурову поручено составить программу этого вечера. В тот же день к Островскому обратился с п. сам Гайдебуров.

В п. к Раден (на франц. яз.) рекомендует своего «большого друга» Пинто из Рима, назначенного недавно лектором по итальянской литературе в ун-те (см. п. к Ламберт от ***Начала марта ст. ст.***), и просит подыскать ему уроки («его благосостояние пошатнулось в связи с событиями 1848 г., а занимаемая им должность лектора дает ему только 500 р. в год»). Хотел поговорить с Раден об этом «вчера» на вечере у кн. Львовой, но, «будучи эгоистом, говорил только о вещах, которые касались лично меня». Характеризует Пинто с наилучшей стороны: «очень любезный человек, ученый, он в совершенстве владеет родным языком и хорошо говорит по-французски: он был адвокатом, главным редактором, дипломатическим агентом и т. д. и т. д. Он играл довольно значительную роль в событиях последних лет, и это его совершенно разорило. Это человек безукоризненной репутации, благовоспитанный, деликатный».

10 (22) марта*. Четверг**. Завершает, согласно помете на черновой рукописи, повесть «Первая любовь». См. ***Начало января ст. ст.

В записке к гр. Ламберт просит ее передать прилагаемое п. С. К. Ваксель, сообщает, что «совсем замучился с моей повестью, которую только нынешней ночью кончил», обещает вручить ее Ламберт в корректуре. Обещает быть у нее «завтра вечером».

11 (23) марта*. Пятница**. Запиской извиняется перед Плетневым, заехавшим лично, чтобы получить билеты — вероятно, на пятые чтения в пользу Литературного фонда (см. п. к Плетневу от ***8 (20) марта).

Вечером навещает гр. Ламберт.

В № 10 *МВест* (ценз. разрешение 10 марта) в анонимных «Заметках кое о чем» (автор — Плещеев) дается положительная оценка «Накануне» .

Откликаясь на полемику в прессе по поводу «Накануне», Плещеев замечает: «Что бы ни толковали о нем наши судьи и ценители, но роман этот едва ли не выше всего, что писал г. Тургенев. В основании его легла мысль серьезная и глубокая, над которой стоит подумать. Нечего говорить, что во всем романе разлита обаятельная поэзия, что все лица, даже второстепенные поражают вас жизненной правдой; что тонкий, психологический анализ, составляющий неотъемлемую принадлежность таланта г. Тургенева, и здесь нашел себе место, как во всех предыдущих созданиях этого великого мастера. Но кроме художественных достоинств, этот роман имеет глубокое общественное значение... он, если хотите, обличительный, но только не в том смысле, как мы при-

выкли понимать это слово... Здесь являются типические представители всех различных кругов, различных оттенков нашего общества: и художник, и будущий профессор, и правовед... автор не *карает* никого из них; все они, напротив, чрезвычайно привлекательны, симпатичны даже (кроме Курнатовского), и между тем вам ярко бросается в глаза общий им всем недостаток... пассивность, неспособность инициативы... и, закрывая книгу, вы вместе с Шубиным задаете себе вопрос: будут ли у нас тоже настоящие люди... и когда будут и отчего их нет?» (С. 161). Здесь же отмечен выход повести «Институтка» Марко Вовчок в пер. Т. (С. 162). Авторство устанавливается на основании п. Плещеева к Добролюбову от ***17* (*29*) *марта***: *РМысль.* 1913. № 1. Отд. 2. С. 146.

***12* (*24*) *марта*. Суббота**. Присутствует на вечере у кн. Львовой (см.: *Трубецкая О.* Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. М., 1904. Т. 1. Кн. 2. С. 155).

11* (*23*) *или 12* (*24*) *марта*.** Читает завершенную ***10* (*22*) *марта повесть «Первая любовь» Островскому, Анненкову, Писемскому, Дружинину и Майкову. Пять минут спустя после окончания чтения приходит Гончаров (см. ***13* (*25*) *марта***).

***13* (*25*) *марта*. Воскресенье**. Отвечает по-франц. дочери Полине на «большое и содержательное» п. с жалобами на его молчание (неизв.), уверяет, что часто думает о ней. Упрекает за ошибки во франц. языке, ждет п., написанного по-англ. Сообщает, что уже взял два места в почтовой карете до границы на 2 (14) апреля и 23 апреля (5 мая).

Начинает п. к Фету с извинений за молчание, оправдываясь тем, что за истекшую неделю завершил повесть «Первая любовь» (см. ***10* (*22*) *марта***), которую уже сдал в *БдЧ* и которая должна появиться в мартовском номере: «Сюжет ее Вам, кажется, известен. Читал я ее на днях ареопагу, состоявшему из Островского, Писемского, Анненкова, Дружинина и Майкова; приглашенный Гончаров пришел пять минут по окончании чтения. Ареопаг остался доволен и сделал только несколько неважных замечаний; остается узнать, что скажет *публика*, которую Вы так не любите. Единственный человек, которого я совершенно отчаиваюсь удовлетворить когда-нибудь — Лёв Толстой. Но что делать! Видно так у меня на роду написано». Говорит, что по слухам Толстой снова принялся работать «и мы все порадовались». Опровергает слухи о несостоятельности журнала *БдЧ.* Завершает п. ***16* (*28*) *марта***.

Выходит № 9 еженедельника «Наше время»; в нем — критическая ст. Дарагана «“Накануне” (Повесть г. Тургенева)» (С. 132—139), в которой осуждению подверглись обе «идеи» повести: «взгляд автора на обязанности гражданина односторонен, а взгляд на женщину мечтателен» (С. 138). Образ Инсарова не убедил критика: «...мы здесь хотим сказать, что изображение Инсарова желали бы видеть в кругу его живой деятельности, в сношениях его с болгарскими патриотами, желали бы видеть, как он думал взяться за дело, как он брался за него <...>. Тогда бы мы действительно могли <...> понять, <...> в чем именно состоит неотъемлемое превосходство <...> героя над нами <...>» (С. 134). Что касается Елены, с ее «безрассудным путешествием на квартиру молодого человека», то ее поведение не согласовалось с «приличиями нравственного такта, женской стыдливостью». В то же время Дараган указал на связь «Накануне» с идеями ст. «Гамлет и Дон-Кихот», настаивая на «легкомысленности, неосмотрительности», «безуспешности» Дон-Кихота, которого назвал «мечтателем» (Там же. С. 134, 133, 138).

Позднее в «Предисловии к романам» (1880) Т. писал: «...некоему Дарагану дали даже обед по подписке в благодарность за весьма строгую статью о “Накануне”, в которой он особенно настаивал на безнравственности главных действующих лиц» (*Соч.* Т. 9. С. 391). См. также ***Между 11 (23) апреля и 20 апреля (2 мая)***.

***15 (27) февраля — 14 (26) марта*. Понедельник.** В записке к Островскому напоминает, что завтра он приглашен на обед, просит доставить прилагаемую записку Мею, поясняя, что речь в ней идет о задуманном Меем журнале, издаваемом на деньги Демидова (предположительно П. П. Демидова), при этом Мей хочет, чтобы Т. и Островский присутствовали при встрече с Демидовым.

***14 (26) марта*. Понедельник.** На заседании (№ 15) Комитета Литературного фонда Т. предлагает в члены Общества Палаузова и получает поручение собрать сведения на И. Я. Андреевского для выделения денежного пособия (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 44 об., 51). На этом же заседании без объяснения причин решено отменить намеченное ранее на конец марта ст. ст. литературное чтение.

15 (27) марта*. Вторник.** Сообщает Авдееву об отмене намеченного ранее на конец марта литературного чтения в пользу Литературного фонда (см. ***14 (26) марта).

То же известие сообщает Островскому. Обещает сказать при свидании причину отмены. Прощается до завтрашнего вечера (см. ***16 (28) марта***). Благодарит за содействие.

Первая половина марта ст. ст. В записке к Некрасову сообщает, что был у него, но не застал дома. Предупреждает, что репетиция чтения состоится в среду, в 8 ч. вечера, в зале Министерства нар. просвещения. Очевидно, речь идет о литературном вечере в пользу кассы взаимопомощи студентов Петербургского ун-та (см. ***16 (28) марта***).

Середина марта ст. ст. Достоевский в неизв. п. к Плещееву резко отрицательно высказывается о романе Т. «Накануне» (см. ***17 (29) марта***) (*Достоевский. Летопись.* Т. 1. С. 286).

16 (28) марта. **Среда**. Утром пишет записку к Карташевской, благодарит за заботу, призывает быть спокойной и, если голова будет болеть, не приезжать на вечер в ун-те, где будут читаться «старые и мало интересные вещи» и где можно простудиться.

Завершает п. к Фету, начатое ***13 (25) марта***. Сообщает, что «нарочно» для Фета и Борисова заказал свои фотографии у Деньера (неизв.), что собирается за границу для лечения. О своем здоровье пишет: «кашель не проходит — кровь показывается раза два в неделю — я без намордника (сиречь респиратора) носу не могу показать на двор. <...> Надобно воды пить, да ванны брать — да радеть о своем гнусном теле!». Сожалеет, что не сможет принять участие в совместных охотах с Фетом и Борисовым, призывает Фета не покидать «мысли о *Кальне*», т. е. о покупке у себя земли: «я готов на все, чтоб иметь Вас соседом».

В записке к гр. Ламберт, условно датируемой этим днем, просит прислать том *БдЧ*, где напечатана «Поездка в Полесье» (1857. № 10). Обещает вернуть его завтра вечером.

Очевидно, Т. колебался, что читать на вечере в пользу бедных студентов, и в конце концов выбрал рассказ «Хорь и Калиныч». Не исключено, что просьба прислать «Поездку в Полесье» связана с задуманным изданием Собр. соч. в 4 т.

В Петербургском ун-те состоялся литературный вечер в пользу кассы взаимопомощи студентов, в котором, помимо Т., приняли участие Островский (с чтением «Семейной картины» и сцен из комедии «Свои люди — сочтемся»), Некрасов, Полонский и Майков.

В газетах писали о вечере, который «собрал довольно многочисленную публику» (см.: *СПбВед.* 1860. 20 марта. № 63. С. 307). Т. прочел рассказ «Хорь и Калиныч».

17 (29) марта. **Четверг**. Вечером предположительно наносит визит гр. Ламберт (см. записку к ней от ***16 (28) марта***).

Плещеев, отвечая на неизв. п. Достоевского от ***Середины марта ст. ст.***, оспаривает его мнение о романе «Накануне»: «Что за ярлычки ты везде находишь. После этого — не смей художник выставить ни одного типа, служащего представителем известной породы людей, известного класса общества, всё ярлычки. — И почему так легко жить болгару — посвятившему себя великому делу освобождения родины? Не знаю, легко ли ему жить — но я бы желал пожить такой жизнью. Непосредственным натурам, цельным, не подточенным анализом и рефлекторством, не путающимся в разных противоречиях, жить, конечно, если хочешь, легче... но когда эти натуры несут на плаху голову во имя любви к правде — ужели они менее гамлетов и гамлетиков достойны сочувствия? — А что натуры практические, деятельные — не любят по большей части искусства — это факт, — повторяющийся беспрестанно в действительности. — Тургенев взял этот факт и был вправе так сделать» (Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 451—452).

Дата п. Плещеева к Добролюбову, в котором он резко отзывается о ст. Дарагана о «Накануне» в газ. «Наше время» (см. ***13 (25) марта***): «Просто срам», а также сообщает о получении ст. Добролюбова, посвященной роману (см. ***25 февраля (8 марта)***) (*РМысль.* 1913. № 1. Отд. 2. С. 146).

18 (30) марта. **Пятница**. В записке к Полонскому просит отложить до вторника намеченный на завтра обед по двум причинам: невозможность пригласить людей, «с которыми я бы хотел, чтобы ты пообедал», и ввиду назначенного на послеобеденное время диспута между Погодиным и Костомаровым о происхождении Руси, на котором Т. хотел присутствовать «и поболтать». Просит прийти с женой во вторник.

19 (31) марта. **Суббота**. Выходит № 13 парижской газ. «Gazette du Nord»; в нем — под псевдонимом «S. S. D. R.» первая часть ст. Сазонова «La littérature et les hommes de lettres en Russie» («Лите-

ратура и писатели в России»), посвященная Т. — «M. Ivan Tourguéneff» (P. 2—4), в которой критик высоко оценивает место Т. в русской и европейской литературах (в русском пер. текст ст. см.: *ЛН*. Т. 41—42. С. 188—194):

«Если тот восторженный прием, который русские читатели оказали последним произведениям Тургенева, еще не оправдал бы того, что список писателей его родины мы начинаем его именем, то это оправдание нашлось бы в международном успехе его произведений, в характере его дарования, одинаково ценимого во Франции и в Германии, в Англии и Соединенных Штатах». В «Записках охотника», перевод которых появился во время Крымской войны, западные читатели, по мнению Сазонова, надеялись найти «тех ужасов, которые творились в этой варварской стране», но «нашли другое — поразительную правдивость в изображении нравов народа некультурного, но полного нравственной силы и природного ума, увидели воспроизведение картины злоупотреблений крепостного права во всей их безобразной наготе, увидели и близкую возможность освобождения. / Книга эта, которая должна была по расчетам сыграть на руку кампании, поднятой против России, вместо этого заставляла любить эту страну, освещая ее полным светом, обнаруживая то, что до сих пор было неизвестно — русский народ, т. е. существо нации, до тех пор известной лишь поверхностно. Г-н Тургенев оказал этим большую услугу своему отечеству; с тех пор он продолжал ему оказывать еще большие услуги, прославляя его рядом произведений, перевод которых пожелали иметь все великие европейские литературы». Оценивая творчество Т. в целом, Сазонов замечает, что «умение соединить силу мысли с порывами вдохновения и сделать из упорной работы смысл всей жизни дало г. Тургеневу возможность вывести русскую литературу из того состояния крайнего возбуждения и смятения, в котором она находилась после смерти Пушкина. Г-н Тургенев связал цепь национальной традиции <...>. Национальный гений снова обрел себя, отчаяние и колебания исчезли, и в это великое достижение г. Тургенев имеет честь внести свою лепту». Начав с воспроизведения объективных картин современной действительности и ориентируясь на Шекспира и Гёте, Т. старался не давать воли своим лирическим настроениям: «Если бы он с самого начала стал злоупотреблять лиризмом, как все молодые и не только молодые писатели, он бы скоро исчерпал драгоценный дар энтузиазма, тогда как, сдерживая и покоряя его строгой дисциплиной, он обеспечил себе возможность развернуть его во всем блеске <...>». Высокую оценку дает «Дворянскому гнезду» и «Накануне»: «...вдохновение его рисует жизнь такой, какой она есть, и в его романах появляются живые люди, отражающие страсти и интересы той среды, в которой они живут, между тем как автор, подчиняя их единому замыслу произведения, вместе с тем ни в чем не умаляет ни многообразия черт их характеров, ни сложности их взаимоотношений». «Глав-

ным очарованием» и главным достоинством «Накануне» считает «создание такого женского характера, какого не дали читателю ни одна русская поэма, ни один роман». Как о «философской работе» говорит Сазанов и о речи «Гамлет и Дон-Кихот»: «Критика редко поднималась на такую высоту; прекрасные замечания Гёте о Гамлете и великолепная страница Байрона о Дон-Кихоте не только сплавлены воедино в этом замечательном наброске, но еще освещены внимательным изучением и лихорадочной энергией, основными свойствами современной эпохи». Ст. Сазонова показывает его осведомленность о том, что происходило в России, так как он упоминает о двух чтениях речи, состоявшихся в Петербурге и в Москве в январе 1860: «Овации, устроенные г. Тургеневу по этому случаю, должны были ему доказать, что русской публике доступны все вершины, если она привлечена на них уважением к любимому слову» (*ЛН.* Т. 41—42. С. 188, 191—193). См. также ***14 (26) мая***.

Присутствует на диспуте о происхождении Руси между Погодиным и Костомаровым, который состоялся в большом зале Петербургского ун-та.

Чернышевский в п. к родным сообщал 22 марта (3 апреля): «В субботу был в большой университетской зале ученый диспут между Ник. Ив. Костомаровым и Погодиным, нарочно приехавшим для этого из Москвы. Сбор за билеты (в пользу бедных студентов) простирался до 2000 р. сер. Публики было более 1500 человек. Каждое слово Костомарова покрывалось продолжительными знаками сочувствия со стороны публики. По окончании диспута Николая Ивановича вынесли на руках. Предмет спора был очень сухой (норманны или литвины были Рюрик и его варяго-руссы?), и публика сошлась, конечно, только по любви и уважению к Костомарову. Он пользуется такою славою, какой не имел еще никто из здешних профессоров от основания университета» (*Чернышевский.* Т. 14. С. 389). «Ждали серьезных и, может быть, сухих прений, — записала в своем дневнике Штакеншнейдер, которая не смогла там быть, — вышел перекрестный огонь острот, и, не решив вопроса, диспутанты кинулись в объятия друг друга. Или думали они поцелуями разрешить вопрос? И легкомысленная толпа молодежи подхватила их, слившихся так в объятиях, и понесла их обоих вместе и выломала двери даже» (*Штакеншнейдер.* С. 249). Никитенко записал в дневнике: «Один защищал происхождение Руси из Литвы (Жмуди), другой — из Скандинавии <...> Студенты разражались неистовыми рукоплесканиями, преимущественно в честь Костомарова. / Какая в этом споре животворная истина? Никакой. Но тут было зрелище, и толпа собралась. <...> Вяземский разрешился следующей удачной остротой: "Прежде мы не знали, *куда* идем, а теперь не знаем и *откуда*"» (*Никитенко.* Т. 2. С. 113).

Вечером навещает в больнице Е. Я. Колбасина (см. п. к Д. Я. Колбасину от ***20 марта (1 апреля)***).

20 марта (***1 апреля***). **Воскресенье**. В ответ на приглашение Д. Я. Колбасина (неизв.) поохотиться вместе с огорчением пишет, что после вчерашнего выезда снова получил судорожный кашель с кровохарканьем («куда уж мне думать об охотах...») и вынужден ехать в апреле за границу на лечение. Сообщает об улучшении здоровья брата Колбасина Елисея, которого навестил «вчера» в больнице. На известие о какой-то проделке Горбунова (очевидно, занявшего у Колбасина деньги и уехавшего в Москву с Островским) обещает написать Островскому и заставить Горбунова отдать долг.

В п. к Маркович ругает ее за небрежность и краткость п. Отвечает на заданные вопросы: 1) поручение насчет Писаревой не смог выполнить из-за нездоровья и передал Белозерскому, который нашел ее и узнал, что ее сын «действительно сошел с ума (на самом деле заболел тяжелым нервным расстройством. — *Ред.*)». Очевидно, Маркович хотела передать Писаревой, своей родственнице, деньги на лечение сына (138 р.). На днях Белозерский вернет их Маркович; 2) повесть Маркович «Червонный король» передал Каткову (опубл.: *РВ*. 1860. № 3), «выговорив» 150 р. за лист. Сообщает, что Катков написал ей п. и выслал деньги (п. неизв.), сама же повесть «не понравилась: она не додумана — точно Вы и тут спешите — и притом язык ее слишком небрежен и испещрен малороссиянизмами»; 3) сообщает, что в апреле выезжает за границу и в начале мая будет в Париже, куда просит писать до востребования; собирается ехать вместе с Макаровым, которого врачи снова посылают в Аахен. Сообщает, что Анненков тоже собирается за границу; 4) часто видится с Шевченко и Карташевскими. Пишет, что Кулиш издал альманах под названием «Хата», где поместил повесть Маркович «Чары»; 5) не вполне доволен повестью «Накануне», которую «многие <...> бранят — немногие очень хвалят», а также сообщает, что написал повесть «Первая любовь», которая явится на днях в *БдЧ*, обещает привезти оттиск.

Дата п. А. К. Толстого к Маркевичу из Парижа с упоминанием о «Накануне»: «Стыдливые опасения Оболенского насчет тургеневской повести меня удивляют. Рискованные места или, вернее, единственное рискованное место, имеющееся там, по-моему, достаточно завуалировано» (*Толстой А*. Т. 4. С. 117).

В *СПбВед* анонсируется спектакль Литературного фонда, в котором «намерены принять участие наши литераторы. <...> спектакль будет на Фоминой неделе. Мы увидим в нем “Ревизора” и “Провинциалку”, грациозную пьесу г. Тургенева. Кроме г. Писемского, который взял роль городничего, в представлении, как мы слышали, будут участвовать и другие

литераторы. Роль провинциалки исполнит г-жа Мичурина (урожденная Самойлова); на роль Осипа приглашен студент университета, г. Ловягин, который прекрасным исполнением этой роли в спектакле, данном в пользу нуждающихся студентов, обратил на себя всеобщее внимание. Представление будет в зале нового Купеческого собрания (в доме кн. Голицыных), где были еще недавно спектакли в пользу частных школ Патриотического общества. Сообщая это, мы не можем не пожалеть, что для спектакля не отыскалось в Петербурге другой удобной залы, более обширной, так как число желающих быть зрителями будет, наверно, громадно. Подобные представления устраиваются с тою же целью в Лондоне; в них главные участники Диккенс и Теккерей, и они дают постоянно огромные сборы» (№ 63. С. 307). См. также ***14*** (***26***) ***апреля***.

21 марта (***2 апреля***). **Понедельник**. На заседании Комитета Литературного фонда предлагает «Комитету ходатайствовать об отпуске на волю родных известного литератора Шевченко», крепостных людей помещика Флиорковского (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 56–56 об., 89 об.–90). Комитет поддерживает предложение Т. и принимает решение обратиться с коллективным п. к Флиорковскому (см. *Сб Литфонда* (*XXV*). С. 10, 11, а также ***4*** (***16***) ***марта***).

В п. к редактору «Народного чтения» Оболонскому (1860. Кн. 2. С. 229–236) Шевченко сообщал, что два его брата и сестра находятся во владении помещика Киевской губернии Флиорковского.

Дата п. Борисова к Толстому: «Об “Накануне” Ив<ана> Серг<еевича> толкотни много, сам он считает неудавшеюся, как ни одно еще до сих пор из его произведений. Общий глас — более недовольных <...> Только *Фет* и Ив. Вас. *Павлов* стоят за “Накануне”, да *Некрасов* в Петербурге — единственный хвалитель» (*ГМТ*).

22 марта (***3 апреля***). **Вторник**. Дата ценз. разрешения № 3 *БдЧ* (цензор Бекетов); в нем — повесть Т. «Первая любовь» (С. 1–76) с посвящением Анненкову (см. ***27 марта*** (***8 апреля***)).

Дата ценз. разрешения № 3 журнала «Рассвет»; в нем — в разделе «Библиография» анонимная рец. на роман Т. «Накануне» (С. 42–45), принадлежащая Скабичевскому.

Отсылая к своей ст. об отдельном издании «Записок охотника» (см. ***23 января*** (***4 февраля***)), где он утверждал, что Т. «никогда не принадлежал к числу писателей литературы обличительно-поучительной», критик замечает: «...с некоторого времени делается заметным, что он изменяет свой взгляд и начинает сочувствовать теории “искусства для

жизни"». «Новое направление» Т. «особенно выясняется в главной мысли» «Накануне», где в Елене, «главном характере своей повести», Т. представил «стремление к идеалу», нарисовав, несмотря на некоторые «недомолвки» (в частности, каким образом сформировался характер героини), «совершенно новый, прекрасный образ русской женщины». Именно вокруг нее, «как вокруг планеты спутники, сгруппированы остальные характеры, и в ловком, обдуманном их расположении виднее всего главная мысль автора», который «говорит обществу, что оно живет пусто и само не зная для чего и что пора приняться ему за деятельность». «"Накануне", — заключает Скабичевский, — одно из самых замечательных явлений современной литературы. Высокая художественность этой повести и прекрасные, светлые мысли, которые в ней заключаются, налагают на каждого образованного русского человека обязанность прочитать ее».

Сообщает Карташевской, что не может воспользоваться ее приглашением (неизв.), поскольку завтра, «после моего *роскошного обеда*», будет в 8 ч. вечера репетиция к спектаклям Литературного фонда (см. ***14* (*26*) *апреля***), которая продолжится до 10 ч. с лишком. Обещает сообщить ее приглашение Анненкову.

Полонский с женой предположительно навещают Т. (см. ***18* (*30*) *марта***).

Дата неизв. п. Достоевского к Плещееву (ответ на п. от ***17* (*29*) *марта***), повторяющего отрицательную оценку романа «Накануне» (см. ***25 марта* (*6 апреля*)**).

***23 марта* (*4 апреля*). Среда**. Выходит № 3 *БдЧ*, где опубликована повесть Т. «Первая любовь» (см. ***22 марта* (*3 апреля*)**; объявление о выходе см.: *СПбВед.* 1860. 27 марта. № 68. С. 335).

Т. дает обед для членов Литературного фонда, после которого состоялась репетиция спектакля для чтений в пользу Общества, намеченных на середину апреля (см. ***14* (*26*) *апреля***). Возможно, именно в этот день состоялась встреча Гончарова с Дудышкиным, во время которой были сказаны оскорбительные слова по адресу Т. (см. ***Между 23—27 марта* (*4—8 апреля*)**).

Получает оттиски «Первой любви» и предположительно дарит их друзьям, в том числе Анненкову (с надписью на обложке: «Павлу Васильевичу / Анненкову / вторично посвящает / автор. / С<анкт->П<етер>бург. Март, 1860») и Полонскому (с надписью на обложке: «Я. П. Полонскому / на память / от автора. / Март 1860. / С<анкт->П<етер>бург»), внеся в них исправления на с. 71, 72. Оба экземпляра хранятся в Библиотеке ИРЛИ (см.: *ПД. Описание.* С. 46. № 413, 414).

Отвечает на неизв. п. Леонтьева, сообщает, что «продал» его повесть «Второй брак» в *БдЧ* по 50 р. за лист (опубл. в № 4 за 1860). Предлагает приехать за деньгами до 23 апреля (5 мая), когда собирается выехать за границу, и привезти с собой роман («Подлипки»): «мне очень хочется его прочесть» (см. ***22 апреля*** (***4 мая***)). От Писемского, заведовавшего литературным отделом *БдЧ*, «сейчас» узнал, что повесть будет напечатана в апрельском номере журнала.

25 марта (***6 апреля***). **Пятница**. Через Ракович передает Карташевской оттиск «Первой любви» (см. ***26 марта*** (***7 апреля***)).

В № 12 газ. *МВест* (ценз. разрешение 24 марта) выходит ст. Павлова «“Накануне” и “Наше время”» (С. 191—194; подпись: Л. Оптухин) — ответ на ст. Дарагана, опубликованную в газ. «Наше время» (см. ***13*** (***25***) ***марта***). Отвечая на прозвучавшие упреки в безнравственности главной героини и в незначительности повести, Павлов писал: «Как же было не рассвирепеть нашим гамлетикам, когда их величают и мелюзгой, и грызунами, и т. п. названиями? Рассвирепели не одни гамлетики, но и приятели их, и родные, и кумовья, считающие гамлетиков за фениксов... За что этот добряк-чиновник (имеется в виду тульский губернатор Дараган. — *Ред.*) грозится разорвать “Накануне”? ведь он никогда не сидел над вторым томом Гогенштауфенов, да и по-немецки-то совсем не знает и к “предметам глубоким” никакой наклонности не оказывает?.. А у него, видите ли, был приятель, который удивительно говорил об абсолютном! <...> Одним словом, целая *среда* восстала на Тургенева и сбила с толку двух почтенных литераторов, гг. Павлова и Дарагана <...>».

Дата № 12 «Искры» со ст. (б/п) «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений “Искры”», направленной против оценки романа «Накануне», прозвучавшей в ст. Дарагана (см. ***13*** (***25***) ***марта***).

Дата п. Плещеева к Достоевскому, продолжающего спор о романе «Накануне» (см. ***17*** (***29***) ***марта***, ***22 марта*** (***3 апреля***)): «О тургеневском романе я с тобой ни в одной иоте не согласен» (Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 453).

26 марта (***7 апреля***). **Суббота**. Сообщает Карташевской, что вчера передал ей через ее кузину (Ракович) оттиск повести «Первая любовь», но на всякий случай передает еще один экземпляр. Обещает вечером «непременно» быть у нее.

Вечером предположительно наносит визит Карташевским.

Между 23—27 марта (***4—8 апреля***). Пишет п. к Гончарову (неизв.) в ответ на переданные ему Дудышкиным слова, якобы специально по просьбе Гончарова, относительно гонорара за «Накануне». Называет слова Гончарова «клеветой» и советует «выбирать выражения». Предлагает встретиться и объясниться в присутствии посредников (Анненкова, Дружинина, Кавелина, Писемского, Майкова и др.). Высказывает предположение, что причиной инцидента является то, что Гончарова «беспокоят успехи» его как писателя. В случае отказа Гончарова обещает принять «другие меры» (очевидно, дуэль).

Этот эпизод подробно описан в дневнике Никитенко (запись от 29 марта ст. ст.): «Встретясь на днях с Дудышкиным и узнав от него, что он идет обедать к Тургеневу, он (Гончаров. — *Ред.*) грубо и злобно сказал ему: "Скажите Тургеневу, что он обеды задает на мои деньги" (Тургенев получил за свою повесть от "Русского вестника" 4000 р.). Дудышкин, видя человека, решительно потерявшего голову, должен был бы поступить осторожнее; но он буквально передал слова Гончарова Тургеневу. Разумеется, это должно было в последнем переполнить меру терпения. Тургенев написал Гончарову весьма серьезное письмо, назвав его слова клеветой, и требовал объяснения в присутствии избранных обоими доверенных лиц; в противном случае угрожал ему дуэлью. Впрочем, это не была какая-нибудь *фатская* угроза, а последнее слово умного, мягкого, но жестоко оскорбленного человека» (*Никитенко.* Т. 2. С. 115). Посредниками и свидетелями, по свидетельству Никитенко, были избраны Анненков, Дружинин, Дудышкин и он сам (см. ***29 марта*** (***10 апреля***)). Сам Гончаров, излагая этот эпизод в «Необыкновенной истории», настаивал, что слова о «гонорарии» за «Накануне» и просьба передать эти слова Тургеневу были сказаны им Дудышкину в шутку (*ЛН.* Т. 102. С. 207).

27 марта (***8 апреля***). **Воскресенье**. В 1 ч. дня присутствует на заседании Комитета Литературного фонда, после которого все члены Комитета отправились к фотографу Кучаеву, сделавшему групповой снимок (*Никитенко. Дневник.* Т. 2. С. 113; воспроизведение см. на вклейке в наст. томе).

В ответной записке к Родионову сообщает, что готов принять его завтра или во вторник и рад быть ему полезным.

Дата ответа Гончарова на неизв. п. Т., вызванное оскорбительными словами, переданными Дудышкиным (см. ***Между 23—27 марта*** (***4—8 апреля***)). Выражает удивление началом п. Т., где содержалась фраза о том, что Гончаров будто бы «велел *передать*» какие-то слова, в то время как это «невозможная вещь»: «Что касается того, что

Вы называете милой шуткой (очевидно, в неизв. п. Т. упоминалась история с обвинением его в плагиате в «Дворянском гнезде». — *Ред.*), то я могу иметь на этот счет тот или другой образ мыслей и надеюсь, что в образе мыслей позволительно и не отдавать никому отчета» (*Гончаров и Т.* С. 37).

Описывая этот эпизод полуторагодичной давности, Никитенко записал в дневнике: «Когда последний (Тургенев. — *Ред.*) напечатал свое “Дворянское гнездо”, то Гончаров заметил в некоторых местах сходство с тем, что было у него в программе его романа («Обрыв». — *Ред.*); в нем родилось подозрение, что Тургенев заимствовал у него эти места, о чем он и объявил автору “Дворянского гнезда”. На это Тургенев отвечал ему письмом (неизв. — *Ред.*), что он, конечно, не думал заимствовать у него что-нибудь умышленно; но как некоторые подробности сделали на него глубокое впечатление, то немудрено, что они могли у него повториться бессознательно в его повести. Это добродушное признание сделалось поводом большой истории. В подозрительном, жестком, себялюбивом и вместе лукавом характере Гончарова закрепилась мысль, что Тургенев с намерением заимствовал у него чуть не все или по крайней мере главное, что он обокрал его. Об этом он с горечью говорил некоторым литераторам, также мне» (*Никитенко.* Т. 2. С. 114—115). Речь идет о чтении романа Анненковым на квартире Т. (Большая Конюшенная, дом Вебера) между ***14 (26) и 18 (30) ноября 1858*** (см.: *Летопись (1818—1858*). С. 436), во время которого Гончаров, присутствовавший на чтении, заподозрил автора в плагиате и высказал ему свои подозрения, оставшись наедине. Свои обвинения он повторил неоднократно во время частых посещений (см.: *Гончаров. Летопись.* С. 88). После обсуждения в дружеском кругу Т. тщательно дорабатывал роман (этот факт не отражен в *Летописи (1818—1858)*), в том числе исключил сцену в гл. XXXVIII, где содержался намек на «падение» Лизы, так напомнившую Гончарову сцену объяснения героини «Обрыва» Веры с бабушкой (см.: *Соч.* Т. 6. С. 382—383. Коммент. Т. П. Головановой). «Оправдательное» п. Тургенева, если оно было, не сохранилось (содержание его известно лишь в пересказе Гончарова в «Необыкновенной истории»; см.: *ЛН.* Т. 102. С. 204). В п. от ***28 марта (9 апреля) 1859*** Гончаров упомянул о сцене, которой писатель «дружески и великодушно» «пожертвовал» в пользу похожей сцены в «Обрыве» (*Гончаров и Т.* С. 34), что подтверждает достоверность факта частичного признания Т. перекличек в обоих романах. Еще раз Гончаров сослался на этот эпизод в цитируемом п.: «...я, при появлении “Дворянского гнезда”, опираясь на наши старые приятельские отношения, откровенно выразил Вам мысль мою о сходстве этой повести с сюжетом моего романа, как он был Вам рассказан по программе. Вы тогда отчасти согласились в сходстве общего плана и отношений некоторых лиц между собой, даже исключили одно место, слишком живо напоминавшее одну сцену, и я удовольствовался» (*Гон-*

чаров и Т. С. 37—38). В *Летописи* (*1818—1858*) возникшие сразу после чтения Анненковым «Дворянского гнезда» разногласия между Т. и Гончаровым не отражены, как и неоднократные посещения последним писателя с целью выяснения отношений (ср.: *Гончаров. Летопись.* С. 88, где ошибочно названа другая дата чтений (28 и 29 декабря ст. ст. К этому времени роман, после доработки, был уже сдан в редакцию *РВ*), а также изложение этих событий в «Необыкновенной истории» (*ЛН.* Т. 102. С. 203). Здесь, в коммент. Н. Ф. Будановой (С. 291) повторяется та же дата чтений, что в *Гончаров. Летопись*).

Далее Гончаров сообщает, что еще до чтения «Накануне» слышал («кое-где говорили и раза два мне самому») о сходстве сюжета с планом «Обрыва», а прочитав «страниц тридцать», убедился, что «есть что-то общее в идее Вашего художника Шубина и моего героя» (*Гончаров и Т.* С. 38). Ссылаясь на «крайний недосуг», Гончаров якобы не дочитал повесть до конца, а предположение о сходстве обоих героев «состоялось уже после того, как со стороны дошли до меня слухи о сходстве». Зарождение в «головах других» мысли о сходстве автор «Обрыва» объясняет тем, что многих знакомил с планом своего романа и «не скрыл и ту нашу переписку и объяснение, к которым подало повод “Дворянское гнездо”», тем более что сам Т. дал право распорядиться его «признанием» по усмотрению (Там же). Отвечает согласием на предложение встретиться в присутствии посредников и лично объясниться, готов отказаться от своих подозрений, если Т. удастся переубедить его. Предлагает встретиться «завтра» или «послезавтра» у себя дома и будет «очень рад кончить этот разговор один раз навсегда». Поскольку еще при первом объяснении Т. предлагал в качестве посредника Анненкова, предлагает попросить его («Я ему вполне верю»): «Может быть, я попрошу А. В. Никитенко и С. С. Дудышкина, а не то так ограничимся одним Павлом Вас.». На предположение Т., что поведение Гончарова вызвано «беспокойством» по поводу его успехов, пишет: «На ваше предположение, что меня *беспокоят Ваши успехи*, позвольте улыбнуться и только». В случае недовольства предложенными объяснениями готов принять «другие меры», о которых говорилось в недошедшем п. и которые «употребительны между порядочными людьми». Сообщает, что не ответил тотчас утром, поскольку хотел раньше поговорить с Никитенко, с которым не удалось увидеться. Обещает «утром рано» на следующий день известить, если Никитенко не сможет присутствовать «завтра» при объяснении (Там же. С. 39).

28 марта (***9 апреля***). **Понедельник**. Очевидно, утром пишет п. Гончарову (неизв.) с согласием явиться к нему во вторник, ***29 мар-***

та (***10 апреля***) для объяснений по поводу обвинения в плагиате, предлагает прислать оттиск романа «Накануне», чтобы Гончаров мог сверить места, показавшиеся ему подозрительными. Предлагает в качестве свидетелей Дудышкина, Кавелина, Дружинина, Писемского, Майкова. Сообщает, что первые сведения об обвинениях Гончарова получил от Майкова, готов известить о времени встречи Анненкова и Дружинина (см. далее п. Гончарова к Т.).

Присылает Гончарову оттиск романа «Накануне» с запиской (неизв.).

Дата ответного п. Гончарова, который ошибся и указал неверную дату: «Понедельник. 29 марта», в то время как понедельник выпадал на 28 марта.

Ошибка повторена: *Гончаров и Т.* С. 39; *Гончаров. Летопись.* С. 106. Датируется по сопоставлению со следующим п. Гончарова, тоже помеченным 29 марта (без указания дня недели), из которого ясно, что предыдущее п. от Т. он получил «вчера утром», то есть 28 марта, и отвечал ему.

В п. Гончаров сообщает, что «вчера вечером» достал повесть «Накануне» и «пробежал ее, чтобы иметь возможность указать на то, что имеет нечто общее с некоторыми местами моей программы» (*Гончаров и Т.* С. 39). Просит не беспокоиться и не присылать книгу. Сообщает, что пригласил Дудышкина и сказал ему, что Т. будет во вторник, 29 марта; уточняет время встречи: ровно час дня. Согласен с тем, что Т. пригласил свидетелем Дружинина, которого «рад иметь свидетелем всегда и везде». Считает, что приглашать еще кого-то, кроме Анненкова, Никитенко, Дружинина и Дудышкина, бесполезно, поскольку «ни я, да и Вы, надеюсь, тоже не намерены устраивать из этого свидания зрелища» или «раут» (Там же. С. 39—40). Отводя кандидатуру Кавелина, пишет: «С г. Кавелиным я знаком мало, а при людях мало знакомых, прав ли, нет ли — объясняться во всяком случае мне неловко». Говорит, что не повторяет прошлогодних предположений насчет «Дворянского гнезда», в которых «откровенно и дружески тогда же сознался и дело тем кончилось», но сейчас беспокоится, сможет ли он продолжать «свободно разрабатывать» свой роман (Там же. С. 40).

Во время написания этого п. Гончаров получает записку от Т. и роман «Накануне», тут же с благодарностью возвращает его (Там же).

В п. того же дня к Никитенко Гончаров более откровенно обрисовывает ситуацию и свое к ней отношение: «Тургенев, опираясь на общее расположение к нему некоторых лиц известного кружка, на-

стаивает на объяснении, с тем чтобы, конечно, пустить в меня громы. С ним будет Анненков, потом Дружинин, Дудышкин; хотел он еще нагнать народу, но я не вижу в этом надобности и потому устраняю; он хочет сделать торжество свое полнее и так как юридически дела решить нельзя, то он, конечно, и выиграет». Просит Никитенко присутствовать при этом разговоре: «не в качестве свидетеля, потому что Вы мало знаете сюжет моей программы, а просто в качестве лица, искренно ко мне расположенного, чтобы мне было не совсем неловко быть и говорить» (Письма И. А. Гончарова к А. В. Никитенку // *РСт.* 1914. № 2. С. 406—407).

Присутствует на заседании Литературного фонда, где Достоевский предлагает «войти в положение» больного писателя-петрашевца Дурова, живущего в Одессе (*Достоевский.* Т. 28. Кн. 2. С. 565). Комитет поручает Т. через Миницкого собрать о Дурове сведения (*РНБ.* Ф. 438. № 1. Л. 60 об.).

***29 марта* (*10 апреля*). Вторник**. Комитет Литературного фонда отправляет коллективное п. к помещику Флиорковскому с просьбой об освобождении родных Шевченко от крепостной зависимости (см. ***29 июля* (*10 августа*)**).

Утром Гончаров отвечает на неизв. п. Т. от ***28 марта* (*9 апреля*)**. Сообщает, что, поскольку Т. сослался на Майкова, он обратился к нему с вопросом, когда он высказывал ему свои подозрения по поводу Т. (не только о «Накануне», но и в связи с «Дворянским гнездом»), и получил отрицательный ответ. Предложил Майкову обратиться с этим ответом к Т. («он человек честный и лгать не станет»). Поясняет, что не пригласил его на встречу, поскольку он, как Кавелин и Писемский, «не знает о содержании моего романа и следовательно был бы только любопытным свидетелем, умножением толпы, без пользы для самого дела» (*Гончаров и Т.* С. 41). Утверждает, что если Т. хочет придать делу публичность, «дать ему форму суда», то следовало бы тогда позвать «десятки свидетелей» — Краевского, Панаева, Некрасова, Галахова и др., а раз подобные вопросы «никакой юридической форме подлежать не могут и юридических доказательств <...> ни с той ни с другой стороны представить нельзя», то назначенных вчера четырех свидетелей (см. ***28 марта* (*9 апреля*)**) будет «весьма достаточно» («...как при незнакомых людях, так и при многих свидетелях одинаково неловко, т. е. не свободно рассуждать о тонких и щекотливых вопросах, подлежащих суду совести. А право всякого другого суда в этом деле позвольте над собой не признавать») (Там же). В заключение сообщает, что извес-

тил Никитенко и Дудышкина, поскольку Анненкова и Дружинина взялся известить сам Т.

В 13 ч. на квартире Гончарова в присутствии Анненкова, Дружинина, Дудышкина и Никитенко (присутствие последнего не отмечено в воспоминаниях Анненкова, в статье Л. Н. Майкова (*РСт.* 1900. № 1. С. 5—23), а также в *Гончаров и Т.*) состоялся «третейский суд», описанный Никитенко в дневнике:

«Сегодня в час пополудни и происходило это знаменитое объяснение. Тургенев был видимо взволнован, однако весьма ясно, просто и без малейших порывов гнева, хотя не без прискорбия, изложил весь ход дела, на что Гончаров отвечал как-то смутно и неудовлетворительно. Приводимые им места сходства в повести “Накануне” и в своей программе мало убеждали в его пользу, так что победа явно склонилась на сторону Тургенева, и оказалось, что Гончаров был увлечен, как он сам выразился, своим мнительным характером и преувеличил вещи. Затем Тургенев объявил, что всякие дружественные отношения между им и г. Гончаровым отныне прекращены, и удалился» (*Никитенко.* Т. 2. С. 115). По словам Никитенко, более всего участники «суда» боялись обсуждения того, что было сказано Гончаровым Дудышкину (см. ***Между 23—27 марта (4—8 апреля)***), однако Гончаров сам признал эти слова «нелепыми» и сказанными «без намерения и не в том смысле, какой можно в них видеть, ради одной шутки, впрочем, по его собственному признанию, неделикатной и грубой» (Там же. С. 115—116). Одновременно Дудышкин признал, что не был уполномочен передавать эти слова Т. Все это дало возможность участникам «объяснения» признать их «как бы не существовавшими», устранив тем самым «casus belli» (повод к раздорам — *лат.*). Подводя итог, Никитенко записал: «Вообще надобно признаться, что мой друг Иван Александрович в этой истории играл роль не очень завидную; он показал себя каким-то раздражительным, крайне необстоятельным и грубым человеком, тогда как Тургенев вообще, особенно во время этого объяснения, без сомнения для него тягостного, вел себя с большим достоинством, тактом, изяществом и какой-то особенной грацией, свойственной людям порядочным высоко образованного общества» (Там же. С. 116). Таким образом, обвинения в плагиате от Т. были отведены, однако, если Гончаров был удовлетворен исходом дела, Т. не счел нужным признать решение для себя приемлемым. Анненков вспоминал: «После изложения дела, обмена добавлений сторонами замечания экспертов все сводились к одному знаменателю. Произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны. И. А. Гончаров, казалось, остался доволен этим решением экспертов. Не то, однако же, случилось с Тургеневым. Лицо его покрылось болезненной бледностью; он пере-

сел на кресло и дрожащим от волнения голосом произнес следующее. Я помню каждое его слово, как и выражение его физиономии, ибо никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. “Дело наше с вами, Иван Александрович, теперь кончено; но я позволю себе прибавить к нему одно последнее слово. Дружеские наши отношения с этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мне ясно, какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей, из простых, доверчивых связей. Я остаюсь поклонником вашего таланта, и, вероятно, еще не раз мне придется восхищаться им вместе с другими, но сердечного благорасположения, как прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не может с этого дня”. И, кивнув всем головой, он вышел из комнаты. Заседание наше тем самым было прекращено» (*Анненков* (*1983*). С. 433).

Вечером этого дня, как отметила в дневнике М. Ф. Тютчева, Т. заходит к Тютчеву (см.: *Тютчев. Летопись.* Кн. 2. С. 353).

Около 31 марта* (*12 апреля*)**. Заходит в больницу к Е. Я. Колбасину, не застает его там и узнает его адрес (см. ***2* (*14*) *апреля).

***31 марта* (*12 апреля*)**. **Четверг**. Выходит № 3 *Совр* (ценз. разрешение 29 февраля и 28 марта 1860); в нем — в разделе «Современное обозрение» без подписи ст. Добролюбова: Новая повесть г. Тургенева («Накануне», повесть И. С. Тургенева. «Русский вестник», 1860 г., № 1—2) (С. 31—72). Первоначальное заглавие — «Когда же придет настоящий день?», а также эпиграф из Гейне — «Schlage die Trommel und fürchte dich nicht (Бей в барабан и не бойся — *нем.*)» не были пропущены цензурой. Это вторая редакция ст. (см. ***19 февраля* (*2 марта*)**), в которой дан не только анализ последнего произведения Т., но и всего его творчества.

В самом начале ст. Добролюбов заявляет, что «эстетическая критика сделалась теперь принадлежностью чувствительных барышень», и, имитируя ее приемы, дает краткий «эстетический» анализ новой повести Т., упоминает о чутье художника к «тончайшим поэтическим оттенкам жизни», об «остром психическом анализе», о «глубоком понимании невидимых струй и течений общественной мысли», о «дружелюбном и вместе смелом отношении к действительности», «которые составляют отличительные черты таланта г. Тургенева». Прерывая свой «эстетический» анализ, критик признается, что не умеет писать «таких приятных и безвредных критик», отказывается от роли «воспитателя эстетического вкуса публики» и обещает «просто подвести итог тем данным, которые рассеяны в произведении писателя» и которые он воспринимает «как совершившийся факт, как жизненное явление». Отвергая возмож-

ные обвинения со стороны «чистых эстетиков» в навязывании автору своего мнения и в желании «предписать задачи его таланту», Добролюбов утверждает, что именно потому и дорожит «всяким талантливым произведением», что по нему можно изучать «факты нашей родной жизни, которая без того так мало открыта взору простого наблюдателя». Тем не менее в статье содержится не только «реальная» критика, сторонником которой выставляет себя Добролюбов, но и глубокий психологический анализ «Накануне».

Откладывая на будущее намерение «проследить всю литературную деятельность» Т., Добролюбов набрасывает в статье очерк творческой эволюции художника и прежде всего признает в Т. «живописателя и певца той морали и философии, которая господствовала в нашем образованном обществе в последнее двадцатилетие»: «Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях непременно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество». Несмотря на то, что критик не относит талант Т. к тем «титаническим талантам, которые, единственно силою поэтического представления, поражают, захватывают вас и влекут к сочувствию такому явлению или идее, которым вы вовсе не расположены сочувствовать», главную особенность дарования писателя и причину его успеха Добролюбов усматривает в «чутье автора к живым струнам общества», в умении «тотчас отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только что еще начинающее проникать в сознание лучших людей», не говоря о том, что «и литературный талант сам по себе много помог этому успеху». Характеристические черты таланта Т. Добролюбов видит не в «бурной, порывистой силе», а, напротив, в «мягкости и какой-то поэтической умеренности». Отмечая «прелесть поэтических описаний в его повестях, тонкость и глубину в очертаниях разных лиц и положений», критик настаивает на том, что «прочный успех и славу» писателю обеспечило «живое отношение к современности». Именно в этом усматривает критик «самую жизненную сторону» таланта Т., каждое произведение которого встречалось «с такой симпатией, почти с энтузиазмом».

Творческий путь Т. до «Накануне» Добролюбов сводит, в основном, к «одному направлению»: «Исходил он из сферы высших идей и теоретических стремлений и направлялся к тому, чтобы эти идеи и стремления внести в грубую и пошлую действительность, далеко от них уклонившуюся. Сборы на борьбу и страдания героя <...> и его падение пред подавляющею силою людской пошлости <...>. Разумеется, самые основания борьбы, то есть идеи и стремления, — видоизменялись <...>, или <...> выказывались более определенно и резко. <...> Лишнего человека сменял Пасынков, Пасынкова — Рудин, Рудина — Лаврецкий. Каждое из этих лиц было смелее и полнее предыдущих, но сущность, основа их характера <...> была одна и та же. Они были вносители новых идей в из-

вестный круг, просветители, пропагандисты <...> и точно — в свое время они, видно, очень нужны были, и дело их было очень трудно, почтенно и благотворно». Однако, по мнению Добролюбова, в последнее время в обществе появились требования, «совершенно отличные от тех, которыми вызван был к жизни Рудин и вся его братия», «красноречивые страдальцы возвышенных убеждений», хотя критик и относит Рудина к «лучшим людям своего времени», — подросло новое поколения, для которого то, что было идеалом для прежнего, стало привычным, ореол героизма спал с прежних героев. Для примера он приводит успех изданных недавно сочинений Белинского (издание К. Солдатенкова в 12 частях, ко времени написания статьи вышло 5 томов) огромным тиражом в 12 000 экз., которые быстро разошлись, но не потому, что идеи Белинского «еще новы» и «требуют больших усилий для распространения», а, напротив, потому что они теперь «дороги и святы для большинства и что их проповедание теперь уж не требует от новых деятелей ни героизма, ни особенных талантов». С точки зрения Добролюбова, наступило время осуществления идей, время «дела». Сознание этого, «хотя смутно», критик обнаруживает уже в «Дворянском гнезде», но «талант» Т., вместе с его «верным тактом действительности, вынес его и на этот раз с торжеством из трудного положения. Он умел поставить Лаврецкого так, что над ним неловко иронизировать, хотя он и принадлежит к тому же роду бездельных типов, на которые мы смотрим с усмешкой». В новой повести Т. «попробовал стать на новую дорогу, по которой совершается передовое движение настоящего времени».

Объявляя Елену Стахову главной героиней повести (не случайно позднее Т. назовет франц. перевод повести ее именем: «Eléna»), Добролюбов увидел в ней «жажду деятельного добра», полезной деятельности, для которой еще нет места. Критик особо подчеркивает, что «верное чутье действительности» не позволило Т. «придать своей героине полного соответствия практической деятельности с теоретическими ее понятиями и внутренними порывами души». Это же не позволило автору «Обломова» показать практическую деятельность Ольги Ильинской и Штольца. Подробно анализируя характеры «балованного ребенка» Шубина и «героя пассивных добродетелей» Берсенева, Добролюбов, переходя к образу болгарина Инсарова, сразу заявляет, что в нем нет «ничего чрезвычайного», кроме «страстного желания освободить свою родину», без которой он не может существовать, он живет «*накануне* великого дня свободы», это чувство вошло в его плоть и кровь. Именно цельность и органичность натуры болгарина привлекли к нему сердце Елены.

Отказываясь от пересказа истории любви Инсарова и Елены («Нам страшно прикоснуться своей холодной и жесткой рукой к этому нежному, поэтическому созданию <...>»), Добролюбов пишет: «Певец чистой, идеальной женской любви, г. Тургенев так глубоко заглядывает в юную, девственную душу, так полно охватывает ее и с таким вдохновенным

трепетом, с таким жаром любви рисует ее лучшие мгновения, что нам в его рассказе так и чуется — и колебание девственной груди, и тихий вздох, и увлажненный взгляд, слышится каждое биение взволнованного сердца, и наше собственное сердце млеет и замирает от томного чувства, и благодатные слезы не раз подступают к глазам, и из груди рвется что-то такое? — как будто мы свиделись с старым другом после долгой разлуки или возвращаемся с чужбины к родимым местам». Именно в этой способности писателя вызывать подобные настроения души, в передаче «тонких и глубоких психологических подробностей» Добролюбов видит не только сильную сторону таланта Т., но и его «существенное значение для общества». Предполагая, что найдутся люди, которые усмотрят в сценах любви «дурное влияние на нравственность», критик восклицает: «Но не для этих людей — искусства и поэзия, да не для них и истинная нравственность». В противоположность многим критикам повести Добролюбов не усматривает в образе Инсарова желания противопоставить его «русскому молодому поколению» и выдать за образец «гражданской доблести». Т. не хотел, да и не в состоянии был написать «героическую эпопею»: «Его дело совсем другое: из всей Илиады и Одиссеи он присвоивает себе только рассказ о пребывании Улисса на острове Калипсы <...>». Вопрос, который задает критик и на который отвечает, состоит в том, почему героем повести стал не русский, а болгарин. «Все обаяние Инсарова заключается <...> в величии и святости той идеи, которой проникнуто все его существо». Именно высокая цель и смысл жизни болгарина привлекает героиню, которая стоит в центре повествования. В то же время критик указывает на «бледность очертания Инсарова» и предполагает, что он не станет образцом для подражания, подобно Карлу Моору, Вертеру, Печорину. Инсаров не мог быть русским, потому что Россия никем не порабощена («мы владеем другими, а нами никто не владеет»), в ней «царствует правосудие, возникает благодетельная гласность», в ней не разрушают церквей и т. д. Здесь Добролюбов переходит к привычному тону скрытой насмешки, переходящей в сарказм. Конструируя образ «русского» Инсарова, он попутно задевает речь Т. «Гамлет и Дон-Кихот» (*Совр.* 1860. № 1) («Отличительная черта Дон-Кихота — непонимание ни того, за что он берется, ни того, что выйдет из его усилий <...>»), выразительно рисуя тщетные усилия «небольших героев», «несколько похожих на Инсарова отвагою и сочувствием к угнетенным», которые напрасно стремятся искоренить общественные язвы вроде взяток, произвола помещиков и т. д. Но «русский герой» «сам кровно связан с тем, на что должен восставать», а дойти до отречения от «целой массы понятий и практических отношений» очень трудно. К концу статьи Добролюбов переходит к прямым обвинениям против современного общественного строя, «среды», которая «не делает нас ни умными, ни честными, ни деятельными», все это «мы должны приобретать из иностранных книжек». Рисуя неприглядные стороны русской действительности, он приходит к выводу, что

главной героине «не оставалось никакого ресурса в России» после того, как она встретила Инсарова и «поняла иную жизнь». В заключение критик выражает надежду, что в русском обществе и «*теперь* <...> есть уже место великим идеям и <...> недалеко время, когда этим идеям можно будет проявиться на деле». Залог этого он видит в возможности «таких явлений, как Елена», усматривая в этом образе признаки «типа». Осталось явиться «русским Инсаровым», «новым людям, которых появления так нетерпеливо и страстно ждет все лучшее, все свежее в нашем обществе» (*Добролюбов.* Т. 6. С. 96—140). Ст. Добролюбова, в свою очередь, вызвала ряд откликов в периодической печати (см.: *Соч.* Т. 6. С. *463—464.* Коммент. А. И. Батюто).

Март ст. ст. Завершив около 15 (27) марта перевод поэмы Шевченко «Наймичка», Плещеев посылает его Т., очевидно, с просьбой обеспечить публикацию, а также дать разрешение на посвящение перевода ему и получает согласие (см.: *Письма Плещеева.* С. 307). Т. передает поэму в *Совр.* См. также ***30 апреля*** (***12 мая***).

В п. к Добролюбову от 15 (27) апреля Плещеев сообщал: «Сейчас только получил <...> ваше письмо; и спешу отвечать на него. Я очень рад видеть “Наймичку” в “Современнике”; и на предлагаемые условия совершенно согласен. Я так и Тургеневу писал, что, ежели бы даже в другом журнале можно было получить больше денег за нее, я все-таки предпочитаю напечатать ее в “Современнике”, направлению которого — принадлежат все мои симпатии» (*РМысль.* 1913. № 1. Отд. 2. С. 147).

2 (***14***) ***апреля.*** **Суббота**. Пишет записку к Е. Я. Колбасину, вышедшему из больницы, сообщает, что заходил к нему и узнал адрес; приглашает назавтра к обеду, просит «не мешкать», поскольку «у меня опять пошли холерические припадки <— — —> и, пожалуй, я наконец окачурюсь».

3 (***15***) ***апреля.*** **Воскресенье**. Утром заезжает к А. И. Гирс, очевидно чтобы договориться о своем визите (вместе с приехавшим в Петербург Фетом) к ней и ее сестре, с целью присутствовать на музыкальном вечере, но попасть в дом ему не удается.

В записке к Гирс сообщает, что заезжал к ней, но не смог попасть («меня к Вам не пустили»), просит разрешения посетить ее музыкальный вечер вместе с Фетом, «который, я Вам заранее ручаюсь, придет в восторг от Вашего пенья!».

Предположительно обедает с вышедшим из больницы Е. Я. Колбасиным (см. ***2*** (***14***) ***апреля***).

Вечером посещает вместе с Фетом известный музыкальный салон Гирс, где слушает романсы, в том числе Глинки, в исполнении трех сестер: Александры, Надежды и Веры. В своих воспоминаниях Фет (относя ошибочно этот визит к 1856) писал:

«Зная мою страсть к романсам и романсам Глинки в особенности, Тургенев однажды вечером повез меня к певице <...>. Я был представлен трем сестрам певицам, из которых две случайно в этот вечер встретились в салоне старшей их сестры, хозяйки дома. Справедливость вынуждает сказать, что именно сама хозяйка была менее всех сестер наделена красотою. Спровадив более или менее формальных гостей, хозяйка сумела увести своих гостей и нас с Тургеневым в залу к роялю, и тут началось прелестнейшее трио. Но вот сестры хозяйки, вынужденные возвратиться домой, ушли одна за другою, и мы остались с Тургеневым у рояля, за которым хозяйка приступила к специальному исполнению романсов Глинки. Во всю жизнь я не мог забыть этого изящного и вдохновенного пения. Восторг, окрылявший певицу, сообщал обращенному к нам лицу ее духовную красоту, перед которой должна бы померкнуть заурядная, хотя бы и несомненная, красота. Душевное волнение Глинки, передаваемое нам певицею, прежде всего потрясало ее самое, и в конце романса она, закрывая лицо нотами, уходила от нас, чтобы некоторое время оправиться от осиливших ее рыданий. Минут через пять она возвращалась снова и без всяких приглашений продолжала петь. Я никогда уже не слыхивал такого исполнения Глинки» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 130).

***7* (*19*) *апреля*. Четверг**. Отвечает по-франц. на неизв. п. дочери Полины, написанное по-англ., хвалит ее за это. Возражает на ее резкие слова (например, «With you I cannot be sure of anything» («С тобой я не могу ни в чем быть уверенной»)), которых не заслужил. Сообщает, что выезжает из Петербурга 23 апреля (5 мая) и 12—14 мая н. ст. намеревается быть в Париже. Упрекает за недомолвки, просит ответить в день получения п., чтобы ответное п. пришло в Петербург до отъезда, разрешает потратить деньги на покупку белого платья для выпускного вечера в пансионе.

8* (*20*) *апреля*. Пятница.** В записке к Ег. П. Ковалевскому сообщает, что спектакль («Ревизор») в пользу Литературного фонда предположительно состоится в среду (см. ***14* (*26*) *апреля), обещает уточнить дату у Вейнберга.

***9* (*21*) *апреля*. Суббота**. В № 76 *СПбВед* в рубрике «Разные известия» выходит объявление о том, что «в самом непродолжитель-

ном времени, в доме г-жи Руадзе, на углу Большой Морской и Кирпичного переулка (вход с Мойки)», состоится «первый спектакль в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», на котором будет дан «Ревизор». Здесь же перечислены все исполнители, среди которых: городничий — Писемский, почтмейстер — Достоевский, Бобчинский — И. И. Ознобишин, Хлестаков — Вейнберг, Абдулин, купец — Островский; купцы — Т., Краевский, Майков, Дружинин, В. С. Курочкин. О точном дне спектакля предполагается объявить позднее (С. 379). См. ***13 (25) апреля*** и ***14 (26) апреля***.

Объявленная цена билетов: «*в залу*: 1-й ряд по 10 р., следующие 17 по 5 и остальные по 3 р. сер.; *на хоры* по 2 р. сер.». Объявление повторено: *СПбВед*. 1860. 10 апреля. № 77. С. 385.

В Воронеже (в первом городе после Петербурга и Москвы) проходит литературно-музыкальный вечер в пользу Литературного фонда. В программе — отрывок из «Дворянского гнезда» Т. (прочитан Де-Пуле), а также произведения Гоголя, Некрасова, Кольцова, Майкова, Пушкина и др. Особо в газ. отмечалось, что впервые в литературном чтении «явилась пред публикою дама» (Е. А. Лидерс) (см.: *Сев Пчела*. 1860. 18 апреля. № 86. С. 343).

***10 (22) апреля*. Воскресенье**. В № 13 еженедельного журнала «Наше время» за подписью «Русская женщина» напечатана ст. Н. П. Грот «Елена Николаевна Стахова» (С. 207—210), в которой героине романа, воплощающей «элемент разрушения» и решившейся на «эгоистический и легкомысленный поступок тайного брака», противопоставлены «типы женщин, которые в тиши и безвестности отмечают свое существование высокими христианскими добродетелями» (С. 208—209).

Требуя «идеального совершенства» от героини, в которой, по ее мнению, автор предлагает видеть «новый образ на рубеже новой жизни», Грот задается вопросом: «*Накануне* чего же <...>: накануне ли бодрой, свежей деятельности, чтоб, проснувшись, вознаградить потерянное время, стряхнуть с себя апатию, всегда одолевающую человека, живущего без цели и смысла, или накануне окончательного устремления на ложную дорогу, после тщетных, слабых усилий покинуть ее?» (С. 207). Елена кажется ей «живым парадоксом, облеченным в заманчивую, но и обманчивую форму любящей, пламенной женщины», способным «вскружить» «много неопытных юношеских голов» (С. 208). Рассматривая в тенденциозном свете образ Елены, Грот приходит к заключению: «...пустота и праздность, неуменье создать себе круг деятельности,

неуменье украсить участием любви жизнь других и особенно неженская храбрость и стремительность Елены — вот что решило драму ее жизни, а отнюдь не горячность сердца, не жажда любви, не способность к живой энергической деятельности». Особому осуждению подверглась «картина любви» Елены и Инсарова как «грубо оскорбляющая чувство изящного» и «противная истинной женственности» (С. 209). По мнению Грот, героиня Т. «вышла несколько недоделанною» и не соответствующей «истинной природе женщины», а потому не может служить образцом женщины, «какою она должна быть теперь у нас в России»: «Встречая, может быть, иногда в светских салонах вместо женщин каких-то кукол, живущих только одною искусственною жизнию, автор был вовлечен в заблуждение, что относительная красота характера Елены, если сравнить ее с такими дамами и девицами, — есть красота положительная, вечная, образцовая» (С. 210). Автору возражала с позиций женской эмансипации в ст. «Несколько слов по поводу статьи "Русской женщины"» Е. Тур (гр. Салиас), сравнившая ее воззрения с магометанством (*МВед.* 1860. 17 апреля. № 85. С. 665—666). Позднее в «Нашем времени» появился «Ответ русской женщины госпоже Тур», где Грот вновь повторила свои аргументы, добавив к ним решительный протест против выпада Е. Тур в сторону женщин из привилегированного общества, якобы не способных на подвиг Елены Стаховой. Намекая на подвиг жен декабристов, она писала: «Кто может так решительно утверждать, что между светскими, аристократическими нашими женщинами нет таких, которые были бы способны на совершенное забвение себя и не разделили бы охотно с любимым человеком даже ужасов заточения и казни? И в нашей недавней истории есть уже тому живые примеры» (1860. 15 мая. № 18. С. 285). Подробнее о развернувшейся полемике см.: *Соч.* Т. 6. С. *458—460*. См. также ***8*** (***20***) ***мая***.

13 (***25***) ***апреля***. **Среда**. В № 79 *СПбВед* в рубрике «Разные известия» сообщается о том, что первый спектакль в пользу Литературного фонда состоится ***14*** (***26***) ***апреля*** в 7 $^1/_2$ (С. 395). См. также ***9*** (***21***) ***апреля***.

Объявление повторено: *СПбВед.* 1860. 14 апреля. № 80. С. 399.

14 (***26***) ***апреля***. **Четверг**. Выступает в роли купца при исполнении «Ревизора» на любительском спектакле в зале Руадзе в пользу Литературного фонда, с участием писателей (см. ***9*** (***21***) ***апреля***; *Сб Литфонда* (*XXV*). С. 432). Кроме Т. в спектакле участвовали: непосредственные организаторы Писемский и Вейнберг, а также Достоевский, в сцене купцов — Гончаров (установлено А. Д. Алексеевым: *Гончаров. Летопись.* С. 108), Некрасов, Краевский, Дружинин, Григорович, Майков, Ф. А. Кони (вместо Островского) и В. С. Куроч-

кин. На представление собралась «многочисленная и великосветская публика», присутствовал вел. кн. Константин Николаевич (см.: *Совр.* 1860. № 4. С. 445). «Пьеса шла неблистательно, но денег собрано много. Все места почти были заняты» (*Никитенко.* Т. 2. С. 118). По воспоминаниям Пантелеева, публика собралась прежде всего «повидать своих излюбленных литераторов в совершенно новом положении», отчего кульминацией спектакля стало появление купцов: «Что тут происходило в течение нескольких минут — и рассказать трудно; пусть читатель вообразит себе: Тургенев в длиннополом кафтане с головой сахара в руках! Веселый смех, рукоплескания продолжались так долго, что Хлестаков, по его словам, даже присел отдохнуть» (*Пантелеев.* С. 230—231). См. также: Литературные спектакли. Из воспоминаний Петра Ис. Вейнберга // Ежегодник императорских театров. Сезон 1893—1894 гг.: Приложения. СПб., 1895. Кн. 3. См. также ***6 (18) мая***.

«Зала была полна, — констатировала *Сев Пчела*, — исполнение комедии как нельзя более удовлетворительно, и общая похвала преимущественно падала на гг. Писемского и Вейнберга, исполнявших главные роли. <...> Второе представление также не замедлит и почти все билеты разобраны» (16 апреля. № 85. С. 337). «Мы не будем говорить об исполнении, — замечал фельетонист *СПбВед*, — любители, предложившие свои услуги для доброго дела, не подлежат критике. Скажем, однако, что пьеса была исполнена большим ансамблем и в конце представления все участвовавшие в нем были вызваны два раза. Во время самой пьесы наиболее аплодировали г. Писемскому, игравшему городничего, г-ну Вейбергу, игравшему роль Хлестакова, г. Ловягину, прекрасно исполнившему роль Осипа <...> Огромная зала в доме г. Руадзе, в котором помещается с лишком тысяча зрителей, была полна. Нет никакого сомнения, что и следующее представление, назначенное на завтра и в котором будут исполнены “Женитьба” — Гоголя и “Провинциалка” — г. Тургенева, соберет такую же многочисленную публику <...>» (17 апреля. № 83. С. 412).

Как отмечал Панаев в «Заметках Нового поэта», «с точки зрения дилетантизма “Ревизор” был разыгран очень удачно. Г-н Писемский сыграл роль городничего очень умно, но игре его недоставало того одушевления, которое всегда служит верным признаком истинного сценического таланта. К тому же ему несколько вредила его дикция. / Г-н Вейнберг очень удачно разыграл сцену в 3 акте, в которой Хлестаков, после данного ему завтрака, до того завирается, что не шутя сам себя воображает почти героем. Ни один из актеров, представлявших эту роль на петербургском театре, не сумел так верно и живо изобразить этой сцены» (*Совр.* 1860. № 4. С. 445).

***8 или 15 (20 или 27) апреля.* Пятница**. Получает от гр. Ламберт приглашение (неизв.) на обед в субботу.

В записке к Е. Я. Колбасину просит перенести намеченный назавтра обед на воскресенье, поскольку «завтра» приглашен на обед к гр. Ламберт.

15 (27) апреля.* Пятница**. Дата ценз. разрешения № 4 *ОЗ*; в нем — рец. «Сочинения Д. В. Давыдова», ошибочно приписанная Тургеневу и вошедшая в *ПССиП*(*1*) и *ПССиП*(*2*). На самом деле Тургеневу принадлежала небольшая заметка о виолончелисте К. Ю. Давыдове (Давидове), вышедшая в *СПбВед*. См. ***12 (24) февраля.

Начинает и не отправляет п. к Павлову (см. ***21 апреля (3 мая)***) с извинениями за задержку с посылкой «Первой любви», в чем адресат упрекнул его в неизв. п. Объясняет это забывчивостью и загруженностью «всякими работами». «Земно кланяется» за «заступничество», т. е. за ст. Павлова «“Накануне” и “Наше время”» в газ. *МВест* (см. ***25 марта (6 апреля)***) — ответ на ст. Дарагана в газ. «Наше время» (см. ***13 (25) марта***). Сожалеет, что ст. навлекла на Павлова неприятности. Обещает к осени доставить ст. (не осуществ.) для *МВест* («Несколько мыслей о современном значении и призвании русского дворянства», см. ***22 января (3 февраля) 1859***). Окончание п. см. ***21 апреля (3 мая)***.

В ст. Павлов в резкой форме обвинил Дарагана и его единомышленников по «Нашему времени» в «полицейском образе мыслей» и «требованиях самого придирчивого квартального надзирателя». Называя роман самым зрелым из всех произведений Т., он особо отметил новое для писателя направление мыслей, связанное с критикой «лишних людей», и поддержку «всего живого и современного» (С. 192—194). Активная позиция Павлова, несомненно, нашла отражение в созданном вскоре образе главного героя «Отцов и детей» (в подготовительных материалах к роману, помеченных августом 1860, Павлов назван среди прототипов Базарова: «Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского». См.: *Соч.* Т. 12. С. 566).

***Январь — 16 (28) апреля.* Суббота**. В записке к Карташевской обещает, что билет для Страдецкого будет получен. По поводу своего самочувствия пишет: «...я продолжаю чувствовать себя выпотрошенной рыбой», однако «завтра вечером» обещает быть у нее.

Возможно, получив записку от Карташевской, пишет в ответ: «Действительно в понедельник неудачно <...> по причине концерта» (возможно, ***18 (30) апреля***), предлагает отложить встречу до среды, надеется в ближайшие дни увидеться и переговорить об обеде.

***9 (21) или 16 (28) апреля.* Суббота.** Обедает у гр. Ламберт.

16 (28) апреля.* Суббота.** Дата неотправленного (?) п. гр. Ламберт к Т., на котором надпись по-франц.: «Прочитайте мое письмо вечером и порвите, чтобы никто не увидал его» (*Granjard.* P. 94). В п. графиня подробно рассказывает сон, в нем Т. много говорит, превращается в кошку, а графиня переносится в подвал, где несколько лет проводит на соломе и много страдает, за что ей достается какое-то огромное сокровище, хочет найти какую-то волшебную траву, чтобы вылечить больную, но не может этого сделать (Ibid. P. 94—96). См. ***17 (29) апреля.

В № 82 *СПбВед* в рубрике «Разные известия» выходит объявление о том, что «в понедельник, 18-го апреля 1860 года, дан будет второй спектакль в пользу Общества», в программе которого: «I. Провинциалка, комедия в одном действии, соч. И. С. Тургенева» и «II. Женитьба» Гоголя. Здесь же перечислены все исполнители, среди которых в «Провинциалке»: Ступендьев — И. И. Ознобишин, Дарья Ивановна — Мичурина, граф Любин — Вейнберг, родственник Ступендьевых — С. С. Кокошкин; Васильевна, кухарка — Е. П. Ловягин, Аполлон — С. Н. Степанов, камердинер графа — В. П. Свиньин (С. 409). См. ***18 (30) апреля***.

Объявление повторено: *СПбВед.* 1860. 17 апреля. № 83. С. 414.

Между 15 (27) и 17 (29) апреля. В п. к Карташевской благодарит за заботу о его здоровье, сообщает, что «пока здоров». В ответ на просьбу прислать «лекцию» (очевидно, о Пушкине, см. ***19 апреля (1 мая)***) пишет, что не может это сделать, поскольку она «еще не кончена и я ее не перечел». Обещает увидеться на репетиции «Женитьбы» Гоголя «завтра вечером».

В один из этих дней вечером состоялась репетиция спектакля в пользу Литературного фонда «Женитьба» (см. ***18 (30) апреля***).

В эти дни дорабатывает лекцию о Пушкине.

***Март — 17 (29) апреля.* Воскресенье.** Утром в записке к Шевченко сообщает, что «завтра» у него обедает петрашевец Спешнев, которого Шевченко хотел видеть, приглашает на обед.

***17 (29) апреля.* Воскресенье.** Заезжает к кн. Черкасской (?).

В записке к кн. Черкасской (?) сообщает, что заезжал к ней, чтобы сказать, что «чтение» его (лекция о Пушкине) перенесена с понедельника на вторник (см. ***19 апреля (1 мая)***), в 8 ч. в зале Бенарда-

ки, а также с целью завезти два билета в первом ряду на завтрашнее представление (см. ***18 (30) апреля***). Еще один билет обещает прислать завтра.

Дата записки гр. Ламберт к Т., ждавшей его «без достаточных причин» к себе вечером, чтобы прочесть п., написанное накануне с изложением ее сна (см. ***16 (28) апреля***). Сокрушается, что ничего не смогла сделать для г-на Гетарта (лицо неуст.): «Успех и я редко ходим одной дорогой». Жалуется, что слуга Тургенева Захар смотрит на нее с холодным презреньем (*Granjard*. P. 96).

В № 85 *МВед* выходит ст. Е. Тур (гр. Салиас де Турнемир) «Несколько слов по поводу статьи “Русской женщины”» (С. 665—666) — ответ на ст. Н. П. Грот «Елена Николаевна Стахова». См. ***10 (22) апреля***.

***Конец 1859 — 18 (30) апреля*. Понедельник**. В записке к Карташевской сообщает, что «сегодня» увидится с Анненковым и переговорит с ним насчет дня визита.

***8 (20) февраля — 18 (30) апреля*. Понедельник**. В п. к гр. Ламберт сообщает, что собирался быть у нее сегодня, но не может. Посылает ей аттестат Цебрикова, который желал бы иметь место управляющего. Аттестуя Цебрикова, пишет, что он «бывший декабрист — но уже давно прощенный и бывший на службе; за его абсолютную, рыцарскую честность я *ручаюсь головою* — а за его способности говорит прилагаемый аттестат». Просит показать аттестат кому-нибудь из сегодняшних гостей графини, учитывая, что Цебриков желал бы от 1500 до 2000 р. в год: «Ему под 60, но он еще втрое моложе меня». Обещает быть у графини послезавтра. В постскриптуме пишет, что лично знает Раевского (очевидно, декабриста В. Ф. Раевского).

***18 (30) апреля*. Понедельник**. На втором любительском спектакле в пользу Литературного фонда исполняют «Провинциалку» Т. и «Женитьбу» Гоголя. По воспоминаниям Пантелеева, в «Женитьбе» из литераторов участвовали «только Писемский — Подколесин, Вейнберг — Кочкарев, Ознобишин — Жевакин» (*Пантелеев*. С. 231), но публика была привлечена главным образом «Провинциалкой» Т. с Самойловой в главной роли. Описывая ее как «любимицу петербургской публики, в полном блеске таланта и античной красоты», Пантелеев писал: «При появлении ее публика была так растрогана, что многие расплакались. Лично у меня о В. В. Самойловой <...> со-

хранилось воспоминание как о чем-то до такой степени во всех отношениях изящном на сцене, чего более мне уже не приходилось видеть» (Там же). Очевидно, Т. присутствовал на этом спектакле.

«В понедельник, вечером, — сообщали *СПбВед*, — был второй спектакль в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. <...> Этот спектакль удался более, нежели первый, хотя и первый ни в каком случае нельзя считать неудавшимся. Исполнение обеих пьес было отчетливее, нежели исполнение “Ревизора”, а главное, в нем было как-то больше жизни, одушевления. В “Провинциалке”, кроме г-жи Мичуриной, которая создала главную роль этой комедии еще во время пребывания своего, под именем г-жи Самойловой, на русской сцене, были очень хороши: г. Кокошкин — в роли Миши, скромного юноши, скромно влюбленного в хорошенькую свою тетеньку-кокетку, а особенно г. Ознобишин — в роли стряпчего, супруга провинциальной кокетки, устроившей участь свою и своего мужа» (23 апреля. № 88. С. 440).

Как отмечал Панаев в «Заметках Нового поэта», «в этот спектакль зала была уже не так полна, как в первый спектакль — и это очень жаль, потому что “Женитьба”, говорят, была разыграна превосходно и г. Писемский сыграл роль Подколесина с несравненно большим одушевлением, чем роль городничего» (*Совр.* 1860. № 4. С. 446).

***19 апреля* (*1 мая*). Вторник**. Утром получает записку от Карташевской (неизв.) с просьбой о двух билетах на лекцию о Пушкине и 8 р. Уточняет, что столько стоит один билет на две «беседы», что билеты номеров не имеют: «кто раньше приедет, тот и займет лучшее место». На всякий случай посылает два билета с просьбой вернуть второй по ненужности до 4 ч. дня. Прощается до вечера.

Т. в зале Бенардаки на Невском пр. в 8 ч. вечера читает первую лекцию «Об А. С. Пушкине и его значении в русской литературе» (*Сев Пчела*. 1860. 30 апреля. № 97. С. 389). Билет (единый для обеих лекций) сохранился в архиве кн. Вяземского (*РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. № 2884. Л. 7); на нем значится: «Две беседы об А. С. Пушкине и его значении в русской литературе. / И. С. Тургеневым. / В зале Бенардаки. / В пользу бедных. / 18 и 22 апреля 1860 г. в 8 час. вечера. / Цена 8 руб. сер.» (см.: *Громов В. А.* Под сенью Пушкина (Литературные очерки об И. С. Тургеневе и А. С. Пушкине). Орел, 1999. С. 106). См. также ***22 апреля* (*4 мая*)**.

Полный текст лекций не сохранился; фрагмент включен Т. в «Воспоминания о Белинском»: *Соч.* Т. 11. С. 34—37.

Выходит № 41 газ. «Одесский вестник»; в нем — в «Обозрении журналов» под псевдонимом В. Чибисов ст. П. П. Сокальского «“Накануне”, повесть И. Тургенева» (С. 189—191).

Отмечая, что мнения о романе «оказались весьма разнообразны», автор причисляет себя к тем, кто остался недовольным «неудачным выполнением широко задуманного плана». Высоко оценивая «идею» романа — «представить положение в нашем обществе развитой женщины», критик упрекает Т. в том, что ему «мало было одних художественных целей романиста: он задумал из своего рассказа сделать вместе и демонстрацию публициста»: «Автор желал придать общественное и вместе современное значение своей повести. <...> она могла бы иметь его; даже более, она непременно имела бы его, если б первоначальная идея ее была развита с последовательностью. <...> Вместо того г. Тургенев вознамерился своей героиней, как орудием для иной цели, доказать пустоту и младенческое состояние наших общественных героев». Один из основных упреков критика заключается в том, что Т. не показывает, каким образом сформировалась главная героиня — «эта натура выше своей среды». Без ответа на этот вопрос она «становится идеалом, мертвым плодом воображения, почти мифом». Образ Инсарова, по мнению критика, «служит представителем следующих истин: 1, бедности современного типа молодого русского общества; 2, неизмеримого превосходства над ним всякого человека, способного к делу и воодушевленного какою-нибудь благородною мыслью, т. е. человека с характером и возвышенными стремлениями; 3, безвыходности положения в русском обществе глубоко развитой женщины» (С. 189). Подводя итог, критик заключает, что Т. затронул «важный вопрос о положении русской женщины», но «женщина вышла у него подставным лицом, орудием наперед задуманной мысли, каким-то экваториальным цветком, не из коллекции русской растительности. В течение рассказа она мало-помалу из героини превращается в орудие, которым бичуют современный тип; ради этой идеи явился и Инсаров, которым тоже бичуют пустоту и мелкость современного типа» (С. 191).

Между 11 (23) апреля и 20 апреля (2 мая). Дата написания ст. Леонтьева «Письмо провинциала к г. Тургеневу» по поводу романа «Накануне» и присылки ее Т. (п. неизв.).

Крайние даты написания определяются ссылкой в тексте на ст. Н. П. Грот (псевдоним: Русская женщина), напечатанную в № 13 «Нашего времени» (см. ***10 (22) апреля***), и датой ответного п. Тургенева (см. ***22 апреля (4 мая)***). В *Леонтьев* (Т. 9. С. 575) датируется апрелем 1860 (такова авторская дата под ст.). «Письмо провинциала» является своеобразным откликом на совет Т. «попробовать писать критические и эстетические этюды», данный в п. от ***16 (28) февраля***. См. также ***15 (27) мая***. Формальным поводом к написанию ст. Леонтьева послужил критический отклик Дарагана о «Накануне», напечатанный в «Нашем времени» (см. ***13 (25) марта***), однако по сути в ней оценивалось все творчество писателя. Признаваясь, что прочел повесть «с увлечени-

ем», Леонтьев с первой фразы заявлял, что «Накануне» «неприятно потрясло» его. Т. якобы оказался «недостойным самого себя» как поэт, недостойным не только «Рудина», «Дворянского гнезда», «Муму», «Затишья», но даже «Записок охотника», которые «много уступают в деле зрелой красоты этим повестям». Упреки критика сводились к тому, что в новом романе слишком видна «математическая ясность плана», автор не перешел «*за ту черту, за которой живет красота*, или идея жизни», Инсаров оказался «несимпатичным» как для «русского вообще», так и для самого Т., а образ Елены холоден и автор остается равнодушным к нему («за тот выбор, который одобряет ваш рассудок в припадке русского самоуничижения»), психологические и исторические «остовы» этих образов не облеклись «художественной плотью». Противопоставляя «Накануне» другим произведения Т., Леонтьев писал: «...вы не любили Инсарова, вы любили Рудина, <...> Шубина <...> автора писем в “Фаусте”, Горского (“Где тонко, там и рвется”), и не знаю, зачем вы казните в “Накануне” это изящное, колеблющееся начало. Не подобное ли начало долго было живительным в России?». В то же время Леонтьев не только дал отпор обвинениям в безнравственности, прозвучавшим в нескольких статьях, но и очень высоко оценил другие романы Т.: «Отчего “Рудин” так высоко поднимает душу, так любим всяким русским умом, умевшим хотя немного жить для идеала? Отчего “Гнездо” так умиляет, примиряет сердце? <...> потому что мысль о прогрессе, протекающая под живыми явлениями драмы, не первая бросается в глаза».

Спустя почти 30 лет в ст. «Анализ, стиль и веяние» Леонтьев повторит свою резкую оценку «Накануне»: «...нужно или вовсе уж и не думать о прекрасном ни в искусстве, *ни в самой жизни*, или иметь вкусы какого-то торжествующего лакея, чтобы не понимать, что в повести “Первая любовь” и поэзия, и правда бьют ключом из каждой строки, а все это “Накануне” намалевано почти по заказу прогрессивно-демократического хамства» (*Леонтьев.* Т. 9. С. 245).

20 апреля* (*2 мая*)**. **Среда**. Утром отвечает на п. гр. Ламберт (см. ***17* (*29*) *апреля): «Мне непременно нужно Вас видеть — и чтобы поговорить о Вашем удивительном письме (очевидно, о п. от ***16* (*28*) *апреля***. — *Ред.*) — и так-таки нужно <...>». Жалуется, что завален «глупейшей работой», и просит приехать к ней «сегодня» в 7 ч. вечера на $1\,^1/_2$ часа. Напоминает, что в прошлом году перед его отъездом за границу Ламберт помогла ему достать «золота», т. е. обменять рубли на золотые монеты через министра финансов Княжевича, просит помочь и в этот раз обменять «если не 100 — то 75 целковых». Сообщает, что уезжает в воскресенье утром (см. ***24 апреля* (*6 мая*)**).

В тот же день гр. Ламберт отвечает Тургеневу: «Приезжайте, милый Иван Сергеевич, я буду Вас ждать в семь часов по Вашим сло-

вам. — Мне очень жаль, что Вы уезжаете в воскресенье. Это у меня украденные по крайней мере восемь дней. — Вы сначала не хотели выехать раньше 1-го мая». Обещает постараться достать деньги к вечеру, хотя времени на это мало. В приписке сообщает, что по предъявлении паспорта он сможет получить шестьдесят полуимпериалов (*Granjard.* P. 97).

Вечером наносит визит гр. Ламберт, во время которого состоялся спор (см. ***29 апреля*** (***11 мая***)).

21 апреля (***3 мая***). **Четверг**. Дописывает п. к Павлову, начатое ***15*** (***27***) ***апреля***. Извиняется за задержку, уверяет, что за границей, после небольшой передышки, намерен снова взяться за перо. Сообщает, что экземпляр «Первой любви» ему доставит Основский, который выезжает из Петербурга послезавтра.

В п. к Карташевской сообщает о своем отъезде утром в воскресенье, ***24 апреля*** (***6 мая***). Обещает быть у нее завтра, после чтения лекции о Пушкине, удивляется, что она осталась довольна первой лекцией (см. ***19 апреля*** (***1 мая***)).

На заседании (№ 18) Комитета Литературного фонда представляет «отчет», из которого, согласно протоколу, «видно, что г. Андреевский, получая весьма небольшое жалованье» преподавателя русского языка, вынужден содержать дочь. Решено выдать единовременное пособие в размере 150 р. сер. (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 63–63 об.). На этом же заседании Т. «сообщил Комитету сведения о стеснительном положении» учителя Рождественского уездного училища и краеведа Евлентьева (выдано единовременное пособие в 50 р.) (Там же. Л. 63 об.), а также предложил в члены Общества Случевского.

В № 89 *Сев Пчелы* в «Письмах о русской журналистике» сообщается о выходе «Первой любви» Т. в № 3 *БдЧ* (см. ***22 марта*** (***3 апреля***)): «Мы слышали о выходе всех произведений Тургенева, в 4-х томах; тогда мы скажем о всей его деятельности, о его значительнейших вещах; тогда мы скажем и о “Первой любви”. Нам кажется, что это произведение эскизное, подготовка к чему-то большему» (С. 352).

В Москве, в Малом театре, во время гастролей Мартынова возобновляется комедия Т. «Холостяк».

Баженов в девятом «Московском театральном письме» особо остановился на исполнении Мартынова: «Для роли холостяка-Мошкина <...> не остается желать лучшего исполнителя; в этой высококомической роли более, чем во всякой другой, обнаружилась вся прочность,

вся состоятельность этого истинного таланта. В течение двух больших актов г. Мартынов ни разу не прибегнул к малейшему фарсу, не сделал ни одного лишнего движения; а между тем весь театр или от души смеялся над ним, или глубоко ему сочувствовал. Да и вся комедия имела праздничный вид, во-первых, благодаря сокращению; а во-вторых, потому что кроме Мартынова прекрасно исполнили свои роли: г. Живокини (Шпуньдик), г. Самарин (фон-Клакс), г-жа Акимова (Пряжкина) и г-жа Савина (Белоногова)» (Музыкальный и театральный вестник. 1860. 8 мая. № 18. С. 146). См. также ***6*** (***18***) ***мая***.

22 апреля (***4 мая***). **Пятница**. Передает денежное пособие от Литературного фонда учителю Евлентьеву, о чем свидетельствует расписка последнего: «От Ивана Сергеевича, господина Тургенева получил 50 р. с. учитель Евлентьев. 22 апреля 1860 года» (*РНБ*. Ф. 438. № 8. Л. 44).

Дата ответа И. Я. Андреевского на неизв. п. Т.: «Милостивый государь Иван Сергеевич! Имею честь уведомить Вас, что назначенные мне в единовременное пособие Комитетом Вашим сто пятьдесят рублей серебром мною получены. Принося Вам чувствительнейшую благодарность за благодетельное содействие Ваше, имею честь быть с отличным уважением и преданностию Вашим покорнейшим слугою Ив. Андреевским» (Там же. № 1. Л. 39 об.).

Посылает Леонтьеву гонорар (200 р. сер.) за повесть «Второй брак» (*БдЧ*. 1860. № 4; см. ***16*** (***28***) ***февраля***), сожалеет, что не увидится с ним в Петербурге, поскольку уезжает послезавтра в Париж. Сообщает, что ст. Леонтьева о «Накануне» «отдал было» в *Совр*, но он отказался поместить ее, тогда передал ее Дудышкину в *ОЗ* (опубл.: 1860. № 5): «Мне самому она показалась очень умной и тонкой; но Вы понимаете, что я в этом деле не судья — и в силу тех же законов человеческого самолюбия подкуплен порицанием. Как бы то ни было, благодарю Вас за то, что Вы прислали ее прямо ко мне: в этом я вижу знак Вашего расположения ко мне и хорошего обо мне мнения». Интересуется, где Леонтьев проведет зиму, хотел бы встретиться. По поводу повести «Второй брак» пишет: «Очень был бы рад, если бы “Второй брак” понравился и тем оправдал мои ранние ожидания от Вашего таланта». Передает привет барону Розену и его жене, у которых Леонтьев в это время служил домашним врачом и воспитателем детей.

В 8 ч. вечера в зале Бенардаки на Невском пр. читает вторую лекцию «Об А. С. Пушкине и его значении в русской литературе». См. ***19 апреля*** (***1 мая***).

30 апреля (12 мая) фельетонист *Сев Пчелы* отмечал: «Наш любимый беллетрист И. С. Тургенев в одном частном доме, в небольшом, избранном кругу, прочел две занимательные лекции о Пушкине и о влиянии его на нашу литературу и общество. Сбор за эти чтения предназначен для пособия бедному семейству» (№ 97. С. 389). В «Заметках Нового поэта» откликнулся также Панаев, который, однако, на самих лекциях не присутствовал: «Второе чтение о Пушкине, говорят, было особенно замечательное. Здесь впервые перед этим избранным обществом произнесено было имя Белинского. / На многих оно произвело не совсем благоприятное впечатление. / Я слышал, будто один из литературных авторитетов старого времени заметил Тургеневу после чтения, что присоединение имени Белинского к именам Пушкина, Лермонтова и Гоголя — очень дико, да и что бы ни говорили, а по его мнению, Белинский был не более как невежественный крикун. / Я не ручаюсь за подлинность этих слов... Мало ли что говорят?..» (*Совр.* 1860. № 5. Отд. «Современное обозрение». С. 113).

После чтения лекции о Пушкине навещает Карташевскую (см. ***21 апреля (3 мая)***).

В № 15 газ. *МВест* (ценз. разрешение 21 апреля) выходит ст. «Опять о “Нашем времени”» (б/п) — продолжение спора о «Накануне» Т., вызванного ст. Дарагана (см. ***13 (25) марта***) и продолженного в ст. «Русской женщины» (Н. П. Грот) (см. ***10 (22) апреля***), где автор (предположительно Павлов) приветствует ст. Е. Тур в *МВед* (см. ***17 (29) апреля***) и выступает в защиту Т. (С. 243—244).

Апрель (не позднее 22) ст. ст. **Пятница**. В п. к гр. Ламберт извиняется за то, что злоупотребляет ее снисхождением и добротой, но просит подательнице письма — старушке Марии Ивановне, которая долгое время была служанкой матери, помочь устроиться в богадельню «на то короткое время, которое ей остается жить». Готов оплатить расходы. Надеется увидеться «завтра», в субботу.

Середина января — 24 апреля (6 мая). **Воскресенье**. В п. к Ег. П. Ковалевскому просит принять золотое перо «на обмен Вашего, хорошего», а также похлопотать через брата, министра нар. просвещения Евг. П. Ковалевского, о назначении на место цензора Московского цензурного комитета Павлова, сотрудника *МВест*, «отличнейшего и достойнейшего во всех отношениях человека». Отзывается негативно о цензоре Петербургского цензурного комитета Рахманинове, который «не одной литературе вредил».

24 апреля (6 мая). **Воскресенье**. Выезжает из Петербурга за границу.

28 апреля (***10 мая***). **Четверг**. Вечером прибывает в Кенигсберг после «мучительного» путешествия (см. ***29 апреля*** (***11 мая***) и ***30 апреля*** (***12 мая***)).

29 апреля (***11 мая***). **Пятница**. В п. к гр. Ламберт сообщает, что «вчера вечером» прибыл в Кенигсберг, откуда пишет ей по двум причинам: чтобы сказать, несмотря на «не так дружелюбно и приятно» проведенный вместе последний вечер («мы спорили и т. д.», см. ***20 апреля*** (***2 мая***)), что он по-прежнему ее очень любит и дорожит ее дружбой. Рад, что графиня собирается в Эмс, и думает приехать туда непременно (см. ***24 июня*** (***6 июля***)). Вторая причина письма — просьба определить 9-тилетнюю племянницу Д. Я. Колбасина Ольгу Згурскую, потерявшую отца, в один из петербургских или московских институтов (в письме содержится копия ходатайства Колбасина). Характеризует Колбасина, служащего Конторы уделов в Новгороде, с наилучшей стороны. Просит писать в Париж до востребования.

Выезжает в Берлин.

30 апреля (***12 мая***). **Суббота**. Утром приезжает в Берлин и в тот же день отправляется дальше в Париж.

В п. к Фету жалуется на неудобства путешествия: «Сказать вам, что претерпели мы на дороге в России — невозможно; а между тем шоссе было в отличном состоянии! <...> До сих пор русский действительно с умилением видит границу своего отечества... когда выезжает из него. Особенно памятна осталась мне 8-ичасовая переправа через Двину под Динабургом — где наш паром понесло вниз по реке и прибило, наконец, назад к берегу — оттого что “старому карлику жиду, которому поручено было держать руль, прохожая богомолка старуха не вовремя подпёрла задницу” (Historique) (исторический факт — *франц.*). А начальника над переправой не было — потому что он “накануне сопровождал Горчакова”. (Тоже historique)». Иронически описывает, чем кормили путешественников, сообщает свое расписание: после 10 дней в Париже отправляется в Соден, где, по совету доктора Здекауэра, будет пить воды. Поскольку Соден находится в двух шагах от Дармштадта, где бывал Фет и хвалил тамошних собак, просит рекомендовать его здешнему обер-фёрстеру (Бауру) с целью приобрести собаку. Сообщает, что был очень занят в последние дни в Петербурге, что оставил Писемского опасно больным и беспокоится о нем (см. ***7*** (***19***) ***мая***). Просит написать; интересуется, как идут дела с «серпуховской покупкой», т. е. приобретением

земли в Серпуховском уезде. Спрашивает, куда за границу едут гр. М. Н. Толстая с братом Львом Николаевичем. Просит передать Борисову благодарность за последнее «любезное» письмо (неизв.) и писать ему во Франкфурт до востребования. Обещает написать еще п. из Парижа, жалуется, что от дороги грудь его опять расстроилась и он мучительно кашляет. Просит передать привет дяде Н. Н. Тургеневу и присылать новые ст-ния.

Выходит № 4 *Совр* (ценз. разрешение 26 апреля); в нем — перевод Плещеевым поэмы Шевченко «Наймичка» («Работница») (С. 457—472), посвященный Т.

Вторая половина апреля ст. ст. Предположительная дата п. Добролюбова к Славутинскому, в котором он передает поклон Дарагану: «Я на днях прочитал его статью о Тургеневе; здесь рассказывали о ней ужасы, которых я тут вовсе не нашел. О Елене мысли его очень странны, даже дики; но видно, что на этот счет *с ним можно спорить.*Что касается до Инсарова, то я с ним совершенно согласен и даже высказал те же мысли в своей статье. Жаль только, что согласно с тоном и целью всей моей статьи я не мог их высказать резче» (*Добролюбов.* Т. 9. С. 416). См. также ***13 (25) марта*** и ***31 марта (12 апреля)***.

Апрель ст. ст. Предположительная дата п. Плещеева к Добролюбову с откликом на полемику вокруг «Накануне»: «А читали вы эту гнусную, вонючую статью Русской Женщины в “Нашем времени”? Неужели вы оставите ее без ответа? Раздавите ее вместе с плюгавым Н. Ф. Павловым. Е. Тур отвечала довольно ловко и вас даже похвалила» (*РМысль.* 1913. № 1. Отд. 2. С. 149). О ст. «Русской женщины» см. ***10 (22) апреля***; о ст. Е. Тур см. ***17 (29) апреля***. Добролюбов ответил в «Свистке» (см. ***26 мая (7 июня)***). Сам Плещеев откликнулся на ст. «Нашего времени» в *МВест* ***6 (18) мая***.

1 (13) мая. **Воскресенье**. В № 16 газ. «Наше время» (ценз. разрешение 30 апреля (12 мая)) выходит резко критическая ст. Власьева «“Первая любовь” (Повесть г. Тургенева)» (С. 253—256). Видя в Зинаиде «единственный во всей повести вполне точно задуманный и ясно обрисованный человеческий образ», критик считает, что остальные персонажи «вовсе не живые существа, а только олицетворения различных способов любить, различных проявлений любви» (С. 254). Заключает: «Вообще <...> вся повесть страдает крайней бессвязностью и отсутствием художественной обработки» (С. 256).

В № 18 «Сына отечества» выходит фельетон «Листок», большая часть которого посвящена роману Т. «Накануне» (С. 509–511).

Приезжает в Париж, останавливается в гостинице «Byron» на улице Лафитт.

Извещает Герцена (п. неизв.) о прибытии в Париж, дает адрес, передает какую-то «комиссию» Анненкова (см. ***2*** (***14***) ***мая***) и сообщает, что тот будет ждать от него п. в Берлине. Собирается к Герцену в Лондон. Возможно, делится намерением устраивать в Париже чтения в пользу нуждающихся литераторов (см. ***6*** (***18***) ***мая***).

2 (***14***) ***мая***. **Понедельник**. Дата п. Герцена (с припиской Огарева) к Анненкову, написанного, очевидно, тотчас по получении п. от Т., исполнявшего просьбу Анненкова (см. ***1*** (***13***) ***мая***). Иронизирует по поводу деятельности Литературного фонда в России и, в частности, чтения Т. ст. «Гамлет и Дон-Кихот», а также по поводу вышедшего романа «Накануне»: «Разве в Берлине тоже общество чтения в пользу литераторов, их жен и мужей — открыто? Что будет Тургенев читать — сравнение “Отелло и генерала Кабреры”? — Отрывок из повести “Послезавтра”, глава III “Четвертого дня”?». Сообщает, по просьбе Анненкова, свое расписание: «в августе будем и в Isle of Wight (о. Уайт — *англ.*) и в Лондоне», приглашает в Лондон в любое время. Обещает прислать «Колокол» в берлинскую гостиницу «St. Pétersbourg». Обращает внимание на то, «как мы куснули “Библиотеку для чтения” — ты будешь, может, недоволен — тоже зашибал в *Ларпурлар*» (т. е. в духе «искусства для искусства», от франц. l’art pour l’art, намек на сотрудничество Анненкова в *БдЧ*) (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 48; см. ***6*** (***18***) ***мая***). В том же п. Герцена Огарев сообщает, что Боткин («Василиса Петровна») уехал «по части искусства» во Флоренцию.

3 (***15***) ***мая***. **Вторник**. Дата № 71 «Колокола» (вышел 2 (14) мая); в нем — ст. Герцена «“Библиотека” — дочь Сенковского» с откликом на рец. Дружинина на «Украинские народные рассказы» Марко Вовчок в пер. Т. (см. ***6*** (***18***) ***мая***).

Дата записки Маркович к Т. из Лозанны, извещающей, что через неделю собирается быть в Париже, просит сообщить адрес и писать ей в Лозанну до востребования (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 279). См. ***9*** (***21***) ***мая***.

5 (***17***) ***мая***. **Четверг**. В № 99 *МВед* в «Литературном отделе» выходит первая часть ст. Н. П. Некрасова «Литературные заметки. Не-

сколько слов о повести г. Тургенева “Накануне”» (С. 782—783), содержащая отрицательный отклик о романе. Окончание вышло ***6* (*18*) *мая***.

Признавая художественные достоинства «Накануне», критик возражает против трактовки образа Инсарова: «Мы думаем, что и в России найдутся люди, которые нисколько не уступят Инсарову, болгару, ни в любви к отечеству, ни в стремлении к деятельности. Автор сам противоречит себе в повести личностию Елены». Осуждая героиню за бегство из родной страны, критик видит в ней «художественно обработанный поэтический образ девушки, которая смотрит на любовь как на чистое святое дело в жизни женщины», однако он не понимает «ее современного значения относительно жизни нашего общества». Личность Инсарова он считает «далеко не привлекательной» и наравне с Шубиным не понимает, чем он привлек Елену, называя ее и его чувство «*увлечением*»: «...Инсаров слишком односторонен, скажем даже чахоточен, как для того великого дела, идея которого у него на уме, так и для той любви, на которую способна была Елена. <...> Мы упрекаем Елену не за то, что она умела полюбить истинно Инсарова <...> а упрекаем ее за то, что она, ища настоящей жизни, принесла свою любовь в жертву не Инсарову, а тому представлению, той идее, мечте, которую составила о нем. <...> Елена увлечена идеею, а не человеком, несмотря на все свое стремление и любовь к добру деятельному, а не идеальному; и поэтому ее высокое чувство не имеет <...> твердой, положительной, земной почвы». Инсаров так же «увлекся своею идеею, своим благородным желанием видеть родину свободною от турок». Именно в том, что «увлечение с той и другой стороны играет немаловажную роль», критик видит главную причину, по которой «повесть г. Тургенева не возбудила к себе того положительного сочувствия, на которое она имеет полное право по многим своим художественным достоинствам».

Дата п. гр. Ламберт (ответ на п. Т. из Кенигсберга от ***29 апреля* (*11 мая*)**, которое называет «ласковым»). Пишет, что госпожа Карополина (протеже Т., лицо неуст.), мать двух дочерей, обращалась к ней еще раз и просила о денежном пособии, от предложения поместить ее старшую дочь в Демидовское училище отказалась. Обещает поговорить о другой протеже Т., Марии Ивановне (устройстве ее в богадельню), хотела бы обратиться к императрице, но времени на это мало, поскольку собирается за границу. Рассказывает об этой «преуморительной» старушке, которая «ни за что в мире» не согласна, чтобы за нее платили 60 р. сер., но уверена, что на данные ей Т. 80 р. сможет уехать в Москву и там ее «*даром*» поместят в богадельню. Вспоминая последнюю встречу, пишет: «...мы с Вами спорили в прошедший раз — все-таки расстались друзьями, и никакие споры

на свете не могут переменить моих чувств к Вам». Просит дать адрес дочери Т., намереваясь навестить ее в Париже. Сообщает, что уезжает с сыном и мужем за границу 21 мая (3 июня) (*Granjard*. P. 99–100).

6* (*18*) *мая*. Пятница**. В № 100 *МВед* в «Литературном отделе» выходит окончание ст. Н. П. Некрасова «Литературные заметки. Несколько слов о повести г. Тургенева “Накануне”» (С. 790–791). Начало вышло ***5* (*17*) *мая.

Говоря об «истинно поэтическом образе» Елены, в котором Т. «увлекает нас преимущественно глубоким психологическим анализом чистой, высокой любви, любви-жертвы», Некрасов возражает тем критикам, которые усмотрели, например, в сцене в часовне безнравственный эпизод. Более подробно останавливается на объяснении впечатления, произведенного романом на публику. Вновь подчеркивая, что оба главных героя «не имеют под собою действительной почвы», «стоят далеко от общества», критик считает несправедливым утверждение Т., что «в России “нет людей”». Задаваясь риторическим вопросом: «Почему же в повести г. Тургенева Инсарову отдано предпочтение?» и анализируя образы Берсенева, Шубина и Курнатовского, указывает, что «невольно» читатель приходит к выводу, что Т. «хотел обвинить наше общество в недостатке людей, умеющих жить и действовать во имя лучших человеческих стремлений, в настоящее время уже достаточно осознанных всеми. Вот в чем мы и позволяем себе быть несогласными с автором».

В № 17 «Искры» (ценз. разрешение 3 мая) выходит серия карикатур Степанова «“Ревизор” в спектакле любителей» (грав. Куренков), отклик на спектакль в пользу Литературного фонда, состоявшийся ***14* (*26*) *апреля***; на первой странице – карикатура «Литераторы в ролях купцов и городничего», на которой городничий (Писемский) объясняется с купцами – стоят слева направо: Ф. А. Кони, Майков, Гончаров, Григорович, Тургенев, Некрасов, Панаев, Дружинин, Краевский (?), В. С. Курочкин, Бенедиктов (?).

Воспроизведена: Россия. 1901. 26 января. № 630. См.: *ПД. Описание*. С. 211–213. № 882.

В № 18 *МВест* в «Заметках кое о чем» (б/п) выходит отклик Плещеева о выступлении Мартынова в «Холостяке» во время московских гастролей (см. ***21 апреля* (*3 мая*)**):

«Мартынов продолжает привлекать в Малый театр многочисленную публику... он один завладел ее вниманием... <...> Мы видели его в “Холо-

стяке" Тургенева и вполне разделяли единодушный восторг зрителей. Он создал живое, типическое лицо. И какое у него необыкновенное уменье гримироваться! <...> В "Холостяке" Мартынов создал тип совершенно отличный от того, какой представлял прежде г. Щепкин; надо правду сказать — первый был гораздо ближе к действительности, чем последний; это происходит, конечно, отчасти и оттого, что тут выведен петербургский чиновник, а к этому типу Мартынов больше мог присмотреться...». Сообщая, что «"Холостяк" на сцене значительно сокращен; весь второй акт выкинут», Плещеев прибавляет, что пьеса принадлежит к слабым произведениям Т. и «драматические произведения — не его род» (С. 291).

В этом же фельетоне Плещеев откликается на полемику, которая завязалась после выхода нескольких ст. в газ. «Наше время», посвященных «Накануне» и «Первой любви» (в частности ст. Власьева, см. ***1 (13) мая***), называя их «крестовыми походами во имя нравственности г. Тургенева».

Защищая от нападок повесть «Первая любовь», «исполненную дивной поэзии», считает, что княжна Зинаида «принадлежит к самым удачным женским образам» Т. Отвечая на прозвучавшие со стороны критиков «Нашего времени (Дарагана, Н. П. Грот, Власьева) по адресу Т. упреки в безнравственности, иронично замечает: «И замечательно, что в "Нашем времени" являются все новые имена, не встречавшиеся прежде в литературе, являются исключительно затем, чтобы *отделать* г. Тургенева и потом опять скрыться в мрак неизвестности. Бедный г. Тургенев! Новый критик "Нашего времени" (г. Власьев) утверждает, что он пошел по ложной безнравственной дороге и что от него уже ничего путного ждать нельзя... <...> Г-н Тургенев убит навеки, убит в общественном мнении тремя странными критиками обоего пола <...> Мы полагаем, что никто не должен так радоваться критическим статьям "Нашего времени", как г. Ксенофонт Полевой. Он может ясно видеть из них, что учение его не только не погибло, как уверяют журналы, но, напротив, весьма последовательно продолжает развиваться» (С. 292).

Дата п. Герцена (ответ на неизв. п. Т., см. ***1 (13) мая***) в Париж, в гостиницу «Byron»: «Ты сделался Дон-Жуаном — тебя надобно искать в Байроне». Рад приезду Т., боялся, что он обижается на него, о чем мог рассказать Е. Я. Колбасин: «Но он меня вразумил». Высоко оценивает повесть «Первая любовь» («восхитительная вещь»), но удивляется, зачем Т. отдал ее в «Бард<ак> для чтения» (*БдЧ. — Ред.*). Просит на несколько дней отложить приезд в Лондон в связи с переездом на новое место (дает новый адрес) и отъездом Тучковой-Огаревой с дочерью Татой в Германию. Пишет, что Анненкова в Лондоне нет (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 49). Посылает № 71 «Колоко-

ла»; в нем — ст. Герцена «“Библиотека” — дочь Сенковского», где *БдЧ* обвинялась в намерении «быть *злым духом*», но «с дурными привычками эстетического жеманства, старонемецкого бегства от общественных вопросов» (*Герцен.* Т. 14. С. 267). Отвечая на рец. Дружинина на «Украинские народные рассказы» Марко Вовчок в переводе Т. (*БдЧ.* 1859. № 11. С. 1—14), где редактор журнала обрушился на «обличительную» литературу, называя ее «грязью и мерзостью» (см. ***17 (29) ноября 1859***), «сбродом анекдотов, весьма скверным и часто неправдоподобным», Герцен привел многочисленные примеры насилия над крепостными, в том числе упоминавшиеся на страницах «Колокола». Говоря о книге, Герцен, общавшийся в это время с Маркович и высоко ценивший ее творчество, называет ее рассказы «изящными в своей сельской свежести», а по поводу Т. как переводчика говорит: «Прочитавши, мы поняли, почему величайший современный русский художник И. Тургенев перевел их» (*Герцен.* Т. 14. С. 270). По этому поводу замечает в п., что «осмелился сказать ein Wort (слово — *нем.*) о тебе», и добавляет: «Отчего ты так мало пишешь?» (Там же. Т. 27. Кн. 1. С. 49). О реакции Т. на похвалу Герцена см. ***9 (21) мая***. По-видимому, в ответ на сообщение Т. в неизв. п. о желании устраивать литературные чтения в Париже, с иронией пишет: «А что ж ты в Париже завел общество отчитыванья в пользу — литераторов?» (Там же. С. 50).

Дата п. Макарова к Маркович из Берлина, в котором он интересуется, получила ли она деньги, посланные ***29 января (10 февраля)***, в том числе полученные Белозерским от Т. за «Институтку». Добавляет: «Тургеневу я говорил, что Вы писали ему в Париж. Он обещал написать Вам и постараться с Вами увидеться». По поводу ст. Герцена в «Колоколе» об «Украинских народных рассказах» замечает: «Прочтите-ка 71-й № “Колокола”. Увидите, как Герцен умеет защищать тех, кого любит. Как он мастерски защитил Вас от нападок “Библиотеки”» (*ИРЛИ.* № 9572. Л. 11—11 об. См. также: *Марко Вовчок. Твори.* С. 382—383).

***7 (19) мая.* Суббота**. В № 101 *МВед* за подписью Д. И. выходит ст. «Почему так много говорят и пишут о “Накануне”?» (С. 799).

Задаваясь вопросом о том, «чем новое произведение г. Тургенева заслужило право на такое огромное внимание со стороны русской публики», автор видит причину в «социальном значении» романа: «От прежнего отрицательного направления художник переходит к противуположному. В главных действующих лицах он выводит на сцену положительные типы, т. е. натуры цельные, у которых высшие, благород-

нейшие стремления соединяются с удивительною силою характера. Большинство русского общества приняло эти типы за идеалы, которые ему предлагает автор; отсюда горячий интерес, возбужденный повестью». Указывая на то, что в настоящий момент читатель «ищет в повести не одного эстетического наслаждения, но и идеалов общественных деятелей», критик замечает, что Т. затронул «самые чувствительные струны русского общества»: «В лице Елены он рисует идеал развитой, энергической девушки и образец свободных, разумных отношений между мужчиною и женщиною <...>; в лице болгарина Инсарова является молодой человек, одаренный самою упорною волею и весь проникнутый служением одной возвышенной идее. Рядом с ним и в виде укора нашему молодому поколению (повторяю, так можно понимать и так действительно многие поняли) поставлены лица: даровитого, но ветреного Шубина и добросовестного, но вялого, безжизненного Берсенева». «Резкие, крайние отзывы», по его мнению, показывают, насколько живо общество восприняло «новые идеалы». Сам автор «примыкает к тому мнению, что типы Елены и Инсарова по идее, которой они служат, чрезвычайно благородные, чистые и возвышенные типы», однако видит недостаток в том, как они представлены Т.: «Мы здесь не видим главного, того, что в жизни человеческой неизбежно для всякого возвышенного стремления, мы не видим действительной *борьбы* с обстоятельствами». Сравнивая «Накануне» с «Первой любовью», отдает предпочтение роману и отмечает, что «Первая любовь» «не возбуждает в вас никаких высших вопросов; там нет благородных типов, вызывающих симпатию. Интерес сосредоточивается главным образом на чувстве эстетической любви <...> А в “Накануне” дело совсем другое. Повторяю, недаром одни с таким ожесточением напали на Елену, а другие так горячо ее защищают. Русская жизнь еще не выработала для нас никакого определенного идеала женщины; но мы его ищем, мы стремимся к его определению».

Дата п. к Т. Анненкова из Берлина, куда он прибыл 3 (15) мая с отправленным на лечение Макаровым; сообщает, что в путешествии с ними была Шиловская, певшая на корабле романсы. Макаров решил остаться в Берлине и просит писать туда, за границу собралась и его сестра Карташевская с мужем: «но об этом вы, вероятно, уже знаете, благодаря неугасаемой ее корреспонденции». О состоянии больного Писемского пишет: «Писемский стал поправляться при моем отъезде — тифозное состояние миновалось и только остался страшнейший ревматизм; однако ж он по-прежнему каждый день прощался с детьми и женой, заключая благословения напутственные всегда одними словами: “а теперь дайте трубочку покурить”». О других участниках спектакля ***14 (26) апреля*** в зале Руадзе сообщает, что актер, игравший Держиморду (поэт-юморист А. П. Снит-

кин), находится при смерти: «Театр дорого обходится нам». У Вейнберга «мушка на груди и боится чахотки». О себе сообщает, что отправляется в Женеву, затем в Италию и в августе на о. Уайт, куда прибудет семья Герценов, благодарит за отличное исполнение комиссии, в результате которой уже получил ответ от Герцена и новый «Колокол» (см. ***2 (14) мая***), где Герцен ругает Дружинина за отрицательный отзыв об «Украинских народных рассказах» Марко Вовчка в пер. Т. (см. ***6 (18) мая***). Просит сообщить, нет ли в планах Т. «сродства» с изложенным планом «и могло бы с ним сцепиться» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 77—78).

8 (20) мая*. Воскресенье**. В № 17 газ. «Наше время» (С. 262—268; дата: «С. Петербург, 23 апреля 1860 г.») в виде п. с резким откликом на ст. Е. Тур (см. ***17 (29) апреля) выходит разгромная ст. о «Накануне», автор которой, редактор газ. Н. Ф. Павлов, подключается к полемике вокруг образа главной героини романа, считая, что Т., подобно Гоголю во втором томе «Мертвых душ», пошел по ложной дороге создания мнимо положительных образов, не имеющих почвы в реальной действительности: «Автор насиловал свой талант и приводил в движение мудреные струны, которые издавали фальшивые звуки. Елена Стахова не живое существо, а мертвая фигура, гальванизированная искрами ума и поэзии. Это родная сестра Улиньки <...>». Столь же ложной показалась ему и якобы привлекательная для читателя идея спасения Болгарии (С. 263—264).

Осуждая как несправедливую ст. Е. Тур против ст. «Русской женщины» (Н. П. Грот), Павлов замечает: «И все это наделала повесть г. Тургенева, все вышло из этого “Накануне”, которое, как говорит один житель Петербурга, известный своим остроумием, не худо бы было отложить до завтра» (С. 263). Считая «Накануне» «худшим» произведением Т., «лучшим» называет «Записки охотника»: «Вот где его прекрасный талант стоит на твердой почте», и упрекает Тур в «благоговении к имени» (С. 264).

9 (21) мая*. Понедельник**. Отвечает Герцену на п. от ***6 (18) мая, обещает отложить поездку в Лондон на неделю (см. ***26 июля (7 августа)***), полагает, что Анненков уже в Лондоне «у тебя», просит обоих написать «словечко». Подтверждает получение № 71 «Колокола» со ст. Герцена «“Библиотека” — дочь Сенковского», «где ты так “splendidly” («великолепно» — *англ.*) обо мне отзываешься»: «Мне было совестно — и не мог я этому поверить — но мне было приятно» (см. ***6 (18) мая***), пишет: «Мне много нужно с тобой переговорить <...>».

Отвечает на п. Маркович из Лозанны от ***3 (15) мая***, которое получил только что, сомневается, что это п. застанет ее на месте, сообщает свой адрес (rue Laffitte, Hôtel Byron) и дату, до которой здесь будет (17 (29) мая), потом поедет в Лондон. Будет рад видеть Маркович и ее мужа. См. ***11 (23) мая***.

11 (23) мая*. Среда**. Отвечает на п. Анненкова от ***7 (19) мая, иронизирует над его планами ехать в Женеву и в Северную Италию, вопреки стремлению оказаться в Лондоне у Герцена. В свою очередь, признается, что хочет, вместо того чтобы съездить в Лондон до начала лечения в Содене, поехать в Женеву (которую никогда не видел) и пожить там недельки две «с неким толстым человеком», т. е. с Анненковым.

Отвечает на п. гр. Ламберт от ***5 (17) мая***, рад, что скоро увидит ее, сообщает, что с 15 июня н. ст. будет в Содене, где собирается прожить шесть недель (см. ***25 мая (6 июня)***), а поскольку Соден находится недалеко от Эмса, куда собирается графиня, обещает, что будет с нею видеться. Благодарит за хлопоты по поводу своих протеже, дает адрес дочери Полины (16, rue de Berlin, в пансионе м-ль Мерижо): «Я очень буду счастлив, если Вы ее когда-нибудь увидите и если она Вам понравится».

Дата записки Маркович к Т. (ответ на п. Т. от ***9 (21) мая***) с сообщением, что на неделю опоздала с поездкой в Париж, «приедет позже», в воскресенье, 15 (27) мая: «Едва ли я вас застану <...>». Просит в случае отъезда Т. оставить до востребования ей оттиск «Накануне» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 279). См. ***Между 16 (28) и 21 мая (2 июня)*** и ***12–13 (24–25) мая***.

12 (24) мая*. Четверг**. Дата ответа Герцена на п. Т. от ***9 (21) мая с сообщением, что Анненкова в Лондоне нет, поскольку он уехал в Северную Италию, а Мельгунов едет в Россию устраивать свои денежные дела с Н. Ф. Павловым, в то время как кн. Ю. Н. Голицын и П. В. Долгорукий, напротив, находятся в Лондоне. Пишет, что о Т. спрашивала «Юмша», «сестра жены “Русского слова”» (т. е. свояченица гр. Кушелева-Безбородко, редактора журнала, жена известного спирита Д. Юма, с которой Т. мог познакомиться в салоне Кушелева-Безбородко). Рад, что Т. понравилось высказывание о нем в «Колоколе» (см. ***6 (18) мая***): «я и не то бы сказал», однако воздержался, чтобы не навредить репутации Т. в глазах русского правительства; в следующем номере хочет «угостить» Краевского и *СПбВед* (см. ***3 (15) июня***). Пишет, что «дамы» (Тучкова-Огарева

и дочери Тата и Лиза) уезжают в понедельник, передает привет от Огарева, просит писать по новому адресу (10, Alpha Road, Regent's Park).

12–13* (*24–25*) *мая*. Четверг – пятница**. Дата записки Маркович к Т., повторяющей содержание предыдущей (см. ***11* (*23*) *мая), отправленной «до востребования», из опасения, что Т. не получит ее (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 279).

14* (*26*) *мая*. Суббота**. Выходит № 21 парижской «Gazette du Nord»; в нем – под псевдонимом «S. S. D. R.» вторая часть ст. Сазонова «La littérature et les hommes de lettres en Russie» («Литература и писатели в России»), посвященная Герцену (Р. 2–4), в которой критик, отсылая к первой ст. (см. ***19* (*31*) *марта), «в среде русских писателей, стяжавших блистательный успех за последнее время», называет Т., Герцена и С. Т. Аксакова: «...они выработали вполне самостоятельный стиль. Г-н Тургенев и Аксаков значительнее как художники, зато стиль г. Герцена более разнообразен» (*ЛН.* Т. 41–42. С. 200).

В п. к Макарову сообщает, что узнал от Анненкова о перемене его планов и решении остаться на месяц в Берлине, чтобы пройти курс голодания (см. ***7* (*19*) *мая***), надеется, что это поможет ему. Дает ему свой адрес и пишет, что остается в Париже еще «дней 5 или 6». Сообщает, что получил от Маркович п. с извещением о приезде в Париж на несколько дней: «Письмо ее состоит из 3 строчек, написанных на микроскопическом обрывке бумаги. Никто никогда не писал таких писем!» (Маркович написала две подобные записки, см. ***11* (*23*) *мая*** и ***12–13* (*24–25*) *мая***). От Анненкова узнал, что Карташевская с мужем едет за границу, но просит сказать, куда именно. Сообщает, что через две недели будет в Содене. О том, какой он нашел свою дочь Полину, пишет: «...дочка моя совершенно сложилась – и, кажется, из нее вышла добрая и хорошая девушка». Сожалеет, что не застал в Париже Боткина и Н. Я. Ростовцева.

***15* (*27*) *мая*. Воскресенье**. Дата ценз. разрешения № 5 *ОЗ*; в нем – в разделе «Русская литература. I. Критика» под общим подзаголовком «Толки о том, что нового в новом романе г. Тургенева» обширная ст. Басистова «“Накануне” И. С. Тургенева» (С. 1–18) и ст. Леонтьева «Письмо провинциала к г. Тургеневу» (С. 18–27; подпись: Знакомый вам провинциал).

Высказав ряд замечаний, Басистов дал общую положительную оценку роману. К наиболее существенным недостаткам он причисляет художественную невыразительность в изображении Инсарова («Нам остается восхищаться голым принципом, прекрасным и возвышенным бесспорно, но все же отвлеченным принципом, а не живым человеком»), в котором проявились идеи «философской» ст. «Гамлет и Дон-Кихот»: «...другие *говорят* об Инсарове то же самое, что сам г. Тургенев говорит о Дон-Кихоте; жаль только, что Инсаров сам за себя ничем не говорит, как бы следовало ожидать от живого лица. Что же такое этот Инсаров? Отвлеченная идея донкихотства, в благороднейшем смысле этого слова, окрещенная славянской фамилией, но при всем том оставшаяся отвлеченной как создание мышления, а не фантазии» (С. 7—9). Считая, что «форма, в которую отлилась у г. Тургенева идея гражданина, связанного с своей землей и способного посвятить всего себя народному делу, неудовлетворительна», заключает: «...идея эта и теперь, после Инсарова, осталась пока в нашей литературе без образа. Этот образ — в будущем» (С. 15). Высоко оценивая образ Елены («...такая женщина <...> в первый раз является в нашей литературе»), критик в то же время недоволен тем, что Т. не показывает, как проявляется на деле ее «высокая любовь». «Жизнь — дело грубое, — заключает он, — а талант г. Тургенева в высшей степени деликатен и притом он по преимуществу лирический. Его дело — внутренний мир души, тонкий анализ чувствований, красоты природы. И г. Тургенев знает, в чем его сила. Уклонение от всяких сцен, где должна выйти на арену борьба живых сил, это намеренное уклонение, замечаемое не в одном “Накануне”, но и во всех других его произведениях, есть не ошибка с его стороны, а признак глубокого художнического такта» (С. 18).

Ст. Леонтьева о «Накануне», несмотря на содержащуюся в ней резкую критику романа (см. ***Между 11** (**23**) **апреля и 20 апреля** (**2 мая***)), была передана в *ОЗ* самим Т. с просьбой напечатать ее и принята редакцией, хотя и снабжена примечаниями, в которых высказывалось несогласие с мнением автора. В редакционном предисловии (очевидно, автором его был Дудышкин) говорилось: «Роман г. Тургенева “Накануне” возбудил множество противоречивых мнений. <...> Мы помещаем две статьи, полученные нами: одну от сотрудника нашего журнала, г. Басистова, другую — переданную нам самим г. Тургеневым, с просьбою напечатать ее. Мы не исполнили бы этой просьбы автора “Накануне”, потому что “Письмо провинциала к г. Тургеневу” слишком взыскательно и односторонне в своих эстетических требованиях; но так как статья г. Басистова дополняет то, что опущено “провинциалом”, то мы и решились напечатать их вместе, сделав в некоторых местах свои замечания» (1860. № 5. Отд. 3. С. 1). Просьба Т. была, очевидно, вызвана нежеланием показаться необъективным, в особенности после нашумевшего «третейского суда» с Гончаровым, в котором Дудышкин принимал непосредственное участие (см. ***29 марта** (**10 апреля***)), а также тем фак-

том, что он сам советовал Леонтьеву попробовать свои силы в литературной критике, считая, что художественные произведения ему мало удаются.

В № 18 газ. «Наше время» за подписью «Русская женщина» выходит ст. Н. П. Грот «Ответ русской женщины госпоже Тур» — в продолжение полемики о романе «Накануне» (С. 284—287). См. ***10 (22) апреля***.

***9 (21) или 16 (28) мая*. Понедельник**. Пишет, по просьбе дочери, п. (неизв.) к преподавательнице музыки м-ль Торра-Морель, покинувшей пансион, где училась Полина, по-видимому с благодарностью за ее внимание и сожалениями о ее уходе. Прилагает п. к записке к дочери, написанной по-франц.

16 (28) мая*. Понедельник**. Возможно, навещает дочь Полину (см. ***9 (21) или 16 (28) мая).

Дата п. Анненкова из Женевы (ответ на п. Т. от ***11 (23) мая***), где он объясняет, почему отложил поездку к Герцену («В августе Герцен будет на Вайте, стало быть, в августе можно будет разом убить двух слонов: и Герцена и Уайиют <...>») и почему отправился в Италию, где в это время под предводительством Гарибальди шла война за объединение страны: «...надо же посмотреть, что такое вышло, а кажется каша <...>». Напоминает, что в августе собираются приехать на о. Уайт Маркович (из Швальбаха, где будет лечиться) и Макаров из Аахена: «...остается дело за мной и за вами — после соденского лечения». Приглашает в Женеву, где снова будет в первых числах июля недели две. Пишет, что Маркович сейчас находится в Париже у Станкевичей, нашел ее переменившеюся к лучшему, а ее мужа, напротив: «Я человек снисходительный и даже люблю простую пошлость, но пошлость резонирующая и принимающая интерес в литературе, как будто в особом виде кляузы и крючка — то сверх сил человеческих». Сообщает подробности лечения Макарова («а человек это чудный») голоданием в Берлине, отчего он «просил уже пистолета» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 78—79).

В сб. *Труды ГБЛ*. Вып. 3. С. 89; *П*. Т. 4. С. *561*, примеч. 2 это п. ошибочно датировано 28 мая ст. ст. В Женеву Анненков прибыл накануне, 15 (27) мая, задержавшись на полтора дня в Берне для встречи с сыном Герцена Александром и в на день в Лозанне — для встречи с Маркович.

Дата п. Анненкова к Макарову: «Кажется, в августе мы все, сколько нас ни числится, съедемся для одной общей цели — посеще-

ния Герцена. Марковичи до августа будут жить на водах в Швальбахе, недалеко от Франкфурта, Тургенев будет жить с половины июня по август на водах в Содене, недалеко от Франк<фурта>, вы будете жить по август на водах в Аахене, недалеко от Франк<фурта>. Остается только мне, как снежному кому, покатиться вниз по Рейну в августе, присоединить вас к сей лавине и упасть на голову изумленного и сконфуженного Герцена» (*ИРЛИ*. Ф. 170. Оп. 1. № 2. Л. 4—4 об.; см. также: *Голованова*. С. 369).

Дата записки Маркович к Т., сообщающей о приезде в Париж. Спрашивает, когда можно прийти (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 279).

Около 19* (*31*) *мая*.** А. К. Толстой читает Т. поэму «Дон-Жуан» (см.: *ВЕ*. 1895. № 10. С. 632, 642, а также ***11* (*23*) *июня 1861).

***19* (*31*) *мая*. Четверг**. Дата ценз. разрешения № 5 *РСл*; в нем — за подписью «Н. К—ий» ст. Булича «Две повести г. Тургенева: “Накануне” и “Первая любовь”» (Отд. 2. С. 1—38).

Булич отмечает связь произведений Т. с развитием русского общества: «Нигде так наглядно не представляется рост общества человеку мыслящему, как в повестях г. Тургенева; современник, будущий историк нашего общества, посмотрит на них как на документы нашего общественного сознания. <...> Г-н Тургенев принадлежит к тем чутким, к тем богато развитым людям, которые жадно прислушиваются к жизни действительной, ловят ее неуловимые звуки, как поэт прислушивается к ропоту моря, к шуму леса, к молчанию степи, стараясь сознать и изобразить ее. При этом живом отношении к действительности любовь и симпатия, составляющие содержание таланта г. Тургенева, позволяют ему улавливать каждый звук, каждый образ, на многое находить ответ в себе и преимущественно на явления общественные. Вот поэтому-то г. Тургенев любимец русских читающих людей и они давно уже привыкли восторженно встречать каждое новое произведение его, полагая найти в нем ответ на заветные думы, надеясь подстеречь в нем художественный образ того, что волнует и мучит душу, что неясно, смутно, неопределенно волнуется в настоящей действительности и что только в красках и образах художников получает вечную форму» (С. 3—4). Высоко оценивая роман «Накануне», Булич возражает критикам, упрекавшим Т. за болгарское происхождение главного героя: «...виновата среда, если лицо Инсарова в русской повести кажется нам иностранным; автор сам чувствовал неловкость своего героя, если б он родился в русской коже, и выписал его из Болгарии. Нам горько и больно это обстоятельство, но делать тут нечего, и мы покорно клоним голову перед неизбежным произволом автора, но зато радостно приветствуем

этот новый, невиданный дотоле в русской литературе, а следовательно и жизни образ, как заждавшиеся, стареющие супруги приветствуют первое дитя свое, ожидаемое с трепетом и молитвою» (С. 6). В Елене он видит «один из лучших женских характеров, когда-либо созданных» Т., вступая в спор с резкой критикой по адресу обоих главных героев, прозвучавшей в печати, в частности в газ. «Наше время». Противопоставляет роману «Накануне», в котором Т. поднял «тяжелые и сразу не дающиеся общественные вопросы», повесть «Первая любовь», проникнутую «глубокою поэзиею любви»: «Живые лица повести все охвачены потоком любви, окружены волшебным светом, в котором всякий предмет получает яркие цветы. <...> Тайною прелестью действительных воспоминаний первой любви, молодым восторгом и молодою скорбью веет от этих горячих, страстных страниц» (С. 28—29).

В этом же номере, в «Шахматном листке», напечатано окончание ранее игранной партии Т. с И. С. Шумовым (С. 139): «Ход за белыми; они объявляют мат в 5 ходов» (Т. играет черными).

Позднее Шумов выпустил «Собрание скахографических и других шахматных задач» (СПб., 1867), где опубликал пятиходовую шахматную композицию на обратный мат с посвящением Т. Сохранился экземпляр книги с дарственной надписью: «Ивану Сергеевичу Тургеневу в знак уважения. И. Шумов» (*Линдер И. М.* И. С. Тургенев и шахматы // Тургеневские чтения. М., 2009. Вып. 4. С. 275).

Дата п. Е. Я. Колбасина из Новгорода (ответ на неизв. п. Т.): «Все Ваши *459-ть* поручений исполнены <...> кроме одной необъяснимой до сих пор вещи — напомнить Анненкову об каком-то *Кракамыше*! Этот Кракамыш в настоящее время сделался чем-то вроде пословицы. Когда хотят сказать о чем-нибудь несуществующем, то обыкновенно выражаются так: “а, это тургеневский Кракамыш!”...». (Речь идет о либретто для оперетты на музыку П. Виардо «Le dernier sorcier» («Последний колдун», первая постановка в 1867), первоначально называвшейся по имени главного героя Кракамиша. Упоминание Кракамиша здесь означает, что Т., возможно по просьбе П. Виардо, решил вернуться к работе над либретто. — *Ред.*). Предупреждает, что не решился написать ни слова о Кашперове, поскольку «он Вас весьма серьезно просит, чтоб написать не газетное известие, а дельную статью о целой опере». Очевидно Т., написавший небольшую статейку о Кашперове и об успехе его оперы «Мария Тюдор» в Милане для *СПбВед* (см. п. к Краевскому от ***12 (24) февраля***), просил Колбасина откликнуться на постановку оперы в Ницце и в связи с этим переслал ему неизв. п. Кашперова, содержащее такую просьбу, однако Колбасин не решился на «дель-

ную статью»: «после этого я отложил дело это в сторону» (*ИРЛИ*. № 5800. Л. 51). В постскриптуме Колбасин добавляет несколько слов о гр. Ламберт («предобрая и прелюбезная женщина»), с которой, без сомнения, познакомил его Т. и которая взялась устроить судьбу племянницы Колбасиных (см. ***29 апреля*** (***11 мая***)). В п. при передаче слов Д. Я. Колбасина содержится загадочная фраза, не поддающаяся расшифровке: «Брат Вам кланяется и говорит, что предсказание Ваше при крещении барсучка (Вашего братца-крестника) идет гигантскими шагами вперед. Это он заключает из последнего похищения, случившегося со мною в Вашей квартире, в которой, кроме его, никого не было» (Там же. Л. 51 об.—52. Возможно, имеется в виду Родионов). Ответ Т. см. ***20 сентября*** (***2 октября***).

20 мая (***1 июня***). **Пятница**. Дата № 72 «Колокола» (вышел 19 (31) мая); в нем — ст. Герцена «За пять лет» (предисловие к сб. Герцена и Огарева: За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Ч. 1 Искандера. Лондон, 1860), к ней эпиграф, обращенный к Александру II: «Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути! Bon voyage!.. (Счастливого пути!.. — *франц.*) нам сюда!». Герцен переоценивает ситуацию в России после смерти Николая I, когда «неверная полоса бледного света занялась на русском небосклоне», до новой волны современной реакции, которая «оттого так трудно сокрушима, что опирается на двух твердынях гранитной крепости — на *тупоумии правительства и на неразвитости народа*» (*Герцен*. Т. 14. С. 274—275). Надежды на освобождение крестьян с землею не оправдались, следствием чего явилось назначение гр. Панина на место Ростовцева (см. ***9*** (***21***) ***февраля***). Ввиду явных намерений правительства призывает всех здравомыслящих людей не участвовать в общественных делах: «Ослабим правительство нашим неучастием. Дела и с ним стоят, а *делопроизводство* не остановится» (Там же. С. 278).

В записке к Крузе сообщает о посылке двух экземпляров «Первой любви» — для Боткина и для Н. И. и А. А. Трубецких, надеется увидеться до отъезда из Парижа.

Дата ответного п. (по-франц.) гр. Ламберт на п. Т. от ***11*** (***23***) ***мая***. Уведомляет о получении его п., жалуется на здоровье, на угнетенное состояние: «Устаешь от всего, от любви, дружбы, от самой жизни — задолго до того, как она окончится <...>». Собирается за границу в Эмс. Несмотря на грустное настроение, уверяет в своей привязанности (*Granjard*. P. 101—102).

Между 16 (***28***) ***и 21 мая*** (***2 июня***). Встречается с приехавшей в Париж Маркович (см. п. к Анненкову от ***22 мая*** (***3 июня***)), договаривается о свидании в Швальбахе (см. п. к Маркович от ***26 мая*** (***7 июня***)).

22 мая (***3 июня***). **Воскресенье**. Сообщает Анненкову (ответ на п. от ***16*** (***28***) ***мая***) о завтрашнем отъезде в Соден и свое расписание на ближайшие три месяца: с 5 по 20 июля н. ст. в Содене, с 20 июля по 1 августа — в Женеве, «на озере 4-х кантонов, на вершинах Юнг-Фрау, где угодно», с 1 по 20 августа на о. Уайт, с 20 августа по 1 сентября в Куртавнеле у П. Виардо, после чего намерен осесть в Париже. «Изо всего вышеприведенного Вы легко можете заключить, даже не будучи Ньютоном или Вольтером, что наши планы могут слиться в одно прекрасное целое <...>». Пишет о Боткине: «Здесь появился Боткин, загорелый, здоровый, медом облитый, но не без мгновенных вспышек раздражительности <...>». Сообщает, что в Париже находятся А. К. Толстой и цензор Крузе, а также Маркович: «Это прекрасное, умное, честное и поэтическое существо — но зараженное страстью к самоистреблению: просто так себя обработывает, что клочья летят!..». Представляет себе общество, которое соберется ради Герцена на о. Уайте: «Наша коллегия будет так велика, что, право, не худо бы подумать, не завоевать ли кстати этот остров?». Просит отыскать в Милане композитора Кашперова и передать поклон ему и его жене: «Он отличный малый — и жена его милая и умная женщина». В приписке иронизирует по поводу полемики между Катковым и Е. Тур (гр. Салиас) в связи со ст. последней в *РВ* о хозяйке литературного салона в Париже С. П. Свечиной, принявшей католичество (см.: *П.* Т. 4. С. *561*, примеч. 6): «Катков обайбородил Евгению Тур за письмо к нему, по поводу Свечиной. Вот междуусобица». См. ***22 июня*** (***4 июля***).

В п. к Герцену извиняется, что подобно Анненкову изменил планы и едет в Соден, а не в Лондон: «я не мог пробыть в Лондоне более 3 дней, а это не стоило хлопот», а кроме того, собирается быть с Анненковым на о. Уайте с начала августа недели три и сможет «насмотреться» и «наговориться», обещает написать из Содена. Передает свое п. с Н. М. Жемчужниковым, которого просит принять «с распростертыми объятиями»: «...я знаю наверное, что ты его полюбишь от души». С ним же передает Герцену «две важные бумаги» (какие это были бумаги, не установлено), которые просит напечатать в «Колоколе» и за «*несомненность*» которых ручается. См. ***2*** (***14***) ***июня***.

В п. к Макарову сообщает о получении от него п. (неизв.), о том, что «уже совсем на мази к отъезду» в Соден, где рассчитывает быть через три дня, о том, что Маркович в Париже у Станкевичей: «так же симпатична и мила — и такая же оригинальная. (Между нами) мне кажется, что ей не совсем легко жить на свете: но у ней характера много, она молчалива и упряма — и сама себя ест с ожесточением: что из этого выйдет — одному господу богу известно!». Сообщает о ее дальнейших планах, пишет о приезде Боткина («я уже раза два объелся с ним до глупости»), который собирается в Англию. «Анненков порхает десятипудовой бабочкой по Северной Италии — и запускает хобот своего наблюдения в цветки общественной жизни» (см. п. Анненкова к Т. от ***16*** (***28***) ***мая***). Просит «взять в руки» зятя и сестру Макарова Карташевскую: «...сестра Ваша — в некоторой степени — башибузук, что не мешает им обоим быть милейшими людьми». Желает выздоровления: «Штука, должно быть, очень скверная — эта Hungercur! (голодание — *нем.*)», после чего приписывает в сноске: «Я сейчас съел 6 пирожков».

23 мая (***4 июня***). **Понедельник**. В п. к Герцену повторяет изложенные в п. от ***22 мая*** (***3 июня***) причины, по которым отложил поездку в Лондон. Сообщает, что отдал п. «хорошему приятелю», Н. М. Жемчужникову, вместе с некоторыми документами для публикации в «Колоколе», однако Жемчужников задержался в Париже и едет в четверг, 26 мая (7 июня). Обещает написать из Содена, куда отправляется на воды.

Выезжает в Соден.

25 мая (***6 июня***). **Среда**. Вечером приезжает в Соден (курортный город в Пруссии близ Франкфурта-на-Майне), где собирается провести шесть недель, и селится в гостинице «Европа» (Hôtel de l'Europe).

26 мая (***7 июня***). **Четверг**. Выходит в свет № 5 *Совр*; приложение к нему — № 5 «Свистка» открывается заметкой Добролюбова «Оговорка», где критик откликается на ряд ст. в газ. «Наше время», направленных против романа Т. «Накануне» и повести «Первая любовь»: «Н. Ф. Павлов с целым сонмищем Дараганов, Власьевых, русских женщин» преследует Тургенева (С. 3). См. также п. Плещеева к Добролюбову от ***Апреля ст. ст.***

Сообщает Макарову, что со вчерашнего дня поселился в гостинице в Содене («Здесь место очень уединенное: посмотрим, каково бу-

дет действие вод»), слышал от Маркович о намерении Макарова «завернуть сюда при проезде в Аахен» (см. п. к Анненкову от ***26 июня*** (***8 июля***)), предупреждает, что поезд до Содена не ходит и придется ехать 25 минут в омнибусе. Интересуется, как проходит лечение голоданием, приехали ли «милейшие, но бестолковые Карташевские» и куда направляются далее. Сообщает, что Маркович хотела сегодня уехать из Парижа в Лозанну и ждет от Макарова п. Радуется, что в Содене очень мало русских («Слава богу, слава богу!»).

В п. к Маркович сообщает, что вчера вечером приехал в Соден и поселился в гостинице, дает свой адрес: «Пишу Вам это не потому, чтобы я надеялся увидать Вас здесь или в Швальбахе (сомнение во мне развилось сильное), но чтобы Вы знали, куда мне писать»: «У меня тихая комнатка с видом на зеленые холмы». Вспоминая встречу в Париже, пишет: «Встреча наша в Париже оставила во мне самые приятные воспоминания. Надеюсь, что и в Швальбахе не будет хуже, если только будет Швальбах». Интересуется, удались ли фотографии, которые Маркович, очевидно, заказала в Париже. Напоминает, чтобы она доставила две его книги.

В п. к дочери Полине (по-франц.) исполняет обещание написать назавтра по приезде в Соден, дает свой адрес, просит сообщить результат первого урока с «этим г-ном де Люксом» (имеется в виду Делиу — Delioux). Просит помнить о его наставлениях (настойчивость, сослагательное наклонение и т. д.), собирается упорно работать и советует следовать его примеру, спрашивает о здоровье, обещает отвечать на каждое п.

Выезжает во Франкфурт за почтой.

27 мая (***8 июня***). **Пятница**. В п. к Фету сетует, что, зайдя вчера на почту во Франкфурте-на-Майне, не получил от него п. до востребования, хотя бы «рекомендательного письма к собаке» для человека в Дармштадте (Баура), который может продать хорошую собаку (см. п. к Фету от ***30 апреля*** (***12 мая***)), просит поторопиться это сделать, поскольку останется здесь всего 4 недели. Просит также сообщить новости о себе, Борисове, о Толстом, «обо всем Мценском уезде!». Советует больному «грудью» Н. Н. Толстому и его сестре М. Н. Толстой приехать в Соден: «Это было бы чудно. А воздух здесь действительно целебный: точно в нем парное молоко разлито». Сообщает, что Боткин в Париже: «до того поправился, что получил смуглый цвет лица и какое-то южное сверкание в глазах», показывал п. к нему Фета (неизв.), «где Вы говорите о Льве Толстом, о ли-

тературе вообще и т. д. Многое в этом письме справедливо — хотя преувеличенно». К числу «приятных преувеличений» относит оценку Фетом «Первой любви». Огорчен обилием статей о «Накануне»: «Это нечто в роде эпидемии. Пора бы оставить эту штуку в покое». Беспокоится о Н. Н. Толстом: «...ему необходимо лечиться. Мне уже в прошлом году его кашель не нравился». Хвалит Соден, жалуется на погоду. Пишет, что собирается работать, т. е. читать, и уже начал читать К. Фогта: «Ужасно умен и тонок этот гнусный материялист!». Восхищается Гарибальди: «Впрочем, Вы так мало интересуетесь политикой, что даже, быть может, не знаете, кто таков Гарибальди?». Выписывает по-немецки ст-ние Н. Ленау «Sonnenuntergang...» («Закат солнца...»), которое, по мнению Т., очень напоминает «Бурю на небе вечернем...» Фета.

В *Клеман. Летопись* (С. 115) письмо ошибочно датировано 8 июня ст. ст.

Дата п. Н. Н. Толстого к Фету из Петербурга, в котором он сообщает: «Мы уезжаем в субботу, то есть завтра. Я советовался с Здекауэром, он петербургский доктор, а вовсе не берлинский, как мне показалось, читая письмо Тургенева (неизв. — *Ред.*). Воды, на кот<орых> Тургенев теперь находится, *Соден*, нас туда же посылают» (*ФетСб* (*2*). С. 354. Публ. А. Г. Гродецкой. Ср.: *Фет. МВ.* Ч. 1. С. 331). См. ***28 мая*** (***9 июня***).

28 мая (***9 июня***). **Суббота**. Дата ценз. разрешения № 5 журнала «Рассвет»; в нем — в разделе «Библиография» рец. на «Институтку» Марко Вовчок в пер. Т. (С. 17—23; подпись: Ф. Т.) (см. ***15*** (***27***) ***января***).

Братья Толстого Николай и Сергей выезжают пароходом из Петербурга в Соден на лечение (*СПбВед.* 31 мая. № 117. С. 610; см. ***27 мая*** (***8 июня***)).

29 мая (***10 июня***). **Воскресенье**. Сообщает Герцену о благополучном прибытии в Соден, шутливо описывает обстановку: «к счастью, русских мало, зато есть один такой генерал, что на двадцать пять шагов от него несет пощечиной, харчевым хлебом, коридором Измайловских казарм в ночное время и Станиславом на шее». Сообщает, что останется в Содене на 4 недели, надеется, что Боткин и Н. М. Жемчужников уже в Лондоне, что прочел «с истинным увлечением» речь короля ганноверского Георга V при закладке памятника его отцу Эрнесту Августу, противнику объединения Германии,

того самого Георга V, который даровал графское достоинство министру внутренних дел Боррису после того, как он сказал «всей Германии, что она дура» (поскольку разрозненные княжества могут вступить в союз с враждебными Германии государствами), т. е. по существу выступил против политики Георга V. Советует прочесть эту речь: «этакого проникновения собственным достоинством даже и в Николае Павловиче не было заметно!». Ждет «Колокола» с «высеченным» Краевским (см. ***3*** (***15***) ***июня***). В постскриптуме сообщает, что Анненков, которого Герцен шутливо называл Ганенкопфом (от *нем.* Hahnenkopf — петушиная голова), в Италии, но к августу «прилетит эфиром на Уайт», карикатурно изобразив при этом летящего толстого Анненкова с крыльями.

31 мая (***12 июня***). **Вторник**. Дата п. Мериме к Т. из замка Фонтенбло: надеется, что Т. уже вернулся из Англии и он застанет его в Париже через неделю. Сообщает, что читает переведенные Т. «Украинские народные рассказы» (1859) Марко Вовчок, которые, очевидно, дал ему Т. с целью перевода на франц. язык: «Я провожу здесь время над Вашим переводом с казацкого, и это занятие весьма облегчает пребывание в августейшем обществе. Жаль только, что Вас здесь нет и я не могу попросить у Вас некоторых разъяснений. <...> Рассказы Марко Вовчок очень печальны. К тому же они, по-моему, должны побудить крепостных выпустить кишки своим господам. У нас их приняли бы за проповедь социализма, и добропорядочные люди, которые предпочитают не видеть кровоточащие раны, пришли бы в ужас». Полагает, что в другое время и при другом императоре их бы не опубликовали и в России. Пишет, что «забавы ради» принялся за перевод «Казачки»: «Раз Вы перевели этот рассказ, значит, он достоверен, но в таком случае Стенька Разин, Пугачев и другие крупные деятели были правы, когда стремились искоренить злоупотребления самыми скорыми и самыми решительными средствами». Считает, что для успеха во Франции следовало бы снабдить эти рассказы предисловием и кратким разъяснением русского законодательства. Опасается, что рассказы Марко Вовчок могут показаться франц. читателю слишком бедными событиями: «Сдается мне, что достоинство их отчасти заключено в непринужденности диалога. К несчастью, именно диалог, по-моему, не поддается переводу на наш язык. Речь ваших крестьян наделена своеобразной поэтичностью, по-французски она звучала бы крайне неестественно. Наши крестьяне столь же прозаичны и изъясняются столь же безвкусно, как и наши салонные франты». При встрече хотел бы спро-

сить у Т., «что представлял собой русский язык до Пушкина» (не был ли он переведенным с франц., лат. или с нем.) и чем отличался с точки зрения грамматики. Прочитав некоторые статьи Пушкина, отвечавшего своим критикам, думает, что поэт испытал два сильных влияния, «прежде чем стать тем, кем он стал»: франц. литературы и Байрона. Начало «Евгения Онегина» и поэму «Граф Нулин» считает подражанием Байрону: «Именно так писал бы лорд Байрон, если бы писал по-русски». При встрече надеется расспрашивать Т. до тех пор, «пока у Вас хватит духу мне отвечать» (*Мериме.* Т. 6. С. 153—154).

Дата п. С. В. Энгельгардт к Фету из Дрездена по поводу полемики вокруг романа Т. «Накануне»: «Не жалею я о нравственной Москве. Угомонилась ли она насчет Тургенева? О ком печется теперь? Досадно очень мне, что я не привезла сюда его последней безнравственной повести («Первая любовь». — *Ред.*), хорошо бы ее перечесть в дрезденских садах, эту душистую повесть, зато ваши стихи я знаю наизусть» (*Письма Энгельгардт к Фету.* С. 56).

1* (*13*) *июня*. Среда**. В п. к Фету извиняется, что напрасно упрекал его в неаккуратности корреспонденций (см. ***27 мая* (*8 июня*)**), нашел п. от него (неизв.) на почте, но почтовые служащие неверно прочитали его фамилию. Благодарит за рекомендательное п. к Бауру (по поводу приобретения собаки), очень встревожен известиями о здоровье Н. Н. Толстого: «Неужели этот драгоценный, милый человек должен погибнуть!», настаивает на поездке Толстого в Соден (см. ***28 мая* (*9 июня*)** и ***12* (*24*) *июня). Сетует на превратности судьбы и цитирует по-нем. рассуждение Гёте в «Эгмонте» (действ. 2) о «легкой колеснице нашей судьбы»: «Куда летим, — кто знает? И едва ли кто вспомнит, откуда». По поводу неизв. мнения Фета о брате Тургенева Николае пишет: «Хотя я думаю, что вообще Ваше воззрение на моего брата справедливо, однако Вы не могли оценить одну его сторону, которую он выказывает только между своими — и то когда он ничем не стеснен — а именно юмор. Да, этот русский француз большой юморист — верьте моему слову — я от него хохотал (и не я один) до колики в боку. Но ум у него весьма обыкновенный». Рад, что повесть «Первая любовь» понравилась Толстым: «это ручательство». По поводу упрека в искусственности прибавленного в конце повести эпизода с умирающей старушкой пишет: «Приделал же я старушку на конце — во-первых потому, что это действительно так было — а во-вторых потому, что без этого отрезвляющего конца крики на безнравственность были бы еще силь-

нее». Просит пожать руку Борисову за его любезные строки в неизв. п. Фета. Одобряет занятие шахматами с Борисовым: «лучшего учителя, чем Иван Петрович, Вам не нажить». Сообщает, что переехал из гостиницы, «где меня обирали как липку», в маленький домик «у одной немки, добродушной до невероятности». Просит писать до востребования. В постскриптуме еще раз просит убедить Н. Н. Толстого ехать за границу: «Здесь, например, такой мягкий воздух, какого в России *никогда* и *нигде* не бывает».

2* (*14*) *июня*. Четверг**. Просит Герцена срочно прислать журнальные тексты «Поездки в Полесье» (*БдЧ.* 1857. № 10) и «Аси» (*Совр.* 1858. № 1): «Мне эти повести крайне нужны — я продал полное издание своих сочинений и взялся всё пересмотреть, а срок уже проходит» (имеется в виду издание *Соч* (*1860—1861*)). Дает новый адрес: «*bei August Weber* (Soden, bei Frankfurt am Main)» (см. ***1* (*13*) *июня). Сообщает, что купил № 72 «Колокола», с одобрением отзывается о предисловии к сб. Герцена и Огарева «За пять лет» (см. ***20 мая* (*1 июня*)**) («очень хорошо предисловие») и о заметке из раздела «Смесь», посвященной Тимашеву: «Сердцу моему приятны твои заботы о Тимашеве». В заметке о Тимашеве и Дубельте Герцен «беспокоился» о том, что Тимашева до сих пор не сделали графом, в то время как перед ним открылось «*бешенство карьеры*». Прося дать ему графа, Герцен имел в виду, что он тогда «года на два уймется и не будет из кожи вон лезть, открывая <...> заговоры» (*Герцен.* Т. 14. С. 280). Интересуется, приехали ли в Лондон «Ж., Б. и Т.» (Н. Жемчужников, Боткин и А. К. Толстой).

Отвечает по-франц. на неизв. п. дочери Полины: укоряет за орфографические ошибки (15 в одном п., прилагает список), доволен результатами уроков у г. Делиу, призывает избавиться от «стремительности, торопливости, небрежности», напоминает об ошибках в произношении и желании строить простые фразы (без сослагательного наклонения), призывает приучить себя к размышлению и настойчивости в начинаниях, ожидает ее успехов в конкурсе. Огорчен охлаждением к дочери Х. Гарсиа: «Надо быть внимательными к пожилым людям, которые расположены к нам; можно подчиняться их требованиям, но никогда не следует потакать их слабостям <...>». Чувствует себя превосходно, сообщает, что уехал из гостиницы («где меня грабили, как на большой дороге») и живет теперь в маленьком домике («перед моим окном большое зеленое поле»), дает новый адрес.

Дата п. Герцена к Т. (ответ на п. от ***29 мая* (*10 июня*)**, полученное «вчера»), сообщает, что получил письма Т., переданные Н. М. Жемчужниковым (см. ***22 мая* (*3 июня*)**) и Боткиным (очевидно, п. от ***23 мая* (*4 июня*)**). Анненкова узнал в карикатуре Т., не читая. О Боткине пишет: «Занятия философией и музыкой положили морщины у Боткина — не на месте, а именно с внутренней стороны ствола его, в силу чего у него образовались там днепровские пороги <...>». Сообщает, что познакомился с историком Дж. Гротом «и очень обрадовался, что это не он русский консул здесь» (т. е. А. Ф. Грот), что Ю. Н. Голицын дает концерт в пользу Гарибальди («120 поют — 1200 слушают») и будет исполнять, в частности, «Herzen-Valse» («Герценовский вальс»), пьесу для фортепьяно в четыре руки, написанную в честь Герцена. Передает поклон от Огарева. Предупреждает, что в Вентноре будет много русских и будет так скучно, «что море придется выпить, а не купаться в нем», думает сыскать другое место (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 64—65).

***3* (*15*) *июня*. Пятница**. Дата л. 73—74 «Колокола» со ст. Герцена «Религиозное значение “СПб. ведомостей”», которая особенно интересовала Т. (см. ***29 мая* (*10 июня*)**). В ней «преподобные» *СПбВед* саркастически называются «органом католической пропаганды в схизматической России, органом иезуитов и папы» за похвалы «отступнику всех знамен, легитимисту, орлеанисту, республиканцу, палачу Июньских дней» генералу Ламорисьеру, за «протестантский восторг и англоманское умиление» перед «первым оратором нашего века» министром финансов Гладстоном. Английское благочестие при этом называется состоящим из «лицемерства, отвратительного для всякой здоровой натуры» (*Герцен.* Т. 14. С. 281—282). Высмеивались в ст. и цитаты из Ренана: «Взяв книгу какого-то поврежденного француза в доказательство, как англичане религиозны, они соглашаются с ним, что *разумом до понятия о боге не дойдешь* (это-то и называется атеизмом!) <...>» (Там же. С. 282). «Разве издатель <...> не знает, — писал Герцен, — что если он сидит дворником при современности с метлой в руках, то это для того, чтоб отгонять грязь и сор, а не загонять их в “ледакторскую” яму». Призывая не помещать богословских статей в светском издании, Герцен противопоставлял восхваляемым авторам других, более достойных: Бокля, Дарвина, Стюарта Милля и др. (Там же. С. 283).

Дата начала п. из Дрездена гр. Ламберт (по-франц.), которая признается, что, приехав «вчера» и поселившись в гостинице (de Saxe), находится в очень подавленном состоянии, вспоминает, как была

здесь 20 лет назад, когда была молода и весела, а теперь чувствует себя старой и одинокой (*Granjard.* P. 103—104). Окончание п. см. ***5 (17) июня.***

4 (16) июня. **Суббота**. В п., посланном в Эмс до востребования, сообщает гр. Ламберт свой адрес, надеясь, что она скоро приедет в Эмс. Пишет, что здешние воды ему «решительно полезны»: «Я живу в небольшом домике — в саду — у добродушной немки; надо мной живет другая немка с прехорошенькой дочкой; я изредка беседую с ней стариковским манером, много гуляю <...> я рад отдохнуть после петербургской тревожной зимы — и пожить нормальной жизнью, с небольшой примесью тихой скуки — этого верного признака правильного препровождения времени». Сообщает, что встретился в Париже с деверем графини К. К. Ламбертом, который собирался в Висбаден. Обещает приехать в Эмс на день. Советует хорошенько лечиться и изгнать из головы «лиловых чертиков, которые хуже синих». Просит написать ему. См. ***7 (19) июня.***

В Лондоне в салоне С. Милнер Гибсон проходит спиритический сеанс Юма, на котором среди прочих присутствуют А. К. Толстой и Боткин, который впоследствии делится впечатлениями с Т. (см. *Waddington P.* Some gleanings on Turgenev and his international connections, with notes on Pauline Viardot and her family // *N Z Sl J.* 1983. P. 184). См. ***Сентябрь — ноябрь (до 19) ст. ст.***

5 (17) июня. **Воскресенье**. Дата окончания п. из Франкфурта (по-франц.) гр. Ламберт, начатого ***3 (15) июня*** в Дрездене, которое просит порвать. Сообщает, что завтра они с мужем и Веригиной едут в Эмс, откуда муж едет лечиться в Глайсвайлер, а Веригина в Карлсбад. Просит еще раз прислать адрес дочери Полины, который оставила в Петербурге: «Прощайте, Сирена, которой я прощаю кучу вещей, которые бы порицала в других — кроме лени в отношении ко мне» (*Granjard.* P. 104). Отправляет п. в Париж.

6 (18) июня. **Понедельник**. Дата неизв. «телеграфической депеши» Маркович к Т. из Берна с просьбой получить за нее в Швальбахе деньги и переслать в Берн. Спрашивает, как добраться до Содена (см. ниже ответ Т.).

Отвечает на неизв. п., точнее «телеграфическую депешу», Маркович, которое, «по обыкновению, очень темно»: «Вы пишете: “если мои деньги получены в Швальбахе”, но каким образом я это узнаю? Не написано же это на стенах — а на почте запрещено говорить чу-

жим без паспорта. И потому я просто посылаю Вам 300 франков в Берн — по вашему желанию. Надеюсь, этого будет достаточно». Объясняет, как добраться до Содена: по железной дороге до Франкфурта, «оттуда ступайте по железной дороге до первой станции *Хöхст* (Höchst) — а от Хöхста Соденев дилижанс — и через 20 минут в Содене». Или готов выехать сам в Швальбах. Сообщает о перемене адреса.

В Соден предположительно приезжают Н. Н. и С. Н. Толстые (см. ***9*** (***21***) ***июня***).

7 (***19***) ***июня***. **Вторник**. Дата п. гр. Ламберт к Т. (ответ на п. от ***4*** (***16***) ***июня***). Пишет, что отправила вчера в Париж п. на его имя (см. ***3*** (***15***) ***июня*** и ***5*** (***17***) ***июня***), беспокоится, дойдет ли оно. Благодарит за память и за обещание посетить ее в Эмсе, хотя это затруднительно из-за отсутствия железной дороги. Продолжает по-франц. («Решительно не могу сегодня писать по-русски!»), сообщает, что приехала в Эмс «сегодня» совершенно разбитая, но тотчас послала на почту и получила два п., одно из которых от Т. Просит не лениться и писать к ней, напоминает, что когда-то он любил обмениваться с нею мыслями и писал п. мелким почерком на четырех страницах, упрекает его в кокетстве и думает, что перемена случилась из-за ее возраста: «Если бы вы не были уверены в моей доброте, то больше бы дорожили мной — может быть, любили бы меня меньше, но без сомнения в ваших глазах я была бы более женщиной».

Между 6 (***18***) ***июня и 9*** (***21***) ***июня***. Встречается с С. Н. и Н. Н. Толстыми, приехавшими ***6*** (***18***) ***июня***, играет в шахматы с Н. Н. Толстым.

Предположительная дата п. Н. Н. Толстого к Фету, в котором сообщает о благополучном приезде в Соден: «В Содене мы застали Тургенева, кот<орый> жив-здоров, и здоров так, что сам признается, что он *совершенно здоров*. Нашел какую-то немочку и восхищается ей. Мы <...> поигрываем в шахматы, но как-то нейдет: он думает о своей немочке, а я о своем выздоровлении»; хвалит Соден и надеется на лучшее (*НИиМ* (*2*). С. 355; см. также: *Фет. МВ*. Ч. 1. С. 332).

8 (***20***) ***июня***. **Среда**. В Петербурге умирает жена Полонского (см. п. к Анненкову от ***26 июня*** (***8 июля***)).

9 (***21***) ***июня***. **Четверг**. Дата п. С. Н. Толстого к брату Льву, в котором сообщает, что они с братом Николаем «приехали в Соден уже

четыре дни, и четыре дни пьем воды»: «Здесь, в Содене, Тургенев Иван Сергеевич лечится уже Бог знает от какой болезни. Он живет два шага от нас и с Николенькой сражается в шахматы. Кроме больных, здесь нет никого, разве только Тургенев да одни какие-то русские, претолстые (русских здесь много), и больные все одного характера, чахоточные». Замечает также, что Т. «старается уверить себя, что он в восторге и почти влюблен в одну немочку, дочь франкфуртского портного, которая живет с ним с своею больною матерью на одной квартире. Она действительно очень мила, но, может быть, это кажется оттого, что она здесь одна здорова и молода, а остальные все больны. Несмотря, что она дочь портного, она отличная музыкантша. Бетховен, Мендельсон, Моцарт — все это ей нипочем, вся немецкая литература тоже <...>» (Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 225—226).

***10* (*22*) *июня*. Пятница**. Получает из Берлина «телеграфическую депешу» (неизв.) от Карташевской, очевидно с просьбой о разрешении навестить его в Содене вместе с мужем и братом (Макаровым).

Отвечает на телеграмму Карташевской: рад будет повидаться с нею, ее мужем и братом, сообщает адрес, по которому проживает, и как добраться до Содена.

Получает неизв. п. от дочери Полины и сразу отвечает на него. Утешает дочь в связи с трудностями в обучении у г. Делиу, посылает вексель Л. Виардо (в счет оплаты обучения дочери), пишет, что не располагает средствами, чтобы послать денег ей, беспокоится о заболевших детях Виардо, уверяет, что скучает по Парижу, просит написать о состоянии здоровья детей Виардо.

Около 10* (*22*) *июня*.** Герцен и Огарев перечитывают повесть Тургенева «Поездка в Полесье», которую Т. просил Герцена выслать ему в п. от ***2* (*14*) *июня (см. приписку Огарева и отзыв Герцена в п. от ***11* (*23*) *июня***).

11* (*23*) *июня*. Суббота**. Дата п. Герцена к Т. из Лондона (ответ на п. от ***2* (*14*) *июня). Сообщает, что никак не может найти, даже при помощи владельца книжной лавки Тхоржевского и Чернецкого, экземпляр *Совр* с повестью «Ася» (*Совр.* 1858. № 1), о чем просил Т. Иронизирует: «Мы, правда, нашли повесть Каролины Карловны (повесть К. Павловой «Кадриль (рассказ в стихах)» (*РВ.* 1859. № 1). — *Ред.*) — она в стихах, — если ты по ней хочешь поправить “Асю” —

можно прислать. <...> “Полесье” (одна из самых изящных проделок твоих) я отослал. Прошу или ее возвратить или новым изданием наградить». Сообщает, что концерт Ю. Н. Голицына (см. п. Герцена от ***2*** (***14***) ***июня***) принес убыток, но наделал много шума. О ст. в «Колоколе» о Краевском (см. ***3*** (***15***) ***июня***) пишет: «“Колокол” получил? Ну, вот как я Краевского, — дворник, мол, с метлой». Сообщает, что Н. М. Жемчужников и Боткин в Лондоне («Боткин необыкновенно важен, бывает редко — на четверть часа»). Спрашивает об имени генерала, которого Т. описывал в п. Огарев в том же п. Герцена приписал: «Мы перечитывали “Полесье”, Тургенев, и еще раз скажу, что это прелесть, и “Первая любовь” прелесть. Я вознегодовал на вас — ваши повести и голицынский концерт так утянули меня в иной мир, что никак не могу приняться за серьезное дело. Благословляю вас за то, что вы так перемутили мое мирматическое (муравьиное. — *Ред.*) направление» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 71—72).

Дата п. Писемского из Парголово (ответ на неизв. п. Т., в котором говорилось, что по слухам Писемский чувствует себя лучше, и Т. приглашал его в Соден). Сообщает, что здоровье его «действительно поисправилось, но далеко не совсем», жалуется на боли в руках и ногах, на ипохондрию («мне решительно стала ненавистной жизнь»). Работать не может, а от этого зависят средства для жизни. Сочувствует Полонскому: «...его маленькая прелестная жена умерла!!! <...> При одной мысли об этом меня третий день терзает истерика: после смерти Бозио ничья смерть в последнее время меня еще так не поражала». Откликается на сообщение Т. о том, что он отдыхает «от литераторства»: «...о, как бы я желал этого отдохновения и даже полного забвения *о сем мастерстве*, хотя бы для этого даже пришлось поступить на службу по *винным откупам*, но только чтоб ни самому не сочинять, ни читать чужих сочинений». На предложение поехать за границу отвечает, что по теперешним обстоятельствам и думать об этом не может. Просит прислать жене для перевода какой-нибудь хороший французский роман. Сообщает, что живет на даче в Парголово, но просит адресовать письма в контору *БдЧ* Печаткину (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 163).

Около 12 (***24***) ***июня.*** Маркович сообщает телеграммой, что приедет в Соден во вторник утром, ***14*** (***26***) ***июня*** (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 279).

12 (***24***) ***июня.*** **Воскресенье**. Вечером начинает п. к гр. Ламберт (завершает ***14*** (***26***) ***июня***), пишет о том, что ей было бы приятно

посмотреть, как он обрадовался вчера получению ее п. (неизв.) с обещанием навестить его «сегодня» в Содене: «Я ходил Вас встречать раз пять — но, сообразив хорошенько обстоятельства, я убедился, что Вы обещали вещь — к сожалению — несбыточную. <...> Но уже за одно намеренье я обязан живейшей благодарностью и визитом, который я исполню <...> в скором времени» (см. ***24 июня*** (***6 июля***)). Пишет, что ведет жизнь «патриархально-мирную», беспечно приволакивается за «прехорошенькой молоденькой немочкой». Сообщает о приезде в Соден «хорошего приятеля», Н. Н. Толстого, «прекраснейшего человека», больного чахоткой, с ним беседует и играет в шахматы. «А здоровье мое между тем процветает — и мне никогда не было так хорошо».

13 (***25***) ***июня***. **Понедельник**. Телеграмма от Маркович: «Если я сегодня вечером в 7 часов не приеду в Соден, то я приеду завтра с первым утренним поездом» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 280).

14 (***26***) ***июня***. **Вторник**. В Соден приезжает Маркович. В тот же день Т. провожает ее в Швальбах, заезжает в Висбаден и возвращается в Соден (см. ***17*** (***29***) ***июня***).

В Висбадене заканчивает п. к гр. Ламберт, начатое ***12*** (***24***) ***июня***: «Оканчиваю это письмо в Висбадене <...> куда заехал совершенно нечаянно, провожая одну даму в Швальбах. Вот если бы Вы здесь были! — Я никак не ожидал, что мне придется сделать эту поездку. Я сегодня же вечером возвращаюсь в Соден, а в воскресенье поеду к Вам в Эмс». Обещает еще написать, благодарит за «милое 2-ое письмо» (см. ***7*** (***19***) ***июня***). Очевидно, в Висбадене, где находился брат мужа графини К. К. Ламберт, Т. рассчитывал увидеться с ней самой.

Дата записки гр. Ламберт из Эмса (очевидно, ответ на п. Т., полученное в тот же день): «Пишите, Иван Сергеевич!!» (*Granjard*. P. 108).

15 (***27***) ***июня***. **Среда**. Ламберт благодарит за п. (см. ***12*** (***24***) ***июня*** и ***14*** (***26***) ***июня***), сожалеет, что не поехала в Соден, «если Вы меня ждали — и я Вам доставила неприятное чувство тщетного ожидания». Выражает неудовольствие по поводу «брата», т. е. К. К. Ламберта, с точки зрения которого «дама порядочного общества не должна любить горячо», в связи с чем он был против ее встречи с Т. По поводу своего предыдущего «письма» в полстрочки (см. ***14*** (***26***) ***июня***) пишет, что два знака восклицания «имели двойное

значения упрека и надежды» и что сын Яша над ним смеялся, но, может быть, это п. не было смешно. Сожалеет, если болезнь Н. Н. Толстого так запущена, что эмские воды ему не помогут, хотела бы познакомиться с ним, спрашивает, не тот ли это брат писателя, «милый материалист» Владимир, что выведен в «Детстве» Толстого. Обещает написать до отъезда Т. из Содена (*Granjard.* P. 108—109).

17 (29) июня*. Пятница**. Выполняя обещание, пишет к Маркович, хотя не получил п. от Макарова. Надеется, что она благополучно прибыла в Гейдельберг, где должна была оставить мужа и сына и откуда собиралась вернуться в Швальбах, напоминает о ее обещании завернуть в Соден. Вспоминая совместную поездку в Швальбах ***14 (26) июня, пишет: «Поездка наша оставила во мне самое приятное впечатление, и я чувствую, что узы дружества, которые нас связали с прошлого года, еще крепче стянулись». Напоминает, что Маркович обещала хозяйке в Швальбахе вернуться через четыре дня, иначе она сдаст квартиру другому. Сообщает, что в Содене все по-прежнему, но «1-й номер» (очевидно, намек на молоденькую немочку, с которой он общался — см. ***12 (24) июня***) уезжает завтра, что Н. Н. Толстому стало хуже, а из п. дочери узнал, что тяжело заболевшему коклюшем сыну Виардо Полю стало легче. Из того же п. узнал о смерти младшей дочери Н. И. Тургенева Анны, девочки трех лет, которую отец обожал: «Смерть так же не уступает прав своих, как и жизнь». Просит передать привет мужу, поцеловать сына и передать поклон К. К. Гофману, у которого когда-то брал уроки греч. языка. Сообщает, что во вторник утром едет в Эмс, где пробудет до обеда среды (в действительности в Эмс Т. ездил на один день в пятницу, ***24 июня (6 июля)***).

Вечером отвечает на «лаконическую» записку (см. ***14 (26) июня***) и п. гр. Ламберт (см. ***15 (27) июня***). Над п. «порядком подумал» и готов поговорить о нем, но не послезавтра, как собирался ранее, а во вторник (см. ***24 июня (6 июля)***). Сообщает еще раз, что ездил в Швальбах «с одной знакомой прекрасной женщиной (той самой, которая пишет под именем Марко Вовчок)», обещает рассказать при встрече подробности этой поездки: «Вообще у меня будет много кой-чего рассказать Вам». Отвечая на вопрос графини, пишет, что больной Толстой, т. е. Николай Николаевич, не тот, что выведен в «Детстве» под именем Владимира, тот (С. Н. Толстой) «находится также здесь — и очень дрянной человек». Признается, что отвык писать и руке больно держать перо. Завершает п. словами: «Я Вас люблю от всего сердца».

18 (***30***) ***июня***. **Суббота**. Выходит № 6 *Совр* (ценз. разрешение 15 (27) июня), в нем рец. Чернышевского на рус. перевод кн. Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии». Эта ст. стала причиной окончательного решения Т. порвать с *Совр* (см.: *Генералова Н. П.* «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому (О втором эпилоге романа «Рудин») // *НИиМ* (*4*). С. 19—57).

Не называя имени Т. и романа «Рудин», Чернышевский упрекнул автора в том, что герой «одной прекрасной повести», «мало писавший порусски», но имевший «самое сильное и благотворное влияние на развитие наших литературных понятий, затмевавший величайших ораторов блеском красноречия» и сделавшийся «предметом эпических народных сказаний», мог бы быть изображен автором «как человек серьезный»: «Автор повести, кажется, и хотел так сделать; но вдруг ему вздумалось: “а что же скажут мои литературные советники, люди такие рассудительные, умеющие так хорошо упрочивать свое состояние, если получили его в наследство, или, по крайней мере, с таким достоинством держать себя в кругу людей с состоянием, если сами не получили большого наследства? Человек, который так расстроил свои семейные отношения, что остался безо всего при существовании значительного родового имения, который занимал деньги у богатых приятелей, чтобы раздавать их бедным приятелям, — нет, такой человек не может считаться серьезным по суду моих благоразумных советников”. И вот автор стал переделывать избранный им тип, вместо портрета живого человека рисовать карикатуру, как будто лев годится для карикатуры. Разумеется, такое странное искажение не удалось, да и самому автору по временам, кажется, было совестно представлять пустым человеком исторического деятеля. Повесть должна была бы иметь высокий трагический характер, посерьезнее шиллерова Дон-Карлоса, а вместо того вышел винегрет сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц, как будто сшитых из двух разных повестей» (Отд. 3. С. 239—240. См. также: *Чернышевский*. Т. 7. С. 449. Здесь на с. 1025 в примеч. 3 неправомочно утверждается, что Т. либо «невнимательно прочитал соответствующее место <...> либо сознательно исказил его: слова Чернышевского о зависимости от богатых людей относятся не к автору “Рудина”, а к самому Рудину», а под лицами, умеющими «хорошо упрочивать свое состояние», Чернышевский имел в виду Анненкова, Боткина и др. (авторы комментариев Н. М. Чернышевская и С. С. Борщевский). Комментаторы не учли, что среди этих людей могли подразумеваться также Герцен и Огарев, которым противопоставлялся прототип Рудина Бакунин, действительно постоянно занимавший деньги у своих богатых друзей, в том числе у Т.). Отклик Т., принявшего автора рец. за Добролюбова, см. в п. к Анненкову от ***30 сентября*** (***12 октября***) (Нельзя считать точной оценку Чернышевским типа Рудина как «резко отрицательную», данную в *П*. Т. 4. С. 585, примеч. 9. Коммент. Л. Н. Назаровой).

Дата п. гр. Ламберт к Т., рассказывает о встрече с какой-то «славной старушкой», других знакомствах, сообщает о получении п. от Т., которого ждет «еще с большим нетерпением». Сожалеет, что высказалась неблагоприятно о своем девере К. К. Ламберте в предыдущем п., просит порвать его, как и настоящее п. (*Granjard.* P. 111–113).

20 июня (***2 июля***). **Понедельник**. Предупреждает гр. Ламберт, что «по непредвиденным обстоятельствам (на этот раз это не фраза — да я с Вами никогда к фразам не прибегаю)» сможет приехать в Эмс не во вторник, как обещал, а в среду в 11 ч. утра (см. ***24 июня*** (***6 июля***)).

22 июня (***4 июля***). **Среда**. Дата п. Анненкова из Милана (ответ на два п. Тургенева: одно от ***22 мая*** (***3 июня***), другое неизв.), графически изобразившего свой маршрут по «новому государству» Италии: «...я теперь иду вверх, как форель гатчинская. Из Милана подымусь на Комо, Лаго Мажиоре, а оттуда через Сим<п>лон в Женеву, где и буду около 15 июля н. с. <...>». Просит забросить в гостиницу «Couronne» свой адрес, если окажется в Женеве ранее. Сообщает о получении двух «милых» п. от Т.: «...и одно доказывало бы красоту вашей души, а два слезу извлекают». С удовольствием предвкушает совместное путешествие в Англию. Излагает свои впечатления об Италии, в которой в это время ширится движение в пользу объединения под предводительством Гарибальди: «Видел я много поучительного и дошел до убеждения, <...> что в новом государстве нет еще и признаков настоящего государства, и все оно держится одной только силой — энтузиазмом. Подобные явления не часто встречаются на земле и их наблюдать очень любопытно. Поверите ли, что в сущности здесь полная анархия и королевство связано одной идеей — независимости и свободы Италии». Правительство, с точки зрения Анненкова, ничего не делает, а все остальное «живет кое-как на остатках старой цивилизации, не думая ни о чем, кроме славы, чудес героизма, неимоверных успехов, переворотов, питаясь гордостью, самолюбием национальности и действительно сказочным Гарибальди своим, который именем своим отвлекает дурные страсти молодежи и морализует ее, если можно оморализовать совершенно олицетворенную праздность». Оценивает трезвость Кавура. Как пример «гражданственности» приводит случай с ограблением дилижанса, на котором он едва не уехал. Просит переслать прилагаемое п. к Макарову (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 79–80). См. ***26 июня*** (***8 июля***).

Дата п. Анненкова к Макарову, которое он пересылает через Т. (см. ***26 июня*** (***8 июля***)), поскольку не знает, где в настоящий момент находится адресат. Просит сообщить сведения о путешествующей Карташевской и прислать их в Женеву, где собирается «дождаться Тургенева». О своих планах пишет: «Мы собираемся с Иваном Сергеевичем проверить, все ли замки Швейцарии на своих местах, и потом “вниз по батюшке, по Рейну” скатиться в Вайс» (*ИРЛИ*. Ф. 170. Оп. 1. № 2. Л. 5).

23 июня (***5 июля***). **Четверг**. Дата п. Л. Виардо к Т. из Парижа (ответ на неизв. п. Т.), в котором он посылает 800 франков векселем на франкфуртского банкира: «Другим способом я вам переслать деньги не мог. Вскоре я оплачу остаток счета в пансионе Полинетты (первую половину Т. переслал Виардо через дочь ***10*** (***22***) ***июня***. — *Ред.*), но, тоже вскоре, я сниму полугодичные проценты с ее французских облигаций. Тогда мы будем приблизительно в расчете. Так что вам ничуть не стоит озабочиваться финансовыми вопросами. Принимайте спокойно ваши целебные воды, работайте хорошенько, будьте здоровы и подыщите собаку, достойную Дианы и всего ее потомства». Сообщает о том, что сын Виардо Поль «вот уже несколько дней как пошел на поправку, и его теперь лечит лишь один доктор вместо пяти. Но улучшение наступает очень медленно, и понадобятся еще недели, чтобы он вернулся в исходное состояние. Приходится сидеть над ним день и ночь, чтобы в точности исполнять медицинские предписания». По рекомендации врача, намерены в ближайшее время отвезти в деревню его и обеих дочерей, «которых он заразил своим дурацким коклюшем». Планирует на следующий день отправиться в Куртавнель, чтобы «приготовить жилище»: «Мы уже готовимся к отъезду, и, как я полагаю, не пройдет и недели, как мы очутимся в старом куртавнельском гнезде». Передает «всеобщие поклоны» (см.: *Cahiers*. № 24 (2000). P. 205).

Между 23 июня (***5 июля***) ***и 26 июня*** (***8 июля***) получает п. от П. Виардо с просьбой приехать в Куртавнель.

24 июня (***6 июля***). **Пятница**. Посещает в Эмсе гр. Ламберт, откуда едет в Швальбах к Маркович, где, возможно, проводит два дня (см. п. к Карташевской от ***26 июня*** (***8 июля***)). Во время этой поездки, вероятно, заезжает в Дармштадт к Бауру и приобретает собаку (полукровного пойнтера, названного Фламбо) (см. п. к Макарову от ***26 июня*** (***8 июля***), а также ***7*** (***19***) ***июля***).

***25 июня* (*7 июля*). Суббота**. Герцен пишет Маркович: «А читали ли Тург<енева> “Первая любовь”? По-моему, это гораздо лучше “Накануне”» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 75).

26 июня* (*8 июля*). Воскресенье**. Отвечает на неизв. п. Карташевской: «...я был 3 дня в отсутствии и только теперь собрался отвечать на Ваше любезное письмо». Рад, что она поселилась в Бонне и довольна «немецкой тихой жизнью». Сообщает, что через 10 дней выезжает из Содена в Кёльн, откуда намерен съездить навестить Карташевскую в Бонне и ее брата Макарова в Аахене. Из полученного п. от Анненкова (см. ***22 июня* (*4 июля*)**) узнал, что 3 (15) июля он будет в Женеве, дает его адрес. О себе сообщает: «№ 1-й» уехал из Содена (см. п. к Маркович от ***17* (*29*) *июня), собаки еще не достал и ленится «непростительно». Пишет, что Маркович поселилась в Швальбахе, о своем здоровье пишет, что оно «хорошо»: «Соден мне решительно помог».

Сообщает Анненкову о получении его п. от ***22 июня* (*4 июля*)**, в котором нашел много любопытного: «Много придется поговорить с Вами обо всем, что Вы видели, — поговорить на острове Уайте <...>», поскольку раньше они не увидятся. Объясняет изменение в своих планах: до 4 (16) июля остается в Содене, затем едет в Куртавнель к П. Виардо, где пробудет по 1 августа, т. е. «эпохи морских купаний на Уайте»: «Mme Виардо этого желает, а для меня ее воля — закон. Ее сын чуть было не умер, и она много натерпелась. Ей хочется отдохнуть в спокойном, дружеском обществе». Сообщает, что узнал от Писемского о смерти «миленькой, хорошенькой» жены Полонского (см. ***11* (*23*) *июня***): «Я не могу Вам выразить, как мне жаль и ее, и его <...> Где же справедливость!». Хвалится здоровьем, но огорчен скверной погодой: «...я в жизни так не зяб, как третьего дня, ехавши в открытой коляске из Эмса, где я посетил графиню Ламберт, в Швальбах, где поселилась М. А. Маркович». О последней пишет: «Это очень милая, умная, хорошая женщина, с поэтическим складом души. Она будет на Уайте, и Вы должны непременно сойтись с ней... Чур не влюбитесь! Что весьма возможно, несмотря, что она не очень красива. Впрочем, мы с Вами прокопченные сельди, которых ничего уже не берет». Сообщает, что Карташевская в Бонне, где будет с братом месяц, советует Анненкову заехать к ней. Пишет о частых встречах с Н. Н. Толстым («Он отличный малый, но положение его горестное: у него безнадежная чахотка»), который ожидает приезда брата Льва с сестрой Марией. Пишет, что получает п. от Н. Я. Ростовцева (неизв.) с о. Уайта. Сетует, что ничего не делает до

такой степени, что «пальцам больно, когда перо держишь». Надеется, что в Вентноре, на Уайте, «будет очень хорошо».

В этот же день пересылает Макарову п. Анненкова (см. ***22 июня*** (***4 июля***)). В п. к нему сообщает, что не дождется Анненкова и будет в Аахене дней через десять по дороге в Париж, заночует и утром того же дня заедет в Бонн к Карташевской. Извещает, что Маркович в Швальбахе и он намеревается ее навестить на днях: «Она собирается много работать». Пишет, что завтра «пробует собаку» (первое упоминание в известных п.; см. ***24 июня*** (***6 июля***)).

Пишет гр. Ламберт первое п. после свидания в Эмсе ***24 июня*** (***6 июля***), интересуется здоровьем и планами, просит написать «словечка два». Сообщает, что чуть не замерз на дороге в Швальбах, где «провел очень приятно время», а теперь снова в Содене, пьет воды, купается и ничего не делает. Через неделю намерен выехать в Париж. Признается, что «сегодня ужасно глуп, глупее, чем в тот вечер, когда я так искусно Вас утешал».

Отвечает по-франц. на неизв. п. дочери Полины, объясняя задержку с ответом своим отсутствием в течение нескольких дней. Сочувствует ее неприятностям из-за какой-то приятельницы, которой дочь осталась должна 84 франка, обещает вернуть долг по приезде в Париж дней через десять, делает выговор за склонность к трате лишних денег. Пишет, что известие о смерти дочери Н. И. Тургенева Анны его очень опечалило, просит передать ему свои соболезнования.

Дата п. Дружинина к Фету:

> «Насчет вашего намерения не писать и не печатать более скажу вам то же, что Толстому: пока не напишется чего-нибудь хорошего, исполняйте ваше намерение, а когда напишется, то сами вы и без чужого побуждения измените этому намерению. Держать хорошие стихи и хорошую книгу под спудом невозможно, хотя бы вы давали тысячу клятв, а потому лучше и не собирайтесь. Эти два или три года и Толстой, и вы находитесь в непоэтическом настроении, и оба хорошо делаете, что воздерживаетесь; но чуть душа зашевелится и создаст что-нибудь хорошее, оба вы позабудете воздержание. <...> В решимости вашей и Толстого <...> нехорошо только то, что она создалась под влиянием какого-то раздражения на литературу и публику. Но если писателю обижаться на всякое проявление холодности или бранную статью, то некому будет и писать, разве кроме Тургенева, который как-то умеет быть всеобщим другом» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 334).

27 июня (***9 июля***). **Понедельник**. Дата ценз. разрешения (цензор Бекетов) отд. оттиска из «Драматического сборника» (1860.

Кн. 5): Провинциалка. Комедия в одном действии Ив. Тургенева. СПб.: Ф. Стелловский, 1860. 23 с.

29 июня (***11 июля***). **Среда**. Пробует в поле собаку Фламбо, приобретенную в Дармштадте по рекомендации Фета (см. ***24 июня*** (***6 июля***)), но недоволен ею («оказалась тяжелым пиль-авансом»; см. ниже п. к Фету).

Начинает п. к Фету из Содена с сожаления, что сегодня, в Петров день, он не на охоте в Полесье вместе с ним, Борисовым, Алифановым и собаками Снобом, Весной и Дон-даном (пойнтер, подаренный Некрасовым), рисует воображаемую картину охоты. Сообщает что сегодня «пробовал собаку», привезенную из Дармштадта, но остался недоволен ею: «...завтра хотели привезти другую: говорят, та гораздо лучше». Чувствует, что не заменит своих любимых собак Бубульку и Дианку. Прерывает письмо на словах: «Вы просто золотой человек на письма: нельзя...». Завершает п. ***9*** (***21***) ***июля***.

30 июня (***12 июля***). **Четверг**. Герцен пишет Рейхель о том, что отказывается от поездки в Вентнор: «В Ventnor я решительно не поеду, там кишмя кишеть будет русскими» (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 77).

1 (***13***) ***июля***. **Пятница**. Дата ценз. разрешения № 4 журнала «Светоч»; в нем — в разделе «Критическое обозрение русской литературы» ст. Соколовского о «Накануне» (С. 1—44).

> Положительно оценивая «высокохудожественный» образ Елены (хотя и считая его только «прекрасным идеалом женщины», а не женщиной, «нам современной, со всеми ее достоинствами и недостатками»), Соколовский резко высказывается об Инсарове, видя в нем надуманную, «странную фигуру», «живой упрек современному поколению, выразившемуся в лице Берсенева и других». Считая, что Т., «взяв героя из чуждого нам мира, *не мог* совладеть с ним», задается вопросом: «Что это такое в самом деле — герой ли или только ирой, то есть пародия на героя?». Отдает предпочтение Берсеневу и Шубину: «...пусть Берсеневым недостает энергии, пусть в решительную минуту они останавливаются в недоумении, все же трудно решить, было ли бы лучше, если бы их заменили сухие Инсаровы с их фанатизмом. <...> Нет, не таковы нам надобны герои, да и не таковы были они... нужны люди, а не фанатики с их односторонними взглядами, с их ненавистью ко всему, что не свое <...>. Крайность везде неуместна: космополитизм и китаизм, в какой бы форме он ни выражался, равно нейдут к народам с историческим, великим значением. Представителями современного поколения в “Накануне” являются Берсенев, Шубин и Курнатовский» (С. 22, 27, 43).

Дата п. гр. Ламберт из Шлангенбада (ответ на п. Т. от ***26 июня*** (***8 июля***)), куда она неожиданно выехала из Эмса к больной сестре Зинаиде, о которой отзывается очень тепло, видится с ее мужем бар. Кайзерлингом. Сообщает, что в первых числах августа будет в Париже и остановится в гостинице «Мирабо» на Rue de Paix (*Granjard.* P. 114—115).

2 (***14***) ***июля***. **Суббота**. В п. к Маркович (неизв., см. ***3*** (***15***) ***июля***) сообщает, что не может приехать в Швальбах, просит приехать во вторник 5 (17) июля в Майнц и предлагает остановиться в гостинице Reinischer Hof, где собирается остановиться сам. Переночевав в Майнце, планирует вместе с Маркович в среду на пароходе в 6 ч. утра плыть в Бонн, а оттуда в Аахен к Макарову, с которым оставит Маркович.

Пишет Макарову, что выезжает из Содена во вторник, 5 (17) июля вечером, ночует в Майнце, там же встречается с Маркович и в среду плывет вместе с ней до Бонна, где беседует «часика два-три» с сестрой Макарова Карташевской, и в тот же день «мчится», «всё с М. А. Маркович», через Кёльн в Аахен, куда прибывает вечером. «Беседую с Вами целый вечер, ночую и на следующий день отправляюсь из Аахена прямо в Париж».

В п. к Карташевской повторяет те же сведения, что в п. к Макарову, просит ждать его в среду в Бонне. Сообщает, что написал Макарову в Аахен, но не знал его адреса, поэтому просит Карташевскую уведомить брата еще раз о приезде (в *П.* Т. 4. С. 571 ошибочно указано, что имелось в виду другое п. к Макарову, от ***26 июня*** (***8 июля***)).

Дата неизв. п. Фета к Т. из Мценска (см. ***16*** (***28***) ***июля***).

3 (***15***) ***июля***. **Воскресенье**. Пишет повторное п. к Маркович (см. ***2*** (***14***) ***июля***), опасаясь, что на отправленном вчера п. ошибочно проставил вместо Швальбаха Шлангенбад (Шлангенбадом было помечено письмо гр. Ламберт от ***1*** (***13***) ***июля***), повторяет план, изложенный в предыдущем п. Прощается до послезавтра в Майнце, куда приедет в 10-м часу.

Июнь ст. ст. Во время пребывания в Содене предположительно просматривает и редактирует произведения для т. 1 и 3 издания *Соч* (*1860—1861*) (в частности, «Поездку в Полесье; см. ***2*** (***14***) ***июня***).

***5* (*17*) *или 6* (*18*) *июля*. Вторник или среда**. Выезжает из Содена в Майнц и встречается с Маркович.

***6* (*18*) *июля*. Среда**. Пароходом из Майнца едет с Маркович по Рейну до Бонна для встречи с Карташевской, откуда через Кёльн в Аахен, где ночует у Макарова.

14 (26) июля Карташевская писала Анненкову: «Представьте себе, я почти три недели сижу в своей комнате, страдаю и скучаю ужасно. Тургенев и Марко-Вовчок на прошлой неделе были у меня, они видели меня в жалком положении. Я едва могла двигаться от сильной слабости» (Голос минувшего. 1919. № 1—4. С. 213—214). В публикации п. ошибочно датировано 26 июня 1860.

Возможно в этот день в Соден, где находился ее брат Н. Н. Толстой, из Берлина выезжает М. Н. Толстая.

В дневнике Л. Н. Толстой записал, что 5 (17) июля он с сестрой приехал в Берлин, а в п. к Ергольской, написанном позже, 24 июля (5 августа), датой отъезда Марии Николаевны названо 8 (20) июля (*Толстой*. Т. 60. С. 347), сам же он приехал к брату и сестре 14 (26) августа (Там же. Т. 48. С. 29), когда Т. уже там не было.

***7* (*19*) *июля*. Четверг**. В п. к Ег. П. Ковалевскому из Аахена извиняется, что не застал его перед отъездом из Содена и не передал ему номер *ОЗ* и путеводитель Бедекера, все это взялся переслать Ковалевскому генерал Шульман. П. взялась передать Маркович, с которой Тургенев доехал до Аахена, где она хотела повидать Макарова. Сообщает, что Маркович хочет просить Ковалевского доставить ее мужу штатное место в Петербурге, «а то средства их становятся весьма и весьма тесны»: «Я знаю наперед, что Вы обрадуетесь этому случаю сделать что-нибудь для нее приятное <...>».

Около 9 (21) июля Маркович писала Макарову: «Я приехала в Эмс почти в девять часов, видела Ковалевского и говорила, а на другой день утром уехала в Швальбах» (*ИРЛИ*. Ф. 170. Оп. 1. № 22. Л. 71).

Сообщает гр. Ламберт, что «вчера» выехал из Содена и сегодня ночевал у одного хорошего знакомого (Макарова), надеется вечером быть в Париже и написать оттуда, благодарит за «милое» последнее п. (от ***1* (*13*) *июля***), обещает перед отъездом в Англию через три недели наведаться в гостиницу «Мирабо», где собирается остановиться графиня. Это п. перешлет Маркович, о которой уже говорил.

Выезжает из Аахена в Париж.

Дата п. Н. Н. Толстого к Фету и Борисову из Содена. Сообщает, что сестра Мария приехала с детьми в Соден и будет здесь жить и лечиться, брат Лев остался в Киссингене (в пяти часах от Содена), п. Фета отправил в Киссенген с братом Сергеем, возвращающимся в Россию. Призывает Фета «броситься прямо в практичность»: «...окунитесь в нее с головой, и я уверен, что она вытеснит из вас байбака, да еще выжмет из вас какую-нибудь лирическую штучку, которую мы с Тургеневым да еще несколько человек прочтем с удовольствием. А на остальной мир — плевать! / За что я вас люблю, любезнейший Афанасий Афанасьевич, за то, что все в вас правда — все, что из вас, то в вас, — нету фразы, как, например, в милейшем и пр. Иван Сергеевиче. А очень стало мне без него пусто в Содене, не говоря уж о том, что шахматный клуб расстроился, даже аппетит у меня стал не тот с тех пор, как не сидит подле меня его толстая и здоровая фигура и не требует придачи то моркови к говядине, то говядины к моркови. Мы часто об вас говорили с ним, особенно последнее время <...>. Иван Серг<еевич> купил собаку — черный полукровный пойнтер» (*НИиМ* (*2*). С. 356—357. Публ. А. Г. Гродецкой; *Фет. МВ*. Ч. 1. С. 333).

***9* (*21*) *июля*. Суббота**. Приезжает из Парижа в Куртавнель, имение П. и Л. Виардо.

Продолжает из Куртавнеля п. к Фету, начатое в Содене ***29 июня* (*11 июля*)** и прерванное «как нитка, как слишком высоко взятая нота, как некоторые из комедий Островского». Сообщает о получении двух «милых» п. от Фета (неизв.), о состоявшейся поездке в Дармштадт и знакомстве с «милейшим германцем» Бауром, который «сохраняет самое дружелюбное воспоминание о Вас» и который помог достать хорошую собаку, названную Фламбо (***24 июня* (*6 июля*)**): «она черная, как уголь — помесь английской с немецкой породой». Пишет, что после Петрова дня провел еще неделю в Содене, узнал о приезде М. Н. и Л. Н. Толстых, но дождаться их не смог. Теперь находится в Куртавнеле, в той самой комнате, где когда-то они «так неистово спорили». Намеревается пробыть в Куртавнеле «дней 8», после чего отправится на о. Уайт, где останется до конца августа. Просит писать в Париж до востребования. О состоянии здоровья Н. Н. Толстого сообщает, что ему не слишком помог Соден: «...он поздно спохватился, и болезнь его сделала такие шаги, что уже едва ли возможно поправить дело. Я от души полюбил его — и очень мне его жалко». Просит написать подробности об охоте, сам же за последнее время «от литературы <...> слава богу, отстал <...> это очень освежительно». Рекомендует швабского поэта Мёрике, «который, вероятно, Вам понравится: много грации и чувства».

В январе 1864 Т. подарил Фету сборник ст-ний Мёрике 1856 г., что побудило поэта перевести несколько его ст-ний. См.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 482—483.

Просит не волноваться по поводу помещения капитала (покупки земли), «а скорее поздравить себя с тем, что Вы до сих пор не употребили его на какую-нибудь фантасмагорию».

Сообщает Маркович, что сегодня прибыл в Куртавнель (называет ее «милой»: «чуть было не написал: любезнейшая — но “милая” — и лучше и справедливей»), дочку нашел здоровой, но должен был заплатить за нее 500 франков долга, за что побранил ее. Находится в доме, куда впервые приехал 15 лет назад «и где осталось много-много моей жизни»: «Бывало, как сердце билось, как дыханье стеснялось, когда я подъезжал к нему — а теперь все это стало тише — да и пора!». Намерен пробыть здесь «дней 10», «никак не более»: «вот уже эти три слова говорят о новых временах», затем едет на о. Уайт и «наперед» говорит, что «ввек» не простит, если Маркович туда не приедет. Спрашивает, посетил ли ее в Швальбахе «N. N.» (А. В. Пассек), «продолжается ли работа самогрызенья и сверленья», не «навязалась ли на Вас какая-нибудь новая брандахлыстиха, вроде Киттары» (художница Киттары, послужившая прототипом Кукшиной в романе «Отцы и дети») и продолжает ли Вейнбергша (возможно, Л. Г. Вейнберг) «пропекать Вас». Интересуется, как идут работы Маркович, просит не писать п. на клочках бумаги, один из которых изображает графически, и проставлять дату. Просит также писать ему в Париж до востребования и не слишком предаваться «влиянию польского элемента», имея в виду польского поэта Желиговского и других революционно настроенных поляков, с которыми общалась Маркович в Гейдельберге и по дороге в Швальбах. Прощаясь, пишет по-польски: «а я, как Бога, почитаю вас». Ответ Маркович Т. см. ***21 июля*** (***2 августа***).

Дата п. Феоктистова к Т. из Сокольников с предложением принять участие в основанной им и гр. Салиас газ. *РРечь* (выходила с января по декабрь 1861 два раза в неделю). Объясняет причины выхода из *РВ*, поводом к которому послужила ст. Е. Тур о Свечиной (см. п. к Анненкову от ***22 мая*** (***3 июня***)). Предвидит, что его слова будут встречены «недоверчивостью <...>, ибо история “Атенея” и множества других изданий прежде всего является Вам теперь на память». О популярности имени Т. пишет: «Комплименты были бы между нами неуместны, но Вам самим известно, каким почетом теперь пользуется Ваше имя и что оно почти необходимо для успеха журнала. Вы пишете, конечно, мало, а желающих получить Ваши

произведения — весьма много <...>». Напоминает о том, что Т. обещал в *РСл* ст. «Кольцов и Бернс» (см. ***31 декабря 1859*** (***12 января 1860***)), просит отдать ее в новый журнал: «Обещание это Вы дали, вероятно, редактору “Слова”, Хмельницкому; теперь, как, вероятно, Вы слышали, Хмельницкий покончил свое литературное существование, то есть исключен из свиты Кушелева-Безбородко. Почему же обещание, данное ему, Вы будете сдерживать для других, когда его уже нет?» (*Письма Феоктистова.* Ч. 2. С. 142—143). Отправляет п. через кн. Трубецкую вместе с п. гр. Салиас к княгине. Ответ Т. см. ***19*** (***31***) ***июля***.

10 (***22***) ***июля***. **Воскресенье**. Помещиком Флиорковским по просьбе Комитета Литературного фонда (предложение внесено Т.; см. ***21 марта*** (***2 апреля***)) совершается акт освобождения семьи Шевченко от крепостной зависимости, но без земли. Шевченко обращается к помещику с просьбой выделить членам семьи земельные наделы хотя бы за плату.

Переписка Комитета и Шевченко с Флиорковским была опубликована при жизни поэта: Народное чтение. 1860. Кн. 5. С. 170—175.

Дата п. И. П. Хрущова, приятеля Писарева, к Квашнину-Самарину, в котором характеризуется отношение Писарева к образу Елены Стаховой из «Накануне»: «Третьего дня у нас было почти пятичасовое прение о любви и о женщинах, и я страшно утомился... Я только жалел, что тебя тут не было, чтобы окончательно отразить этого доктринера, порицающего Елену Тургенева за то, что она сократилась без остатка с смертью Инсарова» (*РГБ.* Ф. 123. К. 32. № 27. Л. 17—17 об.; цит. по: *Писарев.* Т. 3. С. *499.* Примеч. И. Б. Павловой). См. также ***13*** (***25***) ***декабря 1861***.

Между 9 (***21***) ***и 11*** (***23***) ***июля***. В один из этих дней, очевидно, пишет Герцену (п. неизв.) «строжайшее предписание» с упреком, что тот хочет поселиться на отдых не в Вентноре на о. Уайт, куда собирается несколько его приятелей, а в другом месте. Ответ Герцена см. ***13*** (***25***) ***июля***.

13 (***25***) ***июля***. **Среда**. Ответ Герцена на неизв. п. Т. (см. ***Между 9*** (***21***) ***и 11*** (***23***) ***июля***): «Получив строжайшее вашего превосх<одительства> предписание — по следующей за ним почте — счастие имею ответствовать». Сообщает, что к 29 июля (10 августа) Анненков приезжает в Лондон, а за ним Маркович, Т. П. Пассек и др. К это-

му дню сам Герцен планирует выехать из Лондона: «Но это не для того, чтоб не видеться — а для того, чтоб видеться». Пишет, что собирается ехать на купания в Борнемут. Отвечая на упрек в нежелании ехать в Вентнор, замечает: «Но <...> там из Жмуди целое население руссов, и покоя не дадут ни на минуту». По поводу будущей встречи: «Видеться мы можем всегда. Даже есть правильное сообщение пароходами». Предлагает Т. поселиться вместе с ним в Борнемуте. Передает поклон от Огарева (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 80).

15* (*27*) *июля.* Пятница**. Получает неизв. п. Фета от 2 (14) июля (см. ***16* (*28*) *июля).

***16* (*28*) *июля.* Суббота**. Утром отвечает по-франц. на неизв. п. дочери Полины, обещает приехать в Париж завтра утром. В ответ на просьбы взять ее из пансиона обещает сказать «да», опасаясь при этом, что она в течение шести недель погрузится в лень, которую «никакими человеческими словами нельзя будет описать», упрекает за пренебрежение грамматикой.

В дате п. ошибка в месяце и дне недели «28 августа 1860. / Суббота утром»: 28 августа н. ст. приходилось на воскресенье, а 28 сентября н. ст. — на пятницу.

Выходит № 29 «Домашней беседы» (редактор Аскоченский); в нем — «Журнальные заметки» (С. 364—371; подпись: Б.; дата: 13 апреля), в которых автор, полемизируя со ст. Павлова (см. ***25 марта* (*6 апреля*)**), осуждает нравственный облик героини романа «Накануне»: «...повесть “Накануне” произвела в провинции крайне неприятное впечатление. <...> в девушке она хочет видеть нравственно разумное существо, а не нечто вроде самки, увлекаемой минутой. <...> Русская женщина должна быть вполне русской: с крепкой верою в Бога, с любовью ко всему чистому, святому и истинно прекрасному. Жорж-Занды и tutti quanti (все прочие — *итал.*) вовсе не к лицу нам. <...> да избавит нас святое Провидение от всех и даже от тургеневских Елен!!» (С. 365—366, 370, 371).

Отвечает на неизв. п. Фета от 2 (14) июля, исполненное жалоб на хандру, недомогания, неуверенность в том, стоит ли покупать землю и начинать вести хозяйство, с вопросом, когда же Т. вернется в Россию. Отводя упрек Фета в том, что «накликал» на него рефлексию, пишет: «Вот тебе и раз! Во-первых, сколько мне помнится, Вы, уже до знакомства со мною, были заражены этой, как Вы говорите, эпидемией — а во-вторых, в наших спорах я всегда восставал против

Ваших прямолинейно-математических отвлеченностей — и даже удивлялся тому, как они могут уживаться с Вашей поэтической натурой. <...> Вы называете себя отставным офицером, поэтом, человеком <...> и приписываете Ваше *увядание*, Вашу хандру отсутствию правильной деятельности... Э! душа моя! всё не то... Молодость прошла — а старость еще не пришла — вот отчего приходится у́злом к гу́зну. Я сам переживаю эту трудную, сумеречную эпоху, эпоху порывов, тем более сильных, что они уже ничем не оправданы — эпоху покоя без отдыха, надежд, похожих на сожаления, и сожалений, похожих на надежды».

Ср. характеристику Павла Петровича Кирсанова в «Отцах и детях»: *Соч.* Т. 7. С. 33.

Советует потерпеть, «и мы въедем наконец в тихую пристань старости». Сожалеет, что Фет еще не охотился, жалуется на непогоду, не знает пока, когда вернется в Россию, надеется, что «к вальдшнепам» будет в Спасском. Успокаивает насчет покупки имения и советует не торопиться. Думает, что Толстые все собрались в Содене, и ждет от них известий. Собирается «через несколько дней» на о. Уайт на морские купания.

17* (*29*) *июля*. Воскресенье**. Утром предположительно приезжает в Париж и встречается с дочерью (см. ***16* (*28*) *июля). Посещает Трубецких в Бельфонтене (см. ***19* (*31*) *июля***). Княгиня передает ему п. Феоктистова от ***9* (*21*) *июля*** и показывает п. от гр. Салиас к ней, касающееся Т. (неизв.).

***18* (*30*) *июля*. Понедельник**. Забирает почту на свое имя в Париже. Возвращается в Куртавнель.

Дата предписания Муханова председателю Петербургского цензурного комитета Медему за помещение в *Совр* с февраля 1860 статей, «потрясающих основные начала власти монархической, значение безусловного закона, семейное назначение женщины, духовную сторону человека и возбуждающих ненависть одного сословия к другому», среди которых названа «критика на повесть Тургенева — “Накануне”», т. е. ст. Добролюбова (см. ***31 марта* (*12 апреля*)**) (*Шестидесятые годы*. С. 386).

19* (*31*) *июля*. Вторник**. В п. к Феоктистову из Куртавнеля сообщает, что «третьего дня» был у Трубецких в Бельфонтене, где княгиня передала ему п. от Феоктистова (см. ***9* (*21*) *июля) и показала п.

к ней от гр. Салиас, которые приглашали Т. к участию в задуманной ими газ. *РРечь*: «Нечего и говорить, что я с великим удовольствием соглашаюсь быть сотрудником в Вашем журнале — и Вы можете объявить об этом печатно». Надеется доставить им ст. «в конце осени», но не «Кольцов и Бернс» (который «даже не начат»), как просил Феоктистов, а другую: «У меня бродят в голове разные планы; я еще не знаю, на чем я остановлюсь — но твердо надеюсь сдержать свое слово» (не осуществ.; см. п. Феоктистова от ***20 октября*** (***1 ноября***)). Пишет, что «дня через два» едет в Англию, на о. Уайт, где пробудет около трех недель, а затем вернется в Париж, где «против ожидания» проведет, вероятно, всю зиму (перемена планов связана с решением выдать замуж дочь).

> Возможно, Т. отказывается от ст. «Кольцов и Бернс» для *РРечи* в связи с возникшим замыслом нового романа («Отцы и дети»), к работе над которым он приступил на о. Уайт. См. п. к гр. Ламберт от ***6*** (***18***) ***августа***.

Уверен, что газ. пойдет хорошо, не как заснувший «Атеней» (просуществовал всего год с января 1858 по апрель 1859, редактор Е. Ф. Корш).

20 июля (***1 августа***). **Среда**. Не найдя на почте в Париже п. от Маркович (см. ***18*** (***30***) ***июля***), спрашивает, получила ли она его п. от ***9*** (***21***) ***июля***, не покидает ли мысли об о. Уайт, просит тотчас написать: «Ведь это Вас не утомит, хотя я и не N. N.» (т. е. А. В. Пассек). Сообщает, что уезжает из Куртавнеля 23 июля (4 августа), интересуется, виделась ли она с Ег. П. Ковалевским в Эмсе (см. ***7*** (***19***) ***июля***) и каков был результат свидания: «Слышите — напишите непременно — хоть два слова».

21 июля (***2 августа***). **Четверг**. Дата п. Маркович к Т. (ответ на п. от ***9*** (***21***) ***июля***), написанного Макаровым под ее диктовку, поскольку сама болеет. Пишет, что не знает еще, когда приедет на о. Уайт и приедет ли, но просит не ругать ее, потому что очень бы хотела приехать: «Я все такая же, как и была». Сообщает, что Пассека видела, новых знакомых не завела, а Киттары, о которой спрашивал Т., уехала в Лондон и надеется там его встретить. «Вейнбергша» же уехала из Швальбаха. Была в Гейдельберге и видела там много поляков, а в это время в Швальбах заезжал Анненков, не дождался ее и уехал. Передает поклон ему, Герцену и его близким, дочери Т. Просит не забыть для нее сборник ст-ний Баратынского. Простав-

ляя дату п., спрашивает: «Хорошо ли я написала теперь?», просит прислать адрес, жалуется, что денег еще не прислали, а потому ехать на Уайт не может. Записавший п. Макаров от себя заметил, что «Мария Александровна ужасно бледна» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 280). Ответ Т. см. ***25 июля*** (***6 августа***).

23 июля (***4 августа***). **Суббота**. Предположительно выезжает из Куртавнеля и приезжает в Париж.

24 июля (***5 августа***). **Воскресенье**. Анненков выезжает из Аахена в Лондон для встречи с Герценом и Т.

Дата п. Макарова к Маркович из Аахена: «Анненков уехал сегодня в Лондон. Я отгадал, почему он не остался долее в Швальбахе; но записки Вашей не захотел мне отдать, а говорит, что сохранит ее у себя». В этом же п. сообщает о присланных Белозерским 195 талерах векселем для Маркович, которые собирается обменять на деньги на следующий день и отправить ей (*ИРЛИ.* № 9572. Л. 17. См. также: *Марко Вовчок. Твори.* С. 385).

25 июля (***6 августа***). **Понедельник**. В п. к Маркович (ответ на п. от ***21 июля*** (***2 августа***)) из Парижа укоряет ее за «непостижимость» поступков, которая превышает «все соображения самых отважнейших умов!»: «Во-первых — почему это Вы вдруг так больны, что сами даже писать не можете? <...> И почему Вы бледны после свидания с N. N. (Пассеком. — *Ред.*)? <...> И как же Вы это не едете на остр. Уайт, как будто для этого нужны миллионы? — И отчего Вы ничего не делаете? — И что же мы будем делать без Вас на Уайте? И долго ли Вы будете возиться с поляками? Все эти вопросы разом представляются моему уму — и отвечать я на них не в состоянии». Сообщает, что завтра едет в Лондон, увидится с Герценом и Анненковым и, «переговорив соборне — отправим к Вам соборное же и окончательное письмо — перед отправлением на Уайт» (это письмо неизв. или не было написано). Ответ Маркович см. ***29 июля*** (***10 августа***).

Анненков прибывает в Лондон.

Лето 1860 (***до 26 июля***). В Париже предположительно знакомится с Этцелем, который еще в ***Начале сентября ст. ст. 1859*** обратился к Л. Виардо за советом, подыскивая переводчика с русского (см.: *Waddington P.* Some New Light on Turgenev's Relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. № 3 (July). P. 329).

«Мой дорогой Этцель, не присылайте мне никакой книги, — писал Л. Виардо, — я не знаю ни слова по-русски.<...> мои переводы с русского были сделаны следующим образом: один мой друг диктовал мне слово в слово, а я писал по-французски, вот и все. Этот друг, Иван Тургенев, был у нас еще несколько дней тому назад. Он вернется сюда, полагаю, к началу охоты. Если вы пришлете мне названия ваших произведений, он легко вам скажет, есть ли среди них те, что заслуживают перевода и имеют шансы на успех» (*Parménie A.*, *Bonnier de la Chapelle C.* Histoire d'un éditeur et de ses auteurs: P. J. Hetzel (Stahl). Paris, 1953. P. 397).

26 июля (***7 августа***). **Вторник**. Предположительно выезжает в Лондон.

Дата п. Герцена к дочери Наталье: «Анненков здесь, Тургенев завтра приедет» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 85). См. также ***29 июля*** (***10 августа***).

27 июля (***8 августа***). **Среда**. Предположительно приезжает в Лондон.

Согласно предварительной договоренности, встречается с кандидаткой в гувернантки для дочери Полины — вдовой, англичанкой М. Иннис (см. п. к П. Тургеневой от ***28 июля*** (***9 августа***)).

Дата п. Шанфлери к Т. из Парижа, который посылает ему четырехстраничный проспект (Paris, 1860) задуманного им издания «Le Bulletin des romanciers», выход которого «готовился уже год» (не осуществ.): «...я был бы очень вам признателен, если бы вы не сочли неудобным присоединиться к нему, что я был бы счастлив отметить в числе других великих писателей всей Европы, которые уже отозвались на мой призыв. / Я не без намерения поместил ваше имя последним в списке на обложке, который вы должны были бы возглавить, будучи одним из самых проникновенных живописателей нравов своего времени; но арьергарды должны быть укреплены самыми доблестным воинами, и в этом смысле мне не страшно предоставить вам завершить битву, как Бальзаку начать ее. / Современная Россия, Россия литературная, будет играть большую роль в этом журнале; итак, сударь, могу ли я иметь счастье поставить ваше имя рядом с именами Диккенса, Гюго и других знаменитых французских и иностранных писателей, отозвавшихся на мое предложение, которое состоит в том, чтобы собрать в едином центре все европейские умы, посвятившие себя описанию страстей человеческих. / В окончательном виде мой проспект с подписавшимися членами появится лишь в сентябре: к тому времени, сударь, мое письмо должно дойти до вас» (*BN. NAF.* № 16275. F. 112). Ранее схожие п. он отправил многим франц. писателям, в том числе Ж. Санд, Диккенсу, Бодлеру и др.

Около 28 июля (***9 августа***). По просьбе Герцена, дает деньги для поездки Домогальского в Италию к Гарибальди (*Летопись Герцена.* С. 136). См. ***28 октября*** (***9 ноября***).

28 июля (***9 августа***). **Четверг**. Сообщает по-франц. дочери Полине, что приехал в Лондон, виделся «вчера» с ее будущей гувернанткой М. Иннис и обо всем с нею договорился «так, как было условлено», но находит ее благочестие слишком суровым. Пишет, что послезавтра уезжает на о. Уайт, но еще не решил, где будет жить. Будет с нетерпением ожидать ее п. с описанием посещения гр. Ламберт (см. ***6*** (***18***) ***августа***).

29 июля (***10 августа***). **Пятница**. Дата п. Маркович к Т. (ответ на п. от ***25 июля*** (***6 августа***)): «Я прочла ваше письмо и пошла в лес подумать. За что вы так напали на всех? Хоть опять иди в лес да думай». Объясняет еще раз, что не могла писать сама, потому что была больна, поясняет, что не может выехать на Уайт из-за отсутствия денег. Спрашивает, сколько времени Т. собирается пробыть на Уайте.

Дата п. Анненкова к Макарову из Лондона, в котором он пишет, что после отъезда Герцена собирается отправиться в Остенде и Аахен, «несмотря на увещевания Тургенева, только что прибывшего и зовущего с собой на Вайт, куда он, как старый пудель, летит за поноской чуть ли не завтра». Сообщает, что передал материалы Макарова Герцену для «Колокола»: «Алек<сандр> Иван<ович> очень благодарит Вас за посылки. Он сомневается — можно ли печатать письмо Жемчужникова к императору без вреда для первого?» (*ИРЛИ.* Ф. 170. Оп. 1. № 2. Л. 7—7 об.). Речь шла о Н. М. Жемчужникове.

Между 27 и 31 июля (***8 и 12 августа***). Встречается в Лондоне с Герценом.

Согласно воспоминаниям Анненкова, он застал в Лондоне Боткина, Т. и Герцена, а затем вместе с Т. отправился в Борнемут, где Герцен нанял дом: «Целый день проплутали мы по разным дорогам, когда вблизи Сутсгемптона остановились, нашли дилижанс и достигли ночью пригорка с домиком на вершине его. Пригорок лежал на берегу моря и носил гордое название Eagl-nest (Орлиное гнездо) (в действительности: Eagle's Nest. — *Ред.*). Никакого орла там не было, за исключением хозяина, радушный хохот которого встретил нас у порога и проводил в ярко освещенную залу, где уже готов был ужин. Сколько расточено было при этом рассказов, шуток, замечаний, смеха — всего передать нельзя. Тур-

генев провел всего два дня в Eagl-nest'e и отправился на остров Уайт — нанимать cottage, взяв с меня слово остановиться у него. Я дал ему время устроиться и через три дня явился к нему в чистую и хорошенькую виллу <...>» (*Анненков* (*1983*). С. 439—440). Визит Т. и Анненкова в Борнемут состоялся, однако, позже — ***14*** (***26***) ***августа***.

31 июля (***12 августа***). **Воскресенье**. Выезжает из Лондона на о. Уайт через Портсмут (см. ***1*** (***13***) ***августа***). В тот же день после 6-часового путешествия приезжает в Вентнор, где останавливается в Rock Cottage на Belgrave Road, принадлежащем Джону Лидхему (см.: *Waddington. T and England.* P. 96). Застает из русских только Н. Я. Ростовцева и Крузе.

В газ. «Ventnor Times» Т. впервые упоминается 6 (18) августа как «Mr Tourguenett», через неделю — уже как «Ivan Tourguenoff» (см.: *Waddington. T and England.* P. 97). В скором времени колония русских в Вентноре увеличилась: среди прибывших были К. Боборыкин, кн. В. И. и М. А. Барятинские, Мордвиновы, Фрикен (в Wellington House на Belgrave Road, через шесть домов от Т.), Кривошапкин, В. И. Касаткин и др. Об общении на о. Уайт с Касаткиным Т. вспоминал в п. к Анненкову от ***24 января*** (***5 февраля***) ***1868***: «Помните Вы на острове Уайте Касаткина с его противным лбом и невозможностью окончить рассказом начатый анекдот? Тоже умер в конце декабря, в Женеве» (*П.* Т. 8. С. 106). Внешний облик Фрикена Т. использовал при создании образа Ситникова в «Отцах и детях» (см.: *Соч.* Т. 12. С. 567).

Конец июля ст. ст. П. Тургенева выпускается из пансиона.

1 (***13***) ***августа***. **Понедельник**. Пишет гр. Ламберт, что окончательно поселился в Вентноре, сообщает адрес: «Isle of Wight, Ventnor, Rock Cottage», просит «немедля» написать ему и обещает в ответ прислать большое п. Чувствует, что «имеет благодарить» графиню «за что-то».

В п. к Макарову сообщает, что со вчерашнего дня поселился на о. Уайт: «у меня премилая квартера — и остров прелестный». Огорчен, что Анненков не поехал с ним, не едет и заболевшая Маркович, спрашивает, не приедет ли Макаров и не привезет ли с собой Маркович: «У меня целая пустая комната с отличной постелью для Вас: от Лондона досюда 6 часов езды через Портсмут. <...> русских здесь никого, кроме милейшего Ростовцева и Крузе — просто рай воочию совершается». Просит передать Маркович, имея в виду ее денежные затруднения, что «ей только нужно похлопотать о том, чтобы сюда приехать — а об остальном ей заботиться нечего».

В п. к Маркович сообщает, что со вчерашнего дня в Вентноре, а с «сегодняшнего» поселился в «прелестном домике над морем»: «Погода, как нарочно, чудная — и что за прелесть этот остров — этого пересказать нельзя! Деревья, цветы, скалы, запах свежего сена и моря — словом — роскошь!». Пишет, что из русских здесь только «милейший» Н. Я. Ростовцев и Крузе; Анненков остался в Лондоне, а Герцен нанял дом не на о. Уайт, а в Борнемуте. Пишет о Герцене: «У него пропасть свободных комнат, и он приглашал меня у него поселиться, но я побоялся его *шума* — и мне хотелось быть “сам большим”. — Он, я уверен, будет и Вас приглашать — а я в скобках замечаю, что у меня есть гулящая комната, за которую я тоже плачу́ и которая мне не нужна». Сомневается: «Неужели я Вас не увижу?». Дает адрес и зовет на Уайт: «Достаньте только денег на переезд, а об остальном не заботьтесь».

Дата п. Герцена к Маркович: «Тургенев вчера уехал на Isle of Wight <...> / Тургенев очарован вами», дает его адрес, обещая ездить туда из Борнемута, если она приедет (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 87—88).

***2* (*14*) *августа*. Вторник**. Макаров в п. к Маркович, со слов Анненкова (см. ***29 июля* (*10 августа*)**), сообщает: «Меня застало здесь (в Аахене. — *Ред.*) письмо от Анненкова, который видел уже Тургенева в Лондоне» (*ИРЛИ.* № 9572. Л. 19—19 об. См. также: *Марко Вовчок. Твори.* С. 386).

***Около 3* (*15*) *августа*.** Предположительно приезжает в Лондон, для встречи с Герценом и находившимся там Анненковым.

3 (15) августа Герцен пишет М. К. Рейхель: «Здесь Ан<ненков>, Тур<генев>; Бот<кин> уехал в Wight» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 88).

***Между 4* (*16*) *и 6* (*18*) *августа*. Четверг — суббота**. Очевидно, приступает к работе над подготовительными материалами к роману «Отцы и дети». «Формулярный список действующих лиц новой повести» помечен: «Вентнор (на о. Уайте) / Август 1860» (см.: *Waddington. Turgenev’s sketches.* P. 63; *Соч.* Т. 12. С. 563).

П. Уоддингтон, опубликовавший эти материалы, датирует работу над ними более широко: между 15 и 25 августа н. ст. (Ibid. P. 34). См. также п. к гр. Ламберт от ***6* (*18*) *августа***.

Впоследствии в ст. «По поводу “Отцов и детей”» Т. вспоминал: «Я брал морские ванны в Вентноре, маленьком городке на острове Уайте, — дело было в августе месяце 1860 года, — когда мне пришла в голову первая мысль “Отцов и детей” <...>. Не однажды слышал я и читал

в критических статьях, что я в моих произведениях "отправляюсь от идеи" или "провожу идею"; иные меня за это хвалили, другие, напротив, порицали; с своей стороны, я должен сознаться, что никогда не покушался "создавать образ", если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы. <...> Точно то же произошло и с "Отцами и детьми"; в основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года.) В этом замечательном человеке воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма. Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и в то же время не совсем ясно; я, на первых порах, сам не мог хорошенько отдать себе в нем отчета — и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня окружало, как бы желая поверить правдивость собственных ощущений. Меня смущал следующий факт: ни в одном произведении нашей литературы я даже намека не встречал на то, что мне чудилось повсюду; поневоле возникало сомнение: уж не за призраком ли я гоняюсь? Помнится, вместе со мною на острове Уайте жил один русский человек, одаренный весьма тонким вкусом и замечательной чуткостью на то, что покойный Аполлон Григорьев называл "веяньями" эпохи (предположительно Боткин. — *Ред.*). Я сообщил ему занимавшие меня мысли — и с немым изумлением услышал следующее замечание: "Да ведь ты, кажется, уже представил подобный тип... в Рудине?" Я промолчал: что было сказать? Рудин и Базаров — один и тот же тип!» (*Соч.* Т. 11. С. 86—87).

***6 (18) августа*. Суббота**. Отвечая на неизв. п. гр. Ламберт, делившейся впечатлениями от встречи с дочерью Т. Полиной в Париже, сообщает, что получил ее п., а вслед за ним п. от дочери (неизв.), «которая в совершенном восторге от Вас и в подробности мне все рассказала». Боится, что Ламберт избалует дочь: «она очень привязчива — но любит также, чтобы и к ней привязывались, гладили ее по головке. Я знаю, например, почему она разлюбила г-жу Виардо: потому что та, в последнее время, обращала на нее меньше внимания. <...> этот эгоизм молодости простительнее старческого эгоизма — но все-таки он эгоизм. Со всем тем — душа у нее добрая <...>». Считает, что спутница Ламберт Веригина напрасно смущает дочь упреками в незнании русского языка и призывает вернуться в Россию: «Дочь моя, к сожалению, не может вернуться в Россию <...>». Благодарит за подарок, сделанный графиней дочери. Пишет, что в Вентноре находится «отличнейший человек» Н. Я. Ростовцев, хотел бы, чтобы Ламберт познакомилась с ним. Надеется на встречу через две недели в Париже. Первое упоминание о начале работы над

романом «Отцы и дети»: «Я начал понемногу работать; задумал новую большую повесть — что-то выйдет?».

Пишет по-франц. дочери Полине, что рад тому, что гр. Ламберт полюбила ее: «она несомненно одна из самых лучших женщин в мире». Замечает, что не стоит прислушиваться к советам г-жи Веригиной (см. выше п. к Ламберт): «Нужно — увы! — чтобы ты осталась француженкой, стараясь быть ею как можно меньше». «Заклинает» дочь как можно усерднее учиться игре на фортепьяно, пока они вместе не отправятся в Куртавнель.

***9 (21) августа*. Вторник**. К Т. в Вентнор приезжает Анненков. В тот же день Герцен пишет ему: «Что взял, что поехал на остров... куру строить Тургеневу, смотреть Боткина <...> и жить Робинсоном возле Крузе» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 89).

По воспоминаниям Анненкова, хозяйка виллы воспротивилась тому, что он курит, и попросила его выехать, вследствие чего Т. нанял другой домик: «прелестный чистый домик у самого купанья на море» (Belinda House; см.: *Waddington. T and England.* P. 116): «Мы нашли целую колонию русских на Уайте: гр. Алексея Конст. Толстого, гр. Николая Яков. Ростовцева, брата его, гр. Михаила, исследователя древнехристианского искусства Фрикена, бывшего цензора Крузе, Мордвинова, В. П. Боткина и т. д.» (*Анненков* (*1983*). С. 440).

Дата п. Маркович к Т. из Швальбаха, в котором сообщает, что хочет выехать в Англию в субботу, если получит деньги от Макарова; просит объяснить, как лучше добраться до Вентнора; спрашивает, получил ли Т. депешу от С. Рутцен, где она спрашивает о М. Гарсиа (в следующем году Рутцен стала брать у него уроки). Обижается на последнее п.: «За что вы такие мне пишете письма, как последнее, и чем я виновата?» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 281). Ответ Т. см. ***12 (24) августа***.

Дата п. Гончарова к Ек. П. Майковой из Булони, где, поясняя причины, по которым он не выполнил своего обещания написать для журнала «Подснежник» два очерка о пребывании в Дрездене и Берлине, в качестве главной называет следующую: «...как скоро садишься писать с мыслию, что это для детей: не пишется да и только. Надо забыть это обстоятельство, а как его забудешь? Можно писать для них ненарочно, не думая о том. Например, Тургенев, не стараясь и не подозревая ничего, написал свой “Бежин луг” и некоторые другие вещи — для детей; я тоже нечаянно написал книгу для юношества — “Палладу”; Григорович весь — (за исключением какого-нибудь “Накатова”) детский писатель, и тоже ненарочно. Дети не любят, чтоб их считали детьми, и это весьма

справедливая мысль, что для детей литература уже готова и что ее надо выбирать из взрослой литературы» (*ЛН*. Т. 102. С. 386).

***10 (22) августа*. Среда**. Дата п. Маркович к Т. из Швальбаха, в котором сообщает, что собирается ехать в Англию через Остенде, если Макаров «не придумает лучшей дороги». Планирует пробыть несколько часов в Аахене, откуда обещает написать, когда ее встречать в Лондоне. Пишет, что ей надо поговорить с Т. Путает старый и новый стили и спрашивает, пробудет ли Т. в Вентноре до 12 сентября ст. ст., собирается прожить на Уайте две или три недели. Повторяет: «Мне с вами надо говорить и вас видеть» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 281).

Герцен телеграфирует из Лондона Анненкову в Вентнор о приезде детей, Александра и Натальи (Таты), из Германии; сообщает, что уезжает в Борнемут в пятницу или субботу, передает привет Т. (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 89–90).

11 (23) августа*. Четверг**. Вечером получает п. Маркович от ***9 (21) августа. Отвечает ***12 (24) августа***.

Дата п. Л. Виардо к Т. из Парижа, в котором посылает Т. 1500 франков векселем лондонского банкира. Сообщает о том, что на следующий день П. Виардо с братом Мануэлем уезжает в Баден-Баден: «...я же возвращаюсь к обязанностям *детской прислуги*». Сетует, что «охота откроется поздно, не ранее 10 сентября». О привезенной Т. собаке пишет: «Фламбо блистает несравненно; он влюбил в себя всех, людей и зверей» (см.: *Cahiers*. № 24 (2000). P. 207).

***11–12 (23–24) августа*. Четверг – пятница**. Предположительная дата п. Маркович к Т. из Швальбаха с сообщением, что еще не получила денег, но, возможно, приедет на Уайт «на этих днях». Просит писать в Швальбах: «Мне надо вас видеть и надо с вами говорить». В случае неожиданного отъезда Т., просит сообщить о местонахождении: «я туда приеду». Пишет, что Макаров едет в Россию «расстраивать свадьбу Шевченка».

Шевченко собирался жениться на Л. И. Полусмаковой, горничной Карташевской (бывшей крепостной Макарова), о чем Шевченко сообщил Макарову. Свадьба расстроилась до отъезда Макарова.

Просит написать из Парижа, чтобы по дороге в Россию заехать «увидаться с вами и говорить». Спрашивает: «Будете ли еще меня судить, что никогда ничего не предвижу? Все письмо написано на всякий случай, а увидимся, может, на Уайте» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 283).

12 (***24***) ***августа.*** **Пятница.** В п. к Макарову в Аахен сообщает, что «вчера» получил п. от Маркович (от ***9*** (***11***) ***августа***), из которого понял, что она все же собирается приехать на о. Уайт, «хотя это, к сожалению, немного поздно». Рассказывает, как добраться до Портсмута, где собирается ее встретить. Герцена Маркович в Лондоне уже не застанет: «он должен завтра выехать в Борнемоус» (см. ниже). Сообщает о том, что у него «четвертый день» гостит Анненков: «Он хочет Вам приписать два слова». Анненков пишет Макарову на отдельном листке: «В самую минуту моего входа в кэб для отправления на железную дорогу Вайта подали мне ваше письмо <...>. Теперь я в благополучном Вайте — с ревом моря, со страшнейшими ветрами и дождями и т. д. В будущее воскресенье еду я в *Бурнмоус* к Герцену и к 17 сентября буду в Аахене» (*ИРЛИ.* Ф. 170. Оп. 1. № 2. Л. 13). См. ***14*** (***26***) ***августа.***

Отвечает на п. Маркович от ***9*** (***11***) ***августа***: «...если Вы выезжаете в субботу, т. е. завтра, то мое письмо Вас физически застать не может». Пишет на всякий случай ей и Макарову (см. выше), повторяя подробно, как добраться до Портсмута, где обещает ждать ее в течение двух дней. Сообщает, что у него гостит Анненков; планирует остаться в Вентноре до 1 сентября н. ст. В ответ на обиду по поводу своего п. спрашивает: «Что Вы нашли нехорошего в моем письме?». Ответ Маркович см. ***14*** (***26***) ***августа.***

Дата п. Огарева и Герцена к Анненкову из Лондона. Огарев просит завернуть в Лондон на обратном пути, когда Анненков будет уезжать из Англии: «Я бесконечно рад, что вы наконец делаете попытку приучиться к обществу, и горячо обнимаю за это Т<у>рг<енева>. — Если он поступает сознательно — честь ему и слава; если не нарочно — и то хорошо. Без групп или клубов обществен<ное> мнение не образуется <...>» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 92). Герцен пишет, что через семь часов будет в Eagle's Nest, куда приглашает в любое время (см. ***14*** (***26***) ***августа***).

В 3 ч. дня Герцен с дочерью Натальей выезжает из Лондона в Борнемут.

8 (***20***)—***14*** (***26***) ***августа.*** Задумывает и составляет «Проект программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”» (в черновике: «Общество для распростр<анения> школ»; первая половина проекта написана Т., вторая Анненковым — см.: *Соч.* Т. 12. С. 690). Тогда же, очевидно, было составлено прилагаемое к Проекту циркулярное письмо, разосланное

ряду адресатов (см. п. к Анненкову от ***19*** (***31***) ***августа*** и ***17*** (***29***) ***сентября***).

В «Проекте программы» Т. писал, что «настало время собрать воедино» усилия всех образованных людей с целью направить их на распространение грамотности в России. Для этого предлагается основать «Общество для распространения грамотности и первоначального образования». Организаторы Общества выступают таким образом помощниками правительства: «Обучая грамотности тех самых людей, которых оно освобождает, мы продолжаем его дело; мы также освобождаем их от другого рабства — от рабства невежества» (*Соч.* Т. 12. С. 359). Речь идет не о «воспитании народа», а лишь о распространении грамотности «в тесном ее смысле»: «Заводить как можно более школ, пропускать как можно более лиц сквозь эти школы <...> в наивозможно кратчайшее время <...>». Среди задач Общества выдвигались следующие: заведение школ, вхождение в сношения с лицами, желающими заводить школы, и оказание им помощи, в том числе денежной, издание руководств и сочинений для первоначального чтения, издание информационного «Ежемесячного вестника», заведение дешевых кабинетов для чтения. Говоря об изданиях Общества, Т. подчеркивал, что они должны быть дешевы и общедоступны, соответствовать степени развития того народного слоя, для которого предназначены, лишены «всякого прибауточного и сказочного тона (намек на прием революционеров обращаться к народу с воззваниями в виде листовок, написанных псевдонародным языком. — *Ред.*): с народом должно обращаться искренно, честно и с полным уважением» (Там же. С. 360—361). В число предметов, которым будут посвящены издания: азбука, грамота, основы русского законодательства, арифметика, география, естественные науки, технология земледелия и скотоводства, «вообще хозяйства в обширном смысле», биографии, описания путешествий, в то время как «сочинения, имеющие предметом один интерес вымысла, не допускаются вовсе». Членом Общества может быть всякий, внесший минимальную сумму (предлагается 3 р. сер. в год), для открытия Общества достаточно 80 членов (по 40 от Москвы и Петербурга) с центром в Петербурге, для состава Комитета Общества — 16 (Там же. С. 362—364). Для сбора замечаний по Проекту даны два адреса: Тургенева (Париж, до востребования) и Анненкова (Петербург, в Демидовском переулке, в доме Висконти).

Обсуждает с находящими в Вентноре русскими (Н. Я. и М. Я. Ростовцевы, Крузе, А. К. Толстой и др.) Проект Общества.

В Вентноре находится приехавший в Лондон для знакомства с Герценом будущий член «Земли и воли» А. А. Слепцов, который принимает участие в обсуждении проекта «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» (см.: *Коротков Ю. Н.* У истоков первой «Земли и воли» (Неопубликованная

страница из тетради А. А. Слепцова) // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 191—195).

Позднее, вспоминая свои встречи с Герценом, Слепцов писал: «Я еще так недавно действительно представлял себе Герцена средоточием и путеводителем нового движения. Между ним и мною не происходило решительных пререканий; он вселял во мне недоверие к себе чрезвычайным самомнением, но его отношения к всколыхнувшейся России, его взгляды, мнения я еще продумать не успел. Возражать ему я <...> еще не мог <...> слушал его в чаянии найти напутствия и опору своим стремлениям. Он не удовлетворял меня, но я еще не понимал, что для данного момента Герцену подобала только глубокая признательность, как, несомненно, крупному деятелю прошлого, что в руководители будущего он уже был непригоден» (цит. по: *Рейсер С. А.* Воспоминания А. А. Слепцова // Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962. Вып. 3. С. 264—265. См.: *Герцен. Летопись.* С. 139).

***13* (*25*) *августа*. Суббота**. Дата п. Маркович к Т. из Швальбаха, в котором она сообщает, что деньги, которые ей должны были прислать, уже в Дрездене. В четверг или во вторник собирается выехать на о. Уайт.

14* (*26*) *августа*. Воскресенье**. Предположительная дата п. Маркович к Т. из Швальбаха (ответ на п. Т. от ***12* (*24*) *августа), извещающего, что она собирается в Аахен (к Макарову) и оттуда напишет, когда будет в Париже. Спрашивает: «Разве я говорила, что в вашем письме есть что нехорошее?». В постскриптуме уточняет, что пробудет в Аахене, возможно, один день (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 284).

В *Літопись Лобач-Жученко* (С. 69) датируется серединой — концом августа ст. ст.

К Герцену в Борнемут предположительно приезжает Анненков и проводит там 5 дней (*Герцен. Летопись.* С. 141).

Дата этого визита основывается на п. Анненкова к Макарову от ***12* (*24*) *августа***. Не исключено, однако, что Анненков поехал к Герцену позже вместе с Т. См. ***16* (*28*) *августа***.

***15* (*27*) *августа*. Понедельник**. Предположительная дата телеграммы (по-франц.) Маркович (неизв.), которая восстанавливается по ответному п. Т. Извещает, что если Т. останется еще в Англии, то она приедет в субботу, а если нет, то приедет позже.

Отвечает на телеграмму Маркович (см. выше), цитирует первую фразу: «Serez-vous encore Angleterre — viendrai samedi» («Если вы

еще будете в Англии — приеду в субботу»). Вторая фраза повергла их с Анненковым «в мучительную тоску недоуменья», они, призвав «на помощь Шамполлиона», ее расшифровали следующим образом: «Si ne serez, viendrai après — répondez-moi» («Если не будете, приеду потом — сообщите мне»): «Во всяком случае, печальный факт Вашего неприезда оставался несомненным». Сообщает, что выезжает из Англии 1 сентября н. ст. (т. е. не 12 сентября ст. ст., а 20 августа), в Париже будет «4-го и 5-го (Так! — *Ред.*) сентября». Предлагает приехать в Париж («если Вы желаете меня видеть — столько же, сколько бы я желал видеться с Вами») в гостиницу «Byron», где будет до 9 сентября н. ст., поскольку с 10-го начнется охота (см. п. Л. Виардо к Т. от ***11 (23) августа***). В случае нехватки денег просит написать в Вентнор, чтобы он успел выслать их: «Не уезжайте в Россию, не повидавшись со мною».

***16 (28) августа*. Вторник**. Приезжает вместе с Анненковым в Борнемут к Герцену и гостит у него два дня.

Предположительно обсуждают «Проект программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”». См. ***19 (31) августа***.

Герцен сообщает из Борнемута Рейхель, что получил ее п. «в присутствии страшнейшей бури и Тургенева» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 93).

По предположению П. Уоддингтона, Т. и Анненков могли выехать из Вентнора 15 (27) августа днем до Ньюпорта и Кауса, а затем паромом до Саутгемптона, где долго искали дилижанс, добравшись до коттеджа Eagle’s Nest, который сняла семья Герцена, поздно ночью, т. е. уже 16 (28) августа (*Waddington. T and England.* P. 123).

По воспоминания М. Мейзенбуг, это был «прелестный дом на высокой скале, у подножья которой разбивались волны, и здесь мы вновь обрели мир и покой. <...> Несколько интересных посетителей, среди которых Тургенев, привносили приятное разнообразие в наши ряды, хотя я и этой потребности не испытывала» (*Meysenbug M. von.* Memoiren einer Idealistin. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1922; цит. по: *Waddington. T and England.* P. 124).

В Харькове на руках Островского на 44-м году жизни умирает Мартынов.

«В Мартынове Александринский театр потерял не только, как говорят некоторые, одно из лучших украшений своих, он потерял многое, можно сказать — потерял душу свою» (Искусства. 1860. № 1. С. 45).

***16 (28) или 17 (29) августа*. Вторник или среда**. Предположительная дата п. Маркович к Т. из Аахена: признается, что допус-

тила ошибку в старом и новом стилях и «перемешала сентябрь с августом»; назавтра ждет мужа: «...и поедем в Лондон, я хочу сказать на Вайт». Пишет, что Макарову «сегодня лучше, чем вчера», но он «еще очень болен». Предлагает написать ей в Аахен на имя Макарова, с тем чтобы он переслал п. ей (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 284—285).

Датируется на следующих основаниях: из п. следует, что п. Т. от ***15*** (***27***) ***августа*** с уточнением даты отъезда из Англии (20 августа (1 сентября)) было получено, в то же время приезд на о. Уайт после 18 (30) августа не имел смысла, поскольку Т. должен был сначала приехать в Лондон, чтобы продолжить путь в Париж. Указание на то, что только «завтра» Маркович ожидала мужа из Швальбаха, означает, что она могла выехать в крайнем случае в тот же день, чтобы застать Т. в Англии 19 (31) августа. Наиболее вероятной датой, следовательно, можно считать 16 (28) или 17 (29) августа. В *Літопись Лобач-Жученко* (С. 69) датируется концом августа — началом сентября ст. ст.

18 (***30***) ***августа***. **Четверг**. Возвращается в Вентнор из поездки к Герцену в Борнемут.

Пишет гр. Ламберт, что «только сейчас» возвратился из небольшой поездки к Герцену и нашел п. от нее (неизв.) и от дочери Полины (неизв.). Умоляет не уезжать из Парижа, не дождавшись его, и остаться до четверга. Обещает приехать во вторник или, самое позднее, в среду: «...прошу Вас убедительнейшим образом об этом — что Вам стоит остаться лишний день?».

18—19 (***30—31***) ***августа***. **Четверг — пятница**. Предположительно дорабатывает «Проект программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”». См. ***19*** (***31***) ***августа***.

19 (***31***) ***августа***. **Пятница**. Посылает Анненкову из Вентнора экземпляр «Проекта программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”» и копию циркулярного письма (см. ***8*** (***20***)***—14*** (***26***) ***августа***). Прося как можно шире распространить проект, сообщает, что он подвергся незначительным сокращениям. Боится, что п. не застанет Анненкова в Аахене, по этому случаю делает надпись на адресе, чтобы п. было переслано Анненкову в Петербург. Из п. «таинственной» Маркович узнал, что Макаров «*поскакал* расстраивать *свадьбу* Шевченка!» (см. ***11—12*** (***23—24***) ***августа***). Сообщает, что еще 10 экземпляров Проекта отправляются в Петербург и в Москву. Выписывает копию циркулярного письма, которым следует сопровождать посылку Проекта.

В п. говорилось: «Из прилагаемого при сем проекта <...> Вы усмотрите цель письма моего к Вам. Эта программа составлена при участии и с согласия нескольких русских, случайно съехавшихся в одном заграничном городе, и представляет только первоначальные черты общества. Надеюсь, что Вы одобрите мысль, которая лежит ей в основании, и захотите посвятить ей и собственные размышления и беседы с друзьями. Я бы почел себя счастливым, если бы ко времени моего возвращения в Россию (весной 1861 года) — предлагаемая мысль получила обработку, достаточную для приведения ее в исполнение. <...> Я уверен также, что Вы не откажетесь распространять списки нашего проекта. Предприятие это касается всей России: нам нужно знать, по возможности, мнение всей России о нем. С искренней благодарностью получил бы я всякое возражение или замечание. Мой адрес: в Париж, poste restante. Остаюсь с полным и сердечным уважением — преданный Вам И. Т.». Предлагает приписать, что для присылки замечаний будет указываться также петербургский адрес Анненкова. Ответ Анненкова см. ***5* (*17*) *сентября***.

В списке адресатов, сохранившемся в *BN*, рукой Т. вписаны: в Петербурге — Кавелин, Чернышевский, Ег. П. Ковалевский, Галахов, Дружинин, Краевский; в Москве — И. С. Аксаков, Катков, Бабст, Кетчер, Н. Ф. Павлов, Хомяков (фамилия последнего вписана отдельно и подчеркнута пять раз); после имени Кетчера зачеркнуто: «Гр<афине Салиас> Феоктистову». Около фамилий Кавелина, Чернышевского, Галахова, Аксакова, Каткова, Бабста, Кетчера проставлен значок «+» — по-видимому, означает, что к этим лицам проект Т. уже отослан (*BN*. Slave 74. F. 45). Известны циркуляры, отправленные Т. Кавелину, Ег. П. Ковалевскому (см. ***29 августа* (*10 сентября*)**), Галахову, Краевскому (см. ***3* (*15*) *сентября***), Каткову (см. ***12* (*25*) *сентября***), Дружинину (***Около 15* (*27*) *сентября***). Текст этого п. с некоторыми незначительными расхождениями см. также: *Соч.* Т. 12. С. 363—364.

Середина августа ст. ст. — 19* (*31*) *августа. Предположительная дата п. к Основскому, занятому подготовкой издания *Соч* (*1860—1861*). Посылает исправления (см. ***22 августа* (*3 сентября*)**). Очевидно, речь шла о «Записках охотника», с прибавлением «Поездки в Полесье» и «О соловьях», составивших т. 1, а также о романе «Рудин», вошедшем в т. 4.

В публикации Е. М. Хмелевской ошибочно датировано серединой июля ст. ст. См.: *Утраченные письма* (*1*). С. 350.

***20 августа* (*1 сентября*)**. **Суббота**. В п. к Маркович сообщает, что завтра уезжает в Лондон, а оттуда во вторник вечером в Париж,

где останется со среды до пятницы, в субботу уезжает «в деревню» к Виардо. Приглашает в один из этих трех дней приехать в Париж и указывает, что остановится в гостинице «Byron». Шутливо уверяет, что сохранит *«предусмотрительное»* п. Маркович (от ***11—12 (23—24) августа***) «как нечто необыкновенно фантастическое: можно дать тому большие деньги, кто в состоянии понять из него, что Вы сами намерены делать — и чего желаете от другого. Вы являетесь мне в виде темного Сфинкса, около которого беспрестанно сверкают телеграммы, столь же непонятные». Без шуток признается, что очень желает видеть Маркович, «хотя уже почти потерял на это надежду». Просит написать, если в Париж она приехать не сможет.

В п. к дочери (по-франц.) подтверждает, что будет в Париже лишь в среду, 5 сентября н. ст., о чем уже ей должно быть известно от гр. Ламберт (см. ***18 (30) августа***). В Париже пробудет 2—3 дня, а затем с дочерью поедет в Куртавнель.

Между 1 (13) августа и 20 августа (1 сентября). Во время пребывания в Вентноре посещает Геологический музей и другие достопримечательности.

Об этом посещении, состоявшемся, скорее всего в середине августа н. ст., Т. рассказал Нелидовой, которая записала с его слов рассказ, озаглавив его «Музей»: «Я был болен и лечился морскими купаньями в Вентноре — маленьком городке на острове Уайте. / Местечко это не пользуется особой известностью; публика мало посещает его, да и нет в нем ничего такого, что могло бы привлекать ее туда. / Пологая и широкая полоса желто-бурого песку, образующего морской берег, ничем не застроенный и лишенный растительности, стелется далеко за пределами города. Бутылочного цвета зеленые волны — холодные, северные волны — добегают с приливом до черты однообразных построек. После отлива на влажном, твердом песке, покрытом прядями водорослей, видны выпрямленные фигуры прогуливающихся англичан. / Впоследствии я узнал, что в Вентноре было также излюбленное место для общественных гуляний. Это был так называемый “музей”. Из любопытства и от скуки я отправился взглянуть на него». Далее Т. описывает свой визит в музей, где его внимание привлек «большой, громоздкий предмет в дальнем углу»: «Передо мной была кормовая часть старинного, по некоторым признакам итальянского судна. Изящно изогнутая, с выдающеюся верхнею частью старинная галера живописно вырисовывалась в мягком, как бы вечернем освещении на фоне ближней белой стены. / Рассмотрев пристальнее, я убедился, что, по крайней мере, этот нумер музейных редкостей (они все были по нумерам) был несомненно древнего происхождения. / Постройка была так ветха, что, казалось, могла

рассыпаться от малейшего прикосновения. Мыши и черви источили ее во всех направлениях. Искрасна-желтый, ржавый налет вековой плесени покрыл истлевшее дерево. В одном месте налет этот был не так густ, и мне почудились под ним едва видневшиеся, полуистертые черты. / Я пригнулся ближе и прочел надпись — очевидно, название корабля: “La Giovane Speranza” — “Молодая надежда”» (*Т в восп совр.* Т. 2. С. 236—287).

Впечатления Т. от зловещего утеса Блакганг (в южной части о. Уайт), о который часто разбивались корабли, отразились в повести «Призраки» (*Соч.* Т. 7. С. 199; см. об этом: *Waddington. T and England.* P. 105—110).

Предположительно вычитывает и дорабатывает свои произведения для издания *Соч* (*1860—1861*), в том числе работает над новым эпилогом романа «Рудин».

По предположению П. Уоддингтона, возможно именно впечатление Боткина от рассказанного ему Т. замысла романа «Отцы и дети» побудило Т. написать новый эпилог (*Waddington. T and England.* P. 120).

21 августа (***2 сентября***). **Воскресенье**. Уезжает из Вентнора через Портсмут в Лондон.

Дата п. Л. Виардо к Т. из Парижа, которое он посылает в парижскую гостиницу «Byron» из опасения, что оно не застанет Т. на о. Уайт: «За день, проведенный в Куртавнеле между возвращением из Баден-Бадена и отъездом в Лондон, мне успели сообщить, что в нашем округе охота откроется 8 числа, раньше, чем полагали и чем, казалось, позволял задержавшийся срок сбора урожая. Я не уверен в этой дате, но она вероятна. Считайте, что вы предупреждены». Спрашивает о планах Т. в отношении дочери: «Поскольку госпожа Гарсиа никуда не увозит Полинетту, значит ли это, что она приедет с вами в Бри? Там будут только обе девочки с моей сестрой Бертой, поскольку Луиза сопровождает мать в *турне*. Но если Полина захочет побыть *мамочкой* для Клоди и Марианны, она будет желанной гостьей». Сообщает, что «вся *party* (компания — *англ.*) выезжает завтра утром, а я незамедлительно возвращаюсь к сироткам» (см.: *Cahiers.* № 24 (2000). P. 209—210).

22 августа (***3 сентября***). **Понедельник**. Дата п. Основского, сообщает о получении п. Т. (неизв.) с исправлениями, которые издатель должен был внести в т. 1 и 4 *Соч* (*1860—1861*) (см. ***Середина августа ст. ст. — 19*** (***31***) ***августа***): «Все исправления, дорогой Иван Сергеевич, я получил, и все будет исправлено. В первом томе и будут заключаться “Записки охотника”, с прибавлением: “Поездки

в Полесье” и “О соловьях”. Под последними выставлены годы их появления в свет». Беспокоится о присылке портрета, который должен быть помещен в т. 1: «Жду с нетерпением портрет. Пожалуйста, доску не оставляйте, а привозите с собой. Не знаю, как Вы перешлете портрет, пожалуй, из таможни еще не скоро выручишь! а его необходимо поместить при “Записках охотника”, то есть в первом томе, который уже отпечатан. Издание выходит очень миленьким; корректуры проходят сквозь три пары рук, и, надеюсь, ошибок почти не будет, разве какая запятая проскользнет; а уж сколько ошибок было в прежнем издании — числа нет!». Выражает надежду, что и дописанный Т. эпилог к роману «Рудин» «проскочит». Высказывает одно сомнение по тексту романа: «на странице 264 напечатано: “Худо то, что он не честен. Ведь он умный человек: он должен же знать цену слов своих, — а произносит их так, как будто они ему *что-нибудь стоят*”. Именно подчеркнутые слова меня ввели в сумнение» (эти слова Лежнева в гл. VI остались без изменений. — *Ред.*). Пишет, что все лето ему нездоровилось: «видно старость стала одолевать». С нетерпением, как и все остальные, ждет вторую ст. о Белинском для *МВест*, где была опубликована первая ст.: «Встреча моя с Белинским» (см. ***23 января* (*4 февраля*)**): «Год подходит к концу и надо хоть в казовый конец поместить Ваши строки. Вы знаете, как читающая публика дорожит — что выходит из-под Вашего пера» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 149. Л. 1—1 об.).

«Вторая» ст. о Белинском («Воспоминания о Белинском») была опубликована в *ВЕ* лишь в 1869 (№ 1. С. 695—729), однако данное п. Основского свидетельствует, что ст. была задумана не в 1867, как указано в *Соч* (Т. 11. С. 338), а в 1860-м, что подтверждается и номером, проставленным в публикации *МВест*: «I». Очевидно, именно для этой «второй» ст. о Белинском Т. в неизв. п. просил Анненкова заменить в списке книг, которые тот должен был прислать в Париж, том Пушкина на тот, которым он пользовался для своих лекций о Пушкине, читанных в 1859 в Петербурге и частично включенных в «Воспоминания о Белинском» (см.: *Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 83. Это место осталось не прокомментированным в *ПССиП*).

***23 августа* (*4 сентября*). Вторник**. В п. к гр. Ламберт предупреждает, что выезжает из Лондона в Париж не сегодня вечером, а завтра утром, в $8\,^1/_2$ вечера будет в Париже, а в 10 «непременно» у нее: «Мне нужно лично Вас видеть — и притом у меня есть важное общее дело, в котором Вы можете быть крайне полезной» (речь идет о «Проекте программы “Общества для распространения гра-

мотности и первоначального образования"», который следовало размножить, как и прилагаемое циркулярное п. См. ***19* (*31*) *августа***).

Дата п. Л. Виардо к Т. из Куртавнеля, в котором подтверждает сведения из п. от ***21 августа* (*2 сентября*)** о том, что «охота в самом деле должна открыться 8 числа, и я собственными глазами читал постановление префекта, покупая вчера порох и пули. Но сейчас меня убеждают, что, получив многочисленные протесты по этому поводу, префект издает новое постановление, откладывающее открытие до 15 числа» (см.: *Cahiers.* № 24 (2000). P. 211).

***Между 21 и 23 августа* (*2 и 4 сентября*)**. Предположительно навещает в Лондоне Э. Рив (см. п. Герцена к Анненкову от ***24 августа* (*5 сентября*)**). См.: *Waddington P.* An unsung struggler for humanity and truth: the mysterious Miss Emily Reeve (1817—65). Pinehaven (New Zealand), 2003. P. 15.

24 августа* (*5 сентября*)**. **Среда.** Утром выезжает из Лондона в Париж, не повидавшись ни с Герценом, ни с Огаревым (см. ***6* (*18*) *сентября), и останавливается в гостинице «Byron» на ул. Лаффит.

25 августа (6 сентября) Герцен пишет Анненкову: «А Тургенев-то в Лондоне был у Emilie Hermitage-blanc (предположительно Э. Рив. — *Ред.*) и в Портсмуте — а у нас не был» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 94).

Очевидно, вечером навещает гр. Ламберт (см. ***23 августа* (*4 сентября*)**), так как в п. от ***25 августа* (*6 сентября*)** он уже обещает принести Проект, о котором в предыдущем п. не было сказано.

Дата п. Анненкова к Т. (ответ на п. от ***19* (*31*) *августа***) из Аахена с извещением о том, что получил п. Т. и копию Проекта (см. ***8* (*20*) — *14* (*26*) *августа***) через два часа после отправления к Т. в Париж «коллективной телеграфической депеши» (неизв., очевидно, написанной также от лица Герцена, с которым Анненков ехал из Лондона в Германию): «О ревностном распространении его с моей стороны ручается вам апостольское мое имя Павла <...>». Сообщает, что немедленно сообщил Проект Ешевскому, который занимается изучением «элементарных школ» в Германии, призвав его переслать свои замечания к Т. в Париж. Обещает переслать заказанные Т. книги в Париж. Пишет, что получил от Герцена какие-то «комиссии», об исполнении которых будет сообщать, отделив эту информацию шифрованной фразой, например: «передайте нашей старице, что...»,

Т. же должен будет передавать эту информацию в Лондон. Допускает, что иные письма можно будет целиком передавать Герцену, «а за соединение в них откровенности с осторожностью ручается вам архимандричья моя физиономия, как вы ее назвали. Не забывайте, однако ж, что ваша физиономия красивее, но хуже моей». Сообщает, что встретил в Аахене Макарова и Маркович, которая «оставалась долгое время на распутии между Лондоном и Парижем, считая равно одинаким ехать без гроша денег в любой из этих городов». Объясняя присылку ею телеграмм Т. (в частности той, о которой идет речь в п. Т. от ***15 (27) августа***), пишет: «Когда у нее тяжело на сердце, она посылает обыкновенно телеграфическую депешу и тем облегчает себя: так и теперь сделалось». Пишет, что завтра Маркович едет в Париж и прибудет к Т., очевидно, вместе с этим п. (см. ***25 августа (6 сентября)***). Не может «нахвалиться» Маркович, встретившей его «с добродушием и откровенностью, подчиняющими человека», считает, что у нее «бездна» женского ума. Собирается задержаться в Берлине на неделю и просит прислать туда «напутственное» п. Хвалит присланное Т. вместе с Проектом программы «Общества для распространения первоначального образования» «циркулярное» п., в котором всё находит «на месте». Считает, что следует добавить о себе «как о представителе нескольких мнений, выраженных несколькими людьми, хотя б это была бы и неправда». О предполагаемой свадьбе Шевченко (см. ***11–12 (23–24) августа***) замечает: «Немудрено, что Макаров собирался ехать расстраивать свадьбу Шевченка, потому что он женится на Лукерье, той толстой Лукерье, которая нам давала ужинать у Варвары Як<овлевны> и которая выходит за Шевченко, чтоб *раздразнить горничных-девчат Карташевских*» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 81–82).

25 августа (6 сентября). **Четверг**. Встречается с приехавшей в Париж с сыном Богданом Маркович, которая останавливается в той же гостинице «Byron», что и Т. (*Літопись Лобач-Жученко.* С. 89). Очевидно, тогда же подыскивает ей квартиру (пансион) на ул. Клиши с помощью Делаво (см. ***1 (13) сентября***). Просит ее переписывать «Проект программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”» вместе с прилагаемым циркулярным п.

Вероятно, днем встречается с дочерью Полиной и гр. Ламберт.

Вечером пишет гр. Ламберт, что не может сдержать «сегодняшнего слова» и быть у нее: «я так устал, что Вы бы имели во мне самого неинтересного собеседника». Сообщает, что дочь Полина будет

ждать ее, а сам он явится к графине завтра «часу во втором» и принесет Проект (см. ***26 августа*** (***7 сентября***)).

26 августа (***7 сентября***). **Пятница**. Вероятно, наносит визит гр. Ламберт и вручает ей «Проект программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”», который просит размножить и распространить среди нужных людей вместе с прилагаемым циркулярным п. (см. ***25 августа*** (***6 сентября***)).

Дата п. Л. Виардо из Куртавнеля (ответ на неизв. п. Т. с просьбой выслать деньги, вероятно для дочери). Сообщает, что привез с собой для Т. вексель на 1000 франков, «опасаясь не столько путешествующих греков, сколько русских привычек. Видите, я поступил правильно», и вкладывает его в п., которое доктор Фриссон «берется *отправить* <...> в контору Жуи, так чтобы сумма гарантированно пришла с почты». При таких условиях Т. сможет получить деньги на почте на следующий день утром. Приглашает приехать с дочерью Полиной в Куртавнель в любое время: «Ваши комнаты будут готовы с завтрашнего дня». В этом же п. приписка Фриссона: «Комиссионер шлет господину Тургеневу добрый привет и сердечное рукопожатие» (*Cahiers*. № 24 (2000). P. 213).

27 августа (***8 сентября***). **Суббота**. Утром предположительно получает 1000 франков на почте, пересланные Л. Виардо (см. ***26 августа*** (***7 сентября***)).

Начинает п. к Фету (ответ на неизв. п.) с поздравления по поводу покупки имения Степановка в 70 верстах от Спасского, в связи с чем «Вы <...> и успокоились и получили новое поле для деятельности». Сожалеет, что имение находится «немного далеко» от Спасского, «но с подставными лошадьми вскорости доехать можно — а местечко для охоты доброе». Предсказывает, что Фет часто будет видеть его гостем, с Фламбо («который оказывается отличным псом») или с «другим каким-либо товарищем из собачьей породы». Заканчивает п. в Куртавнеле ***31 августа*** (***12 сентября***).

29 августа (***10 сентября***). **Понедельник**. Посылает циркулярное п. с «Проектом программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”» Кавелину, а также Ег. П. Ковалевскому. На обоих п. помета: «Париж». См. ***19*** (***31***) ***августа***.

Циркулярное (писарская копия) п. к Ковалевскому и проект см.: *РНБ.* Ф. 356. № 347. Л. 13—17. Автограф п. к Кавелину см.: *ИРЛИ.* № 20717. Л. 1—1 об.; опубл.: *PCm.* 1901. № 4. С. 76. Здесь же примеч.: «Общества этого Тургеневу организовать <...> не пришлось; но идея его до некоторой степени была осуществлена (помимо его) Вольным экономическим обществом и — можно сказать — в то же время. В апреле следующего же — 1861 г. — было первое заседание известного “Комитета грамотности”, первым председателем коего был С. С. Лошкарев, подавший мысль об учреждении названного комитета при Вольном экономическом обществе. Задачи этого комитета совпадали с идеей Тургенева, и, быть может, возникновение его и заставило нашего маститого писателя отказаться от мысли об организации особого общества. И. С. Тургенев был членом этого комитета, *но не одним из первых.* Он был “предложен в члены” в заседании 12-го октября 1861 года (в том же заседании был предложен в члены и граф Л. Н. Толстой) <...>».

Встречается с Л. Толстым, который с братом Николаем отправляется в Гиер близ Ниццы, в санаторий для легочных больных (*Толстой. Летопись.* С. 218).

***30 августа* (*11 сентября*). Вторник.** Предположительная дата записки к Маркович с просьбой приехать к нему «на очень *скучную работу*» (очевидно, переписывание Проекта «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» или циркулярного п. при нем), высылает за нею карету.

В *П.* Т. 4. С. 245 п. неправомерно помещено после п. к Анненкову от ***30 сентября* (*12 октября*)**.

Выезжая из гостиницы «Byron», получает телеграмму на имя Маркович и отправляет ее ей (см. ***31 августа* (*12 сентября*)**). Приезжает в Куртавнель.

Предположительная дата п. к Шанфлери из Куртавнеля (ответ на п. от ***27 июля* (*8 августа*)**), из которого известен только фрагмент: «Не думаю, что романисту пристало заниматься критическим разбором романов, еще менее чем художнику писать о картинах или композитору об операх» (см.: *Waddington P.* Document: Some Unpublished Letters by Turgenev, Addressed to Various Correspondents // *N Z Sl J.* 1975. № 1. P. 58, где фрагмент напечатан как п. к неизв. корреспонденту).

В аукционном каталоге, где впервые воспроизведен этот фрагмент (Fichier Charavay. № 42381), указывается дата: 10 сентября 1860. Эту дату Т. обозначил, по всей видимости, по ошибке, поскольку он прибыл в Куртавнель только 30 августа (11 сентября).

31 августа (***12 сентября***). **Среда**. Продолжает п. к Фету (ответ на неизв. п.), начатое в Париже ***27 августа*** (***8 сентября***), сообщает, что вчера приехал в Куртавнель «и нашел всё это старое гнездо в порядке — хотя сильно одряхлевшим». П. Виардо с дочерью Луизой в Ирландии, а с Л. Виардо собирается начать охоту «после-послезавтра». По поводу предстоящего сватовства дочери, о чем спрашивал Фет, замечает: «Я дочь свою не сосватал — и даже никого до сих пор не предвидится, хотя, вероятно, в течение зимы кто-нибудь навернется — о чем я думаю не без трепета». В связи с этим намерен прожить зиму в Париже. О Толстых пишет, что они намеревались ехать на Гиерские острова: «У бедного Николая уже в горле чахотка: недолго ему осталось жить». В ответ на запрос Фета о Толстом сообщает: «О Льве всё никакого нет известия; да я, признаться, не слишком интересуюсь знать о человеке, который сам не интересуется никем».

Отправив сестру М. Н. Толстую к брату Николаю в Соден 8 (20) июля (*Толстой. Летопись.* С. 214), Толстой отправился в поездку по Германии изучать различные формы народного образования с целью применить их в Яснополянской школе (Там же. С. 214—217), в Соден он приехал лишь 14 (26) августа, а 17 (29) августа отправился вместе с братом Николаем на юг Франции (Там же. С. 217—218).

О своих литературных занятиях пишет: «Работ литературных никаких, пока, не предпринимаю: да, судя по отзывам так называемых молодых критиков, пора и мне подать в отставку из литературы». Имея в виду решение Фета уйти из литературы, замечает: «Вот и мы попали с Вами в число Подолинских, Трилунных и других почтенных отставных майоров! Что, батюшка, делать? Пора уступать дорогу юношам. Только где они, где наши наследники?».

О том, как отразились эти мысли в романе «Отцы и дети», см. в примеч. А. И. Батюто: *П.* Т. 4. С. 580—581, примеч. 5.

Рассказывает, что они с Анненковым на о. Уайт придумали проект «Общества для распространения грамотности и первоначального обучения», что он послал несколько копий в Россию и будет продолжать рассылать, пришлет и Фету, ожидая его мнения. Ждет подробного описания приобретенной земли с «охотницкой» точки зрения. В ответ на жалобы Фета на свою собаку Снобса, пишет, что «по задним его ногам был заранее уверен в его слабости», а «в будущем году», если приобретенная недавно собака Фламбо уцелеет (см. ***24 июня*** (***6 июля***)), Фет будет охотиться с Весной.

В п. к Маркович замечает: «Телеграммы и Вы — Вы и телеграммы <...> неразлучны, как переклитки», и поясняет: «Переклитками называются те зеленые попугайчики с оранжевыми носами, которые так уныло-дружелюбно жмутся друг к дружке, сидя на одной жердочке».

Позднее сравнение с переклитками появится в романе «Новь» при описании четы Субочевых – Фимушки и Фомушки (см.: *Соч.* Т. 9. С. 235).

Интересуется, от кого была телеграмма на имя Маркович, которую принесли перед самым отъездом Т. из Парижа в Куртавнель, шутливо воспроизводит непонятный текст телеграммы, пишет: «Если Вы, вследствие этого телеграмма, уезжаете в Ирландию или в Португалию, или если Вы поселяетесь на какой-нибудь башне — дайте мне знать — ибо меня это беспокоит». Просит дать слово, что она дождется его возвращения на найденной для нее квартире (см. ***25 августа*** (***6 сентября***)). Спрашивает, работает ли она, переписывает ли врученный ей Проект «Общества для распространения грамотности и первоначального образования». Просит поцеловать сына Богдана. Ответ Маркович см. ***1*** (***13***) ***сентября***.

Лето 1860. По сообщению гр. Ламберт, летом Александр II читал вслух у императрицы повесть Т. «Первая любовь». И он, и весь собравшийся кружок были от нее в восторге. Сама Ламберт оценила повесть Т. как один из его «дурных поступков» («une de vos mauvaises actions») (см. ***30 января*** (***11 февраля***) ***1861***).

1 (***13***) ***сентября***. **Четверг**. Дата п. Маркович (ответ на п. Т. от ***31 августа*** (***12 сентября***)) из пансиона в Париже, куда ее поселил Т. (очевидно, заплатив за него вперед). Довольна соседками-американками: «Какие прелестные, веселые девушки, и добрые и умные. Отчего у нас таких почти не бывает?», рассказывает о других соседках. Пишет, что работает и переписывает Проект. Поясняет, что телеграмма, которую получил на ее имя Т., была с поздравлениями именин, а сама она больше ни одной не посылала. Во время написания п. получает ответ из Гейдельберга (очевидно, от мужа) и счет: «Счет большой, а ответ грустный мне» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 285). Ответ Т. см. ***5*** (***17***) ***сентября***.

2 (***14***) ***сентября***. **Пятница**. Дата п. Анненкова из Берлина, сообщает, что завтра едет на пароходе в Петербург, поскольку желез-

нодорожное сообщение прекращено. Огорчен смертью актера Мартынова (см. ***16* (*28*) *августа***): «Итак — бедный Мартынов умер, много аплодируемый и мало оцененный в печати. Не умереть бы ему так при Белинском». Собирается по приезде договориться с Островским и Дружининым о написании ст. о Мартынове.

На смерть Мартынова откликнулся Панаев в *Совр* (1860. № 9).

Просит передать Маркович («С вами теперь Марья Александровна») свой портрет, «который может служить также и изображением Гамлета, размышляющего о будущей жизни. <...> Она желала иметь очерк сей пусто-важной фигуры». Не посылает экземпляр Т., «потому что смеяться вы оченно хорошо можете и с единственного экземпляра». Просит исполнить еще одну просьбу: узнать наилучший способ проезда в Россию для Карташевской и ее мужа и сообщить его брату Карташевской Макарову. Сам считает, что не следует ехать морем после лечения, а ехать поездом до русской границы (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 82—83).

***3* (*15*) *сентября*. Суббота.** Дата циркулярного п. на имя Галахова и Краевского с «Проектом программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”» (под текстом п.: «Париж»). См. ***19* (*31*) *августа*.**

Т. отправил документы на адрес Краевского. 21 сентября (3 октября) Краевский писал Галахову: «Я получил от Тургенева на мое и твое имя письмо и программу затеваемого им общества. Подлинное письмо и программу оставил у себя, а для тебя велел списать прилагаемые у сего копии» (цит. по: *BE.* 1884. № 5. С. 411. Здесь же (С. 412—418) опубликованы само п. и проект).

Дата под аналогичным п. (также с пометой: «Париж») к Каткову, которое посылает вместе с текстом Проекта.

Автограф циркулярного п. к Каткову: *РГБ.* Ф. 120. К. 11. № 21/5; опубл.: И. С. Тургенев: сб. / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940. С. 38.

***4* (*16*) *сентября*. Воскресенье.** Выходит «La Gazette du Nord»; в ней — п. Асселино в редакцию, который откликается на призыв газ. (в № от 7 (19) мая) помочь новообразованному Литературному фонду и вносит свою лепту «в качестве сочувственного участия в начинание родины Лермонтова и Тургенева» (Р. 2).

5* (*17*) *сентября*. Понедельник.** Отвечает на п. Маркович от ***1* (*13*) *сентября: рад, что она довольна своим «гнездышком» и со-

седями: «А отчего таких у *нас* в России нет — или очень мало — легко понять: все наши барышни вырастают в невежестве и во *лжи.* Они либо покоряются окружающей их атмосфере — и выходит плохо — либо возмущаются против нее, и выходит тоже нехорошо». Рад, что Маркович работает, по поводу ее жалоб на большой счет обещает оплатить его: «Присланный Вам счет не так страшен <...> по приезде моем в Париж (дней через 10) всё это уладится». О «грустном» для нее ответе из Гейдельберга пишет: «А что письма из Гейдельберга не могут быть не грустными для Вас при теперешних обстоятельствах — это тоже в порядке вещей». Сообщает о получении п. от Анненкова с вложенной фотографией для Маркович (см. ***2* (*14*) *сентября***): «Он отличный человек и Вас полюбил душевно». Просит написать, когда приедет Делаво и что скажет насчет пансиона, а также попросить его подыскать переписчика для Проекта «Общества для распространения грамотности и первоначального образования»: «Я здесь хожу на охоту, устаю страшно, тотчас после обеда ложусь спать, а поутру переписываю проект». Просит сообщить сведения о Макарове. Переписывает из п. Анненкова от ***2* (*14*) *сентября*** наиболее благоприятный маршрут для Карташевских и просит немедленно сообщить его Макарову. Извещает, что на днях к ней должен зайти молодой Ростовцев. Ответ Маркович см. ***8* (*20*) *сентября*.**

Конец августа — начало сентября ст. ст. Около этого времени в типографии Рышкова в Москве окончен печатаньем т. 1 *Соч* (*1860—1861*), куда вошли «Записки охотника», «Поездка в Полесье» и «О соловьях» (см. ниже).

Отвечает на п. Основского от ***22 августа* (*3 сентября*)** (п. Т. неизв.) сообщением о том, что чувствует себя хорошо, интересуется ходом печатанья т. 1 *Соч* (*1860—1861*).

В публикации Е. М. Хмелевской *Утраченные письма* (*1*) (С. 350) ошибочно датировано серединой июля ст. ст.

Предположительная дата ответного п. Основского из Москвы: рад, что Т., «благодаря Бога, здоров, что, разумеется, самое главное». Сообщает, что «Записки охотника» печатаются «и приходят уже к окончанию, недостает одного “Полесья”, т<о> есть собственно хвостика». Пишет, что издание выходит «чрезвычайно красиво», посылает недостающие страницы «Безденежья», а комедию «Холостяк» обещает прислать уже в Париж, хотя с комедиями «спешить пока еще нечего». Просит поторопиться с присылкой портрета, ко-

торый должен быть приложен к т. 1, поскольку этот том следует отдать в брошюровку. При этом просит заказать 200 лишних экземпляров портрета, т. е. в целом 5000, потому что 200 экземпляров могут быть попорчены в процессе брошюровки. Советует привезти с собой и негатив (доску), которая может еще понадобиться. Портрет Лермонтова, гравированный Иорданом, ему не нравится. Сообщает, что редактируемый им *МВест* идет хорошо и все им довольны, хотя в этом году есть убытки. Тираж по сравнению с прошлым годом возрос с 1400 до 1800, но прибавилось пол-листа и изменился шрифт. Ждет с нетерпением (да и все ждут) вторую ст. о Белинском (см. ***22 августа*** (***3 сентября***). Сообщает, что Павлов потерял любимого младшего сына. В Москве холера и страшная скука, Гиляров-Платонов «выбран в профессора философии — вот и последнего хорошего цензора мы лишились». Сообщает, что в наст. время пишет для *МВест* внутренние обозрения. Пишет, что, если Тургенев не скоро еще попадет в Лондон, портрет можно заказать и в Париже (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 149. Л. 3—4).

6 (***18***) ***сентября***. **Вторник**. В п. к Герцену объясняет, почему уехал из Лондона, не попрощавшись с ним: «...ты, вероятно, удивился, узнав от Mme N. N. (очевидно, Э. Рив. — *Ред.*), что я проскочил через Лондон, не видав тебя, но я, во-первых, не знал до той минуты, что ты в Лондоне, а во-вторых, у меня не было решительно ни одной минуты свободной, так что я и Огарева не видал». Сообщает, что ходит на охоту и скоро едет в Париж подыскивать зимнюю квартиру. Готов посодействовать Герцену в поисках английской гувернантки для дочерей с помощью знакомой содержательницы пансиона (см. ***15*** (***27***) ***сентября***). Надеется, что Герцен получил через Огарева Проект «Общества для распространения грамотности», и просит высказать свое мнение, которым дорожит «больше, чем сотнями других». Собирается найти в Париже последние номера «Колокола», где надеется увидеть отклик на «гнусные австрийские обеды, напоминающие самую скверную эпоху николаевщины. Что за излияния такие!».

Ст. Герцена «Последний удар!» в л. 82 «Колокола» от 19 сентября (1 октября) начиналась фразой: «Неужели это правда, что кейзер петербургский сближается с кейзером австрийским?...? Неужели мы доживаем с нашими пятилетними надеждами до этого предела и до этой бесконечности позора?» (*Герцен*. Т. 14. С. 307). Сближение России и Австрии, против которого постоянно выступал Герцен, означало усиление реакционной партии, отсюда следующая фраза в п. Т.: «И дело крестьянского освобождения тоже пошло скорой рысью назад».

8 (20) сентября*. Четверг**. Дата п. Маркович из Парижа (ответ на п. Т. от ***5 (17) сентября): сообщает, что немедленно передала Макарову, который приехал в Париж, сведения о наилучшем маршруте для возвращения в Россию Карташевских; описывает новых соседок по пансиону; уверяет, что работает и переписывает Проект «Общества для распространения грамотности», о чем просил Т. Говорит, что ее посетили Желиговский и Ростовцев. О последнем пишет: «Какое у него хорошее лицо, какое хорошее». Намекает, что п. от мужа из Гейдельберга написаны в прежнем духе, т. е. неприятном для нее (см. п. Т. к Герцену от ***15 (27) сентября***). Спрашивает, когда ждать Т. (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 286).

11 (23) сентября*. Воскресенье**. Дата п. Герцена к Т. из Борнемута, где он снимал дом под названием Eagle's Nest (Орлиное гнездо): спрашивает, в Париже ли Маркович, на чье имя он получил п. из России. Просит: «Кстати, ты скажи Мар<ье> Ал<ександровне>, что, сверх письма, у меня в моем Орлином гнезде есть для нее комната, две — три, если она желает, до 18 октября». Просит ответить немедля, посылает п. на имя Делаво, поскольку не знает, в Париже ли Т. (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 98). Ответ Т. см. ***15 (27) сентября.

13 (25) сентября*. Вторник**. Выходит Vol. 15 журнала «Le Correspondant»; в нем — под заглавием «La Veille» сильно сокращенный перевод на франц. язык романа Т. «Накануне», выполненный Дуэром (P. 118—167). Отзыв Т. о пер. см. ***14 (26) марта 1861.

Оправдывая сокращения, Дуэр в предисловии поясняет, что поступил так по совету одного своего «важного» русского корреспондента. См. п. Т. к редактору «Revue européenne» от ***14 (26) марта 1861***.

Между 12 (24) и 14 (26) сентября. Делаво, получив для передачи п. Герцена к Т. (см. ***11 (23) сентября***), очевидно привозит его в Куртавнель, а Т. «немедленно» вручает его Маркович (см. ***15 (27) сентября***).

В примеч. к п. Герцена к Т. от ***11 (23) сентября***, где сказано, что еще до ответа Т. Герцен получил п. от Маркович и переслал ей письмо из России по почте, очевидно, допущена ошибка (*Герцен*. Т. 27. Кн. 2. С. 618).

Около 15 (27) сентября. Нанимает квартиру на ул. Риволи, 210 (см. п. к Герцену от ***15 (27) сентября***).

Посылает Дружинину как основателю Литературного фонда копию Проекта «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», составленного вместе с Анненковым на о. Уайт (см. ***8 (20)–14 (26) августа***), прося сделать замечания: «все общественное всегда возбуждало Вашу деятельность». Пишет, что не собирается забывать Литературный фонд и думает устроить в Париже чтения в его пользу. Сообщает, что вчера нанял квартиру на ул. Риволи, 210, куда просит адресовать письма. Обещает написать еще, когда переедет в город, хотел бы получать в Париже редактируемую Дружининым *БдЧ*. Ответ Дружинина см. ***10 (22) октября***.

15 (27) сентября*. Четверг**. Пишет Герцену, что получил его п. (от ***11 (23) сентября) через Делаво и «немедленно» вручил его Маркович, «которая также немедленно хотела ответить тебе».

Это п. Маркович к Герцену неизв., но было написано, поскольку из п. Герцена от 15 (27) сентября ясно, что он до этой даты успел получить отрицательный ответ от Маркович на предложение пожить до 18 октября н. ст. в Борнемуте. См.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 98.

Поясняет, как устроилась Маркович в Париже: «Мне с ней было хлопот немало: надо было ее вывести на свет божий из омута фальшивых отношений, долгов и т. д., в котором она вертелась». Дает характеристику мужу Маркович, живущему «деньгами и долгами жены»: «Муж ее незлой и честный даже человек — но хуже всякого злодея своим мелким, раздражительным, самолюбивым и невыносимо тяжелым эгоизмом. Прожиганием денег (при совершенном отсутствии не только комфорта — но даже платья) — он напоминает мне Бакунина (ничем другим, разумеется, ибо при этом он ограничен до нищеты)». Рассказывает, что решил, «чтобы зло пресечь», поместить Маркович в пансион, где она за 175 франков в месяц «имеет всё готовое», а супруга отправить в Петербург, «где его ждет место, приготовленное Ковалевским» (т. е. Ег. П. Ковалевским, которого Т. еще из Содена просил подыскать это место, см. ***7 (19) июля***); выяснить все его долги и «тем самым приостановить их» (умалчивает о том, что все денежные расчеты взял на себя; вероятно, просил Маркович рассматривать переписывание Проекта «Общества для распространения грамотности» как оплачиваемую им работу); устроить сына Маркович Богдана, «отчаянного и скверно воспитанного — но умного мальчишку», в закрытое учебное заведение «для вышколения». В настоящее время Маркович вынуждена ехать в Гейдельберг проститься с мужем, дать ему денег на дорогу и оплатить его

долги. Просит передать Огареву благодарность за его «дружеское» п. (неизв.) и совет по поводу организации «будущих школ». Спрашивает мнение Герцена о Проекте «Общества для распространения грамотности». Просит ответить, нужно ли искать гувернантку-англичанку для дочерей. Сообщает, что нанял на восемь месяцев квартиру на ул. Риволи, 210 и переезжает туда через неделю.

Т. прожил по этому адресу до 1864. Дом сохранился, на нем установлена мемориальная доска.

Дата п. Герцена к Маркович из Лондона: ссылаясь на Анненкова и Т., пишет, что интересовался ее делами, просит благодарить Т., но передать ему, что гувернантку (Э. Рив) для дочери (Натальи) он уже нашел (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 98—99) (см. ***6 (18) сентября***).

16 (28) сентября. Дата п. к Феоктистову, от которого сохранился только конверт с почтовым штемпелем (*ИРЛИ.* № 22600; см. также: *Утраченные письма (1).* С. 351).

1—16 (13—28) сентября. Во время пребывания в Куртавнеле практически ежедневно охотится с Л. Виардо. Утром занимается изготовлением копий Проекта «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» (см. п. к Маркович от ***5 (17) сентября***).

17 (29) сентября. **Суббота.** Дата пространного п. Анненкова к Т.: сообщает о прибытии в Петербург после двухдневного плаванья «простуженным до мозга костей» и о получении двух п. Т. («берлинского» и «с циркулярами», оба неизв.). Пишет, что книги, о которых просил Т., высланы ему на сумму 60 р. сер., их можно будет получить по прилагаемому билету. Специально отмечает, что просьба о замене сочинений Пушкина не могла быть выполнена: «NB. Пушкина нельзя было переменить по письму вашему, полученному уже после отправки каргезона», т. е. отправки посылки морем (см. об этом п. Основского от ***22 августа (3 сентября)***). Для Маркович от себя («не в счет этой суммы») посылает томик ст-ний Баратынского и просит вручить ей. Посылает также переданное ему п. для Т. из конторы *Совр* (возможно, п. Случевского, на которое Т. ответил ***12 (24) октября***). Сообщает о первом «неверном» шаге Комитета Литературного фонда, назначившего пособие в 300 р. Ап. Григорьеву по настоянию Кавелина, «который в этом теперь и кается». Пишет, что все литературные партии и публика осуждают

это решение. Панаев, «от природы» предназначенный «к пошлости и лжи», взялся осудить решение публично (*Совр.* 1860. № 8. С. 316—319) и, перепутав Григорьева с пожилым Лажечниковым, назвал получившего ссуду «славянской широкой натурой», а его просьбу «капризом и прихотью» для удовлетворения «беспутства». Перечисляет других просителей пособия от Литературного фонда («Мы завалены просьбами и ступаем теперь шаг за шагом, словно по горячим углям»). Описывает «похороны-манифестацию» актера Мартынова, во время которых даже жандармы снимали каски. Осуждает Краевского, вмешавшегося в подготовку «Энциклопедического словаря, составленного русскими писателями и учеными» (1861—1863, издание прекратилось на 6 томе) и объявившего себя его главным редактором, что вызвало всеобщее негодование и множество насмешек в «Искре» (вскоре его сменил Лавров). «Громадное невежество» Краевского, по мнению Анненкова, может идти «только в параллель с громадным нахальством Чернышевского», объявившего, что «все русское развитие есть только первая, предуготовительная ступень для понимания того, что теперь пишется в “Современнике”». Сообщает о получении *Совр* предостережения, грозящего закрытием журнала (см. ***18 (30) июля***), об уходе Дружинина из *БдЧ*, чтобы заняться «*нашей*» газ. «Век» (учредители Кавелин, Безобразов), «сделанной для тех отсталых, которые между истерической англоманией “Вестника” (*РВ. — Ред.*) и общим расчетом всех других на скандалы еще нисколько не собираются умирать». Призывает Т. участвовать в «Веке»; полагает, что здесь следует обнародовать Проект «Общества для распространения грамотности и первоначального образования». Обобщая картину русского общества, пишет: «...лучший порядок для нас есть хаос, потому что все порядки, имевшие претензию быть таковыми, неизбежно делаются на этой почве преотвратительными явлениями». Надеется, что этой участи избегнут в своей работе Редакционные комиссии, которые к новому году должны передать все дела в Главный комитет. По поводу Проекта, который ему поручено было распространять, считает, что «весь образованный Петербург» уже знает его и одобряет: «Проект наш и без ваших циркуляров переписывается во множестве и переходит из рук в руки, как ассигнация. <...> Возражений против “идеи” я ни от кого не слыхал, но очень много умных заметок и дополнений, которые все, без сомнения, скопятся в ваших руках, когда наступит время полемики». Собирается на аудиенцию к Евг. П. Ковалевскому и Тимашеву по этому поводу. Пишет, что В. Ф. Корш сделал в *МВед* «благосклонный намек» на подготовляющееся Общество.

Позднее, в своих воспоминаниях Анненков иначе оценил этот и подобные проекты, не исключая проекта освобождения крестьян: «Но ни один из наших импровизированных прожектеров не задавал себе тогда и мысленно никакого вопроса. Все дело казалось очень легким. Стоило только вспомнить безобразия прошлого и своей собственной жизни, противопоставить им идеалы существования, их отрицающие и всегда у нас существовавшие, — и план нового проекта был тотчас же готов. Кроме того, каждый проект обещал с принятием его эру невиданного благоденствия на земле. <...> В публике образовался целый класс людей, который всячески поощрял насаждение новых начал и принципов, думая, что из общего переворота выйдет сам собою обновленный строй жизни <...> Усевшись в Вентноре и одолеваемый такой праздностью, что "больно было перо взять в руки", по собственному его выражению, Тургенев задался мыслью основать общество для обучения грамоте народа и распространения в нем первоначального образования с помощью имущих и развитых классов всего государства. Наскоро составлена была им программа общества и представлена на обсуждение русской колонии в Вентноре. Она подробно разбиралась по вечерам в домике Тургенева, изменялась, переделывалась и после многих прений, поправок и дополнений принята была комитетом из выборных лиц кружка. После того принялись за составление и переписку обстоятельного циркуляра, при котором должен быть выслан "проект" общества всем выдающимся лицам обеих столиц — художникам, литераторам, ревнителям просвещения и влиятельным особам, проживающим дома и за границей. Из одного этого перечня уже видно, какую массу механической работы приняли на себя участники предприятия, но благодаря настойчивости Тургенева и их усердию работа осуществилась. Основная мысль программы, как и всех проектов того времени, поражает своею громадностью, но подобно им и грешит отсутствием практического смысла. Она молчала о путях, которыми следовало идти для создания массы учебных заведений и корпорации учителей при них, не указывала на группы людей и на центры, откуда должны были истекать распоряжения о покрытии России народными училищами, и многое другое пропускала без внимания. Можно было подумать, что программой руководила только мысль доказать нужду, полезность и патриотичность общества, а подробности его осуществления предоставить ему самому, как именно и полагал Тургенев. <...> Большинство из тех, которые получили этот циркуляр, доказывавший, между прочим, какую цену давал Тургенев своему плану, изъявили, конечно, согласие вступить в члены общества, но некоторые замечали при этом, что программу следовало бы начертить с большей ясностью, подробностью и с большим знанием особых условий русской жизни. Знать *мнение всей России* о плане, как выражался циркуляр, не представляя самого плана или представляя только слабый его очерк, было дело нелегкое и вряд ли удалось бы даже и лицу неизмеримо более влиятельному и вышепоставленному, чем Тургенев.

Впрочем, пока собирались приступать к составлению обстоятельного плана, время проектов подобного рода уже миновало; после петербургских пожаров 1862 года, временного закрытия Петербургского университета, упразднения воскресных школ и всяких попыток со стороны частных лиц распространять народное образование, программа не достигла и канцелярского утверждения, а заглохла и рассеялась сама собой, не оставив после себя и следа, кроме воспоминания у немногих современников ее» (*Анненков* (*1983*). С. 441—445).

Передает поклон «старицам», т. е. Герцену и Огареву, и обещает написать об их «комиссиях» в следующем п. Сообщает, что, когда заканчивал наст. п., к нему явился «какой-то плачущий и голодный (по его уверению) Тургенев (М. А. Тургенев. — *Ред.*) с Кавказа. Он вашим именем просил денег, а для такого имени отказа не имею» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 83—86). К п. Анненкова М. А. Тургенев приписал: «Добрейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, попал в Петербург не вовремя, не застал Вас; не без добрых людей, Mr Анненкову угодно было выручить меня, одолжив мне 40 р. сер. Не забудьте душою Вам преданного, а мне позвольте добраться до Спасского» (Там же. С. 366, примеч. 22).

19 сентября (***1 октября***). **Понедельник**. Дата п. X. Гарсиа из Парижа к дочери Т. Полине, в котором она просит «хорошенько обнять» от себя «твоего дорогого и доброго отца» (*Cahiers.* № 12 (1988). P. 63).

С самого приезда во Францию в 1850 маленькой дочери Т. Пелагеи, которую стали называть в семье П. Виардо Полинеттой, у нее сложились особые отношения с матерью певицы Хоакиной, которой уже было тогда 70 лет. Она занималась воспитанием Полинетты, переписывалась с ней, называя себя ее «матушкой» («bonne maman»), а свою дочь Полину предложила называть «мамочкой» («petite maman»). Сохранившиеся письма Хоакины к Полинетте свидетельствуют о том, что между матерью П. Виардо и дочерью Т. сложились сердечные отношения (см.: *Zviguilsky A.* Neuf lettres inédites de Joaquina Garcia à Paulinette Tourguéniev // *Cahiers.* № 12 (1988). P. 61—65).

20 сентября (***2 октября***). **Вторник**. Отвечает на п. Е. Я. Колбасина от ***19*** (***31***) ***мая***. Не зная, где находится Колбасин, посылает п. в Петербург на имя Н. Н. Тютчева. Сообщает, что остался в Париже на зиму, снял квартиру на ул. Риволи, 210, куда переезжает через несколько дней, и «намерен приняться за работу («Отцы и дети». — *Ред.*) — до сих пор я всё только баклуши бил». Надеется, что Анненков уже повидался с Колбасиным и ознакомил его с Проектом «Об-

щества для распространения грамотности и первоначального образования». Уверен, что Колбасин будет не только сочувствовать Проекту, но и содействовать его распространению, упоминает имя Миницкого в Одессе, которому бы «не худо переслать один экземпляр».

Колбасин выполнил просьбу Т., о чем свидетельствует упоминание о Проекте в «Одесском вестнике» (см. ***19 ноября*** (***1 декабря***)). См. также п. Колбасина к Т. от ***23 октября*** (***4 ноября***).

Просит сообщить «какие-нибудь литературные и другие новости»; спрашивает, правда ли, что в *Совр* «начали меня ругать? Это было бы очень для меня приятно и поощрительно» (см. ***18*** (***30***) ***июня*** и ***30 сентября*** (***12 октября***)). Просит написать о своем бывшем камердинере Захаре, получил ли он деньги от дяди (Н. Н. Тургенева), нанял ли квартиру, в которой должен был разместить мебель Т. Весной планирует непременно вернуться в Россию и хочет иметь Захара в своем распоряжении. Просит поблагодарить Яздовскую, жившую в семье Н. Н. Тютчева, за присылку комедии «Где тонко, там и рвется» (для доработки и помещения в готовящееся *Соч* (*1860—1861*)). Интересуется подробностями истории с «барсуком» (предположительно имеется в виду Родионов). Ответ Колбасина см. ***23 октября*** (***4 ноября***).

В Гиере умирает Н. Н. Толстой.

Т. узнает об этом из п. М. Н. Толстой (п. неизв.) и откликается в п. к Анненкову (см. ***30 сентября*** (***12 октября***)), Фету (см. ***3*** (***15***) ***октября***).

17 (29) октября Л. Толстой писал А. А. Толстой: «Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, — это был лучший мой друг. <...> не то, что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена. Незачем жить, коли он умер <...>» (*Толстой.* Т. 60. С. 356). Эта смерть отозвалась болью не только в семье Толстых. Фет писал своей приятельнице Энгельгардт 19 (31) октября: «Эта потеря для меня очень и очень тяжела. Никогда я не перестану жалеть об этом горячем, благородном сердце и светлом, ясном уме» (*Фет. СПП.* С. 375). «...Всем нам будет горько не досчитаться Николая Толстова, — откликнулся Борисов в п. к Т. от 26 ноября (8 декабря). — Я не могу вспомнить об нем без того, чтобы не воскресить перед собою его доброго, умного, мягкого взгляда, и слышу его голос, всегда спокойный, в самых задорных спорах. Мне он представляется как тормозная мазь Льва Николаевича, которого он не любил, а обожал. Я до сих пор не могу свыкнуться с этой утратой и грущу об нем с безотчетными слезами

юноши, и седая голова не помогает» (*Письма Борисова.* С. 341). См. также ***3 (15) октября***.

21 сентября (3 октября). **Среда**. Пишет гр. Ламберт: «...Вы будете читать это письмо в Вашей маленькой комнатке, где, увы! меня не будет в течение нынешней зимы!». Предстоящее житье в Париже представляется невеселым: «Парижан я терпеть не могу, между мною и моей дочерью (в этом надобно сознаться — хотя она прекрасная девушка) слишком мало общего, а над другими, Вам известными отношениями лег какой-то печальный туман. Впрочем, нечего жаловаться и хныкать: жизнь в *свое* удовольствие давно кончилась для меня — и надо теперь приучаться к *настоящему* жертвованию собою — не к тому, о котором мы так много говорим в молодости и которое представляется нам в образе любви, то есть все-таки наслаждения — а к тому, которое ничего не дает личности, кроме разве чувства исполненного долга, и заметьте — чувства чужого и холодного, безо всякой примеси восторженности или увлечения. Вам все это знакомо: мы одного поля ягоды <...>». Остался мало доволен свиданием в Париже (Ламберт была постоянно занята «какою-то тяжелой заботой», он чувствовал себя «холодным и вялым», «да и мы очень мало виделись»). Сообщает, что нанял квартиру в Париже, где у него будет «уединенный кабинет для работы»: «...я затеял довольно большую вещь и очень был бы рад, если б мне удалось написать ее в течение зимы» (роман «Отцы и дети»). Пишет о дочери: «...она не любит ни музыки, ни поэзии, ни природы — ни собак, — а я только это и люблю. <...> для меня она — между нами — тот же Инсаров. Я ее уважаю, а этого мало». Жизнь представляется тяжелой во Франции, «где поэзия мелка и мизерна, природа положительно некрасива, музыка сбивается на водевиль или каламбур — а охота отвратительна». Просит похлопотать или замолвить слово, «где возможно», о Проекте «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», который должен занести Анненков. Просит помочь в доставлении места управляющего имением декабристу Цебрикову, за которого ручается, и дает его адрес. Ответ Ламберт см. ***27 сентября (9 октября)***.

В п. к Леонтьеву (ответ на неизв. п. Леонтьева, полученное «недели две тому назад») сообщает о том, что в нынешнем году не сможет вернуться в Россию «по семейным обстоятельствам», подразумевая предполагаемое замужество дочери Полины, и проведет зиму в «ненавистном» Париже; дает свой адрес. Желает Леонтьеву «пойти твердыми шагами вперед по литературной дороге», на которую

он еще не вступил «как следует»: «...это Вас не должно огорчать: таланты, как плоды, созревают не в одинаковое время и не в одинаковую пору года. Плоды осени бывают слаще летних плодов». Дает литературные советы: «Ваша слабость лежит (как оно всегда бывает) там же, где Ваша сила: Ваши приемы слишком тонки и изысканно умны, часто до темноты. Поэт должен быть психологом, но тайным: он должен знать и чувствовать корни явлений, но представляет только самые явления — в их расцвете или увядании». Сообщает, что устранил из повести Леонтьева «Второй брак» (*БдЧ*. 1860. № 4) «несколько психологических изящных штучек», и надеется, что он не «попенял» на него за это. Ожидает «много хорошего» от романа «Подлипки», но призывает поскорее закончить его («не зарабатывайтесь»). Дудышкин, слышавший роман в чтении автора, хвалил его, но тоже считает, что роман следует сократить. Хотел бы познакомиться с женой барона Розена, в семье которого служит Леонтьев. Доволен положительным отзывом Леонтьева о «Первой любви»: «Нашему брату-ветерану, накануне полной отставки, уже трудно измениться: что у нас вышло плохо, того не исправишь; что удастся — того не повторишь. Нам остается одно, о чем должно думать: уметь замолчать вовремя». Считает, что для него работа еще не кончена, пишет, что задумал «довольно большую вещь» (роман «Отцы и дети»). По поводу того, что с некоторых пор, по словам Леонтьева, стал грустным, признается, что «в этом нет ничего удивительного: мне скоро 42 года, а я не свил себе гнезда, не упрочил себе никакого местечка на земле: веселого в этом мало». Рад, что Леонтьев намерен написать ст. о Марко Вовчок (Маркович), сообщает, что она в Париже («это — прекрасная женщина»). Удивлен, что Леонтьеву нравится рассказ «Червонный король»: «Мне кажется именно этот рассказ самым неудачным из всех ее рассказов, хотя мысль положена ему в основание жизненно верная — как всегда у М<арко> В<овчок>».

***22 или 23 сентября* (*4 или 5 октября*) Четверг или пятница**. Сын Герцена Александр вместе с Борщовым уезжают из Лондона в Швейцарию через Париж, с ними Герцен передает для Т. свой и Огарева фотопортрет (сделанный в фотоателье бр. Майер), однако Т. в Париже они не застали (*Герцен. Летопись.* С. 155). См. ***28 декабря 1860* (*9 января 1861*)**.

***23 сентября* (*5 октября*). Пятница**. Дата п. гр. Ламберт к Т. из Петербурга: описывает свое возвращение из-за границы, встречу с домом на Фурштатской: «Какой-то легкий, духовный запах лада-

на, о котором Вы мне сами говорили, охватил мою душу, особенно когда из растворенной двери моей спальной блеснул неусыпаемый свет лампад, горящих перед золотыми окладами образов — грустью повеяло на меня и вместе какою-то неизъяснимою отрадою и спокойствием <...>». Сообщает, что муж остался в Италии, сын здоров. Упрекает Т. за то, что он «совсем разучился» писать к ней. Думает, что и она скоро перестанет писать к нему. Делает небольшую приписку для дочери Т. по-франц. (*Granjard.* P. 118—119).

В тот же день Ламберт пишет еще одно п. к Т. Посылая рассказы Вороновой, называет ее «новой звездой <...> на горизонте литературы», радуется, что еще не все в ней самой охладело к изящному. Об этой Вороновой она писала к Дружинину, который поместил два ее рассказа в *БдЧ* в 1858. Особо отмечает один из них — «Из далекого прошлого» (№ 8; подпись: Е. В.) (Ibid. P. 120). Ответ Т. на оба п. см. ***31 октября* (*12 ноября*)**.

***27 сентября* (*9 октября*)**. **Вторник**. Дата п. гр. Ламберт к Т. (ответ на п. от ***21 сентября* (*3 октября*)**): сочувствует ему, винит себя за то, что в Париже они простились холодно, корит себя за гордыню. Об отношениях Т. с дочерью пишет: «Не будь ей 18 лет, она с Вами бы выучилась любить природу, поэзию и даже собак <...>». Вспоминает, с каким «глубоким чувством умиленья она бросилась меня целовать, когда я с шеи сняла и надела на нее образ Божия Матери». Сомневается, хорошо ли она выражается по-русски: «...не приняться ли опять за нашего общего знакомого — (фигляра без костей, *по-Вашему*) — за французский язык?». Обещает позаботиться о Цебрикове (*Granjard.* P. 122—123). Ответ Т. см. ***31 октября* (*12 ноября*)**.

Дата п. Евлентьева к Дружинину с просьбой передать Т. «мое глубокое уважение и совершеннейшую благодарность» за врученное лично писателем денежное пособие (см.: *РГАЛИ*. Ф. 167. Оп. 3. № 160. Л. 4—4 об.). См. ***21 апреля* (*3 мая*)**.

***Около 29 сентября* (*11 октября*)**. Переезжает из Куртавнеля в Париж на ул. Риволи, 210.

К этому времени «Краткое изложение содержания новой повести» (т. е. романа «Отцы и дети»), помеченное в рукописи «№ 2», «Куртавнель. Октябрь. 1860», уже готово (см. п. к Анненкову от ***30 сентября* (*12 октября*)**). См.: *Waddington. Turgenev's sketches.* P. 70; в *Соч.* датируется между 3 и 11 октября н. ст. (Т. 12. С. 728).

30 сентября* (*12 октября*)**. **Пятница**. Дата ценз. разрешения (цензор Гиляров-Платонов) т. 1, 3 и 4 собр. соч. Т. в 4 т. «Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные. Издание Н. А. Основского» (М., 1860). О т. 2 см. ***28 февраля* (*12 марта*) *1861.

В состав т. 1 вошли «Записки охотника», расширенные по сравнению с изданиями 1852 и 1859 гг. с 22 до 24 рассказов за счет включения в них «Поездки в Полесье» и очерка «О соловьях» (помещены перед очерком «Лес и степь»); в т. 3 вошли повести «Дневник лишнего человека», «Два приятеля», «Переписка», «Яков Пасынков», «Фауст», «Ася», «Первая любовь»; в т. 4 — «Рудин» (с новым эпилогом, см. ***Между 1* (*13*) *августа и 20 августа* (*1 сентября*)**), «Дворянское гнездо» и «Накануне». Все три тома, по всей видимости, отпечатаны в типографии Рышкова, хотя в т. 1 указание на типографию отсутствует. Тома 1 и 4 вышли в Москве ***3* (*15*) *декабря***, в Петербурге ***9* (*21*) *декабря***. В конце т. 3, вышедшего позже т. 1 и 4, помещен список из четырех «важнейших из замеченных опечаток» в т. 1 и 4.

В п. (известно в неполной публикации) к Анненкову (ответ на п. от ***17* (*29*) *сентября***) сообщает свой новый адрес в Париже (Rue de Rivoli, 210), где поселился с дочерью Полиной и «прекраснейшей англичанкой-старушкой» М. Иннис, намерен работать «изо всех сил»: «План моей новой повести («Отцы и дети». — *Ред.*) готов до малейших подробностей — и я жажду за нее приняться». Пишет, что Боткин, который находится в Париже, «весьма одобряет мысль, которая положена в основание»: «Хотелось бы кончить эту штуку к весне, к апрелю месяцу, и самому привезти ее в Россию». Выражает согласие сотрудничать в журнале «Век» и просит прислать его программу (см. ***1* (*13*) *октября***), предполагая в часы, свободные от большой работы, писать небольшие статейки, которые постарается сделать «как можно интереснее». Благодарит за присланные книги и за выданные «беспутному двоюродному братцу» (М. А. Тургеневу) 40 р.: «Этот сумасшедший брандахлыст, прозванный у нас в губернии Шамилем, прожил в одно мгновение очень порядочное имение, был монахом, цыганом, армейским офицером, — а теперь, кажется, посвятил себя ремеслу пьяницы и попрошайки». Написал дяде Н. Н. Тургеневу (п. неизв.), чтобы он призрел этого «беспутного шута» в Спасском. Предлагает взыскать скопившийся за собой долг в 100 р. у издателей журнала «Век», «а я им это заслужу ранее месяца». Поручает передать прилагаемую записку Панаеву (см. ***1* (*13*) *октября***), которого просит прочесть в июньской книжке *Совр* «в “Современном обозрении”, стр. 240, 3-я строка сверху, пассаж, где г. Добролюбов обвиняет меня, что я преднамеренно из Ру-

дина сделал каррикатуру, для того, чтобы понравиться моим *богатым* литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец. Это уже слишком — и быть участником в подобном журнале уже не приходится порядочному человеку» (о рец. Чернышевского, которую Т. по ошибке приписал Добролюбову, см. ***18*** (***30***) ***июня***). Просит помочь «пристроить» мужа Маркович через Ег. П. Ковалевского (см. ***7*** (***19***) ***июля***). О самой Маркович замечает: «Жена его здесь, не совсем здорова и грустит. Но это пройдет, и она оправится. А главное, она без гроша. Хотя муж ей посылать не будет, но если у него будет порядочное жалованье, так он, по крайней мере, не будет ее грабить». Пишет, что Макаров еще в Париже, но скоро возвращается в Россию. Сообщает, что «бедный, благородный Николай Толстой скончался» в Гиере, его сестра М. Н. Толстая проведет зиму там, там же находится и Л. Толстой. Спрашивает, как себя чувствует «бедный» Полонский, потерявший 8 (20) июня жену. Ответ Анненкова см. ***20 октября*** (***1 ноября***).

Около 1 (***13***) ***октября***. Выходит л. 83 «Колокола» (датирован 3 (15) октября), который Герцен вместе с л. 82 пересылает Т. (сопроводительное п. неизв., см. ***12*** (***24***) ***октября***). Возможно, пересылка состоялась после 6 (18) октября, когда Герцен вернулся из Борнемута в Лондон (*Герцен. Летопись.* С. 160). См. ***3*** (***15***) ***октября***.

1 (***13***) ***октября***. **Суббота**. Дата записки к Панаеву, которую посылает через Анненкова. Просит не считать себя в числе сотрудников *Совр* (в п. к Анненкову объясняет повод к написанию этого п., см. ***30 сентября*** (***12 октября***)): «Хотя, сколько я помню, вы уже перестали объявлять в “Современнике” о своих сотрудниках и хотя, по вашим отзывам обо мне, я должен предполагать, что я вам более не нужен, однако, для верности, прошу тебя не помещать моего имени в числе ваших сотрудников, тем более что у меня ничего готового нет и что большая вещь, за которую я только что принялся теперь («Отцы и дети». — *Ред.*) и которую не окончу раньше будущего мая, уже назначена в “Русский вестник”». Сообщает, что поселился на зиму в Париже.

Анненков решил не передавать эту записку по назначению. В своих воспоминаниях он объяснил это так: «Сомнение в том, что Тургенев как обиженный человек мог преувеличить смысл места, на которое указывал, было тоже одной из причин проверки его цитаты» (*Анненков* (*1983*). С. 429, примеч. Анненкова к тексту п. Т.). «Письмо осталось в моих бумагах, — писал Анненков. — Я не отослал его по адресу из од-

ного соображения: при разгоравшейся ссоре не следовало подкладывать еще дров и раздувать пламя. Но я ошибся. Редакция "Современника" решилась довести дело до конца. В объявлении о подписке и в особой статье она сообщала подписчикам своим, что принуждена была отказаться от участия и содействия автора "Записок охотника" по разности взглядов и убеждений и уволить его от сотрудничества в журнале» (Там же. С. 430).

Первые объявление об издании *Совр* в 1861 действительно вышли без указания имен постоянных сотрудников журнала: *МВед.* 1860. 6 октября. № 215. С. 1706; *СПбВед.* 1860. 13 октября. № 222. С. 1178; *Совр.* 1860. № 10. С. 2—3, отд. паг. (ценз. разрешение 10 октября 1860) и др. 11 (23) октября Некрасов специально просил Панаева отослать в *МВед* «экземпляр *нового* объявления», в котором имена Т. и других авторов уже были названы. Впервые «полное» объявление было напечатано, однако, ***26 ноября*** (***8 декабря***) в *Совр*; **6** (**18**) ***декабря*** оно появилось в *СПбВед* и 25 декабря 1860 (6 января 1861) в *МВед* (см.: *Некрасов.* Т. 14. Кн. 2. С. 141—142, *262*; Т. 13. Кн. 1. С. *446—447*).

В записке к Макарову уточняет, что обед у него состоится не сегодня, а завтра. Думал, что служанка придет сегодня утром, но она задерживается до завтра «и до сих пор у нас хаос». Сообщает, что передаст Маркович эти сведения лично.

Навещает Маркович на ул. Клиши, чтобы сообщить ей о переносе даты обеда в своей новой квартире на ул. Риволи, 210, куда на днях переехал и где не успел привести все в порядок (см. выше).

В № 213 *СПбВед* в рубрике «Библиографические известия» выходит объявление о том, что с 1 (13) января 1861 начнет выходить «Век, журнал общественный, политический и литературный» (С. 1121).

В программе будущего издания особо отмечено, что его «цель и задача» — «дать массе читателей доступное по цене чтение, которое бы не было органом отдельных литературных кружков, а служило бы проводником просвещения вообще. <...> Интересы научные, политические известия, обозрение нашего текущего законодательства по всем отраслям, внутренние известия, статьи по финансам, кредиту, торговле, промышленности, сельскому хозяйству, народному образованию, — словом, все, входящее в программу издания, должно быть приспособлено и приурочено к интересам большинства русских читателей. Такая программа устраняет всякое исключительное направление. Задача издания — объяснять все в беспристрастном и спокойном духе, приняв за основание и исходную точку всяких рассуждений одни лишь общие, непреложные требования образованности, выработанные веками и одинаковые у всех христианских народов». Общий редактор издания Вейнберг, отдел русского законодательства возглавляет Кавелин, отдел эко-

номический и финансовый — Безобразов, литературный отдел — Дружинин. Среди постоянных сотрудников, помимо Т., названы Анненков, Боткин, Галахов, Е. Я. Колбасин, Лавров, Майков, Некрасов, Островский, Пинто, Писемский, Полонский, Плещеев, Семевский, Салтыков, Стасов, Стасюлевич и мн. др.

2 (14) октября*. Воскресенье**. У Т. на ул. Риволи, 210, куда он недавно переехал вместе с дочерью, обедают Маркович и Макаров (см. ***1 (13) октября, п. к Карташевской от ***4 (16) октября***).

3 (15) октября*. Понедельник**. Дата л. 83 «Колокола» (см. ***Около 1 (13) октября); в нем — ст. Герцена «Лишние люди и желчевики», направленная против *Совр*, прежде всего Чернышевского и Добролюбова, в частности ст. последнего «Благонамеренность и деятельность» (*Совр.* № 7). Продолжая развивать мысли, высказанные в ст. «Very dangerous!!!» (Колокол. 1859. Л. 44; см. ***20 мая (1 июня)***), Герцен выступает против дискредитации поколения «лишних людей» (определение Т.), призывает разграничивать поколение, сформировавшееся в период царствования Николая I, и нынешнее поколение бездельников, не умеющих найти себе дела. Вступаясь за «Онегиных и Печориных», называет имена декабристов, Чаадаева, Киреевского и других представителей либеральной оппозиции, сделавшей много для истории, Герцен воспроизводит один из споров с «желчевиком» (отчасти с Чернышевским, приезжавшим к нему в Лондон в июне 1859 для объяснений). В конце ст. — резкий выпад против Некрасова, которого Герцен обвинил в неискренности и присвоении чужих денег (так называемое «огаревское дело»):

> «Мы не привыкли к тому, что можно лгать духом и торговать талантом так, как продажные женщины лгут телом и продают красоту, мы не привыкли к барышникам, отдающим в рост свои слезы о народном страданье, ни к промышленникам, делающим из сочувствия к пролетарию оброчную статью. <...> Поверьте, что гонитель неправды, сзывающий позор и проклятие на современный срам и запустение и в то же время запирающий в свою шкатулку деньги, явно наворованные у друзей своих, при теперешнем брожении всех понятий, при нашей распущенности и удобовпечатлительности вреднее и заразительнее всех праздных и лишних людей, желчевых и слезливых!» (*Герцен.* Т. 14. С. 327). Отклик Т. см. ***12 (24) октября***.

В п. к Фету поздравляет его с переездом в приобретенное в начале августа имение Степановка (в 70 верстах от Спасского) (п. Фета

с этим известием неизв.): «Благословляю обеими руками Ваше гнездышко и сидящих в нем, сердцу моему любезных».

3 (15) августа Фет писал жене: «Не знаю, какое впечатление произведет на тебя моя новость, но я ею очень доволен. Покупка моя состоялась, и нам, кажется, хлопотать ни о чем даже не нужно будет. Я покупаю со скотом, с мебелью и проч. Все это около 19 тысяч» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 23. Л. 1). 9 (21) августа он писал Н. К. Боткиной: «Земля куплена, и после 1-го сентября <...> мы с Мари переезжаем на три м<еся>ца в наше новое владение» (*ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 372. Л. 11). А 14 (26) сентября писал ей же: «...вот уже пишу к Вам из нашего уголка, к которому мало-помалу мы оба с Мари начинаем привыкать» (Там же. Л. 2). В тот же день М. П. Фет писала Н. К. Боткиной: «Сегодня ровно неделя, как мы живем в своем имении, дом уже начинает принимать совсем другой вид. Фет мне накупил цветов, а моя гостиная вся заставлена деревьями, перед домом разбивается сад и роют пруд <...>» (Там же. Л. 1). 12 (24) сентября Феты писали о своей новой жизни в Степановке брату М. П. Фет В. П. Боткину, который горячо одобрил покупку и взялся возместить какие-то убытки, на которые жаловался Фет (см. п. Боткина к Фетам от 28 сентября (10 октября) 1860: *Фет/Боткин*. С. 292—293).

Жалуется на плохую погоду в Париже: «...у Вас, я слышу — теплота, благодать и солнце! С истинным нетерпеньем жду того счастливого мгновенья, когда будущей весной, при соловьиных песнях — сворочу с Курской дороги на Ваш хутор. Тогда мы в последний раз тряхнем стариной и хватим из кубка молодости — и из другого кубка с Рёдерером — но *это последнее* не в последний раз». Откликается на смерть Н. Н. Толстого (см. ***20 сентября*** (***2 октября***)): «Да, вот мы с Вами собираемся жить; а для Николая Толстого уже не существует ни весны, ни соловьиных песен — ничего! Он умер, бедный, на Гиерских островах, куда он только что приехал. <...> Вы можете себе представить, как оно (это известие. — *Ред.*) меня огорчило <...> хотя жизнь его была хуже смерти — если только есть что-нибудь хуже смерти». Сообщает, что узнал об этом из п. (неизв.) сестры Толстого Марии. Уточняет, что Н. Толстой умер не на островах, а в Гиере, с ним был и Л. Толстой: «Я знаю — и Вы и Борисов не раз его помянете: золотой был человек — и умен, и прост, и мил». Хотел бы поговорить с Л. Толстым о его последних днях, но не знает, когда его увидит. Пишет, что поселился на зиму с дочерью и ее гувернанткой в Париже, но, возможно, вынужден будет сменить квартиру, потому что комната, из которой намерен был сделать кабинет, «заражена зловонием». Обещают поправить это, но пока просит писать ему до востребования: «Мне это тем досаднее, что у меня план моей

новой повести готов до подробностей — и я, хотя попал в Трилунные, не прочь бы еще поработать. Рекомендую и Вам, хотя и Вы — Трилунный — не пренебрегать беседой с Музами <...> попробуйте настроить струны Вашей лиры — да пришлите ко мне. А то уж очень здесь прозаично и сухо (в переносном смысле)».

Фамилия Трилунный — псевдоним Д. Ю. Струйского — названа Т. не в первый раз (см. п. к Фету от ***31 августа*** (***12 сентября***)) в связи с рец. Добролюбова «Сочинения А. И. Подолинского» (*Совр.* 1860. № 4).

Мечтает о том, чтобы весной вместе пойти на охоту: «Весной мы с Вами стреляем — непременно! непременно!! непременно!!!». Рад известию (преждевременному) о выздоровлении сестры Фета Надежды, страдавшей душевной болезнью. Просит писать чаще.

4 (***16***) ***октября***. **Вторник**. Сообщает Карташевской, что получил ее п. (неизв.), о себе пишет, что поселился с дочерью и гувернанткой на всю зиму в Париже, дает адрес, жалуется на «дурной запах» в кабинете и предполагает сменить квартиру, просит писать до востребования. Пишет, что Макарову лучше: «он третьего дня у меня обедал. Он такой же золотой человек — и я люблю его по-прежнему» (см. ***2*** (***14***) ***октября***). Упоминает о вечерах, которые Карташевская наверняка возобновит и где Анненкову придется заменить Т.

Штакеншнейдер записывает в дневнике: «Помню, в прошлом году, когда вышло тургеневское “Накануне”, посреди споров и толков о нем <...> когда дамы находили небывалые добродетели и небывалые пороки в Елене, а мужчины, непередовые, конечно, а допотопные или дореформенные, говорили, что она самая безнравственная из безнравственных, тогда, помню, Лавров сказал одно только, что он не понимает, как могла Елена писать такой дневник, и даже вообще дневник. <...> Но Елена <...> писала и не дневник вовсе. Тургеневу просто надо было показать ее внутренний мир, и, правда, вышло это у него не совсем удачно. / А что касается “Накануне” вообще, то столько было из-за него шума и крика, что я, право, не знаю, какого я о нем мнения. Мне гораздо больше нравится “Дворянское гнездо”. / Говорят, что первоначально Тургенев задумал героя-поляка, но по цензурным условиям сделал его болгарином. С поляком произведение много выиграло бы. Поляки антипатичны вообще, но отдельные личности можно сделать привлекательными, и уж Тургеневу ли этого не суметь бы. Ну, а из этого болгарина и Тургенев многого сделать не мог. Еще ему помогло то, что нынче студенты в моде. Болгаре, что это такое? / Кажется, сам Тургенев не знает. Можно предположить, что он напустил тут некоторую таинственность из-за цензуры же, а думается, что, может быть, и ради того, что и сам-то он не мог сказать более и обстоятельнее, и оттого и уморил

Инсарова, да и Елену туда же. / Говорили также, да и говорят еще, потому что толки о "Накануне" еще не смолкли, что Тургенев выставил героя не русского именно в противоположность русским, лишенным будто бы всех тех элементов, которыми обладал Инсаров и обладают, по мнению Тургенева, все народы, исключая русских, — элементов, из которых состоит революционер, т. е. идеальный человек нашего времени. / А что приурочил Тургенев рассказ свой к Крымской войне и назвал "Накануне", не ошибка ли с его стороны? Ничем ведь Болгария не проявила себя в ней. Или не проявила потому, что Инсаров умер в Венеции? Что же касается Шубина, Берсенева, то они действительно живые люди и очень похожи на нынешнюю молодежь, студентов. <...> Сам же Тургенев очень странное явление. Такой большой человек, а голос — как у дитяти; такой большой талант, а душа маленькая и боязливая» (*Штакеншнейдер*. С. 264—266).

Начало октября ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к Борисову, с сообщением о том, что поселился с дочерью на ул. Риволи, 210 на всю зиму, работает над новым романом, интересуется состоянием здоровья жены Борисова Надежды, сына Петра, охотничьими успехами (см. ***8 (20) октября***).

6 (18) октября*. Четверг**. В № 215 *МВед* выходит первое объявление «Об издании "Современника" в 1861 году», за подписью Некрасова и Панаева, где в качестве «постоянных членов редакции» названы Добролюбов и Чернышевский. Имя Т. и других авторов не упоминается (С. 1706). См. также ***1 (13) октября и ***26 ноября (8 декабря)***.

Повторно напечатано: Там же. 9 ноября. № 243. С. 1930.

8 (20) октября*. Суббота**. Дата п. Борисова из Москвы (ответ на неизв. п. Т. от ***Начала октября ст. ст.), рад получить весточку: «Одно только грустно, что долго еще ждать весны и Вашего возвращения». Надеялся, что Т. приедет зимой и заглянет в Москву «с новейшим Вашим литературным чадом, которого от Вас все ожидают с нетерпением. Ведь Вы не закаивались, как Л. Толстой или Фет, не порождать ничего более. Вот я и думал, что Вы Вашего новорожденного непременно привезете в Москву и погрузите в "Вестник" (это уже потому вероятно, что мы только на него и подписаны)» (роман «Отцы и дети» действительно был опубликован в № 2 *РВ* за 1862). Рассказывает, с каким упорством Фет пытался приобрести землю, об участии в этой покупке Н. Н. Тургенева, о том, какие п. почти ежедневно пишет Фет, вдохновленный новым видом деятельности.

Сообщает, что жене Надежде (сестре Фета) стало лучше, поэтому зиму они с сыном Петром и женой проведут в Новоселках. Пишет, что жена «в восторге была от Вашего “Накануне” и поручила Вам за нее поклониться усердно». Извещает о смерти Хомякова (23 сентября (5 октября) 1860), хвалит роман Вс. Крестовского (Хвощинской) «В ожидании лучшего», напечатанный в *РВ* (№ 4). Жалуется, что не имеет известий от Толстых. На охоту не ходит, даже псовую. Ждет присылки Проекта «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» и готов рассылать его «во все концы родной земли» (*Письма Борисова.* С. 338—339).

10 (22) октября.* Понедельник**. Дата п. Дружинина из Петербурга (ответ на п. Т. от ***Около 15 (27) сентября): благодарит за доставление Проекта «Общества для распространения грамотности», цели которого «я сочувствую до мозга костей моих и последней капли крови». Указывает на слабые стороны изложения программы: «Она изложена не щеголевато и как-то небрежно <...>. Теперь она ходит между писателями и хороша, но перед ее прогулкой в публике придайте ей более теплоты, и, что ж делать, красоты слога». Считает, что в изложении не хватает конкретных примеров, например, как Общество будет содействовать лицам, открывающим школы. Полагает, что члены Комитета не должны работать безвозмездно, предлагает сначала провести «агитацию» в прессе в виде статей. Пишет, что журнал «Век» ждет от Т. «своей крупицы», объясняет, что оставил *БдЧ* отчасти ради работы в «Веке», поскольку без неослабного надзора журнал может «свернуться на прежнюю плутовскую дорогу», предполагает, что Писемскому как редактору *БдЧ* будет трудно. О состоянии дел в литературе пишет, что она дошла «до крайних пределов и мерзостей»: Краевского «печатно зовут вором», в «Искре» высмеивают Панаеву и т. д. (*Т и круг Совр.* С. 220—222; *Тургенев. Переписка.* С. 97—98). Ответ Т. см. ***18 (30) января 1861***.

Дата п. Писемского к Т. из Петербурга. Не дождавшись ответа на свое послание (предположительно п. от ***11 (23) июня***), сообщает, что весной собирается за границу и рассчитывает встретиться там. О Петербурге и литературе пишет: «...как в том, так и в другой, страшная мерзость <...> философия Чернышевского, эстетика —бова и юмор “Искры” разгуливают на полном ходу». Сообщает, что Дружинин «окончательно отступился» от *БдЧ* и таким образом он становится ее «главным и печатным редактором»; во-вторых, принял на себя заведывание двумя отделами в журнале «Искусства» и просит разрешить напечатать «вашего “Фофо”» (о каком произведении

идет речь, не установлено). Сообщает, что Академия наук присудила две уваровские премии: Писемскому за «Горькую судьбину» и Островскому за «Грозу». Пишет, что один его сын отлично учится, а другой занимается музыкой. В ответ на просьбу в деньгах выдал бывшему камердинеру Т. Захару Балашову своих 75 р. Видится с Анненковым, который тоже «в полнейшем ожесточении от такого состояния литературы». Закончив наст. п., получает п. от Т. (неизв.) и делает приписку, благодаря за «радушное участие». Просит прислать «об Иванове этюд» («Поездка в Альбано и Фраскати») для журнала «Век» (опубл.: 1861. № 15): «А меня чуть не загрызть хотят за участие в этом журнальце!». Обещает выслать книжку в Париж. Предлагает передать Боткину просьбу поучаствовать в «Веке», напоминает еще раз о «Фофо» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 163—164).

12* (*24*) *октября*. Среда**. В п. к Герцену сообщает о смерти «от удара» общего знакомого А. А. Шеншина и о своих хлопотах об оставленных им женщине и незаконнорожденном ребенке, которых покойный ничем не обеспечил, в то время как вдова его («довольно противная барыня») не верит или притворяется, что не верит, что это сын ее мужа. Спрашивает, не говорил ли ему Шеншин что-либо о своих отношениях, и если говорил, то просит Герцена написать лично ему. Называет дело это «весьма щекотливым». Благодарит за присылку л. 82 «Колокола» со ст. Герцена «Богомокрицы и богосаранча», направленной против Башуцкого, Бурачка и Аскоченского, предложивших императрице учредить «*торговый дом благочестия* <...> распространения, укрепления и поддержания православия» и «*обложить всю Россию шестикопеечным побором с души*» (*Герцен*. Т. 14. С. 311). Называет эту ст. «из числа твоих наиболее удачных» («in your happiest vein»). Хвалит ст. «Последний удар!», направленную против сближения России и Австрии и встречи в Варшаве русского царя и австрийского императора («Варшавских тоже хорошо отделал», см. также ***6* (*18*) *сентября), просит продолжать в том же духе: «но разить ещё и ещё необходимо». Интересуется, получил ли Герцен п., адресованное в Борнемут (очевидно, от ***15* (*27*) *сентября***). Передает поклон от Анненкова: «Я получил от него интереснейшее письмо (см. ***17* (*29*) *сентября***. — *Ред.*). Хаотическое состояние дорогого нашего отечества умилительно». Отзывается положительно о ст. Герцена «Лишние люди и желчевики» и одобряет выпад против Некрасова: «Я понял конец “Желчевиков” — и сугубо тебе благодарен. Пора этого бесстыдного мазурика — на лобное место. И за

нас, лишних, заступился. Спасибо» (см. ***3*** (***15***) ***октября***). О работе над романом «Отцы и дети» пишет: «Я принялся за работу — но сначала она идет безобразно туго».

Отвечает на неизв. п. Случевского, извиняется за задержку с ответом: «...на меня вдруг свалилась бездна дел, довольно неприятных и даже печальных», имея в виду переезд на новую квартиру, смерть А. А. Шеншина и хлопоты о его ребенке и др. Откликается на присылку поэмы «Трактир» (ранняя редакция поэмы «Картинка в рамке», опубл. в 1879), которая, «говоря откровенно, мне мало нравится: всё это холодно и в то же время как-то не ново...». Делает ряд конкретных замечаний, извиняясь за резкость выражений, но считает, что, выправив ошибки, поэму можно печатать. Очевидно, Случевский спрашивал разрешения посвятить поэму Т., на что отвечает: «...за дружескую мысль о посвящении я очень благодарен». Повторяет: «“Трактир” мне не очень нравится: он носит след какого-то сухого усилия». Сообщает, что кабинет его стал «удобообитаемым», так что собирается приняться за работу. Просит поклониться профессору гейдельбергского ун-та Гофману. На жалобу по поводу молчания Некрасова пишет: «А что Некрасов Вам не отвечает — в этом нет ничего удивительного: он никому не отвечает».

14 (***26***) ***октября***. **Пятница**. Дата записки Мериме к Соболевскому: «Мой дорогой друг, не пожелаете ли вы прийти ко мне поесть простой баранины вместе с Иваном Тургеневым в ближайший понедельник. Кроме нас троих, никого не будет» (цит. по: *Клеман. Т и Мериме.* С. 716). См. ***17*** (***29***) ***октября***.

Сентябрь — середина октября ст. ст. Пишет два п. (неизв.) к Основскому с сообщением поправок к комедиям «Безденежье» и «Холостяк» для готовящегося *Соч* (*1860—1861*). Принимает решение отказаться от портрета в т. 1, чтобы сэкономить «несколько сот рублей» (см. п. Основского от ***21 октября*** (***2 ноября***)).

Середина октября ст. ст. Предположительная дата п. к Феоктистову (неизв.). Твердо обещает прислать ст. («Русские в Париже») в новую газ. *РРечь*, собирается прочесть ее в «парижском обществе литературного фонда». См. ответ Феоктистова от ***20 октября*** (***1 ноября***).

16 (***28***) ***октября***. **Воскресенье**. Утром пишет п. к П. Виардо (год устанавливается предположительно): сообщает, что не может

выехать в Куртавнель, поскольку на сегодня намечена встреча с поляками, которую нельзя отложить, а завтра он едет в Бельфонтен к Трубецким «по делам», вернется же в Париж во вторник. Просит возвращаться скорее и передать Л. Виардо, чтобы он поторопился перевести все семейство в Париж, поскольку скоро погода испортится.

Предупреждает К. Тургеневу по-франц. (запоздалый ответ на ее неизв. приглашение) о намерении приехать с дочерью в Вербуа послезавтра, во вторник утром, к завтраку. Просит передать Н. И. Тургеневу, что кн. Орлов чувствует себя лучше. Рад, что Н. И. Тургенев также поправляется.

В № 42 *МВест* Плещеев среди наиболее удавшихся ст. Добролюбова отмечает ст. о «Накануне»: «Статьи Г —бова давно уже известны публике и постоянно возбуждают самый сильный и живой интерес. Г —бов пишет очень много и всегда находит сказать что-нибудь новое, затронуть какие-нибудь живые струны нашей действительности. Кто не читал статей его: о сочинениях г. Островского (Темное царство), о “Накануне” Тургенева? Нам часто случалось слышать о Г —бове такой отзыв, что он пишет собственно *не критику* того или другого произведения, а только статью по поводу этих произведений. Это справедливо только отчасти <...>. Что же касается до статей его о “Накануне”, о сочинениях г. Островского, о Марке Вовчке, — то неужели их нельзя назвать критикой да еще превосходной критикой?» (С. 674).

17 (29) октября*. Понедельник**. Предположительно обедает у Мериме с Соболевским (см. ***14 (26) октября).

Дата п. Герцена к Т. из Лондона (ответ на п. от ***12 (24) октября***): сообщает о переезде из Борнемута в «гнусный» Лондон, «где туман с вонью тотчас вызвали страшнейшую головную боль», отчего не мог отвечать три дня. Откликается на сообщение о смерти А. А. Шеншина и на вопрос о его внебрачном ребенке: «Итак, Шеншин — встретится с Хомяковым (Хомяков умер 23 сентября (5 октября) 1860, заразившись холерой во время лечения крестьян. — *Ред.*). Что у него была связь — он этого и не скрывал, называя одну жену “гражданской” (другая, может, была военная?). Он водил к ней наших морских приятелей — но что же из этого? Если жена не хочет помочь — как ее заставить». В ответ на похвалы последним публикациям в «Колоколе» пишет: «Очень рад, что услужил “Богомокрицами” и “Лишними людьми”». Рекомендует свои ст. «К сербам о русской политике» («Сербы и черногорцы») в л. 84 «Колокола» и «Es reiten drei Reiter» в л. 85. Просит узнать у Анненкова результат его

встречи в Петербурге с двоюродным братом Герцена Яковлевым, а также подтвердить получение совместного с Огаревым портрета («превосходнейшего»), который должен был вручить Т. в Париже сын Герцена Александр (см. ***22 или 23 сентября*** (***4 или 5 октября***), а также ***28 декабря 1860*** (***9 января 1861***)). С ним Герцен послал п. (неизв.), в котором рекомендовал Т. «отличного русского геолога и ботаника Борщова». Знает, что в Париже Т. не застали, но спрашивает, передали ли фотографию. Хвалит ст. Вагнера «Природа и Мильн-Эдвардс» (*ОЗ*. 1860. № 9—10), просит узнать об авторе. Сообщает, что нанял новый дом. Передает поклон от Огарева, обещает прислать франц. перевод ст. «К сербам» для распространения (см. ***20 октября*** (***1 ноября***)). Сообщает, что дочь Ольга и М. Мейзенбуг едут в Париж, просит подыскать учителя русского языка «по умеренной цене». Спрашивает, видел ли Н. И. Тургенев, какую похвалу он «ввернул», откликнувшись на его книгу «О суде присяжных и о судах полицейских в России» (Париж, 1860) в л. 83 «Колокола» (ст. «Вольное русское книгопечатание за границей»; см.: *Герцен*. Т. 14. С. 328). Интересуется мнением Т. о новом эмигрантском журнале «Будущность», начавшем выходить с начала октября н. ст. в Париже на русском языке (издатель кн. Долгоруков), называет его «братом» «Колокола» (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 104—105). Ответ Т. см. ***1*** (***13***) и ***2*** (***14***) ***ноября***.

20 октября (***1 ноября***). **Четверг**. Выходит № 10 *Совр* (ценз. разрешение 17 (29) октября); в нем — первая часть романа Авдеева «Подводный камень» с посвящением Т.; объявление «Об издании “Современника” в 1861 году» (С. 1—4, отд. паг.; ценз. разрешение 10 (22) октября), за подписью Панаева и Некрасова, где Добролюбов и Чернышевский названы постоянными членами редакции (С. 1). Имя Т. не названо. См. ***1*** (***13***) ***октября*** и ***6*** (***18***) ***октября***.

Часть объявления, где по отделу «Словесности» сообщалось, что «обещали свои повести» Т., Потехин, Печерский и др., была прибавлена позже, см. ***26 ноября*** (***8 декабря***). В издании *Некрасов* (Т. 13. Кн. 1. С. 171—172) помещен окончательный вариант объявления.

Дата п. Анненкова к Т. из Петербурга: в день выхода № 10 *Совр* сообщает, что не передал письма Т. к Панаеву от ***1*** (***13***) ***октября***, потому что «оно бесполезно: “Современник” и без того выставил в объявлении два только имени — Добролюбова и Чернышевского, как своих сотрудников, презрительно умалчивая о всех других, но о мерзости, ими допущенной, я сообщил лично Панаеву», имея в ви-

ду выпад против Т. в рец. Чернышевского на русский перевод повестей Готорна (см. ***18 (30) июня***). Сообщает, что Некрасов находится во Владимире вследствие разрыва с Панаевой. Пишет, что Чернышевский «наивеликодушнейше», для спасения Добролюбова, принял ст. о Готорне на себя и приезжал к Анненкову для объяснений, однако эти объяснения поданы в п. иронически («оскорблять я никого не хотел... проврался... что же тут делать?.. наслушаешься кругом сплетней... и сам так мерзко посплетничаешь, что изумишься...»).

В действительности ст. была написана Чернышевским. Таким образом, Тургенев и Анненков ошибались, приписывая ее Добролюбову.

Сообщает сведения о работе Литературного фонда, о своем вступлении в Комитет уполномоченных от воскресных школ, «которые возникают здесь в значительном количестве», видит в них первую ступень к осуществлению программы «Общества для распространения грамотности и первоначального обучения» (см. ***8 (20)—14 (26) августа, 17 (29) сентября***). Сетует на нежелание общественных деятелей «выразить себя окончательно, возыметь постоянную нравственную физиономию». Считает, что до окончательного разрешения крестьянского вопроса «никакому нравственному явлению существовать невозможно». Между тем крестьянский вопрос перешел из Редакционной комиссии в Главный комитет (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 87—88).

Дата п. Герцена к Т. из Лондона: посылает франц. перевод ст. «Сербы и черногорцы», о котором писал ***17 (29) октября***, и п. вдовы А. А. Шеншина. Спрашивает, не написать ли ей по поводу выделения денег для внебрачного сына мужа, просит дать ее адрес. По поводу романа Маркович и Пассека пишет: «А Мар<ия> Ал<ександровна> сильно блудит с маленьким Пассеком — мать в отчаянии <...> Он поехал за ней в Париж» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 106—107). Ответ Т. см. ***23 октября (4 ноября)***.

Дата п. Феоктистова к Т. из Москвы: пишет и от лица гр. Салиас, что они как редакторы *РРечи* ждут обещанную ст., «которая составляет здесь постоянный предмет наших разговоров, надежд и ожиданий», имея в виду ст. «Русские в Париже», так и не написанную Т. Подчеркивает, что «требования» издателей не огромны, важно только, чтобы в одном из первых номеров была ст., подписанная именем Т. В ответ на известие, что писатель собирается прочесть ее в парижском обществе литературного фонда, просит сообщить, что это за общество, когда образовалось и когда будут чтения, чтобы дать эти сведения в примечании к будущей ст. Спрашивает, действительно ли

ст. будет называться «О недостатках русских за границею», как сообщил кн. Орлов. Просит уточнить содержание и примерную дату ее окончания. Ругает цензуру, жалуется на царящую апатию и равнодушие, пишет о слухах по поводу новой повести Т. О формирующемся издании (*РРечь*) сообщает, что статей для него собрано уже много и есть весьма интересные. Пишет о «новом несчастии» в *РВ*: «...сотрудник его, Аполлон Григорьев, забрал деньги вперед и — скрылся! Что за поэтическая натура...». Сожалеет, что долго не увидится с Т., хотел бы сообщить ему новые сведения о своей теще (Беклемишевой), «интереснейшей женщине в России», очевидно в расчете на то, что Т. использует эти сведения для создания художественного образа (*Письма Феоктистова.* С. 147). Ответ Т. см. ***11 (23) ноября***.

В *Т и круг Совр.* (С. 162) и *Клеман. Летопись* (С. 119) дата указана неверно; в *П.* Т. 4. С. *597* дата по н. ст. ошибочно указана как 3 ноября.

21 октября (2 ноября). **Пятница**. Окончен печатаньем т. 4 издания *Соч (1860—1861)*, куда вошли романы «Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне» (см. ниже).

Дата п. Основского, отвечающего на два неизв. п. Тургенева: «Оба письма Ваши <...> а равно и поправки к комедиям я получил. Но из обоих писем Ваших я вижу, что Вы не получили моего письма, которое было мною послано в конце августа или в начале сентября» (см. ***Конец августа — начало сентября ст. ст.***). Повторяет новости: «“Записки охотника” (1-й том) кончены уже давно; в них еще добавлено: “Поездка в Полесье” и “О соловьях”. 4-й том, в который вошли три большие вещи, именно: “Рудин”, “Дворянское гнездо” и “Накануне” — кончен сего дня. Остается напечатать 3-й и 2-й томы, которые к 1-му декабрю будут окончены. Деньги, сколько будет возможно, я Вам пошлю в последних числах ноября (по нашему старому стилю). Полагаю, что вышлю две тысячи, а может и больше, по крайней мере — постараюсь выслать более. / Теперь приступаю к главному. Я рассчитывал по “Запискам охотника”, думая, что и повести напечатаны точно таким же шрифтом; но когда начал печатать, то увидел, что, вынув из них “Рудина” и прибавив в них “Асю” и “Первую любовь”, не будет возможности упрятать их в один том, ибо одни они составят 50 листов. Следовательно, выключая комедий, выйдет 4 тома, потому что повести будут состоять из двух томов. Главное в том, что расчет потерян. Остается сделать следующее: выпустить 4 тома, а комедии печатать уже особо — пятым томом я их напечатаю и пущу в продажу по рублю. Вычту за бумагу и печать, а все вырученные деньги за них уже будут все принадлежать

Вам. Пускать же в продажу 5 томов за 5 р. нет возможности, что Вы увидите из счета, который я к Вам вышлю, а Вас прошу земно отвечать мне поскорее». Уверяет, что за корректурами смотрели «зорко», решено, что портрета не будет: «...очень жаль, хотя это и сбережет несколько сотен рублей, как Вы пишете; но с портретом издание пошло бы быстрее, а одно другого стоит». Обещает выслать т. 1 и 4 «на днях». Пишет, что почти каждую ночь видит Т. во сне и даже «был» у него на квартире. В январе обещает выслать еще денег. Посылает с этим п. корректуру первой ст. о Белинском («Встреча моя с Белинским») для *МВест* (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 149. Л. 5—6 об.).

23 октября (4 ноября)*. Воскресенье**. Отвечает на п. Герцена от ***20 октября (1 ноября): начинает цитатой из «Египетских ночей» Пушкина, извещает о получении «записочки с приложениями», т. е. с франц. переводом ст. Герцена «Сербы и черногорцы» и п. от В. И. Шеншиной, дает ее адрес. По поводу предложения написать ей сомневается: «Едва ли ты в чем-нибудь успеешь: она безумствует, бранится, лжет, плачет, падает в обморок, — словом, ломается». В виде милостыни дала матери внебрачного ребенка ее мужа 2000 франков. «Мы хотим помешать этому ребенку умереть с голоду — и собираемся назначить ему пенсию», в связи с чем просит Герцена дать «хоть сто франков в год». Считает, что перевод послания к сербам написан несколько рискованным («aventuré») франц. языком: «...а впрочем, для сербов — ничего». Ручается, что Маркович «вовсе не Цирцея — и не думает соблазнять юного Пассека. Влюблен ли *он* в нее — это я не знаю, но она никак не заслуживает быть предметом материнского отчаяния и т. д. и т. д.». Считает, что Гейдельберг, по-видимому, «отличается сочинением сплетней: про меня там говорят, что я держу у себя насильно крепостную любовницу — и что г-жа Бичер-Стоу (!) меня в этом публично упрекала, а я ее выругал» (впоследствии этот сюжет вошел в гл. IV романа «Дым»). Благодарит за присылку л. 84 «Колокола» и просит впредь не забывать.

Дата п. Е. Я. Колбасина к Т. из Новгорода (ответ на п. от ***20 сентября (2 октября)***): подтверждает получение п., посланного на имя Н. Н. Тютчева, объясняет задержку с ответом неимением свободного времени, вследствие устройства на службу судебным следователем: «Вероятно, Вы слыхали или читали об этом новом учреждении, *реформе* Минист<ерства> юстиции, которая должна повести за собою и другие преобразования, и что на эти места правительство сажает по преимуществу университетских. Жалованье 1000 р. сер. Я взялся и хочу, по мере сил, принести и свою лепту». Заметил, что

служащие «опытные дельцы» не знакомы даже с юридической азбукой, «а только сильны по части крючков и взяток». Считает, что благодаря судебным следователям полиция теперь «во многом парализована, у ней отнята судебная часть...». Интересуется, начал ли Т. работать над романом или повестью. Пишет, что в Петербурге теперь не бывает, и просит дать известия о себе. На вопрос о Захаре Балашове отвечает, что о нем хлопотать не нужно, хотя дядя Н. Н. Тургенев и не выслал ему денег: «...в деньгах он не нуждается и обращается за ними к Тютчеву, Писемскому и т. д.» (см. п. Писемского к Т. от ***10* (*22*) *октября***). Насчет *Совр* Анненков рассказывал, что «они дали себе слово щелкать Вас, в надежде запугать и вымануть от Вас повесть! Не думаю, чтоб Вы этого испугались». Сообщает, что Анненков передал ему Проект «Общества для распространения грамотности и первоначального обучения», а он «пустил его в ход», обещает выслать один экземпляр в Одессу Миницкому, как просил Т. Пишет, что «дедушка» (брат Д. Я. Колбасин) уехал в Крым в командировку на 4 месяца, жалуется на тоску и просит особенно теперь писать ему: «...каждая строчка Ваша будет для меня теперь истинным праздником». Прилагает п. от Бизюкина с просьбой о помощи, но просит не хлопотать, так как они с Н. Н. Тютчевым сделали для него подписку и деньги уже отослали. Ничего замечательного за последнее время в журналах не обнаружил, кроме комедии Островского «Старый друг — лучше новых двух» (*Совр.* № 9), но и о ней пишет, что комедия «так себе, выражения есть чрезвычайно живописные и меткие» (*ИРЛИ*. № 5800. Л. 53—54 об.). Ответ Т. см. ***12* (*24*) *ноября***.

Начало ноября н. ст. Историк Ешевский, находящийся в двухгодичной заграничной командировке с целью сбора материалов для докторской диссертации, приезжает из Гейдельберга в Париж, поселяется в гостинице «Сольферино» (Rue de Lille, 59), недалеко от квартиры Т., и часто видится с ним.

25 октября* (*6 ноября*)**. **Вторник**. Дает актрисе Ристори рекомендательное п. к Краевскому (по-франц.), в котором просит оказать всяческое содействие: «Россия должна устроить ей триумфальную встречу, и мы рассчитываем на вас». См. ***19 февраля* (*3 марта*) *1861.

***28 октября* (*9 ноября*)**. **Пятница**. Дата п. Герцена к Т. из Лондона: спрашивает, кто автор вышедшей в Берлине книги «Истори-

ческие материалы по делу об освобождении крестьян» (см. ***1*** (***13***) и ***2*** (***14***) ***ноября***), доставил ли сын Александр групповую фотографию его и Огарева, ждет мнения Т. о ст. «Свидание в Варшаве» («Es reiten drei Reiter») («я ее считаю удачной»), сообщает, что пишет ст. о Роберте Оуэне для «Полярной звезды». Спрашивает, читал ли Т. ст. Семевского «Фрейлина Гамильтон» (*ОЗ.* 1860. № 9): «...я начинаю нервами ненавидеть Петра I». Не очень одобряет сбор средств для оставшегося после смерти А. А. Шеншина ребенка: «Частная филантропия — дело старых барынь... <...> Отдайте его в простую школу, и я готов буду участвовать». Предлагает 50 франков в год в продолжение 10 лет, при условии что ребенок будет определен в школу. Считает этот случай несопоставимым со сбором средств для отправки польского эмигранта Домогальского в армию Гарибальди, в чем принимал участие и Т. (см. ***Около 28 июля*** (***9 августа***)). Об отношениях Маркович и Пассека пишет: «Далее — (*свято между нами*). Die Liebe muß sein platonisch (Любовь должна быть платонической — *нем.*) — мы это знаем. Но М<арья> Ал<ександровна> жила вместе и ездила вместе с молодым человеком и всё Aristotelisch (*зд.*: материалистически, *букв.*: в духе Аристотеля — *нем.*), я знаю верно. Да и это ее ни на йоту не уменьшает — только зачем же все это так гласно. Неужели ты думаешь, я поверил бы ламентациям матери. — Пишу это я одному тебе — потому что мне смешно, что ты на практике и сегодня не такой психолог, как “накануне”». Спрашивает, над чем работает Т., где живет Маркович, читала ли она ст. о ней («длинна, но хороша») Боголюбова.

По мнению Оксмана, имеется в виду ст. Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья» (*Совр.* 1860. № 9), см.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 2. С. *623.*

Интересуется, кому принадлежит присланная ею ст. о смерти Павла I («очень хороша»), повторяет просьбу узнать, кто такой Вагнер, писавший в *ОЗ.* Советует зайти в ателье Левицкого, чтобы посмотреть портрет Бакунина с женой и спросить, почему Захарьин, живущий у Левицкого, не высылает этот портрет Герцену. Сообщает о переезде в новый дом и дает адрес, пишет, что дочь Ольга едет в Париж 8 (20) ноября (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 107—108). Ответ Т. см. ***1*** (***13***) и ***2*** (***14***) ***ноября.***

30 октября (***11 ноября***). **Воскресенье**. В приложении к № 235 *МВед* выходит «Объявление об издании г-жею Евгениею Тур в 1861 г. газеты “Русская речь. Обозрение литературы, истории, искусства

и общественной жизни на Западе и в России"», где излагается программа издания:

«Издание наше будет служить, по мере сил, органом соглашения для всех людей, желающих постепенного и правильного прогресса в России. Не допуская никаких резких крайностей, никакого доктринерства, проникнутое убеждением в необходимости всестороннего, самостоятельного развития общественных интересов <...> наше издание никогда не изменит одному великому правилу: оно не забудет, что уважение к постороннему мнению, уважение к праву каждого из людей, стремящихся вместе с нами к одной общей цели, мыслить независимо есть главное основание настоящей свободы суждений». В алфавитном перечне ученых и писателей, обещавших свое постоянное сотрудничество, названо имя Т. Усмотрев в программе *РРечи* противостояние *РВ*, Катков откликнулся резким «Объяснением» в своем журнале (*РВ*. 1860. № 10. Кн. 2. Отд. «Современная летопись». С. 431—434), в частности заявив, что многие ученые и литераторы, представленные в качестве будущих постоянных сотрудников *РРечи*, были введены в нее формально и «не знали о взглядах редакции на современное положение русской литературы, не знали ее программы и не представляли себе, что в ней будет написано, когда, на вежливое приглашение участвовать в новом издании, они отвечали с приличною вежливостью» (С. 432). К таким случаям он отнес и упоминание имени Т.: «Что касается до И. С. Тургенева, чье популярное имя стало непременною принадлежностью всякого рода программ, то он недавно писал нам из Парижа, где теперь находится, об обширном предпринятом им труде, который надеется окончить и выслать в редакцию "Русского вестника" к февралю или марту будущего года» (это п. Т. к Каткову неизв.) (С. 433). Все это было воспринято, например Анненковым, как проявление конкурентной борьбы (см. п. к Т. от ***25 ноября*** (***7 декабря***)). Е. Тур (Салиас) откликнулась ***19 ноября*** (***1 декабря***).

Отвечает «немедленно» на неизв. п. Леонтьева, просившего рекомендовать его роман «Подлипки» Анненкову и Гончарову с целью публикации: «Я с большим удовольствием исполнил Ваше поручение и предуведомил Анненкова о Вашем романе <...>» (п. к Анненкову неизв., см. ***12*** (***24***) ***ноября***). Что касается Гончарова, то не смог сделать этого лично, поскольку «наши отношения, к сожалению, прекратились — вследствие довольно глупой истории, о которой Вы, вероятно, услышите по приезде в Петербург» (см. об этом ***29 марта*** (***10 апреля***)), однако просил Анненкова «замолвить ему слово о Вашем желании, и, может быть, он согласится, хотя он человек тугой на оказывание услуги». Пишет, что «от всего сердца» желает, «чтобы Ваше произведение исполнило Ваши ожидания; прав-

да, Вы поставили себе цель довольно высокую — но нет причины предполагать, что Вы ее не достигнете». Благодарит за сочувствие к нему и к его работе (над романом «Отцы и дети»): «Трудно мне иметь на жизнь такое же светлое и радостное воззрение, какое Вы имеете: Вам 29 лет, а мне третьего дня минуло 42». В ответ на призыв вернуться в Россию пишет, что вернуться с дочерью невозможно: «...она должна остаться чужестранкой, вследствие причин первой важности» (намек на незаконнорожденность). Отвечая на интерес Леонтьева к Ж. Санд и высказанную им высокую оценку ее романа «Даниэлла», пишет: «Вы интересуетесь Ж. Зандом (хотя, признаюсь, именно за “Даниеллу” я меньше всего бы ей поклонился): она живет постоянно в деревне и на днях чуть не умерла от воспаления в легких; теперь же опасность миновалась». По поводу своего здоровья сообщает, что его мучит «нервический кашель, особенно по ночам».

31 октября (***12 ноября***). **Понедельник**. Отвечает на два п. гр. Ламберт от ***23 сентября*** (***5 октября***): «Давно мне следовало написать Вам, милая графиня, в ответ на Ваши два письма... но у меня было как-то сухо и пусто на сердце и дни уходили с бессмысленной быстротой». Благодарит за память и «ласковое слово»: «Нам обоим не совсем легко жить на свете — и потому между нами есть особенного рода симпатия, не говоря уже о той, которая происходит от сходства вкусов и т. д. Кажется, каким образом может помочь больной больному? А выходит на деле, что его помощь и ближе и вернее». Начинает привыкать жить «домом и дома; между моей дочерью и мною нет никаких недоразумений — но по-прежнему слишком мало общего. С этим надобно помириться — и все-таки я виноват, если вглядеться попристальнее». Сообщает, что работа над новым произведением («Отцы и дети») идет «довольно вяло»: «В голове все материалы готовы — но еще не вспыхнула та искра, от которой понемножку все должно загореться. Задачу я себе задал трудную — и более обширную, чем бы следовало по моим силам, которые не созданы на большие дела. Буду стараться елико возможно». Напоминает, что Ламберт обещала прислать повесть Вороновой и напрасно не сделала этого: «потому что любопытство мое возбуждено сильно: понравиться Вам, тронуть Вас не так легко (я говорю, разумеется, о литературном произведении) — и вкус Ваш почти безошибочен. <...> Всякая жизнь, правдиво и горячо схваченная, может издать из себя ту истину, которая положена ей в основание —

в этом-то и состоит так называемая идеализация художества — а в художестве случайностей и безобразия нет». Просит сообщить свое мнение о повести Кохановской «Гайка» (*РСл.* 1860. № 4); написать, «какие бы ни были думы у Вас на душе. Мне непременно нужно хотя два раза в месяц увидать Ваш симпатический, правильный почерк (заметьте, я говорю: правильный, а не спокойный — и у Вас душа правильная — но не спокойная). <...> чтобы я мог перенестись в любезный сердцу моему домик на Фурштатской улице». О своем здоровье сообщает, что «зуд в горле и кашель на открытом воздухе опять появились».

1 (13) ноября*. Вторник**. Герцен начинает свое п. к Т. с «выговора, который ты должен принять, потому что ты поступил нелепо», рассказав Маркович о содержании его п. от ***28 октября (9 ноября): «...если это не из старческой пассии сплетничать, а из иных соображений — ты бы мог написать ко мне и спросить меня. Писавши к тебе — я не циркуляр писал». Жалуется, что в двух записках Маркович (неизв.), где она спрашивает о дочери Герцена Ольге, не проставлен адрес, просит передать ей прилагаемое п. (неизв.). Пишет, что Чижов и А. И. Дельвиг находятся в Лондоне, а от Анненкова получил длинное п. (неизв.) (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 110).

Начинает отвечать по пунктам на п. Герцена от ***17 (29) октября*** и ***28 октября (9 ноября)***. До сих пор не узнал имени «автора берлинской книги» (Книга «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» (Т. 1. Берлин, 1860) была составлена Хрущевым), не знает, кто такой Вагнер, указывает на ст. «Савонарола» (*БдЧ.* 1860. № 9) Эссена, сосланного на Кавказ за протест против «гнусной» речи одного казанского профессора. Благодарит за обещанные 50 франков в год в течение 10 лет в пользу незаконнорожденного сына покойного А. А. Шеншина, для которого надеется собрать 300 франков. Пишет, что видел фотографию Бакунина и собирается получить несколько экземпляров у Захарьина: «А твоей фотографии я не получал и даже не думаю, чтобы сын твой был у меня — по крайней мере он не оставил никаких следов своего визита». Продолжает п. ***2 (14) ноября***.

2 (14) ноября*. Среда**. Получает п. от Герцена от ***1 (13) ноября и продолжает п. к нему, начатое накануне: «На этом пункте письма застал меня твой выговор». Соглашается, что заслужил его, «хотя не

в том смысле, как ты полагаешь», отрицает причастность к сплетням: «Ты знаешь, что я нахожусь в отношении к М<арье> А<лександровне> в положении дяди или дядьки и говорю с ней очень откровенно». Убежден, что между нею и Пассеком «нет решительно ничего — и это убеждение основывается именно на тех психологических данных, о которых ты упоминаешь; но les apparences (приличия — *франц.*) — действительно против нее». Именно ссылаясь на «приличия», Т. призывал Маркович не ставить себя в ложное положение, апеллируя к авторитету Герцена, «так как я знаю, что она тебя уважает и любит», однако забыл предупредить ее о сохранении в тайне этого разговора («я позабыл взять в соображение ее наивность и добродушие»). Не видит особой беды в том, что их обсуждение стало ей известно: «она точно так же благодарна тебе, как и мне, за дружеское предостережение; а потому укроти свой гнев». Дает адрес Маркович, сообщает, что у нее недавно сын Богдан чуть не умер от крупа. Узнав, что десятилетняя дочь Герцена Ольга едет в Париж, уверяет, что и он сам, и его дочь Полина, и ее гувернантка «готовы носить ее на руках и всячески о ней заботиться», но надо знать, где она будет жить. Называет Герцена «строгим, но справедливым человеком» (автоцитата из рассказа «Бурмистр»). Л. 85 «Колокола» со ст. Герцена о свидании в Варшаве русского царя, австрийского императора и прусского короля («Es reiten drei Reiter») еще не получил. Сообщает, что на днях обедал с кн. Долгоруким, о том, что в Париже находятся «любезнейший» Ешевский и Чичерин.

Дата ценз. разрешения № 43 «Искры»; в нем — объявление: «С 1 января 1861 г. будет выходить “Век”, журнал общественный, политический и литературный». Среди постоянных сотрудников «Века» названы Некрасов, Анненков, Т. и др. (С. 468). См. ***1 (13) октября***.

Около 3 (15) ноября. Предположительная дата п. Обручева к Добролюбову о встрече в Париже с Т. в кафе «Режанс»: «Вчера там был и встретился с Тургеневым, который живет здесь уже 1 $^{1}/_{2}$ месяца. Дал адрес: Rue Rivoli, 210. Говорит, что страдает нервною болью в мочевом пузыре. Сообщил, что Некрасов с Ав<дотьей> Яков<левной> должны были заплатить Огареву 50 т. р. с. Вы, вероятно, лучше меня знаете это дело, о котором я кой-что слышал, но никогда не мог понять толком, кто прав, кто виноват. И Тургенева не расспрашивал. Но, должно быть, он придает ему большую важность, ибо раза два повторял: слава Богу, что на том кончилось, что сняли, наконец, с себя пятно. / На днях соберусь к великому художнику, мо-

жет быть, что-нибудь и узнаю. Попробую потолкать его. О вашем здоровье весьма интересовался. О литературе речи не было» (*Княжнин Вл.* Добролюбовский архив // Заветы. 1913. № 2. С. 92).

***4* (*16*) *ноября*. Пятница**. Дата ценз. разрешения (цензор Оберт) отд. оттиска из «Драматического сборника» (1860. Кн. 10): Завтрак у предводителя. Комедия в одном действии Ив. Тургенева. СПб.: Ф. Стелловский, 1860. 35 с.

Здесь же на вкладном листе объявление «Об издании журнала “Драматический сборник” в 1861 году», где сообщается, что «наступающий год своего существования» журнал продолжит с именами Т., Писемского, Потехина, Мея, «передавших редакции право печатать их драматические произведения», а также объявлено о том, что в 1861 будет напечатана комедия Т. «Где тонко, там и рвется» (см. ***18* (*30*) *января 1861***).

Отвечает на неизв. п. Полонского, сообщившего о смерти жены (см. ***8* (*20*) *июня***): «Ты не поверишь, как часто и с каким сердечным участием я вспоминал о тебе, как глубоко сочувствовал жестокому горю, тебя поразившему». Советует продержаться до весны, а потом ехать за границу или вместе в Спасское («где и Фет будет»): «поживем втроем напоследок — посмотрим стариками еще раз на весну». Вспоминает о покойной жене Полонского как о «светлом и милом существе». Рад был увидеть имя Полонского в числе участников чтения в пользу воскресных школ (см. ***21 ноября* (*3 декабря*)**), сам тоже собирается устроить в Париже чтение в пользу Литфонда. Описывает свою жизнь в Париже с дочерью и ее гувернанткой М. Иннис: «У меня маленький рабочий кабинет, очень теплый, но в котором я до сих пор работал очень мало, хоть затеял большую вещь» (роман «Отцы и дети»). Ругает Париж: «эта столица мира весьма мне противна». Мало с кем видится: Ростовцев и Боткин в Италии, а в Париже Маркович, Ешевский («который мне очень нравится») и Ханыков: «Зато у вас в Петербурге <...> лихорадочное движение: новые журналы возникают ежеминутно», хотел бы посмотреть на журнал «Искусства», о котором, по-видимому, писал Полонский (см. также п. Писемского к Т. от ***10* (*22*) *октября***).

***5* (*17*) *ноября*. Суббота**. Начинает п. к Фету (ответ на неизв. п.), адресуя его в Степановку, хотя не уверен, что п. застанет его там: интересуется, оставил ли за собой Фет «Сердобинку».

Имеется в виду квартира в доме Сердобинской в Москве, в котором они с женой жили три зимы и где часто устраивались музыкальные вечера. Квартиру Фет оставил за собой до 1 (13) мая 1861 (см.: *Фет. МВ.*

Ч. 1. С. 316, 343). Зиму 1860/1861 Феты, однако, провели в доме сестры М. П. Фет А. П. Пикулиной.

Жалуется, что писать не о чем: «Есть такие моменты в жизни — куда ни оглянись, всё торчит давно знакомое, о котором и говорить не стоит». Сожалеет, что никак не может приняться «как следует» за работу (роман «Отцы и дети»): «я начинаю думать, что гнусный парижский воздух действует на мое воображение, т. е. расслабляет *оное.* Сказать Вам, до какой степени я ненавижу все французское, особенно парижское — превосходит мои силы; каждый “миг минуты”, как говорит Гоголь — я чувствую, что я нахожусь в этом противном городе, из которого я не могу уехать...». Признается, как радуют его п. Фета: «они меня оживляют: от них веет русской осенью, вспаханной уже холодноватой землей, только что посаженными кустами, овином, дымком, хлебом; мне чудится стук сапогов старосты в передней, честный запах его сермяги — мне беспрестанно представляетесь Вы: вижу Вас, как Вы вскакиваете и бородой вперед бегаете туда и сюда, выступая Вашим коротким кавалерийским шагом... Пари держу, что у Вас на голове всё тот же засаленный уланский блин! А взлет вальдшнепа в почти уже голой осиновой рощице... Ей-богу, даже досада берет!». Ругает охоту во Франции, но надеется на удачные охоты в России вместе с Фетом. Сообщает, что получил письмо от бедного Полонского и тотчас отвечал ему, пригласив в деревню и рисуя картины жизни втроем (см. ***4 (16) ноября***): «Как иногда старые тетерева сходятся вместе, так и мы соберемся у Вас в Степановке — и будем тоже бормотать, как тетерева». Спрашивает, получает ли Фет журнал «Искусства» «Писемского и К°»: «Как же Вас там нет, о жрец чистого искусства? Или Вы, не шутя, считаете себя в отставке?». Советует перечесть и заняться переводами Проперция, Катулла или Тибулла: «не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю — “ничего, можно”». Завершает п. ***7 (19) ноября***.

В № 247 *Сев Пчелы* выходит объявление о выходе *РСл* в 1861, где среди сотрудников журнала назван Т. (С. 1028).

***7 (19) ноября*. Понедельник**. В п. к Макарову благодарит за присланные номера «Искры» и обещание присылать *Совр* и новый украинский журнал «Основа» (начал выходить с 1861). Сообщает, что присланный счет был тотчас передан Маркович, которой редактор «Основы» Белозерский выплатил вперед гонорар за произведения, отданные в журнал. Считает, что редактор поступает «с оглушительным громадным великодушием; больше ему делать невозможно

и не следует — и М<ария> А<лександровна> должна благодарить бога за подобного издателя». Пишет, что Маркович работает, что сын ее перенес круп, но сейчас уже снова в пансионе, что присланные ей 200 целковых «пролетели как мечта» и она снова в своем «нормальном положении, сиречь без гроша». Ждет обещанных 1000 франков (очевидно, для Маркович), но призывает не торопиться с присылкой: «ей всё равно, что есть они, что нет: во всяком случае они больше минуты у ней не остаются». Спрашивает о здоровье, просит передать его сестре (Карташевской), что считает себя в долгу за ее п. Сам же чувствует себя лучше, чем в прошлом году, ничто не мешает работать, но все еще не может приняться за работу «как следует». С Маркович видится каждый день и убеждается, что она «очень хорошая женщина — но только ест деньги». Сообщает о знакомстве с Н. А. Кочубеем, женатым на Волконской, признается, что она когда-то была его «пассией» — но теперь «ужасно подурнела». Просит передать поклон Шевченко и Белозерскому, интересуется, как прошли чтения с участием Шевченко (см. ***21 ноября*** (***3 декабря***)).

Получает «двойное» п. от Фета (от 21—23 октября ст. ст., неизв.) и заканчивает свое п., начатое накануне (см. ***5*** (***17***) ***ноября***): видит из него, что Фету хорошо, и душевно за него радуется. Просит писать не до востребования, а по адресу ул. Риволи, 210. На высказанное Фетом мнение о себе как о конченом поэте и сравнении себя с второстепенным поэтом А. К. Жуковским (псевд. Е. Бернет) пишет: «Что ни говорите — а мысль о том, что Вы Бернет — грызет Вас, и это совершенно напрасно. Тот, кто когда-либо смешает Вас с Бернетом, тем самым покажет несомненно, что он олух; сверх того, Вам еще грешно класть перо на полку. Я почему-то полагаю, что Вы в Москве тряхнете стариной». Откликается на смерть Н. Н. Толстого: «Да, жаль Николая Толстого, сердечно жаль!», о брате его Льве известий не имеет и полагает, что он еще в Гиере, где умер Николай.

Дата п. Герцена (с припиской Огарева) к Т. из Лондона (ответ на п. от ***1*** (***13***) и ***2*** (***14***) ***ноября***), после получения от вдовы А. А. Шеншина пакета с перепиской ее с Т.: «она отдает тебя, себя и пр. на мой суд». По поводу хлопот Т. пишет: «А ведь это у тебя “благотворительная” открылась все с бедных литераторов», намекая на Литературный фонд. Спрашивает, правда ли, что у вдовы нет ни гроша. Благодарит за участие к дочери Ольге, едущей в Париж с М. Мейзенбуг, которую рекомендует Маркович; объясняет, где остановятся приезжие. Хвалит новый дом и жалуется на зубную боль, интересуется: «...ну-с, какова затрещинка “Es reiten 3 Reiter”? Я ею доволен». Делится впечатлением от повести Кохановской «Гайка»: «Места

есть порядочные, знаешь так, как в говядине — фунт филе да пуд дряни». В приписке Огарев шутливо советует Т. взять на себя расходы по воспитанию сына Шеншина, потому что «оная Викторина послужит вам типом для превосходнейшей повести, которую продав, вы на % можете воспитывать мальчика; ведь это не дорого заплатить за такой тип; я давно так не наслаждался, как при чтении ее письма <...>». Предлагает заняться также одной русской парой (Агреневыми): «Он тенор и поступает в феврале на парижскую итальянскую оперу <...> а она, очень красивая женщина, пишет английские стихи <...> и переводит на английский Марк Вовчка (это хорошо)» и просит других сочинений того же автора. Предлагает Тургеневу свести ее с Маркович: «это будет полезно для пропаганды русской литературы и для развития художнического такта в Агреньевой... Почем знать — может и он и она, каждый на своем поприще, выйдут люди талантливые, и ваше влияние наверно будет хорошо» (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 113—114).

8 (20) ноября*. Вторник**. Отвечает на п. Герцена и Огарева от ***7 (19) ноября. Подводя итоги надоевшей «шеншинской истории» (см. ***12 (24) октября*** и далее), пишет, что у вдовы Шеншиной более 150 000 франков капитала; что она более полутора лет не видалась с мужем; что Шеншин водил Т. к своей любовнице, когда она была беременна, а по рождении сына записал ребенка в мэрии; что водяная грыжа не помешала деду Т. прижить 18 детей. О самом Шеншине замечает: «Я убежден, что Шеншин лгал вообще, и жене в особенности: это ничего не доказывает — как ничего не доказывает и то, что он никаких не оставил распоряжений и т. п. Русская натура-с». Его вдова требовала от Т. отказаться от хлопот по ребенку и грозила трибуналом. Из всего этого заключает, что «совершенно бескорыстных человека в настоящее время в Европе только два: Гарибальди и я», притом что с покойным Шеншиным «я вовсе не был близок» и он «бранил меня аристократом». Признает, что сцены между ним и вдовой Шеншина «были исполнены всяческого комизма» и он намерен «воспользоваться когда-нибудь этим материалом». Просит Герцена устроить так, чтобы он мог забыть «всю эту чепуху». Со сдержанным одобрением отзывается о ст. «Es reiten drei Reiter»: «очень хороши; есть несколько удачнейших загвоздок, но вообще статья мне показалась напряженной». Ждет приезда в Париж дочери Герцена Ольги с М. Мейзенбуг.

В п. к Огареву сообщает, что постарается быть полезным Агреневу и в случае надобности сведет его с Л. Виардо, а его жену с Марко-

вич, «которая, кажется, теперь серьезно принялась за работу». Просит прислать повесть Кохановской «Гайка», о которой много слышал, обещает аккуратно вернуть по прочтении.

Дата п. Герцена (с припиской Огарева) к Анненкову: рад, что Анненков «воскресил Химика», т. е. Яковлева. Сообщает, что предложил Трюбнеру издать русский перевод «Сущности христианства» Фейербаха и тот согласился, при условии, что Герцен напишет предисловие, так что советует послать к Трюбнеру рукопись. По поводу ст. «Лишние люди и желчевики» пишет: «Я после разговора с тобой и небольшой статьи этих господ (прежде всего Добролюбова «Благонамеренность и деятельность». — *Ред.*) вдруг вздумал анонимный портрет — демократа поэта (Некрасова. — *Ред.*) поместить под Колокола. Что это произвело за эффект?». Хотел бы знать, как принята ст. о варшавском свидании «Es reiten drei Reiter» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 114).

Между 22 октября (3 ноября) и 10 (22) ноября. Пишет 3 п. к Анненкову (неизв.), в которых просит выполнить несколько комиссий: получить оставшиеся деньги за роман «Накануне» от Каткова и хранить у себя для особых поручений; переговорить с Гончаровым по поводу помещения в печать романа Леонтьева «Подлипки»; передать опекаемому и поселенному в Спасском студенту Родионову какое-то задание; очевидно, попросить Писемского, заведовавшего литературным отделом *БдЧ*, высылать журнал в Париж и др. Описывает свою жизнь на новой квартире на ул. Риволи, 210 в окружении четырех женщин, имея в виду свою дочь Полину, ее гувернантку М. Иннис, возможно Маркович и П. Виардо. Просит навести справки об Основском, который взялся издавать собрание его сочинений (см. ответное п. Анненкова от ***12 (24) ноября***).

11 (23) ноября*. Пятница**. Отвечает на п. Феоктистова от ***20 октября (1 ноября): уверяет, что ст. для *РРечи* будет скоро написана. По поводу парижского общества литературного фонда отвечает, что такового «вовсе нет», а ст. он собирается прочесть перед здешним обществом «*для* литературного фонда, т. е. для нашего Петербургского общества». Уточняет название: «Предмет этой статьи будут “Русские в Париже”, взятые, разумеется, если не с сатирической, то с критической точки зрения». Будет рад получать в Париже газ. *РРечь*. По поводу «выходки» Ап. Григорьева пишет, что она его не удивляет, а удивляет доверие к нему Каткова. Откликается на предложение Феоктистова запечатлеть образ его тещи Беклемишевой

в художественном произведении: «Тип Вашей тещи, вероятно, отличный; но и здесь попадаются превосходные. Тут живет недавно овдовевшая г-жа Шеншина; это — в своем роде — феномен. Я должен был повозиться с нею — и ничего подобного не встречал! А встречал я много замечательного в этом роде». Просит передать поклон гр. Салиас. Ответ Феоктистова см. ***28 ноября*** (***10 декабря***).

Дата п. Л. Виардо к Т. по поводу повести «Первая любовь» в ответ на неизв. п. Т., сообщившего, что повесть не принята в «Revue des deux mondes»:

> «Откровенно говоря, если бы я был редактором “Revue des deux mondes”, я тоже отказался бы от этого небольшого романа и по тем же причинам. Боюсь, что его, хотите вы этого или нет, следует отнести в разряд той литературы, которую справедливо именуют нездоровой. Все его персонажи отдают одиозностью, и старая княгиня, нюхающая табак, и девица, торгующая с молотка своим кокетством, и гусар, и поляк, и поэт; никто из них не вызывает интереса, не отличается занимательностью. Кого же среди своих обожателей выбирает эта новая Дама с камелиями (героиня повести А. Дюма-сына, куртизанка Маргарита Готье, жертвующая своей любовью ради репутации любимого. — *Ред.*)? Человека женатого. Опять адюльтер, все тот же процветающий и прославленный адюльтер! Этот человек женился по расчету на старой женщине; он тратит ее состояние на покупку молодых любовниц. Не важно; он очарователен, обольстителен, неотразим. Ну почему бы по крайней мере не сделать его вдовцом? К чему эта печальная и бесполезная фигура его жены? И кто рассказывает всю эту скандальную историю? Его сын, о стыд! Его собственный сын, который не прикрывает наготы пьяного своего отца, подобно сыновьям Ноя, а выставляет его на божий свет. И ведь не в шестнадцать лет он это делает, а в сорок, когда у него самого уже серебрятся волосы; и он не находит ни единого слова порицания или сожаления по поводу жалкого положения своих родителей. Чему после всего этого служит талант, расходующий себя на подобный сюжет?» (*Cahiers.* № 24 (2000). P. 217—218; в рус. пер.: *Т в восп совр. Переписка* (*1988*). С. 498—499).
>
> Возвращаясь к началу творческого пути Т., Л. Виардо дает высокую оценку «Записок охотника» и других произведений: «Вы начали с превосходной книги, очаровательной и новой по форме, полезной и по существу благодетельной, которая одновременно была добрым и мужественным поступком, сразу принесшим вам заслуженную и почетную известность, даже за пределами России. Потом вы затеяли судебный процесс с русским обществом в серии разных произведений, которые объединяли все драматические ситуации и комедийные сцены в некий нравственный урок, таких как “Постоялый двор”, “Затишье”, “Нахлебник” и т. д. А теперь вы даете унести себя мутному потоку современного

романа. Остерегитесь и поспешите вернуться на круги своя» (Там же. С. 499).

Позднее, в 1863, Т., прислушавшись к мнению Виардо, дописал для франц. издания «Первой любви» в пер. Делаво (см. ***9 (21) марта 1863***) заключение, озаглавленное им в автографе «Прибавленный хвост для французского издания “Первой любви”» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 68. Публ. Е. И. Кийко), хотя сделал это вопреки желанию и даже в п. к Л. Пичу 3 (15) февраля 1882 приписал это прибавление, сделанное «из соображений *морального* свойства», перу Л. Виардо. Ср. также п. Ламберт от ***30 января (11 февраля) 1861*** и ответ Т. от ***16, 18 февраля (28 февраля, 2 марта) 1861***.

12 (24) ноября*. Суббота**. Отвечает на п. Е. Я. Колбасина от ***23 октября (4 ноября): поздравляет с поступлением на службу («Вы можете сделать много добра. Это вернее литературы, которую притом Вам и покидать не для чего»), обещает заехать к нему в будущем году по пути в Спасское. Сожалеет, что находится теперь не в Спасском, а в «противном Париже»: «Понемногу и очень вяло принимаюсь за работу. Затеянная мною вещь очень велика» («Отцы и дети»). Жалуется на хлопоты с «противной г-жой Викториной Шеншиной». О смерти Шеншина замечает: «Вы знаете, вероятно, что Шеншин умер от удара у своей любовницы, не оставив никакой бумаги, не обеспечив ни ее, ни сына, которого он держал на руках, когда удар его поразил». Пересказывая историю общения с Шеншиной, упоминает о каком-то «подлейшем» французском семействе, известном Колбасину, которым она себя окружила. Считает, что служба в Новгороде выгодна Колбасину еще и тем, что прерывает его связь с *Совр*, который все более «усовершенствуется», приводя в пример ст. Чернышевского о русском переводе произведений Готорна, где содержался намек на то, что «если я представил *Рудина* с критической точки зрения, так это потому, что мне за это заплатили — или что-то подобное. <...> Тут важно не то, что меня ругают, — а то, с какою легкостью себе позволяют сознательные клеветы».

В *П.* Т. 4. С. *598* утверждается, что в названной ст. Чернышевского «не содержалось никакого намека на якобы материальную заинтересованность автора романа <...> как несправедливо пишет Тургенев» (Коммент. Е. И. Кийко). См. п. к Анненкову от ***30 сентября (12 октября)***.

Сообщает, что часто видится с Маркович: «Она очень мила и умна. Из остальных русских ни одного нет очень симпатичного...»; что Ростовцев и Боткин во Флоренции, Н. Н. Толстой умер, а его брат Лев находится в Гиере. Озабочен, что Колбасин платит за Бизюкина,

просит обратиться за деньгами к Анненкову, у которого на такой случай оставил некоторую сумму. Ответ Колбасина см. ***29 января*** (***10 февраля***) ***1861***.

Дата п. Анненкова из Петербурга (ответ на 3 неизв. п. Т.) с отчетом об исполнении поручений (см. ***Между 22 октября*** (***3 ноября***) ***и 10*** (***22***) ***ноября***)): «Деньги от Каткова, конечно, буду хранить, Леонтьеву скажу правду и поиски его за капиталами направлю, Родионова облагодетельствую с приличным поучением и, словом, все сделаю, чтоб похвалу от вас, господина моего, заслужить». Сообщает, что у него были ревнители и организаторы движения воскресных школ Корсаков («английская библиотека которого из элементарных книг для простонародья» будет разобрана, очевидно, с целью составления аналогичных книг на русском языке) и Слепцов. Хотел бы посмотреть на Т. «в теплом кабинете, окруженного четырьмя женщинами, как Вишну». Просит написать Карташевской, которая больна, как и ее брат Макаров, вернувшийся из-за границы. Часто бывает у них, и «нередко беседуем мы о вашей персоне». Напоминает, по просьбе Карташевской, об обещании подарить ей по выходе новое собр. своих соч. (см. ***1861***). Интересуется парижскими новостями, надеясь, что они составят темы будущих статей Т. для «Века»; еще более желал бы получить «нечто от себя», предназначенное для чтений Литературного фонда: «Я бы взялся прочесть моим отличнейшим баритоном». Описывает обстоятельства московского надворного суда над Сатиным, Некрасовым и Панаевой по так называемому «огаревскому делу», согласно решению которого они вынуждены были заплатить Огареву и Каракозову как наследникам скончавшейся жены Огарева 50 000 р. сер. Отмечает, что сатирическая литература откликнется на это дело. Сообщает, что редакция журнала «Русский мир» покупает у Писемского за 8000 р. полное собрание его соч. с намерением прилагать их в виде фельетонов к журналу. Кроме того, Писемский стал редактором *БдЧ* и журнала «Искусства», в котором заведует литературным и театральным отделами. По поводу Основского пишет, что он «имел гадкую историю» с редакторами *МВест*: Плещеев обвинил его в «утайке подписчиков для собственного употребления, а Плещеев не лгун, и третейский суд, слышно, лгуном его не назвал. Таким образом, ко всем своим запахам Основский присоединил, кажется, еще пикантный запах, названия коего приводить не хочу». Обещает на днях разобраться с тем, что он делает с изданием соч. Т. С иронией описывает, как жены членов Редакционной комиссии по крестьянскому делу служили в Казанском соборе молебен и как Арапетов прикладывал-

ся к чудотворной иконе: «Это произвело очень хорошее впечатление во влиятельной публике. Пора и нам с вами подумать о сочетании либерализма с благочестием <...>» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 89—90). Ответ Т. см. ***19 ноября (1 декабря)***.

Ноябрь н. ст. Часто видится с Ешевским, о чем последний сообщает жене: «Вечерами я постоянно сижу и занимаюсь дома, за исключением тех случаев, когда обедаю у Тургенева или иду в театр» (*ОПИ ГИМ.* Ф. 312. № 4. Л. 48, 50; цит. по: *Лобач-Жученко Б. Б.* Тургенев и М. А. Марко-Вовчок // *Т Сб* (*5*). С. 375).

Сентябрь — ноябрь (до 18) ст. ст. Посещает в Париже спиритический сеанс, возможно под впечатлением от рассказа Боткина о сеансе Юма в Лондоне (см. ***4 (16) июня***).

Впечатления от сеанса отразятся впоследствии в романе «Дым». Кроме того, о «заседании медиумов» Т. планировал написать ст. для журнала «Век» (см. ***19 ноября (1 декабря)***).

Между 10 (22) ноября и 18 (30) ноября. Встречается с Мериме до его отъезда в Канны, читает ему Пушкина, советует переводить (возможно, «Медного всадника»), для чего дает издание Пушкина (предположительно Анненкова), которое Мериме берет с собой в Канны (см. п. Мериме от ***20 ноября (2 декабря)***).

19 ноября (1 декабря)*. Суббота.** Отвечает на п. Анненкова от ***12 (24) ноября: «Если Основский, которого я считал честным человеком, выкинул такую штуку с “Московским вестником” — то кто ж ему помешает выкинуть таковую же и со мной, — и вместо 4800, как сказано в условии, напечатать 6000 и денег мне не выслать? А деньги мне крайне нужны, при теперешних моих больших расходах — и при оказавшемся нежелании моих мужичков платить мне оброк, — тот самый оброк, за который они хотели быть благодарны *по гроб дней*». Просит собрать сведения об Основском и прибегнуть к помощи Кетчера и Павлова. Пишет, что «наконец серьезно принялся за свою новую повесть» («Отцы и дети»), которая «размерами превзойдет» роман «Накануне» и скоро будет завершена. Надеется, что и участь ее будет лучше, обещает Анненкову дать повесть на прочтение первому. Уверяет, что для «Вашего превосходного баритона изготовляется другая статья» (для чтения в пользу Литературного фонда), которую сначала намерен прочитать в Париже «моим сквернейшим дискантом» также в пользу Литфонда. Пишет, что на-

чал п. для «Века», в котором описывает заседание медиумов, «где я присутствовал и где происходили необыкновенные, сиречь комические, штуки» (см. ***Сентябрь — ноябрь (до 19) ст. ст.***).

Обе ст. не были написаны. В *П.* Т. 4. С. *598*, примеч. 5 неправомерно объединены эти два замысла.

Спрашивает о местонахождении братьев К. С. и И. С. Аксаковых: «О них ходят здесь самые разноречащие слухи». Сообщает, что жена Огарева (Тучкова-Огарева) «пропадает без вести» вместе со своей дочерью Лизой. Благодарит за исполнение просьб по поводу Родионова, Леонтьева и др. (см. ***Между 22 октября (3 ноября) и 10 (22) ноября***). Просит навестить гр. Ламберт, которая говорила с заметным в придворных кругах и высшем обществе бар. Мейендорфом об «Обществе для распространения грамотности и первоначального образования» и сумела вызвать у него интерес к этому предприятию, для чего он захотел встретиться с Анненковым (см. ***9 (21) декабря***). Обещает, что помимо пользы для дела Анненков получит удовольствие от знакомства с графиней. Насмешливо отзывается о Гиероглифове как издателе соч. Писемского: «В этом есть что-то тупо-величественное, как в пирамиде...». Сообщает, что изредка встречается с Чичериным («вот, батюшка, разочарованный человек!»). Пишет, что Л. Толстой находится в Гиере, но собирается приехать в Париж.

Выходит № 252 *МВед*; в нем — «Объяснение» Е. Тур (Салиас), ее ответ Каткову (см. ***30 октября (11 ноября)***) по поводу программы *РРечи*, в частности на пассаж о том, что список ученых и литераторов, обещавших свое постоянное сотрудничество, был составлен ею без ознакомления с программой издания, где упомянуто имя Т.: «Что касается до г. Тургенева, “Русский вестник” иронически замечает, будто бы его имя сделалось необходимою принадлежностию всех журнальных объявлений. На основании принятого нами правила не гоняться только за именами, мы поместили его в числе сотрудников, потому что, согласно его обещанию, один из его трудов появится в следующем году на страницах “Русской речи”» (С. 2001).

Выходит № 127 «Одесского вестника»; в нем Георгиевский сообщает «слух о том, что славный наш писатель И. С. Тургенев прислал из-за границы в Петербург составленный им проэкт “*Всероссийского* общества для распространения в народе образования” — проект, как говорят, в очень многом сходный с костромским. Вот еще доказательство, до какой степени всеми чувствуется и сознается теперь необходимость разумными и энергическими мерами подвинуть впе-

ред грамотность и просвещение нашего народа. Как бы ни были неудачны отдельные попытки основать с этою целью “частные общества”, мы уверены — они возникнут и широко разовьют благотворную деятельность» (С. 608).

Заметка Георгиевского была перепечатана *МВед* (8 декабря. № 266. С. 2119) и вызвала отклики в прессе (***30 декабря 1860*** (***11 января 1861***)).

Об Обществе любителей просвещения в Костроме см. фельетон Георгиевского: Одесский вестник. 1860. 27 октября. № 117.

20 ноября (***2 декабря***). **Воскресенье**. Дата п. Мериме к Т. из Канн, куда он уехал, не простившись, за что извиняется. Просит прощения за то, что без разрешения прихватил с собой том Пушкина, который внимательно читает («Весь ушел в Пушкина»), и пытается переводить «кое-что из произведений, которые Вы мне читали». Готов выслать книгу, если она необходима Т., но надеется, что он больше пишет, чем читает, «а я на этом выиграю вдвойне». Спрашивает, действительно ли Пушкин в «Медном всаднике» «старался пользоваться самыми обыденными выражениями, <…> разговорным языком, вероятно, для контраста с поэтическими идеями». Сравнивает этот прием с Гофманом, который в своих фантастических повестях вводил «волшебный элемент после точного и подробного описания реальной жизни». Восхищается сравнением разбушевавшейся Невы с разбойниками, просит уточнить смысл фразы «И запируем на просторе». Сообщает, что тщательно, «с пером в руке» перечел «Кавказского пленника» и нашел в нем длинноты, считая это остатками влияния Байрона, который «никогда не умел остановиться вовремя и, боясь упустить пришедшую в голову мысль, ослаблял предыдущую, уже высказанную». Сравнивает «Пленника» с «Цыганами» в пользу последних, где «лаконизм как в словах, так и в мыслях» даже чрезмерный, не устает восхищаться этой поэмой. Интересуется, чем отличается стиль, вернее, язык Пушкина от предшественников, напоминает, что говорил ему Т. о том, как Пушкин советовался с няней («как и Мольер») по поводу своих сочинений: «Очевидно, ему хотелось пользоваться только народным языком». Признается, что прочел всего несколько басен Крылова и «Ундину» Жуковского, не знает, что думать, находя в этих произведениях сходство с франц. языком. Интересуется, знал ли Пушкин немецкий язык и нравилась ли ему немецкая литература: «Хочется верить, что нет. В нем не ощущается никакой связи с немецкими авторами. У них мысли половинчатые, и выражены они тоже наполовину. В проти-

воположность им Пушкин всегда знает, что он хочет сказать». Просит сообщить последние парижские политические новости и написать о Соболевском (*Мериме.* Т. 6. С. 155—157).

21 ноября* (*3 декабря*)**. **Понедельник**. Вечером в зале Пассажа в Петербурге проходят литературные чтения в пользу воскресных школ, на которых выступают Майков, Полонский, Писемский, Достоевский, Бенедиктов и Шевченко. Выступление последнего особенно интересовало Т. (см. ***7* (*19*) *ноября).

В дневнике Штакеншнейдер сохранилось подробное описание того, как публика приняла Шевченко: «Вот, век изучай и все не поймешь то, что называют публикой. Шевченку она так приняла, точно он гений, сошедший в залу Пассажа прямо с небес. Едва успел он войти, как начали хлопать, топать, кричать. Бедный певец совсем растерялся. / Думаю, что неистовый шум этот относился не столько лично к Шевченку, сколько был демонстрацией. Чествовали мученика, пострадавшего за правду. / Но ведь Достоевский еще больший мученик за ту же правду. <...> Шевченко был только солдатом, Достоевский был в Сибири, на каторге. Между тем Шевченка ошеломили овациями, а Достоевскому хлопали много, но далеко не так». Поэт настолько растерялся, что не мог вымолвить ни слова, постоял и вдруг вышел, затем кто-то выскочил на эстраду и схватил с кафедры стакан и графин воды, оказалось, что Шевченко стало дурно (*Штакеншнейдер.* С. 269—270).

***22 ноября* (*4 декабря*)**. **Вторник**. Отвечает на два п. Карташевской (из Аахена и из Петербурга, оба неизв.), сообщавшей о своей и брата (Макарова) болезни. Хвалит гувернантку своей дочери Полины (Иннис) и желает Карташевской такую же «дельную» женщину для ее дочери. Одобряет решение Карташевской заняться музыкой, сожалеет, что вечера в ее доме «расстраиваются», но уверен, что Анненков останется верен ей: «...в нем есть нечто, напоминающее столб (покажите ему это, и пусть он побранит меня) — но зато на него, как на столб, можно опереться». Сообщает, что часто видится с Маркович, которая много работает и для которой неуспех малороссийского журнала «Основа» (будущие редакторы Белозерский и Макаров) будет ощутимой потерей, поскольку она очень рассчитывает там печататься и зарабатывать на жизнь: «Видно, малороссийская скупость сильнее малороссийского патриотизма <...>». Просит не показывать эти строки «новому приятелю» Кулишу: «он презлющий». Сообщает, что «с некоторых пор начал понемногу работать», на здоровье не жалуется. Просит поблагодарить Макарова за присылку «Искры».

24 ноября (***6 декабря***). **Четверг**. Единогласно избирается, одновременно с Гончаровым, на заседании Отделения русского языка и словесности членом-корреспондентом Академии наук. Заседание проводится под председательством Плетнева и в присутствии членов Отделения, академиков Востокова, Срезневского, Никитенко, Грота и Дубровского (Вестник Академии наук СССР. 1933. № 10. С. 38—42).

25 ноября (***7 декабря***). **Пятница**. Дата п. Анненкова к Т. из Петербурга (ответ на п. от ***19 ноября*** (***1 декабря***)): сообщает о нескольких чтениях в пользу Литературного фонда, в том числе о состоявшейся в этот день одной из имеющих огромный успех лекций Лаврова по философии: «...зала пассажа полна, много дам, офицеров бездна, и Лавров *импровизирует* о том, что всякое желание, всякое знание и всякое чувство определяются философией, узнают свое место, находят свои границы посредством философии, а с ними разделяют ту же участь им соответствующие общественные, научные и художественные явления <...>». С оттенком сарказма определяет эстетические взгляды Лаврова как имеющие отношение к «чистому искусству»: «В теории творчества Лавров не ценит произведений, навеянных случаем, какой бы он располитический ни был, а только непогрешительные формой и выражающие глубокое созерцание. Он наш брат — позорный эстетик. *Смелость* его прошла благополучно». Передает оценку романа «Накануне», прозвучавшую в лекции Лаврова: «В одном месте он сказал, что люди недействительны, а действительно их творчество одно. <...> Тургенев состареется, поглупеет (что-то похожее на это сказал), мы с ним состареемся, поглупеем, умрем, но дети и внуки наши с восторженным и благоговейным взглядом будут еще следить за Еленой, когда она пробирается к часовне».

Лекции Лаврова под заглавием «Три беседы о современном значении философии» были вскоре опубликованы (*ОЗ*. 1861. № 1). О романе Т. там говорилось: «Герои и героини разных историй, в самом деле совершающихся, очень скоро стареют и сходят со сцены <...>. Но другое дело — вечно живые образы искусства: они не умирают, не стареют, они переживут нас и детей наших, перед глазами вашей внучки восстанет образ Елены с ее неувядающей юностью, и пойдет она в часовню ждать Инсарова, и забьется сильнее очарованное сердце молодой читательницы назло всем пуританам и пуританкам нравственности».

Штакеншнейдер, к кружку которой был близок Лавров, отметила возраставший успех трех его лекций в зале Пассажа 22, 25 и 30 ноября

ст. ст. (*Штакеншнейдер.* С. 271—275). О чтении 25 ноября ст. ст. она записала: «Сегодня говорил он о философии в творчестве, иначе сказать, об искусстве и о жгучем в настоящее время вопросе искусства для искусства, который столько раз и так горячо обсуждался у нас». По мнению Лаврова, «художественное творчество есть воплощение в форму посредством резца, красок, слова и прочего — идеи» (Там же. С. 272—273). Называя Лаврова романтиком, сравнивает его с Герценом и пишет: «Искандер тормошит личности, и в этом, кажется, и главная сила его. Боятся попасть ему на зубок и стараются изо всех сил этого избегнуть. С другой стороны, лестно заслужить его одобрение, и стараются изо всех сил действовать в его духе. <...> Что побывать у него считают как бы долгом все отправляющиеся за границу, в особенности в Лондон, почти не тайна» (Там же. С. 275—276).

Сообщает, что после Лаврова в пользу Литфонда будут прочитаны 4 лекции о Данте итальянцем Пинто, в судьбе которого Т. принимал участие, а также биография («им самим рассказанная») взятого в плен в августе 1859 и сосланного в Калугу Шамиля: «Она любопытна в высшей степени — и по исторической и по психической стороне и заслуживала бы перевода». «Гарниром блюда» Анненков называет выступление Майкова, Полонского, Некрасова («а ядовитые пикули поставит Некрасов»). По поводу последних произведений Некрасова пишет: «...но удивительно, что случилось с ним — стихи снаружи смотрят красным перцем, а раскусить — ничего, даже и зуда нет. Зри “Знахарку” в “Современнике”». Надеется выручить от чтений 5000 р. Сообщает, что «неугомонный» Вейнберг опять затевает театральную постановку (см. ***18*** (***30***) ***апреля 1861***). О встрече с гр. Ламберт пишет, что она «вытребовала» его к себе для совещания с Мейендорфом, но оно не состоялось, «а только осталось на дне знакомство с доброй и прекрасной женщиной, как впрочем все женщины, вами отысканные».

Сохранилось п. Ламберт к Анненкову от 16 (28) ноября 1860, в котором она упрекала его за нежелание встретиться (*РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 2. № 81. Л. 1—2).

Сообщает, что в Министерство нар. просвещения поступило несколько проектов (из Одессы, Костромы, Москвы и др.), аналогичных Проекту «Общества для распространения грамотности», составленному Т.: «Значит — дело нужное всем, безотлагательное, созревшее», но все эти проекты копятся в министерстве. Собирается подать прошение о выделении помещения для заседания Комитета воскресных школ, сообщает, что Слепцов подает проект о дозволении Редакционного комитета для издания популярных книг и обсуждения пре-

мий, им назначаемых. Рассказывает о получении Милютиным вспомоществования от неизвестного лица в 50 000 р. сер. в билетах, об испуге Милютина и его поездке в связи с этим к министру внутренних дел Ланскому: «а еще говорят — сухой у нас век». О готовящемся освобождении крестьян пишет: «Крестьянское дело все идет, идет. Государь стоит, как скала, около которой и чистые и мутные волны разбиваются. Оказывается, что он знает всю историю вопроса досконально, и никакое надувательство невозможно, а на него-то, на надувательство-то, и надежда была у многих». Сожалеет, что Т. не будет в Петербурге в день манифеста: «и не увидите Петербурга, поднявшегося из всех его хлябей для чтения листочка — наитяжеловеснейшего из всех листочков, читавшихся в России». Обещает подробно рассказать о событии: «Вы не поверите, что такое сделалось для народа одно слово: “Манифест”. Без преувеличения — вся масса черни и не черни дрожит при одном слове: “Манифест”. Стоит кому-либо сказать — есть манифест на углу переулка, — переулок заливается народом». Сообщает, что выдал студенту Родионову 75 р., хотя денег для Т. ни от Каткова, ни от «Века» еще не получил. Поручил двум лицам собрать сведения об Основском и о печатании издания *Соч* (*1860—1861*); сочинения же Достоевского, изданные им в середине марта 1860 в 2 т., «так плохо идут, что он отдает их книгопродавцам по 40 коп. за экземпляр — и не берут». Иронически описывает баталии между *РВ* и *РРечью* за участие известных литераторов (см. ***30 октября*** (***11 ноября***)): «...особенно Катков, этот Зевс, щелкающий кедровые орешки, как простая потаскушка, являет зрелище поучительное». Пишет, что «беззубые и мерзкие инсинуации» Панаева (Нового Поэта) в *Совр* против Литфонда «внимания не стоят». Спрашивает, что представляет собой комедия в стихах «La Considération» («Осторожность») К. Дусе (премьера 6 ноября н. ст. в Théâtre-Français) (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 90—92).

26 ноября (***8 декабря***). **Суббота**. Выходит в свет № 11 *Совр*; в нем — впервые публикуется, за подписью Некрасова и Панаева, расширенное по сравнению с первым (см. ***6*** (***18***) ***октября***) объявление об издании *Совр* в 1861 (ценз. разрешение объявления 23 ноября (5 декабря)), где редакция обещает «новые повести, романы и драматические произведения следующих писателей: Авдеева, Григоровича, Островского, Плещеева, Салтыкова (Щедрина), Станицкого, Селиванова, Рончевского». Далее отдельно сообщается, что «по отделу словесности обещали <...> свои повести: Тургенев, Потехин, Печерский и др.», что было сразу замечено Герценом (см. его п.

к Т. от ***24 декабря 1860*** (***5 января 1861***) и ответ Т. от ***28 декабря 1860*** (***9 января 1861***)) (С. 3, отд. паг.; см. также: *Некрасов.* Т. 13. Кн. 1. С. 172).

Повторено: *Совр.* 1860. № 12. С. 2, отд. паг. См. также ***6*** (***18***) ***декабря***.

Дата п. Писемского к Т. из Петербурга: посылает оттиск очерков Генслера «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года (Пейзаж и жанр)» (*БдЧ.* 1860. № 11—12), просить высказать свое мнение: «По-моему, это совсем дарование и дарование крупное, но только не знающее ни средств своих, ни цели, куда должно стремиться». Настойчиво просит написать что-либо для журнала «Искусства», например о французском, итальянском, немецком и английском театре: «Вам это ничего не стоит <...>. Мне хочется нашу публику познакомить со всем этим через посредство вашего милого *слова*». Ожидает «этюд» об Иванове для еженедельного журнала «Век» («Поездка в Альбано и Фраскати») к январю, рассчитывая получить рукопись в половине декабря. Просит «облагодетельствовать» также *БдЧ* и сообщить заглавие того, что собирается прислать для журнала: «я остался теперь один при “Библиотеке”». Надеется, что Т. не будет более участвовать в *Совр*: «теперь уж там явно говорят, что они ни в каких авторитетах не нуждаются, значит, и бог с ними!». Сообщает, что приступает к изданию полн. собр. своих сочинений в издательстве Стелловского: «большую часть переправляю с самой подошвы почти», заканчивает рассказ «Старческий грех», «далеко мне самому не нравящийся», жалуется на загруженность по работе в двух изданиях (*БдЧ* и журнале «Искусства») (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 164, 166).

Дата п. Е. Я. Колбасина к Т. из Новгорода: огорчен, что и сам давно не писал, и не получал п. от Т., спрашивает, когда он собирается вернуться в Россию, как себя чувствует и над чем работает. Хотел бы скорее увидеться: «При Вашем отсутствии и в петербургский литературный кружок заглянуть не хочется, ей-Богу так». Сообщает, что «Современники» по «огаревскому делу» решились платить, по мировой с Сатиным, 50 000 р. сер., иначе, по решению московского надворного суда, предстояло с Панаевой и с ее поверенного Шаншиева взыскать 118 000 р. сер. или отправить их в долговую тюрьму.

Описывая в п. к Добролюбову от 28 ноября (10 декабря) подробности окончания «огаревского дела», Чернышевский рассказал, как Некрасов принудил Шаншиева вернуть Сатину вместо присвоенного им имения Огарева свое казанское имение, которое стоило дороже огаревского: «Чтобы уломать этого дурака Шаншиева, Некрасов принужден был по-

просить всех уйти из комнаты, оставив его наедине с Шаншиевым, запер дверь на замок и — что там кричал на Шаншиева, известно богу да им двоим, только между прочим чуть не побил его. Шаншиев струсил и подписал мировую» (*Чернышевский*. Т. 14. С. 416).

Пишет, что Бизюкин до сих пор не может получить свободу и перевестись на казенное содержание, поскольку его вольную из Могилевской губернии пришлось послать в Мценск для засвидетельствования в уездном суде. Просит обратиться к Н. Н. Тургеневу, чтобы поторопить это дело. Хлопотавший по делу Н. Н. Тютчев говорил с директором (пансиона?), который посоветовал, не дожидаясь причисления Бизюкина к свободному сословию, заплатить за него, что даст возможность определить его казенным пенсионером. Жалуется на занятость по службе, но признается, что живется ему «недурно», на днях ждет возвращения из крымского путешествия своего брата Дмитрия (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 149. Л. 47—48). Ответ Т. см. ***13 (25) декабря***.

Дата п. Борисова к Т. из Москвы: сообщает об улучшении здоровья жены («но прочно ли? Знает один бог»), ожидает приезда Фета и Т., ждет публикации в *РВ* обещанного «новенького» (роман «Отцы и дети»). «Не знаю почему, но уверен только, что Вы вдали от Ваших литературных приятелей, вдали от родины, которую Вы любите, Вы сильнее и чутче и зорче всё видите». Восхищается Проектом «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», но предупреждает, что рассчитывать на успех предприятия особенно не стоит, ни в среде общественных деятелей, ни в народе. Рассказывает случай с сыном купца Шмарова, которого советовал отдать в ученье, но дед «отстоял от дьявольских искушений»: «...дорога в школу, как будто судьба, у нас проложима через кабак, — *трах-тир* и другие веселые заведения и *ассамблеи*. — Все сословия одно за другим проходят по тому же пути к просвещению, какой указал Петр. А новым духом еще только повеяло». Пишет, что перечитывал с женой «Первую любовь» и «Накануне», ей «в особенности понравилось “Накануне”» (*Письма Борисова*. С. 341).

Между 21 и 27 ноября (3 и 9 декабря). Предположительная дата не дошедшего до нас п. Т. к Мериме (ответ на п. от ***20 ноября (2 декабря)***): отвечает на вопросы, связанные с чтением и попытками переводить Пушкина, рекомендует заняться переводом какого-то произведения Пушкина (очевидно, поэмы «Руслан и Людмила») и предлагает свою помощь, обещает остановиться в Каннах на несколько дней (см. ***28 ноября (10 декабря)***).

28 ноября (***10 декабря***). **Понедельник**. Отвечает на два неизв. п. гр. Ламберт с шутливым признанием по поводу того, что ее п. написаны слишком близко по времени: «Как будто Вы не знаете, что я был бы счастлив, получая от Вас по два письма в день». Рад, что Анненков наконец посетил Ламберт, хотя опасается, что он слишком «робок, мало жил в женском обществе, плохо говорит по-французски, лишен самоуверенности и блеска», чтобы часто навещать ее. Рекомендует Анненкова как «отличного человека» в отличие от Григоровича, с которым познакомилась Ламберт и который произвел на нее впечатление: он «далеко не отличный человек. Это бессердечный мелкий сплетник и лгун. Пока Вы не привыкнете к его штучкам, к образности его языка — он будет Вам нравиться; но я полагаю, Вы скоро его поймете и увидите, что он даже не умен — и что живописность его выражений не что иное, как манера». О себе замечает: «Моя жизнь проходит однообразно и тихо <...>». Сообщает, что много работает над романом «Отцы и дети», не называя его: «...написал уже около трети большой повести, которую Анненков Вам прочтет в рукописи, как только она будет готова». Об отношениях с дочерью пишет, что они «теперь в ладу — наше колесо больше не скрыпит и катится, хотя общего между нами — по-прежнему — очень мало». Делает признание относительно своего отношения к П. Виардо: «на днях — мое сердце умерло. Сообщаю Вам этот факт — как его назвать, не знаю. Вы понимаете, что я хочу сказать. Прошедшее отделилось от меня окончательно, но расставшись с ним, я увидал, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отделилась вместе с ним. — Тяжело мне было — но я скоро окаменел; и я чувствую теперь, что так жить еще можно. Вот если бы снова возродилась малейшая надежда возврата — она бы потрясла меня до основания. Я уже прежде испытал этот лед бесчувствия, под которым таится немое горе... дайте окрепнуть этой коре — и горе под ней исчезнет». Сожалеет о болезни сына Ламберт Якова, сообщает о том, что навестил мужа Ламберт и его брата в Париже, но узнал, что муж графини уже уехал в Петербург. О девере Ламберт пишет, что «быть с ним приятно, хотя он мне мало симпатичен: он умен и своеобразен». Признается, что почти ни с кем не видится в Париже: «французов я, Вы знаете, не люблю — а приятных русских мало»; упоминает о Н. А. Кочубее и его жене, «бывшей Молчановой»: «и он и она — милые люди — и так любят друг друга, что весело глядеть на них». Часто видится с Маркович: «впрочем, я не помню, говорил ли я Вам о ней». Обещает скоро написать.

Дата встречного п. гр. Ламберт из Петербурга, написанного частично по-франц.: делится своими впечатлениями от общения с Григоровичем: «Вы не представляете, какое удовольствие видеть Григоровича вечером и какую неприязнь я испытываю к нему поутру. <...> он не беседует — это монолог — но в этом не его вина — мне кажется, что он никогда не стал бы моим другом, проживи мы с ним хоть тысячу лет вместе». Утверждает, что Григорович обладает «необыкновенным и живописным даром слова — он говорит картинно и горячо, но нет в нем теплоты душевной — миронезлобья. Есть какая-то сила и даже насилье — точно раскаленная плита, около которой держаться нельзя» (*Granjard.* P. 127). Завершает п. ***29 ноября*** (***11 декабря***).

Дата п. Мериме к Т. из Канн (ответ на неизв. п., написанное ***Между 21 и 27 ноября*** (***3 и 9 декабря***)): благодарит за «любезное» п. и обещание «остановиться проездом в моей пустыне». Пишет, что перевод из Пушкина, который предлагает сделать Т., доставит ему большое удовольствие, но не может злоупотреблять его любезностью. Просит указать заглавия произведений, которые Т. «особенно рекомендует», надеется, что сумеет понять их: «Единственная просьба: разрешите мне продолжить мои вопросы. — Вы так хорошо на них отвечаете». В ответ на упоминание литературного направления, «которое видит в церковно-славянском языке язык поэзии», пишет, что, судя по собственному опыту, между этим языком и языком разговорным существует тесная связь. Ссылается на Соболевского, считающего церковно-славянский «неиссякаемым источником». Спрашивает, пользовался ли Пушкин этим языком. Утверждает, что ему трудно оценить достоинства поэмы «Руслан и Людмила», фантастический элемент которой кажется ему «бледным»: «кроме того, между стилем и сюжетом имеется досадное противоречие. Волшебные сказки надо рассказывать простодушно, как бы веря в них. Фантастика же, смешанная с иронией, звучит диссонансом». Ссылается на повесть «Вий» Гоголя, который «великолепно понимал, если не считать излишнего гротеска, как надо рассказывать о привидениях». По поводу «Графа Нулина» и «Домика в Коломне» высказывает мнение, что «отцом этих двух поэм» является Байрон с его «Беппо»: «Пушкин с присущей ему сдержанностью и вкусом, несравненно более тонким, нежели у лорда Байрона, избежал бессвязности изложения». Находит, что две первые песни «Евгения Онегина» навеяны байроновским «Дон Жуаном», однако между этими песнями и последующими «произошел переворот»: «Пушкин отказывается от прежних приемов и становится совер-

шенно оригинальным». Просит объяснить причины этого переворота. Готов отказаться от своей «ереси», как только Т. обратит его «в свою веру». По поводу высказанного Т. суждения о Карамзине пишет: «Вы говорите, что Карамзин подражает французскому языку. Разве своим стилем он не напоминает немцев? Тяжеловесностью — несомненно» (*Мериме.* Т. 6. С. 158—160).

Дата п. Кашперова к Т. из Милана: посылает рекомендательное п. для певицы Лялиной, просившей об этом: «ее жизнь до такой степени безотрадна, что вам не грех будет пожертвовать ей свободную минуту времени». Сообщает, что, хотя девушка «окончательно безголовая», человек она «натуры честной и доброй». Посылает с п. два отпечатанных отрывка из своей оперы «Мария Тюдор», посвященной Литфонду, в члены которого композитор был принят заочно в 1860.

В сентябре 1860 Кашепров послал Анненкову несколько отрывков из оперы, прося переплести их и сделать русскую надпись посвящения (*РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 14. Л. 1. См. также: *ТСб* (*1*). С. 391—392. Публ. Т. П. Головановой).

Дата п. Феоктистова к Т. из Москвы (ответ на п. от ***11*** (***23***) ***ноября***): сообщает, что задержался ответом из-за семейных обстоятельств (рождение сына), благодарит за обещанную ст. «Русские в Париже», просит поторопиться с присылкой, поскольку подписка на *РРечь* уже открыта и идет успешно, отчасти благодаря «*скандалу*», устроенному *РВ* (см. ***30 октября*** (***11 ноября***)). Пишет, что эта выходка произвела в обществе неблагоприятное впечатление и издатели воспользовались случаем и написали ответ, в котором вынуждены были объявить, что в следующем году «один из трудов» Т. появится в их журнале. Утверждает, что он и гр. Салиас были вовлечены «в эту глупую историю совершенно против нашей воли и желания». Обещает аккуратно доставлять Т. в Париж *РРечь*, еще раз просит поторопиться с высылкой ст.: «Не будет пределов нашей радости, когда, наконец, она очутится в наших руках» (*Письма Феоктистова.* С. 149—150).

29 ноября (***11 декабря***). **Вторник.** Дата п. Герцена к Анненкову с упоминанием Т.: «Тур<генев> исказил свою душу председательством общества поощрения бедности родственников и детей — литераторов, педагогов, — сделался 1) опекуном Марк<о> Вов<чок> и не позволяет ей баловаться, 2) опекуном сына Шеншина, которого законная супруга не признает, несмотря на то, что он до того по-

хож на Шеншина, что все просит коньяку. Жена Шен<шина> грозила Тургеневу процессом и защищает мужа тем, что у него была водяная грыжа — как будто это мешает земным страстям, 3) ... довольно» (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 120).

Окончание п. гр. Ламберт от ***28 ноября*** (***10 декабря***): сообщает о получении телеграммы от мужа о возвращении в Петербург, просит поцеловать дочь, признается: «Мне казалось, что труднее будет прожить без Вас — слава Богу — человек заменим!» (*Granjard*. P. 128). Ответ Т. см. ***17*** (***29***) ***декабря***.

Дата п. Обручева к Добролюбову из Парижа с сообщением о том, что видел недавно Т. в кафе «Режанс»: «Видел опять Тургенева, являющегося в кафе играть в шахматы. Посмотрел, как играет? Плохо. В одну партию сделал 3—4 непростительные ошибки: а тоже печатает свои игры в “Рус<ском> слове” (см. ***19*** (***31***) ***мая***. — *Ред.*) — Руки совершенно как у Кормалина. Между ними действительно много сходства» (*Княжнин Вл.* Добролюбовский архив // Заветы. 1913. № 2. С. 94).

3 (***15***) ***декабря***. **Суббота**. В № 263 *МВед* выходит первое объявление Основского о поступлении в продажу т. 1 и 4 *Соч* (*1860—1861*) в московские книжные магазины, «а равно у издателя Н. А. Основского, в Старой Конюшенной, у Успения на Могильцах, в д. Рышкова». Обозначено содержание томов, а также анонсируется скорый выход т. 2 и 3: «Третий том будет выпущен в скором времени и состоит из следующих рассказов: “Дневник лишнего человека”, “Два приятеля”, “Переписка”, “Яков Пасынков”, “Фауст”, “Ася” и “Первая любовь”. / Второй том будет отпечатан в конце января» (С. 2096).

Повторно напечатано: Там же. 11 декабря. № 269. С. 2151; 22 декабря. № 278. С. 2232; в сокращенном виде («*Сочинения И. С. Тургенева*. Новое издание в 4 томах. Том 1 и 4 вышли, а на 2 и 3 — выдается билет (Эти два тома выйдут в непродолжительном времени). М., 1860 г., ц. за 4 тома 5 р., с пер. 6 р.»; без подписи Основского): *МВед*. 1860. 14 декабря. № 271. С. 2167; 1861. 4 января. № 3. С. 24. Оставшиеся т. 2 и 3 вышли в Москве только ***10*** (***22***) ***мая 1861***. См. также ***19*** (***31***) ***января 1861*** и ***16*** (***28***) ***мая 1861***.

В том же номере *МВед*, за подписью Краевского и Дудышкина, выходит объявление «Об издании “Отечественных записок” в 1861 году», где среди авторов, сотрудничество которых обеспечено *ОЗ* на 1861, названо имя Т. (С. 2097).

Ешевский сообщает жене из Парижа: «На днях у меня были вечером Тургенев и М<ария> Ал<ександровна Маркович>, и она пока-

зывала ему портреты Саши и Оли. Он думает, что Оля будет лучше Саши. <...> Я очень доволен, что нашел здесь Тургенева, который превосходный господин и которого прежде я мало знал с этой человеческой, а не литературной стороны. У него обедаю раз в неделю, обыкновенно вместе с М<арией> Ал<ександровной>, и в этот день засиживаемся часов до 12. Если бы не было здесь этих лиц, я пропал бы с тоски в Париже» (*ОПИ ГИМ*. Ф. 312. № 4. Л. 55, 56; цит. по: *Лобач-Жученко Б. Б.* Тургенев и М. А. Марко-Вовчок // *Т Сб* (*5*). С. 375).

Около 6 (***18***) ***декабря***. Приблизительная дата неизв. рекомендательного п. Герцена к Т. для отъезжающего в Париж Бенни, отправленного с ним; передает также свой и Огарева фотопортрет (*Герцен. Летопись*. С. 175). См. также ***24 декабря 1860*** (***5 января 1861***) и ***28 декабря 1860*** (***9 января 1861***).

В рекомендательном письме к кн. Долгорукову от 6 (18) декабря Герцен писал: «...рекомендую вам юного и чрезвычайно образованного поляка, желающего представиться вам. Он отлично знает языки, особенно англ<ийский> и немец<кий> и серьезно занимается наукой» (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 121).

6 (***18***) ***декабря***. **Вторник**. В № 266 *СПбВед* выходит расширенное по сравнению с первым объявление об издании *Совр* в 1861 (см. ***6*** (***18***) ***октября*** и ***26 ноября*** (***8 декабря***)) (С. 1178).

Объявление повторено: Искра. 1860. 16 декабря. № 9. С. 569; *МВед*. 1860. 25 декабря. № 278. С. 2258.

Дата неизв. п. к Герцену с сообщением о пребывании в Париже его дочери Ольги, с критическим отзывом о журнале Долгорукова «Будущность», с вопросами по поводу взноса Герцена в обеспечение оставшегося после смерти А. А. Шеншина ребенка. Ответ Герцена см. ***7*** (***19***) ***декабря***.

Датируется на основании даты выхода в свет № 3—4 журнала «Будущность» (6 (18) декабря 1860), одна из публикаций в котором вызвала критику Тургенева (см.: *Утраченные письма* (*1*). С. 351).

7 (***19***) ***декабря***. **Среда**. В ночь с 6 на 7 декабря ст. ст. на о. Занте (Греция) умирает К. С. Аксаков.

Подробное описание его последних дней содержится в дневнике его сестры Веры (*Аксакова В.* Дневники. Письма / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. СПб., 2013. С. 250—262).

А. А. Краевский. Фотография А. И. Деньера.
Петербург, 1865 г.

А. Н. Майков и А. Ф. Писемский.
Фотография М. Б. Тулинова.
Петербург, 1860 — до середины 1861 г.

Ф. И. Тютчев. Фотография С. Л. Левицкого.
Петербург, 1860 или 1861 г.

Е. В. и Я. П. Полонские.
Фотография. Париж, 1858 г.

А. Е. Мартынов.
Фотография. Петербург,
1859 г.

НА МИХАЙЛОВСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Пятницу, 27-го Ноября, 1859

русскими придворными актерами представлено будетъ:

ХОЛОСТЯКЪ,

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. И. С. Тургенева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михайло Ивановичъ Мошкинъ, коллежскій ассесоръ	Г-нъ Мартыновъ.
Петръ Ильичъ Вилицкій, коллежскій секретарь	Г-нъ Малышевъ.
Родіонъ Карловичъ Фонъ-Клакеъ, титулярный совѣтникъ	Г-нъ Яблочкинъ.
Филиппъ Егоровичъ Шпуньдикъ, помѣщикъ	Г-нъ Марковецкій.
Марья Васильевна Бѣлоногова, сирота, проживаетъ у Мошкина	Г-жа Снѣткова 3.
Екатерина Савишна Пряжкина, тетка Марьи Васильевны	Г-жа Линская.
Малапья, кухарка Мошкина	Г-жа Рамазанова.
Стратилатъ, мальчикъ въ услуженіи у Мошкина	Г-нъ Григорьевъ 2.
Митька, слуга Вилицкаго	Г-нъ Башкировъ.
Почтальонъ	Г-нъ [illegible] 2.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ въ 1812 году, 1-е и 3-е дѣйствіе въ квартирѣ Мошкина, 2-е въ квартирѣ Вилицкаго; между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями пять дней, между 2-мъ и 3-мъ недѣля.

КОТОРАЯ ИЗЪ ДВУХЪ?

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, Н. И. Куликова. (Сюжетъ заимствованъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аркадій Өедоровичъ Смѣловскій	Г-нъ Михайловъ 1.
Наталья Павловна Кривская, замужняя дама	Г-жа Өедорова.
Наталья Павловна Кривская, вдова	Г-жа Снѣткова 3.
Лиза, горничная ихъ	Г-жа Натарова.

Дѣйствіе происходитъ въ Павловскѣ, на дачѣ Кривскихъ.

БАБУШКИНЪ ВНУЧЕКЪ.

Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго П. С. Өедоровымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Глафира Алексѣевна Белебеева (58 лѣтъ)	Г-жа Линская.
Иванъ Ивановичъ Белебеевъ, ея сынъ (26 лѣтъ)	Г-нъ Зубровъ.
Вольдемаръ, ея внучекъ (20 лѣтъ)	Г-нъ Малышевъ.
Василій Григорьевичъ Сухачевскій, зять Белебеевой, отецъ Вольдемара (50 лѣтъ)	Г-нъ Григорьевъ 1.
Аннета Лунина, воспитанница Белебеевой	Г-жа Подобѣдова 2.
Слуга Белебеевой	Г-нъ Григорьевъ 2.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Белебеевой.

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ:

1) Которая изъ двухъ? 2) Холостякъ. 3) Бабушкинъ внучекъ.

Начало въ 7 часовъ.

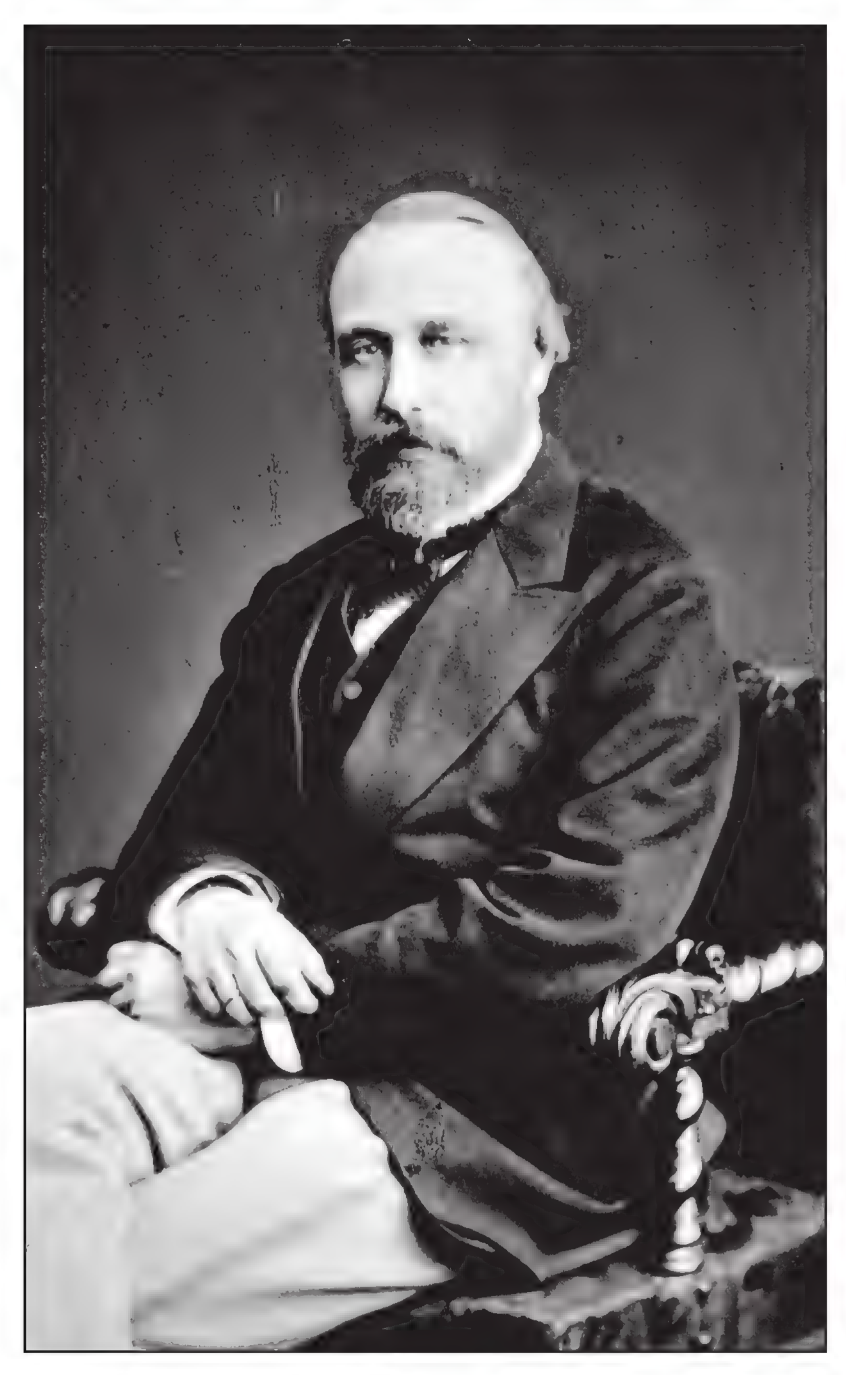
Афиша представления комедии «Холостяк» с участием А. Е. Мартынова, на котором предположительно присутствовал И. С. Тургенев. Михайловский театр, 27 ноября 1859 г.

К. П. Де Додт.
Фотография Тиле. Теплиц, 1865 г.

Н. Н. Тютчев.
Фотография. 1860-е гг.

М. Н. Катков.
Фотография С. Л. Левицкого. Начало 1860-х гг.

НА КАНУНѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ тѣни высокой липы, на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Кунцова, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней 1853-го года, лежали на травѣ два молодыхъ человѣка. Одинъ, на видъ лѣтъ двадцати-трехъ, высокаго роста, черномазый, съ острымъ и немного кривымъ носомъ, высокимъ лбомъ и сдержанною улыбкой на широкихъ губахъ, лежалъ на спинѣ и задумчиво глядѣлъ вдаль, слегка прищуривъ свои небольшіе сѣрые глазки; другой лежалъ на груди, подперевъ обѣими руками кудрявую бѣлокурую голову, и тоже глядѣлъ куда-то вдаль. Онъ былъ тремя годами старше своего товарища, но казался гораздо моложе: усы его едва пробились и на подбородкѣ вился легкій пухъ. Было что-то дѣтски-миловидное, что-то привлекательно-изящное въ мелкихъ чертахъ его свѣжаго, круглаго лица, въ его сладкихъ, карихъ глазахъ, красивыхъ, выпуклыхъ губкахъ и бѣлыхъ ручкахъ. Все въ немъ дышало счастливою веселостью здоровья, дышало молодостью, безпечностью, самонадѣянностью, избалованностью, прелестью молодости. Онъ и поводилъ глазами, и улыбался, и подпиралъ

Первая публикация романа «Накануне»
в журнале «Русский вестник» (1860. № 1). Первая страница

Александру Николаевичу
Островскому
отъ прiятеля и почитателя
Ив. Тургенев
Москва.
1го фев. 1860.

Михаилу Николаевичу
Лонгинову
отъ старого прiятеля
Ив. Тургенев
Москва
1го февр. 1860.

Дарственные надписи на отдельных оттисках «Накануне»
А. Н. Островскому и М. Н. Лонгинову.
Москва, 1 февраля 1860 г.

А. Н. Островский.
Фотография. 1860-е гг.

«Елена и Берсенев у больного Инсарова».
Иллюстрация к роману «Накануне».
Гравюра на стали по рисунку Н. Д. Дмитриева-Оренбургского. 1865 г.

Н. А. Добролюбов.
Гравюра по фотографии И. Гоха 1860 г. 1861 г.

№ 9 17

Куртавнель.

28/16-го Іюля 1859

Бесцѣнный Фетъ, мудрецъ и стихотворецъ —
Я получилъ любезное письмо
Направленное вами изъ "Новоселокъ" —
Въ тотъ замокъ, гдѣ Вы нѣкогда со мною
Такъ спорили жестоко — и гдѣ я
У Васъ въ ногахъ валялся униженно.
Въ немъ ничего не приключилось: только
Тотъ ровъ, который, помните, струился
Предъ нашими смущенными глазами —
Теперь поросъ густой травой — и высохъ. —
И дѣти выросли... Что ж дѣлать, дѣти
Какъ не расти? — Одинъ я приключился
Къ гораздо худшему. — Я, всякій разъ
Какъ къ зеркалу приближусь, съ отвращеньемъ
На дряхлое, несчастное, седое
Лицо своё взираю..... Что же дѣлать!
Жизнь насъ торопитъ, гонитъ насъ какъ стадо...
А смерть, мясникъ проворный, ждётъ-да ждётъ.
Сравненье, достойное Шекспира!
(Не новое, однако, къ сожаленью!)

Стихотворное послание И. С. Тургенева А. А. Фету
«Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...».
Куртавнель, 16 (28) июля 1859 г. Первая страница

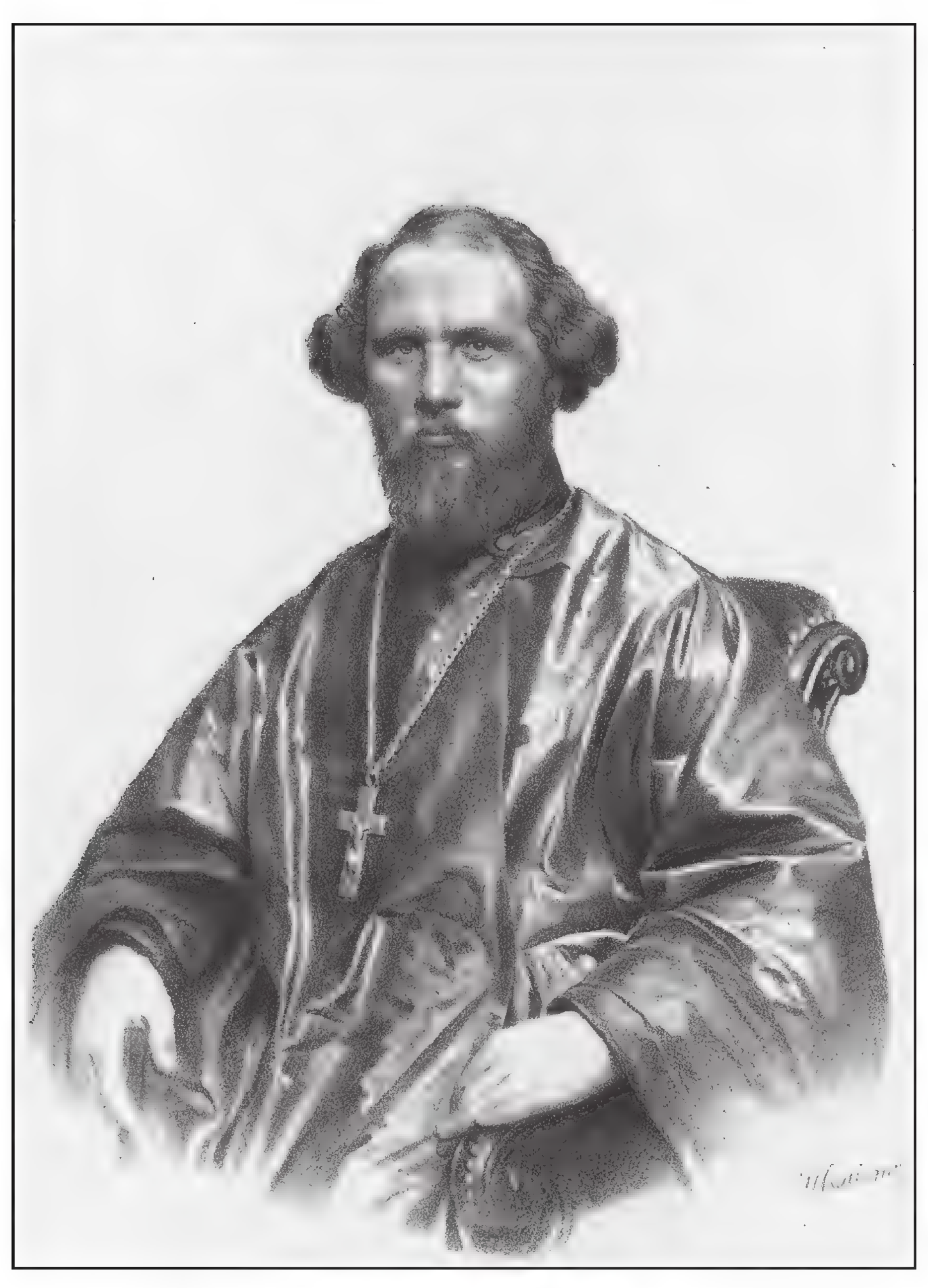
А. А. Фет и Н. А. Шеншина.
Фотография. Париж, осень 1856 г.

Проспер Мериме.
Фотография Диздери. Париж, 1850-е гг.

Полина Виардо в роли Орфея в одноименной опере Глюка.
Фотография Диздери. Париж, 1859 г.

Протоиерей И. В. Васильев.
Литография И. Корелина по фотографии Шемиота.
Париж, 1859 г. <?>

Париж. Вид на улицу Риволи, на которой И. С. Тургенев жил с сентября 1860 г.

Первая публикация
повести «Первая любовь»
в журнале «Библиотека
для чтения» (1860. № 3)
с посвящением
П. В. Анненкову

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть.

(Посвящается Павлу Васильевичу Анненкову).

... Гости давно разъѣхались. Часы пробили половину перваго. Въ комнатѣ остались только хозяинъ, да Сергѣй Николаевичъ, да Владиміръ Петровичъ.

Хозяинъ позвонилъ и велѣлъ принять остатки ужина. — И такъ это дѣло рѣшенное, промолвилъ онъ, глубже усаживаясь въ кресло и закуривъ сигару; — каждый изъ насъ обязанъ разсказать исторію своей первой любви. За вами очередь, Сергѣй Николаевичъ.

Сергѣй Николаевичъ, кругленькій человѣкъ съ пухленькимъ бѣлокурымъ лицомъ, посмотрѣлъ сперва на хозяина, потомъ поднялъ глаза къ потолку. — У меня не было первой любви, сказалъ онъ наконецъ; я прямо началъ со второй.

— Это какимъ образомъ?

— Очень просто. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ приволокнулся за одной весьма миленькой барышней; но я ухаживалъ за ней такъ, какъ будто дѣло это было мнѣ не въ новѣ; точно такъ, какъ я ухаживалъ потомъ за другими. Собственно говоря, въ первый и послѣдній разъ я влюбился, лѣтъ шести, въ свою няню; — но этому очень давно. Подробности нашихъ отношеній изгладились изъ моей памяти, да еслибъ я ихъ и помнилъ, кого это можетъ интересовать?

— Такъ какъ же быть? началъ хозяинъ. — Въ моей первой любви тоже не много занимательнаго: я ни въ кого не влюблялся до знакомства съ Анной Ивановной, моей теперешней женой — и все у насъ шло какъ по маслу: отцы насъ сосватали, мы очень скоро полюбились другъ другу и вступили въ бракъ, не-

Павлу Васильевичу
Анненкову
Вторично посвящаетъ
Спбургъ. Мартъ. 1860. Авторъ.

Дарственная надпись
П. В. Анненкову
на отдельном оттиске
«Первой любви».
Петербург, март
1860 г. Фрагмент
обложки

Дата п. к Каткову, с извещением о том, что уже написана «треть новой моей повести» («Отцы и дети»), общий объем которой составит от 10 до 11 печатных листов. При сохранении такого же темпа работы надеется отправить в *РВ* завершенную рукопись через Анненкова к концу февраля 1861. Спрашивает, отправил ли Катков на имя Анненкова остаток гонорара за «Накануне» в 200 р. сер. О себе сообщает: «Я так занят моей работой, что никого почти не вижу и не в состоянии Вам передать никаких интересных новостей, которых бы Вы уже не читали в газетах».

Дата п. Герцена к Т. из Лондона (ответ на неизв. п. Т. от ***6*** (***18***) ***декабря***): благодарит за заботы о дочери Ольге, находящейся в Париже; сообщает, что написал в свое время п. вдове А. А. Шеншина «холодное, учтивое и ассомантное» (от франц. assomant — убийственное); просит внести за него 50 франков в пользу оставшегося после смерти Шеншина ребенка, деньги пришлет с оказией в течение месяца («слишком сумма мала, чтоб посылать через Ротшилда»). Сообщает, что завершил ст. «Роберт Оуэн» для «Полярной звезды», которая выйдет 1 марта н. ст. 1861: «очень, очень желал бы тебе ее прочесть, вещь смелая и, сколько кажется, удачная». Пишет, что повесть Кохановской «Гайка» ему давал на прочтение Чижов, уточняет первое впечатление: «...я ошибся — плоховато и сентиментально». Возражает на критику Т. журнала Долгорукова «Будущность»: «Третий лист “Будущности” гораздо лучше двух первых — за что ты его побранил?». Просит «непременно» прочитать л. 87—88 «Колокола» со ст. «Императорский кабинет и Муравьев-Амурский»: «Ты, пожалуй, увидишь, что это *дело в три* печатных листа — да и положишь. Это такой цинизм, такое безобразие, какого ты даже и в нужном кабинете не видал, — а это еще ненужный к тому же» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 121—122).

Не исключено, что в недошедшем письме Т. поддержал позицию Бакунина, выступившего против нападок в «Колоколе» на гр. Муравьева-Амурского. Как писал Бакунин Герцену, Муравьев «горячо симпатизирует» издателям и считает их своими друзьями» (*Герцен. Летопись.* С. 172). В ст. «Ответ “Колоколу”», датированной 1 (13) декабря и посланной Герцену для напечатания, говорилось, что ст. Герцена «Тиранство сибирского Муравьева» (Л. 82 «Колокола» от 1 октября н. ст.) вызвала у Бакунина «негодование и грусть». Называя издателей «слепыми поклонниками Петрашевского», Бакунин оправдывал высылку последнего из Иркутска и давал высокую оценку деятельности Муравьева: «Вы, благовестники новой России, вы, защитники прав русского народа, как вы могли не признать и оклеветать его лучшего и бескорыстнейшего

друга?» (цит. по: *Герцен. Летопись.* С. 174). Ст. Бакунина в «Колоколе» опубликована не была. См. также ***25 февраля*** (***8 марта***).

Советует взять у Маркович «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (Лондон, 1860. Вып. 1), подготовленный Кельсиевым: «Это чудо как интересно». Передает поклон от Огарева.

Дата начала п. гр. Ламберт к Т. из Тихвинского Введенского женского монастыря: сообщает свои впечатления, рассказывает предания монастыря и описывает некоторых его обитательниц. Хотела бы привезти Т. в монастырь и показать ему то, что не в силах описать (*Granjard.* P. 129—130). Завершает п. ***14*** (***26***) ***декабря***.

Дата п. Обручева к Добролюбову: сообщает со слов Т., что Некрасов и Панаева уплатили Огареву 50 000 р. сер. (*Некрасов. Летопись.* Т. 2. С. 233). См. также п. Е. Я. Колбасина от ***26 ноября*** (***8 декабря***).

8 (***20***) ***декабря*. Четверг**. Дата п. к кн. Долгорукову (?), с извещением о переносе, начиная со следующей недели, регулярных обедов у Вефура с субботы на четверг (см. ***15*** (***27***) ***декабря***). Просит прислать адреса «г-д Кергорле и Флавиньи». Сообщает о том, что ложа на маскарад в субботу взята и будет находится у Ханыкова. Планирует приехать на маскарад «с вечера» (см. ***10*** (***22***) ***декабря или 17*** (***29***) ***декабря***).

Адресат устанавливается на основании воспоминаний Чичерина: «Я часто виделся в Париже и с пребывающими там русскими, с Тургеневым, с Ханыковым, с Н. И. Тургеневым <...> Видался я и с князем П. В. Долгоруким... Однажды Тургенев пригласил нас с Ханыковым обедать к Вефуру, сказавши, что его звал Долгорукий и он просит нас прийти на подмогу. Мы пошли; Долгорукий на этот раз держал себя скромно, и обед вышел оживленный. Это нам так понравилось, что Тургенев тут же предложил собираться раз в неделю» (см.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. М., 1932. С. 125).

9 (***21***) ***декабря*. Пятница**. В № 268 *СПбВед* выходит объявление о том, что в магазин Кожанчикова в Петербурге «поступили в продажу только что отпечатанные СОЧИНЕНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА» в 4 т.: «1 и 4-й томы выдаются, а на 2 и 3-й выдается билет. Эти два тома будут выдаваться подписчикам в январе месяце 1861 года. Содержание 1 тома: “Записки охотника”, с прибавлением: “Поездка в Полесье”, не вошедшим в прежние издания; 4 том: “Рудин”, “Дворянское гнездо” и “Накануне”». Объявленная цена 5 р. сер. (С. 1431).

Объявление повторено: 11 декабря. № 270. С. 1443; 16 декабря. № 274. С. 1466. См. также ***20 декабря 1860*** (***1 января 1861***).

Дата п. Анненкова к Т. из Петербурга (ответ на неизв. п.): сообщает, что получил от Каткова 250 р. (остаток гонорара за роман «Накануне»), из которых вычитает 175 р. (в том числе 75 р., отданных Родионову), остается 75 р., на некоторую часть из них «имеет поползновение» некая Александра Петровна, но тщетно, пока не представит «ясного приказания от кого следует».

В *Анненков. Письма* указано, что речь идет о жене Н. Н. Тютчева, однако это предположение следует признать некорректным (Кн. 1. С. 372).

Сообщает, что 1-й и 4-й тома *Соч* (*1860–1861*) (издатель Основский) появились в Москве (см. ***3*** (***15***) ***декабря***), просит прислать ему «пару-другую экземпляров» «для раздачи женским адоратерам (от франц. adorateur — поклонник. — *Ред.*) вашего таланта, о которых я только и хлопочу» (см. п. к Фету от ***17*** (***29***) ***декабря***); в противном случае обещает приобрести их сам и преподнести от имени Т. Просит непременно сняться у парижского фотографа Левицкого и прислать три экземпляра.

Очевидно, как и в случае с экземплярами томов, Анненков собирался подарить эти фотографии гр. Ламберт, Карташевской и кому-то еще из поклонниц писателя, возможно своей будущей жене Ракович.

Сообщает, что лекции Пинто, протеже Т., «сделали фиаско, не потому что дурны (хотя трескучесть итальянская не уступила всем нашим советам)», а «по тройной конкуренции»: 20-градусного холода, траура при дворе (смерть вел. кн. Александры Федоровны) и выступлений итальянской актрисы Ристори. Намекает, что кое-кому лекции о Данте показались «вредными» в настоящее время, например Мухортову. Критически отзывается об игре Ристори: «Ристори — ремесленница, и хотя немало было ремесла и у Рашели, да эта, ковыряя роль, иногда выскакивала на двор, на чистый воздух, а Ристори никогда не выскакивает туда». Сообщает о «заседании» у гр. Ламберт с бар. Мейендорфом, прочитавшим на франц. языке записку, «в которой объявляет, что, имея лишних 2000 р., он желает их употребить на заказ элементарных книг для народного чтения», в частности хозяйственного, гигиенического, исторического и сказочного. Просит Т. написать гр. Ламберт то, что не решился сказать сам, а именно, что никто из порядочных писателей с бароном дела иметь не станет, а «доброй мысли его необходимо скрыться» за каким-нибудь комитетом, например частных воскресных школ, где есть «очень

хорошие люди (я!)», за издателем «*будущих* популярных сочинений» Н. А. Сеньковским и т. п. Пишет, что Н. Н. Тютчев получил известие, что его брат Сергей умирает в Нижнем Новгороде, и поехал туда с женой. Ожидает появления журнала «Основа», где надеется прочесть «много хороших вещей» Маркович, очень ждет нового романа Т. («Отцы и дети»). Ругает новую повесть Григоровича «Пахатник и бархатник» (*Совр.* 1860. № 11) («не более как штучка, выкинутая для оживления умирающей репутации»), хвалит очерк Генслера «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года» (*БдЧ.* 1860. № 11—12): «Это точно прекрасная картинка вроде жанра, только без человека: престранно выходит». Пишет, что от Леонтьева не было известий (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 93—94).

13* (*25*) *декабря*. Вторник**. Отвечает на п. Е. Я. Колбасина от ***26 ноября* (*8 декабря*)**: огорчен, что Колбасин не получил двух его п. (очевидно, от ***20 сентября* (*2 октября*)** и от ***12* (*24*) *ноября), в одном из которых (втором) подробно описывал историю смерти А. А. Шеншина и хлопоты о его незаконнорожденном сыне; сообщает, что знакомые «сделали складчину» для ребенка. Рад, что Колбасин доволен службой в Новгороде, советует ему с братом Дмитрием непременно жениться: «Это Вам советует старый холостяк, который знает, как горько быть холостяком». Сообщает, что живет «домом», с дочерью и ее гувернанткой (М. Иннис), «принялся за работу серьезно — и сижу теперь над большой повестью (разумеется, еще больше “Дворянского гнезда”)» («Отцы и дети»); надеется одолеть ее к марту и напечатать в *РВ*, в апреле приехать в Россию: «...а если бог даст, я выдам замуж свою дочь, то я совсем и навсегда вернусь на родину». Написал «энергическое» п. к дяде Н. Н. Тургеневу (неизв.) о Бизюкине и надеется, что дело с ним уладится. Признается, что дядя посылает ему каждые три недели послания, «исполненные Иеремиина плача — чрезвычайно не по вкусу ему новый порядок вещей, который пока выражается в том, что мужички оброку не платят. Однако дело не пойдет назад». Интересуется личными делами Колбасина.

14* (*26*) *декабря*. Среда**. Дата окончания п. гр. Ламберт к Т. из Петербурга (см. ***7* (*19*) *декабря): сообщает, что «вчера» послала давно написанное и забытое перед отъездом в Тихвин п. (неизв.), к которому, очевидно, были приложены замечания Мейендорфа, написанные по-франц. (они сохранились: *BN.* Slave 81. P. 110): «в них

есть много толкового и полезного — Анненков сошелся с ним и обещал передать Вам наш разговор». Сообщает, что «сегодня» получила «дорогое» п. от Т., которое очень ее обрадовало (очевидно, от ***28 ноября*** (***10 декабря***)): «Не хочу я здесь отвечать на него, ни даже сказать Вам, как я о Вас жалею — это завлекло б меня далеко. <...> Прошу Вас, останьтесь всегда тем же добрым, верным человеком — не переменяйтесь ко мне — это было б для меня больно, а для Вас нехорошо — наши отношения полезны для нашей души» (*Granjard*. P. 131). Ответ Т. см. ***8*** (***20***) ***января 1861***.

15 (***27***) ***декабря***. **Четверг**. Предположительно обедает у Вефура вместе с Ханыковым, Чичериным и кн. Долгоруковым (см. ***8*** (***20***) ***декабря***).

17 (***29***) ***декабря***. **Суббота**. В п. к гр. Ламберт (ответ на п. от ***28, 29 ноября*** (***10, 11 декабря***) с сообщением о встречах с Григоровичем) пишет: «Э-э! милейшая графиня, да я вижу, Вам Григорович не на шутку понравился! Это доказывает только, как Вы впечатлительны и молоды. Но так как Вы в то же время очень умны и проницательны — то я надеюсь, что Вы уже теперь его поняли и увидели его белые нитки. Отсутствие сердца в нем Вы уже заметили: ненадолго может скрыться от Вас бедность и мелкота его ума — на поверхности которого, как на поверхности неглубокого пруда, разрослись пестрые травы». Сообщает, что виделся с ее деверем Ламбертом и должен на днях обедать с ним, что понемногу продвигается его роман («Отцы и дети»): «Нового ничего нет — да и слава богу, что его нет. <...> и дни тают незаметно, как лед на солнце». Пишет, что Анненков сообщил ему о «заседании», которое происходило у графини с бар. Мейендорфом, прочитавшим свое предложение относительно Проекта «Общества для распространения грамотности», и просил передать то, что не решился сказать сам: «что барон <...> не найдет ни одного *дельного* писателя, пока одобрение или неодобрение его труда будет зависеть лично от него», а не от какого-нибудь комитета, например Комитета воскресных школ, в котором состоит Анненков. Желает «спокойной тишины сердца», здоровья, быть «приблизительно» довольной «приблизительным счастьем... несомненно и ясно на земле только несчастье». Ждет присылки повести Вороновой. По поводу фразы гр. Ламберт в п. от ***29 ноября*** (***11 декабря***) о том, что ей казалось, будто без Т. ей будет труднее прожить, замечает: «Вы, должно быть, сильно рассчитываете на мою скромность <...> Еще бы! — Не только человек, но даже солнце, я полагаю, заме-

нимо; даже без любви можно обойтись. Но я очень польщен уже тем, что Вам подобное сомнение могло войти в голову». Поздравляет с Новым годом.

Пишет деловое п. к Фету: сообщает, что не получил от Основского денег за издание своих сочинений, которые поступили в продажу, и два месяца не получает от него п. Ссылаясь на важность для себя этого дела и на обоснованные подозрения в нечестности Основского (см. п. Анненкова от ***12 (24) ноября***), просит «взять *на себя* все хлопоты и вообще вступить в мои права, сделаться моим “alter ego” (“вторым я” — *лат.*)» и получить с Основского деньги. Излагает условия с Основским: «...он имел право печатать 4800 экземпляров — и за это должен был мне заплатить 8000 руб., из коих половина должна была быть представлена *до* издания в свет, другая — 4 месяца после. Получил же я от него — не помню хорошенько — 1500 р. или 2000 руб. сер. Кажется — 1500. Вы попросите его, чтоб он представил Вам счет — и таким образом узнаете количество выданной суммы. Остающиеся 2000 или 2500 руб. он должен немедленно выслать. Мне это все очень неприятно — и особенно неприятно мне Вас утруждать; но Вы можете сказать ему, что у нас есть с Вами счеты». Просит узнать стороной или прямо спросить у Основского, не выслал ли он уже денег, если же выслал, то попросить у него причитающиеся экземпляры, из которых три отдать Анненкову. Просит сообщить московский адрес Фета. Прилагает к письму доверенность:

> «Париж. 17/29-го дек. 1860. / Я прошу Афанасия Афанасьевича Фета взять на себя все сношения с Нилом Андреевичем Основским по делу издания моих сочинений — и прошу г-на Основского выдавать следуемые мне деньги г-ну Фету, который вступает вполне во все мои права. / Иван Тургенев. / P. S. Поручаю также г-ну Фету получить от г. Основского следуемые мне экземпляры. / Прошу Н. А. Основского выдать А. А. Фету следуемое мне количество экземпляров нового издания моих сочинений. / Ив. Тургенев. / Париж. / 17/29 дек. 1860».
>
> Печатая это п. Т. в своих мемуарах, Фет сопроводил его следующим комментарием: «Тип людей, совершенно равнодушных к материальным своим средствам, готовых горстями разбрасывать свое добро и в то же время скупых на копейки и неразборчивых в источниках нового прилива денег, — далеко не новый. Если бы Тургенев самым решительным образом не принадлежал к этому типу, я не стал бы говорить о его счетах с О<сновским>. Дело в том, что когда я спросил у О<сновского> денег и книг, то солидарное в его предприятии лицо напечатало в “Московских ведомостях” отрицание моего полномочия. Я попросил, в оправдание свое от самозванства, — у Тургенева подтверждение моего полномочия телеграммой и напечатал последнюю с буквальным русским

переводом. На другой день по выходе номера мой антагонист прислал ко мне секунданта, и дело приняло бы трагикомический оборот, если бы старый Ник<олай> Хр<истофорович> Кетчер, со всегдашнею своею честностью и беспощадною грубостью, не разъяснил задорным петухам, что тут они дело имеют не со мною, а с Тургеневым. Тем не менее я переслал Тургеневу 2000 руб. в Париж, а когда позднее я спросил его, чем кончилось дело, он сам, превратив разговор в мимическое представление, отнесся к нему комически. Он совершенно забыл о моей трагикомедии по его же милости» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 356—357). Упомянутая Фетом телеграмма Т. не сохранилась, а ее перевод, напечатанный, по утверждению Фета, не отыскан. Это дало основание Гутьяру считать телеграмму «мифической» (*Гутьяр Н.* К биографии И. С. Тургенева // *РСт.* 1908. № 8. С. 233). Упомянутый Фетом антагонист, приславший ему вызов, — Павлов.

***19* (*31*) *декабря*. Понедельник**. Дата п. Борисова к Т. из Москвы (ответ на неизв. п. Т.).

Рассказывает о приезде Фета, надеется в феврале оказаться в Новоселках, где будет ожидать приезда Т. «как светлого праздника». «Но с каким нетерпением ожидаю прочесть Ваше новое детище (роман «Отцы и дети». — *Ред.*), Вы сами угадаете, когда представите себе ясно мое тихое наслаждение глядеть и слушать и жить в той жизни, какую Вы нам показываете, и уверен, чем сильней пройдет Ваша любовь по всем жилкам Вашего детеныша, тем он и будет *милейшим* для *всех* и каждого из нас, искренно Вас любящих». Сообщает о реакции Островского на оценку Т. образа главной героини пьесы «Старый друг лучше новых двух»: «Он был в *восторге.* “Спасибо ему, как я рад, что Иван Сергеевич ее оценил” — вот его слова. Одним словом, Вы его *усладивыйся.* Но позвольте же скромно Вас спросить потихоньку — за что же? Это ли можно ждать от Алекс<андра> Никол<аевича>. “Гроза” его совсем сбила с дороги, и он как будто зашел к брынским раскольникам и от умных бесед с ними вышел с каким-то тяжелым взглядом. Только разными житейными средствами у него живут лица и хлопочут посмешить, а в ролях женщин пересолено пошлостью. Три или четыре раза выбегают на сцену посплетничать и *поругаться*, не затрагивая ни в ком другого чувства, как отвращения и напрасного ожидания — для чего же это? <...> Все это правда, но жизни нет, а только показывают для комедии» (см. также ***2* (*14*) *января 1861***).

Сообщает о том, что С. Н. Толстой здесь: «Он болен и, кажется, недалек от струйки, которая так быстро унесла бедного его брата». Говорит, что не знает, где находится Л. Толстой, написавший Фету «*отчаянное* письмо о смерти Николая. Он страшно поражен этой утратой <...>». Излагает свое понимание истории с Основским, называя ее «грязной». Считает, что Н. М. Щепкин и Кетчер рассорили Павлова и Плещеева

с Основским в связи со сложностями в издании журнала *МВест*, доведя дело до суда между ними. Посредники (Гиляров-Платонов, Островский и Чижов) оказались на стороне Основского, так что Плещееву пришлось извиниться перед ним. В результате Основский прекратил отношения с журналом, работает «в своей типографии и ведет дело *отлично*». Считает, что именно это послужило причиной оговора со стороны Щепкина. Сообщает, что т. 1 и 4 издания *Соч* (*1860–1861*) уже в продаже, а т. 2 и 3 «обещаны вскоре». «Вся эта история выказала Основского человеком честнейшим, благородным и слишком добрым <к> врагам его. Вы можете вполне полагаться, что имеете дело с человеком честным и денежки не пропадут <...>». Оценивает «наше будущее», т. е. дело об отмене крепостного права, которого все ожидают, как пока неопределенное (*Письма Борисова.* С. 342–343).

10* (*22*) *декабря или 17* (*29*) *декабря*. Суббота**. В один из этих дней присутствует вместе с Ханыковым, Чичериным, кн. Долгоруковым на втором или третьем костюмированном бале в Опере, где выступает Штраус и его оркестр (начало в полночь). См. п. к Долгорукову от ***8* (*20*) *декабря.

20 декабря 1860* (*1 января 1861*). Вторник**. В № 277 *СПбВед* в дополнение к объявлению об издании *Соч* (*1860–1861*), печатавшемуся с ***9* (*21*) *декабря, указано, что «2 и 3 (тома. — *Ред.*) уже печатаются и скоро поступят в продажу» (С. 1487).

Поздравляет Герцена с Новым годом, посылает «письмецо» Головнина к Трубецкому по поводу достоверности сведений об издевательствах флотских офицеров над матросами, разоблачению которых была посвящена напечатанная в «Колоколе» заметка «Крузенштерн, Нолькин, плюхи, линьки, обезьяна и Анкудинов» (Л. 86 от 19 ноября (1 декабря) 1860), и отрывок из «Морского сборника», где изложено следствие о взрыве на клипере «Пластун» (см.: *П.* Т. 4. С. *603*, примеч. 1, 2). Присланный Т. материал Герцен напечатал в «Колоколе» (Л. 90 от ***3* (*15*) *января 1861***). От лица многих просит «щадить» вел. кн. Константина Николаевича: «он, говорят, ратоборствует, как лев, в деле эманципации против дворянской партии — и каждое твое немилостивое слово больно отзывается в его чувствительном сердце». Просит вернуть «Морской сборник» по прочтении «непременно и немедленно». Сообщает, что дочь Герцена Ольга «процветает» и квартира у нее очень хороша. Ждет ст. об Оуэне (см. ***30 января* (*11 февраля*) *1861***), советует прочитать очерк недавно скончавшегося Сниткина «Стрикаловский барин» (*БдЧ.* 1860. № 9–10) и рассказ Генслера «Гаваньские чиновники

в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года. (Пейзаж и жанр)» (Там же. № 11—12). Просит хранить в тайне их отношения, имея в виду присылку материалов для «Колокола». Ответ Герцена см. ***24 декабря 1860*** (***5 января 1861***).

Дата п. Павлова к Т., написанного из квартиры Основского, который вернулся из Петербурга, «где торговал Вашими детищами», т. е. т. 1 и 4 *Соч* (*1860—1861*): «Расходятся шибко, но большим количеством продавцы не забирают, опасаясь смутных времен и голодания покупателей». Сообщает о том, что «вчера» встретил Борисовых, с которыми говорил о Т., а также Фетов, приехавших в Москву из купленной недавно Степановки. О себе пишет, что устроился в адвокатской конторе. Виделся с Е. Ф. Коршем, нетерпеливо ожидает возвращения Т.: «Авось хоть к вальдшнепиной тяге приедете» (*Письма Павлова*. С. 152).

22 декабря 1860 (***3 января 1861***). **Четверг**. Дата п. Основского к Т. (очевидно, ответ на неизв. п. Т. с просьбой выслать причитающиеся ему деньги): сообщает, что высылает Т. в Париж т. 1 и 4 *Соч* (*1860—1861*): ожидал выхода к декабрю всех четырех частей, «но выпущены только две; завтра готова и третья, а четвертая часть выйдет не ранее первых чисел февраля», поскольку бумага задержалась, приискать же бумагу такого же формата «нельзя». Обещает выслать книги «на днях». Относительно денег пишет: «3-го или 4-го января вышлю Вам еще 1000; к 1-му марта 2000; а остальные 2000 уже осенью». Просит написать об этом «разделении: может, удастся сделать и лучше». Объясняет выплату денег тем, что «книжная торговля идет плохо, и я едва, едва успел навязать (с уступкой 25%) 1000 экз. книгопродавцам — и это деньги в рассрочку». Обещает написать подробно со второй отправкой денег и рассказать о *МВест*, который уже не принадлежит прежним издателям (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 149. Л. 7—7 об.).

23 декабря 1860 (***4 января 1861***). **Пятница**. В Петербурге выходит № 1 еженедельного журнала «Век» (см. ***1*** (***13***) ***октября***).

24 декабря 1860 (***5 января 1861***). **Суббота**. Дата ответа Герцена на п. Т. от ***20 декабря 1860*** (***1 января 1861***): положительно отзывается об очерках Генслера «Гаваньские чиновники...» и Сниткина «Стрикаловский барин», который «подражает тебе». Благодарит Трубецкого («Рюрикова потомка») за пересланное ему через Т. п. Головнина и просит Трубецкого написать Головнину, что «за *пять*

лет не было такого неистовства в флоте, как теперь»; иронизирует по поводу побега из дома дочери Трубецких Екатерины («Орлихи»), вышедшей в 1858 г. замуж за кн. Орлова. Сообщает о приезде Мадзини (которым «очень доволен»): «Да, это величие — он совершенно позабыл о существовании Маццини и в восторге от успехов в Италии <...>». Предлагает прислать «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (Лондон, 1860. Вып. 1); обещает, что к 15 марта н. ст. 1861 Т. получит «Полярную звезду» (со ст. об Оуэне); интересуется его мнением о некрологе «Константин Сергеевич Аксаков» и ст. Огарева «На новый год», опубликованных в л. 89 и 90 «Колокола». Благодарит за заботы о дочери Ольге, шутливо советует: «Женись-ка на ней — да и живи домком». Спрашивает, доставил ли Бенни фотопортрет Герцена и Огарева (см. ***Около 6 (18) декабря***). Сообщает, что Крузе рассказывал ему «одну проделку Некрасова с Кулишом — вероятно, ты ее знаешь. И с эдакимто сукиным сыном вы все якшаетесь. Характеры вы мои, характеры» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 124—125). Ответ Т. см. ***28 декабря 1860 (9 января 1861)***.

О какой «проделке» Некрасова с Кулишом пишет Герцен, неизвестно. Об отношениях с Некрасовым и *Совр* Т. написал Герцену ***28 декабря 1860 (9 января 1861)***.

25 декабря 1860 (6 января 1861)*. Воскресенье**. У Т. обедает дочь Герцена Ольга с «другими детьми» (Богдан Маркович, дети Виардо, младший сын Н. И. Тургенева Петр): «Я представлял медведя и ходил на четвереньках. Это dans mes moyens (мне по силам — *франц.*) — но жениться! О, жестокая насмешка!» (см. п. к Герцену от ***28 декабря 1860 (9 января 1861); *Марко Вовчок. Листи.* С. 72).

Дата п. Плещеева к Т. из Москвы (с припиской Павлова), где высказывается мнение о мошенничестве Основского, которому Т. в 1860 продал право издания своих соч. в 4 т. (пайщиками издания стали Плещеев и Павлов, имевшие право на 5/8 тиража): «Основский — получивший от вас право напечатать 4800 экземпляров ваших сочинений — напечатал их гораздо более. Поверить его — нет возможности, потому что издание печаталось в его собственной типографии. — Но есть самые положительные данные — заставляющие это предполагать. Как только они вышли, он запрудил ими Москву и Петербург; нам же с Павловым сказал, что он продал только весьма небольшое число экземпляров. <...> Денег — после первой продажи разумеется ни я, ни Павлов не получили ни гроша». Забрав свою долю тиража (5/8), Плещеев пишет, что стал продавать его са-

мостоятельно, о чем публично заявил в газетах. Сообщает, что потребовал от Основского передать ему печатание последнего тома (т. 2), чтобы «печатать его в чужой типографии» (*Письма Плещеева.* С. 308—309).

Одновременно или несколькими днями позже Плещеев в п. к Анненкову сообщил также свои подозрения насчет издателя: «Для меня уже не новость, что Основский самый гнусный мошенник; но я думал, что И. С. Тургенева он все-таки побоится обмануть, как человека, которого голос слишком уважаем общественным мнением. Но я ошибся». В том же п. Плещеев сообщал, что Фет, по поручению Т., был у Павлова и сказал, что тот ничего не получил от Основского, что подтвердило и п. Кожанчикова. Советует припугнуть Основского угрозой напечатать о его проделках в газетах. Признается, что весной, когда писатель был в Москве, Основский взял у Плещеева 5000 р. для передачи Т., но куда дел их, неизвестно. Пишет, что, по уверениям Основского, деньги были переданы и оставалось 2000 долгу, которые он собирался дослать после продажи первых экземпляров, однако не сделал этого, хотя было продано более 1000 экземпляров. Ни Плещеев, ни Павлов также ничего не получили: «Он надул меня самым грязным образом, сказав, что продал всего несколько сот экземпляров. Я его уличил, собравши у всех книгопродавцев в Петербурге справки». Утверждает, что Основский напечатал более 6000 экземпляров и пропал, когда ему было предложено выкупить оставшиеся, по его расчетам, 500 экземпляров. Предлагает Анненкову самому приехать в Москву и «прижать» Основского к стенке. Утверждает, что из 14 000, данных Основскому, ему удалось едва вернуть 6000: «А здесь еще находятся люди, называющие его честным человеком. Грустно, что в числе их Островский, которому он умел подкадить». Надеется, что Анненков и Т. сумеют разубедить их. Уверяет, что Основский до сих пор не расплатился за бумагу (Там же. С. *311—312*, примеч. 2).

Между 12 (24) декабря и 26 декабря 1860 (7 января 1861). По просьбе Анненкова (см. ***9 (21) декабря***), снимается в парижском фотоателье Левицкого и посылает фотографии в неизв. п. к Анненкову, сообщая, что не все из них понравились знакомым (см. ***29 декабря 1860 (10 января 1861)***).

26 декабря 1860 (7 января 1861). **Понедельник**. Маркович навещает Т. на ул. Риволи (см.: *Марко Вовчок. Листи.* С. 73).

Отвечает на неизв. п. Случевского: неодобрительно отзывается о его «сибирской поэме» «Станция» (окончат. заглавие «В снегах»), присланной ему на отзыв, указывает на неточные и некрасивые стихи («самый размер отзывается подражаньем Некрасову»), «вычурность чувств и выражений» и т. д. Перечисляя многочисленные промахи, не советует публиковать поэму, однако полагает, что может ошибаться, и советует послать ее «какому-нибудь строгому приятелю».

Случевский последовал совету, послав поэму Н. В. Успенскому, который отвечал 12 (24) июня 1861: «На поэму вашу напишу критику — хотите? <...> Чувствую — что только пыль столбом пойдет!» (*Щукинский сб.* Вып. 7. С. 330). Опубликована поэма была лишь в 1879, с учетом замечаний Т. (см.: *П.* Т. 4. С. *604*).

О своей работе (над романом «Отцы и дети») пишет: «Она подвигается потихоньку». Просит передать поклон проф. Гофману.

Между 7 (19) декабря и 27 декабря 1860 (8 января 1861). Встречается с Бенни, получает переданное с ним рекомендательное п. Герцена и фотографию Герцена и Огарева (см. ***Около 6 (18) декабря*** и ***28 декабря 1860 (9 января 1861)***).

28 декабря 1860 (9 января 1861). **Среда**. Отвечает Герцену на п. от ***24 декабря 1860 (5 января 1861)***: спрашивает, достоверна ли весть о смерти К. С. Аксакова (см. ***7 (19) декабря***): «Я все еще не хочу верить смерти этого человека». Сообщает, что передал «комиссию» Герцена Трубецкому («который в сущности не Рюрикович, а Гедиминович») и тот обещал передать слова Герцена по назначению, т. е. Головнину. По поводу «Сборника правительственных сведений о раскольниках» (Лондон, 1860. Вып. 1) пишет, что давно приобрел его и прочел («Это удивительно интересно»), обнаружив там сведения о своем родственнике чиновнике Ф. М. Тургеневе, вымогавшем взятки со старообрядцев: «Это был величайший сукин сын и грабитель. Помнится, мы к нему от этого не ездили, даром, что он был нам родственник. А ведь и *мои* родные не были из числа самых беспорочных». Пишет, что виделся с Бенни, который «очень понравился», доставил ему фотопортрет Герцена с Огаревым «и исчез» («Надо его отыскать»). На упрек в «якшании» с Некрасовым отвечает: «С “Современником” и Некрасовым я прекратил всякие сношения, что, между прочим, явствует из ругательств à mon adresse (по моему адресу — *франц.*) почти в каждой книжке. Я велел им сказать, чтоб они не помещали моего имени в числе сотрудников —

а они взяли да поместили его на самом конце, в числе прохвостов. Что тут делать? Не возобновлять же катковскую историю в газетах».

«Катковская история» — конфликт с Катковым по поводу повести «Фауст» (*Совр.* 1856. № 10), которую редактор *РВ* принял за обещанную для его журнала повесть «Призраки» и допустил оскорбительные выпады по адресу писателя в объявлении об издании *РВ* на 1857. Тургенев вынужден был публично объясняться (см.: *П.* Т. 3. С. 155, *508*; 175, *519—520*). Расхождение с *Совр* и Некрасовым произошло гораздо раньше, в связи с публикацией ст. Добролюбова о «Накануне», когда Некрасов отказался исполнить просьбу Т. не печатать эту статью (см. ***19 февраля (2 марта)***). Поводом к окончательному разрыву стал выпад против Т. в рец. Чернышевского на русский перевод повестей Готорна (см. ***18 (30) июня***). Нежелание видеть свое имя среди авторов *Совр* Т. передал в п. к Панаеву через Анненкова (см. ***1 (13) октября***), однако последний решил не вручать п., ограничившись беседой (см. п. Анненкова от ***20 октября (1 ноября)***), следствием этого стал очередной выпад против Т., выразившийся в помещении его имени в конце объявления (см. ***20 октября (1 ноября)*** и ***6 (18) декабря***). Герцен, недавно обсуждавший с Т. свою ст. «Лишние люди и желчевики», в которой задел Некрасова, не заметил этого выпада, сочтя его, напротив, свидетельством продолжения отношений с *Совр* и лично с Некрасовым. Упрекнул Герцен за сношения с Некрасовым и Анненкова в п. от ***29 ноября (11 декабря)***: «...если ты непотребствуешь до того, что ездишь не только к Некрас<сову> (которого, надеюсь, ты видел, как я оборвал), но и к самому Краев<скому> <...>» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 120).

Сообщает, что Ольга Герцен «обедала у меня в воскресенье с другими детьми» (см. ***25 декабря 1860 (6 января 1861)***). Пишет, что еще не успел прочесть ст. Огарева «На новый год» (Колокол. Л. 89. 20 декабря 1860 (1 января 1861)). Ответ Герцена см. ***30 или 31 декабря 1860 (11 или 12 января 1861)***.

Дата п. Мериме к Соболевскому, в котором спрашивает: «Я забыл адрес г. Тургенева, не улица ли Риволи, 210?» (*Виноградов А. К.* Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928. С. 196).

29 декабря 1860 (10 января 1861)*. Четверг**. Дата п. Анненкова к Т. из Петербурга (ответ на неизв. п., написанное, по-видимому, ***Между 12 (24) декабря и 26 декабря 1860 (7 января 1861) с вложенными в него фотографиями Т.): «Портреты хороши, а если не нравятся другим, то потому, что Вы приучили других видеть Вас постоянно сияющим, как прилично хорошим людям <...>». Советует не волноваться насчет денег за *Соч* (*1860—1861*): «...деньги за них Вы получите непременно (хотя, может быть, позднее, чем Вы дума-

ете) <...>. Плещеев рассказывает, что, будучи участником предприятия на $^{3}/_{4}$ всей суммы, он получил от Основского из *четырех тысяч* экземпляров — *три тысячи* для распродажи в свою пользу, а между тем стороной узнал, что Основский напечатал не 4 тысячи, а 6 тысяч экземпляров. Я непременно спишусь с Плещеевым и его употреблю орудием для разъяснения всего дела и для выручки принадлежащей Вам суммы». Просит Тургенева написать Плещееву, которому сам написал, чтобы он «присоединил свои старания к Фетовским». Пишет, что Некрасов взял с него честное слово передать «его сердечный, дружеский поклон», связывая это с «выходкой» Добролюбова по адресу Т., которая «оскорбила здесь многих» (речь идет о статье «Два графа», опубликованной в № 6 «Свистка», приложенного к декабрьскому номеру *Совр*, где упоминалось о скором выходе «знаменитой» статьи Т. «Бернс и Кольцов». — *Ред.* См. ***7* (*19*) *января 1861***). Сообщает слухи по поводу «огаревского дела», по которому Панаевой пришлось выплатить денежную компенсацию и вернуть имение: «...за ней осталось только десятилетнее пользование чужим добром, но русский человек за этим не гонится». Подчеркивает особую роль в этом деле Чернышевского, выступавшего со стороны Панаевой и старавшегося в ее пользу, будучи должным Некрасову 7000 р.: «...на такую службу никто не считал его способным, однако ж видно, что в обширном сердце его есть всему место». Сравнивает его с морально безупречным Белинским: «О, погляди-ка на нас ты — лучезарный моралист земли нашей — Белинский! Однако, гадко». Характеризуя современное состояние общества, пишет: «Если кто живет в ненависти к лицемерию — так это мы, Иван Сергеевич. От самого высшего собрания до клуба, журнальной сходки и школьничьей вечеринки — все ненавидят, презирают друг друга <...> Каждый человек у нас для каждого человека есть предмет тайной ненависти, страха, подозрения и отвращения, выражаемых крупнейшими знаками благорасположения, похвалы и радушия. Такого отсутствия всякой нравственной связи и идеи в обществе — нет нигде в мире, по моему мнению. К этому странному быту даже можно привыкнуть до того, что он покажется естественным и неизбежным. Надобно именно побывать за границей и потом вернуться домой, чтоб он раскрылся опять глазам во всей своей картинной прелести». Сообщает о визите к нему Леонтьева (см. об этом п. Анненкова ***До 2* (*14*) *февраля 1861***) и обещает заставить самого Балашова написать Т. (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 94—96).

В торжественном годовом собрании Академии наук Т. утверждается членом-корреспондентом (см.: *Модзалевский Л. Б.* Тургенев —

член-корреспондент Академии наук // Вестник АН СССР. 1933. № 10. С. 40; см. также ***31 января (12 февраля) 1861***.

30 декабря 1860 (11 января 1861)*. Пятница**. Выходит № 12 *Совр* (ценз. разрешение 20 декабря 1860 (1 января 1861)); в нем — расширенный вариант объявления «Об издании “Современника” в 1861 году», повторяющий текст в № 11 *Совр* (С. 2, отд. паг.; см. ***26 ноября (8 декабря)); в составе «Заметок Нового поэта» — объявление о выходе т. 1 и 4 *Соч* (*1860–1861*): «Остальные два тома выйдут в непродолжительном времени. Все четыре тома будут заключать все доселе написанное г. Тургеневым, за исключением его драматических сочинений и стихотворений. Цена этих 4 томов — очень умеренная по компактности издания — 5 р. с.» (С. 407).

В прибавлении к *Совр*, № 6 «Свистка», выходит заметка Некрасова «Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности», где, цитируя Георгиевского по упоминанию в *МВед* (см. ***16 (28) ноября***), он откликается на составленный Т. Проект «Общества для распространения грамотности и первоначального образования»: «Польза грамотности доказывается иногда странным образом. “Г-н Георгиевский <...> сообщает <...> слух о том, что славный наш писатель И. С. Тургенев прислал из-за границы в Петербург составленный им проект «Всероссийского общества для распространения в народе образования». *Вот еще доказательство* (говорят «Моск<овские> вед<омости>»), *до какой степени* всеми *чувствуется...*” и проч. Читая эту фразу, иной, пожалуй, подумает, что он когда-нибудь чувствовал противное. Нужно ли говорить, что знаменитый наш романист никогда не разделял мнения г. Даля, Бланка и Беллюстина» (см.: *Некрасов.* Т. 12. Кн. 1. С. 338).

Дата № 51 «Искры» (ценз. разрешение 28 декабря 1860); в нем — объявление Плещеева: «Всех, желающих приобрести полное собрание сочинений И. С. Тургенева, покорнейше прошу адресоваться ко мне, как к владельцу большой половины (5/8) всего издания. Последний том будет печататься под моим непосредственным наблюдением. Жительство имею в Москве, на Плющихе, в доме Дарагана. Алексей Плещеев» (С. 599). См. также ***25 декабря 1860 (6 января 1861)*** и ***2 (14) января 1861***. Ср. объявление Основского в *МВед* ***3 (15) декабря***.

Повторно напечатано: *МВед.* 1861. 3 января. № 2. С. 16; 5 января. № 4; 6 января. № 5.

30 или 31 декабря 1860 (11 или 12 января 1861)*. Пятница или суббота**. Ответ Герцена на п. Т. от ***28 декабря 1860 (9 января

1861). Сообщает подробности о смерти К. С. Аксакова, известные ему из п. И. С. Аксакова: «Он умер на острове Занде, куда его послал Шкода для леченья». Поздравляет «с русским» Новым годом; пишет, что в России «все закипает — какие письма приходят иногда, — и черт знает откуда — из Казани, из Оренбурга. Из Казани — нам пишут такие симпатии, что чудо». Обещает выслать свою ст. «Собственное дознание о взрыве “Пластуна”», опубликованную в л. 90 «Колокола» от 3 (15) января 1861 (см.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 127; *Герцен. Летопись.* С. 180).

31 декабря 1860 (***12 января 1861***). **Суббота**. Ешевский сообщает жене о встрече Нового года: «Я иду встречать его (наш, а не заграничный) к Тургеневу вместе с М<арией> Ал<ександровной Маркович>, Бород<иным>, Пассеком и только. Назвались было другие, и это едва ли не расстроилось, но Тург<енев> придумал сказать, что он может быть дома только в 11 часов вечера и, таким образом, дело уладилось» (*ОПИ ГИМ.* Ф. 312. № 4. Л. 49, 50; цит. по: *Лобач-Жученко Б. Б.* Тургенев и М. А. Марко-Вовчок // *Т Сб* (*5*). С. 376).

Сентябрь — декабрь ст. ст. Предположительная дата записки к Маркович: приглашает к поездке в Фонтенбло, «но если даже Вы не хотите ехать с нами, мне *нужно* Вас видеть — приходите ко мне в 11 $^1/_2$ часов — вечерять», сообщает, что не может быть у нее.

Декабрь 1860 ст. ст. В сохранившемся отрывке из п. Т. к Анненкову характеризуется Маркович, живущая в Париже: «...Марья Алекс<андровна> все здесь живет, и мила по-прежнему; но что тратит эта женщина, сидя на сухом хлебе, в одном платье, без башмаков — это невероятно. <...> В 1 $^1/_2$ года она ухлопала 30 000 франков совершенно неизвестно куда!..».

Осень — зима 1860. Во время пребывания в Париже регулярно бывает в кафе «Режанс» и играет в шахматы.

1860. Авторская дата ст-ния Некрасова «......одинокий, потерянный...» (*Некрасов.* Т. 2. С. 94, *369—370*).

Перед смертью Некрасов пояснил: «Навеяно разладом с Тургеневым в 1860 г.» (*Некрасов.* Т. 13. Кн. 2. С. 43).

1861

Конец 1860 или начало 1861. По воспоминаниям Щербаня, франц. журналист Ф. Морнан в самом конце 1860 или начале 1861 обратился к Т. с просьбой рекомендовать его в качестве политического корреспондента в *РВ* (и в выходившую при нем еженедельную «Современную летопись»); журнал, «понятно, не мог открыть свои страницы революционеру» и «сподвижнику полонизма», и П. М. Леонтьев поручил Щербаню от имени Каткова передать эти соображения Т. (*Щербань* (*1*). С. 3—6). Рекомендательное п. Т. к Каткову по поводу Морнана неизв. См. ***Вторая половина января ст. ст.***

1* (*13*) *января. **Воскресенье**. В Москве выходит № 1 газ. *РРечь*; в нем — ст. гр. Салиас «Москва и москвичи», в которой говорится о чистоте женских натур в произведениях Т., Толстого и Авдеева (С. 6—10; подпись: В. Сухарев).

Газета выходила два раза в неделю до 4 (16) января 1862, с № 39 слилась с еженедельной газетой *МВест* и стала называться «Русская речь и Московский вестник», что давало возможность ввести рубрику «Политика».

Дата п. Борисова к Т. из Москвы: пишет по поводу *Соч* (*1860—1861*), что «Фет горячо принялся по Вашему делу с Основским и сам Вам даст ответ во всем. <...> Сами сделаете истинный вывод — кто тут прав, что же касается до финансов Ваших, то, кажется, Вы поручили надежному человеку, он выручит Вам всё до копеечки, разве уже Основский действительно нечестный человек — и плутует? Чему пока не верю». Сообщает о приезде В. А. Шеншина с хорошими новостями об ожидаемом «Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»: «Ждем, ждем объявления новых положений, а слухи откладывают еще до октября. Не дай бог, чтобы это было справедливо» (см. п. Борисова от ***27 февраля*** (***11 марта***)).

По поводу популярности Т. пишет: «Ожидание от Вас новенького растет в публике еще более, чем перед “Накануне”. Евгения Тур обещает Вас, Катков тоже, и “Русск<ое> слово”, и все, все по-прежнему, как-то Вы умудритесь всех оплодотворить» (*Письма Борисова.* С. 347). Ответ Т. неизв.

В публикации Е. М. Хмелевской ошибочно датировано 17 (29) января 1861 (см.: *Письма Борисова.* С. 347), что не соответствует действительности, так как п. написано утром после новогодней ночи.

Дата п. Некрасова к Добролюбову, в котором говорится о Т.: «Вы его, однако, не задевайте, он ни в чем не выдерживает долго — и придет еще к нам (если уж очень больно не укусим), а в этом-то и будет Ваше торжество, да и лично мне не хотелось бы, чтоб в “Совр<еменнике>” его трогали» (*Некрасов.* Т. 14. Кн. 2. С. 149—150).

2* (*14*) *января*. Понедельник**. В п. к Фету и Борисову, отвечая на их «совокупное посланье» (неизв.), Т. сообщает, что получил от Основского за проданное ему право издания *Соч* (*1860—1861*) «хотя не все деньги, которые он должен был выслать — однако половину», просит «положить под сукно» все, что сообщал по этому делу ранее, и приостановить намеченные действия, рад, что распущенные слухи об Основском оказались ложными: «рад за себя, а главное за Основского, которого мне было как-то дико воображать не совершенно честным человеком» (см. также п. Борисова к Т. от ***19* (*31*) *декабря 1860). Жалуется на медленный ход работы над романом «Отцы и дети»; советует Фету заняться переводами из Проперция или Катулла (см. также п. Т от ***5* (*17*) *ноября 1860***).

Обращаясь к Фету, просит перевести «дистихом Катулла» два стиха, что Фет, вероятно, и сделал в неизв. п. Позднее он издал Проперция в своем переводе (Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888), а в 1886 наиболее полный сборник ст-ний Катулла, где данные два стиха звучат след. образом: «Хоть ненавижу, люблю. Зачем же? — Пожалуй ты спросишь. / И не пойму, но в себе, чувствуя это, крушусь» (Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. С. 126). Эти строки из Катулла Т. использовал в романе «Дым», введя их в одну из речей «русского философа» Потугина (гл. V).

Обращаясь к Борисову, пишет, что в пьесе Островского «Старый друг лучше новых двух» (*Совр.* 1860. № 9) ему «нравится только превосходно нарисованное лицо “Оленьки”». С остальными замечаниями Борисова согласен (см. ***19* (*31*) *декабря 1860***). Ответное п. Борисова см. ***15* (*27*) *января***.

3 **(*15*) *января*. Вторник**. Дата пространного объяснительного п. Основского к Т. по поводу *Соч* (*1860–1861*):

«Иван Сергеевич, / Я любил (и люблю) Вас. Как не любил никого в мире: я боготворил Вас, Вы были для меня кумиром, идеалом человека. (Ради всего милого для Вас — не примите это за фразу, за лесть). И вдруг... Но, лучше, расскажу Вам все исторически, не щадя ни себя, ни моих *доброжелателей*. Письмо это есть — исповедь и должно остаться между мной и Вами — этого я прошу. / История делится на два периода: на историю "Московского вестника" и историю издания Ваших сочинений. Начну с первого. / Если буду жить, то расскажу Вам историю моей жизни, которая может послужить великолепной канвой для превосходной повести. Теперь же начну с конца 58-го года, когда, возымев мысль издавать газету, обратился к И. В. Павлову как к человеку мне коротко знакомому и человеку с талантом. Дело было решено и кончено на следующем: каждый из участников вносит 500 р. и работает *безвозмездно*. Я еду в Москву с капиталом в 500 р. (единственным), занимаю 1000 р. и начинаю издание. Воронцов (человек вполне благородный) говорит, что он не может рисковать деньгами. Я ему отвечаю, что его часть я беру на себя. Издание начинается (идет плохо). От Павлова, выключая претензий и обещаний — дать деньги, я получаю одни лишь выговоры. Так проходит 59-й год. Издание терпит (то есть я терплю) 3000 руб. убытку. Я показываю, что убытку 2500 р., потому что мне совестно было показать расходы, извозчиков и прочие мелочи. Наступает 60-й год. Является в Москву Плещеев и желает войти в 4-ю часть; вносит 625 руб., то есть 4-ю часть убытку за 59-й год и 500 р. на 60-й. Но, по желанию Павлова, прибавляется пол-листа и печатается мелким шрифтом "Вестник", а потому лишние подписчики 60-го года поглощаются этой прибавкой. Дело опять идет плохо. Претензиям и самолюбию Павлова — нет конца, а Плещеев тащится — хвостом за Павловым. Терплю и страдаю один — я, как чернорабочий, ибо они только отдают мне приказания: в состав "М<осковского> в<естника>" я уже в 60-м году не вмешивался. / Прилагаю здесь письмо Павлова от 24 декабря 5[9]8 года; вслед за этим письмом я получаю другое, в котором Павлов поручает мне: нанять для него квартиру, заплатить за треть деньги и купить мебель. Я исполняю все, разумеется, по силе и возможности. По истечении 2-х недель Павлов пишет мне, чтоб я прислал ему 100 р. Я посылаю; по истечении месяца пишет, чтоб я прислал 100 р. — посылаю. Далее он говорит, что определил себе 100 р. в месяц, т. е. 150 р. за лист. Я молчу и плачу. Таким образом, вместо получения от Павлова 1125 р. я выплачивал ему 900 р. до сентября. И получаю в благодарность — ругательства и претензии. Наконец он требует, чтоб Воронцов был от редакторства отставлен, а чтоб редактором был он — Павлов. Мера терпенья моего переполнилась, и я отвечал Павлову, что уволить от редакторства Воронцова и назначить редактором его — Павлова — я не

могу, потому что это не в моей воле и потому что я против Воронцова ничего не имею. Начинается скандал: меня требуют к третейскому суду, который был для меня *торжеством, откуда является и все озлобление* и все *клеветы* против меня. Меня обвиняют в утайке, т. е. в краже 300 экземпляров “Москов<ского> вестн<ика>”. Павлов и Плещеев избирают судьями своими Чижова и Чернышевского. Я говорю, что первого я допускаю, но второго, как жителя Петербурга, я допустить не могу, а на место его избираю судьей Плещеева. Плещеев отвечает, что в собственном деле он быть судьей не может. С своей стороны я избираю в судьи Гилярова (приятеля Павлова) и Соколова (приятеля Плещеева). Воронцов приглашает еще Островского — человека едва-едва мне знакомого, но который явил себя человеком вполне беспристрастным и благородным. Дело было очень просто. В записке моей, данной переплетчику, было написано: тому-то столько-то, туда-то столько-то... Выходило, что “Моск<овский> вест<ник>” расходится 2100 экз., хотя в действительности его расходилось 1800 эк., а 300 оставалось в запасе в магазинах: на случай спроса, потому что нельзя же при требовании книгопродавцу посылать каждый раз в редакцию. Что, обыкновенно, делается каждой редакцией. Павлов и Плещеев не поняли и этой простой вещи и решились обвинить меня — своего товарища — в воровстве. Я собрал все документы, они все ясно увидели, кто прав, кто виноват. / *Прося мысленно и сердечно прощения перед законом и Государем* и к тому же принадлежа к врагам дуэлистов, я, однако, послал вызов Плещееву, но, как и следовало ожидать от подобного человека — получаю отказ, что будто бы неприлично драться из-за денег, хотя дело шло об оскорблении. Делать мне было нечего; но злоба против меня сохранилась и затаилась в их сердцах, и они решились действовать против меня другим путем, мстить мне иначе. Не знаю, через кого, но, как уже я вижу теперь, обвиняют меня перед Вами, заподозривают меня. Являются на сцену Ваши сочинения, в которых, к несчастию, Плещеев и Павлов участники. Я объявил им, что продавать их части не буду. Павлов пишет мне, что я печатал 6 заводов. Чтоб сразу прекратить эту подлую их выдумку, я еду к Павлову и говорю, что печатать 2-й части я не буду, а печатайте вы сами в типографии Каткова, у которого есть такой же шрифт, и, следовательно, лучшей поверки быть не может, хотя и у меня в типографии из 20 человек рабочих каждого можно бы об этом спросить. / Желанию моему — оправдаться от клеветы дают следующий оборот. Плещеев делает в “Искре” и “Московских ведомост<ях>” публикацию, что он, как имеющий 5/8 издания, просит обращаться за приобретением экземпл<яров> к нему и что он печатать вторую часть будет уже под своим *наблюдением*. Первую половину этого объявления он имел право печатать, но вторая половина печаталась с явным желанием меня публично очернить и заподозрить. Вот до чего тонка бывает месть — не от врагов, а от приятелей: лучшему и ясному вашему оправданию — дают превратный смысл. / Накануне нового года ко мне приехал Фет с Ва-

шей запиской. Я показал ему дубликат, что 1000 р. посланы Вам 21-го декабря; что я немного промедлил, зная, что Вы от этого не пострадаете, и думая, что Вы извините меня за неаккуратность. Говорю Фету, что к 3-му числу января привезу еще денег, сколько могу. Но появление Фета с Вашей запиской меня уже убило, и я заболел. 2-го января вечером я получаю от Плещеева письмо, в котором он пишет, что от Вас получены 2 письма: одно Анненковым, другое Фетом, в которых Вы пишете, что денег от меня не получали и что предоставляете и уполномочиваете Анненкова принять против меня самые строгие *полицейские* меры. Иван Сергеевич Тургенев и полицейские меры!!.. Я ничего не понял. Что было со мной по прочтении этой гнусной записки — я не помню. Удивляюсь, как я не поседел, как я не умер. Правая рука, Вы видите, как пишет. Я простоял на месте, без движения, с полчаса. Вы, конечно, поймете, что меня поразила не фраза: *полицейские меры*, потому что подобные меры принимает тот, кто вооружен контрактом, векселем, условием и т. п.; я же имею с Вами условие на словах, и потому доказать юридически (если б я был мерзавец и хотел обмануть Вас): получили ли Вы от меня деньги, сколько именно, или, быть может, подарили мне издание — невозможно. Слов нет, что в целой России мне бы никто не поверил, но, повторяю, обвинить юридически меня было бы невозможно. Нет, меня поразила не фраза, а то, что Иван Сергеевич Тургенев, который был и теперь есть для меня святыней, решил написать подобную вещь Анненкову, и Анненков передал это Плещееву. Не помню, что я отвечал Плещееву, кажется, что-то не слишком лестное, но, впрочем, помнится, благодарил его за участие, которое он принимает в моих делах относительно Вас. Вслед за этим я бросился достать денег, разумеется, не к приятелям, а к ростовщику и достал 2500 р. за ужасные проценты. На другой день я передал деньги Фету. Не забудьте, что за бумагу и печать и проч. мне следует с Плещеева получить 3250 р. Но мне гадко и напоминать ему об этом. Когда Фет увидал, на чьей стороне вся грязь и подлость, тогда он сказал, что я не имел права передавать печатание 2-го тома Плещееву; то же самое мне сказал и Гиляров, и Островский («Островский» — вписано. — *Ред.*), прибавив, что Плещееву я должен публично дать пощечину. Гилярову я отвечал, что пощечина Плещеева не исправит и ни *к чему* не поведет, кроме как меня — к суду, а с меня уже и так достаточно много всего. / Вы, конечно, получили и письмо Павлова, писанное на квартире у меня, что, конечно, удивило Вас. Да, было что-то вроде примирения (даже объятия были), хотя я тогда же сказал Павлову, что миреный друг — хуже недруга, что и подтвердилось. За это примирение Чижов, Гиляров — другие пришли на меня в негодование, и справедливо. Чижов нарочно приезжал к Гилярову и сказал: Вы увидите, что Павлов опять подобьет Плещеева и они опять заведут какую-нибудь кляузу. Так и вышло. Я до сих пор еще не ходил к Чижову благодарить его. Мне было как-то совестно (хоть это невежливо) благодарить человека, что он, не зная меня совершенно и быв

в хороших отношениях с Павловым (равно как и Гиляров, последний — с Павловым расстался), защищал меня и обвинил их. Вследствие этого я и Вам не писал ни слова о нашем деле. Мне казалось гадко забегать вперед, вилять хвостом... Вы в каждом письме спрашивали: что Павлов? но я упорно отмалчивался... / Теперь сделаю вывод из моего журнального и издательского поприща. Достоевский дал мне 500 р. убытку. От Ваших сочинений 3/8 я не получил ни гроша. Потому что должен был их запродать по своей цене, имея нужду в деньгах при совершившейся катастрофе. Два года я работал, как каторжный, не имея ни днем ни ночью покоя. 2375 рублей потерпел убытку от изд<ания> “Вестника” в 59 году. В 60 году “Вестник” продал за 7500 руб., которые все взял Павлов, а меня вознаградили частью типографии, оставив на ней 3800 р. долгу (она в залоге у Плещеева). Вы знаете, что серебряную ложку продавать — надо потерять треть цены. Типография идет в убыток. Я должен 3000 ростовщику. Жил я два года на барыши (800 р.) от “Дворянского гнезда”. Если б не затеяно было этого поганого “Вестника” (в чем я один виноват), то я бы жил *приживальщиком* у Киреевского и жизнь бы мне ничего не стоила. Как легко быть приживальщиком — Вы не знаете. Но Вы не знаете также и истории моей жизни. Если я буду жив, если я переживу все это, то составлю для Вас канву, повторяю, для превосходной повести. / *Цель издания “Моск<овского> вест<ника>”.* Цель издания “Московского вестника” (с *моей* стороны) была чисто *лавочная*. Я хотел составить себе капитал в 3000 р., купить около Москвы несколько десятин земли, поставить избу, заниматься сажанием картофеля, капусты, огурцов и умереть огородником — это был идеал моей жизни, после всех утрат и лишений. Для Вас, хоть Вы и великий мыслитель и глубокий психолог, быть может, все это будет не совсем понятно, но тем не менее — это *истина*, о которой Вы спрашиваете и вспоминаете *Того*, кто не дал на вопрос ответа. Да, быть огородником — вот что занимало меня 10 лет, то есть все время после смерти моей жены. Кстати, все Ваши дополнения я протащил сквозь цензуру: не вымарано ни единого слова. — Я обязан этим Гилярову, который тоже в Вас души не слышит. В конце “Рудина”, в добавлении, вкралась гнусная опечатка; вместо Tiens — напечатано: riens. Меня не было дома, а в Вашей рукописи так написано. Надо оговорить. Это, кажется, единственная замеченная опечатка, сколько могу припомнить. / *Результат.* Результат — не 20 десятин земли, изба, корова и лошадь, а яма за долги по милости приятелей (Павлова и Плещеева), которые ничего не потеряли, а приобрели первый 900 р., второй — 1400; результат — не огородничество, а позор и, что хуже всего, подозрение от Вас. Иван Сергеевич! Быв связан с Вами не контрактом, а словом, я бы пошел по миру, сбирал бы милостыню, но выпросил бы Вам все 8000 р. Я теперь уплатил Вам 5500 р. да за Плещеевым еще долг 3750 руб., хотя я их у него домогаться и не буду. Голова идет кругом; более писать не могу, хотя многое еще бы нужно сказать. Надеюсь, что для Вас будет теперь все понятно и что Вы

не будете уже меня осуждать, не будете подозревать меня. Жаль, что я не послушал Гилярова, который уже давно принуждал меня написать Вам обо всем. Сейчас Фет и Островский уверяли меня, что Вы не могли написать Анненкову подобное выражение. Да я и сам не верю, и мне как будто легче. / Прилагаю несколько писем Павлова и Плещеева, как документы, надеясь, что все это останется между нами, потому что частную переписку нельзя передавать, и я делаю нехорошее дело, но я делаю это, чтоб спасти себя от бесчестья перед Вами; хотя все люди, которым Вы доверяетесь, вероятно, и так знают все очень хорошо. Люди эти: Чижов, Гиляров, Островский, Фет, Катков, Драшусов. Анненков, как житель Петербурга, — ничего знать не мог, и Плещеев, разумеется, говорил ему, что хотел, потому что язык без костей, а краснеть Плещеев не может: пощечиной не добьешься краски. Будьте здоровы, спокойны, счастливы... / Любящий Вас Н. Основский. / P. S. Странное дело! Самолюбие человеческое без границ. Можете сами представить, что в вознаграждение за все я бы желал, чтобы Ваша новая повесть была посвящена мне. Хоть мне, думаю, так и не удастся прочесть эту повесть, но мысль, что она будет мне посвящена, была бы для меня приятна и отрадна; тем более что это официально бы сняло с меня общественное подозрение, которое навлек Плещеев своим гнусным объявлением, еще раз — прощайте. / Прилагаю еще маленький клочок письма (59 г.) Павлова, из которого Вам будет видно, какое понятие Павлов имеет о Плещееве; но корысть превозмогла все. Павлов говорит, что он понял, что следует писать всякую ерунду, лишь бы достать деньги. Одним словом, литературный мир, я уже давно это знал, давно был в этом убежден, выключая несколько светлых личностей, — есть самый грязный, самый подлый мир. Каждый взяточник, всякий ростовщик в тысячу раз благороднее наших литераторов, наших, quasi, передовых людей» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 149. Л. 9—15 об. Часть п. со слов «2-го января вечером» до «как я не умер» с неточностями: *П*. Т. 4. С. *611*). См. ниже п. Плещеева к Анненкову, а также ***6 (18) апреля 1862***.

Дата п. Плещеева к Анненкову об Основском, который в ответ на угрозу Плещеева «решительных мер» отвечал, что «с ним *нельзя* принять мер полицейских, ибо он никаких обязательств формальных с Тургеневым не делал; обязательства существовали только на словах; но что, впрочем, он деньги Тургеневу послал (6 тысяч) и завтра же отправляет к Вам квитанции — от банкира Марка»; просит уведомить о получении этих квитанций. Признается, что решил сам «постращать Основского гласностью» и написал ему, что получил от Анненкова уведомление, будто он уполномочен Т. «принять относительно его решительные меры»: «Извините, если я употребил Ваше имя *всуе*; но так как это побудило, однако ж, Основского поторопиться уплатой, то, может, Вы и не рассердитесь на меня. Мне кажется, воров следует пугать *полицейскими* мерами. Другим не возьмешь с ними». Пишет, что хочет взять на себя печатанье последнего тома (т. 2) *Соч* (*1860—1861*), «чтобы прове-

рить — точно ли Основский напечатал не более 4800 экземпляров», однако ему кажется, что Основский «не намерен допускать до этого. По крайней мере, всё оттягивает; уверяя, что Тургенев ему не выслал каких-то исправлений». В постскриптуме сообщает: «Сейчас Фет дал мне знать, что счеты с Тургеневым приведены в ясность. — Видно, убоялся скандала — издатель» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 81. Л. 1—1 об.; см. также: *Письма Плещеева*. С. 316). Данное п. Плещеева свидетельствует, что ни Т., ни Анненков не были причастны к намерению преследовать Основского «полицейскими» мерами, которые были сочинены Плещеевым от их имени.

Дата п. Фета к Анненкову, в котором выражает радость, что, получив от Т. доверенность на ведение дел по изданию Основского (см. ***17*** (***29***) ***декабря 1860***), не переслал Анненкову п., написанное «под первым впечатлением» «вследствие наветов Павлова и Плещеева»: «Сию минуту был здесь у меня Основский с просьбой восстановить его репутацию в глазах Тургенева и Ваших. Эту просьбу я должен исполнить даже по совести, так как Основский расчелся со мною, и я сию минуту через *Марка* отправляю деньги к Тургеневу». Сообщает, что Основский распорядится о доставке Анненкову трех экземпляров издания, что Плещеев «для поверки Основского хочет сам издавать недостающий том, но я хочу передать это дело в третьи руки, хотя Каткову что ли? Как Вы об этом думаете? Зачем же гадить издание без всякой причины? Дело щекотливое и не свое. Но я буду действовать по крайнему разумению справедливости». Называет дело с Основским «целым Гордиевым узлом» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 108. Л. 1—2).

4 (***16***) ***января***. **Среда**. Дата № 1 журнала «Русский мир»; в нем — рец. на «Подводный камень» Авдеева, в которой отмечается, что в романе повторяются мотивы и характеры, известные из произведений Т., Толстого, Дружинина (С. 19—23; подпись: А. П—н).

Конец декабря ст. ст. 1860 — начало января ст. ст. 1861. Предположительная дата неизв. п. Т. к Павлову о конфликте с издателем Основским по поводу *Соч* (*1860—1861*). Упоминается в п. Павлова от ***14*** (***26***) ***января***.

5 (***17***) ***января***. **Четверг**. В п. к Анненкову спрашивает, получил ли тот его последнее п. (неизв.) «с вложенными тремя фотографиями» (см. ***29 декабря 1860*** (***10 января 1861***)). Высказывает удивление и обиду за то, что из третьих рук (очевидно, от Е. С. Кочубей) узнал о предстоящей женитьбе Анненкова на родственнице Карташевской Ракович: «И как, думал я, если это известие действительно справедливо — как мог он не написать об этом мне, мне — человеку, который почувствует смертельную обиду, если он не будет воспри-

емником будущего *Ивана*, непременно *Ивана* Павловича Анненкова? Из этих последних слов Вы должны догадаться — если уже не догадались — на что я намекаю. Вследствие этого я требую безотлагательного и немедленного ответа <...>». Просит принять «искреннее и дружеское поздравление».

Первенца Анненкова назвали не Иваном, а Павлом, в честь отца, и Т. не стал его крестным отцом, он был восприемником третьего ребенка Анненковых — Аркадия, прожившего всего год.

Позже Анненков вспоминал о своей женитьбе: «Виновником перемены был все-таки И. С. Тургенев, познакомивший меня с семейством, где я встретил будущую мою жену», но «позабыл даже известить» о свадьбе «человека, бессознательно открывшего к ней дорогу, то есть Тургенева, к великому его удивлению и огорчению» (*Анненков* (*1983*). С. 445—446).

Жалуется, что Основский его «надул» (речь идет о том, что издатель недоплатил Т. за издание его сочинений, см.: *Письма Плещеева*. С. 308—312).

Дата п. Павлова к Т. о расчетах с Основским за *Соч* (*1860—1861*): «Что Вам пришла за фантазия поручить Ваши дела по изданию Фету, а не мне?» (см. п. Т. к Фету от ***17*** (***29***) ***декабря 1860***); просит Т. написать «*немедленно*», получил ли он от Основского 6000 р., «а если недополучили, то сколько именно. <...> До Вашего последнего письма к Фету мы с Плещеевым были уверены, что Вам отдано шесть тысяч и додать остается только 2 т<ысячи>» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 152. Л. 3; см. также: *Письма Павлова*. С. 152—153, где не отмечено, что на обороте п. находится п. Плещеева на ту же тему). Ответное п. Т. неизв.; см. также п. Павлова к Т. от ***14*** (***26***) ***января***, ***28 января*** (***9 февраля***) и ***Мая ст. ст. 1862***.

Дата п. Плещеева (на обороте п. Павлова к Т. того же дня (см. выше)) о расчетах за издание *Соч* (*1860—1861*), упоминает о недавно посланном Т. «длинном» п. (от ***25 декабря 1860*** (***6 января 1861***)), о получении которого просит уведомить. «Основский уверял меня, что вы получили от него 6 т<ысяч> и что за ним всего остается 2. Но Анненков на днях писал ко мне (п. неизв. — *Ред.*) — что напротив вы получили всего полторы тысячи; меня это глубоко возмутило; и я написал этому мошеннику (п. неизв. — *Ред.*), что Анненков [конфи<скует>] секвеструет издание — если вам не будет заплачено. Это заставило его найти денег, по крайней мере Фет — говорит, что *сгеты приведены в ясность*. (Это его слова.)». Поясняет, что «еще весной» дал Основскому 5000 р. «для отсылки вам. — А он теперь — имеет наглость спрашивать — какое мне дело до его отно-

шений к вам! И прибавляет, что между вами и им не было ничего кроме словесных условий и потому секвестровать издание никто не имеет права». (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 152. Л. 3 об.—4; см. также: *Письма Плещеева*. С. 312, *313*. См. также ***7 (19) января***).

6 (18) января*. Пятница**. Получает п. Плещеева от ***25 декабря 1860 (6 января 1861) о недобросовестности Основского. Отвечает на него ***7 (19) января***.

Дата п. Мериме к Т. из Канн: сообщает, что написал «страниц двенадцать» ст. о Пушкине, сравнивает поэта с Байроном, видит между ними «немалое сходство», хотя Пушкин, в отличие от Байрона, имеет вкус, поэтому «лапидарен и в содержании и в форме»; спрашивает, является ли вкус Пушкина даром природы или следствием образования; считает, что для продолжения работы ему «не хватает книг и советов, подобных Вашим»; высказывает критические замечания о «Кавказском пленнике» и «Бахчисарайском фонтане»; спрашивает, являются ли сказки поэта русскими народными, переложенными Пушкиным стихами, или подражанием волшебным сказкам: «Как видите, я продолжаю преследовать вас сомнениями и вопросами». Предполагает быть в Париже через месяц и показать Т. законченную ст. о Пушкине. Собирается съездить в Ниццу к Соболевскому, познакомился с А. В. Трубецким и его женой (*Мериме*. Т. 6. С. 161—163).

6—7 (18—19) января*. Пятница — суббота**. Пишет ответ (неизв.) Плещееву на его п. от ***25 декабря 1860 (6 января 1861): просит его «в случае новых плутней» Основского «сговориться с Фетом для обоюдоострого действия» (см. ***17 (29) декабря 1860*** и ***2 (14) января***). Ответ Плещеева см. ***18 (30) января***.

Об этом п. Т. упоминается в п. к Анненкову от ***7 (19) января***. О нем же говорится в п. Плещеева к Анненкову от ***21 января (2 февраля)***: «От И. С. Тургенева я получил письмо. Он дает мне право печатать и вообще carte blanche действовать, как я найду лучше, для обеспечения наших общих интересов» (цит. по: *Письма Плещеева*. С. 315).

7 (19) января*. Суббота**. Благодарит Анненкова за сообщенные известия о ходе издания *Соч* (*1860—1861*), пишет, что вчера получил п. от Плещеева (см. ***25 декабря 1860 (6 января 1861)) «с подробнейшим изложением дела» о недобросовестности Основского и поручил ему «сговориться с Фетом для обоюдоострого действия».

Откликается на сообщение Анненкова об упоминании имени Т. в «безобразнейшем» «Свистке» (см. ***30 декабря 1860*** (***11 января 1861***)): «Потешание надо мною “Свистка” не удивляет меня <...>. Всё это в порядке вещей».

В ст. «Два графа» Добролюбов шутливо обыгрывал объявления о будущей ст. Т.: «Новая эра параллелей, так сказать возрождение Плутарха, — совершится тогда, когда появится знаменитая статья г. Тургенева “Бернс и Кольцов”. Но так как появление этой статьи скрывается в тумане более или менее отдаленного грядущего, то мы намерены подготовить к ней публику несколькими этюдами, не имеющими такой капитальной важности, как будущее произведение г. Тургенева, но тем не менее долженствующими знакомить публику с плутарховскою манерою. Так, наши даровитые сотрудники обещали нам параллели: “Виллымен и А. Д. Галахов”, “В. А. Кокорев и Лафит”, “Жорж Занд и Евгения Тур”... и пр. и пр.» (*Совр.* 1860. № 12. Отд. 4 (Свисток). С. 4).

В ответ на характеристику русской жизни, данную Анненковым в п. от ***29 декабря 1860*** (***10 января 1861***), пишет: «...описание Ваше нравственного состояния петербургской жизни есть capo d'opera (шедевр — *итал.*). Размышляя о нем, начинаешь понимать, как в разлагающемся животном зарождаются черви. Старый порядок разваливается, и вызванные к жизни брожением гнили — выползают на свет божий разные гниды, в лицах которых мы — к сожалению — слишком часто узнаем своих знакомых...».

Сообщает о встрече «на днях» с «человеконенавидцем» Н. Успенским, с которым обедал, и с «дельным» А. А. Слепцовым, со слов которого заключает, что «Общество для распространения грамотности» «провалилось». Надеется, что та же участь не постигнет Литературный фонд, собирается «недель через 6 устроить для него здесь чтение» и просит извиниться перед Комитетом Литфонда за невысылку 5% с прошлогодней литературной выручки, обещает вскоре выслать 250 р. сер. Просит доставить по почте биографию Шамиля «для одной здешней “Revue”» (очевидно, речь идет об издании: Жизнь Шамиля, имама Чечни и Дагестана, на Кавказе. М., 1860); передает «*земно*» поклон Макарову за высылку «Искры», хотя «интересного в ней мало, но она поддерживает в моем носе запах петербургской жизни, а это важно». См. также ***23 января*** (***4 февраля***).

Воспроизводит высказывание Н. Успенского, который «счел долгом бранить Пушкина, уверяя, что Пушкин во всех своих стихотворениях только и делал, что кричал: “на бой, на бой за святую Русь”». Эту сентенцию Т. вложил в уста Базарову в гл. XXI романа «Отцы и дети», над которым в это время работал. См.: *Соч.* Т. 7. С. 121. См. также: *Гутьяр Н.*

Тургенев и Н. Успенский // Литературный вестник. 1904. № 1. Сообщает, что Успенский «не вполне одобряет Добролюбова».

Анненков в п. к Т. того же дня сообщает, что ему «посылается 6000 р.» за *Соч* (*1860—1861*): «Подробности всего дела издания напишет Вам Фет, который исполнил дело московского вашего адвоката самым добросовестным и блестящим образом. Оказывается, что крики и жалобы Плещеева были преувеличены, что Основский не так гадок, как выставила его молва». Пишет о своей предстоящей женитьбе на Ракович, просит передать эту новость «всем нашим приятелям», имея в виду, очевидно, Герцена с Огаревым, а также Маркович (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 97—98, *376*; *Герцен. Летопись.* С. 181). См. также ***31 января (12 февраля)***. Ответ Т. см. ***16 (28) января***.

Позднее, комментируя ситуацию, сложившуюся вокруг издания *Соч* (*1860—1861*), Анненков писал: «Как удивились приятели Тургенева, рассчитывавшие на его поддержку в их расчете с Основским, когда получили от него формальный отказ участвовать в каких-либо заявлениях и протестах против издателя, нанесшего такой ущерб ему и погубившего целое предприятие! В числе негодующих тогда находился один из заимодавцев Основского и горячий энтузиаст самого Тургенева, которого он называл основателем русского женского Олимпа, населенного богинями непогрешимой нравственной чистоты и прямой, неуклонной воли, — именно известный умный, даровитый писатель Иван Вас<ильевич> Павлов. Г-н Павлов разорвал дружелюбные отношения с Тургеневым, не понимая, как можно потворствовать явному нарушению своих обязанностей и покрывать их молчанием и своим именем» (*Анненков* (*1983*). С. 454). См. п. Павлова к Т. от ***Мая ст. ст. 1862*** (*Письма Павлова.* С. 157—158).

***8 (20) января*. Воскресенье**. В п. к Карташевской просит подтвердить слух о женитьбе Анненкова на ее кузине Ракович; надеется приехать весной и «будущую зиму» провести в Петербурге. В ответ на просьбу рассказать о себе дает краткий отчет о своей жизни в Париже: «Видаюсь с немногими французами и русскими; изредка слушаю хорошую музыку у г-на Виардо; работаю довольно лениво; по четвергам даю весьма скромные soirées (вечера — *франц.*), вот и всё. Здоровье мое порядочно. Марью Александровну Маркович видаю почти каждый день. Раза два был на охоте и стрелял порядочно. Перед обедом хожу играть в шахматы в Café de la Régence и претерпеваю частые пораженья <...> Читаю русские журналы, которые мне доставляет добрейший князь Трубецкой».

Отвечает на п. Ламберт от ***7 (19), 14 (26) декабря 1860*** о ее жизни в Тихвинском монастыре:

«Какой тишиной, холодной, печальной и в то же время приятной, повеяло на меня от Вашего письма, начатого в Тихвинском монастыре! Как отрадна мне показалась эта жизнь, занесенная снегом, вся проникнутая заране неподвижностью смерти! Под влиянием этого целебного холода и отчуждения от житейской тревоги — всё, даже самые мелочи, принимает особенное значение, как-то особенно действует на душу. Я уверен, что самый стук башмаков монахини, когда она идет по каменному полу коридора в церковь молиться — ей говорит что-то... И это что-то, если не убивает, не душит человеческое, нетерпеливое сердце — должно дать ему невыразимое спокойствие и даже живучесть».

Сообщает, что в истекшем месяце «работал очень мало». Пишет о своем желании вернуться в Россию «с первыми днями весны», только бы «отдать дочь за порядочного человека замуж — и я бы получил свободу». Делает признание о перемене в отношении к П. Виардо:

«Все другие связи — не то что порвались — а истаяли. Я чувствую себя как бы давно умершим, как бы принадлежащим к давно минувшему, — существом — но существом, сохранившим живую любовь к Добру и Красоте. Только в этой любви уже нет ничего личного, и я, глядя на какое-нибудь прекрасное молодое лицо — так же мало думаю при этом о себе, о возможных отношениях между этим лицом и мною — как будто бы я был современником Сезостриса, каким-то чудом еще двигающимся на земле, среди живых. — Возможность пережить в самом себе смерть самого себя — есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот — я умер — и все-таки жив — и даже, быть может, лучше стал и чище. Чего же еще?».

Напоминает о посланном ранее отзыве Анненкова о проекте бар. Мейендорфа, посвященном изданию «элементарных книг для народного чтения» (см. ***9 (21) декабря 1860***); опасается, что тот закажет эти книги у плохих сочинителей «à la Григорович»; жалуется, что Проект «Общества для распространения грамотности», в котором принимала участие и гр. Ламберт, «встретил сильнейшую оппозицию: остается каждому действовать на свою руку» (см. п. Т. к Анненкову от ***19 (31) августа 1860***).

Проект не был опубликован при жизни Т., а «Общество» не состоялось. См.: *Соч.* Т. 12. С. 359—365, *690—692*; а также п. Т. к Щербине от ***23 марта (4 апреля)***.

Просит гр. Ламберт, чей сын Яков был товарищем наследника, объяснить «перемены лиц» при наследнике, вел. кн. Николае Александровиче, так как «мы не республиканцы — и желаем жить со временем под его скипетром — то всё касающееся до него для нас важно».

В 1860 главным руководителем воспитания наследника был приглашен гр. Строганов. Очевидно, до Т. дошли слухи, что он собирается пригласить главным воспитателем детей Александра II Николая Александровича и Александра Александровича — Победоносцева, на самом деле он был приглашен Строгановым для преподавания наследнику законоведения в конце 1861.

Дата п. кн. Долгорукова к Анненкову из Парижа: «...у меня за границею полная русская библиотека от Котошихина» до «Ивана Тургенева (с коим часто здесь вижусь и говорю о Вас)» (*ИРЛИ*. № 5700. Л. 3 об.).

Выходит № 1 журнала Достоевского «Время» (ценз. разрешение 1 (13) декабря 1860), в котором Т. планировал опубликовать повесть «Призраки».

О высылке журнала в Париж (начиная с сентябрьского номера 1860) см. п. Т. к Достоевскому от ***16*** (***28***) ***октября***.

10 (***22***) ***января***. **Вторник**. Отвечает Фету на «сейчас» полученное п. (неизв.) с вложенным векселем на 9250 франков за *Соч* (*1860—1861*); надеется, что весной получит остальные деньги; прилагает расписку в получении от Основского 5500 р. Жалуется, что Основский не выслал ему экземпляр вышедшего тома с романом «Рудин» (т. 4), опасается, что цензура не пропустила дописанный финал (гибель Рубина на парижских баррикадах), хотел бы убедиться в обратном (финал был включен). Благодарит Фета за хлопоты («Воображение немеет и язык отказывается выразить избыток чувств»). Сообщает, что роман («Отцы и дети») «подвигается медлительно вперед»; сообщает о получении п. от Толстого из Ливорно (неизв.) и о намерении писать Борисову «на днях» (неизв.).

Дата ценз. разрешения № 1 журнала *РВ*; в нем — ст. Каткова «Несколько слов вместо “Современной летописи”», направленная против *Совр*, в которой упоминается Т.: «Так, изменился тон “Современника” о некоторых писателях, в честь которых еще так недавно пламенели жертвенники в этом журнале. В последнем нумере его напечатано между прочим элегическое стихотворение, в котором изливаются скорбные сетования на дороговизну произведений г. Тургенева» (С. 481).

Чернышевский откликнулся на это замечание в ст. «Полемические красоты» (*Совр*. 1861. № 6) (см. ***24 июня*** (***6 июля***)).

11 (***23***) ***января***. **Среда**. В № 11 *СПбВед* выходит фельетон «Литературные впечатления: “Подводный камень”. Роман г. Авдеева», где отмечается схожесть романа Авдеева с «Накануне» Т. (С. 35—37).

12 (***24***) ***января***. **Четверг**. Дата № 9 газ. *МВед*; в нем — объявление по поводу *Соч* (*1860—1861*), помещенное Фетом по просьбе Основского (ответ на объявление Плещеева в журнале «Искра», см. ***30 декабря 1860*** (***11 января 1861***)):

«В 51 № “Искры” 1860 г. с удивлением прочел я, что наблюдение над печатанием 2-й части последнего издания соч. И. С. Тургенева принимает на себя г. А. Плещеев. По случаю пребывания самого автора за границей, все сношения его по теперешнему изданию поручены мне; и я положительно могу заверить, что оно, как было, так и остается в заведовании Н. А. Основского. Ни И. С. Тургеневым, ни мною, его уполномоченным, не сделано в этом отношении никаких других распоряжений. Поэтому всякое объявление о будущем печатании 2-й части, от кого бы то ни было и в другом смысле, прошу считать недействительным. / *А. Фет*» (С. 72). См. также ***15*** (***27***) ***января***.

В этот же день Павлов, прочитав объявление Фета, пишет Основскому:

«Я читал письмо Тургенева к Фету (от ***17*** (***29***) ***декабря 1860***. — *Ред.*): там говорится только о получении с тебя денег, — и больше ничего! Об этом завтра же будет напечатано от моего имени в “Моск<овских> ведомостях”. Я вызываю Тургенева подтвердить мои слова печатно. Фет вконец себя одурачил! Скажи ему от меня, что своим контробъявлением он подтвердил свое мнение о лирическом поэте, который (по его собственным печатным словам) “должен бросаться головою вниз с четвертого этажа”... Вот эту-то штуку Фет и совершил... Так ему и скажи. О содержании тургеневского письма я в завтрашних газетах ничего не говорю, потому что от этого содержания тебе бы не поздоровилось; но если Фет вздумает возражать, то я публикую и содержание. / Деньги за издание ты получишь *от меня* тотчас же, как только пришлешь текст 2-ого тома для печатания...» (*РНБ*. Ф. 1000. Оп. 1. № 1851. Л. 31 об.—32). Вероятно, в этот же день, получив ответ от Основского (неизв.), Павлов отвечает ему в п. без даты: «А оболтосу Фету я такую литературную вытрепку задам, что небу жарко будет! Отвечать... Тургенев его не уполномочивал — сие верно» (Там же. Л. 34 об.). См. также ***13*** (***25***) ***января***.

13 (***25***) ***января***. **Пятница**. Дата № 10 *МВед*; в нем — письма Плещеева и Павлова в редакцию (под заглавием «Письма к редактору») в ответ на объявление Фета, помещенное здесь днем ранее (см. ***12*** (***24***) ***января***) по поводу *Соч* (*1860—1861*):

I. / «В № 9-м “Моск<овских> вед<омостей>” с удивлением прочел я объявление г. Фета, просящего *считать недействительным* мое извещение в 51 № “Искры” (см. ***30 декабря 1860*** (***11 января 1861***). — *Ред.*) о том, что наблюдение над печатанием 2-й части последнего издания сочинений И. С. Тургенева принимаю на себя сам, нижеподписавшийся, как владелец большей половины (5/8) всего издания. Честь имею уведомить и г. Фета и всю читающую публику, что 2-я часть будет печататься под моим личным наблюдением, *с согласия г. Основского*, на что имею письменные доказательства, которые и напечатаю, буде г. Фет того пожелает. / Примите и проч. / 12-го января. / *А. Плещеев*».

II. / «М. г., / Честь имею довести до всеобщего сведения, что я читал письмо И. С. Тургенева к г. Фету от 17/29-го декабря и что это письмо никоим образом не уполномочивает г. Фета на такое странное объявление, какое сделано им в № 9 “Моск<овских> ведомостей”. Прошу покорнейше Ивана Сергеевича Тургенева подтвердить мои слова печатно. / Примите и проч. / 12-го января. / *Иван Павлов*» (С. 79).

В тот же день Плещеев, отстаивая исключительно свое право печатать т. 2 *Соч* (*1860—1861*), пишет Анненкову:

«Ради самого Бога — напишите или еще лучше телеграфируйте Тургеневу, что Фет — портит и ему и мне всё дело. — Основский напечатал верных 7 тысяч. Одно средство уличить его — печатать последний том в другой типографии — не ему, а мне. А он уговорил Фета, как уполномоченного Тургенева, воспрепятствовать этому, чувствуя, что другого средства спасения нет ему! Если Тургеневу это всё равно — за что же я-то теряю 3 тысячи 700 руб., которые мне стоит издание! Я далеко не такой богач, чтобы считать эту сумму вздором! Войдите в мое положение! Я ничего еще почти не продал, а Основский продал две тысячи, если не более экземпляров и требует с меня за печать деньги, без чего не даст мне 3-го тома. Ведь это решительный грабеж! Я, наконец, вынужден буду всю историю мою с ним (Основским. — *Ред.*) напечатать в газетах. — Больше мне ничего не осталось. Я еще не делал никогда в жизни бесчестных поступков, а г. Фет — своим нелепым объявлением — бросает на меня какую-то тень перед публикой... <...> Пусть Тургенев будет между нами судьей» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 81. Л. 4—4 об.; см. также: *Письма Плещеева*. С. 315—316).

Дата п. Фета к Анненкову «о ходе дела» с изданием *Соч* (*1860—1861*):

«Дело это приняло скандалезный вид, в чем Вы можете убедиться из 13-го № “Московских ведомостей”, по объявлениям Плещеева и Павлова, из которых первый уверяет, что имеет письменный документ Основского, передающий его право издания 2 части, а Павлов даже печатно отвергает мои права как доверенного и уполномоченного от Тургенева,

ссылаясь на письмо, которое я ему имел неосторожность прочитать, но которое, как Вы сами убедитесь, говорит ясно и определенно совершенно противное». Павлов «печатно просит Тургенева выставить меня лгуном, но я буду требовать от Тургенева сделать это печатно в отношении к Павлову, ибо не считаю Тургенева способным отпираться от своих слов». Пересказывает содержание своего п., опубликованного в № 9 *МВед* по просьбе Основского (см. ***12*** (***24***) ***января***), «которого самоуправное объявление Плещеева поставило в неблаговидный свет, между тем как он по делу с Тургеневым и мною совершенно себя очистил». Полагает, что только Т. «разрешит» вопрос, «имел ли я право печатать, что напечатал, или поступил как самозванец?». Спрашивает, не может ли Анненков «от себя прислать объявление» в *МВед* о том, что ему «известна полная передача Тургеневым своих прав» по изданию Фету и что «Тургенев не только не откажется от этих слов, а пришлет мне подтверждение с первою возможностью». Ждет ответа Анненкова и пишет к Т. (см. ***15*** (***27***) ***января***) (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 108. Л. 3—4 об.).

Дата неизв. телеграммы (депеши) Фета к Т. о вышедших в этот же день открытых п. Плещеева и Павлова в редакцию *МВед* в связи с *Соч* (*1860—1861*), в которых объявление Фета, помещенное там же днем раньше, расценивалось как «странное» и не санкционированное Т.

«Депеша» Фета к Т. упоминается в п. Борисова от ***15*** (***27***) ***января***: Павлов и Плещеев «привели нашего друга в несказанное негодование, и <он> немедля пустил к Вам телеграф» (*Письма Борисова*. С. 345), а также в «Моих воспоминаниях» Фета: «Я попросил, в оправдание свое от самозванства, — у Тургенева подтверждение моего полномочия телеграммой и напечатал последнюю с буквальным русским переводом» (*Фет. МВ*. Ч. 1. С. 356—357). См. ***15*** (***27***) ***января*** (текст франц. телеграммы Т. к Фету обнаружить не удалось).

Выходит № 1 журнала «Основа» (ред. Белозерский; ценз. разрешение ***10*** (***22***) ***января***), в нем повесть Маркович «Три доли» (С. 9—90).

Т. был посвящен во все перипетии организации «Основы» (см. п. к Карташевской от ***22 ноября*** (***4 декабря***) ***1860***), об ожидании которой писал в том числе Макарову (см. ***23 января*** (***4 февраля***)), сотруднику издания, принимавшему деятельное участие в хлопотах по его учреждению. Видя цель издания во «всестороннем и беспристрастном исследовании южнорусского края», Белозерский отмечал: «Для нашего развития вреднее всего была бы замкнутость в одних своих элементах, которые тогда только получат всю свою ценность, когда придут в естественное соприкосновение с нравственными началами других народностей» (цит. по: *Совр*. 1860. № 11. Отд. «Современное обозрение». С. 134). В объяв-

лении об издании было заявлено об участии в журнале Маркович, Шевченко, Костомарова, Кулиша. По свидетельству Анненкова, Т. проявлял большой интерес к кружку малороссов: «Марко Вовчок принадлежала к кругу малороссов, с поэтом Шевченкой во главе, — кругу, который с журналом “Основа” значительно увеличился и приобрел значительное положение в обществе. Тургенев сочувствовал его стремлениям, имевшим целью поднять язык своей страны, развить ее культуру и поставить ее в дружеские, а не подчиненные только отношения к великорусской культуре» (см.: *Анненков* (*1983*). С. 436; см. также: *Пантелеев*. С. 235—244). Прочитав, однако, первые четыре номера журнала, Т. в п. к Маркович от ***22 мая*** (***3 апреля***) высказал по поводу издания критические замечания.

14 (***26***) ***января***. **Суббота**. Дата пространного п. Павлова к Т. о своем и Плещеева конфликте с издателем Основским по поводу печатания т. 2 *Соч* (*1860—1861*) и денежных расчетов. Обвиняя Основского в махинациях и Фета в потакании ему, уверен, что «не миновать полицейской расправы»; при этом «ужасно то, что Основский при помощи Фета будет защищаться Вашим именем», между тем «не желал бы мешать Вашего имени ни в какие дрязги; но ведь Фет меня грабит!». Утверждает, что ему «достоверно известно, что Основский печатает не 4800, а более 6000 экземпляров»: «...с моей стороны это не подозрение, а положительное и достоверное знание». Обвиняет Фета в неумении разобраться в ситуации, считая, что его «контробъявление» в *МВед* залезает «прямо к нам (Плещееву и Павлову. — *Ред.*) в карман». В то же время Основский требует с Павлова и Плещеева денег как с владельцев 5/8 издания, тогда как, получив 3000 экземпляров, они не смогли продать в книжные лавки ни одного, поскольку Основский «запрудил своими экземплярами все лавки». Обещает по поводу Основского обратиться к оберполицмейстеру, а «этому обалдую (Фету. — *Ред.*) такую литературную вытрепку» задать, «что он своих не узнает!». Обвиняет самого Т.: «Сами виноваты, — можно ли обалдуя Фета называть своим alter ego» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 152. Л. 5—8; см. также: *Письма Павлова*. С 153—155).

Речь идет об объявлении Фета в *МВед* (см. ***12*** (***24***) ***января***); ответные п. Павлова и Плещеева помещены там же (см. ***13*** (***25***) ***января***).

Дата ценз. разрешения № 1 журнала «Светоч»; в нем — ст. Ап. Григорьева «Искусство и нравственность: новые Grübeleien по поводу старого вопроса (Н. Н. Страхову)», в которой автор иронически отвергает упреки роману «Накануне» (1860) в «безнравствен-

ности», расценивая его как «замечательное произведение», не лишенное, однако, некоторых недостатков: «Дело в том, что “Накануне” гораздо слабее всех других произведений Тургенева — слабее и “Дворянского гнезда” и “Рудина”», роман «выкупает то поэтическое обаяние, которое из всех пишущих в наше время талантов уцелело в одном только тургеневском таланте»; писатель «не успел или не умел» слить «воедино» поэтическую и общественную задачи. «Греша в своем романе художественно, Тургенев не грешит в нем как мыслитель» (Отд. 3. С. 11—12).

15* (*27*) *января*. Воскресенье**. Дата франц. телеграммы Т. к Фету (неизв.) в ответ на его «депешу» от ***13* (*25*) *января (неизв.) о конфликте между Основским, Павловым и Плещеевым по поводу продолжения *Соч* (*1860—1861*) (см.: *Фет. МВ*. Ч. 1. С. 356—357); ответное п. Фета см. ниже.

Дата ответного п. Фета к Т. на его телеграмму из Парижа:

«Воображаю, дорогой Иван Сергеевич, как ошеломила Вас моя бестолковая телеграмма; но ответ Ваш, слава Богу, получен, и я обязан растолковать Вам, насколько позволят рамки письма, это чертовски запутанное дело». Объясняет, почему выступил печатно в *МВед* в пользу Основского, имея полномочия от Т. (см. ***12* (*24*) *января***), и послал ему телеграмму ***13* (*25*) *января***: «Начало Вы знаете. — Ко мне приехал Плещеев и привез объявление в “Искре” о том, что он всенародно будет единственным источником Вашего издания и 2-ю часть будет печатать под своим личным наблюдением. Основский привез деньги и по срокам более, чем следовало, в назначенный им самим день и час. — Когда я посмотрел на этого Геркулеса, убитого и со слезами на глазах говорящего о бесчестии, которым его покрыли и покрывают Павлов и Плещеев, мне стало тяжело. Тогда, обратив мое внимание на 2-й пункт объявления Плещеева, он просил меня со слезами снять с него этот позор, не заслуженный им перед моим доверителем, т. е. перед Вами и всей публикой. “Я согласен и обещал на словах передать Плещееву право контролировать меня 2-ю часть, так как у Павлова и Плещеева кошмар, будто я напечатал 6000 вместо 4800, но отнюдь никогда не давал ему права публично выставлять меня человеком, неспособным или недостойным продолжать издание. Дозволить себя проверить не значило дозволить себя опозорить. Вот объявление, составленное Гиляровым, не угодно ли Вам его подписать для печати?”

Смысл объявления: Плещеев объявил, что 2-й том будет издаваться под его наблюдением. Ни автор, ни я не давали ему на это разрешения и потому прошу объявление считать недействительным.

На другой день, в день отправки к Вам телеграммы два объявления.

I-е. Плещеев объявил с согласия Основского и вызывается представить письменные доказательства.

(У него, по словам Основского, два письма Основского. Одно, где Основский не дает рукописи, потому что она будто еще неисправна, а другая, где он говорит, что Фет ему этого не дозволяет.)

Под объявлением Основского объявление Павлова:

“Я читал письмо Тургенева и могу наверное объявить, что по содержанию его Фет не имел ни малейшего права на такое странное объявление”. — Какова штучка! Во-первых, объявлять всенародно, что он читал Ваше письмо, которое я, советовавшийся с ним как с человеком, которого считал Вашим приятелем, показал ему, предупрежденный общим слухом и даже Вами не в пользу Основского. А во-вторых, обвинять человека публично в самозванстве. Этих двух черт довольно, чтобы обрисовать степень деликатности человека. В конце объявл<ения> он вызывает его, Тургенева, подтвердить его слова. Вот почему я послал телеграмму. Не предупреди я Вас, Вы по мягкосердечию своему могли бы поддаться на его толкование доверенности и только в отношении получения денег, а не в смысле полномочия, давшего мне возможность хотя отчасти вступиться за человека публично, обесчещенного из-за нашего же дела. Раскусив дикую натуру Павлова, я очень хорошо видел, что подвергаю себя лично незаслуженным гадостям, но что же мне было делать? Неужели и мне, видевшему, подобно Островскому, Гилярову и Чижову, правоту Основского в отношении к Вам, должно было отвернуться от него. Несмотря на все хлопоты и трату времени, которые навлекала на меня вся эта сальная чушь, я радуюсь, что Гиляров, на вопрос мой, как бы он поступил на моем месте, отвечал, что не уважал бы меня, если б я поступил иначе. То же самое сказал мне сегодня и Маслов, и я просил его написать эти слова Вам в мое оправдание. Несмотря на то, что чувствую себя совершенно правым и перед совестью и перед Вами, — я трепещу, как бы Вам это не показалось в другом свете. Павлову я сегодня написал, что, не желая вредить Плещееву и предоставляя ему контракт над изданием 2-го тома, предлагаю передать печатание этого тома в третьи руки — и приглашаю Плещеева и Основского на совещанье, с ним после его неуместной выходки считаю наши личные отношения прерванными. Скажу Вам более, дорогой Иван Сергеевич, — я Вас давно и искренно люблю и помню Ваше добро — и ни для кого в мире не взял бы на себя разбирательства в таком грустном деле. Но в нашей литературе кабак есть нормальный <нрзб.>. Павлов, говорят, еще намерен кидать в меня печатно грязью. На здоровье. Он вызывал Вас на ответ. Я напечатаю телеграмму, но он и ее истолкует, как ему хочется. Нельзя ли Вам прислать по почте несколько слов, которые не оставляли бы никакой возможности сомневаться в смысле <нрзб.> во всем, что касается этого дела. Я не прошу Вас, чтобы Вы сделали выбор между мной и Павловым, которого решительно не считаю достойным Вашего расположения — а прошу только справедливости.

Если я и ошибусь, чему, однако, не поверю, пока не увижу своими глазами и не услышу своими ушами, то это будет горькое разочарование, но конечно последнее. Если то, что мне кажется <нрзб.>, Вам кажется иным, то говорить тут нельзя ни слова. Что за чепуха? Что это за народ? Но я и забыл было, что это изящная словесность. Решительно не знаю, куда это дело пойдет. Во всяком случае буду уведомлять Вас об его ходе. Я писал Анненкову и жду его ответа. Будьте здоровы и верьте, что я готов сделать для Вас то же, что сделал бы для себя». Далее приписка рукой Маслова: «Любезнейший Иван Сергеевич! Спешу прибавить тебе от себя, что дело по изданию твоих сочинений я вполне знаю и свидетельствую, что Фет не мог поступить иначе, как он поступил, иначе он был бы человек нечестный. На его месте я то же самое сделал бы, что и он» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 153. Л. 1—3 об.).

Дата п. Фета к Павлову (неизв.); упоминается в п. Фета к Т. от ***15* (*27*) *января*** (см. выше).

Дата ответа Борисова на п. Т. от ***2* (*14*) *января***. Вовлеченный в разбирательство между Плещеевым, Павловым и Основским за право печатать т. 2 *Соч* (*1860—1861*), описывает, как Основский доказал Фету «фактами свою правоту и чистоту в этом деле» и Фет поместил в *МВед* объявление, что Плещеев не получал право на издание т. 2 *Соч* (*1860—1861*) (см. ***12* (*24*) *января*** и ***13* (*25*) *января***). Пишет: «представлял себе Вас получившим уже телеграфическую депешу из Москвы от Фета», который «уже сам сомневается, поймете ли Вы из *депеши*, в чем тут дело. Но боже мой, что с ним-то делает лихорадочный трепет, *канальские треволнения*». И далее, имея в виду вероятность исхода конфликта дуэлью между Фетом и Павловым, пишет, что «это болезнь кавказская» и «опасная»: Павлов и Плещеев «привели нашего друга в несказанное негодование, и <он> немедля пустил к Вам телеграф», а они «являются ему неотмщенными» (*Письма Борисова*. С. 344—345).

Дуэль Фета с Павловым не состоялась (см. ***17* (*29*) *или 18* (*30*) *января***). Ранее, ***19* (*31*) *декабря 1860***, Борисов писал Т. о скрытых причинах ссоры Павлова и Плещеева с Основским (см. также п. Павлова к Т. от ***Мая ст. ст. 1862***).

О Павлове замечает: «Как Вам нравится Павлов в этом деле, можно бы еще извинить как сумасшествие, но гнусно, что проявляется оно в подлости. Вот еще свежее и горькое доказательство непорядочности наших литераторов. Все это Вас огорчит, но утешьтесь тем хотя, что впереди будет лучше, все это происходит еще в *Накануне*. Меткое Вы пустили слово Накануне». Делится впечатлениями от пьесы Островского «Бедность не порок» в Малом театре с Садовским и Ни-

кулиной-Косицкой, противопоставляет эту пьесу «Грозе» (ср. ***19*** (***31***) ***декабря 1860***). Жалуется на лютые морозы (*Письма Борисова*. С. 344—346. Здесь п. ошибочно датировано 8 (20) января 1861).

Дата «примирительного» п. Некрасова к Т.:

«...желание услышать от тебя слово, писать к тебе у меня, наконец, дошло до тоски». Пеняет Т., что не зашел к нему перед отъездом (***24 апреля*** (***6 мая***) ***1860***), по-видимому, из-за обиды: «За что? Я никогда ничего не имел против тебя, не имею и не могу иметь, разве припомнить то, что некогда любовь моя к тебе доходила до того, что я злился и был с тобою груб <...>. Не могу думать, чтобы ты сердился *на меня* за то, что в “Современ<нике>” появлялись вещи, которые могли тебе не нравиться. То есть не то, что относится там лично к тебе, — уверен, что тебя не развели бы с “Соврем<енником>” и вещи более резкие о *тебе собственно*. Но ты мог рассердиться за приятелей и, может быть, иногда за принцип — и это чувство, скажу откровенно, могло быть несколько поддержано и усилено иными из друзей — что ж, ты, может быть, и прав. Но я тут не виноват; поставь себя на мое место, ты увидишь, что с такими людьми, как Черн<ышевский> и Добр<олюбов> (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думал и как бы сами они ни промахивались), — сам бы ты так же действовал, т. е. давал бы им свободу высказываться на их собственный страх. <...> это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне <...>. Если я через месяц не получу от тебя ответа, то буду знать, что думать» (*Некрасов.* Т. 14. Кн. 2. С. 151—152).

Ответ Т. неизв., но в его «Письме в “Северную пчелу” о жулике Некрасове» (опубл.: *Сев Пчела.* 1862. 10 декабря. № 334. С. 1341) некрасовское п. излагается иронически как неуклюжая попытка вернуть его к сотрудничеству (см. ***10*** (***22***) ***декабря 1862***). Об этом п. Т. вспоминал в п. к Достоевскому от ***30 октября*** (***11 ноября***).

Поводом расхождения Т. с Некрасовым стала отчасти ст. Добролюбова о «Накануне» «Новая повесть г. Тургенева». Прочитав рукопись, Т. категорически возражал против ее публикации (см. ***19 февраля*** (***2 марта***) ***1860***, ***31 марта*** (***12 апреля***) ***1860***, а также ***5*** (***17***) ***апреля***). Однако основной причиной ухода Т. из *Совр* было неприятие общего направления журнала, изменившегося с приходом в редакцию «новых» людей, а непосредственным поводом — рец. Чернышевского на перевод Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии» (*Совр.* 1860. № 6), содержащая оскорбительные намеки по адресу автора «Рудина». См. ***18*** (***30***) ***июня 1860***.

16 (***28***) ***января***. **Понедельник**. Отвечает Анненкову на его п. от ***7*** (***19***) ***января***: сердечно радуется его женитьбе на Ракович: «Свил

себе человек гнездо, вошел в пристань — не все мы, стало быть, еще пропали! То, о чем я иногда мечтал для самого себя, что носилось передо мною, когда я рисовал образ Лаврецкого — свершилось над Вами — и я могу признать всё, что дружба имеет благородного и чистого, в том светлом чувстве, с которым я благословляю Вас на долгое и полное счастье. Это чувство тем светлее, чем гуще ложатся тени на собственное мое будущее; я это сознаю и радуюсь бескорыстию своего сердца». Надеется увидеться в России в свой приезд в апреле, хочет прочесть Анненкову и его жене новую повесть («Отцы и дети»). Сообщает о получении «длинного» п. от Основского по поводу *Соч* (*1860—1861*) (см. ***3*** (***15***) ***января***): «оказывается, что он действительно был оклеветан и достоин сожаления». Просит Анненкова написать Основскому (неизв.), что не поручал «употребить против него *полицейские* меры», это «поднимет этого придавленного человека, который в одно и то же время разорен и опозорен». Считает, что «не мог не усомниться» в Основском вследствие писем Плещеева и Павлова, «но я *никогда не позволил бы себе осудить окончательно человека бездоказательно*». См. ***7*** (***19***) ***января***.

Сообщает в записке (на франц. яз.) к Н. И. и К. Тургеневым, что принимает их приглашение на субботу, т. е. ***21 января*** (***8 февраля***).

Фет, уполномоченный писателем действовать от его имени по делам издания *Соч* (*1860—1861*), поручает Основскому передать печатание т. 2 Плещееву (см. ***19*** (***31***) ***января***).

Писемский в п. к Т. из Петербурга признается: «Для меня ваше отсутствие ощутительнее всех: вы для меня весь мой свет, все мои выезды, и нравственно мы вряд ли не самые близкие с вами люди, потому что один перед другим не станем себя ни прикрашивать, ни подмазывать, тогда как с другими друзьями (за исключением, впрочем, Анненкова) приходится или самому лгать, или знать наверное, что они лгут». Просит Т. прислать «статейки» о французском, немецком и английском театре для *БдЧ* (см. п. Писемского к Т. от ***26 ноября*** (***8 декабря***) ***1860***): «Ваше участие прошлого года очень поддержало ее» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 166—167), имея в виду повесть Т. «Первая любовь» (*БдЧ*. 1860. № 3. Отд. 1. С. 1—76).

17 (***29***) ***или 18*** (***30***) ***января***. **Вторник или среда**. Дата несостоявшейся дуэли Павлова и Фета, поводом к которой стала публикация телеграммы Т. (неизв.) о предоставленных Фету полномочиях в ведении дела по продолжению издания *Соч* (*1860—1861*).

«Из-за Ваших денег, — вспоминал Фет в п. к Т. от ***12*** (***24***) ***января 1875***, — я *принял* вызов Павлова за французскую телеграмму. Только

[deus ex machina] Кетчер заставил Павлова сочинить примирительную статью (очевидно, речь идет о письмах Плещеева и Павлова, опубликованных в *МВед*, см. ***13 (25) января***. — *Ред.*). Я выслал Вам деньги. Вы и спасибо мне не сказали, точно гладиатору, обязанному драться не за Вашу честь, а даже за Ваше удобство или удовольствие» (цит. по: *Тургенев. Переписка.* Т. 1. С. 460). Позже, в своих мемуарах, Фет вспоминал, что на другой день по выходе номера *МВед* с его объявлением Павлов «прислал ко мне секунданта, и дело приняло бы трагикомический оборот, если бы старый Ник<олай> Хр<истофорович> Кетчер, со всегдашнею своею честностью и беспощадною грубостью, не разъяснил задорным петухам, что тут они дело имеют не со мною, а с Тургеневым» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 357). См. также п. Борисова к Т. от ***15 (27) января***.

18 (30) января*. Среда**. В ответном п. к Дружинину (на его п. от ***10 (22) октября 1860) сообщает, что работа над романом «Отцы и дети» подвигается медленно; просит присылать журнал «Век», о котором «везде раздаются похвалы» (Дружинин заведовал в журнале литературным отделом); пишет, что начал ст. для «Века» по поводу комедии Ожье «Effrontés» («Бесстыдники») (не осуществ.; в 1861 в «Веке» были напечатаны воспоминания Т. об Иванове, см. ***12 (24) апреля***). Высказывает свое отношение к *Совр*: «...и более и более проникаюсь омерзением к “Современнику”. Надо дать себе слово противудействовать этому развратному направлению». Сообщает, что получил п. от Боткина (неизв.), который болен и которому грозит слепота, и от Толстого из Ливорно (неизв.). Замечает, что «затеянное» «Общество для распространения грамотности и первоначального образования», вероятно, «лопнуло»; пишет, что вскоре будет избран новый Комитет Литературного фонда, и просит сообщить новый состав (о составе Комитета см. ***2 (14) февраля***). Ответное п. Дружинина см. ***31 января (12 февраля)***.

В *Утраченные письма* (*2*) (С. 298) данное п. ошибочно внесено в список утраченных и датируется «около 20 января ст. ст. Париж».

Дата п. Плещеева к Т. (ответ на неизв. п. Т. от ***6—7 (18—19) января***), в котором в связи с изданием *Соч* (*1860—1861*) говорится: «Ваше письмо меня ободрило. Теперь я могу — в случае новых плутней со стороны Основского, действовать, опираясь на Ваше дозволение». Сообщает, что Основский «уговорил Фета — уполномоченного Вами, — вступиться и протестовать, что я *не имею права* печатать, ибо право дано Вами одному Основскому. И я и Павлов напечатали ответы. <...> — Удивительно, что Фет не мог взять в толк, что он вредит вашим интересам. — И он и Борисов убеждены, что

Основский оклеветан, что он благороднейшее существо. Так он обошел их. Тогда я прямо объявил Основскому — что если мне не будет доставлен оригинал, то я буду действовать путем юридическим и начну с того, что подам докладную записку обер-полицмейстеру». Пишет, что известил об этом Анненкова, не упоминая, что действовал якобы от имени Анненкова и Т. (см. п. Плещеева к Анненкову от ***3* (*15*) *января***). О реакции Основского рассказывает: «Основский струсил; тем более что я просил содействия Кетчера, которого он боится как огня; потому что это не только честный, но и энергический человек. — Он бросился к Павлову — рыдал перед ним и умолял пощадить его <...>». Утверждает, что Основский напечатал экземпляров больше положенного («в этом нет сомненья»). Павлов, по словам Плещеева, «сжалился над ним и позволил ему напечатать объявление — ограждающее его несколько»; вырезку (см. ***19* (*31*) *января***) Плещеев прилагает к п. Хотел было частично опротестовать и это объявление Основского, но поддался уговорам Павлова, «потому что лежачего не бьют» и «главная цель достигнута»: «Я печатаю 2-й том у Грачева, в самой честной типографии». Подводя итоги истории с т. 2 *Соч* (*1860—1861*), заключает: «При всем моем уважении и любви к Павлову я должен сказать, что он ужасно слаб характером; он имел возможность не раз раздавить Основского и лишить его таким образом средств вредить другим, но по доброте своего характера щадил его, тогда как сам убежден, что это глубокий мошенник». Выражает надежду, что теперь, отпечатав т. 2, сумеет продать и принадлежащие ему 3000 экземпляров, покрыв таким образом расходы. Сообщает также, что в *РВ* объявлен «новый труд» Т. («Отцы и дети»), что выходят новые журналы, хвалит «Время» и «Век», который «должен подорвать все дешевые газеты», а в *Совр* «должен явиться новый писатель (романист), о котором редакция отзывается с восторгом» (очевидно, Потанин) (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 150. Л. 5—7; см. также: *Письма Плещеева*. С. 313—315).

Дата ценз. разрешения отдельного оттиска из «Драматического сборника» (1861. Кн. 1): Где тонко, там и рвется. Комедия в одном действии Ив. Тургенева. Изд. Ф. Стелловского. СПб., 1861.

***19* (*31*) *января*. Четверг**. Дата п. Т. к кнж. Хилковой в Мюнхен, извиняется за долгое молчание, что не было связано с «сильно развитой деятельностью», поэтому «новая повесть» («Отцы и дети») за последние три месяца «очень мало подвинулась»: «Эти три месяца прошли как дым из трубы: бегут, бегут какие-то серые клубы, всё как будто различные и в то же время однообразные. Этакие полосы

уже прежде находили на меня: чувствую наконец потребность встряхнуться и выйти из этого полусонного, летаргического состояния. Вы справедливо упрекнули меня в Вашем письме в бесполезной трате времени». Сожалеет, что не помог и не назвал книгу, которую той хорошо было бы перевести. Сообщает, что живет «домом — окруженный женским элементом» (с конца 1860 Т. жил вместе с дочерью Полиной и ее гувернанткой); видится в Париже «с немногими русскими» (Боткин, Ханыков, Трубецкой, Н. И. Тургенев, Кочубей и его жена, Маркович); планирует вернуться весной в Спасское: «То-то мне будет приятно увидеть снова эту старую дребедень, лучше которой все-таки нет ничего для нашего брата, степняка. Егорьев день, соловьи, запах соломы и березовых почек, солнце и лужи по дорогам — вот чего жаждет моя душа!».

Дата № 15 газ. *МВед*, в котором Основский в «Письме к редактору» заявляет:

> «Считаю долгом объявить, что не только с моего согласия, но и *по моему собственному предложению и настоятельному требованию*, печатание 2-го тома сочинений И. С. Тургенева будет производиться под личным наблюдением г. Плещеева. Вчера я получил на то разрешение г. Фета, уполномоченного от г. Тургенева действовать, как его “*alter ego*”, по всем делам издания. Я требовал и требую, чтобы это печатание производилось *не* в типографии г. Рышкова, мною заведоваемой. / В объявлении, которое поместил г. Плещеев, в 51 № “Искры” 1860 г., вовсе не упоминается *о моем собственном предложении и настоятельном требовании*: это существенное упущение есть чрезвычайно важная ошибка г. Плещеева. / *Н. Основский*» (С. 117; дата: «18-го января»).

В № 6 *РРечи* выходит ст. гр. Салиас «По поводу последней повести г-на Авдеева: “Подводный камень”» (подпись: Е. Тур), где утверждается, что роман написан под непосредственным влиянием «Дворянского гнезда», но у «Тургенева есть *своя* манера, *свои* выражения, есть оригинальность, никогда не переходящая за границы меры и изящества. Г-н Авдеев, как все подражатели, преувеличивает манеру Тургенева и доходит до вычурности и часто нестерпимой для хорошо образованного вкуса изломанности выражений» (С. 89). Отзыв Т. о ст. см. в п. к Феоктистову от ***1*** (***13***) ***февраля***.

20 января (***1 февраля***). **Пятница**. Дата п. Фета к Анненкову о конфликте по поводу издания *Соч* (*1860—1861*). Сообщает, что у него «вдруг» скопилось много «забот и хлопот», отзывающих в Степановку, просит писать ему в Орел: «Из “М<осковских> вед<омостей>” Вы увидите, какой исход получила наконец эта омерзитель-

ная история. Сообщив об ее окончании Тургеневу, я просил его только по приезде в Питер прямо обратиться к Вам, в надежде, что Вы не дадите в душе его созреть какой-либо чепухе не в пользу мою. Я люблю этого человека и дорожу его дружбой, — но он слаб», а Павлов и Плещеев «могли ему черт знает что про меня передать. Я его прошу об одном — выслушать тех и других, а если он этого не сделает, тем хуже для него» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 108. Л. 6—6 об.).

21 января (2 февраля)*. Суббота**. Наносит визит Н. И. и К. Тургеневым (см. ***16 (28) января).

Дата п. Плещеева к Анненкову об издании *Соч* (*1860—1861*). Отвечая на неизв. п. Анненкова (в котором было, очевидно, высказано осуждение Павлова, вызвавшего Фета на дуэль, см. ***17 (29) или 18 (30) января***), считает, что Анненков «не совсем справедлив»: «Фет меня обвинил во лжи. Очень естественно, что единственный человек — из близких со мной, — читавший письмо И<вана> С<ергеевича>, решился за меня вступиться. — Тургенев уполномочил Фета — на получение денег от Основского; но отнюдь не на вмешательство в дела издания. — Частные письма, конечно, приводить не следует — но бывают случаи — когда этого избежать нельзя. Да притом это письмо не было тайной. Фет сам всем <?> его всюду читал». Сообщает, что, когда объявил Основскому, что собирается действовать «путем законным или юридическим», тот «явился к Павлову, рыдал — и умолял пощадить его. Он согласился, чтобы я печатал; (впрочем, оригинала я еще всё пока не имею) и просил только дозволения напечатать объявление, которое помещено вчера в “М<осковских> в<едомостях>”». Заявляет, что мог бы протестовать и против объявления, поскольку «требований со стороны Основского не было; — а были препятствия. Но уж я махнул рукой <...>». Считает, что цель его достигнута: «Я буду печатать сам. Лишние экземпляры, им напечатанные, он припрячет. Если же сделает перепечатку — то уж тогда пойдет другая история — уголовная». Упоминает о п. Т. к нему (неизв.): «Он дает мне право печатать, и вообще carte blanche — действовать, как я найду лучше, для обеспечения наших общих интересов». Просит не быть строгим к «выходке Павлова», которая «была вызвана необходимостью» (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 81. Л. 7—8; см. также: *Письма Плещеева*. С. 316).

***23 января (4 февраля)*. Понедельник**. Благодарит Макарова за аккуратно высылаемую «Искру», «которая поддерживала во мне петербургские впечатления». Сообщает о получении денег для Мар-

кович (гонорар из «Основы», сотрудником которой был Макаров. См.: *Дудко В. И.* М. А. и А. В. Марковичи в письмах Тургенева 1860—1862 годов: Дополнения к комментарию // *НИиМ* (*4*). С. 458). Пишет об ожидании журнала «Основа» (№ 1 вышел ***13*** (***25***) ***января***), о котором «ходят благоприятные слухи»; о частых встречах с Кочубеем и его женой. Радуется женитьбе Анненкова: «Я уверен, что и он, и Глафира Александровна будут оба очень счастливы. Я бы не желал им большего счастья, чем то, которым здесь на моих глазах наслаждаются Кочубеи. (Я говорю о Николае Аркадьиче и его жене.) Я их часто вижу и любуюсь, как старый дядя, их жизнью». Надеется быть в Петербурге между 10 и 15 апреля ст. ст. и привезти к тому времени законченный роман «Отцы и дети». Просит повременить с высылкой *Совр*, а выслать экземпляр «моих злополучных сочинений в новом издании, которому суждено было наткнуться на столько подводных камней», так как «мой издатель, Основский, и не думает высылать мне». См. также ***13*** (***25***) ***января***.

Сообщает Волконскому, что часто видится с его дочерью и ее мужем — Кочубеями: «это я делаю из эгоизма: ничего не может быть приятнее зрелища двух таких счастливых супругов». Пишет, что Анненков собирается жениться, а сам он живет «очень тихо, домко́м, с дочерью и гувернанткой», почти никого не видит и работает мало. По поводу ожидаемого указа об отмене крепостного права пишет о распространении слухов, то ли «указ об освобождении крестьян отложен до осени», то ли «явится ко дню восшествия на престол» Александра II (19 февраля ст. ст. 1855); полагает, что назначение Блудова председателем Государственного совета «говорит в пользу последнего предположения», т. е. указ явится скоро.

24 января (***5 февраля***). **Вторник**. В «Свистке» (№ 7, приложение к № 1 *Совр* за 1861) напечатано сатирическое ст-ние Некрасова «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов» (подпись: ***), в котором Т. посвящено четверостишие:

Дорог ужасно Тургенев,
Публики первый герой —
Эта Елена, Берсенев,
Этот Инсаров... ой-ой...

(*Некрасов*. Т. 2. С. 109—110). См. п. Борисова к Т. от ***27 февраля*** (***11 марта***), где упоминается об этих «стишках», они же были приведены в ст. *РВ* как доказательство изменившихся отношений *Совр* к Т. (1861. № 6. С. 154) (см. ***19 июня*** (***1 июля***)).

***26 января (7 февраля)*. Четверг**. Феоктистов напоминает Т. о ст. «Русские в Париже», обещанной им для *РРечи*: «Вы были так добры, что обещали к Новому году прислать нам статью Вашу, а до сих пор мы еще не имеем ее. Вы понимаете, между тем, как было бы важно для нас иметь Ваше имя на страницах нашей газеты»; спрашивает, аккуратно ли Т. получает *РРечь* (*Письма Феоктистова*. С. 153). Ст. не была написана.

Выходит № 154 «Иллюстрации»; в нем — в разделе «Критические и художественные заметки» отмечается, что роман Авдеева «Подводный камень» написан под влиянием повести Т. «Накануне», а также романа Герцена «Кто виноват?», «Семейного счастия» Толстого и др. (С. 62; б/п).

***27 января (8 февраля)*. Пятница**. В № 22 газ. *МВед* выходит объявление о том, что в *ОЗ* в 1861 среди прочего будет помещена «статья» Т. (С. 176).

***28 января (9 февраля)*. Суббота**. Дата п. Павлова к Т. с жалобой на то, что «друзья Ваши» (очевидно, Фет, Маслов, Борисов) «рассказывали по Москве, что я мошенничал вместе с Основским и что они письмо мое какое-то читали, где я в своем мошенничестве “*цинически признавался*” (собственное выражение рассказчиков)». Сообщает, что в ответ потребовал у Основского все свои п. и отвез их Маслову («пускай читает кто хочет»), однако, «пересматривая сие ношенное белье», обнаружил, что п. ему отданы не все (нет «между прочим одного, где я Бабста называл “Мадам де Курдюковой”»), особенно волнуется, что там было п., в котором он употребил грубое ругательство по отношению к Плещееву. Это п., по уверению Основского, было якобы отдано Т., просит «*немедленно*» сообщить, так ли это. Боится, что п. осталось у Основского и он будет читать его «клочками» приятелям, что будет передано Плещееву, который одолжил его и оплатил пай за издание *Соч* (*1860—1861*) («изъявил такую редкую готовность одолжить меня»). Сообщает, что дело по изданию «окончательно улажено»: «Вторая часть печатается в типографии Грачева (Щепкина, Кечера, Солдатенкова...). Формат и объем точь-в-точь такие же, но шрифт чуть-чуть различный». Поясняет, что теперь Основский не сможет допечатывать тираж, а остаток долга ему будет выдан т. 2 в количестве 500 экземпляров (*ИРЛИ*. Ф. 7. № 152. Л. 9—10 об.; см. также: *Письма Павлова*. С. 156—157).

29 января (***10 февраля***). **Воскресенье**. В ответ на беспокойство Т., выраженное в п. от ***13*** (***25***) ***декабря 1860***, Е. Я. Колбасин сообщает, что получил «оба» п. Т. (в том числе от ***12*** (***24***) ***ноября 1860***): «они немножко запоздали», так как его не было в Новгороде. По поводу Шеншиной замечает: «Женщину эмансипе́ (она мне писала с ломаньями, ужасами и азартом) я давно уже отделал и даже чересчур грубо. Неужели она Вам ничего об этом не говорила? Из письма ее вижу, как она недовольна Вами и Купидоном». Пишет о смерти Шеншина: «Жаль мне бедного Шен<шина>, крепко жаль. — Вы мало его знали, а человек он был чудесный... Известие о его смерти весьма меня поразило. Я узнал об этом в первый раз от эмансипе́ (как Вы ее называете)». Сообщает, что живет в Новгороде «безвыездно», и надеется на то, что Т. исполнит свое обещание и завернет к нему. Пишет, что в планах «дедушки» (брата Дмитрия) произошли перемены и он остается в Крыму «до апреля». «Новостей литературных не знаю, но читаю много и даже нашел время написать повестцу “Семь клевет на любовь”». Делится положительным впечатлением от романа Авдеева «Подводный камень» и интересуется мнением Т. о нем. По поводу совета Т. жениться возражает: «...нет, нет! Прежнее мое чувство еще не угасло... Я вполне понимаю искренность Ваших слов насчет горького положения быть холостяком, и меня удивили Ваши скорбные страхи, но неужели в самом деле так горько быть холостяком?». В завершение просит: «Если не секрет, то сообщите заглавие Вашей повести» («имеется в виду роман «Отцы и дети») (*ИРЛИ*. № 5800. Л. 49—50). Ответное п. Т. см. ***29 марта*** (***10 апреля***).

В автографе п. ошибочно датировано 1860.

30 января (***11 февраля***). **Понедельник**. Дата п. Герцена к Т. из Лондона: обещает прислать «в листах» ст. «Роберт Оуэн» (см. ***20 декабря 1860*** (***1 января 1861***)), печатающуюся в «Полярной звезде» (Кн. 6). Просит Т. навести справки об эмигранте штабс-капитане Н. П. Трубецком и об офицере Дубровине (Бейдемане. — *Ред.*) (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 136; *Герцен. Летопись*. С. 184). См. ответное п. Т. от ***10—12*** (***22—24***) ***февраля***.

Дата п. Ламберт (на франц. яз.) к Т.: размышляет о смерти, о религиозном значении этого события в жизни человека. Сообщает, что этим летом (т. е. 1860) Александр II читал вслух у императрицы повесть Т. «Первая любовь» и был от нее, по слухам и по словам той, кто рассказывал об этом графине, в восторге. Высказывая собственное мнение о повести, Ламберт пишет: «Мне кажется, что эта

книга — один из ваших дурных поступков, но вы делаете дурное неотразимо» (см.: *Granjard.* P. 135—136). Ответное п. Т. см. ***16, 18 февраля*** (***28 февраля, 2 марта***).

Вторая половина января ст. ст. К этому времени написано 12 глав романа «Отцы и дети», одну из них Т. предлагает редакторам *РРечи* вместо обещанной и не написанной ст. «Русские в Париже» (см. п. к Феоктистову от ***1*** (***13***) ***февраля***).

Визит к Т. А. А. Слепцова (см. п. Т. к Герцену от ***31 января*** (***12 февраля***)).

Предположительная дата неизв. п. Т. к Плещееву в связи с изданием *Соч* (*1860—1861*). Упоминается в п. Плещеева к Т. от ***28 февраля*** (***12 марта***): «По получении Вашего первого письма...» (*Письма Плещеева.* С. 318).

Очевидно, этим периодом следует датировать первый визит Щербаня к Т., целью которого было передать отказ *РВ* в сотрудничестве Морнану, рекомендованному писателем в качестве парижского корреспондента журнала (см. ***Конец 1860 или начало 1861***).

В *П.* Т. 4 дата знакомства определена более широко: «в конце 1860 или начале 1861» (С. *629*). Кроме прямого указания Щербаня на то, что первая встреча с Т. состоялась в «январе», еще до выхода Манифеста 19 февраля, дополнительным аргументом в пользу предложенной датировки служит тот факт, что Т. в этот визит намекнул на новый роман «Отцы и дети», который, хотя и не был еще завершен, как подумал Щербань, но частично был написан, и писатель уже собирался читать его в узком кругу знакомых.

31 января (***12 февраля***). **Вторник.** Отвечает Герцену на его п. от ***24 декабря 1860*** (***5 января 1861***): пишет, что его ст. «Константин Сергеевич Аксаков» (Колокол. 1861. 3 (15) января) и «Провинциальные университеты» (Там же. 20 января (1 февраля)) — «прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатление в Москве и России». О ст. «Провинциальные университеты», где Герцен упомянул имя Т. наряду с Белинским, Лермонтовым и Кавелиным, замечает: «Упоминовение тобою моего имени в обществе Белинского и др. я принял вроде Анны с короной на шею — и чувствовал на душе играние тщеславия». О своем утверждении членом-корреспондентом Академии наук (см. ***29 декабря 1860*** (***10 января 1861***)) пишет: «Каким образом я попал в Академию — для меня тайна, тем более, что там заседают всё какие-то штатские генералы с кутейническими именами». Сообщает о приез-

де в Париж больного Боткина («почти слепой!»), которого «сегодня» везет к доктору Райе (Рейе), подозревает у Боткина «размягчение мозга». Упоминает, что работа над романом «Отцы и дети» «подвигается очень неспешно», так как «всё это время возился то с собственным бронхитом», то с бронхитом «моего приятеля Виардо». Пишет о своем свидании с А. А. Слепцовым, который «был у меня и сообщил сведения о твоем житье-бытье» (см. ***Вторая половина января ст. ст.***). Об оппозиционном журнале Долгорукова, выходившем с 1860 в Париже, пишет: «Кажется, ты еще не убедился, что “Будущность” — плоха?». О свадьбе Анненкова «ты, вероятно, *уже известен стал*; пример нам с тобою, брат! Он берет девушку лет 28, не очень красивую — но добрую и умную» (см. ***7 (19) января***).

Везет Боткина к парижскому врачу Рейе, который лечил Т., Герцена, Некрасова.

Дата п. Дружинина к Т. (ответ на п. от ***18 (30) января***): напоминает, что в статьях Т. для «Века» есть «*крайняя и настоятельная* надобность» (Т. намеревался дать ст. по поводу комедии Ожье, но замысел этот не был осуществлен; в 1861 здесь были напечатаны воспоминания Т. об Иванове, см. ***12 (24) апреля***). Сообщает, что дважды через знакомого Т. гр. де Бальмена, собиравшегося в Париж, передавал № 1 и 2 журнала, если бы «не этот де Бальмен, номера давно были бы у вас». Полагает, что «Общество для распространения грамотности», о котором Т. составил записку (см. ***15 (27) сентября 1860***), «действительно, шансов не имеет в настоящую минуту, однако из этого заключать о его падении не следует»; сообщает о новом составе комитета Литературного фонда: «Из общества Лит. фонда выбыли по жребию — Андрей (Краевский. — *Ред.*), Кавелин, Галахов и Никитенко — выборы на их место будут послезавтра. Где добыть секретаря и казначея? Это всех занимает» (см.: *Т. и круг Совр.* С. 225, см. также ***2 (14) февраля***); в неоконченной приписке сообщает, что Ап. Григорьев сидит в долговой тюрьме (Там же. С. 223—226). Ответное п. Т. см. ***14 (26) марта***.

Январь ст. ст. Предположительная дата п. гр. Салиас (по-франц.) к кн. Трубецкой, в котором просит убедить Т. поддержать новообразованную газ. *РРечь* и прислать свою ст., обещанную еще в 1860 (см. ***28 ноября (10 декабря) 1860***): «Предполагаю, что вы видаетесь с Тургеневым (имя написано по-русски. — *Ред.*). Ради всего святого попросите его прислать статью, которую он мне обещал. В противном случае он поставит меня в ужасное положение. Не до-

веряя его обещаниям, я в свою очередь пообещала ее читателям. Для начинающейся газеты непозволительно не держать обещаний. Публика уже привыкла к вранью редакторов, но еще сердито терпит их. Пожалуйста, попросите его дать мне хотя бы отрывок из какой-нибудь вещи. Я не могу не дать хоть что-нибудь из его произведений: будет стыдно, если он не сдержит слова, от кого же тогда можно рассчитывать на поддержку, если не от тех, с кем поддерживал отношения в течение с лишком 12 лет. Если между мной и Тургеневым (имя написано по-русски. — *Ред.*) и случались иногда недоразумения, с Евгением (Феоктистовым. — *Ред.*) у него всегда была крепкая связь. Впрочем, я это говорю просто так, зная, что подобные мелочные причины не придут ему в голову». Просит также прислать «на имя Орлова, который передаст мне пакет, комедию Ожье "Бесстыдники" и какие-нибудь рассказы *из последних*, которые могут заинтересовать публику и которые мне *очень важно* получить прежде других журналистов» (*ИРЛИ*. № 5850. Л. 26—27). См. также п. Феоктистова от ***26 января*** (***7 февраля***) и ***15*** (***27***) ***февраля***.

Дата, проставленная карандашом на п. неизв. рукой: «Первая половина июня 1860 г.», не соответствует действительности, так как первое объявление об участии Т. в газ. *РРечь* появилось в печати только ***30 октября*** (***12 ноября***) ***1860***. Премьера упоминаемой в п. пьесы Ожье «Бесстыдники» состоялась в Париже 29 декабря 1860 (10 января 1861). В 1861 вышел текст комедии с посвящением Мериме.

1 (***13***) ***февраля***. **Среда**. Предлагает Феоктистову вместо обещанной в *РРечь* ст. «Русские в Париже» главу из романа «Отцы и дети» — «нечто вроде самостоятельного целого», но для этого необходимо согласие Каткова, о чем Т. собирался написать ему сам (п. неизв.). См. также ***8*** (***20***) ***марта***. Пишет, что получил несколько номеров *РРечи*, в которых ему особенно понравились «статья о раскольниках» («Раскольничье дело в XVIII веке» Есипова) и ст. Соловьева «Алексей Петрович Бестужев-Рюмин»; дает положительный отзыв о ст. Е. Тур, посвященной роману Авдеева: «Хороша также статья графини о романе Авдеева. Я его не читал — но верю ей на слово» (см. ***19*** (***31***) ***января***). Сообщает, что роман «Отцы и дети» будет готов «только к апрелю месяцу» (в действительности роман был завершен в Спасском лишь ***30 июля*** (***11 августа***)).

До 2 (***14***) ***февраля***. **Четверг**. Предположительная дата ответного п. Анненкова (с благодарственной припиской за поздравления невесты Анненкова Ракович) на три п. Т.: от ***5*** (***17***), ***7*** (***19***) и ***16*** (***28***) ***ян-***

варя. По поводу дела с издателем *Соч* (*1860—1861*) Основским пишет: «Дела Ваши поправляются. Клевета, распущенная на Вас и на меня, будто мы предоставляли и одобряли право полицейского преследования Основского — была мною опровергаема гораздо ранее вашего письма (см. ***16*** (***28***) ***января.*** — *Ред.*), и только чтоб не заводить нового скандалезного дела, не дал я Фету позволения на публичное ее опровержение. Можете об этом написать Основскому <...> но советовал бы не раздувать пламя, которое от нынешнего *нейтрального* печатания 2-го тома ваших сочинений должно само собой потухнуть». Сообщает о получении из «Века» 100 р. сер. на имя Т. и спрашивает, как ими распорядиться (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 98).

Откликаясь на поздравления в связи с женитьбой, содержавшиеся в п. Т. от ***16*** (***28***) ***января***, пишет: «...из всех заявлений и приветствий Ваше письмо, Тургенев, остается для меня драгоценнейшим подарком». Признается, что о важных и «*о серьезных предметах*» писать не может: «Если Вы настолько астрономом, что в состоянии понять и представить себе планету, которая сорвалась с места и пошла гулять в пространстве — то Вам легко будет и меня вообразить» (Там же. С. 99).

Попутно дает характеристику Леонтьеву, «который и в новых своих произведениях, и в персоне своей есть полнейшее соединение робости и заносчивости, огромной уверенности и крайнего сомнения в себе, отчего не быть ему ни целым художником, ни целым человеком». Делится впечатлениями от представления пьесы Островского «Свои люди — сочтемся» на сцене Александринского театра, хвалит актеров и отмечает «изумительно-холодное отношение публики к пьесе (результат поганого обличительства)». Кратко оценивает новые периодические издания: «журнал “Век” с малым отражением общества и современных черт, но с резонирующей поверкой администрации, журнал “Время”, изобретший мистическую удаль и заменяющей ею дело и мысль, журнал “Русская речь” — печатающий кабинетные упражнения (читайте правильное слово) домашних умников, решительно никому не нужные». Сообщает о переменах в составе Комитета Литературного фонда, утверждая, что ни за что не согласится стать его секретарем (Там же). Секретарем Анненкову все же пришлось стать после отказа от этой должности П. М. Ковалевского.

2 (***14***) ***февраля.*** **Четверг**. Истекает срок пребывания Т. в Комитете Литературного фонда, куда он был избран на первом собрании

Общества в Петербурге ***8*** (***20***) ***ноября 1859***. В тот же день (в его отсутствие) его вновь избирают в Комитет сроком до ***2*** (***14***) ***февраля 1862***. Комитет был избран в следующем составе: председатель — Ег. П. Ковалевский, товарищ председателя — Дружинин, казначей — Лавров, секретарь — П. М. Ковалевский; члены: Анненков, И. Н. Березин, Дудышкин, Заблоцкий-Десятовский, Н. В. Калачев, Ламанский, Т., Чернышевский (см.: *Сб Литфонда* (*L*). С. 73).

3 (***15***) ***февраля***. **Пятница**. Дата ценз. разрешения № 2 журнала *РВ*; в нем — в «Литературном обозрении и заметках» рец. Лонгинова (дата: «19 января 1861») на вышедшие «Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные. Издание Н. А. Основского. Москва, в тип. В. И. Рышкова. 1860, in-8. Том I, стр. 338. Том IV, стр. 456», по сути ст. о месте Т. в современном общественно-литературном процессе.

«В современной русской литературе нет имени, которое пользовалось бы таким почетом, как имя г. Тургенева. У него нет партии, и сам он не принадлежит исключительно ни к какой партии. Его партия — вся образованная, вся читающая и пишущая Россия. Достаточно его подписи под самою коротенькою статейкой, чтоб общий интерес был возбужден, чтоб она вызвала разговоры, суждения, в которых если не всегда высказывается согласие с мнением автора или безусловная похвала написанному им, все-таки выражается дань уважения к его таланту, все-таки признается его право на понуждение самой ленивой мысли вникнуть в новое произведение, проследить то, что в нем хотел сказать любимейший из наших современных писателей». Называя имя Т. «каким-то литературным талисманом», Лонгинов поясняет, что оно служит не только «приманкой» для читателей и подписчиков, но и залогом успеха любого литературного и общественного предприятия, что «симпатия и доверенность» к Т. таковы, что каждый начинающий писатель считает долгом обратиться к нему за помощью и советом, не получая отказа. Называя Т. «первоклассным талантом, служащим много лет честную службу и истинному просвещению», Лонгинов считает, что «завидная роль, которая так законно выпала на долю г. Тургенева в нашей литературе, основана не только на неотъемлемо-высокой степени его таланта, но еще более на самом его качестве»: «В этом таланте столько искренности, столько гуманности, такое отсутствие всяких сделок, противных хоть сколько-нибудь его натуре, что, читая произведения г. Тургенева, чувствуешь в уме и на сердце» «полную гармонию впечатлений». «Писатель и человек так удивительно сливаются в г. Тургеневе! От этого слияния сам он не может безнаказанно отказаться». Примером подобного отказа автор ст. считает, например, роман «Накануне», противопоставляя его «Дворянскому гнезду».

Высочайшую оценку дает критик «Запискам охотника»: «Тут талант его возмужал, попал на прямую дорогу и выработался в тех привлекательных особенностях, о которых мы говорили выше. “Записки охотника” — произведение, которое, при всей своей безыскусственности и кажущейся легкости, составляет один из самых прочных памятников нашей литературы». Если при первом появлении «можно было не совсем доверять себе в мнении о безотносительном их достоинстве и подозревать, что мнение это невольно закуплено в их пользу гуманною тенденцией, так искренно и может быть невольно высказавшеюся в этих рассказах, которые тогда казались слишком смелыми и возбудили такое множество нареканий при выходе их отдельною книгой в 1852 году. Но с тех пор утекло много воды. <...> то, что казалось *смелостью* в 1852 году, теперь стало общими местами...». И теперь, когда, по мнению критика, обличительная тенденция стала обычным делом, «Записки охотники» не потеряли своего значения и привлекательности: «Тут успех их основан уже именно на высоком их художественном достоинстве, в котором слились и великое дарование поэта, и глубина наблюдателя и мыслителя, не ищущая доказывать то или иное положение, но создающая дружно с поэтическими представлениями живые, пленительные картины действительности, говорящие сами собою и за себя». Не все, даже замечательные произведения способны выдержать подобные испытания, например «Губернские очерки г. Щедрина». «Да, “Записки охотника” — один из чистейших перлов русской поэзии, одно из капитальнейших творений нашей литературы».

Приветствуя перепечатку «Записок охотника», составивших т. 1 издания и дополненных очерками «О соловьях» и «Поездка в Полесье», Лонгинов высоко оценивает и т. 4, в который вошли «Рудин, «Дворянское гнездо» и «Накануне», называя «Дворянское гнездо» «шедевром» автора.

Имея в виду содержание оставшихся томов и возможный дополнительный т. 5 Сочинений, Лонгинов выражает пожелание собрать статьи «смешанного содержания» (т. е. литературно-критические, публицистические, мемуарные, такие, например, как ст. о Тютчеве 1854 г., «Гамлет и Дон-Кихот», «Встреча моя с Белинским») в отдельный том: «Статьи эти и некоторые другие статьи и письма <...> не должны оставаться похороненными в старых нумерах журналов и газет» (Отчасти это пожелание было выполнено Тургеневым в издании собр. соч. 1880 г. в цикле «Литературные и житейские воспоминания»).

То же он предлагает сделать и в отношении «театра Тургенева». Не будучи охотником до его «драматических опытов» и считая, что «Тургенев-драматург совершенно бледнеет перед Тургеневым-повествователем», Лонгинов находит, что пьесы Т. не лишены литературных достоинств, но длинны и скучны на сцене, выделяя «Завтрак у предводителя», который «не более как рассказ в драматической форме», и «Месяц в деревне». «Притом же мы так бедны театральными пиесами, что произве-

дениями г. Тургенева нельзя не дорожить; есть немало людей, которым они очень нравятся; и мы уверены, что “Театр” г. Тургенева будет для них истинным подарком, а потому и желаем, чтобы он был собран и издан».

Сообщая о скором выходе т. 2 и 3 *Соч* (*1860–1861*), рецензент отмечает, что новое издание «далеко отстало по изяществу от роскошного издания его “Повестей и рассказов”» (1856), но оно «очень опрятно», текст «исправен; цена чрезвычайно дешевая»; и выражает сожаление, что в издании нет никаких библиографических «указаний» и примечаний. Характерно заключение критика: «Блестящее литературное поприще г. Тургенева принадлежит истории литературы, и такие приложения к его сочинениям необходимы уже в наше время. Как бы то ни было, будем благодарны и за то, что сделано. Теперь, по крайней мере, всякому доступны эти прекрасные произведения благороднейшего из современных талантов, творения, в которых все дышит обаятельною прелестью поэзии, неразлучною с возвышенными стремлениями чувств и помыслов» (С. 911–916). См. также: ***19* (*31*) *января*** и ***10* (*22*) *мая*** (выход т. 2 и 3).

10* (*22*) *февраля*. Пятница**. На заседании Комитета Литературного фонда Андреевский, повторно подавая прошение о пособии, указывает (вероятно, в качестве аргумента) на неизв. п. к нему Т. (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 8. Л. 39, 40 об.), скорее всего ответ на п. Андреевского от ***22 апреля* (*4 мая*) *1860.

13 (25) февраля проситель, однако, получил отказ, поскольку «никакими литературными трудами не заслужил новое пособие» (Там же. № 1. Л. 136–136 об.).

***10–12* (*22–24*) *февраля*. Пятница – воскресенье**. Предположительная дата п. к Герцену (ответ на его п. от ***30 января* (*11 февраля*)**): сообщает сведения, собранные о кн. Н. П. Трубецком, бывшем адъютанте герцога Мекленбургского, зяте вел. кн. Елены Павловны («по всем признакам человек хороший и благородный»), а также о штабс-капитане Дубровине (М. С. Бейдемане), о котором «никто ничего не знает». От Анненкова получает «*радужные*» письма и «счастлив его счастьем». Пишет о приезде в Париж больного Боткина («он, бедный, очень плох; мозг и зрение поражены»), которого собирается поселить в пансион, где живет Маркович, согласившаяся ухаживать за ним, и Толстого, которого «еще не видел». Сообщает также «*самым достоверным образом* – что указ об эманципации выйдет *скоро*», а «главными противниками указа» являются Гагарин, М. Н. Муравьев, Княжевич «и... кн. *А. М. Горчаков*!!».

11 (***23***) ***февраля***. **Суббота**. Дата п. Анненкова к Т. (ответ на п. от ***16*** (***28***) ***января***): пишет о хлопотах в связи с предстоящей 22 февраля (6 марта) свадьбой, ждет Т. к себе в апреле. Описывает заинтересованность в Т. своей новой родственницы Карташевской, которая «с жадностью» прочитывает «те места из Ваших писем, которые я ей показываю <...>. Она, как известно, делается ma nièce (моей племянницей — *франц.*) чуть ли не со всей Малороссией вместе и, как таковая, ищет моего родственного покровительства». Сообщает новый состав Комитета Литературного фонда (см. ***2*** (***14***) ***февраля***), откликается на известие о болезни Боткина: «О бедный Боткин! Жертва столь же тупого предопределения, сколько и философской теории о счастии забавного препровождения времени».

Пишет, что крестьянский вопрос получил в Государственном совете (последней инстанции) «неожиданный оборот»: Совет, «по предложению Гагарина, вдруг единогласно решил — отдать крестьянам усадьбу и четвертую часть надела даром, да уж потом ничего общего с ними и не иметь на веки вечные». Удивляется внезапности и непредсказуемости такого решения:

> «Изумительно — но только тогда, когда не знаешь нашего общества. В нем нет теперь ни одной системы, ни одного убеждения и ни одного человека в настоящем смысле слова. Люди сбегаются толпами, как только завидят что-либо подобное тому, другому или третьему — от этого успех “Современника”, Редакционной комиссии, Ростовцева <...>. А потом, как мухи, нажравшиеся мухомора с сахаром, — начинается всеобщее лопанье животов и кувыркание вверх ногами. Немудрено, что тогда дело разрешается и юродивым, который что-нибудь крикнет сдура. Так решались дела и в Новгороде Великом, где ставится памятник России».

Иронически упоминает о «заметке» общего «приятеля» (Герцена), в которой говорилось, что «настоящие люди» у нас не в Москве и Петербурге, а в Харькове, Казани и «в других отдаленных местах»: «Счастливец! Он один их и видит; для нас это тайна», имея в виду ст. Герцена «Провинциальные университеты» в л. 91 «Колокола» (1861. 20 января (1 февраля); см.: *Герцен.* Т. 15. С. 18—24) (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 100—101). Ответ Т. см. ***15*** (***27***) ***февраля***.

Выходит № 2 журнала «Время» (ценз. разрешение 9 (21) февраля); в нем — ст. Де-Пуле «Нечто о литературных мошках и букашках. По поводу героев г. Тургенева» (С. 115—131; б/п). По мнению критика, от «Записок охотника» до «Дворянского гнезда» включительно Т. дает целую галерею портретов «одного и того же образа», вершиной которого стал Рудин; основное внимание сосредоточива-

ет на анализе ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот» (*Совр.* 1860. № 1): «Мы уверены, что такой писатель, как автор Рудина, не напрасно, не по критическим побуждениям остановился на сближении этих двух типов: если г. Тургенев нашел в русской жизни Гамлетов, положим, неполных или *Гамлетиков*; то он поищет в ней, если не настоящих Дон-Кихотов, то хоть Дон-Кихотиков. <...> Да спасет нас талантливый писатель от этих ненавистных практических деятелей, которых нам навязывают, влияние которых на общество мы почитаем положительно вредными» (С. 129). См. также п. Плещеева к Т. от ***28 февраля* (*12 марта*)**.

В этом же номере журнала помещена ст. Достоевского «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (б/п), вступившего в полемику с эстетической платформой *Совр*, представленной прежде всего выступлениями Чернышевского (см. ***18* (*30*) *июня 1860***) и Добролюбова (см. ***19 февраля* (*2 марта*) *1860*** и ***31 марта* (*12 апреля*) *1860***). Достоевский замечает, что «г-н —бов начинает высказываться с каким-то особенным нерасположением о г-не Тургеневе, самом художественном из всех современных русских писателей» (Там же. Отд. 2. С. 165—205; *Достоевский.* Т. 18. С. 80), хотя по выходе «Накануне» в свет Достоевский не относил его к удачам автора. Инсаров казался ему упрощенным по сравнению с типами, представленными другими героями романа — Шубиным и Берсеневым (см. ***17* (*29*) *марта 1860***). В п. к Т. от ***28 февраля* (*12 марта*)** Плещеев писал: «Есть еще большая статья о Добролюбове — и о взгляде “Современника” на искусство — заключающая в себе разумный протест против этого взгляда» (*Письма Плещеева.* С. 319). Об отношении самого Т. к ст. Добролюбова см. ***31 марта* (*12 апреля*) *1860***. Добролюбов ответил Достоевскому в своей последней ст. «Забитые люди» (см. ***8* (*20*) *октября***).

***13* (*25*) *февраля*. Понедельник**. Дата п. Ешевского к Маркович из Рима: просит поклониться Т. (см.: *Листи до Марка Вовчка.* С. 120).

14* (*26*) *февраля*. Вторник**. Гр. Салиас пишет Т.: «Вчера, любезный Тургенев, Eugène (Феоктистов. — *Ред.*) получил ваше письмо (от ***1* (*13*) *февраля . — *Ред.*) и прочел его мне. Я нахожу, что для нас был бы огромный шанс на успех иметь вашу главу из романа («Отцы и дети». — *Ред.*), но в том нет сомнения, что Катков, делающий всё, чтобы утопить нас, не согласится». Утверждает, что, если газ. *РРечь* «не пойдет», она «погибла (в отношении состояния)», что на карту поставлено «всё» и под угрозой находится ее жизнь с «большими» детьми. Поскольку политический отдел запрещен, «надо, стало быть, хороших литературных статей». Считает, что Катков

выдает газету и журнал за одну цену «для того только, чтобы меня утопить в первый же год». Предлагает: во-первых, заплатить Т. за главу из романа ту сумму, которую платит Катков, а когда тот будет перепечатывать ее, уже не брать с него никаких денег («Это будет справедливо»); во-вторых: «Катков не может с вами рассориться, что бы вы ни попросили, или лучше, что бы вы ни сделали, предупредив его конечно»; в-третьих, «одна глава из романа не может повредить Каткову, а мне сделает пользу огромную»; в-четвертых, «у Каткова сотрудников мало — он дорожит оставшимися и тем более вами. Ведь романистов нет, и лучше вас никто романов не пишет — ведь вы знаете это». По поводу напечатанного отрывка из романа Гончарова «Обрыв» пишет: «*Беловодова и Райский* отрывки, которые являются, везде сделали фиаско. Только Писемский написал чудную вещь в “Библиотеке”: “Старческий грех”». Признается, что хотела просить Т. «написать (со временем) повесть ли, роман ли» для нее, «хотя к будущему году», намереваясь напечатать его приложением к газете и раздать отдельными оттисками: «Но об этом после. Теперь подумайте о газете моей и о том, нельзя ли сладить с главой из романа. Впрочем, ножа к горлу я вам никак не хочу ставить» (*ИРЛИ*. № 5850. Л. 30—31). Ответное п. Т. неизв., упомянуто в п. Салиас к Т. от ***13*** (***25***) ***марта***, см. также п. Т. к Феоктистову от ***1*** (***13***) ***февраля***, ***8*** (***20***) ***марта***.

Первая половина февраля (***до 15***) ***ст. ст.*** Толстой читает Т. начальные главы своего романа «Декабристы», которые ему очень понравились (см. ***15*** (***27***) ***февраля*** и ***14*** (***26***) ***марта***). О «недавней» встрече с Т. и Чичериным Толстой пишет брату Сергею ***17 февраля*** (***1 марта***).

Предположительное время написания п. Ламберт к Т. (на франц. яз.) (ответ на п. от ***17*** (***29***) ***декабря 1860***), пересылающей ему отзыв некоего «г. Г.» о «Первой любви», написанный не для Т., но показавшийся графине «довольно справедливым». Отзывается нелицеприятно о Григоровиче, который на «впечатлительных людей» производит поначалу то впечатление, которого добивается, но уже со второй встречи в нем виден актер, теперь он производит на нее отталкивающее впечатление. Соглашается с Т., что Григорович не умен, и спрашивает, как ему удается иногда писать столь трогательные вещи. Упрекает Т. за то, что он слишком легко согласился быть замененным Григоровичем. Говоря, что человек заменим, имела в виду, что «сама жизнь движется вперед, заменяет одни события другими и учит довольствоваться малым, когда нет большого, даруя

сон усталости, когда не может дарить радость удовольствия». Что касается ее самой, то «в этом мире <ей> нужен только сон, и радостное пробуждение в мире ином» (см.: *Granjard.* P. 136—137). Ответ Т. см. ***16, 18 февраля*** (***28 февраля, 2 марта***).

Около этого времени гр. М. Н. Толстая пишет из Гиера брату Льву, уехавшему в Париж: «Жаль, что вы с Тургеневым разладились. / Как будто, несмотря на разный взгляд на вещи, нельзя быть в свободных отношениях, т. е. чтоб мальчики не бегали в глазах? Долго ли он пробудет в Париже? Скажи ему, чтоб он мне написал, я его адрес потеряла и оттого не отвечаю на письмо» (Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 233). П. Т., о котором просила Толстая, неизв. или не было написано. См. также п. к Анненкову от ***15*** (***27***) ***февраля***.

15 (***27***) ***февраля***. **Среда**. Отвечает Анненкову на его п. от ***11*** (***23***) ***февраля***. Называя его «самым надежным комиссионером», просит «ради бога» выслать в Париж вышедшие 3 тома *Соч* (*1860—1861*), «чтобы я имел о нем понятие». Просит известить телеграммой о выходе «великого указа», «ставящего царя на такую высокую и прекрасную ступень» (Манифест 19 февраля), твердо надеется, что Анненков найдет время «описать мне Вашим энциклопедически-панорамическим пером состояние города Питера накануне этого великого дня и в самый день». Сообщает, что ст. («Поездка в Альбано и Фраскати (*Воспоминание об А. А. Иванове*)») для «Века» «скоро будет окончена» (см. ***12*** (***24***) ***апреля***); рассказывает о скандалах в парижской финансовой сфере. По поводу борьбы Гарибальди за объединение Италии пишет: «...а итальянский корабль понемногу и благополучно спускается в воду». Извещает о приезде из Италии Толстого: «не без чудачества, но умиротворенный и смягченный. Смерть его брата (Н. Н. Толстого. — *Ред.*) сильно на него подействовала. Он мне читал кое-какие отрывки из своих новых литературных трудов, по которым можно заключить, что талант его далеко не выдохся и что у него есть еще будущность».

Речь идет о романе «Декабристы», о котором Толстой писал Герцену ***14*** (***26***) ***марта***. ***12*** (***24***) ***марта*** Толстой пишет из Брюсселя брату Сергею и Ергольской: «С Тургеневым я, к удовольствию моему, кажется, сошелся, и эти мальчики в глазах перестали бегать» (*Толстой.* Т. 60. С. 372).

Интересуется Потаниным, «о котором так вострубил» *Совр*: «Действительно — он писатель замечательный?». Дает высокую оценку отрывку из романа Гончарова «Обрыв» («Эпизоды из жизни Рай-

ского»: *ОЗ*. 1861. № 1): «А гончаровский отрывок в “От<ечественных> записках” я прочел — и вновь умилился. Это прелесть!». Сообщает, что появилась надежда на выздоровление Боткина: «Но если бы Вы знали, как безобразно-грубо <...> выступил в нем эгоист. Это даже поразительно!.. Ох, Павел Васильевич, в каждом человеке сидит зверь, укрощаемый одною только любовью». Ответ Анненкова см. ***26 февраля*** (***10 марта***).

Дата ответного п. Феоктистова на п. Т. от ***1*** (***13***) ***февраля***: «Лишь только прочел я графине (Салиас. — *Ред.*) о предложении Вашем прислать одну главу из романа («Отцы и дети». — *Ред.*), как оно встречено было с восторгом. <...> Всё зависит, следственно, от одного — не сделает ли каких препятствий Катков. В сущности, мы не понимаем, почему Вам нужно его разрешение. <...> и потому всё зависит от Вашего письма к нему. Если, к счастью нашему, Катков не сделает никаких затруднений, ради Бога, доставьте немедленно главу, о которой вы говорите» (*Письма Феоктистова*. С. 155). Ответ Т. см. ***8*** (***20***) ***марта***.

В Варшаве, очевидно в связи с грядущим объявлением в России Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, была устроена манифестация в память восстания 1830—1831 гг. Русскими войсками под командованием генерала Заблоцкого демонстрация была разогнана, пять человек было убито. Эти события были подробно описаны в английской газ. «Times» (1861. 2 (14) марта), где излагался факт отказа одного из офицеров исполнять приказ стрелять по демонстрантам. Основываясь на сообщении «Times», Герцен посвятил этим событиям ст. «Vivat Polonia!», напечатанную в л. 94 «Колокола» от ***3*** (***15***) ***марта***. После разгона демонстрации последовали новые: среди требований протестующих были восстановление в Польше конституции 1815 г., возвращение отторгнутых земель и др. Европейская печать постоянно публиковала депеши из Варшавы.

16 (***28***) ***февраля***. **Четверг**. Начинает п. к гр. Ламберт (ответ на ее п. от ***30 января*** (***11 февраля***) и ***Первой половины февраля*** (***до 15***) ***ст. ст.***): «...мы все, находящиеся здесь русские, с волнением ожидаем вестей об окончательном объявлении эманципации. Говорят, что указ выйдет 19-го февр. ст. ст., то есть через три дня... Как мне жаль, что я теперь не в Петербурге!». Завершает п. ***18 февраля*** (***2 марта***).

Между 31 января (***12 февраля***) ***и 17 февраля*** (***1 марта***). Вместе с Толстым навещает больного Боткина (упомянуто в п. Боткина к Фетам от ***27 июня*** (***9 июля***)).

17 февраля (***1 марта***). **Пятница**. В п. к Маркович, уехавшей в этот день с Пассеком в Рим, сообщает о получении п. (неизв.) от ее мужа, которое нечаянно распечатал, и пересылает его в Рим, а также записки от Т. П. Пассек с приглашением «переговорить о *важном* деле» — вероятно, о неприятном для нее сближении ее сына с Маркович, собирается встретиться с нею «завтра»: «Смутно предчувствую, о чем сия дама будет со мной беседовать — но от меня она немного толку добьется — и вероятно почувствует ко мне антипатию. Господь с ней!». По поводу поездки в Рим пишет: «Может быть, Вы хорошо сделали, что поехали... Будем думать, что хорошо, так как теперь этого уже вернуть нельзя». Советует извлечь пользу из пребывания в Риме: «...смотрите во все глаза, учитесь, ходите по церквам и галереям. / Рим — удивительный город: он до некоторой степени может всё заменить: общество, счастие — и даже любовь»; просит «поклониться» Ешевскому, Пассеку и поцеловать Богдана, сына Маркович.

В ответ на записку Пассек с приглашением встретиться пишет ответную записку (неизв.) и откладывает встречу на «завтра», ссылаясь на нездоровье (см. выше).

Дата ответа Герцена на п. Т. от ***10—12*** (***22—24***) ***февраля***: благодарит за присланные сведения, сообщает, что «завтра» Т. получит л. 93 «Колокола» (1861. 17 февраля (1 марта)) с описанием двух заседаний в Петербурге по поводу освобождения крестьян. Прочитал книгу Анненкова «Николай Владимирович Станкевич и его переписка» (М., 1857): «чрезвычайно важная публикация. Так и пахнет чистым, родным воздухом — от этой кучки людей благородных, идеалистов». Просит переслать п. Маркович (неизв.): «ты на нее имеешь влияние (вероятно, она на тебя больше) — если хочешь быть ей полезен, поставь ее на ноги и выпутай из мира дрянных сплетен, двойных любвей, кокетства и лжи» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 137—138; *Герцен. Летопись.* С. 187). Ответное п. Т. неизв.

Толстой пишет из Парижа брату Сергею: «Недавно с Турген<евым> и Чич<ериным> мы беседовали о бессмертии души, и Тург<енев> цитировал свою <?> теорию света в светилах, и не вышло» (*Толстой.* Т. 60. С. 366).

18 февраля (***2 марта***). **Суббота**. Продолжает п. к гр. Ламберт, начатое ***16*** (***28***) ***февраля***, отмечает, что ровно 6 лет назад в этот день умер Николай I: «Стало быть завтра — великий день». Пишет о парижских слухах, «будто в Варшаве вспыхнул бунт. Сохрани нас Бог от эдакой беды! — Бунт в Царстве может только жестоко повре-

дить и Польше и России, как всякий бунт и всякий заговор. Не такими путями должны мы идти вперед. А в странное и смутное время мы живем. Приглядитесь к тому, что везде делается... Никогда разложение старого не происходило так быстро. А будет ли лучше новое — бог весть!» (о событиях в Варшаве см. ***15 (27) февраля*** и ***23 февраля (7 марта)***). Возвращает присланное Ламберт п. «г-на Г.» (неизв.) с критикой «Первой любви» (см. ***Первая половина февраля (до 15) ст. ст.***): «Должно быть, он прав (мой приятель Виардо такого же мнения о “Первой любви”)» (мнение Л. Виардо см. ***11 (23) ноября 1860***) и откликается на отрицательное мнение Ламберт о повести: «...мне не служит извинением то, что я нисколько не воображал выбранный мною сюжет безнравственным. <...> я писал вовсе не с желанием бить, как говорится, на эффект; я не придумывал этой повести; она дана мне была целиком самой жизнью. Спешу прибавить, что это меня не оправдывает; я, вероятно, не должен бы был касаться всего этого. Говорю: вероятно — потому что не хочу лгать. Если бы кто-нибудь меня спросил, согласился ли бы я на уничтожение этой повести, так, что и следа бы от нее не осталось... я бы покачал отрицательно головой». Сообщает, что в Париже был проездом Толстой, в котором нашел «перемену к лучшему»: «Он, кажется, начинает устанавливаться — и перестает бродить. Мне кажется, что он еще много может сделать — при его несомненном таланте». О своих взаимоотношениях с дочерью пишет: «...все-таки мы далеко отстоим друг от друга», о возможном ее замужестве с огорчением сообщает, что «никакого брака до сих пор не предвидится».

Предположительно встречается с Т. П. Пассек, изъявившей желание поговорить с Т. о «*важном*» деле, т. е. об отношениях ее сына Александра с Маркович, уехавших вместе в Рим (см. ***17 февраля (1 марта)***).

Скорее всего, в этот день, возможно после разговора с Пассек, отправляет Маркович «свирепое письмо», в котором «пересолил с намереньем — а то бы ничего не вышло» (неизв., в перечне *Утраченных писем* не отмечено), но продолжает считать, что «основание моего письма справедливо — и, поразмыслив о нем, Вы сами убедитесь, что Вам нельзя продолжать идти по той же дорожке. — А впрочем, у каждого свой ум в голове».

19 февраля (3 марта). **Воскресенье**. Александр II подписывает Манифест об освобождении крестьян, который будет обнародован в воскресенье ***5 (17) марта***.

Дата ценз. разрешения № 2 *ОЗ* с хвалебной ст. Розенгейма о Ристори (Отд. 6. С. 63—66), гастролировавшей в России ***зимой 1860/1861*** (см. п. Т. к Краевскому от ***25 октября*** (***6 ноября***) ***1860***).

20 февраля (***4 марта***). **Понедельник**. Сообщает Маркович в Рим, что «третьего дня» (вероятно, после разговора с Пассек), крайне отрицательно относившейся к сближению сына с Маркович, написал ей (предположительно ***18 февраля*** (***2 марта***)) «свирепое письмо» (неизв.), «за которое Вы, вероятно, сильно на меня рассердились». Прилагает «новое» п. от ее мужа; кланяется Ешевскому и Пассеку. Ответ Маркович см. ***24 февраля*** (***8 марта***).

21 февраля (***5 марта***). **Вторник**. Дата ценз. разрешения № 3 журнала «Время»; в нем — ст. Достоевского (б/п) «“Свисток” и “Русский вестник”», в которой упоминается Т.: «Мне даже кажется, что теперь даже так называемая изящная литература, какой-нибудь, например, Пушкин, Островский, Тургенев всё еще полезнее для нас даже самых лучших политических отделов» наших журналов» (Отд. 5. С. 71—84; *Достоевский*. Т. 19. С. 109).

22 февраля (***6 марта***). **Среда**. Бракосочетание в Исаакиевском соборе в Петербурге Анненкова и Ракович, родственницы Карташевских, с семейством которых его познакомил Т. См. п. Т. к Анненкову от ***5*** (***17***) и от ***16*** (***28***) ***января*** и п. Анненкова к Т. от ***26 февраля*** (***10 марта***).

23 февраля (***7 марта***). **Четверг**. Дата п. Герцена к Т., ожидающего новостей из России: «Ты понимаешь <...> что эти дни не жизнь, а судорожное пережигание себя <...> Это наше время, наше последнее время — эпилог. / Иногда верится, что мы будем в России, — чаще, что мы совсем не будем». Просит Т. срочно сообщить новости о Манифесте, советует обратиться к Желиговскому за сведениями о текущих делах в Польше: «A propos, ты знаешь Желиговского. Он, я полагаю не без резона, один из поляков имеет настоящие сведения. Ты бы у него поспрошал да мне бы отписал». Упрекает Т., что он в Европе, а не в России: «А ведь хороши вы все, таскающиеся по Европе для ради прохлаждения, когда долг, разум и сердце <...> заставляют быть в России». Сообщает о частых встречах с Толстым: «Толстой — короткий знакомый; мы уже и спорили; он упорен и говорит чушь, но простодушный и хороший человек <...>. Только зачем он не думает, а всё, как под Севастополем, берет храбростью,

натиском?». Намерен послать Делаво следующий номер «Колокола» со своей ст. «Vivat Polonia!» (см. ***3*** (***15***) ***марта***) с целью публикации во франц. прессе (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 138—139; *Герцен. Летопись.* С. 189. Франц. публикация ст. Герцена не обнаружена). Ответ. Т. см. ***25 февраля*** (***9 марта***).

24 февраля (***8 марта***). **Пятница**. Раздраженный ответ Маркович из Рима на п. Т. от ***17 февраля*** (***1 марта***), ***18 февраля*** (***2 марта***) и ***20 февраля*** (***4 марта***): «Вы слишком скоро обвиняете. Как это Вы можете в один день так перемениться?» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 288).

25 февраля (***9 марта***). **Суббота**. В ответном п. к Герцену (на п. от ***23 февраля*** (***7 марта***)) оправдывается, что «поневоле» сидит в Париже в связи с замужеством дочери: «Охота же тебе поворачивать нож в ране! Что же мне делать, коли у меня дочь, которую я должен выдавать замуж и потому поневоле сижу в Париже? Все мои помыслы — весь я в России»; обещает сообщать «все новости неофициальные, но верные». По поводу событий в Варшаве (см. ***15*** (***27***) ***февраля***) пишет, что в Петербурге «хотят попробовать меры кротости (brutalité была слишком велика даже для русской администрации — даже *ей* стыдно стало), но попробуй поляки завести речь о конституции — и увидят они, какие выставятся кулаки».

Под brutalité (жестокость — *франц.*) Т. имеет в виду применение оружия при разгоне демонстрации в Варшаве ***15*** (***27***) ***февраля***, под «мерами кротости» — «дозволение торжественных похорон убитых 27 февраля и отправку адресса к государю с желанием ограждения национальной независимости поляков» (см.: *Письма к Герцену.* С. 137).

По поводу обнародования Манифеста об освобождении крестьян сообщает, что это должно произойти «6/18-го марта» (в действительности ***5*** (***17***) ***марта***); выражает уверенность, что крестьяне будут недовольны разрешенным урезанием земельного надела, особенно в хлебопашных губерниях; высказывает преждевременное одобрение исключению «глупейшего *переходного* времени» проведения реформы (на самом деле оно было определено в «Положении» сроком на два года, см. также ***1*** (***13***) ***марта***). В ответ на вопрос Герцена (см. ***23 февраля*** (***7 марта***)), имеет ли Т. «сношения» с Делаво, которого называет «Генрихом Шестым», намекая на его аристократическое происхождение и имя Анри (Henri), советует прислать ему будущую ст. в «Колоколе» о Польше: «Присылай “Колокол” Де-

лавойю. Он всё поместит, что следует и где следует. Но вообрази — ведь он не Генрих, а Гипполит. Я сам недавно узнал этот потрясающий факт».

Полное имя Делаво — Ипполит-Шарль Лекуэнт де Лаво (Lecointe de Laveau; 1808—1862. В *ПССиП*(*1*) и *ПССиП*(*2*) до *П.* Т. 15, кн. 2 имя указывалось ошибочно: Анри-Ипполит); он был сыном французского эмигранта, осевшего в России до 1806 и прожившего в ней много лет. И.-Ш. Делаво родился в Москве, хорошо владел русским языком, был переводчиком русских авторов, в том числе Т. и Герцена. В некрологе Делаво, подписанном А. Мартеном, говорилось: «Литература потеряла талантливого писателя, превосходного человека, добросовестного и скромного, чья смерть образует пустоту в наших отношениях с заграницей. Возможно, г. Делаво был среди нас лучшим знатоком России и более всех способствовал ознакомлению с нею. Он провел в России долгие годы и прекрасно знал ее язык и литературу». Называя статьи Делаво о России, публиковавшиеся в «Revue des deux mondes» очень «основательными, насыщенными и здравыми», Мартен упомянул о переводах Делаво из Т. и «Былого и дум» Герцена, которыми переводчик «оказал подлинную услугу французской публике, еще недавно столь мало знакомой с иностранными нравами и литературой и столь готовой теперь восполнить упущенное время» (Le Siècle. 1862. 9 décembre. P. 9). Небольшое объявление о смерти сотрудника «Revue des deux mondes» Делаво, писавшего о России, появилось в «La Presse» (1862. 10 décembre). О Делаво как возможном переводчике «Отцов и детей» см.: *Waddington/Montreynaud.* P. 86. Item 28; *Сундквист Л.* Вильгельм Вольфзон, Клер фон Глюмер и первые немецкие переводы романа «Отцы и дети» // *НИиМ* (*4*). С. 123—124, примеч. 141.

Оценивая современную политическую ситуацию во Франции, иронически пишет о «старой парламентской партии», якобы оппозиционной по отношению к режиму Наполеона III: «Отвратительное зрелище представляет здесь старая парламентская партия: все они: вольтериянец Тиер, протестант Гизо, ламартинист Ламартин охают и ахают о Папе; о неаполитанском короле и т. д. Они думают этим произвести реакцию против здешнего правительства — а оно только руки себе потирает. Если это будет так продолжаться, то кончится тем, что Наполеон будет главою либералов во Франции!!.. Умен он, умен, — да уж и счастлив, нечего сказать». По поводу Желиговского, к которому Герцен советовал обратиться за сведениями о текущих делах в Польше, пишет: «Желиговского я очень хорошо знаю и способствовал его *свадьбе*, которая должна совершиться на днях», ему «теперь не до Варшавы».

С польским поэтом и общественным деятелем Желиговским Т. мог познакомиться в 1858, после его возвращения из ссылки в Уфу, куда тот приехал в Петербург со своей возлюбленной С. Буткевич. Здесь поэт участвовал в издании газ. Огрызко «Слово», выходившей на польском языке, сошелся с кружком малороссов и Шевченко. В 1860 уехал в Италию на лечение, затем оказался в Париже, где при содействии польской диаспоры стал женихом дочери Мицкевича Хелены, однако свадьба, назначенная на 21 марта н. ст., не состоялась, а вскоре к нему приехала из Петербурга Буткевич. Какую роль сыграл Т. в этой истории, неизвестно.

Передает поклон Толстому, «если он еще в Лондоне». Ответное п. Герцена см. ***28 февраля* (*12 марта*)**.

***26 февраля* (*10 марта*). Воскресенье**. В Петербурге через два года после возвращения из ссылки умирает Шевченко.

В некрологе журнала «Основа» говорилось: «Кто знал его как поэта и человека, поймет всю великость нашей утраты. Украина ответит стоном на страшную весть о смерти *на́шого ба́тька* <...>. Она потеряла в нем свое самое горячее сердце, свою славу, свою печаль и отраду, свою болезнь и здоровье. Теперь Украина действительно вдова-сиротина, сирота-небога, как он называл ее в своих вечно юных, полных безграничной любви и тоски, истинно народных созданиях» (1861. № 2. Б/п, без паг., вклейка). По свидетельству Анненкова, Т. еще в 1859 «искал знакомства с поэтом Шевченкой, высказывал искренние симпатии его прошлым страданиям и его таланту, но не разделял его увлечений. Над его привязанностью к Запорожью, казачьему удальству, к гайдаматчине он посмеивался не раз, в приятельском кружку» (*Анненков* (*1983*). С. 436). В п. к Герцену от ***14* (*26*) *марта*** Т. просит сказать о смерти Шевченко «два слова» в «Колоколе» (см. также п. к Карташевской того же дня). Позднее, в 1875, в своих «Воспоминаниях о Шевченке» Т. писал: «...талант его привлекал нас своею оригинальностью и силой, хотя едва ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть ли не мировое значение, которое, не обинуясь, придавали ему находившиеся в Петербурге малороссы»; здесь же Т. отметил «чисто русский» выговор Шевченко и то, что он вел дневник «на русском языке», что «немало изумляло и даже несколько огорчало его соотчичей» (*Соч.* Т. 11. С. 188). Утверждение о том, что Т. якобы присутствовал 28 февраля (12 марта) на похоронах Шевченко на Смоленском кладбище (см.: Там же. С. *427*), не соответствует действительности.

Дата ответа Анненкова на п. Т. от ***15* (*27*) *февраля***, с описанием своей свадьбы, где, в частности, говорится, что жена Анненкова сожалела об отсутствии Т.: «Будем Вас прочить в крестные отцы <...>».

Т. стал крестным отцом третьего из детей Анненковых — сына Аркадия, умершего в 1872 в возрасте 1 года (см. также ***5*** (***17***) ***января***).

Сообщает, что «комиссию» Т. — высылку т. 1 и 4 *Соч* (*1860—1861*) — «исполнил тотчас же». На вопрос о Потанине, чей роман «Старое старится, молодое растет» печатался в *Совр*, отвечает: «О Потанине говорить не считаю возможным и нужным», критически отзывается о рассказе Маркович «Лихой человек», напечатанном в *РВ*. Манифест «печатается»; 19 февраля «прошло тихо, почти незаметно, если исключить пьяного дворника, высеченного Игнатьевым за восклицание в кабаке и заставившего Петербург говорить о себе. Этому 19-е число было заметно, но он может утешаться мыслию, что о нем говорили в салонах и на раутах, где прежде попусту сеченые люди в предметы бесед не входили. Ненужными оказались и пушки в Адмиралтействе, и усиленные патрули, и прочие мероприятия». Рассуждает о специфике национального характера: «Если судить по внешнему виду, наложенному обстоятельствами — ничего нет терпеливее, скромнее, приличнее нашего народца. Многие даже вслух говорят, что он жаждет свободы, как лошадь, покуда ее запрягают, а там пошла писать и еще кнута просит. Но что под этой пансионски-добродетельной наружностью ходит страстей, порываний, надежд <...>». Рассказывает историю с петербургским митрополитом Исидором, которого чуть не снесли в Исаакиевском соборе, приняв тетрадь в его руках за манифест: «Вот это соединение крайней осторожности, уклончивости поведения с неумолкающими желаниями, не отступающими никогда позывами и делает, что русские революции ни на какие другие не похожи». Обещает держать Т. в курсе событий. О событиях в Варшаве пишет: «NB. Польские дела растут вместе с нашими, но еще вести наши смутны <...>» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 101—102). Ответ Т. на это п. неизв. или не был написан.

В парижском журнале «Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire» (Vol. 3. P. 27—72) выходит первая часть франц. перевода романа «Рудин», выполненного неким В. Деложем, под заглавием «Scènes de la vie privée en Russie. Roudine» (подпись: Tourguéneff). Продолжение вышло в книжках журнала от ***13*** (***25***) ***марта*** и ***29 марта*** (***10 апреля***).

Перевод содержит новый эпилог, добавленный Т. в издании 1860 (т. 4 *Соч* (*1860—1861*), см. ***30 сентября*** (***12 октября***) ***1860***), и некоторые дополнительные изменения. В 1862 вышел у Этцеля отдельным изданием. См. ***7*** (***19***) ***апреля 1862***. Считается, что за именем В. Деложа мог скрыться Делаво. Другие предположения см.: *Waddington/Mon-*

treynaud. Item 19; о возможном значении этого псевдонима см. также: *Звигильский А. Я.* Конспиративное письмо Тургенева // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 97—98.

27 февраля (11 марта). **Понедельник**. Дата п. Борисова к Т., в котором говорится, что 19 февраля «прошло без манифеста о крестьянском вопросе, и снова ждем и ждем уже *отпечатанных* обещаний, что постом вопрос этот кончится и огласится. Если Вы и к Святой будете в Спасском, то найдете нашу родину обновленною».

«Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» было подписано Александром II ***19 февраля (3 марта)***; ***5 (17) марта*** оно читалось во всех церквях и было опубликовано ***6 (18) марта***.

Сообщает об общих знакомых Н. Н. и Е. Д. Шеншиных, о Фете, занятом благоустройством дома в приобретенной Степановке, предвкушает совместные охоты. Обращает внимание Т. на обновленный *РВ* с разделом «Литературное обозрение» и еженедельным приложением «Современная летопись»: «Помните ли Ваши мечты, проект журнала, какой бы Вы издавали. Катков как будто уловил Вашу мысль и хотя не вполне, но осуществляет, и часть литературная в 1-й книжке украсилась “Лихим человеком” Марко Вовчка. Такая повесть, что не стыдно было бы и Вам подписать Ваше имя. До сих пор ни одна наша барыня подобного не написала <...>». Упоминает о сатирическом четверостишии, помещенном в «Свистке», в котором называлось имя Т.: «Немножко и Вам посвистывают, но нежно, стишками» (см. ***24 января (5 февраля)***); ожидал, что в № 1 *Совр* «будет что-нибудь по случаю историй Основского издания — но видно проглядели, а может берегут для будущих №№» (*Письма Борисова.* С. 348—350).

В *Письма Борисова* (С. 350, примеч. 9) указано, что в сохранившихся п. Т. нет речи о проекте издания собственного журнала и что он, вероятно, «только говорил Борисову» об этом, в то время как известно п. Фета от 18 (30) января 1858, где речь идет о «чисто литературном журнале», задуманном Т., Толстым, Боткиным и Фетом: «А мы с Толстым об этом мечтаем. Он говорит, что имя Тургенева как редактора и Боткина согнало бы в контору всю Русь читающую» (см.: *Тургенев. Переписка.* Т. 1. С. 408). См. также п. Т. к Толстому от ***17 (29) января 1858***. Замысел, однако, не был осуществлен.

28 февраля (12 марта). **Вторник**. Дата ценз. разрешения т. 2 (цензор Гиляров-Платонов): Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные. Т. 2. Издание Н. А. Основского. М.: в типо-

графии Грачева и комп., 1861. На обороте титула указано: «Печатано с издания 1856 г.». В том вошли: «Андрей Колосов», «Бреттёр», «Три портрета», «Жид», «Петушков», «Три встречи», «Разговор на большой дороге», «Муму», «Постоялый двор», «Затишье». См. ***10 (22) мая***.

В п. к К. Тургеневой (на франц. яз.) пишет, что вместе с дочерью и М. Иннис принимает приглашение Тургеневых на ***4 (16) марта***; сообщает, что пристроил ее собак кн. Трубецкому.

Ответ Герцена на п. Т. от ***25 февраля (9 марта)***: «Ты меня действительно огорчил, приняв как-то дурно естественный упрек, особенно естественный человеку, не имеющему возможности ехать и завидующему вам <...>. Только caro mio, жги меня, режь меня, но твой резон резона не имеет: будто на два месяца ты не мог бы отлучиться? Мы все не привыкли жертвовать общему». О спорах с Толстым, который «сильно завирается подчас»: «У него еще мозговарение не сделалось — после того, как он покушал впечатлений» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 139—140). Ответ Т. см. ***1 (13) марта***.

Дата ответного п. Плещеева на неизв. п. Т. от ***Второй половины января ст. ст.*** по поводу издания *Соч (1860—1861)*.

Сообщает, что тотчас по получении первого п. от Т. обратился к Основскому с запросом (неизв.), посланы ли вышедшие тома *Соч (1860—1861)* в Париж, и получил ответ, что они с Фетом решили послать сразу три тома (вместе с третьим, который печатается под наблюдением Основского). Надеется, что т. 2, печатаемый под собственным наблюдением, выйдет одновременно с т. 3, и если требуемый список опечаток не будет приложен к третьему, обещает напечатать его во втором (Основский, однако, выполнил просьбу Т. и приложил список опечаток к т. 3. — *Ред.*); обещает выслать вышедшие тома (т. 1 и 4), не дожидаясь выхода последних. О Павлове пишет, что тот снова едет в Орел мировым посредником. С огорчением сообщает о смерти Шевченко (см. ***26 февраля (10 марта)***): «Жаль бедного — не за одно дарование. Много вытерпел — а свободным пожил недолго». Пишет, что на днях видел Каткова, который сказал, что ждет от Т. «большой роман» («Отцы и дети». — *Ред.*): «Нечего Вам говорить — как все почитатели Ваши — нетерпеливо ждут появления этого романа; но не могу умолчать, что большая часть их скорбит зачем — он явится в “Р<усском> вестнике”. Что Вам за охота отдавать туда? Вы помните их безобразные толки — о “Накануне”? Впрочем — это не мое дело, и где бы Ваш роман ни явился — лишь бы только явился поскорей».

Спрашивает, видел ли Т. журнал братьев Достоевских «Время», который «возбуждает толки и сочувствие»; сообщает, что в февральском номере есть ст. «о Вас или по поводу Ваших героев», автор ее «вступа-

ется за Гамлетиков — и находит, что к ним относиться отрицательно не следует» (речь идет о ст. Де-Пуле «Нечто о литературных мошках и букашках (По поводу героев г. Тургенева)», см. ***11* (*23*) *февраля***). Одобрительно отзывается о ст. Достоевского против *Совр* и Добролюбова: «Г. —бов и вопрос об искусстве» (см. ***11* (*23*) *февраля***). Просит передать поклон Добролюбову, который «по слухам» тоже живет в Париже, если Т. с ним видится: «Хотя я не всегда согласен с его статьями, но — люблю его, и все-таки считаю даровитейшим между нынешними критиками» (*Письма Плещеева.* С. 318—319).

Февраль ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к Каткову. Упоминается в п. к Феоктистову от ***1* (*13*) *февраля*** и от ***8* (*20*) *марта***. Ответное п. Каткова (неизв.) с разрешением печатать главу из романа «Отцы и дети» было оговорено условиями, которые редакторы газ. *РРечь* Феоктистов и гр. Салиас сочли неприемлемыми, вследствие чего глава напечатана не была (см.: *П.* Т. 4. С. *623*, примеч. 2, 4).

Дата неизв. п. Т. к Некрасову (вероятно, ответ на примирительное п. последнего от ***15* (*27*) *января***). Упоминается в п. Некрасова к Т. от ***5* (*17*) *апреля*** (*Некрасов.* Т. 14. Кн. 2. С. 155—156) и в п. Т. к Достоевскому от ***30 октября* (*11 ноября*)**.

Зима 1860/1861. Предположительная дата неизв. записки Т. к Маркович с обещанием прийти сегодня к ней «непременно»; упоминается в записке Маркович к нему (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 287).

Предположительная дата двух записок Маркович к Т. с пометами «Воскресенье» о его визите к ней; упоминается неизв. записка Т. (см. выше) (Там же).

По воспоминаниям Щербаня, в зиму 1860/1861 Т. в Париже часто виделся с Бутаковым (*Щербань* (*1*). С. 9). См. записку Т. к Бутакову от ***Сентября 1860 — 20 апреля* (*2 мая*)**.

Гастроли в России известной итальянской трагической актрисы Ристори, о которой, по протекции Т., в *ОЗ* были опубликованы положительные рец. (см. ***19 февраля* (*3 марта*)**, а также п. Т. к Краевскому от ***25 октября* (*6 ноября*) *1860***).

***1* (*13*) *марта*. Среда**. Пишет Герцену (ответ на п. от ***28 февраля* (*12 марта*)**), что в Париже получены письма от «разных официальных лиц» (Головнина и др.) об «окончании крестьянского вопроса», что переходный период определен в два года, а не в девять и не в шесть, надел же остается весь с правом выкупа. Отмечает, что «плантаторы в Петербурге и здесь в ярости неизъяснимой». Сообщает, что ему «обещали доставить сегодня один уже *отпечатанный*

экземпляр Положения, который прислали из Петербурга»; обязуется списать основные пункты и прислать. Рассказывает, как проходило утверждение «Положения о крестьянах». О реакции консервативной части помещиков пишет: «Плантаторы оттого так взбеленились, что в последнее время распространились слухи о принятии гагаринского проекта, т. е. $^1/_4$ надела и т. д. Впрочем, говорят, и в печатном экземпляре — это находится в примечании *comme une chose facultative* (*как вещь необязательная — франц.*). Непонятно — но такими словами мне это передал один придурковатый плантатор, читавший напечатанный манифест».

Последнее утверждение неверно: на заседании Государственного совета 11 (23) февраля был принят проект кн. Гагарина о так называемом «даровом» («гагаринском», позже названном «нищенским») четвертном наделе, по которому заключалась добровольная сделка — помещик «дарил» $^1/_4$ положенного надела, освободив таким образом крестьян от дальнейших обязательств по выкупу, причем крестьяне лишались в этом случае трех четвертей своего надела земли, отходивших помещику. См. также ***25 февраля*** (***9 марта***).

Признается: «Дожили мы до этих дней — а всё не верится, и лихорадка колотит, и досада душит, что не на месте. / Впрочем, если я не увижу первого момента — я все-таки буду свидетелем первых *применений*»; собирается быть в России «в конце апреля». Интересуется № 6 «Полярной звезды» с обещанной ст. Герцена об Оуэне (см. ***8*** (***20***) ***марта***). Ответ Герцена см. ***3*** (***15***) ***марта***.

3 (***15***) ***марта***. **Пятница**. Дата л. 94 «Колокола»; в нем — ст. Герцена «Vivat Polonia!» (Да здравствует Польша! — *лат.*) (С. 789—791), в которой прославлялся случай отказа русского офицера выполнить приказ начальства стрелять по мирным демонстрантам (см. ***15*** (***27***) ***февраля***).

«И да здравствует русский воин, который отказался стрелять в безоружных, несмотря на приказ какого-то спадасина Заблоцкого! — восклицает Герцен. — Перед этим великим гражданским подвигом мы с умилением склоняем голову». Видя в отказе русского офицера историческое событие (этот факт был изложен в английской «Times» и опровергнут некоторыми русскими газетами), Герцен считает, что залп Заблоцкого «разбудил многих, он показал, какие звериные возможности гнездятся и живут, притаившись в кавернах Зимнего дворца, и какие инструкции даны полубезумным и полутатарским наместникам и баскакам». Отказавшийся исполнить приказ, с точки зрения Герцена, «*спас честь России*» и достоин быть занесенным «в наши святцы». Участников

подавления польского восстания 1830—1831 гг. Герцен называет «палачами» и призывает не стрелять в поляков, считая, что «поглощение Польши царской Россией — нелепость, насилие, — насилие, очевидное по количеству войска, которое стоит в Польше с 1831 года».

«*На польской земле не растут лавры для русских воинов,* — заявляет Герцен, — она слишком облита женскими слезами и мужескою кровью, пролитыми по вине ваших отцов — вас самих, может быть <...>». Призывая русских солдат и офицеров «*не поднимать оружия против Польши*», он обещает: «Что и как делать, вы узнаете, когда придет время. Исполнитесь в ожидании событий истиною наших слов и присягните во имя всего святого вам <...>»: «Эту присягу требует не царь, а совесть народная, народное раскаяние, и если вас ждет самая гибель за это — она свята, вы падете жертвой искупления, и вашей мученической кровью запечатлеется неразрушимый, свободный союз Польши и России как начало вольного соединения всех славян *в единое и раздельное Земское дело!*».

Узнав (возможно из п. Т. от ***25 февраля*** (***9 марта***)), что Александр II «хочет поступить *великодушно*», Герцен пишет: «Прощения надобно ему просить у Польши, перед лицом всего света, за кровь, пролитую в Варшаве, за то, что у него звери между генералами. Надобно быть справедливым, а не великодушным!». Что касается поляков, то, по мнению Герцена, они безусловно правы в своем желании отделиться от России, ибо «наступающее историческое дело славянского мира — *государственная самобытность Польши и соединение отрезанных частей ее*». Не видя во всем русском правительстве ни одного русского человека, кроме Александра II, Герцен призывает царя: «Будьте откровенно *русским* на один месяц, и вы будете знать, как следует поступить с Польшей и как довершить начатое вами; вам это легко, дайте волю себе. В душе вы русский — оттого вам стало жаль мужика и дворового, оттого вы хлопотали, чтоб у крестьянина осталось землицы. Старики из немцев и татар никогда не жалеют русский народ. Вы видели, как они шипели против вас в Совете, вы видели, как ваши собственные министры изменили вам. Вам мешает ложный стыд, предрассудки, воспитание, мы все это знаем... одно усилие... вы освобождаете крестьян от старых помещиков — освободите от них и себя!» (*Герцен.* Т. 15. С. 44—46).

Дата п. Герцена к Т. (ответ на п. от ***1*** (***13***) ***марта***): просит срочно «Бога ради» «достать» не сокращенный вариант «Положения», а копию или оригинал, заплатив переписчику «ценою злата и платины» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 140).

Возможно, именно через Т. Герцен получает *МВед* с Манифестом об освобождении крестьян (см. ***13*** (***25***) ***марта***).

4 (***16***) ***марта***. **Суббота**. Вместе с дочерью Полиной и М. Иннис навещает семью Н. И. Тургенева. См. ***28 февраля*** (***12 марта***).

5* (*17*) *марта*. Воскресенье**. В № 51 *МВед* в особом приложении обнародованы подписанный ***19 февраля (***3 марта***) высочайший «Манифест об отмене крепостного права» и «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Чтение «Манифеста» в российских церквях.

Повторно напечатано: Там же. 7 марта. № 52. «Высочайше утвержденные положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» печатались также в *МВед* (8—29 марта. № 54—70).

Пишет Кочубею, что в церкви «сегодня» быть не может («а блины есть с Вами сегодня буду»), но обещает явиться к нему в 6 часов и вместе отправиться в ресторане Douen; просит его достать напечатанное «Положение» («ради самого Бога»), очевидно для Герцена (см. ***3*** (***15***) ***марта***).

Посылает Н. И. Тургеневу его «Статью о (временной) приостановке объявления о манифесте 19 февраля 1861», о которой не успел поговорить при встрече ***4*** (***16***) ***марта*** и которую считает «совершенно справедливою и дельною». «На днях» собирается заехать к нему и потолковать еще «об этом вопросе» (см.: *Голованова Т.* Н. И. Тургенев о крестьянской реформе // *РЛ*. 1961. № 4. С. 134—142).

В ст. содержалась острая критика «так называемых государственных людей, заседающих или в Главном крестьянском комитете, или в Государственном совете», сопротивление которых делу освобождения крестьян привело, по мнению Н. И. Тургенева, к задержке публикации Манифеста. Дает критическую оценку ограниченного и половинчатого характера реформы. Ст. могла предназначаться для помещения в «Колоколе», но не была отослана в Лондон, так как в Париже со дня на день ожидалась публикация Манифеста. Возможно, к этому времени Т. уже получил телеграмму от Макарова (см. ниже).

Отвечая на два неизв. п. кнж. Хилковой («а то совесть меня совсем замучит»), начинает с извещения об отмене крепостного права: «Дело об эманципации решено — и, кажется, по мере возможности благоразумно и либерально: положения редакционной комиссии почти все приняты. — Надел остается полный с правом выкупа и обеспечением правительства; переходное время будет продолжаться всего два года, после которых уже барщина не допускается; облигации выдаются только тем, у которых имение на оброке». Сообщает, что в Париже «ходит по рукам напечатанный экземпляр будущего указа — но его никак поймать нельзя. Объявление последует через неделю»: «Дай Бог здоровья царю, который во всем этом деле вел

себя мастерски и должен был бороться с громадными затруднениями. — Я бы Бог знает что дал, чтобы присутствовать при чтении манифеста — не в Петербурге или в Москве, а где-нибудь в сельской церкви, посмотреть на лица мужиков, послушать их толки...». С одобрением откликается на предложение Хилковой поехать в Россию через Мюнхен, и спрашивает, до какого числа она с семьей намерена там оставаться. Передает поклон Боденштедту и Гейзе и просит сообщить им, «что я никак не ожидал такого личного отзыва и тем более им обрадован. — Нечего и говорить, что я почел бы за честь быть переведенным таким писателем, каков Боденштедт». Вспоминая о юношеском пребывании в Мюнхене, добавляет: «Я очень давно не был в Мюнхене; поверите, я в то время был очень глуп и ничего не смыслил; теперь, говорят, что действительно во многих отношениях — сердце Германии». О своей жизни в Париже пишет: «Я здесь живу однообразно — и работаю не слишком и усердно; впрочем, теперь не до литературы» (*Письма к Нелидовой.* С. 6—7). См. ***23 апреля*** (***5 мая***).

Дата телеграммы Макарова к Т. (неизв.) об объявлении Манифеста, посланная, очевидно, по просьбе Анненкова.

Телеграмма упоминается в п. Анненкова к Т. от ***6*** (***18***) ***марта***. Утверждение, что телеграмма Макарова была и от имени Анненкова (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 1. С. *381*, примеч. 3), носит гипотетический характер.

Конец февраля — начало марта ст. ст. Дата п. Маркович к Т. из Рима: сообщает, что видела М. П. Боткина (см.: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 287—288).

Начало марта ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к гр. Салиас (вероятно, ответ на ее п. от ***14*** (***26***) ***февраля***), с изложением условий Каткова на публикацию главы из «Отцов и детей» в *РРечи* (см. п. Т. к Феоктистову от ***8*** (***20***) ***марта***). Упоминается в ответном п. Салиас от ***13*** (***25***) ***марта***: «Сейчас получила письмо ваше, любезный Иван Сергеевич, и спешу отвечать» (*ИРЛИ.* № 5850. Л. 32). Ответ Салиас см. ***13*** (***25***) ***марта***.

6 (***18***) ***марта.*** **Понедельник**. В п. к Анненкову благодарит за «депешу, от которой у нас у всех головы кругом пошли» (т. е. телеграмму об объявлении Манифеста 19 февраля 1861, посланную Макаровым, см. ***5*** (***17***) ***марта***); сетует, что «ничего положительного не известно об *условиях* нового Положения. Толки ходят разные»;

просит сообщить подробности — «что и как у вас всё это происходит»; собирается вернуться ранее намеченного срока, уже через месяц. Жалуется, что присланный печатный экземпляр «Положения» «поймать невозможно». Просит описывать все свои впечатления: «всё это теперь вдвойне дорого. Здесь русские бесятся: хороши представители нашего народа! Дай бог здоровья Государю. Судя по тому, что здесь говорится — мы бы никогда ничего путного не дождались. Бешенство бессилья отвратительно, но еще более смешно». Поздравляет «с нашей общей радостью», признается, что ни о чем другом не может писать: «Я весь превратился в ожидание». Ответ Анненкова см. ***25 марта*** (***6 апреля***).

Дата встречного п. Анненкова к Т. из Петербурга с ироническим рассказом об объявлении Манифеста, текст которого прилагает. Копию этого п. Т. переслал Герцену (см. ***14*** (***26***) ***марта***).

«Вообразите, Иван Сергеевич, шутку, сыгранную русским народом города Петербурга с образованной публикой — в день объявления манифеста проклятый народ сей не имел никакой физиогномии, кроме обыкновенной масляничной. Правда и то, что, по обыкновению, ему сделали сюрприз или преприятный обман, которые вообще мало удаются, как известно. В величайшем секрете заготовили манифест и объявления по всем углам переулков, да вдруг, едва проснулся народ, отуманенный с вечера качелями и чайками (5 марта в воскресение праздновалась Масленица. — *Ред.*) — ему и бухнули в церквах и с будок: вот-де ты вчера лег крепостным, а сегодня просыпаешься свободным гражданином. Зато и выпучил же он глаза. Я был у Владимирской, послав Макарова к Исаакию, братьев в Казанскую и разных других приятелей в разные другие церкви, потому что мы были в секрете и о сюрпризе осведомились за два дня до совершения его, — везде произошло одно и то же. Вышел поп после обедни, развернул печатный лист, народ вдруг притих, даже матери грудных ребят, всегда воющих от радости и печали, отнесли назад, и в мертвом молчании выслушали речь, составленную из помеси канцелярской редакции и ложнобиблейской витиеватости. Только везде произошло одно движение, именно в том месте, где манифест говорит: “Осени себя крестом, народ, и призови благословение Божие на свободный труд”».

В театре, куда Анненков с женой отправились утром, в антракте оркестр заиграл «Боже, царя храни»: «Все поднялось как один человек, три раза заставили повторить гимн и заглушили его криками ура. <...> Я никогда не чувствовал в себе такой умилительной преданности к царю, как в эту минуту. Возвращаясь домой, мы уже не видали сборищ на переулках, перед объявлениями на углах, какие еще стояли в полдень, — все разошлось, и день кончился по балаганам и кабакам наиобыкновеннейшим образом, как будто народ не получал никакого сюрприза, а толь-

ко должное, ему следующее и задержанное слишком долго неисправным плательщиком. <...> Все это изумительно — и неужели так будет по всей России, а вероятно. <...> Смутился немножко народ от панегирика дворянству, от двух лет переходного состояния и, кажется, даже от усиленного вразумления, что земля не его, а сделается его только выкупом и приобретением» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 103—104). Ответ Т. см. ***22 марта*** (***3 апреля***).

8 (***20***) ***марта***. **Среда**. Предположительно в этот день высылает Каткову главу из романа «Отцы и дети», предназначенную к публикации в газ. *РРечь*, и п. (неизв.) (см. ниже).

В п. к Феоктистову (ответ на п. от ***15*** (***27***) ***февраля***) сообщает о согласии Каткова на публикацию в *РРечи* главы из «Отцов и детей» с условием, «чтобы эту главу выслать лично» Каткову, который внесет в нее примечание, «что это дескать отрывок из романа», написанного для *РВ*; пишет, что «сегодня же выслал Каткову эту главу» и п., надеется, что Феоктистов и Салиас согласятся «на эту уступку», оговаривает условия авторского гонорара. Имея в виду Манифест 19 февраля, пишет, что продолжать п. не может: «известия, пришедшие из России, потрясли меня всего, хотя я этого давно ожидал. Дай бог здоровья царю!».

Об истории несостоявшейся публикации главы романа в *РРечи* см. ***1*** (***13***) ***февраля*** и ***8*** (***20***) ***апреля***.

В записке к Тхоржевскому Герцен спрашивает: «А что “Поляр<ная> звезда” — VI кн<ижка>? Мне ее очень нужно» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 140). См. также п. Герцена к Т. от ***30 января*** (***11 февраля***), на получение книги Т. отозвался в п. к Герцену от ***14*** (***26***) ***марта***.

9 (***21***) ***марта***. **Четверг**. Дата неизв. п. Т. к М. Н. Толстой. Упоминается в п. к Толстому от ***10*** (***22***) ***марта***.

10 (***22***) ***марта***. **Пятница**. В п. к Толстому (ответ на его неизв. п.) приветствует окончание «тех, если не неприязненных, то по крайней мере холодных отношений, которые существовали между нами»: «Наша последняя встреча в Париже уже указывала на это — и я писал даже об этом вчера Вашей сестре <...>». Выражает уверенность, что «мы встретимся в России хорошими приятелями и останемся таковыми, покуда бог продлит жизни. Портить ее (жизнь, то есть) позволительно только мальчикам, а мы с Вами уже не молоденькие. Еще раз благодарю Вас за мысль написать мне это письмо,

которое разом и навсегда вправило бывший вывих». Сообщает, в связи с Манифестом, что «давно ожидаемые и все-таки внезапные известия из России еще сильнее возбудили во мне желание вернуться домой», что в связи с неустройством свадьбы дочери намеревается выехать в Россию «через 5 недель» и вернуться «к осени»; весну и лето собирается провести в деревне, чтобы привести «в окончательный порядок» отношения с крестьянами: «Я очень рад, что уже в прошлом году уговорил дядю устроить ферму в Спасском, а остальные именья посадить на оброк; теперь трудностей будет меньше». Мысль о предстоящей поездке в Россию «меня занимает почти постоянно; я уже вижу — духовным оком — себя с Фетом, Борисовым — а с нынешнего дня и с Вами, в наших полях и рощах и деревянных домиках; представляется мне охота и пр. и пр.». Сожалеет, что «не будет с нами Вашего доброго и незабвенного брата, Николая!». Интересуется, когда Толстой будет в Ясной Поляне, собирается быть в Спасском к началу мая. В ответ на критические отзывы Толстого об Англии и англичанах пишет: «Мне кажется, Вы не имели времени или случая пробраться до той сердечной струи, которая бьет, например, во многих лицах диккенсовских романов и которая течет довольно глубоко, вообще, в народной почве и в каждом отдельном англичанине. Не должно забывать, что они столь же робки, сколь надменны, и не умеют ни высказываться, ни выказываться». Соглашается с мнением Толстого о Герцене и Огареве: «А Герцен, точно, очень стар, бедный! В Огареве есть какая-то московская закваска, которая мне не совсем по нутру, хотя я знаю его за отличного и мягкосердечного человека». Сообщает новости о состоянии здоровья Боткина, который поправляется «очень медлительно; он впал в какую-то мягкую дряблость и ласковость манер; но ум его по-прежнему жив, и тонок, и капризен», о Чичерине, который «по-прежнему обозревает весь парижский мир», отказывается говорить о кн. Долгорукове. См. также ***12 (24) марта*** (п. Толстого к брату Сергею).

12 (24) марта*. Воскресенье.** Присутствует вместе с Н. И. Тургеневым и кн. Волконским на молебне в посольской церкви в Париже, где священник Васильев произнес по случаю обнародования Манифеста «краткую, но умную и трогательную речь, от которой я прослезился» (см. п. к Герцену от ***14 (26) марта).

Дата п. Толстого из Брюсселя к брату Сергею с сообщением, что, «к удовольствию моему, кажется сошелся» с Т. (*Толстой.* Т. 60. С. 372).

13 (25) марта*. Понедельник**. В записке к Н. И. Тургеневу сообщает, что постарается зайти к нему и потолковать еще «о нашей радости», т. е. о Манифесте. Обещает узнать у кн. С. А. Долгорукова («старика»), к кому следует обратиться по поводу оплаты молебна в посольской церкви (см. ***12 (24) марта).

Дата ответного п. гр. Салиас к Т. на его неизв. п. (см. ***Начало марта ст. ст.***): «Нет, я не пошлю ничего узнавать у Каткова. Это противно мне. Я лучше помирюсь с тем, что вы не имеете ничего дать мне. Катков человек нехороший. <...> Благодарю вас за советы. Я вижу по тону, что они искренни. Я сама знаю, что ваше имя не спасет журнала или газеты, которая не имеет ни жизни, ни интересу. <...> но я всё надеюсь, что она будет лучше со временем» (*ИРЛИ*. № 5850. Л. 32—32 об.). См. также п. Т. к Дружинину от ***14 (26) марта***.

Посланная глава романа «Отцы и дети» в *РРечи* опубликована не была. О ее рукописи см.: *Соч.* Т. 7. С. *418*. Коммент. А. И. Батюто; *Лукина В. А.* Тургеневские материалы в собрании П. Я. Дашкова в Пушкинском Доме // Тургеневский ежегодник 2011—2012 года. Орел, 2013. С. 107—110.

Возможно, через Т. Герцен получает *МВед* с Манифестом об освобождении крестьян (см.: *Герцен. Летопись*. С. 192; ***3 (15) марта***).

Дата п. Родионова, которому Т. оказывал материальную поддержку и помогал печатать его ст-ния. Благодарит за переданные Анненковым от Т. 50 р., на которые смог купить одежду. Признается, что в ст-нии «Начинающий писатель» (*БдЧ*. 1861. № 2) изобразил самого себя. Ссылаясь на Майкова, которому якобы понравились «некоторые» ст-ния Родионова, выписывает три: «Гудит мятель, шумит мятель...», «Весна идет, весна идет...» и «Над твоей безвременной могилой...», в которых в духе унылого романтизма оплакивает смерть возлюбленной. Настаивает на своей скорой смерти («Почему знать, быть может, и я с весенним льдом *уплыву в вечность*. И лучше! А если не удастся уплыть — держу экзамен хоть на уездного учителя — и марш-марш из Петербурга — куда-нибудь далеко, далеко — доживать свою загнанную жизнь»). Сообщает, что собирается написать «ряд стихотворений под названием “Ночи больного”, составляющих одно целое» («Не знаю, успею ли совершить сей подвиг»). Жалуется, что редактор *РСл* не заплатил вперед за переданные ему ст-ния, описывает свою крайнюю нужду («Последняя рубашка валится с плеча — до того износилась!»), боится, что не дождется приезда Т. («Может статься — сгниет левое легкое окончательно»). «Не умеет» выразить чувства благодарности к Т.: «И к че-

му? — “Есть такие мысли, такие чувства, которые” (Искаженная цит. из «Дворянского гнезда». — *Ред.*) и проч. сами Вы говорите. К чему ж выражать их? Чтобы опошлить? — На это способны только современные пародисты русских поэтов. Страх, какие омерзительные пародии нынче печатаются и все на лучших поэтов — Пушкина, Лермонтова, Фета! — Бедная русская публика! Несчастные русские поэты! — У нас теперь литературные фаты ради скандала, право, не задумаются швырнуть грязью в Бога, если бы он явился. Но что ж я говорю? — Вы сами хорошо знаете, что я сказал... Прощайте! Не поминайте меня лихом, если я раньше Вашего прибытия окачурюсь» (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 146. Л. 1—2 об.).

В парижском журнале «Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire» (Vol. 3. P. 193—237) выходит вторая часть франц. перевода романа «Рудин». См. ***26 февраля*** (***10 марта***) и ***29 марта*** (***10 апреля***).

14 (***26***) ***марта***. **Вторник**. Посылает Герцену копию п. Анненкова от ***6*** (***18***) ***марта***, «писанного на другой день великого дня, т. е. 6-го марта», которое называет «любопытным». Пишет, что в Париже все телеграммы «единогласно говорят о совершенной тишине, с которой принят манифест по всей России. Что-то будет дальше?». Подозревает, что текст Манифеста был написан по-французски и переведен «на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем», некоторые фразы ни один русский мужик не поймет, но «самое дело он раскусит — и дело это устроено, по мере возможности, порядочно». Сообщает, что в Париже «третьего дня отпели молебен в церкви» по поводу освобождения крестьян «и поп (священник посольской церкви о. Васильев. — *Ред.*) произнес нам краткую, но умную и трогательную речь, от которой я прослезился — а Ник<олай> Иваныч Тургенев чуть не рыдал. Тут же был и старый кн. Волконский (декабрист)». Отмечает, что «много народа перед этим ушло из церкви», т. е. те, кому Манифест пришелся не по вкусу (см. ***12*** (***24***) ***марта***). Благодарит за присылку «Полярной звезды» (1861. Кн. 6, где напечатаны отрывки из «Былого и дум» (главы о Печерине и Оуэне), письма из Сибири декабриста Лунина, воспоминания Н. А. Бестужева о Рылееве и др.; вышла в Лондоне в начале марта н. ст.), которую читает «с удовольствием»: «твои отрывки по обыкновению прелестны», «записки Бестужева о Рылееве очень интересны», «письма Лунина я уже знал», «стихотворения Печерина показались мне au-dessous de leur réputation (ниже их репутации — *франц.*)»; ст. об Оуэне еще не успел прочитать (см. записку Герцена к Тхоржевскому от ***8*** (***20***) ***марта***). Просит сказать «два слова» в «Колоколе» о смерти

Шевченко (см. ***26 февраля*** (***10 марта***)): «Бедняк уморил себя неумеренным употреблением водки. Незадолго перед смертью с ним случилось замечательное происшествие: один исправник (Черниговской губернии) арестовал его и отправил как колодника в губернский город, за то что Ш<евченко> *отказался написать его портрет масляными красками во весь рост. Это факт*».

Об этом происшествии «Колокол» уже сообщал ранее в заметке «В дополнение к биографии Т. Шевченко, напечатанной во 2 кн. “Народного чтения”») (1860. 20 августа (1 сентября). Л. 80).

Просит также заклеймить главного директора комиссии внутренних и духовных дел в Польше Муханова: «передерни этого мерзкого, кровожадного и развратного старика» (Герцен откликнулся на обе просьбы, см. ***20 марта*** (***1 апреля***)). Сообщает, что «через месяц» едет в Россию, в деревню, и по дороге намеревается заехать в Лондон «на день» (не осуществ.; см.: *Герцен. Летопись.* С. 193); благодарит Крузе за п. (неизв.), собирается отвечать ему (неизв.).

Отвечает Дружинину на п. от ***31 января*** (***12 февраля***): сообщает, что закончил ст. «Поездка в Альбано и Фраскати (*Воспоминание об А. А. Иванове*)» для «Века», литературный отдел которого вел Дружинин, завтра начнет ее переписывать и «через два-три дня» вышлет ее: «Очень был бы я рад, если б она Вам понравилась». Сообщает, что и без Бальмена может читать «Век», поскольку его получает кн. Трубецкой. Пишет, что «должен был уступить настояньям» *РРечи* и передал туда главу из романа, «над которым теперь тружусь» («Отцы и дети») (см. п. к Феоктистову от ***8*** (***20***) ***марта*** и к Салиас от ***13*** (***25***) ***марта***), однако «постоянным сотрудником я буду только Вашим, за это я Вам ручаюсь». Обещает, прочитав первых 10 номеров «Века», сообщить свое «откровенное мнение». Описывает прошедший на днях (см. ***12*** (***24***) ***марта***) молебен по поводу освобождения крестьян: «Тут был и Н. И. Тургенев, который может сказать, как Симеон: “Ныне отпущаеши”, и декабрист кн. Волконский и др. Все друг другу пожимали руки и громко хвалили и превозносили царя. Дай бог ему здоровья и силы продолжать начатое!». Собирается через четыре недели быть в Петербурге. Сообщает о здоровье Боткина, который «понемногу поправляется»; о Толстом, который был в Париже и скоро возвращается в Россию: «он изменился к лучшему — значительно»; о женатом Анненкове, от которого получил Манифест и которого с нетерпением желает «улицезреть в этом новом фазисе его существования».

Сообщает Карташевской, что известие о смерти Шевченко опечалило его: «бедный, не долго попользовался свободой. — Вообра-

жаю, какое это впечатление произвело во всем малороссийском мире». Пишет о молебне «в честь освобождения» (см. ***12* (*24*) *марта***); работал «плохо»; просит поблагодарить ее брата Макарова, выполнявшего поручения Т. в Петербурге, за присланные «Искру» и два тома (т. 1 и 4) *Соч* (*1860—1861*).

В п. (на франц. яз.) к редактору «Revue européenne» О. Лакоссаду сообщает, что направляет ему франц. перевод «Накануне» (под названием «Елена»), выполненный Делаво под его наблюдением и с его согласия: «Перевод этот полностью как в отношении эпизодов, так и в отношении характеров соответствует моему рукописному подлиннику». Поясняет, что «в прошлом году одно французское периодическое издание («Le Correspondant». — *Ред.*) напечатало под названием “Накануне” и с моей подписью повесть, имеющую с моим романом <...> некоторое сходство в деталях, но в которой приспособитель (Дуэр. — *Ред.*) выкинул несколько действующих лиц, придумал других, одним словом, самым решительным образом изменил мое произведение, которое он смог только изуродовать, ибо к спорным недостаткам автора он присоединил бесспорные недостатки неверного воспроизведения» (см. ***13* (*25*) *сентября 1860***).

Перевод Делаво был напечатан в четырех книжках журнала осенью 1861 (см. ***3* (*15*) *октября*, *20 октября* (*1 ноября*), *3* (*15*) *ноября*, *19 ноября* (*1 декабря*)**).

Вспоминая о жизни Т. в Париже в 1861, Щербань писал, что Т. тогда еще плохо ладил с французами и не сходился с ними, «постоянно бывал у него один только Делаво, переводивший тогда его повести, — переводивший в высшей степени добросовестно, чуть не “надоедая” своей кропотливостью. Тургенев был, разумеется, доволен, что произведения его попали в руки человека, который не примет (как перед тем Шарьер) “арапник” за “арапа”; но слегка тяготился просмотром его рукописей и сличение их с оригиналом подчас доверял Боткину или мне» (см.: *Щербань* (*1*). С. 9).

Отвечая находящемуся в Брюсселе Толстому на его неизв. п. (см.: *Толстой. Летопись*. С. 229), пишет, имея в виду, вероятно, его роман «Декабристы» (см. ***Первая половина февраля* (*до 15*) *ст. ст.***): «...меня порадовало известие, что вы возвращаетесь к искусству: каждый человек так создан, что ему одно дело приходится делать; специальность есть признак всякого живого организма, — а Ваша специальность все-таки искусство, — это, разумеется, не *исключает возможности* заниматься и педагогией, особенно в том первобытном виде, какой и возможен и нужен у нас на Руси». Отвечая на какие-то откровенные признания Толстого, замечает: «Припадки

“проницательности взгляда” и т. д. большой беды не представляют: доведение себя одиноким размышлением или, лучше сказать, уединенными впечатлениями до чувства ненависти — несколько важнее; но и то и другое — еще признаки молодости, которая исчезла во мне и начинает исчезать в Вас. Если бы с молодостью уходило одно хорошее — то остальные возрасты человеческой жизни показались бы до того невыносимы, что всякий индивидуум перерезывал бы себе горло на 32 году. Много дрязг плавает в шумных волнах молодости — и уплывает с ними: а все-таки лучше этих волн нет ничего». Обещает прочесть Толстому свое произведение («Отцы и дети»), однако «едва ли скоро», так как в Париже «не работается, и вся штука застряла на половине», надеется закончить роман в деревне. Радуется, что Толстой полюбил «Фауста» Гёте и Гомера: «авось дойдет очередь до Шекспира». Сообщает, что получил п. Фета «из деревни; он, к сожалению, слишком много толкует о несносном деле моего издания (*Соч* (*1860–1861*). — *Ред.*, см. ***13*** (***25***) ***января*** и ***15*** (***27***) ***января***), но ждет и зовет нас. Спасское, как находящееся на полдороге, представляет удобный пункт для соединения».

В тот же день Толстой пишет Герцену: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. — Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний». О своем романе «Декабристы» добавляет: «Кроме общего интереса, вы не можете себе представить, как мне интересны все сведенья о декабристах в “П<олярной> з<везде>”. — Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. <...> Тургеневу, кот<орому> я читал начало, понравились первые главы» (*Толстой.* Т. 60. С. 374).

15 (***27***) ***марта*. Среда**. Дата ценз. разрешения № 3 *ОЗ*; в нем — ст. Леонтьева «По поводу рассказов Марка Вовчка» (Отд. 3. С. 1–37), где говорится о «друзьях прогресса», пишущих современную беллетристику, как о «жалком подражании» Т.: «Лучше раз в год такая вещь, как “Накануне”, “Первая любовь”, “Семейное счастие” (Толстого), “Игрушечка” Марка Вовчка, чем весь этот сброд, в котором нет ни реальной, ни эстетической правды». Цитируя «Муму», Леонтьев находит, что в рассказе есть «бездна чувства, простоты и краткости, тех самых свойств, которые мы в другой частной форме встречаем у М. Вовчка» (*Леонтьев.* Т. 9. С. 19–20, 58).

Начало марта ст. ст. Предположительная дата п. Маркович к Т. из Рима: просит переслать журнал «Основа», если он получил его, а также фотографию Герцена, переданную им для Маркович через дочь Герцена Ольгу. Сообщает, что Катков вышлет ей гонорар в Париж (видимо, за повесть «Лихой человек», опубликованную в *РВ*: 1861. № 1), и просит совета, как их лучше разменять; спрашивает о планируемом замужестве дочери, о Трубецких; сообщает, со слов Ешевского, что Боткин серьезно болен. Передает от Ешевского поклон (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 291).

16 (28) марта*. Четверг**. Дата п. Герцена (ответ на п. Т. от ***14 (26) марта): вместе с Огаревым просит прислать полный Манифест об освобождении крестьян (рукой Огарева вставка: «Ради бога пришлите сейчас»), высказать свое мнение о ст. «Роберт Оуэн», опубликованной в «Полярной звезде» (1861. Кн. 6). Сообщает о своей «сильной переписке» с Толстым, «а только у него в голове не прибрано еще, не выметено». Планирует провести в своем доме праздник в честь освобождения крестьян: «Приглашаются все русские, кто бы ни были». Обещает прислать текст своей речи (на франц. яз.), которую собирается произнести на празднике (намерение не осуществ.). Просит переслать приложенное п. к Н. И. Тургеневу, просьбу Т. выполняет (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 144; *Герцен. Летопись*. С. 194).

В приложенном п. к Н. И. Тургеневу, подписанном Герценом и Огаревым и датированном тем же днем, говорилось: «Вы были одним из первых, начавших говорить об освобождении русского народа; вы недавно растроганные, со слезами на глазах, — праздновали первый день этого освобождения. Позвольте же нам, питомцам вашего союза, сказать вам наше поздравление и с чувством братской или, лучше, сыновней любви — пожать вам руку и обнять вас горячо от всей полноты сердца. Тот же наш привет просим передать князю Волконскому. / С живым умилением мы написали эти строки и подписываем наши имена с той глубокой, религиозной преданностью, которую мы во всю жизнь сохранили к старшим деятелям русской свободы» (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 143).

***20 марта (1 апреля)*. Понедельник**. Дата ответного п. Маркович из Рима на неизв. п. Т.: оправдывается, что у нее нет таких друзей, «которые бы говорили нехорошо о вас» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 291—292).

Дата л. 95 «Колокола»; в нем — некролог «Т. Шевченко», в котором Герцен писал: «26 февраля (10 марта) угас в Петербурге малороссийский певец Т. Шевченко. Жаль, что бедный страдалец закрыл

глаза так близко к обетованному освобождению. Кому было больше по праву петь этот день, как не ему? / Но хорошо и то, что утренняя заря этого дня занялась при его жизни и осветила последние дни его», а также ст. «Муханов с Вислы уехал!» (см.: *Герцен.* Т. 15. С. 52, 63). Об этих публикациях Т. просил в п. от ***14 (26) марта***.

22 марта (3 апреля). **Среда**. Благодарит Анненкова за «крайне любопытное и поучительное» п. (от ***6 (18) марта***) о первых днях после объявления Манифеста. Откликаясь на его характеристику русского человека, пишет: «С некоторых пор народы как будто дали себе слово удивлять современников и наблюдателей — и русский народ, и в этом отношении, едва ли не перещеголял всех своих сверстников. Да, удивил он нас, хотя подумав и приглядевшись — увидишь, что нечему было удивляться; это всегда случается после так называемых необыкновенных событий и доказывает только нашу близорукость»; просит продолжать «извещать нас о состоянии умов в России». О реакции русских в Париже сообщает: «Здесь господа русские путешественники очень взволнованы и толкуют о том, что их ограбили», хотя из «Положения» «решительно не видать, каким образом их грабят!». Надеется, что в этом году в России прекратится барщинная работа. Описывает молебен ***12 (24) марта*** в честь освобождения крестьян: «“Дожили мы до этого великого дня”, было в уме и на устах у каждого» (ср. с п. к Герцену от ***14 (16) марта***). Пишет, что «сгорает жаждою быть в России», и обещает быть через четыре недели «*никак не позже*». Работа над «Отцами и детьми» совсем «приостановилась; окончу ее, бог даст, в деревне»; на днях предполагает отправить «статейку» в «Век» («Поездка в Альбано и Фраскати (*Воспоминание об А. А. Иванове*)»). Отзыв Анненкова см. ***7 (19) апреля***. Сообщает, что заболел: «прошлогодний нервический кашель» снова вернулся.

23 марта (4 апреля). **Четверг**. Сообщает Толстому о возвращении своей болезни («сокрушительного кашля, заменившего мои пузырные недуги») и отсрочке выезда в Брюссель, где собирался встретиться с ним; не теряет надежды выехать в воскресенье или в понедельник «и увидеться с Вами»; обещает написать в воскресенье (п. неизв.), см. п. Толстого к Герцену от ***28 марта (9 апреля)***. Успокаивает Толстого по поводу его опасений в связи с болями «в боку».

В записке к Кочубею сообщает, что «с субботы» болен и не выходит из дома.

Сообщает Щербине, что болен, «принужден был налепить себе мушку на грудь» и не может «выйти сегодня» и пообедать с ним; приглашает к себе «сегодня вечером вместе с Вашим приятелем», русским комиссионером Джуричем, деятелем реформы по отмене винных откупов в Приазовье; пишет, что «прочел оставленную Вами брошюру (вероятно, рукопись ст. «Очерк двух проектов по народному образованию». — *Ред.*) — и очень желал бы поговорить с Вами об этом предмете, так как я сам много о нем думал и даже затевал было план общества и т. д.» (имеется в виду неосуществленный проект Общества для распространения грамотности и первоначального образования, см. ***8 (20)—14 (26) августа 1860***). Статья Щербины под названием «О народной грамотности и распространении просвещения в народе» была опубликована позже (*РВ*. 1863. № 6. С. 831—858; отд. изд.: СПб., 1863).

Вечером предположительно встречается с Щербиной и Джуричем (см. выше).

24 марта (5 апреля). **Пятница**. Дата ответного п. Писемского из Москвы на «письмецо» Т. (неизв.): собирается в свое именье составлять «уставные грамоты»; сообщает, что в Москве «народ принял объявление о свободе самым равнодушнейшим образом» (ср. с п. Анненкова от ***6 (18) марта***), тех «нравственных привилегий, которые он тут получил, он еще не понимает и не оценивает, а что в материальном отношении его положение весьма мало улучшилось, а в других местах еще ухудшилось — он это очень хорошо видит»; благодарит за отзыв о его повести «Старческий грех» (неизв.); спрашивает о здоровье Боткина (см.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 167—168). Ответ Т. неизвестен.

25 марта (6 апреля). **Суббота**. Анненков отвечает на п. Т. от ***6 (18) марта*** и делает неблагоприятный прогноз относительно последствий проводимой реформы: «“Положения” об освобождении очень сложны, иногда идут наперекор народным понятиям о праве и собственности и уже повсюду образуют нечто вроде тяжбы между владельцем и крестьянами. Есть опасность, что взамен большой эффектной революции, к каким привыкла Европа», Положения создадут «бесчисленное количество маленьких, частных, местных революций», среди которых потеряется их основная мысль»: «Мерзости всегда подходили к нам исподтишка. Так подошло к нам, ползучи на животе, пядень за пяденью и крепостное право; так подползет, пожалуй, и зависимость от земляного капитала».

По поводу реформ, объявленных Александром II в Царстве Польском, пишет: «Органический статут, дарованный Польше, произвел удовольствие не только в Варшаве, но <и> здесь, в Петербурге, между образованным классом целиком. Видно, ушли мы от 1831 года не одними календарными счетами годов».

Через два дня, ***27 марта*** (***8 апреля***), в Варшаве вновь вспыхнуло восстание, подавленное оружием. В *Анненков. Письма* (Кн. 1. С. *381*, примеч. 3 к п. 64) дата волнений указана неверно: 25 марта (8 апреля).

Сообщает, что литераторы собираются дать грандиозный обед в честь ***5*** (***17***) ***марта***, дня обнародования Манифеста, однако колеблются из-за отсутствия «необходимого *дозволения*».

Первый обед был дан 5 (17) марта, впоследствии подобные торжественные обеды проводились 19 февраля ст. ст.

Сообщает, что «записочку» Т. (неизв.; предположительно с поручениями для Анненкова), переданную им через А. А. Слепцова, получил (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 104—105). Ответ Т. неизв.

26 марта (***7 апреля***). **Воскресенье**. Пишет Н. И. Тургеневу, что из-за простуды не сможет обедать у него «сегодня». Хотел бы повидаться перед поездкой в Россию, «а главное поблагодарить Вас и всё Ваше любезное семейство за Ваше доброе расположение к моей дочери. <...> не уеду из Парижа, не побывавши у Вас» (см. ***9*** (***21***) ***апреля***).

27 марта (***8 апреля***). **Понедельник**. В Варшаве вновь вспыхивает восстание (см. ***15*** (***27***) ***февраля***), вызванное объявлением о роспуске «Земледельческого общества» и «Городской делегации». В ответ недовольное население собралось на молитву в костелы и вышло на демонстрацию, которая вновь была подавлена русскими войсками под командованием генерала Хрулева. См. ***3*** (***15***) ***апреля*** (отклик на эти события в ст. Герцена «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве»).

28 марта (***9 апреля***). **Вторник**. Дата п. Толстого из Франкфурта-на-Майне к Герцену: сообщает, что получил п. от Т., обещавшего «через два дня» приехать в Брюссель (см. ***23 марта*** (***4 апреля***)). Намеревался «по приезде Тургенева предложить ему съездить на ваш пир (праздник в честь освобождения крестьян в доме Герцена ***29 марта*** (***10 апреля***). — *Ред.*). Но приезд этот, к несчастью, не последовал по случаю кашля» Т. Сообщает, что «почему-то» разор-

вал два или три п., где писал о Лелевеле «и про впечатленье, произведенное им на меня» (*Толстой.* Т. 60. С. 376; см. также п. Герцена к Т. от ***16*** (***28***) ***марта***).

29 марта (***10 апреля***). **Среда**. Отвечает Е. Я. Колбасину в Новгород на его «дружеское письмецо» (от ***29 января*** (***10 февраля***)) по пунктам: «1) Я в Париже *ничего* не делал. / 2) Дочь замуж не выдал. / 3) Шеншинского сынка кое-как призрели. / 4) Через две недели еду в Россию. <...> в Новгород заехать мне не будет возможно». Просит приехать вместе с братом Дмитрием для встречи в Петербург с 24 до 28 апреля.

Встреча не состоялась: Колбасин приехал в Петербург к указанному сроку и ждал Т. до ***29 апреля*** (***11 мая***), после чего вернулся в Новгород. Т. прибыл в Петербург на следующий день, ***30 апреля*** (***12 мая***).

Отвечает с опозданием Леонтьеву на его «дружеское» п. (неизв.): сообщает, что «через две недели» вернется в Россию и пробудет в Петербурге «три-четыре» дня, где собирается увидеться с ним (неизв., состоялась ли эта встреча). Советует ему «печататься, непременно печататься», чтобы «самому окончательно убедиться в своем призвании». По поводу опасений Леонтьева, что его роман «Подлипки» не будет напечатан, пишет: «Я не могу поверить, чтобы Ваше произведение не приняли, в то время, когда печатают такую дребедень, какую сочинил г. Потанин» (речь идет о романе «Старое старится, молодое растет», опубл.: *Совр.* 1861. № 1—4). «Что в Вас есть дарование — это совершенно несомненно; что оно еще пока не овладело собою — это тоже факт, по крайней мере, в тех вещах, которые я знаю (Имеются в виду «Благодарность», «Лето на хуторе», «Ночь на пчельнике», «Второй брак» и др. — *Ред.*); выведите его на солнечный свет, и оно вырастет во весь свой размер — а если остановится — Вы будете уже знать, какое придать ему направление». Надеется, что его роман «Подлипки» «скоро явится в печати» (опубл.: *ОЗ.* 1861. № 9—11; см. ***23 марта*** (***4 апреля***) ***1860***). Радуется сближению Леонтьева с Анненковым: «он, действительно, прекрасный человек, и через него Вы можете сделать приятные и полезные для Вас знакомства».

В лондонском доме Герцена праздник в честь освобождения крестьян, на котором присутствуют до 50 человек и на который собирались приехать Т. и Толстой (см. ***28 марта*** (***9 апреля***)). Из-за событий в Варшаве ***27 марта*** (***8 апреля***) Герцен отказывается от намерения произнести тост в честь Александра II (см.: *Герцен. Летопись.* С. 198).

В парижском журнале «Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire» (Vol. 3. P. 337—373) выходит окончание франц. перевода романа «Рудин». См. ***26 февраля*** (***10 марта***) и ***13*** (***25***) ***марта***.

31 марта (***12 апреля***). **Пятница**. В п. к Случевскому, обеспокоенный его молчанием, спрашивает, «не слишком ли резко выразил» свое мнение о его «сибирской» поэме «Станция» («В снегах») (см. ***26 декабря 1860*** (***7 января 1861***)): «вполне ли я был справедлив и не прочел ли я ее в одну из тех неблагоприятных минут, когда всё на свете является в каком-то тусклом и невыгодном свете? Мне бы очень было прискорбно, если б слова мои нехорошо на Вас подействовали и прибавили в Вас того сомненья в самом себе, которое свойственно всякому мыслящему человеку нашего времени». Просит прислать «что-нибудь конченное — стихотворение или что другое», обещает высказаться «с тою же откровенностью и наверное с меньшею резкостью».

Март ст. ст. Заканчивает работу над очерком «Поездка в Альбано и Фраскати (*Воспоминание об А. А. Иванове*)». См. ***12*** (***24***) ***апреля***.

Конец марта ст. ст. Обедает с будущим исполняющим должность наместника Царства Польского К. К. Ламбертом (см. ***1*** (***13***) ***апреля***).

Между 30 марта (***11 апреля***) и ***1*** (***13***) ***апреля***. Предположительная дата отъезда из Лондона в Париж Бенни, имеющего, очевидно, поручения от Герцена к Т., которому должен был рассказать о торжественном собрании в честь освобождения крестьян, устроенном в доме Герцена ***29 марта*** (***10 апреля***) (см. ***Начало апреля ст. ст.***).

1 (***13***) ***апреля***. **Суббота**. Извещает гр. Ламберт, что через 10 дней намеревается выехать из Парижа. В Петербурге предполагает быть к 25 апреля ст. ст.: «Я еду в Россию окончательно устроить свои дела. Так как я дочь свою замуж не выдал, то мне придется к осени опять сюда вернуться». «Работу свою» (роман «Отцы и дети») не закончил. Сообщает, что «недавно» обедал с ее деверем К. К. Ламбертом (см. ***Конец марта ст. ст.***).

Под этой датой Толстой, находясь в Веймаре, отметил в дневнике: «Париж — сближенье с Тургене<вым>» (см.: *Толстой.* Т. 48. С. 32).

См. также п. Фета к Толстому от ***2* (*14*) *мая*** и п. Толстого к брату Сергею от ***12* (*24*) *марта***.

Боденштедт записывает в дневнике о том, что кнж. Хилкова передала ему отдельное издание «Дворянского гнезда» Т. (М., 1859): «Я все еще не могу работать (из-за болезни. — *Ред.*), мне лишь разрешают понемногу читать, и вряд ли я нашел бы что-то прелестней, чем роман Тургенева “Дворянское гнездо”, который мне одолжила княжна Ольга».

В п. к Хилковой, написанном в пятницу (возможно, 31 марта (12 апреля)), Боденштедт сообщает: «Вчера впервые мне разрешили провести немного времени за чтением, и я прочел до конца “Дворянское гнездо” Тургенева <...> Я так очарован им, что перечитываю отдельные места, которые исполнены необычайной красоты, как, например, все, что касается старика Лемма и чудесной Лизы и ее отношения к Федору Ивановичу (имя Лаврецкого написано по-русски. — *Ред.*). Я хохотал, как дитя, над сценой ночного разговора неряшливого, но славного Михалевича и Лаврецкого». Далее приводит по-русски фразу из гл. XXV романа: «Мы спим, а время уходит; мы спим... Позволь мне тебе заметить, что мы вовсе не спим теперь...». Выражает намерение самому перевести «эту прекрасную историю» (не осуществ.; см.: *Vishevsky A.* Friedrich D. Bodenstedt’s Unpublished Letter to Turgenev // Russian Language Journal. 1998. Vol. 52. № 171/173. P. 275. Подлинник по-нем.).

3* (*15*) *апреля*. Понедельник**. Дата п. Герцена к Т.: «Я не писал к тебе, потому что не мог сказать ничего хорошего о русском празднике, он случайно вышел великолепен — погодой, количеством гостей и количеством совершенно незнакомых русских <...> и все было убито варшавской кровью. Все походило на похороны». Сообщает, что «завтра» Т. получит «Колокол» с его ст., «если Бени не рассказал еще» (см. ***Между 30 марта* (*11 апреля*) *и 1* (*13*) *апреля; см. также п. Толстого к Герцену от ***28 марта* (*9 апреля*)**). Спрашивает о причинах разлада в отношениях Т. с Огаревым, о ст. которого «На новый год» Т. промолчал, в то время как спрашивал «о каком-нибудь Крузе (крошечном и пустом человеке)» («Мне это было больно <...>»). Просит по приезде в Лондон вести себя «без демонстрации»; прилагает п. для передачи Щербине (см.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 145—146; *Герцен. Летопись.* С. 200). Свое п. просит сжечь. Ответ Т. неизв.

Дата л. 96 «Колокола», отосланного Т., со ст. Герцена «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (С. 805—806), посвященной очередному вооруженному подавлению волнений в Польше ***27 марта* (*8 апреля*)**:

«Праздник наш был мрачен. Я не знаю дня, в который бы разорванность давила беспощаднее и тяжелее <...> Нет, русский не должен забываться, не пришло еще время нам торжествовать светло и беззаботно, не пришло время прямо и гордо подымать взгляд, — нет, еще не от избытка радости, а с горя и заглушая боль и стыд будем мы пить наше вино! / Мы как будто помолодели вестью освобождения крестьян. Все было забыто; с упованием на новую поступь России, с бьющимся сердцем ждали мы наш праздник. На нем *в первый раз от роду* при друзьях русских и польских, при изгнанниках всех стран, при людях, как Мацини и Луи Блан, при звуках "Марсельезы" мы хотели поднять наш стакан и предложить неслыханный при такой обстановке тост за *Александра II, освободителя крестьян!* Мы очень хорошо знали ответственность, которую на нас обрушивал этот тост, мы подвергались тупому порицанию всех ограниченностей, желчной клевете всех мелких завистей. Нам до этого дела не было; поступок наш казался нам чистым и справедливым. Мы знали и другое: мы знали, что этот тост, произнесенный *нами* и у *нас*, отозвался бы иным образом в сердце государя, чем подцензурная риторика допускаемых похвал и отдаваемых в казенные проценты восторгов. / Но рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти. Преступленье было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших. Выпивши *за освобожденного русского крестьянина,* без речей, без шума <...> мы предложили один тост: / ЗА ПОЛНУЮ, БЕЗУСЛОВНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ, / ЗА ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ РОССИИ И ОТ ГЕРМАНИИ / И ЗА БРАТСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ РУССКИХ С ПОЛЯКАМИ! <...> А вы, Александр Николаевич, зачем же вы отняли у нас праздник, зачем вы отравили его? Разве у нас их так много, разве с нашего рождения мы что-нибудь праздновали, кроме похорон? <...> Вы могли стать во главе славянского движения, вы могли восстановить Польшу без капли крови — вы предпочли австрийские драгонады. <...> Вы Польшу потеряли, т. е. *живую*, — зарезанная, она, может, и останется трофеем победоносному войску вашего величества» (*Герцен.* Т. 15. С. 65—66).

4 (16) апреля*. Вторник**. Мериме просит в п. к Т., помеченном «Вторник вечером», перенести совместный обед с воскресенья на понедельник, т. е. на ***10 (22) апреля (*Mérimée.* T. 4. P. 273). См. также п. Мериме к Биксио от ***6 (18) апреля***.

5 (17) апреля*. Среда**. Утром запиской сообщает Н. И. Тургеневу, что «сейчас» получил п. от Мериме (см. ***4 (16) апреля), в котором «он просит меня отложить обед до понедельника». Рад, что это дает ему возможность обедать у Тургеневых «в воскресение» (см. ***9 (21) апреля***).

Дата ответа Некрасова из Петербурга на неизв. п. Т. Цитирует слова Т.: «“Не нужно придавать ничему большой важности” — ты прав. Я на этом останавливаюсь, оставаясь по-прежнему любящим тебя человеком, благодарным тебе за многое». Просит купить в Лондоне или Париже ружье Ланкастера или Пердей, деньги обещает выслать. Намекая на отмену крепостного права, пишет: «У нас теперь время любопытное — но самое дело и вся судьба его впереди». Предлагает обратить внимание в *Совр* на роман Потанина «Старое старится, молодое растет» и повесть Помяловского «Мещанское счастье». Возмущен фельетоном Писемского «Салатушка» (*БдЧ*. 1861. № 2), содержащим намеки на отношения Некрасова, Панаева и Панаевой в связи с «огаревским делом», пишет о фельетоне как об «ужасной гадости»; просит «изорвать это письмо» (*Некрасов*. Т. 14. Кн. 2. С. 155—156). См. также ***15*** (***27***) ***января***.

Начало апреля ст. ст. Встречается в Париже с Бенни, вернувшимся из Лондона (см. п. Герцена от ***3*** (***15***) ***апреля***). Об этой встрече Бенни упоминает в п. к Т. от ***24 июля*** (***5 августа***).

Через посредство Мериме знакомится с Биксио (см. ***6*** (***18***) ***апреля*** и ***10*** (***22***) ***апреля***).

6 (***18***) ***апреля***. **Четверг**. В записке Мериме к Биксио говорится: «Дорогой друг, вы одержали победу не над дамой, но над большим и сильным, блестящим по уму мужчиной — г. Иваном Тургеневым. Он обедает у меня в понедельник. <...> приходите поддержать компанию; нас будет только трое» (*Клеман. Т и Мериме*. С. 716—717).

В № 28 газ. *РРечь* выходит рец. Де-Пуле «Нечто о подводных камнях и утесах в нашей литературе (Письмо к редактору “Русской речи” по поводу последнего романа г. Авдеева)», в которой утверждается, что роман Авдеева можно, «пожалуй, назвать *тургеневским*, так как автор “*Рудина*” с особенною любовию занимался» разработкой этой темы (С. 434).

7 (***19***) ***апреля***. **Пятница**. Анненков, в ожидании скорой встречи, отвечает Т. на его неизв. п.: сообщает, что ст. Т. «Поездка в Альбано и Фраскати» получил и «уже передал ее Дружинину», состояние здоровья которого вызывает опасения: «У него сделалась одышка, сильно пахнущая водяной: задыхается от двух шагов по комнате». Просматривая ст., «вычеркнул только анекдот о вечерах у Гоголя, так как он приведен уже у Кулиша» (имеется в виду книга: *Кулиш П. А*. Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его

друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1): «Все остальное прекрасно, хотя мысль, что Иванов технически не свободен, вряд ли верна. Он духовно несвободен, а потому и технику заставил насильственно идти мерным, архиерейским шагом». Упоминает о бывшем камердинере Т. Балашове, который просил сообщить ему тотчас по получении «телеграфической депеши» Т. о предстоящем приезде. Рассказывает о выставке «образцовых произведений искусства» в Академии художеств из частных собраний в пользу Общества поощрения русских художников, где были представлены картина Леонардо да Винчи «Св. Людовик со стрелою» из собрания Строганова и двенадцать картин бельгийского художника Галле. Просит Т. по приезде прочитать его новую ст. «О национальных школах живописи в XV столетии» (*БдЧ*. 1861. № 2. С. 1—42. Отзыв Т. см. в п. от ***28 августа*** (***9 сентября***)). Из новостей «важны только частые волнения крестьян, у которых в голове не сходятся понятия об уничтожении крепостного права с сохранением на два года его атрибута — барщины, но где им растолкуют, что это временная и скоропреходящая мера, там они успокаиваются, а где не растолкуют или плохо растолкуют, там уже их успокаивают военной силой и — телесно. Это оборотная сторона нашей реформы <...>». Вторым способом успокаивали работников на фабрике знакомой Т. Ольхиной (см.: *Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 105—106).

8 (***20***) ***апреля***. **Суббота**. Дата п. Феоктистова к Т. по поводу возможного печатанья главы из романа «Отцы и дети» в *РРечи*: «Не ваша вина, конечно, что Катков сделал Вам такие условия: прислать главу не прямо к нам, а к нему, а он сам напишет заметку и великодушно дозволит нам все это напечатать <...>. Во всем этом проглядывало с его стороны что-то очень нехорошее — или мелкое самолюбие, или какие-то преувеличенные меркантильные опасения, как будто напечатание одной главы могло повредить в его журнале всему роману. Как бы то ни было — но еще задолго до присылки главы редакция “Рус<ского> вестн<ика>” сочла не лишним распускать здесь слухи о своем великодушии, заставляющем ее дозволить нам напечатание Вашего отрывка». Сообщает, что гр. Салиас не согласна на условия Каткова: «графиня сказала, что не желает иметь дел» с Катковым, что «она желала и желает иметь дело прямо с Вами». Добавляет: «мы не оставляем надежды, что когда будет написана статья Ваша “о Русских за границею” — или что-нибудь другое — Вы вспомните о нашем журнале» (*Письма Феоктистова*. С. 154—156). См. также ***1*** (***13***) ***февраля*** и ***14*** (***26***) ***февраля***.

9 (***21***) ***апреля***. **Воскресенье**. Предположительно обедает вместе с семьей Н. И. Тургенева (см. ***5*** (***17***) ***апреля***).

10 (***22***) ***апреля***. **Понедельник**. Обедает у Мериме с Биксио, с которым познакомился в ***Начале апреля ст. ст.*** (см. ***5*** (***17***) ***апреля***).

11 (***23***) ***апреля***. **Вторник**. Дата записки Писемского к Анненкову, с вопросом: «Не имеете ли вы известий от Тургенева, когда он приедет?» (*Писемский*. С. 144).

21 марта (***2 апреля***) — ***11*** (***23***) ***апреля***. **Вторник**. С запиской к кн. Орлову (?) посылает номера *Совр*, *БдЧ*, «Века» и *МВед*. Сомневается, будет ли «в состоянии» быть у Орлова «сегодня», и «с удовольствием» принимает его приглашение «на субботу».

12 (***24***) ***апреля***. **Среда**. Выходит № 15 еженедельного журнала «Век» (цензор Бекетов); в нем — очерк Т. «Поездка в Альбано и Фраскати (*Воспоминание об А. А. Иванове*)» (С. 521—526; подпись: Ив. Тургенев; дата: «Март, 1861 г.»; ценз. разрешение 11 (23) апреля 1861).

В этот день в с. Бездна Спасского уезда Казанской губ. происходит восстание крестьян, жестоко подавленное правительственными войсками. Крестьянин Антон Петров, выдавая себя за посланца Александра II и вольно толкуя некоторые статьи «Положения о выходе крестьян из крепостной зависимости», возбудил слухи о том, что царь дал волю еще в 1858, что земля теперь принадлежит всем крестьянам, как и хлеб, собранный с нее за последние два года. В село собралось из окрестных деревень и ряда уездов Симбирской и Самарской губ. около 10 000 крестьян. На требование выдать зачинщика беспорядков последовал отказ, по приказу генерала Апраксина по толпе был произведен залп, 51 человек были убиты, 77 ранены. По приговору военно-полевого суда Петров был расстрелян, многие из участников были наказаны розгами и сосланы. Студенты Казанского ун-та и Духовной академии устроили демонстрацию и панихиду по жертвам расстрела. Герцен откликнулся на это событие рядом ст. в «Колоколе»: «Русская кровь льется!» (Л. 98—99. См.: *Герцен*. Т. 15. С. 90—93), «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)» (Л. 101. См.: Там же. С. 107—109) и др. Об этих событиях см.: Бездненское восстание 1861 г.: Сборник документов / Общ. ред. А. И. Ямпольской, Д. С. Гутмана. Казань, 1948; Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих: В 2 ч. / Сост. Е. А. Мороховец, отв. ред. Н. М. Дружинин. М.; Л., 1949.

Около 14 (26) апреля. Предположительная дата неизв. п. Т. к Маркович. Упоминается в п. Маркович к Т. от ***4 (16) мая***: «В Риме я получила от вас письмо, что вы едете через неделю в Россию» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 292).

Вторая половина марта — первая половина апреля ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к Герцену, в котором, вероятно, обсуждались отношения Т. к Огареву и Некрасову (см. ответ Герцена от ***18 (30) апреля — 19 апреля (1 мая)***).

Май 1860 — 16 (28) апреля 1861. До отъезда в Россию неоднократно встречается с Чичериным, Орловым, Бутаковым, семьей Кочубеев и др.

***18 (30) апреля*. Вторник**. Дата вероятной встречи Т. с Чичериным (см.: *П*. Т. 4. С. *631*).

Герцен отвечает на неизв. п. Т. (см. ***Вторая половина марта — первая половина апреля ст. ст.***): сожалеет, что тот не заедет в Лондон перед отъездом в Россию. Возражает на «прошлое» п. Т., очевидно, имея в виду его отношение к Огареву: «В России — так бедно людьми, что видеть, как расходятся благородные и чистые деятели, противно и грустно. Да, тут есть равнодушие и гетерство». Противопоставляет Огарева и Некрасова, упрекая Т. в дружеском отношении к последнему: «Вон, мол, Некрасов — вор и подлец, но он меня забавляет, и я с ним друг». Просит передать Кавелину, что они с Огаревым были поражены смертью его сына и что ст. Герцена об Оуэне («о которой я не добился твоего мнения») посвящена ему. Завершает п. ***19 апреля (1 мая)***, вложив в него рекомендательное п. к Гарибальди (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 149—150).

Боткин пишет Толстому из Парижа: «На днях уезжает отсюда Тургенев в Россию» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 250). Т. выехал из Парижа ***22 апреля (4 мая)***.

***19 апреля (1 мая)*. Среда**. В ответ на неизв. п. Случевского из Гейдельберга жалуется на его почерк, помешавший «разобрать вполне» присланные ст-ния. Делает конкретные замечания о тех, что сумел разобрать: «...сколько я понял, они в том же духе, как и прежние. Та же картинность, оригинальность мысли — и тот же холод и та же общая странность. <...> у Вас есть физиономия — след<ательно>: есть талант. Надо трудиться, надо его выработать жизнью, мыслью. Хуже всего опустить руки и прийти в уныние».

Дает совет: «А печататься Вам, после несчастного наложения на Вас руки Аполлоном Григорьевым, не следует — до тех пор, пока Вы не можете явиться с действительно отличной и безукоризненной вещью».

В неизв. п. Случевский, очевидно, спрашивал совета, следует ли ему отдать свои ст-ния в печать. Сомнения были вызваны тем, что после хвалебной ст. Ап. Григорьева в «Сыне отечества» (1860. № 6), объявившего Случевского талантом не меньшей силы, чем Лермонтов, на поэта обрушилась демократическая критика в «Искре». Болезненно воспринявший эти нападки, Случевский уехал за границу и надолго перестал печататься.

Сообщает, что не сможет повидаться со Случевским в Женеве, как намеревался ранее, просит присылать новые произведения, адресуя их в Спасское.

В п. к кнж. Хилковой сообщает, что «немного замешкался» с выездом в Россию, но собирается выехать в Мюнхен в пятницу и пробыть там «не более двух дней» (выехал утром в субботу, см. ***22 апреля*** (***4 мая***)). Обращается с просьбой узнать через Боденштедта или кого-то другого о возможности купить «*превосходную* легавую собаку», чтобы забрать ее во время проезда через Мюнхен (*Письма к Нелидовой.* С. 8).

Дата п. Герцена к Гарибальди (на франц. яз.): рекомендует Т. как одного из своих друзей и одного «из наших самых славных и знаменитых писателей», который «желал бы иметь честь быть вам представленным. Он направляется прямо в Россию, где молодежь вас обожает, а более всего — молодежь военная». Запечатывает п. к Гарибальди и вкладывает его в п. к Т. от ***18*** (***30***) ***апреля***, к которому делает приписку в конце: «Я запечатал письмо к Г<арибальди> для того, что стыдно признаться, как я тебя окомплиментовал».

Свидание с Гарибальди не состоялось, так как Т. не поехал, как собирался, в Италию (см. п. к А. С. де Сиркур от ***21 апреля*** (***3 мая***)); п. осталось у Т., видимо, подарившего его кн. Черкасской, в фамильном альбоме которой оно хранилось (см.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 150, 151; *Герцен. Летопись.* С. 206).

20 апреля (***2 мая***). **Четверг**. В записке к Н. И. Тургеневу заранее извиняется, если не сможет проститься с ним и его семейством перед отъездом в Россию. См. также ***21 апреля*** (***3 мая***).

Дата ценз. разрешения № 4 журнала «Светоч»; в нем — ст. Ап. Григорьева «Реализм и идеализм в нашей литературе (По поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева)», в которой

утверждается, что Т. является представителем и едва ли не последним из могикан идеализма, в отличие от реалиста Писемского (Отд. 3. С. 1—26; см. также: *Григорьев Ап.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. Статьи. Письма. С. 261—279).

Сентябрь 1860 — 20 апреля (2 мая)*. Четверг**. В недатированной записке к адмиралу Бутакову отменяет сегодняшнюю встречу, назначенную «вчера» во время визита Бутакова к нему, так как ранее обещал обедать «у одних знакомых». См. ***Зима 1860/1861.

***21 апреля (3 мая)*. Пятница**. Утром отвечает по-франц. на неизв. п. де Сиркур: сожалеет, что не навестил ее. Вынужден изменить маршрут: «Несмотря на все мое желание увидеть великое движение, происходящее сейчас в Италии, я не поеду в Турин; я еду в Россию, в деревню, где мое присутствие требуется непременно. Взаимоотношения помещиков и крестьян нуждаются в скорейшем упорядочении». Предполагает вернуться в Париж в середине сентября и воспользоваться ее любезным приглашением.

В п. к Н. И. Тургеневу сожалеет, что не успел побывать у него перед отъездом в Россию, собирается вернуться через три месяца и провести зиму в Париже. Беспокоится о не пристроенных щенках, одного из которых готова взять кн. Трубецкая.

Предположительная дата неизв. п. Т. к Маркович (о котором та упоминает в п. от ***4 (16) мая***) с сообщением, что выезжает в Россию «завтра».

В *Утраченные письма* (*2*) это неизв. п., как и дата отъезда Т. из Парижа, датируется неточно: 20 апреля (3 мая) (С. 300).

До 22 апреля (4 мая). Т. получает взносы от Ханыкова, кн. Волконского и Кочубея для Литературного фонда, которые, приложив к сопроводительной записке «Для передачи», по приезде в Петербург передает в кассу Литфонда (см. ***12 (24) мая***).

***22 апреля (4 мая)*. Суббота**. Утром выезжает из Парижа в Мюнхен.

Пользуясь двухчасовой остановкой в Келе, пишет (по-франц.) дочери Полине: просит забрать свои фотографии у Саломона, деньги на это взять у Л. Виардо из «моих» личных денег, а не из тех, что были оставлены у М. Иннис. Просит справиться через Боткина у доктора Рейе (наблюдавшего Боткина), дарил ли он ему ранее сборник своих переводов «Сцены из русской жизни» (Scènes de la vie

russe. Paris, 1858) вместе с франц. переводом «Записок охотника» (Récits d'un chasseur. Traduit par H. Delaveau. Paris, 1858), если нет, то попросить Боткина вручить экземпляр из своей библиотеки. Поручает передать доктору Серизону 15 франков за консультации для себя и дочери. Советует дочери усердно трудиться до ее путешествия летом по Италии.

В 10 ч. вечера приезжает в Мюнхен, измученный тяжелым путешествием, и останавливается в гостинице «Goldener Hirsch» (см. ***24 апреля*** (***6 мая***)).

23 апреля (***5 мая***). **Воскресенье**. Утром пишет записку к кнж. Хилковой в гостиницу «Мариенбад». Сообщает о том, что приехал вчера вечером, и спрашивает: «...так как сегодня Светлое Воскресение — то когда к Вам можно? — Не поехать ли и мне с Вами в церковь? В котором часу обедня?». Пишет, что остановился в «Goldener Hirsch» (*Письма к Нелидовой.* С. 9).

Боденштедт записывает в дневнике: «Сегодня должен, наконец, приехать Тургенев» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 333).

Утром совершает экскурсию по Мюнхену, днем вместе с кнж. Хилковой и ее братом (предположительно Григорием) посещает Боденштедта. Вечером обедает у семейства Хилковых (см. ***24 апреля*** (***6 мая***)) с Боденштедтом, который в своем дневнике оставил воспоминания о встречах с Т. 5 и 6 мая н. ст. (см. ***25 апреля*** (***7 мая***)).

Вечером (возможно, вместе с Хилковыми) слушает оперу Вебера «Оберон», что «доставило мне большое удовольствие: певцы, однако, были отвратительны; зато оркестр — само совершенство» (см. п. к дочери от ***24 апреля*** (***6 мая***)).

24 апреля (***6 мая***). **Понедельник**. В п. к дочери Полине (на франц. яз.) сообщает о прибытии «третьего дня вечером» в Мюнхен, об осмотре наутро достопримечательностей города, обеде с русскими друзьями (семейством Хилковых), посещении театра («Оберон» Вебера). Собирается на следующий день ехать в Берлин, а затем в Петербург. Напоминает, чтобы дочь «не пренебрегала семейством Виардо», просит сообщить маршрут ее предстоящего путешествия с гувернанткой.

Вечер проводит у Боденштедта, который пригласил своих знакомых: Зибеля, Кобелля, Карриера и Мейра.

Последний описал эту встречу в своем дневнике: «Вечером у Боденштедта; были Тургенев (русский помещик и писатель), Зибель, Кобелль,

Карриер. Бакунин живет теперь в Сибири! — на свободе! — Тургенев рассказывает нам о России и о положении крестьян, крепостных, владевших когда-то землей. Он говорит: Крымская война нам очень помогла — она освободила нас от царя Николая (личина великого человека!) и открыла нам самих себя! — Рассказывает содержание новелл. — Общинная жизнь (пахотная земля принадлежит общине. — Зибель: правовое сознание лучше развивается при частной собственности!). Тургенев был в Париже — распутная жизнь принца Наполеона» (цит. по: *Раппих Х.* Тургенев и Боденштедт // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 333—334). На вечер был приглашен и П. Гейзе, который не смог присутствовать по болезни, о чем оставил запись в своем дневнике от 6 мая н. ст. (Там же. С. 334, примеч. 7).

25 апреля (***7 мая***). **Вторник**. Запись в дневнике П. Гейзе о знакомстве с Т. (Tagebuch von P. Heyse: Handschriftenabteilung der Bayerischen Staatsbibliothek. München, Heyse-Archiv, VI. См.: *П.* Т. 4. С. *667*, примеч. 9).

Боденштедт записывает в дневнике: «Тургенев действительно приехал в субботу и был у меня в воскресенье вместе с князем Хилковым и его сестрой. О князе сказать особенно нечего, зато Тургенев один из самых импозантных и приятных людей, каких я когда-либо встречал. Мы провели воскресный вечер вместе у Хилковых, а вчерашний вечер у меня <...>» (цит. по: *Раппих Х.* Тургенев и Боденштедт // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 333). Об обеде у Хилковых см. ***23 апреля*** (***5 мая***); о вечере у Боденштедта см. ***24 апреля*** (***6 мая***).

26 апреля (***8 мая***). **Среда**. Утром уезжает из Мюнхена.

Боденштедт записывает в дневнике: «Сегодня утром Тургенев, к сожалению, уехал, но обещал вернуться осенью и остаться подольше. Вчерашний вечер после театра мы провели у княжны Хилковой. Из его замечательных высказываний мне особенно понравилась фраза об императоре Николае “la façade d’un grand homme” (фасад великого человека — *франц.*)» (цит. по: *Vishevsky A.* Friedrich D. Bodenstedt’s Unpublished Letter to Turgenev // Russian Language Journal. 1998. Vol. 52. № 171/173. P. 269).

27 апреля (***9 мая***). **Четверг**. Приезжает в Берлин.

В п. к дочери Полине (на франц. яз.), написанном перед самым отъездом в Россию, просит купить и «тотчас» отправить Боденштедту в Мюнхен «экземпляр моих “Сцен из русской жизни” (оба тома вместе)», т. е. франц. издание произведений Т. «Scènes de la vie russe» (Paris, 1858), вышедшее двумя книгами в издательстве Ашетт, одна в переводе Кс. Мармье, другая в переводе автора при участии

Л. Виардо (П. Тургенева переслала книги Боденштедту, см. ***8 (20) мая*** и ***13 (25) декабря***). В случае надобности просит дочь телеграфировать ему на адрес гр. Ламберт в Петербурге.

Сообщает кнж. Хилковой, что «сегодня» прибыл в Берлин и «сегодня же» отправляется в Россию. Кланяется всему семейству и новым мюнхенским приятелям (см. ***24 апреля (6 мая)***), просит передать Боденштедту, чтобы он не удивлялся, если «ему пришлют из Парижа перевод моих некоторых вещей» (см. выше п. к дочери), среди которых «Муму» и «Постоялый двор».

> Рассказ «Муму» вошел в сборник, переведенный Мармье, «Постоялый двор» — в сборник, переведенный самим Т. при участии Л. Виардо (см. выше). Позже эти произведения вошли в двухтомник «Turgenjew's Erzählungen», переведенный Боденштедтом на нем. язык и изданный в 1865.

Собирается высылать ему «оригинал», т. е. *Соч (1860—1861)* (см. п. к Маслову от ***7 (19) июня***).

Из Берлина выезжает в Петербург.

28 апреля (10 мая). **Пятница**. В № 13 «Correspondance littéraire: critique, beaux-arts, érudition» выходит ст. Делаво «Comment l'honnêteté prescrit d'accomoder certain romancier russe» (P. 294—297), в которой он резко критикует сокращенный перевод «Накануне», выполненный Дуэром и опубликованный в «Le Correspondant» в 1860 (см. ***13 (25) сентября 1860***).

29 апреля (11 мая). **Суббота**. Е. Я. Колбасин, не дождавшись Т., с которым условился встретиться в Петербурге с 24 по 28 апреля ст. ст., уезжает обратно в Новгород (см. ***29 марта (10 апреля)***, ***14 (26) июня***, ***25 июля (6 августа)***).

30 апреля (12 мая). **Воскресенье**. Приезжает вечером в Петербург, останавливается в гостинице Демута, № 83.

Боткин в п. к Фету сообщает: «...Тургенев прочел мне твое письмо к нему. Истинно ужасающая картина, какую ты набросал о своем устройстве <...> озадачила меня. <...> Тургенев уже уехал отсюда и теперь, верно, в Петербурге» (см.: *Фет/Боткин*. С. 294—295).

Апрель ст. ст. Предположительная дата п. М. Н. Толстой к брату Льву: «Очень рада, что ты хорош с Тургеневым. Сама не знаю почему, но мне очень было неприятно, что вы разладились» (см.: Пе-

реписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 246). См. также ***Первая половина февраля*** (***до 15***) ***ст. ст.***

1 (***13***) ***мая***. **Понедельник**. Сообщает гр. Ламберт, что «вчера вечером» прибыл в Петербург «совершенно измученный» и нанес бы ей визит утром, но боится не застать ее дома. Обещает навестить ее «вечером, часов около 10».

Вечером предположительно навещает гр. Ламберт: это, по-видимому, был единственный визит Т. к ней до отъезда в Спасское (см. ***5*** (***17***) ***мая***).

2 (***14***) ***мая***. **Вторник**. Сообщает Толстому, что «в субботу» — 6 (18) мая — к обеду или к вечеру намеревается приехать в Ясную Поляну, пробыв в Москве только пятницу. Просит не отлучаться в этот день, надеется, что Толстой поедет вместе с ним или «вскоре вслед» за ним в Спасское: «на 9-е мая (именины моего дяди) я уже пригласил Фета и Борисова» (в Ясную Поляну Т. не заезжал, см. ***8*** (***20***) ***мая***).

Дата неизв. записки Т. к гр. Ламберт с сообщением, что навестит ее в среду (см. ***3*** (***15***) ***мая***).

Фет в ответ на неизв. п. Толстого с сообщением, что он сошелся с Т., пишет, говоря об умершем брате Толстого Николае: «Тургенев ценил высоко эту благородную и умную личность, и я рад, что Вы наконец сошлись с последним» (см.: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 347).

3 (***15***) ***мая***. **Среда**. Предположительная дата записки гр. Ламберт к Т.: пеняет, что он «обещался быть в понедельник — хоть бы заглянул — написал, что приедет в среду (записка Т. неизв., см. ***2*** (***14***) ***мая***) — на часах тридцать четыре минуты одиннадцатого — кто может заняться чем-нибудь, когда ожидает кого-нибудь» (*Granjard*. P. 141).

Судя по этой записке, Т. в неизв. п. обещал навестить Ламберт сразу по приезде в Петербург и заходить к ней во время своего пребывания как можно чаще. Записка Т. от ***1*** (***13***) ***мая*** свидетельствует, что утром он должен был быть у Ламберт (отсюда упрек графини в том, что он не «заглянул»), но перенес визит на вечер. Эта встреча была, скорее всего, короткой, поэтому дата следующего визита могла быть назначена на следующий день, т. е. на вторник ***2*** (***14***) ***мая***. Затем она была перенесена на среду, о чем Т. предупредил графиню в неизв. записке, поскольку в четверг, судя по п. Т. от ***5*** (***17***) ***мая***, гр. Ламберт должна была отлучиться в Царское Село. Однако Т. перепутал дни или забыл о назначенном визите, и гр. Ламберт напрасно прождала его в среду.

4* (*16*) *мая*. Четверг**. Дата п. Маркович к Т. из Неаполя: оправдывает свое молчание, в чем, по-видимому, упрекнул ее Т. в неизв. п., незнанием его точного местонахождения. Упоминает при этом два неизв. п. Т. (от ***Около 14* (*26*) *апреля и от ***21 апреля* (*3 мая*)**): «В Риме я получила от вас письмо, что вы едете через неделю в Россию — думала, что вы уже уехали; в Неаполе другое письмо от вас через три недели после первого, что вы едете завтра. Когда теперь я вас увижу? <...> Вы пишете, что вы мне преданы и всегда будете; должно быть, я вам больше, чем вы мне, а уж что навсегда, то навсегда» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 292). Ответ Т. см. ***22 мая* (*3 июня*)**.

Упомянутая Маркович разница в три недели между письмами Т. представляется явным преувеличением, в действительности она была не более чем в неделю: Т. отложил отъезд, назначенный первоначально приблизительно на 11 (23) апреля (см. п. к Ламберт от ***1* (*13*) *апреля***).

1—5* (*13—17*) *мая*. Понедельник — пятница**. В этот период Т. предположительно составляет сопроводительную расписку «Для передачи в Кассу Общества для вспомощ<ествования> б<едным> лит<ераторам>» (Литературного фонда) взносов, собранных им в Париже (см. ***До 22 апреля* (*4 мая*)**), и передает 110 франков, «что на русские деньги составляет 29 руб. $97\,^1/_2$ коп» (см. ***12* (*24*) *мая). Кроме того, как указано в расписке, «от меня будет прислано из деревни 5 проц<ентов> с прошлогоднего дохода — *245 р. сер.*» (*РНБ.* Ф. 438. № 10. Л. 110).

Текст расписки и обоснование датировки см.: *НИиМ* (*4*). С. 410—423. Публ. С. А. Ипатовой.

Видится с Н. Н. и А. П. Тютчевыми (см. п. Т. к Д. Я. Колбасину от ***14* (*26*) *июня***). Через Тютчева, вероятно, передает в Комитет Литературного фонда взносы, собранные в Париже (см. выше).

Предположительно посещает дом Карташевских на Мойке (см.: *Голованова.* С. 371).

5* (*17*) *мая*. Пятница.** В п. к гр. Ламберт сообщает, что «сегодня» уезжает в Москву. Сожалеет, что виделся с ней в Петербурге «всего только раз!» (см. ***1* (*13*) *мая, а также п. Ламберт к Т. от ***3* (*15*) *мая***). Объясняет, почему не удалось увидеться еще раз: «Я вообразил себе, что вы в *середу* поедете в Царское — а в *четверг* — будете дома, — и собирался к Вам вчера вечером. Нечего делать — горю этому пособить уже нельзя <...>».

Следовательно, ни в четверг, ни в среду Т. у Ламберт не был, остается лишь один день, когда он мог быть у нее, а именно вечер ***1* (*13*) *мая***.

Досадует, что «не успел потолковать <...> о моем новом труде» («Отцы и дети»). Обещает по приезде в деревню «неотложно» возобновить переписку с Ламберт: «как в первый год нашего знакомства, помните?», предполагает описывать подробности своих распоряжений в связи с крестьянской реформой; просит сообщить планы на конец августа.

Выезжает в Москву.

***6* (*18*) *мая*. Суббота**. Приезжает из Петербурга в Москву.

Дата п. Маркович к Т. из Неаполя: сообщает, что получила гонорар от Каткова (вероятно, за повесть «Лихой человек»; опубл.: *РВ*. 1861. № 1), но деньги пока до нее не дошли. «Каждый день» видится с Добролюбовым: «Он хороший какой человек и как не думает о том, что он вот как хорош и об этом не напоминает никому».

Позднее в п. к сыну от 10 (22) сентября 1888, предназначенном для передачи Чернышевскому, Маркович вспоминала: «Знакомство с Добролюбовым было тоже недолгое, но воспоминаний оставило много, и я могла бы многое рассказать о нем, хотя видались мы всего какой-нибудь месяц или два. <...> Предупреждаю, что отзывы его о многих, которые пользуются “симпатиями русской публики”, были более чем непочтительны. Особенно горько и язвительно осмеивал он Тургенева» (*Марко Вовчок. Листи*. С. 215—216).

Спрашивает, закончил ли Т. «работу» (роман «Отцы и дети») (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 292—293).

Между 28 апреля* (*10 мая*) *и 6* (*18*) *мая*.** П. Тургенева пересылает из Парижа Боденштедту в Мюнхен по поручению своего отца два тома его повестей во франц. переводе (см. п. Т. от ***27 апреля* (*9 мая*)** и ***8* (*20*) *мая).

***7* (*19*) *мая*. Воскресенье**. Присутствует в Москве на публичном заседании (№ 158) Общества любителей российской словесности, на котором Лонгинов читает речь о кн. Вяземском (в связи с 50-летием его литературной деятельности), Ригельман — о рукописях XVI—XVII вв., принесенных в дар ОЛРС. На заседании присутствуют И. С. Аксаков, Ф. Б. Миллер, А. М. Жемчужников, Бартенев, Г. Н. Геннади и др. (см.: *МВед*. 1861. 21 июня. № 135. С. 1084).

***8* (*20*) *мая*. Понедельник**. Выезжает из Москвы в Спасское.

Во время остановки в Туле видится с И. К. Ламбертом и беседует с ним «около часу» (см. ***19* (*31*) *мая***). В 1 ч. ночи из Тулы письмом

извещает Толстого, что, задержавшись в Петербурге и в Москве, не сможет заехать в Ясную Поляну и «едва ли» поспеет к именинному обеду дяди, поэтому просит Толстого приехать прямо в Спасское, «где Вы, по всей вероятности, застанете Фета и Борисова». Просит его «непременно» взять с собой болотные сапоги («мы, может быть, съездим втроем на весеннюю охоту») и «повесть» (вероятно, «Поликушку»).

Дата дневниковой записи Боденштедта о получении пересланных П. Тургеневой двух сборников произведений Т. в переводе на франц. язык «Scènes de la vie russe» (см. ***Между 28 апреля (10 мая) и 6 (18) мая***): «Получил от Тургенева из Парижа его новые рассказы, но еще не успел их прочесть» (цит. по: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 334).

9 (21) мая*. Вторник**. Приезжает в Спасское. В тот же день видится с Фетом (см. п. Т. к Полонскому от ***21 мая (2 июня)).

В Москве на сцене Малого театра состоялось представление по пьесе Т. «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» (впервые: *Совр*. 1856. № 8; см. также ***4 (16) ноября 1860***). См. также ***21 мая (2 июня)*** и ***21 июня (3 июля)***.

Роль Кауровой исполнила актриса Таланова (объявление см.: *МВед*. 1861. 9 мая. № 101. С. 812). Критик Баженов назвал ее «лучшей из выполненных» актрисой ролей: «Исполнение г-жи Талановой всегда толково, отличается вдумчивостью, наблюдательностью и правдивостью; <...> фарсов и умышленной эффектировки она <...> избегает, хотя иногда доводит до некоторой утрировки внешнюю отделку роли». Из остальных исполнителей «этой незатейливой комедии» отметил Щепкина, который «мастерски сыграл роль отставного брандмейстера Чаркина (Заметки о Московском театре // Там же. 20 мая. № 110. С. 886—887).

10 (22) мая*. Среда**. В № 106 *МВед* выходит объявление о поступлении в продажу в книжные магазины Москвы двух оставшихся томов *Соч* (*1860—1861*) (т. 2, печатавшегося под наблюдением Плещеева, и т. 3). Тома 1, 4 вышли ***3 (15) декабря 1860.

О составе т. 1, 3, 4 см. ***30 сентября (12 октября) 1860***; т. 2 — ***28 февраля (12 марта)***.

***12 (24) мая*. Пятница**. На заседании (№ 42) Комитета Литературного фонда (присутствовали: Ег. П. Ковалевский, Ламанский, Лавров, Чернышевский) зачитывается сопроводительная расписка Т. «Для передачи в Кассу Общества для вспомощ<ествования> б<едным> лит<ераторам>» взносов от Ханыкова, Волконского

и Кочубея, собранных Т. в Париже (см. ***1–5 (13–17) мая***), о чем в журнале протоколов имеется соответствующая запись: «Благодарить» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 156 об.).

Толстой в п. к Фету из Ясной Поляны пишет: «Ив<ана> Сер<геевича> мне хочется видеть, а вас в десять раз больше». Одобряет покупку земли и начало хозяйственной деятельности Фета (*Толстой*. Т. 60. С. 388); это п. было вложено в конверт с п. к Т. (неизв.), которое тот переправил Фету ***19 (31) мая***.

Конец апреля – первая половина мая ст. ст. В п. к дочери Полине (на франц. яз.) сообщает о посылке «небольшой суммы» к прошедшему дню рождения, надеется увидеться в июле.

Середина мая ст. ст. Дата неизв. п. Т. к Маслову с просьбой выслать ему два экземпляра т. 2 *Соч* (*1860–1861*). Упоминается в п. Т. к Маслову от ***7 (19) июня***.

В Париже в издательстве Дантю выходит на франц. языке т. 2 «Былого и дум» (пер. Делаво), в котором Герцен расшифровывает имена Огарева, Т. и др. (см.: *Герцен. Летопись*. С. 213).

16 (28) мая*. Вторник**. В № 106 *МВед* выходит второе объявление о том, что у комиссионера императорского Московского ун-та Свешникова, в доме Университетской типографии, «вышли и раздаются остальные томы 2 и 3-й СОЧИНЕНИЯ ТУРГЕНЕВА, ц. за 4 тома 5 р., с пер. 6 р. 50 к.» (С. 857). См. ***10 (22) мая.

19 (31) мая*. Пятница**. Отвечает гр. Ламберт на ее недатированное «небольшое, печальное, но все-таки дорогое письмецо» (вероятно, от ***3 (15) мая): сожалеет, что виделся с ней в Петербурге «только раз» («Меня завертели мои литературные и другие приятели»). Вспоминает, как «лет шесть или семь тому назад» писал ей в той же самой комнате «первое <...> письмо»; уверяет, что чувство его к графине «осталось то же – или нет, оно выросло и окрепло, потускнев немного – но это было неизбежно». Сообщает, что уже «более недели» в Спасском, имел «дружелюбное объяснение с мужиками, которые довольны», так как условия Т. «для них крайне выгодны – но об выкупе, т. е. согласии на участие в выкупе – и слышать не хотят»: «...большая перемена, происшедшая после манифеста, состоит в том, что крестьяне поняли и узнали свои права и крепко на них настаивают (так, напр., теперь уже ни один крестьянин не работает более трех дней в неделе); обязанности свои они исполня-

ют с меньшей охотой. Это надо было ожидать — после 200-летнего бесправия <...>». Приглашает Ламберт погостить в Спасском: «...это было бы истинным праздником для меня». Сообщает, что в Туле (см. ***8*** (***20***) ***мая***) виделся с ее мужем И. К. Ламбертом, посланным туда в связи с крестьянскими волнениями: «Не очень веселая его должность, — но делать нечего». Возобновил «свою работу» (над «Отцами и детьми»), «и она подвигается», но «придется очень много трудиться в течение предстоящего лета». Рассказывает о наступившей весне: «Я много гуляю по саду — и вспоминаю... Я заметил, что теперь только те воспоминанья мне приятны, о которых я уже прежде вспоминал — знакомые, старые воспоминанья. Жизнь вся в прошедшем — а настоящее только дорого, как отблеск прошедшего...».

Дата неизв. п. Т. к Толстому с приглашением приехать в Спасское, а оттуда в Степановку (см. ниже).

Сообщает Фету о возможном приезде Толстого в Спасское и об их вероятном совместном визите в Степановку. Пересылает п. Толстого к Фету от ***12*** (***24***) ***мая***: «...посылаю Вам записку от Толстого, которому я сегодня же написал, чтобы он непременно приехал сюда в теченье будущей недели, для того чтобы совокупными силами ударить на Вас в Вашей Степановке, пока еще поют соловьи и весна улыбается <...>. Надеюсь, что он услышит мой зов и прибудет сюда. Во всяком случае ждите меня в конце будущей недели <...>». Намекая на хозяйственные хлопоты Фета, просит «хоть одним глазом» поглядывать на свою «осиротелую Музу».

20 мая (***1 июня***). **Суббота**. Дата п. Лонгинова к Т. из Москвы, в которое вложены присланные ему из Парижа вырезки ст. Делаво (см. ***14*** (***26***) ***марта***) о франц. переводе романа «Накануне», выполненном Дуэром и опубликованном в «Le Correspondant» в 1860 (см. ***13*** (***25***) ***сентября 1860***). Ответное п. Т. к Лонгинову см. ***14*** (***26***) ***июня***.

В № 111 газ. *СПбВед* выходит объявление о поступлении в продажу в магазине Кожанчикова нового собрания сочинений Т. в 4 т., включая т. 2 и 3 (С. 639).

21 мая (***2 июня***). **Воскресенье**. В п. к гр. Ламберт (ответ на два ее неизв. п.) радуется назначению в управляющие ее поместьями рекомендованного им декабриста Цебрикова (см. п. к Ламберт от ***9*** (***21***) ***февраля*** — ***18*** (***30***) ***апреля 1860***), «человека снисходительного и твердого». «Вы рисуете довольно мрачную картину совре-

менного быта России и русского характера вообще: к сожаленью — добросовестный человек обязан подписаться почти под каждой из Ваших фраз. — История ли сделала нас такими, в самой ли нашей натуре находятся залоги всего того, что мы видим вокруг себя — только мы, действительно, продолжаем сидеть — в виду неба и со стремлением к нему — по уши в грязи. Говорят иные астрономы — что кометы становятся планетами, переходя из газообразного состояния в твердое; всеобщая *газообразность* России меня смущает — и заставляет меня думать, что мы еще далеки от *планетарного* состояния. Нигде ничего крепкого, твердого — нигде никакого зерна; не говорю уже о сословиях — в самом народе этого нет». Обсуждает вопрос о «*нежелании* народа переходить с *барщины на оброк*»: «Этот знаменательный — и, признаюсь, никем не предвиденный факт — доказывает, что наш народ готов отказаться от явной выгоды (барщинные дни оценяются по крайней мере в 80 р. сер. — а самый высокий оброк не достигает 30 р.) в надежде, что вот — авось выйдет еще указ — и нам земли отдадут даром — или царь ее нам подарит через 2 года — а оброчные уже *обвязались*, т. е. вступили в известные определенные условия. Иные оброчные мужики при мне жаловались, что вот мол барщинным мужичкам вышла льгота — три дня вместо шести, — а нашему брату ничего». Уверен, что о доверии к начальству и «об участии в выкупе со стороны крестьян и думать нечего», винит в этом царствование Николая I: «Мы пожинаем теперь горькие плоды прошедших 30 или 40 лет».

Отвечает на неизв. п. Полонского о его предстоящей поездке в Германию (не осуществ.): рад что Полонский сможет отдохнуть и развеяться после потери жены. Сообщает, что скоро вместе с Толстым едет за 60 верст от Спасского к Фету в деревню, «которая поглощает всего его с ног до головы»: «Он теперь сделался агрономом — хозяином до *отчаянности*, отпустил бороду до чресл — с какими-то волосяными вихрами *за* и *под* ушами — о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом». Спрашивает, где опубликованы первые три главы романа в стихах Полонского «Свежее преданье» (Время. 1861. № 6, 10; 1862. № 1). В ответ на приглашение, обращенное также к Фету и Толстому, об участии в журнале «Время», сообщает, что «у Фета *отбирать* пока нечего». Обещает передать просьбу Толстому, упоминает о будущем своем сотрудничестве с «Временем», «как только отделается от романа» («Отцы и дети») для *РВ* (см. п. Т. к Достоевскому от ***16*** (***28***) ***октября***). О себе пишет, что «занят и хозяйственными, и литературными делами»: «С моими крестьянами дело идет — пока — хорошо, потому что я им сделал

все возможные уступки, — но затруднения предвидятся впереди. Многие не *хотят* идти на оброк, — а без оброка выкуп (а ведь это — главная цель) невозможен». Не верит сообщенному Полонским слуху о назначении министром нар. просвещения Путятина: «Этого только недоставало!».

Путятин будет назначен в июле 1861 и продержится на этом посту лишь до января 1862.

В Москве на сцене Малого театра состоялось еще одно представление «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ». См. также ***9 (21) мая*** и ***21 июня (3 июля)***.

***22 мая (3 июня)*. Понедельник**. В п. к Борисову подтверждает свое приглашение посетить с женой Спасское, сообщает о своем намерении отправиться к Фету в Степановку вместе с Толстым, которого ожидает «со дня на день» («но Вы знаете, как это всё неверно»). Упоминает о неизв. п. Толстого с обещанием приехать в Спасское на нынешней неделе. Готов ехать к Борисовым, если Фет будет у них, или ожидать их всех в Спасском. Благодарит за готовность уступить хорошую лошадь.

В п. к Боткину излагает свой взгляд на ситуацию в России после освобождения крестьян:

«...сообщу тебе несколько афоризмов, которые созрели во мне в последние 15 или 20 дней: / 1. *Переворот произведен*, — т. е. перемены в крепостном народонаселении совершились. Ни прежних *бар*, ни прежних *мужиков*, ни прежних отношений уже нет. Крестьяне узнали свои права и настаивают на них. / 2. Затруднения предстоят громадные, и они состоят: a) в том, что мужики не идут на оброк (чего мы никак не ожидали) — потому что, будучи обеспечены строгим соблюдением 3-х барских дней и прочими льготами, они внезапно уцепились за барщину, которую исполняют худо, так как уже прежних принудительных мер не может быть. <...> b) Мужики не идут на выкуп и не понимают его. c) Волостной суд (прозванный уже теперь лапотным судом) едва ли будет в состоянии действовать. d) Состав губернских комиссий и особенно мировых посредников неудовлетворителен. (У нас в Мценске еще их не избрали.) e) Доверия в наши финансы, в будущие облигации не существует. Вот все важнейшие затруднения. (Я не упоминаю о зловредном упорстве некоторых помещиков). — А *дело все-таки пойдет*, потому что если камень раз покатился с горы, то уже добежит до долины. 3) Здесь везде тихо, а если где и проявляются беспорядки, примирительный и охлаждающий элемент розги действует превосходно. С моими крестьянами я в наилучших отношениях: правда, я им усадьбы подарил да-

ром и при высшем наделе земли, вместо 3 р. положил только 2 р. 50 к. — и со всем тем другие мои барщинные крестьяне этим не соблазняются».

Выписывает большой фрагмент из п. к гр. Ламберт от ***21 мая*** (***2 июня***), относящийся к характеристике сложившихся отношений между помещиками и бывшими крепостными крестьянами.

Отвечая на п. Маркович от ***4*** (***16***) ***мая***, бранит ее за бестолковость полученного письма, однако находит в ее «записочке» «хорошее слово»: «...Вы говорите, что преданы мне *навсегда.* Это много значит — но я Вам верю, хотя Вы — не без хитрости, как сами знаете. Что я Вам предан — это несомненно; но кроме этого чувства, во мне есть другое, довольно странное, которое иногда заставляет меня желать Вас иметь возле себя — как в моей маленькой парижской комнате — помните?». Называет Маркович «престранным существом» и признается, что «Вас разобрать очень трудно». Сообщает свои планы: до «3/15-го августа, а может быть и до 15/27-го я в деревне (в действительности, до ***29 августа*** (***10 сентября***). — *Ред.*): оканчиваю свой роман («Отцы и дети». — *Ред.*), устраиваю свои отношения с мужиками, завожу школу и т. д. Потом я еду в Баден, где будет об эту пору меня ждать моя дочь вместе с г-жой Иннис, съездим, может быть, вместе в Северную Италию — и с половины сентября снова в Париже». Просит Маркович сообщить ее планы. Сообщает, что видел в Петербурге Белозерского, Анненкова и др.; получил четыре выпуска журнала «Основа», «из которых я мог заключить, что выше малороссийского племени нет ничего в мире — и что в особенности мы, великороссы, дрянь и ничтожество. А мы, великороссы, поглаживаем себе бороду, посмеиваемся и думаем: пускай дети тешатся, пока еще молоды. Вырастут — поумнеют. А теперь они еще от собственных слов пьянеют. И журнал у них на такой славной бумаге — и Шевченко такой великий поэт... Тешьтесь, тешьтесь, милые дети».

Вероятно, речь идет о ст. Л. Жемчужникова «Воспоминание о Шевченке; его смерть и погребение» (Основа. 1861. № 3. С. 1—21).

Ответное п. Маркович см. ***8*** (***20***) ***июля***.

23 мая (***4 июня***). **Вторник**. Сообщает Борисову, что «сейчас» к нему приехал Толстой (в *Толстой. Летопись* эта дата не зафиксирована), просит приехать, чтобы сговориться о совместном путешествии в Степановку, и отправить нарочного к Фету, если будет решено ехать к нему тотчас.

Возможно, Борисов сообщил, что не сможет ехать к Фету вместе с Т. и Толстым, и поездка была отложена на два дня.

Дата ценз. разрешения № 5 журнала *РСл*; в нем — ст. Писарева «Схоластика XIX века» (Гл. I—X). Утверждая, что главное внимание «нашей изящной словесности» сосредоточено «на среднем сословии», в котором только и возможна «борьба идей, а не личностей», Писарев называет рядом с «Кто виноват?» Герцена и «Героем нашего времени» Лермонтова роман «Дворянское гнездо» как пример художественного произведения, позволяющего судить, «до какой степени изменяются характерные физиономии и понятия из десятилетия в десятилетие» (Отд. 2. Гл. 5. С. 82; *Писарев.* Т. 2. С. 259); в гл. 7 критик говорит об отношении Ап. Григорьева к Т. как к одному из последних идеалистов в русской литературе (см. ***20 апреля (2 мая)***).

***24 мая (5 июня)*. Среда**. В записке к Фету сообщает, что вместе с Толстым едет к нему.

В п. к Т. Писемский сообщает, что исполнил все его поручения: *БдЧ* «к вам началась высылаться»; немецкий политический и сатирический журнал «Kladderadatsch» «вашей тетушке доставляют» (предположительно Герцену). Интересуется крестьянскими делами в Спасском: «Что, как Ваши вотчины — не дурят ли?.. Слухи отовсюду весьма неблагоприятные» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 169).

***25 мая (6 июня)*. Четверг**. Толстой приезжает в Спасское, где читает в рукописи роман «Отцы и дети»; роман не заинтересовал Толстого, и он заснул во время чтения (см.: *Сергеенко П.* Толстой и его современники. М., 1911. С. 130—131; *Толстой. Летопись.* С. 241). Предположительно ночует в Спасском.

***26 мая (7 июня)*. Пятница**. Утром вместе с Толстым приезжает к Фету в Степановку. Ночует в Степановке.

Позднее Фет в своих воспоминаниях описал приезд Т. и Толстого в Степановку, упомянув об оживленных до- и послеобеденных беседах (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 369—370).

Дата п. Д. Я. Колбасина, в то время управляющего царской резиденцией в Ливадии, в котором просит Т. обратиться к А. Ф. Тютчевой, фрейлине двора, с просьбой помочь советами в приготовлениях, связанных с приездом царской семьи в Ливадию в начале августа. Описывая Ливадию, называет ее «лучшим местечком, какое только

есть в России, что, впрочем, не мешает ему быть и достаточно скучным, в особенности в компании малого числа блуждающих татар и каких-то господ, называющих себя русскими, хотя они настолько же русские, насколько чухонцы немцы». Приводит высказывание Т. о себе: «Но господин такой, как я, достигающий, по Вашему выражению, до типа, — где не уживется!..» (*ИРЛИ*. Ф. 7. Оп. 143. Л. 56—57 об.). Т. выполнил просьбу Колбасина (см. ***14* (*26*) *июня***).

***27 мая* (*8 июня*). Суббота**. Утром за завтраком происходит ссора Т. с Толстым в Степановке в присутствии Фета и его жены, поводом к которой послужило резкое замечание Толстого на рассказ Т. о том, как гувернантка с воспитательной целью заставляет его дочь заниматься благотворительностью — починкой рваной одежды нищих.

Толстой, в передаче Фета, возразил, что «разряженная девушка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискреннюю, театральную сцену». Воспроизводя эту сцену в своих воспоминаниях, Фет писал: «— Я вас прошу этого не говорить! — воскликнул Тургенев с раздувающимися ноздрями. / — Отчего же мне не говорить того, в чем я убежден, отвечал Толстой. / Не успел я крикнуть Тургеневу: “Перестаньте!”, как, бледный от злобы, он сказал: “Так я вас заставлю молчать оскорблением”. С этим словом он вскочил из-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно зашагал в другую комнату. Через секунду он вернулся к нам и сказал, обращаясь к жене моей: “Ради Бога извините мой безобразный поступок, в котором я глубоко раскаиваюсь”. С этим вместе он снова ушел» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 370—371). «Поняв полную невозможность двум бывшим приятелям оставаться вместе», Фет распоряжается запрячь коляску Тургенева в Спасское, а Толстого отправляет в имение Борисова Новоселки. Оскорбительные слова Т. Фет приводит в смягченном виде, впервые их воспроизвел сам Толстой в п. к Т. от ***8* (*20*) *октября*.** Их же Толстой сообщил жене, которая занесла фразу в дневник 23 января 1877 (см. ниже).

Смысл возникшего спора сходным образом изложен в дневнике С. А. Толстой (с пометой: «Написано со слов Льва Николаевича Толстого 23 января 1877 года»): «Разговор шел о благотворительности. И Тургенев сказал, что дочь его, воспитанная за границей, делает много добра, помогая бедным. Л. Н. сказал, что он не любит той благотворительности, которая, подражая англичанам, выбирает своих бедных (my poors) и отделяет систематически известную, малую часть своего состояния. Что настоящая благотворительность есть та, которая вытекает от сердца и непосредственно, отдаваясь чувству, делает добро. / Тургенев сказал: “Стало быть, Вы находите, что я дурно воспитываю дочь?”. Л. Н. ответил на это, что он думает то, что говорит, и что, не касаясь личнос-

тей, просто выражает свою мысль. Тургенев рассердился и вдруг сказал: “А если вы будете так говорить, я вам дам в рожу”. Л. Н. встал и уехал в Богослов <...>» (*Толстая С. А.* Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 509). В этом изложении пропущен эпизод с первым письмом Толстого из Новоселок и первым ответом Т. (см. ниже).

По воспоминаниям Гаршина, которому Т. рассказывал эту историю, Толстой «задался целью вывести из себя» Т., увидевшего после разыгравшейся ссоры, «что какая-то улыбка радости, при мысли, что он достиг своей цели, сверкнула» в глазах Толстого (*Гаршин Е. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *ИВ*. 1883. № 11. С. 390–391).

Дата записки Толстого к Т. из Новоселок: «Надеюсь, что ваша совесть вам уже сказала, как вы не правы передо мной, особенно в глазах Фета и его жены. Поэтому напишите мне такое письмо, которое бы я мог послать Фетам. Ежели же вы находите, что требование мое несправедливо, то известите меня. Я буду в Богуславе» (см.: *Толстой.* Т. 60. С. 391).

В Богослове (Богуслове, Богуславе) – почтовой станции между Мценском и Чернью, находящейся в 8 верстах от Спасского (на полпути между Спасским и имением Толстого Никольское-Вяземское, или на полпути между Никольским и Степановкой) Толстой предполагал получить ответ Т., который был написан в Спасском в тот же день (27 мая), но по ошибке отвезен слугой вместо Богослова в Новоселки.

В ответном п. того же дня Т. пишет Толстому: «Милостивый государь, Лев Николаевич! / В ответ на Ваше письмо я могу повторить только то, что я сам почел своей обязанностью объявить Вам у Фета: увлеченный чувством невольной неприязни, в причины которой теперь входить не место, я оскорбил Вас безо всякого положительного повода с Вашей стороны – и попросил у Вас извинения. Это же самое я готов повторить теперь письменно – и вторично прошу у Вас извинения. – Происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими противуположными натурами, каковы Ваша и моя – не могут привести ни к чему хорошему; а потому я тем охотнее исполняю мой долг перед Вами, что настоящее письмо есть, вероятно, последнее проявление каких бы то ни было отношений между нами. От души желаю, чтоб оно Вас удовлетворило – и заранее объявляю свое согласие на всякое употребление, которое Вам заблагорассудится сделать из него».

Это п., полученное Борисовым в Новоселках, было им лично немедленно привезено в Спасское. В $10\,^1/_2$ ч. вечера Т. сделал в нем приписку: «Иван Петрович сейчас привез мне мое письмо, которое мой человек по глупости отправил в *Новоселки* вместо того, чтобы

отослать его в *Богослов.* / Покорнейше прошу Вас извинить эту невольную неприятную оплошность. Надеюсь, что мой посланный застанет Вас еще в Богослове».

Толстой, получив п. Т., поначалу принял извинения, как видно из его п. к Фету от ***28 мая*** (***9 июня***), однако вскоре передумал. См. ***28 мая*** (***9 июня***).

28 мая (***9 июня***). **Воскресенье**. Дата неизв. п. Толстого в ответ на п. Т. от ***27 мая*** (***8 июня***), в котором он принимает извинения Т., отметив, что причины ссоры возникли не по противоположности натур, как писал Т., а имели другое основание, о котором не распространяется (см. ниже п. Толстого к Фету).

Вслед за первым п. Толстой из Богослова в тот же день посылает второе, «довольно жесткое, с вызовом» на дуэль, также неизв., о содержании его см. ниже в п. Толстого к Фету.

Согласно записи в дневнике С. А. Толстой от 23 января ст. ст. 1877, сделанной со слов Толстого и не вполне соответствующей действительному ходу событий (так, она пишет, что вызов был послан Т. из Новоселок, а не из Богослова), «Лев Николаевич послал за ружьями и пулями, а к Тургеневу письмо с вызовом за оскорбление. В письме этом он писал Тургеневу, что не желает стреляться пошлым образом, т. е. что два литератора приехали с третьим литератором, с пистолетами, и дуэль бы кончилась шампанским, а желает стреляться по-настоящему, и просит Тургенева приехать в Богослов к опушке леса с ружьями. / Всю ночь Лев Николаевич не спал и ждал» (*Толстая С. А.* Дневники: В 2 т. Т. 1. С. 509—510).

Дата п. Толстого к Фету из Богослова, написанного на обороте первого извинительного п. к нему Т. по поводу произошедшей накануне ссоры в Степановке: «Я не удержался, распечатал еще письмо от г. Т<ургенева> в ответ на мое. / Желаю вам всего лучшего в отношении с этим человеком, но я его презираю, что я ему написал, и тем прекратил все сношения, исключая, ежели он захочет, удовлетворения. Несмотря на всё мое видимое спокойствие, в душе у меня было неладно; я и чувствовал, что мне нужно было потребовать более положительного извинения от г-на Тургенева, что я и сделал в письме из Новоселок. Вот его ответ, которым я удовлетворился (см. ***27 мая*** (***8 июня***). — *Ред.*), ответив только, что причины, по которым я извиняю его, не противоположности натур, а такие, которые он сам может понять. Кроме того, по промедлению, я послал другое письмо, довольно жесткое, с вызовом, на которое еще не получил ответа, но ежели и получу, то не распечатав возвращу назад.

Итак, вот конец грустной истории, которая ежели перейдет порог вашего дома, то пусть перейдет и с этим дополнением» (*Толстой.* Т. 60. С. 393–394).

В ответ на полученное п. от Толстого с вызовом на дуэль Т., принимая вызов, пишет второе извинительное п. и, очевидно, передает с нарочным, присланным Толстым, в Богослов: «Ваш человек говорит, что Вы желаете получить ответ на Ваше письмо: — но я не вижу, что бы я мог прибавить к тому, что я написал. / Разве то, что я признаю совершенно за Вами право потребовать от меня удовлетворения вооруженною рукой: Вы предпочли удовольствоваться высказанным и повторенным моим извинением — это было в Вашей воле. Скажу без фразы, что охотно бы выдержал Ваш огонь, чтобы тем загладить мое действительно безумное слово. То, что я его высказал, так далеко от привычек всей моей жизни, что я могу приписать это ничему иному, как раздражению, вызванному крайним и постоянным антагонизмом наших воззрений. Это не извинение, я хочу сказать — не оправдание, а объяснение. И потому, расставаясь с Вами навсегда, — подобные происшествия неизгладимы и невозвратимы, — считаю долгом повторить еще раз, что в этом деле правы были Вы, а виноват я. Прибавляю, что тут вопрос не в *храбрости* — которую я хочу или не хочу показывать — а в признании за Вами — как права привести меня на поединок, разумеется, в принятых формах (с секундантами), так и права меня извинить. Вы избрали, что Вам было угодно — и мне остается покориться Вашему решению».

Несмотря на данное в п. к Фету обещание не распечатывать ответа Т. на вызов, Толстой, судя по записи С. А. Толстой, все же распечатал его и написал третье п., прекращающее всякие отношения с Т., хотя в полученном им п. Т. уже было объявлено об этом. «К утру пришло письмо от Тургенева, что, напротив, он не согласен стреляться, как предлагает Толстой, а желает дуэль по всем правилам. На это Лев Николаевич написал Тургеневу: “Вы меня боитесь, а я вас презираю и никакого дела с вами иметь не хочу”» (*Толстая С. А.* Дневники: В 2 т. Т. 1. С. 510). Фактически это был отказ от дуэли.

Второе п. Т. от ***28 мая*** (***9 июня***) было также отослано Толстым Фету, который включил его наряду с другими сохранившимися в его архиве п. в свои воспоминания (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 373–374), оговорив, что «до сих пор не в состоянии составить себе ясного понятия» о том, что «психологически происходило и произошло», и предоставляет только «на суд читателя все попавшие ко мне и относящиеся до этого дела письма». «Из них, — добавляет Фет, — читатель, конечно, подобно мне, увидит, что главных писем (т. е. писем Толстого. — *Ред.*), доведших дело до такого

раздражительного конца, в руках у меня нет; узнать же об их содержании мне, по крайней возбужденности действующих лиц, не представилось возможности» (Там же. С. 372). Не дошедшие до нас три п. Толстого, содержащие оскорбительные высказывания, возможно, были уничтожены Тургеневым. История, однако, на этом не закончилась и имела продолжение через несколько месяцев. См. ***5 (17) июня***, ***23 сентября (5 октября)***, ***26 сентября (8 октября)***, ***8 (20) октября***, ***Конец ноября ст. ст.***, а также п. Толстого к Фету от ***Конца декабря ст. ст.***

Очевидно, по получении пересланного Толстым п. Т. от ***28 мая (9 июня)***, Фет отправился в Спасское, а затем в Ясную Поляну (этот визит не отмечен в *Толстой. Летопись*), чтобы попытаться уладить дело с дуэлью, что, однако, ему не вполне удалось, хотя, как следует из п. Фета к Толстому от ***5 (17) июня***, он сумел донести до Толстого позицию Т., изложенную им в п. к Фету того же дня. В 1875, когда его собственные отношения с Т. зашли в тупик, он напоминал в п. к нему от 12 (24) января этот визит и историю с несостоявшейся дуэлью: «Вы окаменили нас брошенной в лицо Толстому ничем не заслуженной дерзостью — и когда я в Спасском заикнулся просить Вас о человеческом окончании этого дела, — Вы зажали мне рот детски-капризным криком <...>» (*Тургенев. Переписка.* Т. 1. С. 460). Попытки Фета примирить поссорившихся завершились тем, что Толстой прервал отношения с ним самим. В первой декаде января ст. ст. 1862 он написал Фету: «Тургенев — *подлец, которого надо бить*, что я прошу вас передать ему так же аккуратно, как вы передаете мне его милые изречения, несмотря на мои неоднократные просьбы о нем не говорить. / Гр. Л. Толстой. / И прошу вас не писать ко мне больше, ибо я ваших, так же как и Т<ургене>ва, писем распечатывать не буду» (*Толстой.* Т. 60. С. 413). Вскоре, однако, Толстой и Фет возобновили отношения и переписку.

Спустя много лет И. П. Новосильцов в п. к Фету от 26 марта (7 апреля) 1888 представил еще одну версию причины ссоры Т. с Толстым: «Помнишь ли ты историю ссоры Тургенева с Толстым у Вани Борисова (Так! — *Ред.*), когда они должны были драться на дуэли? *Началась перебранка от замечания Толстого*, что человек *порядочный* не может выставлять описание своего отца или матери или близких, как то делал Тургенев в своей повести “Первая любовь”. Это объяснять тут нечего, как только в человеке есть доля хамства, он это полагает возможным, а другие люди (enfant de bonne maison) этого допустить не могут и постичь не в силах!» (см.: Письма И. П. Новосильцова к Фету / Публ. Е. В. Виноградовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 год. СПб., 2010. С. 252).

30 мая (11 июня). **Вторник**. Уведомляет директора Горыгорецкого земледельческого института и земледельческой школы Целлинского (г. Горки Могилевской губ.), куда ***Весной ст. ст. 1859*** Т.

отправил учиться спасского крепостного Бизюкина, оплатив его обучение, что «так как, по-видимому, вольноотпускная Ф<едора> Б<изюкин>а до него не дошла — то я, на основании Положения («Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». — *Ред.*), велел написать ему новую», которая будет «немедленно отправлена в Горыгорецкую школу».

Т. намеревался освободить Бизюкина от обязанностей, налагаемых на него реформой; подробнее об этом см.: *Б<изюкин> Ф.* Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургеневе // *РВ.* 1885. № 1. С. 338—373.

Май ст. ст. Пишет п. к дочери (на франц. яз.), где в ответ на ее объяснение (п. неизв.) своих недостатков не совсем обычным положением замечает: «если недостатки признаны, они могут быть преодолены». Надеется, что путешествие по Швейцарии и Италии в июне — июле (вместе с гувернанткой) «разомкнет и смягчит» ее душу, наполнив ее образами и впечатлениями, заставляющими забыть собственные повседневные заботы, свое *я*, которое тупеет и черствеет, если занято только самим собой. Спокойствие и *доброта*, в особенности доброта, — везде и всегда — самое главное: надо уметь смотреть даже на *дерево* по-доброму. <...> доброта <...> не дает нам думать о себе, погрязнуть в тине эгоизма», и «между нами» будет «меньше недоразумений и больше согласия». Просит быть экономной, что необходимо в связи с состоянием его дел.

***1 (13) июня.* Четверг.** Дата ценз. разрешения № 7 и 8 журнала «Книжный вестник»; в нем — «Отчет о состоянии Тверской публичной библиотеки с 9 мая 1860 по 1 января 1861 г.» — статистические сведения о числе требований на сочинения русских и иностранных авторов, в том числе Т. (например: Поль-де-Кок — 684, Зотов — 567, Загоскин — 423, Гончаров — 213, Тургенев — 154, Толстой — 54 и др.) (С. 119—121).

***2 (14) июня.* Пятница.** Получив от путешествующих по Италии дочери Полины и ее гувернантки два п. из Женевы (неизв.), «срочно» пишет им в Милан и сообщает, что уже «написал <...> в *Берн* и в Веве» (неизв.). Описывает состояние дел в Спасском: «...можно опасаться плохого урожая — ожидают большой засухи, а крестьяне не расположены идти навстречу помещикам для выкупа своих земель. Я очень боюсь, как бы не пришлось в этом году оставить все почти в status quo (неизменном состоянии — *лат.*), чтобы дать им

время поразмыслить и почувствовать доверие. Условия, которые я им предложил, без преувеличения прекрасны; между тем, они еще колеблются. <...> беседы, которые я опять вел с моими крестьянами, были в высшей степени дружелюбны». Полагает, что для дочери необходимы такие качества, как размышление, доброта, прилежание и экономия. Рассчитывает через два месяца с небольшим покинуть Спасское, чтобы тотчас вернуться в Париж.

4* (*16*) *июня*. Воскресенье**. Дата п. Анненкова к Т.: описывает свои впечатления от поездки в свое симбирское имение Чирьково, сообщает о встрече с Салтыковым в Твери и с Е. И. Якушкиным в Ярославле. О ситуации после Манифеста 19 февраля пишет: «Что касается до мужиков, то я нашел их мрачными, после поветрия порки, обошедшего уезды, смежные с Казанской и Пензенской губ., и захватившего краем и внутренность нашей. Они смотрят, как люди, которых обсчитали. Доверенности между миром и владетелем земли никакой <...>. Крестьяне уже составили убеждение себе, что воля должна вводиться точно так, как рекрутский устав, переселение в Сибирь и ссылка на Амур — с отпором на одной стороне, кнутом и экзекуцией на другой, да так уже и держут себя» (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 106—107). Ответное п. Т. см. ***10* (*22*) *июля, см. также ***12* (*24*) *апреля***.

Боткин спрашивает в п. к Фету: «Извести меня о Тургеневе; что он, улаживает ли <со> своими мужиками, и вообще о том, как это дело идет в вашей стороне» (*Фет/Боткин.* С. 297).

Между 28 мая* (*9 июня*) *и 4* (*16*) *июня. Фет пытается примирить Толстого и Т., поехав сначала в Спасское, затем в Ясную Поляну к Толстому, а затем в Новоселки к Борисову, откуда, после долгого обсуждения, пишет ***5* (*17*) *июня*** Толстому, что отныне отказывается выполнять роль посредника и примирителя.

***5* (*17*) *июня*. Понедельник**. Не исключено, что Т., получив последнее (третье) оскорбительное п. от Толстого (см. ***28 мая* (*9 июня*)**), намеревался послать ему вызов и сообщил об этом Фету, который сделал последнюю попытку примирить поссорившихся и нанес два визита обоим.

Описывая свой визит в Спасское (до 4 (16) июня), Фет писал в воспоминаниях: «Нечего говорить, что, отправившись в Спасское, я употребил все усилия привести дело, возникшее, к несчастию, в нашем доме, в какому бы то ни было ясному исходу. / Помню, в какое неописанно-

ироническое раздражение пришел незабвенный здравомысл Ник<олай> Ник<олаевич> Тургенев. “Что за неслыханное баловство! Восклицал он: требовать, требовать, чтобы все были нашего мнения. А попался, так доводи дело до конца, с пистолетами в руках требуй формального извинения”» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 374). Объяснительное п. Т. от ***5* (*17*) *июня*** Фет в воспоминаниях не приводит. Возможно, данный фрагмент относится к более позднему времени.

Очевидно, уже после визита в Спасское Фета Т. пишет к нему п., надеясь объяснить свою позицию и сказать «окончательное слово» о своей ссоре с Толстым: «Оказывается, что граф Толстой оскорблен формализмом моих извинений. Быть может, он прав; но, желая, прежде всего, быть искренним — я не мог извиниться иначе. Моя обязанность состояла в том, чтобы сделать эти формальные извинения как можно более полными, несомненными и гласными — и я так и сделал. Граф Толстой мог не принять такого рода извинения; но требовать другие — или, приняв их, оскорблять меня — уже выходило из черты того, что я признаю его правом. Однако так как вызвать его было бы с моей стороны и смешно и странно — притом же я чувствую, что в его раздражении есть сторона законная, — то мне не остается ничего более, как предать это дело забвению — и предоставить графу Толстому судить обо мне как ему угодно».

Получив это п. Т., Фет, уже успевший побывать в Ясной Поляне у Толстого, пишет Толстому п. из Новоселок, куда п. Т. доставили, очевидно с нарочным, из Спасского. Пытаясь проанализировать ситуацию, сложившуюся уже после переписки между двумя писателями, прилагает п. Т., с которым соглашается:

«Вот я и другой уже день в Новоселках, любезнейший Лев Николаевич! Толковал я с Борисовым и все-таки, что касается моей личной деятельности — продолжаю говорить по-русски — то есть жевать непонятные миру звуки. Как только каждое дело дойдет до линии, с которой надо валиться направо и налево, то и выходит, что логики на свете нет, а у меня в голове еще менее, чем где-либо. Иначе как объяснить, что я от Вас уехал с таким же чувством напряженного и вопросительного, несмотря на видимую логичность наших умозаключений, как от Тургенева из Спасского. Да в чем же разница этих двух точек воззренья, спрашивал я себя, и дал сам себе такой ответ. Разница во взгляде на вопрос: может или не может разница во взгляде на формальное и торжественное признанье своей вины и испрошенье ее извинения удовлетворить обиженного или нужен еще элемент интимности, которого в известном случае может не быть налицо. (Извините, ей-богу не умею говорить по-человечески; но Вы поймете, а это главное.) Я знаю, Вы говорите, что поручик Шварц ничего не может ни извиненьем, ни пистолетами. Но

что же мне грешному делать, если Вы, господа, и Шварцы и не Шварцы! Ведь это надо умереть с отчаяния. Шварца же дело ясно как солнце. Шварц говорит извинение и ждет: приняли — по рукам. Не приняли — за пистолеты. А тут один из Вас не признает Шварца за извиняющегося, и оба не могут не видеть всей нелепой несостоятельности Шварца бретёра. Но что же я-то сделаю с моим мозгом? Письмо Тургенева, которого смысл, как мне кажется, совпадает со сказанным мною в этом письме, при этом прилагаю, и теперь уже решительно сам и навсегда умолкаю об этом деле, чувствую, что хочу хорошего, а каков я — на чужие глаза — мне ist nur Pomade (безразлично — *нем.*)» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 350—351).

***6* (*18*) *июня*. Вторник**. Отвечает на неизв. п. Карташевской из Москвы: благодарит «за присланную *афишу*, над которой мы все здесь много смеялись» (о какой афише идет речь, не установлено); сообщает, что его «отношения с крестьянами самые мирные — но, к сожалению, дядя не всех их пересадил в прошлом году на оброк — а теперь те, которые на барщине, не хотят переходить на оброк — без чего невозможен выкуп»; работает «понемножку», готовится к охоте.

Бывший дворовый Спасского Бизюкин вспоминал: «Иван Сергеевич отпускал своих людей или на оброки за умеренную плату или давал им “вольные”» (*Б<изюкин> Ф.* Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургеневе // *РВ.* 1885. № 1. С. 362).

Просит кланяться брату (Макарову) и мужу Карташевской. О Маркович пишет: «Марья Александровна интересовалась узнать о Вашем брате — она в Неаполе, без денег, как оно и быть следует. — Что он всё по-прежнему влюблен и мрачен?».

Между 10* (*22*) *мая и 7* (*19*) *июня*.** В Спасское к Т. приезжает декабрист Цебриков и остается на ночь (см. п. к Ламберт от ***15* (*27*) *июня).

***7* (*19*) *июня*. Среда**. Пишет Анненкову о затруднениях в переговорах с крестьянами: «мои уступки доходят почти до подлости. Но вы знаете сами (и, вероятно, в деревне узнаете еще лучше), что за птица русский мужик: надеяться на него в деле выкупа — безумие. Они даже на оброк не переходят, чтобы, во-1-х не “обвязаться”, во-2-х, не лишить себя возможности прескверно справлять трехдневную барщину. Всякие доводы теперь бессильны». Радуется, что в Спасском «мужики с прошлого года на оброке». Работа над рома-

ном («Отцы и дети») подвигается медленно. Обещает переслать Анненкову «первую (переписанную) половину» романа и просит сказать о нем «всю правду». Напоминает, что «будущей весной» крестит у Анненковых «сына Ивана» (см. ***5* (*17*) *января***). Передает впечатления от купленной Фетом Степановки: «Я видел Фета и даже был у него. Он приобрел себе за фабулозную сумму в 70 верстах отсюда 200 десятин голой, безлесной, безводной земли с небольшим домом, который виднеется кругом на 5 верст и возле которого он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые не принялись... Не знаю, как он выдержит эту жизнь (точно в пирог себя запек) и, главное, как его жена не сойдет с ума от тоски. Малый он, по-прежнему, превосходный, милый, забавный — и, по-своему, весьма умный». Сообщает о ссоре в Степановке с Толстым — дело «на волоске висело от дуэли». «*Виноват был я*, но взрыв был, говоря ученым языком, обусловлен нашей давнишней неприязнью и антипатией наших обеих натур. Я чувствовал, что он меня ненавидел, и не понимал, почему он — нет-нет, и возвратится ко мне. Я должен был, по-прежнему, держаться в отдалении, попробовал сойтись — и чуть было не сошелся с ним на барьере. И *я его не любил никогда*, — к чему же было давным-давно не понять всё это?..». О ссоре Т. с Толстым см. ***27 мая* (*8 июня*)**, ***28 мая* (*9 июня*)**, ***5* (*17*) *июня***. Ответ Анненкова см. ***29 июня* (*11 июля*)**.

Отвечает на неизв. п. Ламберт, в котором находит доказательство, «что я точно к Вам близок». Сообщает о ссоре с Толстым: «...я чуть не подрался на дуэли (пусть это останется между нами) с графом Л. Н. Толстым <...> между нами существовала давнишняя антипатия. Я его всячески избегал — но он, не переставая меня ненавидеть, всё меня отыскивал и старался сближаться со мною. Не хочу о нем говорить ничего дурного <...> это весьма сложная и самомучащаяся натура. Он сходился со мною — как будто для того, чтобы дразнить и бесить меня. По поводу совершенно постороннего разговора (дело шло о филантропии) я, уже внутренно взбешенный, сказал ему грубую дерзость. Я ожидал немедленного вызова — но он сначала был весьма мягок и вежлив — и только когда я уже извинился письменно, досада в нем вспыхнула. Словом, вышла неприятная история, которая тянулась несколько дней — в течение которых я был убежден, что поединок будет неизбежен, — кое-как дело уладилось — но мы теперь раззнакомились навсегда. Я не жалею об этом — потому что сближения между нами никогда быть не могло — но я досадую на себя; как мог я до такой степени потерять власть над собою?». Признается, что эта история помешала работать «и вообще отрави-

ла мне нынешнюю весну». Спрашивает о планах Ламберт, остановится ли она в Туле, собирается ли она «завернуть» в Спасское по дороге в деревню, сообщает, что с 25 июня ст. ст. на две недели «исчезает на охоту».

Дата п. к Маслову, в котором пеняет на молчание в ответ на просьбу (п. с такой просьбой неизв.) выслать два экземпляра т. 2 «плещеевского» издания (имея в виду *Соч* (*1860–1861*)). Спрашивает, уехали ли Анненковы и Карташевские из Москвы, отправлен ли экземпляр *Соч* (*1860–1861*) в Мюнхен к Боденштедту, высланы ли два экземпляра т. 2 *Соч* (*1860–1861*) ему (см. ***Середина мая ст. ст.***).

11 (***23***) ***июня***. **Воскресенье**. Сообщает в Берн дочери (на франц. яз.), что пишет уже пятое п., которое не доходит; планирует встретиться с нею в Баден-Бадене «самое позднее, через два месяца», позволяет им с гувернанткой пробыть еще некоторое время в Швейцарии.

А. К. Толстой, отвечая (по-франц.) Маркевичу на его замечания о драме «Дон Жуан», ссылается на мнение Т., которому читал поэму в Париже (см. ***Около 19*** (***31***) ***мая 1860***) и который «прекрасно понял мою мысль, и его замечания касались других сторон драмы» (*Толстой А*. Т. 4. С. 137).

Дата № 47 газ. *РРечь*; в нем — рец. Де-Пуле на рассказ Маркович «Лихой человек» (*РВ*. 1861. № 1), где говорится, что произведения Марко Вовчок «усвоены» русской литературой «благодаря изящному переводу г. Тургенева» (С. 693).

12 (***24***) ***июня***. **Понедельник**. Добролюбов пишет Чернышевскому из Мессины, что по возвращении в Петербург будет неспособен вести прежний образ жизни: «ходить в итальянскую оперу, в которой ничего не смыслю, потешаться над Кавелиным и Тургеневым, которых душевно люблю, посещать вечера Галаховых и Аничковых, где умираю со скуки» (*Добролюбов*. Т. 9. С. 473).

14 (***26***) ***июня***. **Среда**. Отвечает Д. Я. Колбасину на его п. от ***26 мая*** (***7 июня***) с просьбой обратиться к Тютчевой: сообщает, что эта просьба «немедленно мною исполнена и я сегодня же отправил письмо к Анне Федоровне Тютчевой» (через Лонгинова, см. ниже). Уверен, что она «все сделает, что будет от нее зависеть». Делится своими планами: «В нынешнем году я остаюсь в Спасском до осени, а на зиму еду опять в Париж, где постараюсь выдать дочь замуж, что

мне в прошлом году не удалось». Сообщает о близящемся окончании работы над «большой повестью» для *РВ* («Отцы и дети»), а также о том, что «присутствует при медлительном устроении нового быта» после реформы 1861: «Этого факта (что мужики не захотят идти с барщины на оброк) никто не предвидел, а между тем он повсеместный». Готовится к охоте вместе с Фетом и Алифановым; досадует, что не повидал Е. Я. Колбасина, который специально для встречи с Т. приезжал в Петербург из Новгорода и прождал писателя до ***29 апреля*** (***11 мая***), рад, что тот служит судебным следователем в Новгороде, «где может быть полезным и действовать». Был бы рад воспользоваться приглашением в Ливадию, «но когда это будет возможно — вопрос». Спрашивает о Миницком.

Дата неизв. записки Т. к А. Ф. Тютчевой. Упоминается в п. Т. к Д. Я. Колбасину и к Лонгинову того же дня.

Благодарит Лонгинова за его п. от ***20 мая*** (***1 июня***) и за присланную вырезку ст. Делаво (см. ***28 апреля*** (***10 мая***)) о франц. переводе романа «Накануне», опубликованном в «Le Correspondant»: «Видно, этому несчастному “Накануне” суждено было пройти черезо все возможные мытарства: но из этого горнила он все-таки не выйдет золотом, по причине медной натуры, которой я его наделил. Не знаю, каков-то выйдет новый роман, который я теперь оканчиваю» («Отцы и дети»). Просит Лонгинова переслать приложенную записку к А. Ф. Тютчевой (см. выше). Сообщает, что, «уезжая из Москвы», взял т. 1, 3 и 4 *Соч* (*1860—1861*) в двух экземплярах и не взял т. 2, просит выслать два экземпляра т. 2 («плещеевского»), которого еще не имеет, хотя дважды просил Маслова об этом (см. ***7*** (***19***) ***июня***). Задает иронический вопрос о выражении: «и мнению в чести» из ст-ния Вяземского «Заметка» («Неволи худшей нет — свободы по заказу, / Когда во славу ей и мнению в чести»), опубликованного Лонгиновым в «Современной летописи» (1861. № 23. Июнь). Просит сообщить адрес, чтобы не писать «через Каткова». Ответ Лонгинова см. ***7*** (***19***) ***июля***.

15 (***27***) ***июня***. **Четверг**. Отвечает гр. Ламберт на ее неизв. п. (ответ на п. Т. от ***21 мая*** (***2 июня***)). Спрашивает: «неужели Вы воображаете, что я не вижу насквозь русского мужичка? Народ без образования (я употребляю это слово в смысле *гражданском* — не в ученом или литературном смысле) всегда будет плох, несмотря на всю свою хитрость и тонкость. Надо, с одной стороны, вооружиться терпением — а с другой — стараться *учить* их... а наше дальновидное правительство налагает 50 руб. сер. пошлины на студентов и на посетите-

лей университетов!!». В ответ на приведенный Ламберт отрывок из п. ее польского приятеля, мало убедивший Т., высказывает уверенность, что в польском вопросе «обе стороны до *известной степени* правы»: «Поляки имеют право, как всякий народ, на отдельное существование; это их *что* – а *как* они этого добиваются – это уже второстепенный вопрос. Этим я не хочу сказать, чтобы мы были совершенно неправы во всем этом деле; со времен древней трагедии мы уже знаем, что настоящие столкновения – те, в которых обе стороны до *известной степени* правы. Я также готов согласиться, что наша роль в Варшаве очень трудна – и что люди, которые отправляются туда, оказывают самоотвержение». Возвращает Ламберт часть п., касающуюся ее деверя К. К. Ламберта, назначенного в августе 1861 исправляющим должность наместника Царства Польского; считает, что он, несмотря на все свои достоинства, человек «не полный» и не оставит «след по себе». Сожалеет, что графиня не заедет в Спасское. Собирается навестить ее, проезжая «в самом начале сентября» через Петербург: «...вероятно, прочту Вам или дам прочесть мое новое произведение, которое приближается к концу («Отцы и дети». – *Ред.*). Теперь я сам никакого суждения о нем не могу иметь: я знаю, что я хочу сказать – но я решительно не знаю, сколько мне удалось высказать... Автор никогда не знает – в то время, как он показывает свои китайские тени – горит ли, погасла ли свечка в его фонаре. Сам-то он видит свои фигуры – а другим, может быть, представляется одна черная стена». Сообщает, что «старик» декабрист Цебриков заезжал «и гостил у меня сутки». Просит прислать по почте флакон зубного эликсира и одеколона.

А. П. Милюков сообщает в п. к Данилевскому из Петербурга: «В литературе нового ничего: читающая чернь ждет с подобострастием появления нового романа Тургенева, привезенного им из Парижа в "Русский вестник"» (цит. по: *ЛН*. Т. 86. С. 378).

***18* (*30*) *июня*. Воскресенье**. В записке к Борисову благодарит за коня, которым будет пользоваться и которого возвратит «в целости». Обещает написать жене Борисова и Фетам из Орла, куда собирается через 3 или 4 дня, ждет их к себе к 25 июня ст. ст. (см. ***22 июня* (*4 июля*)**).

21 июня* (*3 июля*). Среда**. В Москве на сцене Театра Петровского парка состоялось представление по пьесе Т. «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» (объявление см.: *МВед*. 1861. 20 июня. № 134. С. 1082; 21 июня. № 135. С. 1090). См. также ***9* (*21*) *мая и ***21 мая* (*2 июня*)**.

П. В. Анненков.
Литография П. Ф. Бореля по фотографии А. И. Деньера.
Петербург, март 1859 г.

Циркулярное письмо И. С. Тургенева к К. Д. Кавелину
от 29 августа (10 сентября) 1860 г. при посылке «Проекта программы
“Общества для распространения грамотности и первоначального образования”».
Первая страница

К. Д. Кавелин. Фотография. Париж, 1862 г.

К. Д. Кавелин с дочерью Софией.
Фотография. Петербург, начало 1870-х гг.

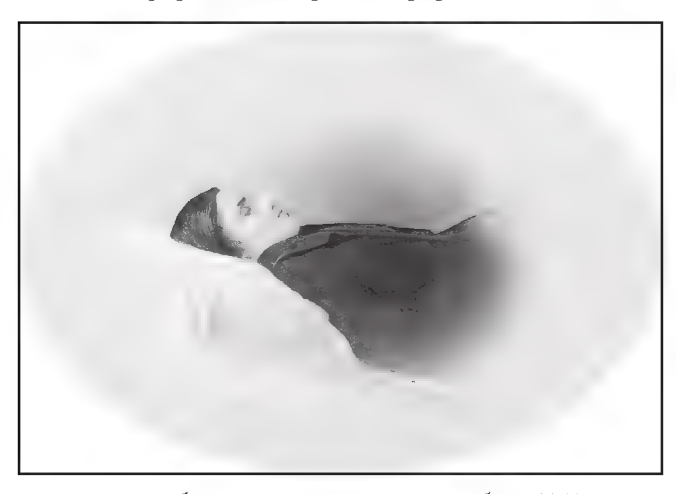

Братья Л. Н. и Н. Н. Толстые.
Дагерротип К. П. Мазера.
Москва, 1851 г.

И. И. Маслов.
Фотография М. Б. Тулинова.
Москва, 1860-е гг.

Граф К. К. Ламберт. Фотография 1861 г.

Яков Ламберт на смертном одре. Петербург, 1862 г.

Графиня Е. Е. Ламберт.
Фотография 1880-х гг.

Н. И. Тургенев.
Фотография. Париж, 1860-е гг.

СОЧИНЕНІЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ИСПРАВЛЕННЫЯ И ДОПОЛНЕННЫЯ.

ТОМЪ I.

Изданіе Н. А. Основскаго.

МОСКВА
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. РЫШКОВА
1860.

1-й том «Сочинений И. С. Тургенева» в 4 томах в издании Н. А. Основского (М., 1860). Титульная страница с владельческим автографом А. Ф. Онегина

1-й том «Сочинений И. С. Тургенева» в 4 томах в издании Н. А. Основского (М., 1860). Дарственная надпись Н. И. Тургеневу на шмуцтитуле. Париж, 1862 г.

В. П. Боткин. Фотография Захарьина.
Петербург, 1860-е гг.

Отцы и Дѣти.

Повѣсть Ивана Тургенева.

Задумана въ 1860^м году, лѣтомъ, въ Англіи — оставлена не безъ сильнѣйшаго сопротивленія, начата съ осени въ Парижѣ, и окончательно исправлена и переписана наконецъ, 30го Іюля — 1861го года — въ Воскресенье, въ Спасскомъ. —

Спасское

—

1861.

(напечатана въ февральской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1862^г.)

«Отцы и дети». Черновой автограф. Титульная страница

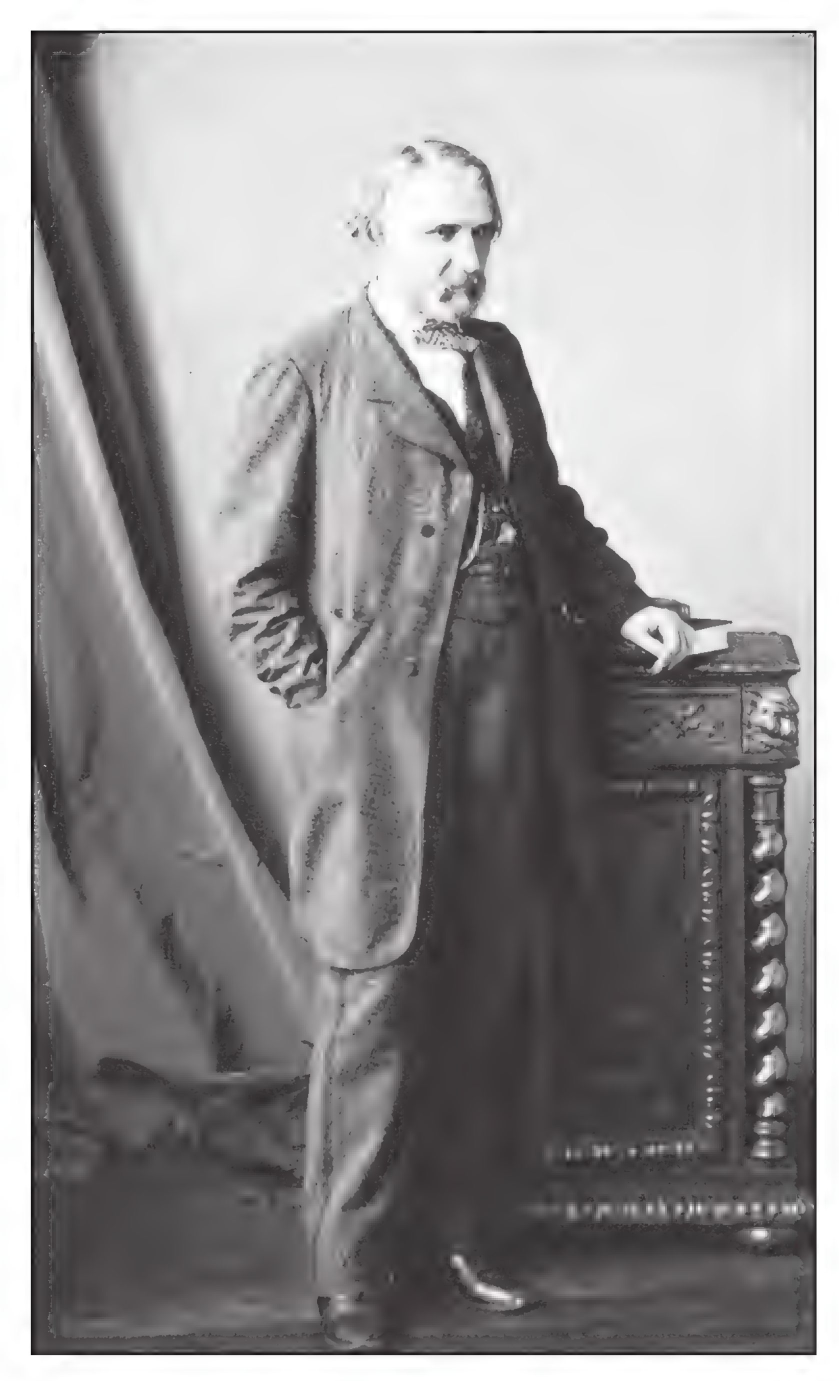
И. С. Тургенев в парижском «Café de la Régence». Гравюра на дереве. 1873 г.

И. С. Тургенев. Серия фотографий С. Л. Левицкого.
Париж, апрель — май 1861 г.

И. С. Тургенев. Серия фотографий С. Л. Левицкого.
Париж, апрель — май 1861 г.

И. С. Тургенев. Серия фотографий С. Л. Левицкого.
Париж, апрель — май 1861 г.

22 июня (4 июля)*. Четверг**. Начинает п. к гр. Ламберт, отвечая на ее неизв. п., обещает рассказать «подробно» о ссоре с Толстым: «Она имеет некоторый психологический интерес; на бумаге ее рассказать — ничего не выйдет, — повторяю, виноват был я — фактически — хотя в основании лежали причины, меня оправдывающие. Но все это — уже старая история,— и имеет интерес почти антикварный» (см. ***27 мая (8 июня), ***28 мая (9 июня)***, ***5 (17) июня***, а также п. к Ламберт от ***7 (19) июня***). Надеется повидаться с Ламберт «в половине августа». Заканчивает п. спустя две недели (см. ***8 (20) июля***).

Сообщает Борисову, что «сегодня» выезжает из Спасского на два дня в Орел, а 27 июня собирается выехать с Фетом на охоту; приглашает Борисова с женой «пожаловать» в Спасское 26 июня («Вам с Вашей женой надобно непременно приехать к нам погостить перед нашей Одиссеей»), когда там будут и Фет с женой.

Приезжает в Орел.

В п. к Фету из Орла сообщает, что «завтра» возвращается в Спасское, где будет ждать его «с нетерпением». Советует взять с собой повара и фрак («я еще не видел Апраксина, но, на всякий случай, возьмите фрак; впрочем мы, может быть, обойдемся без него, т. е. без Апраксина»). Кланяется М. П. Фет («все ее у нас ждут»).

22—23 июня (4—5 июля)*. Четверг — пятница**. Посылает телеграмму (неизв.) дочери и М. Иннис в Баден-Баден, чтобы «успокоить» их (см. письмо Т. к П. Тургеневой от ***8 (20) июля).

***23 июня (5 июля)*. Пятница**. Предположительная дата возвращения из Орла в Спасское.

24 июня (6 июля)*. Суббота**. Дата ценз. разрешения № 6 журнала *Совр*; в нем — ст. Чернышевского «Полемические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из “Русского вестника”», в которой говорится о причинах расхождения Т. и журнала: «Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись. Так ли? Ссылаемся на самого Тургенева» (см.: *Чернышевский*. Т. 7. С. 713). См. также п. Лонгинова от ***7 (19) июля.

***25 июня (7 июля)*. Воскресенье**. В связи с предстоящей охотой сообщает Борисову: «Мы Вас ждем завтра *в понедельник* к 2 часам».

Утром собирается вместе с Фетом съездить с новыми собаками «для приучения их к себе» и вернуться к 12 ч.

Дата дневниковой записи Толстого: «Замечательная ссора с Тургеневым; окончательная — *он подлец* совершенный, но я думаю, что со временем не выдержу и прощу его» (*Толстой*. Т. 48. С. 38).

26 июня (***8 июля***). **Понедельник**. Очевидно, в этот день отправляется с Фетом и Алифановым в продолжительную охотничью поездку («около десяти дней», см. ***8*** (***20***) ***июля***) в Карачевский уезд, которая оказалась крайне неудачной. Во время этой охоты потерял «последнюю любимую собаку» (см. п. к Ламберт от ***19*** (***31***) ***июля***).

27 июня (***9 июля***). **Вторник**. Боткин пишет Фетам о Т. и ссоре его с Толстым: «...сцена, бывшая у него с Толстым, произвела на меня тяжелое впечатление. <...> я думаю, что в сущности у Толстого страстно любящая душа; и он хотел бы любить Тургенева со всею горячностью, но к несчастию, его порывчатое чувство встречает одно кроткое, добродушное равнодушие. С этим он никак не может помириться. А потом, к несчастию, ум его находится в каком-то хаосе представлений <...> в нем еще не выработалось определенного воззрения на жизнь и дела мира сего. От этого так меняются его убеждения, так падок он на крайности. В душе его кипит ненасыщаемая жажда <...> что вчера насытило его, нынче разбивается его анализом. Но этот анализ не имеет никаких прочных и твердых реагентов и от этого в результате своем улетучивается <...> А не имея под ногами какой-нибудь твердой почвы, невозможно писать». Упоминает о том, как Т. и Толстой навестили его в Париже в начале его болезни «и конечно сказали вам, на что я был тогда похож» (*Боткин/Фет*. С. 298—299; см. также: *Фет. МВ*. Ч. 1. С. 378—379).

29 июня (***11 июля***). **Четверг**. Дата ответного п. Анненкова на п. Т. от ***7*** (***19***) ***июня***: благодарит за обещание прислать на прочтение первую часть романа «Отцы и дети» («перспектива романа меня интересует до крайности»). Имея в виду возможную дуэль Т. с Толстым, крайне неодобрительно высказывается о дуэлях вообще: «...аристократическая вещь — дуэль. И так аристократическая, что кроме графчиков дерутся только шулера, да офицеры после волосяной потасовки. С моей плебейской точки зрения <...> дуэль может иметь место, когда вызовут человека или когда он дерется за другого, сестру, жену, мать, а не за себя» (см.: *Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 108). Т. отвечает ***6*** (***18***) ***августа***.

30 июня (***12 июля***). **Пятница**. Выходит № 1 прокламации «Великоросс» (идейный вдохновитель Чернышевский).

№ 2 и последний № 3 вышли в сентябре: 7 сентября ст. ст. (по другим источникам, 18 сентября ст. ст.; см.: *Никитенко. Дневник.* Т. 2. С. 208—209) и 20 октября ст. ст.; еще один номер вышел в 1863 г. По свидетельству Унковского, не указавшего даты, Т. присутствовал у Каткова при обсуждении одного из номеров. Унковский вспоминал: «Вижу, читает подпольную газету “Великорусс”. Что вы скажете про газету эту, Михаил Никифорович? “Да что, кроме глупости в ней ничего путного нет, — отвечает он; впрочем, вот третий номер довольно содержательный. В нем говорится о необходимости у нас конституции”. Мы начали читать этот номер. В это время поднялась высокая фигура Тургенева. Фигуральное выражение *поднялась* вполне передает то впечатление, какое произвел он на нас своим приятным вторжением к нам в эту минуту <...>. Разговор у нас перешел на другую почву — чисто литературную» (Записки Алексея Михайловича Унковского // *РМысль.* 1906. № 7. С. 94).

3 (***15***) ***июля***. **Понедельник**. Вероятно, в этот день возвращается в Спасское после неудачной охоты с Фетом (см.: ***26 июня*** (***8 июля***) и ***5*** (***17***) ***июля***).

Писемский из деревни Печуры Костромской губ. сообщает Т. о болезни жены; замечает: «и ко всему этому еще отовсюду окружающий нас крестьянский вопрос, по милости которого из русского человека так и лезут разного рода таящиеся в нем мерзости, как-то: тупость, мелкое своекорыстие, подлое вольничание, с одной стороны, когда узду несколько поотпустили, а с другой — злящаяся, но уже беззубая власть» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 169).

В «Revue des deux mondes» без указания имени переводчика под заглавием «Trop menu le fil casse» выходит франц. перевод комедии Т. «Где тонко, там и рвется» (Vol. 34. P. 257—288; подпись: I. Tourguenef), выполненный неким В. Деложем (предположительно Делаво).

В п. к редактору журнала де Марсу Т. вынужден был протестовать против опущения имени переводчика, а также неправильного написания своей фамилии (см. ***Ранее 17*** (***29***) ***ноября***).

5 (***17***) ***июля***. **Среда**. Поздравляет А. Я. Тургеневу с именинами, но приехать не может из-за боли в ноге, натертой на охоте; сообщает, что «третьего дня» вернулся с охоты (см. ***3*** (***15***) ***июля***).

7 (***19***) ***июля***. **Пятница**. Дата белового автографа первоначальной редакции ст-ния Некрасова «Т<ургене>ву» (вместо заглавия: ***). См.: *Некрасов.* Т. 3. С. 481; *Некрасов. Летопись.* Т. 2. С. 264.

Дата ответного п. Лонгинова на п. Т. от ***14*** (***26***) ***июня***: сообщает, что исполнил просьбы писателя — Маслов «на днях» вышлет 2 экземпляра т. 2 *Соч* (*1860—1861*). Спрашивает, когда выйдет роман «Отцы и дети»; возмущен ст. Чернышевского «Полемические красоты» (*Совр.* 1861. № 6, см. ***24 июня*** (***6 июля***)): «Поздравляю тебя: он сам заявил, что убеждения твои не согласны с его воззрениями», пусть толпа «уверится, что ты не имеешь ничего общего с подобными господами» (*Тургенев/Лонгинов.* С. 199—202).

Дата п. Страдецкого из деревни Воронки Черниговской губ. к Макарову: «...занимался чтением рассказов Тургенева» (речь идет об издании *Соч* (*1860—1861*)); несмотря «на умение Тургенева рассказывать, его рассказы о жизни обитателей Воронков (Н. А. и Е. С. Кочубеев. — *Ред.*) гораздо слабее действительности» (цит. по: *Голованова.* С. 370).

8 (***20***) ***июля***. **Суббота**. Сообщает дочери (п. на франц. яз.), что «только что возвратился с охоты, которая продолжалась около десяти дней» (см. ***26 июня*** (***8 июля***)). Уверен, что они с М. Иннис «должны были получить уже давно телеграмму», отправленную им из Орла через Париж, чтобы «успокоить» их. «Усердно» работает (над романом «Отцы и дети»), чтобы как можно скорее освободиться и вернуться в Париж, где им необходимо снять квартиру на зиму с 1 октября н. ст., а до этого придется пожить у «м-ль Барлас». Собирается покинуть Спасское около 8 (20) августа и к 1 сентября н. ст. быть в Париже (выехал в Москву ***29 августа*** (***10 сентября***)). Упрекает дочь, не написавшую во время путешествия ни слова П. Виардо, в неблагодарности. Напоминает о музыкальных занятиях.

Заканчивает п. к Ламберт, начатое ***22 июня*** (***4 июля***): «...в течение этого времени я ездил на охоту весьма неудачно (за 150 верст) — зашиб себе ногу, потерял собаку, дичи не нашел, чуть не умер в Карачеве от какого-то желудочного припадка <...>». Сообщает о получении трех п. Ламберт (неизв.) и посылки, за которую «кланяется земно». Намерен пробыть безвыездно две недели в Спасском и окончить свой роман («Отцы и дети»). Жалуется на яровые, пропавшие от «несносной» жары. Собирается покинуть Спасское через месяц.

Под Карачевом и Епифанью Т. часто охотился и раньше, эти охотничьи поездки наши отражение в «Записках охотника». В Карачеве он останавливался в доме своего друга кн. В. П. Шестакова, чьим именем

была названа улица, на которой он жил. В 1903 г. Шестаковская улица была переименована в ул. Тургенева. В с. Юшково Карачевского уезда находилось имение отца писателя С. Н. Тургенева. В Карачевском уезде жил Каратеев, с именем которого связан замысел романа «Накануне».

Дата п. Маркович к Т. из Парижа (ответ на его п. от ***22 мая*** (***3 июня***)). Откликаясь на слова Т., пишет: «Отчего же вам и не верить, что я вам предана, когда это правда. Я вам предана всегда и верно. Вы для меня лучше многих, многих, многих людей <...>». Сообщает, что сменила место жительства в Париже, думает прожить там два месяца, затем съездить на три недели в Англию. Признается, что дела ее «поправились», потому что «за них взялся» Чернышевский: «Я его никогда не видала, но по всему должен быть совсем хороший человек» (речь идет о переговорах с издателями). Сообщает, что Кожанчиков покупает издание ее книги «Новые повести и рассказы» (СПб., 1861), надеется расплатиться с долгами. Пишет, что Ешевский уже в России, Добролюбов тоже там, и она ждет от них писем, получила п. от Бородина, видится ежедневно с Пассеком. В Женеве встретила художницу Киттары: «Она теперь рисует скорее картины Рубенса и хочет что-то изменить в живописи. Когда она рисует перспективу, так она не может говорить, немеет. <...> Вам о Китарре надо знать — знайте же».

Киттары послужила прототипом Кукшиной в романе «Отцы и дети» (см.: *Соч.* Т. 12. С. 726—727).

Спрашивает, когда Т. поедет за границу: «Когда я буду это знать наверное, тогда я наверное скажу вам, куда я поеду через два месяца, потому что я поеду туда, где вас найду» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 293—294).

9 (***21***) ***июля***. **Воскресенье**. В Москве на сцене Театра Петровского парка состоялось представление пьесы Т. «Провинциалка» (объявление см.: *МВед*. 1861. 9 июля. № 150. С. 1210).

10 (***22***) ***июля***. **Понедельник**. Отвечает Анненкову на п. от ***4*** (***16***) ***июня***: извиняется за задержку с ответом, вызванную «охотничьей экспедицией» с Фетом, которая, «кроме ряда самых неприятно-комических несчастий и неудач, не представила ничего замечательного» (см. также п. к гр. Ламберт от ***8*** (***20***) ***июля***). Сообщает о скором окончании «Отцов и детей»: «Работа моя быстро подвигается к концу. Как бы я был рад показать ее Вам и послушать Вашего суждения!.. <...> Я хотел было послать вам первую часть, но теперь, когда уже обе части почти готовы, мне не хочется подвергать мою

работу впечатлениям и суждениям в разбивку». Откликается на жалобы Анненкова по поводу крестьянских дел: «...ни слова о крестьянском деле (хотя я очень Вам благодарен за доставленные подробности). Это дело растет, ширится, движется во весь простор российской жизни, принимая формы бо́льшей частью безобразные. И хотеть теперь сделать ему какой-нибудь путный résumé (заключение — *франц.*) — было бы безумием, даже предвидеть задолго ничего нельзя. <...> Пока можно только сказать, что здесь все тихо, волости учреждены и сельские старосты введены, а мужички поняли одно, — что их бить нельзя и что барская власть вообще ослаблена, вследствие чего должно "не забывать себя"; мелкопоместные дворяне вопят, а исправники стегают ежедневно, но понемногу». О несостоявшейся дуэли с Толстым (см. ***27 мая*** (***8 июня***), ***28 мая*** (***9 июня***), ***5*** (***17***) ***июня***, а также ***7*** (***19***) ***июня***) пишет: «Нелепое дело мое с Толстым окончательно замерло, т. е. мы окончательно разошлись, но драться уже не будем. То-то была чепуха!». Сообщает о дочери Полине: «Как бы я желал выдать ее замуж осенью или в первые зимние месяцы, чтобы хотя к Новому году прибыть в Петербург!». Ответ Анненкова см. ***28 июля*** (***9 августа***).

Дата дневниковой записи Боденштедта, получившего, очевидно, четыре тома *Соч* (*1860—1861*): «В последние дни я, главным образом, читал Тургенева; его произведения, которые у меня теперь имеются полностью, чрезвычайно меня захватывают» (цит. по: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 334). См. также п. к Маслову от ***7*** (***19***) ***июня***.

14 (***26***) ***июля***. **Пятница**. Отвечает на неизв. п. Полонского, сообщает ближайшие планы, жалуется на неудачную охоту, где был вместе с Фетом, о котором пишет: «...надо слышать, как он рассказывает нашу плачевную Одиссею! — Теперь он возвратился восвояси, т. е. в тот маленький клочок земли, которую он купил посреди *голой* степи, где вместо природы существует одно пространство (чудный выбор для певца природы!), но где хлеб родится хорошо и где у него довольно уютный дом, над которым он возится как исступленный. Он вообще стал рьяным хозяином, Музу прогнал взашею — а в прочем такой же любезный и забавный, как всегда». Собирается побывать у Фета в Степановке по случаю именин его жены. О ходе реформы пишет: «Крестьянские дела — ничего себе, вперед пока — подвигаются плохо, но и назад нейдут. Надо вооружиться терпением и выжидать. Все-таки это дело громадное — и то, что уже сделано и осталось — составляет полный переворот в русской жизни, который оценят только наши потомки».

Сообщает о ближайшем окончании романа «Отцы и дети», который появится в *РВ* «не раньше зимы». «С нетерпеньем» ожидает № 6 журнала «Время» с первыми главами романа в стихах Полонского «Свежее предание». Досадует, как и Полонский, на помещенное в № 5 объявление об этой поэме как одном из «замечательнейших произведений нашей текущей поэтической литературы», однако, имея в виду журнал *Совр*, пишет: «...но хорошей вещи даже подобные зазыванья повредить не могут. Хорошие стихи в теперешнее сухое время — как благотворная влага: надоели свистуны, критиканы, обличители, зубоскалы — черт бы их всех побрал! Надо послушать Фета об них!».

***16* (*28*) *июля*. Воскресенье**. Отвечает дочери (на франц. яз.) на ее п. (неизв.), в котором она высказывала обиду и «всяческие малообоснованные подозрения» по поводу мнимого молчания отца; удручен, что характер ее «не меняется: всё то же сочетание лености и строптивости, недоверия и упрямства». Уверен, что при определенном усилии с ее стороны «зима, которую мы проведем вместе в Париже», будет «лучше предыдущей».

Надеется увидеться в Париже 10 сентября н. ст.

***19* (*31*) *июля*. Среда**. Отвечает гр. Ламберт на ее неизв. п., полное «мрачного отчаяния». Характеризует Цебрикова, рекомендованного им в управляющие, как «честного и неглупого человека», который «возьмется за дело как следует», одобряет ее п. к нему, которое должно поторопить его приезд. «В сущности, так как жизнь — болезнь, — всё, что мы называем философией, наукой, моралью, художеством, поэзией etc. etc. — не что иное как успокаивающие лекарства <...>». О работе над романом «Отцы и дети» пишет, что он «приближается к концу — главные все узлы уже распутаны — и я надеюсь, недели через две, вкусить единственную отраду литературной жизни — т. е. написать последнюю строчку». Признается: роман «мне стоил больше труда, чем всё, что я написал доселе. <...> Это только доказательство, что я взялся за трудную задачу»; обещает в Петербурге дать Ламберт рукопись и будет ждать ее суда, «который до сих пор редко ошибался». По поводу проводимых реформ пишет: «Дело крестьянское у нас подвигается тихо и вяло — но и то слава богу: толчки хуже всего».

Отвечает на неизв. п. Случевского: рад, что он вновь принялся за работу, не одобряет мысли «писать по-немецки». На просьбу вернуть рукопись «Клавдия» сообщает, что он ее не успел прочитать

и оставил в Петербурге, но скоро возвращается за границу и готов, взяв на обратном пути рукопись, тотчас выслать ее из Парижа. Сообщает, что заканчивает «довольно большой роман» («Отцы и дети»). О современной ситуации в «нашей литературе» пишет: в ней «продолжается гаерство, глумление, свистание с завываньем и уже проявилась особенно зловонная руготня. Это все надо переждать. <...> Замечательных новых явлений нет». Очевидно, в ответ на просьбу о рекомендации для сотрудничества в русских периодических изданиях сообщает, что *РВ* только что «не принял моей рекомендации одного корреспондента» (возможно, франц. журналиста Морнана, см. ***Конец 1860 или начало 1861***), обещает поговорить с редакцией *МВед*. На просьбу прислать фотографию, отвечает отказом («карточки моей у меня нет»).

22 июля (3 августа)*. Суббота**. Предположительно в этот день (именины М. П. Фет) навещает Фета в Степановке (см. ***14 (26) июля).

24 июля (5 августа)*. Понедельник**. Дата п. Бенни к Т. из Петербурга: упоминает о своей встрече с писателем в Париже «три месяца тому назад» (в ***Начале апреля ст. ст.); вместе с Ничипоренко собирается навестить Т. в Спасском: «В Мценске мы будем около 10 августа» (визит состоялся, см. ***Начало августа ст. ст.***) (*Лемке. Очерки*. С. 110). См. также: *Рейсер С.* Новые материалы о Бенни // Каторга и ссылка. 1931. № 2 (75). С. 140.

Не исключено, что приезд Бенни и Ничипоренко в Орловскую губ. был связан с деятельностью радикального кружка Заичневского, распространявшего запрещенную литературу, в том числе Герцена и Огарева, и арестованного в июле 1861.

Дата ценз. разрешения № 6 журнала *РВ*; в нем — ст. «По поводу “полемических красот” в “Современнике”» (б/п.), продолжающая полемику, прежде всего с Чернышевским (начало полемики см. ***10 (22) января***): Чернышевский «берет под свое покровительство г. Тургенева против “Русского вестника”», полагая, что «мы ущипнули г. Тургенева и роняем его репутацию»; поэтому на «нас лежит долг поправить дело, и мы спешим заявить, что г. Тургенев не напечатал своей последней повести в “Современнике” совсем не из расчета», он напечатал ее, несмотря на другие «несравненно значительнее» предложения. Оспорил автор ст. и утверждение Чернышевского, будто повесть Т. не была опубликована в *Совр* по причине расхождения с писателем в убеждениях, а также в связи с изменением взгляда на положение его в современной русской литературе:

«А что же такое произошло в нашей литературе, что могло бы изменить положение в ней г. Тургенева? В прежнее время г. Чернышевский, согласно с общим мнением, ставил г. Тургенева на первое место, и никто ему в этом не противоречил. С большим пафосом он говорил об его литературных достоинствах, и из рук Гоголя передавал ему золотую аполлоновскую цепь преемства» (С. 154—155). См. также ***24 января*** (***5 февраля***).

25 июля (***6 августа***). **Вторник**. Договаривается с Фетом о дне отъезда на охоту («в понедельник чуть свет»), просит приехать в субботу или в воскресенье вместо четверга, поскольку в воскресенье будет шафером на свадьбе (чьей — не установлено).

Е. Я. Колбасин в п. к Т. «крепко сожалеет», что ему не удалось повидаться с Т. в Петербурге (см. ***29 апреля*** (***11 мая***)). Сообщает, что «чрезвычайно недурно» живет в Новгороде, в каждой книжке журнала «поджидает» «строчки» Т.; спрашивает, написан ли роман и в какой журнал будет отдан. Анненков познакомил его со своей женой: «Она милая женщина и мне понравилась», в отличие от «Вашей хваленой малороссиянки» Карташевской («такая отвратительная *эмансипѐ,* что из рук вон. Да и лицом плоха — толста и только»). Очень хочет свидеться, просит сообщить, когда Т. собирается покинуть Спасское, вспоминает о «некогда знаменитом широком плаще» (*ИРЛИ.* № 5800. Л. 55—56 об.). Ответ Т. см. ***8*** (***20***) ***августа***.

28 июля (***9 августа***). **Пятница**. Посылает с Алифановым записку к управляющему имением Ильинское (в Мценском уезде) Новицкому с просьбой разрешить поохотиться в болотах около деревни Телегино (Новодмитриевское), недалеко от Спасского. Собирается лично явиться к Новицкому.

Анненков отвечает Т. на п. от ***10*** (***22***) ***июля***: «Ни слова о крестьянском вопросе, говорите Вы, занимая им две страницы письма». Жалуется на крестьян в своем имении и трудности перехода на новые отношения; передает поклон от жены, с которой «счастлив». Не слишком одобряет отъезд Т. в Париж: «Зачем же вы себя калечите — вы, красавец наш навсегда, что бы Вы с собой ни делали. Так и опять в Париж? Счастливый путь, а мы будем помышлять — как бы при очищающейся национальности сберечь кусок хлеба». Пишет, что пересылка ему рукописи первой части «Отцов и детей» была бы для него «подарком». Пробудет в деревне до 1 сентября ст. ст. (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 108—109). Ответное п. Т. см. ***6*** (***18***) ***августа***.

30 июля (***11 августа***). **Воскресенье**. Завершает работу над романом «Отцы и дети». Запись на титульном листе черновой рукописи: «ОТЦЫ И ДЕТИ, / Повесть Ивана Тургенева. / Задумана в 1860-м году, летом, в Англии — очень долго не мог справиться с сюжетом, начал ее осенью в Париже, писал медленно и кончил наконец, 30-го июля — 1861-го года — в воскресение, в Спасском. — / Спасское / 1861». Под записью позднее приписано: «(напечатана в февральской книжке “Русского Вестника” 1862-го г.)» (*ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 431. Л. 1).

Позднее, в ст. «По поводу “Отцов и детей”» (1869), Т. восстановил историю возникновения замысла и этапы создания романа: «...в течение зимы (1860/1861 гг. — *Ред.*) я написал первые главы, но окончил повесть уже в России, в деревне, в июле месяце», а в примечании добавил: «Позволю себе привести следующую выписку из моего дневника: “30 июля, воскресенье. Часа полтора тому назад я кончил, наконец, свой роман... Не знаю, каков будет успех. «Современник», вероятно, обольет меня презрением за Базарова и не поверит, что во всё время писания я чувствовал к нему невольное влечение...”» (*Соч.* Т. 11. С. 87).

«...Роман писался почти около года, — вспоминал позднее Анненков, — часто прерываясь, и шел то ускоренными, то медленными шагами. Ему предстояли еще целые полгода поправок, изменений, переговоров, пока он явился в печати и произвел то впечатление, о котором еще будем говорить. Недаром, замечал сам автор, что он работал над ним усердно, *долго*, добросовестно. Значительная доля труда и таланта, положенная на его создание, только и могли упрочить ему тот громадный успех и ту враждебность, какими он пользовался в свое время» (*Анненков* (*1983*). С. 465).

Указанную в п. Т. к Анненкову от ***6*** (***18***) ***августа*** (*ВЕ.* 1885. № 4. С. 494—496), известном только по публикации, дату 20 июля ст. ст. как дату окончания романа «Отцы и дети» следует признать ошибочной (очевидно, публикаторы прочли неверно цифру, см. ***30 июля*** (***11 августа***)), а предположение, высказанное в *ПССиП* (*П.* Т. 4. С. *650*, примеч. 2), что речь идет об окончании романа «вчерне», — не соответствующим действительности. Вновь обретенный черновой автограф «Отцов и детей», хранящийся ныне в ИРЛИ, неопровержимо свидетельствует, что роман был закончен 30 июля ст. ст., в воскресенье, как на то указывал Т. в ст. «По поводу “Отцов и детей”», приводя запись из своего дневника, ныне утраченного (см.: *Соч.* Т. 11. С. 87).

Середина июля — начало августа ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к Маркович (ответ на ее п. от ***8*** (***20***) ***июля***). Упоминается в п. Маркович к Т. от ***16*** (***28***) ***августа***.

Начало августа ст. ст. К Т. в Спасское приезжают Бенни и Ничипоренко (см. ***24 июля*** (***5 августа***)).

Предположительно в это время Т. составляет адрес Александру II, получивший, со слов Лаврова, название тургеневского «проекта конституции» (*Лавров П.* И. С. Тургенев и развитие русского общества // Вестник народной воли. 1884. № 2. С. 95).

В сохранившемся сильно правленном черновике (*BN*. Slave 88. F. 16 v.) позднее (над текстом) была сделана приписка рукой Т.: «Проект адресса Государю, писанный в 1860-м году. Он был вручен Бенни — но впоследствии истреблен». Согласно этой записи, включенный в *ПССиП*(*1*) и *ПССиП*(*2*) адрес был предположительно датирован концом 1860 (*П.* Т. 4. С. *676*. Коммент. Е. И. Кийко).

Обращаясь к Александру II, Т. заявляет, что «в нынешние смутные времена самое правдивое слово потеряло свою силу, самые чистые намерения возбуждают сомнение». Высказывая «голос общественного мнения», Т. пишет: «Мы принадлежим к числу людей, которые верят в Вас; которые не только не мыслят о перемене правительства, но взывают к власти. / Мы не забыли и вся Россия не забудет вместе с нами, что эта власть освободила крестьян!». Считает, что «Родине безотлагательно сейчас нужно как воздух для дыхания» принять следующие меры: «Мы просим. / 1). Полной отмены телесных наказаний. / 2). Гласности судопроизводства. / 3). Ежегодного отчета в государ<ственных> расходах и приходах и участия в их поверке. / 4). Расширения круга деятельности губернских собраний. / Сокращения срока службы для солдат. / 5). Уравнения раскольников с прочими подданными». Предупреждая обвинения в том, «что уступать подобному требованию — значит вывести страну на путь насильственных переворотов», «умоляет» «не верить тем, которые будут говорить так»: «Мы, напротив, смеем думать, что, удовлетворив справедливые желания Вашего народа, Вы навсегда устраните возможность всяких потрясений, соберете вокруг себя все лучшие, все живые силы общества, подсечете под корень всякие нетерпеливые и необдуманные увлечения».

Основания для передатировки адреса Александру II следующие: 1) здесь говорится об отмене крепостного права как о совершившемся факте; 2) называя время написания адреса «смутным», Т. имеет в виду революционную ситуацию в России, сложившуюся к августу 1861, когда во многих губерниях начались крестьянские волнения, оживилось студенческое движение, оружием пришлось подавлять манифестации в Царстве Польском; 3) то, что адрес был вручен Бенни, записано са-

мим Тургеневым, но знакомство с Бенни произошло в Париже лишь в конце декабря 1860 (см. ***24 декабря 1860*** (***5 января 1861***) и ***28 декабря 1860*** (***9 января 1861***)); рекомендовать царю новые меры, не дождавшись Манифеста 19 февраля, было бы бессмысленным; 4) по свидетельству Лаврова, при нем беловой вариант так называемой тургеневской «конституции» был привезен Бенни в Петербург осенью 1861 в числе других бумаг от Тургенева и от Герцена и, в связи с угрозой ареста, сожжен (*Лавров П.* Цит. соч. С. 95). Лесков, знавший близко Бенни, также свидетельствовал, что тот безуспешно пытался собрать подписи под этим документом, хотя и не назвал автором его Т. (*Лесков Н. С.* Собр. соч. СПб., 1889. Т. 8. С. 70); 5) поскольку адрес был, по всей видимости, предназначен для публикации в «Колоколе», он и был вручен Герцену вместе с п. от Бенни (неизв.) в 1861, на которое Герцен отвечал Бенни ***7*** (***19***) ***ноября***.

Будучи привлеченным в 1862 по «делу 32-х», или «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», Т. вынужден был в Париже давать письменные ответы на «допросные пункты». Здесь о визите Ничипоренко он писал: «Я г-на Ничипоренка видел всего два раза: летом 1860-го года у себя в деревне, в Орловской губернии — а потом в 1862-м году весной в Париже. В деревню он ко мне заехал (как он это сам показывает на листе 59-м), временно проживая в гостях по соседству и желая со мной познакомиться. Я нашел в нем человека молчаливого и малоинтересного; посещение его продолжалось весьма недолго — и он уехал, не высказав никаких своих убеждений» (*П.* Т. 5. С. 318, *575*, *576*).

Указанная дата первой встречи Т. с Ничипоренко не соответствует действительности, поскольку в своих показаниях, на которые ссылается Т., Ничипоренко указал начало августа ст. ст. 1861 (*ЦГАОР.* Ф. 112. Оп. 1. № 53. Л. 62 об.). Это совпадает с датой приезда, указанной в сохранившемся п. Бенни к Т. от ***24 июля*** (***5 августа***) (*Рейсер С.* Артур Бенни. М., 1933. С. 34) (см.: *П.* Т. 5. С. *576*, примеч. 2. Коммент. Е. И. Кийко). Имя Бенни в показаниях Т. не называлось, хотя именно он был послан Герценом в Россию. В свою очередь Бенни, будучи привлеченным по «делу 32-х», также не называл имени Т. как автора адреса и отрицал само его существование.

Скорее всего, ошибка Т. в дате первой встречи с Ничипоренко и в датировке адреса Александру II не была случайной: отодвигая встречу с Ничипоренко (и Бенни) на год назад, он отодвигал на год и события, при которых состоялся визит молодых революционеров, — не до, а уже после обнародования Манифеста 19 февраля. Революционная пропаганда не упускала возможности использовать ситуацию, подталкивая недовольных к решительным действиям. Именно это имел в виду Т., когда противопоставлял себя тем, кто желает «перемены правительства». К этому времени отношение писателя к Герцену и особенно к Огареву и Бакунину решительно изменилось. Не будучи сторонником

революционных методов изменения существующего строя, он все более понимал, что деятельность его бывшего товарища идет вразрез с его убеждениями: «Теряя все более и более понимание действительных нужд и потребностей России, которую он, впрочем, никогда хорошо не знал, увлекаясь более и более старыми предубеждениями и новыми страстями, враждуя с правительством даже в таком святом деле, каково было освобождение крестьян, подчинившись наконец тем самым учениям, от которых здравый смысл отводил его некогда, Герцен перестал отрицать и начал проповедовать — преувеличенно, шумно, как обыкновенно проповедуют скептики, решившиеся сделаться фанатиками. <...> Герцен, сделавшийся республиканцем и социалистом, <...> подпавший под влияние Огарева, не имел уже решительно ничего общего ни с одним здравомыслящим русским, не разделяющим народа от царя, честной любви к разумной свободе от убежденья в необходимости монархического начала» (*П.* Т. 5. С. 311). Не случайно Герцен, получив адрес, решительно отказался его печатать: «Адрес умеренный, о котором вы пишете, может, и не дурен (хотя о главном вопросе — о выкупе крестьянских земель — там и не упомянуто) — но вы вряд успеете ли что-нибудь сделать». По поводу неудачи со сбором подписей, о чем писал Бенни, Герцен заметил, что Бенни слишком мало знает русскую жизнь, чтобы браться за такое дело. В связи с тем, что Бенни выдавал себя за посланца Герцена, он пишет: «Вероятно, вы говорили с людьми, очень мало читающими “Колокол”: они вам прямо сказали бы, что мы не можем соглашаться, последовательно, на такой адрес — а можем только *не мешать* ему так, как не мешаем долгоруковской конституции» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 194). Догадался ли Герцен, кто был автором адреса (с которого была, очевидно, сделана копия), неизвестно, однако со стороны Т. это был, несомненно, шаг к размежеванию с «бывшими товарищами юности».

6 (18) августа*. Воскресенье**. Отвечает Анненкову на его п. от ***28 июля (9 августа) и от ***29 июня (11 июля)***; о ссоре с Толстым упоминает как о своей «глупости», которая «давно упала в Лету», оставив «ощущение стыда и конфуза». Сообщает, что 20 июля (1 августа) (Так! см. ***30 июля (11 августа)***) написал «блаженное последнее слово» романа «Отцы и дети»: «Работал я усердно, долго, добросовестно: вышла длинная вещь (листами двумя печатными длиннее “Дворянского гнезда”). Цель я, кажется, поставил себе верно, а попал ли в нее — бог знает». Передавая рукопись Каткову, собирается «*непременно*» потребовать, чтобы он дал ее прочесть Анненкову, а «Вы *непременно* напишите мне подробную критику в Париж», так как «у меня будет черновая тетрадь, то мне можно будет сделать нужные изменения и выслать их заблаговременно в Москву». В слу-

чае если Анненков не скоро окажется в Москве, будет просить Каткова переписать и послать ему рукопись. Ответ Анненкова см. ***26 сентября*** (***8 октября***).

Именно эта «черновая тетрадь» с обильной правкой была приобретена в 1990 в Великобритании и передана на хранение в Рукописный отдел ИРЛИ. См.: *Никитина Н. С.* 1) Свидетельствует рукопись... // Русская речь. 1991. № 2. С. 13—20; 2) Черновая рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // *РЛ.* 1996. № 3. С. 37—54. Варианты чернового автографа «Отцов и детей» см.: *Тургенев И. С.* Отцы и дети / Изд. подгот. С. А. Батюто, Н. С. Никитина, отв. ред. И. А. Битюгова, Б. Ф. Егоров. СПб., 2008. С. 218—442 (Лит. памятники).

В связи с проводимой крестьянской реформой надеется «уломать здешних крестьян на подписание уставной грамоты».

Комментируя эти слова, Анненков, при публикации писем Т., отмечал: «...покамест помещик увещевал бывших своих подчиненных, он (Н. Н. Тургенев, управлявший имениями Т. — *Ред.*) отмежевал во всех имениях своего доверителя крестьянские наделы согласно "уставным грамотам" и тем приготовил их переход на оброк и на выкуп. Последний и состоялся почти вслед за тем. Иван Сергеевич мог гордиться, что он был один из первых, рассчитавшихся окончательно с крестьянами <...>» (*ВЕ.* 1885. № 4. С. 489).

О современной ситуации в литературе пишет: «Совершился какой-то наплыв бездарных и рьяных семинаров — и появилась новая, лающая и рыкающая литература. Что из этого выйдет — неизвестно, — но вот и мы попали в старое поколение, не понимающее новых дел и новых слов». Высказывает недовольство журналом «Век»: «Хуже этого *нашего* журнала еще не бывало», намекая на то, что журнал имел либеральное направление и в нем участвовал Дружинин. Спрашивает о планах Анненкова на зиму, хотел бы вернуться хотя бы к январю, в зависимости от того, удастся ли выдать дочь замуж. Сообщает, что часто видится с Фетом.

В п. к гр. Ламберт извиняется за неловкое выражение сочувствия в п. к ней от ***19*** (***31***) ***июля***, обещает прочитать, по просьбе графини, какое-то произведение М. А. Паткуль и постарается «сказать нечто похожее на правду», хотя и предвидит, что это будет очень трудно (см. ***1*** (***13***) ***сентября***). Сообщает об окончании романа «Отцы и дети» и теперь «занят окончанием переписки» (для журнала *РВ*). Через три недели предполагает быть в Петербурге, где представит рукопись на ее суд.

8* (*20*) *августа*. Вторник**. В ответном п. к Е. Я. Колбасину благодарит за его «дружеское» п. от ***25 июля* (*6 августа*)** как «новое доказательство неизменности наших старинных отношений». Сообщает, что до него «дошли слухи самые приятные» (очевидно, от упомянутой в наст. п. жительницы Новгорода м-ль Приттвиц) о деятельности Колбасина, которая «и благородна, и полезна — и Вы, кажется, ее полюбили». Подозревает, что в хорошем настроении корреспондента «должна быть замешана женщина»; досадует, что не застал его весной в Петербурге (см. ***29 апреля* (*11 мая*)**). Договаривается о встрече в Петербурге 30 августа или 1 сентября (встреча состоялась), готов заехать к Колбасину в Новгород. По поводу «Отцов и детей» пишет: «Роман я свой кончил и отдал его Каткову в Москве. “Современник” сильно его бранить будет — не знаю, будут ли хвалить другие». В ответ на реплику Колбасина о Карташевской пишет: «Где Вы нашли эманципе в Карташевской? Она просто кусок женского мяса, некогда казавшийся мне красивым»; хвалит жену Анненкова, сообщает, что получил п. от брата Колбасина Дмитрия и отвечал ему (см. ***26 мая* (*7 июня*)** и ***14* (*26*) *июня), дает сведения о «бывшей пассии» Колбасина в Гиере (М. Н. Толстой). Ответ Колбасина см. ***16* (*28*) *августа***.

12* (*24*) *августа*. Суббота**. В п. к гр. Ламберт просит ее поместить трижды в *СПбВед* объявление о его отъезде за границу, что было необходимо для получения паспорта (просьба была исполнена, см. ***18* (*30*) *августа, ***19* (*31*) *августа***, ***20 августа* (*1 сентября*)**); надеется приехать в Петербург 30 августа или 1 сентября «и в то же утро» явиться к ней с рукописью «Отцов и детей».

Ап. Григорьев, оценивая «роман в стихах» Полонского «Свежее преданье» (Время. 1861. № 6), называет его в п. к Страхову не романом, а «рассказом, повестью»: «Роман в стихах, чтобы быть романом, должен быть картиною целой эпохи, картиной *типической*», в то время как у Полонского «мелок захват, и оттого все вышло мелко». Критикуя главного героя Камкова (прототипом послужил Клюшников), Григорьев писал: «Герой той эпохи даже не Рудин, по крайней мере не двойственный тургеневский Рудин», а Огарев, а «место о Тургеневе — просто непристойно, кроме того уж, что фигура Тургенева, — если бы она попала в рапсодию о Камкове — убила бы эту несчастную фигуру», каковых «добродушный в жизни и ужасно злой в эпиграммах Тургенев заклеймил стихом (эпиграмма на Кудрявцева): / Педант, вареный на меду» (*Григорьев Ап.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 418—419).

Ранее 14 (26) августа. Дата неизв. «пребольшого» п. Т. к Боткину, врученного Бенни и потерянного им (см. ***14 (26) августа***). Упоминается в п. Т. к Маркович от ***25 августа (6 сентября)***.

14 (26) августа. **Понедельник**. Дата п. Бенни к Т. из Новосилья (уездного города в Орловской губ.). Сообщает, что в Мценске потерял врученное ему п. Т. к Боткину: «Простите ли вы меня когда-нибудь, когда я вам скажу, что потерял ваше письмо к Боткину?!». Пишет, что получил телеграмму из Москвы и, пробыв лишь сутки у Якушкиных в Орле, уезжает вместе с Ничипоренко обратно в Москву, где «вскоре» надеется встретиться с Т.; передает «поклоны» от Ничипоренко (цит. по: *Рейсер С.* Новые материалы о Бенни // Каторга и ссылка. 1931. № 2 (75). С. 141; см. также очерк Лескова «Загадочный человек» (1870), в котором поспешный отъезд Бенни из Орла объясняется бегством от Ничипоренко: *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 3. С. 330—333).

16 (28) августа. **Среда**. Дата п. Маркович к Т. из Парижа (ответ на неизв. п. Т. из Спасского от ***Середины июля — начала августа ст. ст.***): «Вы ни за что, ни про что пеняете, что я хотела вам сказать приятное — я вам сказала только то, что думала» (очевидно, в п. от ***8 (20) июля***); подтверждает, что готова приехать туда, где будет Т.: «Напишите, когда вы приедете, день приезда — я вас встречу на железной дороге» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 294, 296).

Е. Я. Колбасин отвечает на п. Т. от ***8 (20) августа***, которое получил «очень кстати», так как в этот день хотел было ехать в Петербург, теперь же откладывает поездку до конца августа. Просит не заезжать в Новгород: «во-первых, погода скверная, а во-вторых, и поместить мне Вас негде, а здешние гостиницы — плохи». Называет п. Т. «теплым и прекрасным», рад состоянию его здоровья («При сем отплевываюсь, так как Вы известный суевер; стало быть, опасности нет, чтоб Вас могли сглазить!»). О своей знакомой, упомянутой в п. Т., пишет: «Mlle Приттвиц я знаю очень хорошо. Она весьма умная особа. Знаете ли, как ее здесь называют извозчики, по трудности произносить для них всякую вообще иностранную фамилию? Баронесса Бритвинница!». Обещает быть в Петербурге 30 августа ст. ст. (*ИРЛИ*. № 5800. Л. 57—58).

18 (30) августа. **Пятница**. В № 182 *СПбВед* выходит первое объявление об отъезде Т. за границу, данное гр. Ламберт по просьбе Т. (см. п. к ней от ***12 (24) августа***).

19* (*31*) *августа*. Суббота**. В № 183 *СПбВед* выходит второе объявление об отъезде Т. за границу (см. ***12* (*24*) *августа).

Лето. Матильда Боденштедт переводит на нем. язык рассказы Т. «Муму» и «Яков Пасынков», которые были отредактированы ее мужем Ф. Боденштедтом. См. ***12* (*24*) *ноября*** и ***22 ноября* (*4 декабря*)**, а также ***4—20 января н. ст. 1862***.

20 августа* (*1 сентября*). Воскресенье**. В № 184 *СПбВед* напечатано третье объявление об отъезде Т. за границу (см. ***12* (*24*) *августа).

Дата выхода «Полярной звезды» на 1862 (Кн. 7. Вып. 1).

***24 августа* (*5 сентября*). Четверг**. Ханыков сообщает Ег. П. Ковалевскому из Парижа о «столкновении» между Герценом и редактором журнала «Будущность» кн. Долгоруковым на обеде у Т. П. Пассек и просит передать этот «пассаж», заслуживающий «по своей оригинальности большой известности», Т. «при переезде его через Петербург»: Герцен рекомендовал Долгорукову приготовленный им «отличный» салат, на что тот, «желая сделать довольно пошлый комплимент», ответил: «Не сомневаемся, он из одной кухни с “Колоколом”! — А вот скушайте, выйдет “Будущность”, — ответил ему Герцен, нисколько не запинаясь» (*РНБ*. Ф. 356. № 361. Л. 4 об.—5; см. также: *Герцен. Летопись*. С. 242—243).

25 августа* (*6 сентября*). Пятница**. В п. к Маркович просит передать Боткину, что Бенни потерял «пребольшое» п. Т. к нему, врученное Бенни «для отдачи в Мценске на почту»; надеется «всё написанное рассказать» при встрече (о потере п. Бенни писал Т. ***14* (*26*) *августа); собирается выехать из Спасского «послезавтра» (выехал в Москву ***29 августа* (*10 сентября*)**).

Извещает Фета о скором отъезде, сожалеет, что не навестил его («не могу пострелять еще с Вами, выпить Редереру...») и не дал прочесть ему роман «Отцы и дети», чтобы «услышать от Вас дельное слово и умный совет» (об отношении Фета к роману см. ***6* (*18*) *апреля 1862***). Надеется в апреле будущего года, «при пенье соловьином», вновь увидеть «певца весны» Фета, просит не «гонять от себя прочь Музу, когда она вздумает посетить Вас», зовет в сентябре на «отличную вальдшнепиную охоту». Передает запонки в подарок от Белокопытовой, жившей в Спасском.

Между 26 и 28 августа (***7 и 9 сентября***). Получает от Фета ответ (неизв.) на свое п. от ***25 августа*** (***6 сентября***), упомянут в п. к Борисову от ***28 августа*** (***9 сентября***).

28 августа (***9 сентября***). **Понедельник**. Отвечает Анненкову на его неизв. п.: сообщает о своем отъезде «завтра» в Москву и о том, что рукопись «Отцов и детей» будет «вручена Каткову с особенной инструкцией, а именно: по прибытии Вашем в Москву рукопись должна быть вручена Вам, и Вы, по прочтении, напишите мне в Париж подробное Ваше мнение, с критикою того, что Вы найдете недостаточным; я сейчас же примусь за поправки — и к новому году всё будет давным-давно готово. Вы, я уверен, исполните мою просьбу с обычным Вашим благодушием и беспристрастьем» (ответ Анненкова см. ***26 сентября*** (***8 октября***)). Прочел ст. Анненкова «О двух национальных школах живописи в XV столетии (Заметка по поводу последних художественных выставок в Петербурге)» (*БдЧ*. 1861. № 2) и «нашел ее превосходной», уверен, «если бы она явилась не в этой темной и глухой дыре, называемой “Библиотека для чтения”», «на нее обратили бы гораздо больше внимания». «По милости этой статьи» собирается съездить в Бельгию.

В п. к Борисову извиняется, что уезжает в Петербург, не простившись и не повидавшись с ним. Обещает вернуться в апреле следующего года и вместе поохотиться, сообщает, что написал уже Фету и получил от него ответ (неизв.); в Спасском он с женой обещал быть около 5 сентября ст. ст., куда ждут и Борисова с женой. Ответ Борисова см. ***12*** (***24***) ***октября***.

В *Утраченные письма* (*2*). С. 301 это п. ошибочно принято за неизв. п. от «середины сентября ст. ст.».

Сообщает гр. Ламберт, что «завтра» уезжает из Спасского, надеется «дня через 4» быть в Петербурге и встретиться; напоминает о необходимости поместить объявление об отъезде за границу «Коллежского секретаря И. С. Т., проживающего в Орловской губернии, Мценского уезда, в с. Спасском» в *СПбВед* (см. ***12*** (***24***) ***августа***).

29 августа (***10 сентября***). **Вторник**. Утром выезжает из Спасского в Москву. Вечером приезжает в Москву.

30–31 августа (***11–12 сентября***). **Среда — четверг**. Отдает роман «Отцы и дети» Каткову для публикации в *РВ* с условием, что рукопись будет предварительно дана для прочтения Анненкову.

Сохранилось свидетельство очевидца этого визита, во время которого Т. негативно отзывался о Чернышевском и *Совр*: «Накануне или за день до последнего отъезда своего за границу г. Тургенев провел вечер у редактора этого журнала (*РВ. — Ред.*). Я был там же. В то время г. Тургенев был занят мыслью о своем последнем романе и, сколько я теперь могу судить, говорил в духе этого романа; настроение его было в то время грустное, особенно когда беседа склонилась на вас и на ваших. Чтó он говорил, я не считаю себя вправе повторять»; в тот вечер он «слышал от меня о вас» речи о вашей «литературной наглости» (*Зарин Е. Ф.* Лесть живому и поругание над мертвым (Письмо к г. Чернышевскому) // *БдЧ.* 1862. № 3. С. 145).

***31 августа (12 сентября) — 1 (13)сентября*.** **Четверг — пятница**. Устно воспроизводит рассказ «Собака», задуманный в 1858 (опубл.: *СПбВед.* 1866. № 85), в салоне гр. Салиас, где часто бывает: «Человек шесть сидело нас в уютном кабинете г-жи Тур. <...> Коренастый, высокий ростом, он (Тургенев. — *Ред.*) почти не садился и рассказывал, сильно жестикулируя, больше все стоя, преимущественно обращаясь к очень хорошенькой женщине, С. А. Ф—вой (Феоктистовой. — *Ред.*) <...>. Остроумная речь его так и лилась потоком, вызывая на лицах присутствующих самое веселое выражение. <...> В тот же вечер он рассказывал свою “Собаку”. Рассказ этот был так живописен и увлекателен, что производил огромное впечатление. <...> Тургенев рассказывал с увлечением, с верой: он даже бледнел и лицо его принимало оттенки ужаса в драматических местах» (*Суворин А. С.* По поводу «Отцов и детей» (Из моих воспоминаний) // Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина): В 2 кн. СПб., 1875. Кн. 2. С. 211—213; вперв.: *СПбВед.* 1870. 11 января. № 11. С. 1). Посещение салона Салиас подтверждается п. С. В. Энгельгардт к Фету от 2 (14) сентября: «Приятель ваш Тургенев здесь и бывает ежедневно у моей соседки г. Сальяс <...>» (*Письма Энгельгардт к Фету.* С. 65).

В том же очерке, повторявшем заглавием известную ст. Т. 1869 г., Суворин писал, что «Отцы и дети» — лучшее произведение писателя, а Базаров «превосходен», хотя, «говоря откровенно, между молодежью едва ли были Базаровы: такой тип испугал ее отчасти, отчасти поселил в ней зависть; Писарев узнал себя в Базарове, но это напрасно: он был несравненно мягче, деликатнее и несравненно дружелюбнее относился к действительности. В таком ярком лице, как Базаров, Тургенев скорей создал образчик радикала, по которому стали выкраиваться некоторые российские юноши, понявшие внешность Базарова. <...> даже городовые узнали слово “нигилист”, и на каждого мужчину с длинными воло-

сами, особенно шершавого, указывали как на такового <...> Озлобление критиков на Тургенева собственно объясняется изобретенным им словом "нигилист". У нас слова постоянно играли большую роль <...>» (*Суворин А. С.* По поводу «Отцов и детей» (Из моих воспоминаний). С. 213—217).

Возможно, в эти же дни видится с И. С. Аксаковым, которому обещал ст. о ходе крестьянской реформы в деревне для газ. «День» (см. п. Аксакова к Т. от ***4* (*16*) *сентября***, а также п. Т. к нему от ***8* (*20*) *ноября***).

Видится с Е. Я. Колбасиным, о встрече с которым договаривался в п. от ***8* (*20*) *августа***. При встрече Колбасин передает Т. ложный слух о том, что Толстой распространяет по Москве копию со своего оскорбительного п., уничтоженного Т. по получении (см. ***28 мая* (*9 июня*)**, а также п. Т. к Анненкову от ***26 октября* (*7 ноября*)**). Возможно, тогда же вручает Колбасину рукопись «Отцов и детей», которая затем будет отправлена в Петербург к гр. Ламберт (см. ***1* (*13*) *сентября***).

Позднее Колбасин писал: «Вы спрашиваете, отчего я ничего не говорю о последнем Вашем романе. Вы хорошо знаете, когда я его читал еще в рукописи, то сказал Вам прямо, что он мне положительно не нравится, а теперь — Вы удивитесь — мне очень, очень нравится. Сам не знаю, как это произошло; скорее всего причиною была ваша неразборчивая рука, оттого и читалось вяло, туго, и поэтому, кроме скуки, я ничего не вынес из тогдашнего чтения, что и объявил Вам тогда же, к огорчению Вашему, потому что Вы признались, что работали над этою вещью с любовью. Теперь, прочитавши роман не торопясь и в печати, беру свое слово назад. Вещь превосходная и не только что не скучная — [как мне казалось тогда] — но, напротив, художническая. Бранят Вас теперь за нее с остервенением, особенно "Современник", что же говорят другие — не знаю, потому что ни с кем не видаюсь. Знаю только, что Александра Петровна (Тютчева, жена Н. Н. Тютчева. — *Ред.*) тоже переменила мнение» (*ИРЛИ.* № 5800. Л. 61—61 об. П. от 21 апреля ст. ст. 1862).

Август ст. ст. Предположительная дата п. Маркович к Добролюбову, в котором некий «Т.» (очевидно, Тургенев) называется «хорошим человеком».

Предположение А. Дорошкевича, что речь может также идти о Толстом, не представляется убедительным (см.: *Марко Вовчок. Твори.* С. 594).

***1* (*13*) *сентября*. Пятница**. Посылает гр. Ламберт со своим камердинером Захаром рукопись «Отцов и детей» (чтобы «Вы присту-

пили к ее чтению и успели бы мне сказать Ваше мнение ко времени моего отъезда из Петербурга»), а также рукопись повести Паткуль, отзыв о которой напишет ей лично «в первый же день» приезда (судя по воспоминаниям Паткуль, обещание исполнено не было). В сопроводительном п. сообщает, что едет из Москвы «завтра, т. е. в субботу», и в воскресенье вечером будет у нее в Петербурге.

***2* (*14*) *сентября*. Суббота**. Выезжает из Москвы в Петербург.

***3* (*15*) *сентября*. Воскресенье**. Приезжает из Москвы в Петербург.

Вечером предположительно наносит визит Ламберт (см. ***1* (*13*) *сентября***).

3—4* (*15—16*) *сентября*. Воскресенье — понедельник**. В Петербурге распространяется прокламация «К молодому поколению», написанная Шелгуновым в соавторстве с Михайловым и отпечатанная в Вольной русской типографии в Лондоне в виде брошюры (привезена Михайловым из-за границы); в ней призыв к революционной борьбе, к пропаганде революционных идей в широких массах — основной силе в решительной битве с самодержавием, проповедь неизбежности и необходимости насильственной революции (о деле Михайлова см.: *Михайлов М. Л.* Соч.: В 3 т. М., 1958. Т. 3: Критика и библиография. С. 684—696). См. ***14* (*26*) *сентября.

18 (30) сентября Никитенко записывает в дневнике: «Прочитал я, наконец, знаменитое воззвание “К молодому поколению”. Лживость, нелепость и наглость его могли бы изумить всякого мыслящего человека, если бы что-либо могло изумлять в настоящее время. Хороша, например, мысль о перерезании ста тысяч дворян. “Да ведь на войне режут и более, хоть бы в Крымскую войну” и проч. Превосходная логика! Еще лучше: “Да ведь умрут же все”. <...> Их бедные беснующиеся умы не могут придумать никакой другой меры, кроме ножа. Поразительное невежество относительно всего, что касается России <...>. Они требуют от нее, чтобы она для осуществления утопий, выходящих из лондонских типографий, лила кровь как воду. <...> И неужели в самом деле это проповедует Герцен?» (*Никитенко.* Т. 2. С. 208—209).

***4* (*16*) *сентября*. Понедельник**. Дата п. И. С. Аксакова к Т., с напоминанием об обещанной и не написанной ст. (предполагаемое название «Четыре месяца в деревне») для газ. «День»: «Мне очень нужно *такое* письмо, деловое и дельное, из провинции, с места; нужно пропустить живую струю свежего воздуха, которая только

и может веять оттуда — снизу. <...> Я уже не говорю о том, как дорожу вашим сотрудничеством». Сообщает о визите какого-то «молодого приятеля» Т. (предположительно Бенни), которого отговорил от рискованного предприятия (*РО.* 1894. № 12. С. 599, где п. ошибочно датировано концом 1861). См. также ***31 августа (12 сентября) — 1 (13) сентября, 7 (19) сентября, 8 (20) ноября***.

5 (17) сентября*.** **Вторник**. Дата записки (по-франц.) к гр. Ламберт с благодарностью за готовность помочь — очевидно, ответ на недатированную записку Ламберт с обещанием написать гр. Шувалову по поводу учителя франц. языка, протеже Т. (см.: *Granjard.* P. 154). См. также ***7 (19) сентября.

Дата п. Добролюбова к Маркович из Петербурга: «Вы хотите возвращаться в СПб.; а вот Тургенев едет к Вам в Париж. Не будет ли он так "обаятелен", что и Вы остаетесь в Париже?» (*Добролюбов.* Т. 9. С. 483).

***Между 3 и 5 (15 и 17) сентября*.** **Воскресенье — вторник**. Предположительно встречается с Достоевским.

Обоснование этой и первой встречи по поводу сотрудничества во «Времени» см.: *Поддубная Р. Н.* Тургенев и Достоевский в 1860-е годы // Четвертый межвузовский Тургеневский сборник / Под ред. Г. Б. Курляндской. Орел, 1975. Т. 17 (110). С. 114—115.

***6 (18) сентября*.** **Среда**. Пишет рекомендательное п. к Достоевскому для молодого литератора Венецкого, автора рассказов «Война и плен» (*БдЧ.* 1859. № 2, 3, 6): «Он еще очень молод — как Вы увидите — и желал бы работать. <...> Я уверен, что Вы примете его радушно и ласково и протянете ему руку, — которая так нужна на первых порах».

Рекомендация связана с началом издания журнала «Время» с января 1861. Венецкий во «Времени» и «Эпохе» не печатался (см.: *Достоевский. Летопись.* Т. 1. С. 333, с ошибочной датой: «18 сентября»).

Сообщает Карташевской, что не может быть у нее в связи с заседанием Комитета Литературного фонда; надеется заехать к ней «завтра» и проститься перед отъездом в Париж; посылает ей обещанный экземпляр *Соч (1860—1861)*.

В ГЛМ хранится т. 1 с дарственной надписью на титульном листе: «В. Я. Карташевской / на память / от автора. / С. П. Б. / 1861». Воспроизведение см.: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 119.

Присутствует на заседании Комитета Литературного фонда, вносит в кассу 145 р. «в счет обещанных им 5% с суммы, вырученной за его литературные труды». Определено: «Благодарить» (*РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 167 об.). См. ***23 декабря 1859*** (***4 января 1860***).

7 (***19***) ***сентября*. Четверг**. В записке (на франц. яз.) рекомендует Ламберт неизв. франц. учителя, очевидно, подателя п. (см. ***5*** (***17***) и ***17*** (***29***) ***сентября***).

Кожанчиков сообщает И. С. Аксакову из Петербурга: «Только что я распрощался с Тургеневым, как получил Ваше письмо, его доставили нынче же» (очевидно, речь шла о п. Аксакова от ***4*** (***16***) ***сентября***). См.: Письма книготорговца Д. Е. Кожанчикова к И. С. Аксакову. 1861—1864 гг. / Публ., вступит. ст., коммент. Д. А. Бадаляна // Книжное дело в России в XIX — начале XX века / Сб. науч. трудов. СПб., 2016. Вып. 18. С. 360.

8 (***20***) ***или 9*** (***21***) ***сентября*. Пятница или суббота**. Выезжает из Петербурга в Париж.

Около 10 (***22***) ***сентября*. Пятница**. Приезжает в Париж (см. п. к Фету от ***23 сентября*** (***5 октября***) и к Случевскому от ***24 сентября*** (***6 октября***)).

14 (***26***) ***сентября*. Четверг**. Арестован поэт и переводчик М. Л. Михайлов (см. п. Анненкова к Т. от ***26 сентября*** (***8 октября***), а также: *Лемке М.* Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского. СПб., 1907. С. 11; см. также ***3—4*** (***15—16***) ***сентября***).

О судьбе Михайлова Анненков сообщал ***22 октября*** (***3 ноября***); см. также ***14*** (***26***) ***декабря*** и п. Т. к Анненкову от ***28 декабря 1861*** (***7 января 1862***). На допросе Михайлов взял на себя вину за написание, печатание, привоз из-за границы и распространение листовки «К молодому поколению».

В № 74 газ. «Русская речь и Московский вестник» опубликована полемическая заметка, направленная против объявления «Книжного вестника» (1861. № 11—12. С. 173; ценз. разрешение 16 августа), в котором утверждалось, что Т. «написал новый роман по канве лермонтовской “Думы”»: «Последнее нам показалось несколько странным. Тургенев, так верно понимающий жизнь, так верно отражающий всегда ее последний момент в своих произведениях, вдруг возвращается назад и пишет на тему “Думы” Лермонтова. / Печаль-

но я гляжу на наше поколенье и проч. / В наше время отчаянью меньше уже причин, чем было пятнадцать лет тому назад. Печорин успел окончательно опошлиться, и слово *разочарование* почти перестало встречаться в литературе, да избегают его и в жизни. <...> Какому же это фельетонисту вздумалось отодвинуть Тургенева назад? И не странно ли говорить о передовом писателе, что он пишет или написал на тему другого писателя? В известии фельетониста только факт о написанном романе справедлив. Называется он “Отцы и дети” и появится в “Русском вестнике”. Читатели вместе с нами, конечно, будут с нетерпением ждать появления этого нового романа, будут ждать тех типов, которые так цельно и правдиво умеет представить Тургенев» (С. 347—348. Рубрика: Вести и слухи). См. также ***4 (16), 5 (17) апреля 1862*** (отзыв Салиас о романе).

В № 14—15 «Книжного вестника» (ценз. разрешение 21 сентября) было напечатано уточнение: «Роман г. Тургенева называется “Отцы и дети” и будет напечатан в 1 № “Русского вестника” за 1862» (С. 222).

***16 (28) сентября*. Суббота**. Просит дочь извиниться перед М. Иннис, что «не явился вчера вечером»; собирается прийти на Берлинскую ул. в полдень, чтобы помочь им с переездом на квартиру на ул. Риволи.

В *П.* Т. 4. С. 366 п. датировано «серединой, не позднее 17 (29) сентября», однако упоминание о намерении зайти «вчера вечером», скорее всего, означает, что Т. собирался навестить дочь сразу по приезде, чтобы договориться о переезде, а на следующий день уже писал гр. Ламберт, что не только приехал в Париж, но и поселился на «старой» квартире.

Перевозит дочь и ее гувернантку с Берлинской ул. на ул. Риволи, 210, где снял «старую» квартиру.

17 (29) сентября*. Воскресенье**. Извещает гр. Ламберт о прибытии в Париж, где поселился «на старой своей квартере» (Rue Rivoli, 210), куда просит адресовать свои п. О себе пишет: «Здоровье мое порядочно — и душа ничего — только смущена немного». Просит написать о себе: «...я Вас оставил, помните, не совсем в хорошем положении»; спрашивает о франц. учителе, о котором говорится в его п. к Ламберт от ***5 (17) и ***7 (19) сентября***.

В тот же день уезжает в Куртавнель.

Сентябрь н. ст. Предположительная дата неизв. п. Боденштедта к Т.; упоминается в его п. к Т. от ***13 (25) декабря***.

Март, апрель, сентябрь н. ст. Регулярно играет в шахматы в кафе «Режанс» (см.: La Nouvelle Régence. 1861. P. 94, 122, 275—276), в том числе проводит матч с В. Мачуским (предполагался сначала из 11 партий, но был прерван после 6 встреч и закончился для Т. с результатом +1, −3, =2). Организует шахматный турнир в кафе «Режанс» с призом в 100 франков, в котором приняли участие 12 шахматистов.

Выигранная Т. у Мачуского партия опубликована в «La Nouvelle Régence» с указанием, что она играна мастерски от начала и до конца (см.: *Линдер И.* 1) Рыцарь слона: К 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева // «64» — Шахматное обозрение. 2008. № 11. С. 87—88; 2) И. С. Тургенев и шахматы // Тургеневские чтения. 2009. Вып. 4. С. 275—276).

***21 сентября (3 октября)*. Четверг**. В газ. «Journal des débats politiques et littéraires» выходит объявление о поступлении в продажу отдельного издания франц. перевода «одного из самых прелестных романов Ивана Тургенева» «Дворянское гнездо»: Une Nichée de gentilshommes. Mœurs de la vie de province en Russie. Paris, 1861, выпущенного Дантю: «это увлекательная, живая и насмешливая картина нравов русской провинции» (P. 2).

Перевод выполнен Соллогубом и де Калонном и публиковался первоначально в нескольких номерах «La Revue contemporaine» (см. ***3 (15), 18 (30) апреля, 3 (15) мая, 18 (30) мая 1859***). Отдельное издание сопровождалось предисловием переводчиков. Кроме того, указывалось, что перевод авторизован Т. В 1861 то же издание «Дворянского гнезда» было выпущено совместно Дантю и Этцелем с указанием на титуле: «Collection Hetzel; E. Dentu, libraire-éditeur», а также отдельно Этцелем для продажи за границей (см.: *Waddington/Montreynaud.* Item 18).

***22 сентября (4 октября)*. Пятница**. Павлов пишет из Орла И. С. Аксакову о князе Б. Д. Солнцеве-Засекине как об одном из многочисленных представителей племени Ситниковых: «...это тип русского провинциального ротозея, который, несмотря на все свое ничтожество, резко выражает общественное мнение в данную минуту» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 4. № 454. Л. 110 об.; цит. по: *Чернов Н. М.* Уездный прогрессист — Н. Д. Карпов // *ТСб* (*2*). С. 274).

***23 сентября (5 октября)*. Суббота**. По возвращении из Куртавнеля в Париж навещает Боткина (см. ниже п. к Фету).

Сообщает Фету о возвращении из Куртавнеля в Париж, а также адрес квартиры, которую снимал в прошлом году. Дочь свою нашел «в лучшем виде — и остальных знакомых тоже». В этот же день ви-

дится с Боткиным («он ездил прогуляться в Женеву — и вообще смотрит молодцом — хотя всё еще недоволен своими глазами»), интересуется результатами охоты на вальдшнепов. Называет свое п. «записочкой», предназначенной «*задрать* Вас, — т. е. вызвать от Вас ответ, на который с моей стороны последует ответ — и так далее».

Дата неизв. примирительного п. Толстого к Т., посланного через книжный магазин Давыдова.

Об этом п. вспоминала дочь Толстого: «Потом я услыхала о том, что отец писал письмо Тургеневу, прося его забыть старое и примириться с ним. Отец рассказывал, что это первое письмо его к Тургеневу, посланное через кого-то из общих знакомых, — пропало» (см.: *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания / Сост., вступит. ст. и примеч. А. И. Шифмана. М., 1980. С. 236—237). В дневниковых записях С. А. Толстой и согласно дневнику самого Толстого, он «написал Тургеневу письмо, в котором жалел, что их отношения враждебны, писал, что “если я оскорбил вас, простите меня, мне невыносимо грустно думать, что я имею врага”. Письмо было послано в Петербург, к книгопродавцу Давыдову <...>. Но оно не дошло еще до Тургенева, как он из Парижа написал Льву Николаевичу письмо, в котором упрекал его: “Вы всем рассказываете, что я трус и не хотел с Вами драться. Так я требую за это удовлетворения и буду с вами драться, когда приеду в Россию”» (ср. с п. Т. от ***26 сентября*** (***8 октября***), ***8*** (***20***) ***октября***). Толстой ответил и предложил считать, что это он отказался от вызова (*Толстой.* Т. 60. С. 406). См. также: *Толстой.* Т. 48. С. 38. Т. получил примирительное п. Толстого лишь ***26 декабря 1861*** (***7 января 1862***), о чем в этот же день написал Фету.

Дата записи в дневнике Никитенко о беспорядках в Петербургском ун-те: «...в университете продолжаются беспорядки. Запрещены сходки, но они, вопреки запрещению, собираются. Студенты шумят и требуют отмены всяких ограничений. Они, как и крестьяне в некоторых губерниях, кричат: “Воля, воля!”, не давая себе ни малейшего отчета в том, о какой воле вопиют» (*Никитенко.* Т. 2. С. 211).

24 сентября (***6 октября***). **Воскресенье**. Просит Случевского приехать к нему на ул. Риволи, 210, чтобы «поговорить с Вами, послушать Ваши новые произведения», сообщает, что собирается провести зиму в Париже.

Выходит приказ о закрытии Петербургского ун-та впредь до особого распоряжения в связи с начавшимися студенческими волнениями (см. п. Герцена к Т. от ***30 сентября*** (***12 октября***)).

Запись в дневнике Никитенко: «...вследствие беспорядков, произведенных вчера студентами, университет закрывается на некоторое вре-

мя. Итак, свершилось! Худшие опасения осуществились. <...> Это сильно поразило всех профессоров. Однако никто не выразил мнения, что эта мера не необходимая в настоящих обстоятельствах. Все, как говорится, повесили головы, не исключая и тех, которые немало, может быть, этому содействовали, поддерживая в юношах неосновательные стремления. / Вчера, кроме возгласов и диких речей против властей, юноши ворвались силою в большую залу, которая была с намерением от них заперта, переломали стулья, выломали дверь и побили стекла» (*Никитенко.* Т. 2. С. 212).

25 сентября (7 октября).* Понедельник**. Сообщает Герцену, что «десять дней тому назад» приехал во Францию, «но всё был в деревне» (Куртавнеле): «Всею душою жажду тебя видеть, да и нужно обо многом весьма важном переговорить с тобой и многое тебе сообщить». Пишет, что привез ему большое п. от Бенни. «Повторяю, — нам *необходимо* видеться». О п. Бенни см. п. Герцена к Бенни от ***7 (19) ноября (см.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 194). Ответ Герцена см. ***30 сентября (12 октября)***.

Предположительная дата пригласительной записки Мериме к Соболевскому (согласно датировке Клемана), с пометой «понедельник»: «Дорогой друг, не угодно ли вам будет откушать фазана в среду у меня вместе с Тургеневым. Он (фазан) прибудет обязательно» (цит. по: *Клеман. Т и Мериме.* С. 717—718). См. также ***27 сентября (9 октября)***.

25—26 сентября (7—8 октября). Дата записки Маркович к Т. с просьбой пригласить на чтение (вероятно, «Отцов и детей») некую Докторову (лицо неуст.). «Об этом вас тоже просит Труб<ецкой>» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 296).

Чтение состоялось в парижской квартире Боткина ***26 сентября (8 октября)*** и продолжилось на квартире Т. в ***Конце сентября ст. ст.***

***26 сентября (8 октября).* Вторник**. Через Н. Н. Тютчева отправляет п. к Анненкову, которого упрекает за молчание; сообщает, что Тютчевы «осудили мою повесть на сожжение или по крайней мере на отложение ее в дальний ящик. Я желаю выйти из неизвестности — и если Ваше мнение и мнение других московских друзей подтвердит мнение Т<ютче>вых, то “Отцы и дети” отправятся к...». Просит незамедлительно ответить. Пишет, что в Париже из русских видится с Боткиным, который «окончательно превратился в безобразно-эгоистического, цинического и грубого старика. Впрочем, вкус у него все еще не выдохся — и так как он лично ко мне не бла-

говолит, то его суждению о моем детище можно будет поверить. Сегодня начинаю читать ему». Интересуется «погодой» в Петербурге («В самое время моего отъезда стояла странная погода»), имея в виду, как пояснил Анненков при публикации п., «первую уличную манифестацию студентов <...>, тогда же происшедшую и тогда же подавленную» (*ВЕ.* 1885. № 4. С. 499). Ответ Анненкова см. ***22 октября* (*3 ноября*)**.

Комментируя это место в публикации, Анненков пояснил, что «приговор» Тютчевых «вышел из начал совершенно противоположных тем, которые руководили мнением г. Каткова; они боялись за антилиберальный дух, который отделялся от Базарова, и отчасти предвидели неприятные последствия для Тургенева из этого обстоятельства» (*ВЕ.* 1885. № 4. С. 499). Об изменении мнения Тютчевых см. ***31 августа* (*12 сентября*) — *1* (*13*) *сентября***.

В этот день начинается авторское чтение «Отцов и детей» на квартире Боткина в присутствии Скарятина, Ханыкова и Щербаня (возможно, на чтении присутствовала некто Докторова, пригласить которую Маркович просила Т. ***25—26 сентября* (*7—8 октября*)**). О замечаниях Боткина, которые были учтены при доработке романа, Т. сообщил Анненкову ***1* (*13*) *октября***. Чтение было продолжено в доме Т. на ул. Риволи, 210 через несколько дней (см. ***Конец сентября***); на третьих чтениях в число слушателей добавился Случевский (см.: *Щербань* (*1*). С. 17—19).

В п. к Толстому требует от него объяснений по поводу дошедших до него слухов (от Е. Я. Колбасина) о распространении в копии последнего (оскорбительного) п. Толстого к нему в связи с инцидентом в Степановке (см. ***28 мая* (*9 июня*)**): «Перед самым моим отъездом из Петербурга я узнал, что Вы распространили в Москве копию с последнего Вашего письма ко мне, причем называете меня трусом, не желавшим драться с Вами <...> так как я считаю подобный Ваш поступок *после всего того, что я сделал, чтобы загладить сорвавшееся у меня слово* — и оскорбительным и бесчестным, то <...> возвращаясь будущей весной в Россию, потребую от Вас удовлетворения». Уведомляет, что известил о своем намерении своих друзей в Москве, «чтобы они противодействовали распущенным Вами слухам». Ответ Толстого см. ***8* (*20*) *октября***.

В дневнике 8 (20) октября Толстой записал: «Вчера получил письмо от Тургенева, в котором он обвиняет меня в том, что я рассказываю, что он трус, и распространяю копии с письма моего. Написал ему, что это вздор, и послал сверх того письмо» (*Толстой.* Т. 48. С. 38).

Пересылает Кетчеру, которому ранее рассказал «свою *историю* с Толстым», копию своего п. к Толстому (см. выше): «При всем моем отвращении к дуелям и прочим феодальным обычаям — мне ничего другого не оставалось — и весною мы станем нос с носом, как петухи»; надеется, что Кетчер защитит его «от обвинения в трусости». Сообщает о поисках жениха для дочери. Напоминает об обещании написать свое мнение об «Отцах и детях» (оставляя рукопись Каткову в самом конце августа, Т. просил перед опубликованием романа дать его для прочтения Анненкову и друзьям, если они пожелают): «Помнится, лет 7 тому назад — я вследствие твоего суждения, прибавленного к суждениям других, бросил один начатый роман в огонь <...> в случае необходимости я и теперь готов истребить неудавшуюся вещь» (речь идет о незаверш. романе «Два поколения»), разрешает сообщить п. к Толстому Анненкову и «кому заблагорассудится». См. п. Кетчера к Анненкову ***Около середины октября ст. ст.*** Копию п. к Толстому Т. сообщил также Анненкову (см. ***1*** (***13***) ***октября***).

Дата встречного п. Анненкова из Петербурга с общей оценкой и подробным изложением замечаний о прочитанном романе «Отцы и дети»: «В Москве я брал роман Ваш у Каткова и читал прилежно».

Позже Анненков вспоминал: «Едва успел я дать знать о моем прибытии в редакцию “Русского вестника”, как из нее явился какой-то молодой человек с рукописью, которую и оставил у меня, прося не задержать. <...> Исполняя предписание, я в два дня *проглотил* роман, который мне показался грандиозным созданием, каким он действительно и был» (*Анненков* (*1983*). С. 467—468).

«Итак, повесть эта по изложению и обделке есть вещь мастерская, превосходящая внешней формой, по моему мнению, все писанное автором доселе. Это общее мнение даже скорее, чем мое или чье-либо в особенности — и поэтому на нем Вы можете успокоиться» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 109).

Однако образ главного героя вызвал неоднозначную оценку критика: «Другое дело — тип Базарова. Мнения о нем разнствуют вследствие одной причины — автор сам перед ним несколько связан и не знает, за что его считать — за плодотворную ли силу в будущем или за вонючий нарыв пустой цивилизации, от которого следует поскорее отделаться. Тем и другим вместе Базаров быть не может, а между тем нерешительное суждение автора колеблет и мысль читателя от одного полюса к другому». У Базарова «два лица, как у Януса, и каждая партия будет видеть только тот фас, который ее наиболее тешит — или который она разобрать способнее. Катков в ужасе от той силы, мощи, превосходства над

толпой и способности покорять людей, которую заметил в Базарове; он говорит, что это “Современник”, возведенный в апотеозу, и отчаивается за дело мысли и науки, когда люди, подобные автору повести — вместо борьбы с растлевающим направлением — спускают перед ним флаг, пасуют перед ним, покоряются, благоговеют мыслью перед его пустым, фосфорическим и обманывающим блеском». В противоположность Каткову сам Анненков, «с ним в прю дерзавший шествовать по этому поводу», видит в Базарове «такого же монгола, Чингис-Хана и проч., каковы были и настоящие: зверская, животная сила его не только не пленительна, но увеличивает отвращение к нему, и поражена бесплодием. Весь тип целиком есть осуждение дикого общества, где он мог родиться, и если сделается известен иностранцам, то будет ими приводиться в свидетельство того грубого, кибиточного и зверообразного состояния, в каком находится наше государство, прикрытое сверху книжками с Лейпцигской ярмарки. Так вот какую белиберду и разногласие Базаров уже и теперь производит» (Там же. С. 109—110).

Вину за столь противоречивые точки зрения Анненков возлагает на автора, который сумел «действительно кинуть на Базарова плутарховский оттенок», возвеличив тем самым тип, в реальности отличающийся «жгучим, болезненным самолюбием». «Положим, что у Каткова сделались глаза велики от страха и что я, наоборот, совершенно прав», пишет Анненков, но все же предлагает добавить несколько штрихов, «для того, чтобы выказать оборотную сторону этого характера»: «надо, чтоб в Базарове по временам или когда-нибудь проскользнул и Ситников». Несмотря на серьезные замечания, в целом Анненков высоко оценивает образ Базарова («мысленно целую лоб ваш за создание этого типа, который обнаруживает обыкновенное ваше чутье общественных явлений и предназначен поучить, отрезвить, задуматься наше время»). Несколько упреков высказывает Анненков и по поводу «превосходной» Анны Сергеевны Одинцовой, в целом поздравляя Т. «с прекрасной повестью, которая свидетельствует, что автор еще в полном обладании творческих сил, и для меня это было всего важнее узнать». Предваряя будущую полемику вокруг повести, пишет: «Шуму будет она делать много — этого ожидайте. Она поднимает вопрос не о таланте и художественном достоинстве, а о том — историк ли ее автор или коновод партии. Серьезные писатели всегда рождали подобные вопросы у современников, и такого рода споры вокруг известного имени всегда доказывают значительность и важность этого имени». Отмечает отделку деталей и занимательность повести («кажется при чтении, будто первая ее строчка стоит рядом с последней, — середина так быстро глотается!»); просит не верить слухам, что гр. Ламберт недовольна романом; спрашивает, насколько Т. разделяет его «суждения», говорит, что жена тоже благодарит за доставленное наслаждение (Там же. С. 110—112). Сообщает, что Михайлов арестован за участие в распространении прокламации «К юношеству», «изданной за границей» (Имеется в виду

прокламация «К молодому поколению», см. ***14*** (***26***) ***сентября***). Ответ Т. см. ***1*** (***13***) ***октября***.

Несмотря на то, что Т. учел многие замечания Анненкова, в главном линии его романа сохранились, недаром позднее Анненков отметил в своих воспоминаниях, что из ответного п. Т. «не видно, чтобы он дал <...> какую-либо цену» его отзыву: «То же самое было почти и со всеми другими отзывами: Тургенев был доволен романом и не принимал в соображение замечаний, которые могли бы изменить физиономию лиц или расстроить план романа» (*Анненков* (*1983*). С. 468). См.: *Жекулин Н. Г.* П. В. Анненков и «Отцы и дети» // *РЛ*. 1998. № 1. С. 3–15.

27 сентября (***9 октября***). **Среда**. Утром на квартире Т. предположительно состоялось продолжение авторского чтения «Отцов и детей» (см. ниже п. к Случевскому).

Предположительно обедает у Мериме, где, вероятно, присутствует Соболевский (см. ***25 сентября*** (***7 октября***)).

Пишет Случевскому, что не знал его адреса, иначе бы «попросил прийти сегодня в 11 часов» (очевидно, на чтение «Отцов и детей»); просит нанести визит Маркович — «она предупреждена о Вашем приходе и радушно Вас примет», дает ее адрес.

Маркович уведомляет Добролюбова о приезде Т. в Париж: «Я его видаю часто и читала новую его повесть “Отцы и дети”. Лучше всех лиц в ней Базаров, хоть и нигилист» (*Марко Вовчок. Твори*. С. 95).

30 сентября (***12 октября***). **Суббота**. Обедает с Арапетовым и Боткиным (см. п. к Анненкову от ***1*** (***13***) ***октября***).

Герцен отвечает Т. на его п. от ***25 сентября*** (***7 октября***); пишет о желании повидаться с ним, «но не в Париже»; сообщает о получении «дружеских» п. к нему с предупреждением, что III отделение хочет его «уничтожить»; откликается на закрытие Петербургского ун-та (см.: ***24 сентября*** (***6 октября***), ***3*** (***15***) ***октября***); передает привет от Огарева, который «жаждет твоих новостей», обещает прислать л. 109 «Колокола» от ***3*** (***15***) ***октября*** со ст. «Бруты и Кассии III отделения»; спрашивает, есть ли у Т. «все “Колокола”», новое издание «Былого и дум» (Т. 1) и новая «Полярная звезда» на 1862 (Кн. 7. Вып. 1; вышла ***20 августа*** (***1 сентября***)) (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 185).

Конец сентября ст. ст. Продолжает читать роман «Отцы и дети» у себя на квартире на ул. Риволи, 210 в дружеском кругу (начало чтения — на квартире Боткина) в присутствии Скарятина, Случевского, Ханыкова и Щербаня (см.: *Щербань* (*1*). С. 17–19). См. ***26 сентября*** (***8 октября***).

Сентябрь ст. ст. Предположительная дата нескольких неизв. п. Т. к Каткову (упоминаются в п. к Каткову от ***1*** (***13***) ***октября***) об издании «Отцов и детей».

Образован Высший комитет для пересмотра существующего цензурного законодательства (см.: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 56).

Сентябрь, после 17 (***29***). Встречается с Плетневым (упоминается в п. Плетнева к Толстому от ***13*** (***25***) ***февраля 1862***).

1 (***13***) ***октября***. **Воскресенье**. В п. к Каткову извиняется, что «бомбардирует» его письмами (эти п. Т. неизв.), желая предупредить, что вследствие полученного п. от Анненкова (см. ***26 сентября*** (***8 октября***)) и замечаний Боткина, которому читал роман, «переделки в “Отцах и детях” будут значительнее, чем я предполагал, — и возьмут у меня около 2-х недель времени, по истечении которых Вы получите аккуратный перечень всех сокращений и прибавлений»; повторяет свою просьбу «*не печатать отрывка* — а также попридержать рукопись у себя, — т. е. не давать ее читать другим»; надеется, что вследствие поправок «фигура Базарова уяснится Вам и не будет производить на Вас впечатление апотеозы, чего не было в моих мыслях. И другие лица, я полагаю, выиграют»; считает роман, в том виде, в каком он был отдан, вещью «не вполне конченной». См. ***28 января*** (***9 февраля***) ***1862***.

Позже, в ст. «По поводу “Отцов и детей”» (1869), Т. писал: «Когда г. Катков получил от меня рукопись “Отцов и детей”, о содержании которой он не имел даже приблизительного понятия, — он почувствовал недоумение. Тип Базарова показался ему “чуть не апофеозой «Современника»”» (см.: *Соч.* Т. 11. С. 92—93).

В своих воспоминаниях Анненков упоминал о неизв. «записочке» к нему Т., оставленной у Маслова, в которой просил взять у Каткова назад согласие напечатать роман в двух или трех номерах. Рассказывая о своей встрече с Катковым, Анненков упомянул, что редактор *РВ* принял его «очень добродушно, но речь его была сдержанна»: «Он не восхищался романом, а напротив, с первых же слов заметил: “Как не стыдно Тургеневу было спустить флаг перед радикалом и отдать ему честь, как перед заслуженным воином”. — “Но, М<ихаил> Н<икифорович>, — возражал я, — этого не видно в романе, Базаров возбуждает там ужас и отвращение”. — “Это правда <...> но в ужас и отвращение может рядиться и затаенное благоволение, а опытный глаз узнает птицу в этой форме...” — “Неужели вы думаете, <...> что Тургенев способен унизиться до апофеозы радикализму, до покровительства всякой умственной и нравственной распущенности?..” — “Я этого не говорил, — отвечал

г. Катков горячо и видимо одушевляясь, — а выходит похоже на то. Подумайте только, молодец этот, Базаров, господствует безусловно надо всеми и нигде не встречает себе никакого дельного отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, венец, коронующий эту достославную жизнь, и это, хотя и случайное, но все-таки самопожертвование. Далее идти нельзя!"». В ответ на возражение Анненкова, что «в художественном отношении никогда не следует выставлять врагов своих в неприглядном виде», Катков отвечал, что, помимо искусства, тут существует еще и политический вопрос: «Кто может знать, во что обратится этот тип? Ведь это только начало его. Возвеличивать спозаранку и украшать его цветами творчества значит делать борьбу с ним вдвое труднее впоследствии» (*Анненков* (*1983*). С. 468—469).

Благодарит Анненкова за мнение об «Отцах и детях», высказанное в его п. от ***26 сентября*** (***8 октября***) («Оно меня очень порадовало, тем более, что доверие к собственному труду было сильно потрясено во мне»). Соглашается со всеми замечаниями, тем более что и Боткин «находит их справедливыми», «с завтрашнего дня» намерен приняться «за исправления и переделки, которые примут, вероятно, довольно большие размеры, о чем уже я писал к Каткову» (см. выше п. Т. к Каткову от ***1*** (***13***) ***октября***). Сообщает, что Боткин, который идет на поправку, сделал «несколько дельных замечаний» и расходится с Анненковым только в одном: «ему лицо Анны Сергеевны мало нравится». «...Я вижу, как и чтó надо сделать, чтобы привести всю штуку в надлежащее равновесие»; после доработки намеревается прислать рукопись Анненкову для передачи ее Каткову. Включает в п. к Анненкову копию своего п. к Толстому, написанного «после долгой борьбы с самим собою» (см. ***26 сентября*** (***8 октября***)) с предварительным вызовом того на дуэль весной следующего года: «В этой истории, *кроме начала, в котором я виноват*, я сделал всё, чтобы избегнуть этой глупой развязки; но Толстому угодно было поставить меня au pied du mur (в безвыходное положение — *франц.*)». Ссылается на Тютчевых, которые «могут Вам подробно рассказать всё»: «...я не мог поступить иначе. Весною в Туле мы станем друг перед другом. <...> Вот и выйдет, что сам я посмеивался над дворянской замашкой драться (в Павле Петровиче) и сам же поступлю, как он. Но, видно, так уже было написано в книге Судеб». Сообщает о приезде в Париж Арапетова: «Как мы обедали вчера с ним и с Боткиным!». Анненков не ответил на это п., объяснив свое молчание в п. от ***22 октября*** (***3 ноября***).

В № 215 «Русского инвалида» впервые опубликовано объявление Панаева и Некрасова «Об издании "Современника" в 1862 году», в ко-

тором говорится об изменении отношения к некоторым из сотрудников (Тургеневу, Анненкову, Фету). Не называя имен прежних участников журнала, редакция пишет: «...редакция в последние годы должна была ожидать изменения своих отношений к некоторым из сотрудников (преимущественно беллетристического отдела), которых произведения в прежнее время, когда еще направления не обозначались так ясно, нередко с удовольствием встречаемы были читателями в нашем журнале. Сожалея об утрате их сотрудничества, редакция, однако же, не хотела в надежде на будущие прекрасные труды их пожертвовать основными идеями издания» (см.: *Некрасов.* Т. 13. Кн. 1. С. 173—174; *Некрасов. Летопись.* Т. 2. С. 271).

Начало октября, до 3 (15). Дата неизв. п. Т. к Герцену, в котором сообщается, что ему также прислали анонимное п. (неизв.) с предупреждением о грозящей Герцену опасности (упоминается в п. Герцена к Хоецкому от ***6 (18) октября***).

О получении Т. предостережения Герцен писал, не называя имени Т., в открытом п. (на франц. яз.), помеченном 17 октября н. ст. 1861, редактору «L'Opinion nationale» (см. ***10 (22) октября***) (*Герцен.* Т. 15. С. 167—169). См также: *ЛН.* Т. 63. С. 669.

3 (15) октября. **Вторник**. Дата п. Герцена к Т., посылает л. 109 «Колокола». Ждет к себе в Лондон «с нетерпением и с дружбой» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 186).

Дата л. 109 «Колокола», посланного Герценом Т. (см. его п. к Т. от ***30 сентября (12 октября)***), где среди прочих ст. заметка Герцена «Петербургский университет закрыт!», завершающаяся следующими словами: «Итак, университет закрыт! Правительство — против просвещения и свободы и *не умеет уступить вовремя.* Мы пророчили ему *падение* во второй срок переходного положения; кажется, мы ошиблись — *оно будет гораздо прежде*» (*Герцен.* Т. 15. С. 164—165).

В парижском журнале «Revue européenne. Lettres, sciences, arts, voyages, politique» (Vol. 17. P. 625—663; подпись: I. Tourguéneff) выходит первая часть франц. перевода романа «Накануне», выполненного Делаво, под заглавием «Eléna» («Елена»), перед которым (возможно, от редакции) добавлено заглавие «La société russe avant les réformes» («Русское общество накануне реформ»). Продолжение вышло в книжках журнала от ***20 октября (1 ноября)***, ***3 (15) ноября***, ***19 ноября (1 декабря)***.

Переводу предпослано п. Т. к редактору «Revue européenne» О. Лакоссаду (P. 623; см. ***14 (26) марта***). Отдельно перевод впервые был

опубликован в 1863 (см. ***9* (*21*) *марта 1863***) в сборнике произведений Т. «Nouvelles scènes de la vie russe» вместе с переводом «Первой любви». Хотя на титуле «Накануне» обозначено как «Eléna», в самом тексте роман носит заглавие «Avant les Réformes» («Накануне реформ»). См.: *Waddington/Montreynaud.* Item 22, 26.

Август — начало октября ст. ст. Предположительная дата п. гр. Ламберт к Т. (бóльшая часть по-франц.), с жалобами на состояние сына Якова, здоровье которого было подорвано несчастным случаем: «...невыразимая тоска овладела мной — мне придется может быть оставить Петербург на год и более — мой сын все нездоров, хил, бледен, щедушен. Здешний климат ему вреден — при усиленных занятиях, для вступления в Университет, он истощается тем заметнее». Опасается оставаться в Петербурге из-за сына, в то же время боится за свое здоровье и не хочет оставить мужа одного: «Чем доле я живу, тем более осознаю, насколько глубоко привязана к другу моей юности. Я смогу жить без него — но умереть хотела бы только подле него — чтобы он закрыл мне глаза — и чтобы в мой последний день я видела его доброе и благородное лицо». Пишет, что находится в отчаянном положении, поскольку брат (В. Е. Канкрин) очень плох, деверь (К. К. Ламберт) тоже болен тяжело («он харкает кровью»), оставить мужа в таком положении тоже нельзя (*Granjard.* P. 156—157). Ответ Т. см. ***18* (*30*) *октября***.

Это недатированное п. первый его публикатор А. Гранжар датировал приблизительно «началом осени 1861 г.» (Ibid. P. 157), однако из п. не вполне ясно, было ли оно написано до назначения К. К. Ламберта наместником Царства Польского (6 (18) августа), во время его недолгой деятельности на этом посту или после самоубийства Герштенцвейга (5 (17) октября) и его отъезда из Варшавы (11 (23) октября). То, что графиня не упоминает о возвращении деверя из Варшавы, может свидетельствовать в пользу предположения, что п. было написано после его назначения и до трагического случая с Герштенцвейгом.

6* (*18*) *октября.* Пятница**. В п. Герцена к редактору парижской газ. «Le Temps» Хоецкому упоминается п. Т. (неизв., см. ***Начало октября, до 3* (*15*)**): Т. получил «предостережение» о грозящей Герцену опасности «с просьбой сообщить его мне» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 189; см. также открытое п. Герцена к редактору «L'Opinion nationale» от ***10* (*22*) *октября).

***8* (*20*) *октября*. Воскресенье**. Толстой, получив п. Т. от ***26 сентября* (*8 октября*)**, отвечает: «Милостивый государь, / Вы назы-

ваете в письме своем мой поступок *бесчестным*, кроме того, вы лично сказали мне, что вы "*дадите мне в рожу*", а я прошу у вас извинения, признаю себя виноватым — и от вызова отказываюсь» (*Толстой.* Т. 60. С. 406).

Выходит в свет № 9 *Совр*; в нем — последняя ст. Добролюбова «Забитые люди (Сочинения Ф. М. Достоевского. Два тома. М., 1860. Униженные и оскорбленные, роман в 4-х частях Ф. М. Достоевского. "Время", 1861, № I—VII)» (подпись: Н. —бов; на обложке и в оглавлении: Н. А. —бов) — ответ на ст. Достоевского «Г. —бов и вопрос об искусстве» (см. ***11 (23) февраля***). Полемизируя с Достоевским, роман которого объявляется «ниже эстетической критики» и даже некой разновидностью «журнальной работы», Добролюбов противопоставляет ему другого рода писателей, «у которых художественное чутье, хотя бы даже и слабое, направлено здраво, в которых не только верно отражаются явления жизни, но которым доступен более или менее и общий, таинственный смысл ее» (*Добролюбов.* Т. 7. С. 240—242). Упоминает повесть Т. «Первая любовь», рассказ «Бретёр» и роман «Накануне», где автор, в отличие от Достоевского, представившего немотивированный образ «романтического самоотверженца» (об этом типе Добролюбов пишет: «...все эти господа, доводящие свое душевное величие до того, чтобы зазнамо целоваться с любовником своей невесты и быть у него на побегушках, мне вовсе не нравятся. Они или вовсе не любили, или любили головою только, и выдумать их в литературе могли только творцы, более знакомые с головною, нежели с сердечною любовью») в «Униженных и оскорбленных», имел «осторожность дать понять читателю, что Берсенев еще сам не отдавал себе ясного отчета в своих чувствах к Елене, когда понадобилось его содействие Инсарову» (*Добролюбов.* Т. 7. С. 230—231). Отзыв Т. об этой ст. см. ***11 (23) декабря*** (п. к Анненкову).

10 (22) октября. **Вторник**. Сообщает Боткину, что «завтра» обедает с Клапкой, Фогтом «и прочими ниспровергателями», а «в пятницу» идет в Парижскую оперу на представление оперы Глюка «Альцеста» (с участием П. Виардо); просит перенести их встречу на четверг и дать знать об этом Соболевскому, Арапетову и Друцким-Соколинским.

Выходит номер газ. «L'Opinion nationale» с опубликованным открытым п. Герцена, в котором говорится о получении Т. анонимного п. с предостережением Герцену (см. ***Начало октября, до 3 (15)***).

11* (*23*) *октября*. Среда**. Вероятно, обедает с Клапкой, Фогтом «и прочими ниспровергателями» (см. ***10* (*22*) *октября).

12* (*24*) *октября*. Четверг**. Предположительно встречается с Боткиным, Соболевским, Арапетовым и Друцкими (см. ***10* (*22*) *октября).

Дата автографа на фотографии Т.: «Ив. Тургенев. Париж. 24 октября 1861» (хранится: *ГЛМ*. № 2331/1; см.: Бюллетень Гос. лит. музея. И. С. Тургенев. Рукописи. Переписка. Документы. М., 1935. С. 145).

Дата п. Борисова (ответ на п. Т. от ***28 августа* (*9 сентября*)**; описывает Новоселки, охоты, сообщает, что недалеко от Спасского и Новоселок продается имение дешевле, чем стоило имение Фета Степановка: «Не досадно ли теперь на нетерпеливого Фета, всё его суета, и что хуже, всё это наделала *статья* "Современника". С того дня, как прочел — он бросился из литературы в фермерство, — это истина верная» (речь идет о ст. Михаловского, см. ***1* (*13*) *августа* *1859***). Высказывает беспокойство в связи с закрытием ун-тов в Москве и Петербурге, с событиями в Варшаве. Пишет о трудностях реформ в деревне: «Надо надеяться, что для будущего по крайней мере выйдет удобрение». Ругает журналы, хвалит роман Диккенса «Большие ожидания», печатающийся в *РВ*, жалеет, что «судьба так Вас мечет и нет у Вас корня. Когда Вас дождешься?» (*Письма Борисова*. С. 351—352). Ответное п. Т. см. ***11* (*23*) *декабря***.

Избирается членом Вольного экономического общества в Москве (см.: Хозяйственная газета. Экономические записки. 1861. 11 ноября. № 46. С. 363).

В Петербургском ун-те возобновились студенческие беспорядки, в результате которых около 300 студентов арестовано и препровождено в Петропавловскую крепость (см.: *Никитенко*. Т. 2. С. 225—226, *599—600*. Коммент. И. Я. Айзенштока). Среди арестованных сын Ф. И. Тютчева Дмитрий, отпущенный вечером того же дня (см.: *Тютчев. Летопись*. Кн. 3. С. 27—28).

13* (*25*) *октября*. Пятница**. Предположительно присутствует на представлении оперы Глюка «Альцеста» (с участием П. Виардо) в Парижской опере (см. ***10* (*22*) *октября).

14* (*26*) *октября*. Суббота**. В п. к Анненкову, встревоженный известиями о студенческих волнениях (см. ***23 сентября* (*5 октября*)**, ***24 сентября* (*6 октября*)**, ***12* (*24*) *октября), просит дать

подробные сведения; спрашивает, не следует ли «при теперешних обстоятельствах» отложить печатание романа: «Поправки все почти кончены — но мне кажется, что надо подождать»; оставляет решение за Анненковым. «Говорить о том, что я чувствую, невозможно, да и кажется не нужно. Утешать себя тем, что “я мол всё это предвидел и предсказывал” — доставляет мало удовольствия». О Боткине сообщает, что он «процветает и объедается». Ответное п. Анненкова см. ***22 октября*** (***3 ноября***).

Обедает с Мериме. Объясняет ему смысл игры «колобряс» (см. ***15*** (***27***) ***октября***).

15 (***27***) ***октября.*** **Воскресенье**. Дата п. Мериме к Соболевскому: «Вчера я обедал вместе с Тургеневым, который объяснял нам, что представляет собою игра *колобряс*. Это нас всех очень расшевелило» (цит. по: *Клеман. Т и Мериме.* С. 717).

В Москве выходит первый номер газ. И. С. Аксакова «День», который надеется на сотрудничество Т. (см. п. Т. к Аксакову от ***8*** (***20***) ***ноября***, а также ***Конец сентября ст. ст.***).

Около середины октября ст. ст. Дата неизв. п. Т. к Герцену, в котором он пишет о своем намерении приехать в Лондон; Герцен отвечает ***16*** (***28***) ***октября***.

Поездка Т. в Лондон состоялась лишь в мае следующего года (см.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 2. С. *671*; *Герцен. Летопись.* С. 307—308).

Предположительная дата п. Кетчера к Анненкову: пересылает ему копию п. Т. к Толстому с вызовом на дуэль (см. ***26 сентября*** (***8 октября***)), полученную «на днях» от Т.; добавляет от себя: «Переписал я это письмо на случай, если он <не> написал об этом к тебе. — Что это за дичь и что тут делать? В Москве я ничего и ни от кого не слыхал. Все это отзывается какой-то сплетней. — Уведомь меня — как ты обо всем этом думаешь»; сообщает, что Катков «не дал мне дочитать повести Тургенева, и потому я еще ничего не могу сказать об ней» (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 47. Л. 3—3 об.). См. также п. Т. к Анненкову от ***1*** (***13***) ***октября*** и ответ Анненкова от ***22 октября*** (***3 ноября***).

16 (***28***) ***октября.*** **Понедельник**. Дата п. к Достоевскому с просьбой о высылке ему в Париж книжек журнала «Время», начиная с сентябрьской; извещает о начале работы над «повестью» (вероятно, «Призраки») для журнала, надеется закончить ее к новому году.

«Призраки» закончены были лишь летом 1863, когда «Время» было уже запрещено цензурой; повесть появилась в сменившей «Время»

«Эпохе» (1864. № 1–2. С. 1–31). Не исключено, что повесть, о которой пишет Т., это «Довольно» (см. п. Т. к Щербаню от ***26 февраля (10 марта) 1862***).

Дата двух ответных п. Герцена к Т. на его неизв. п. от ***Около середины октября ст. ст.***, в котором говорилось о намерении приехать в Лондон. Герцен сообщает, что ждет приезда Т. в любое время: «Ты приедешь если на два дня — то остановись поближе»; сообщает: «Вчера посольство известило Огар<ева>, что он *лишен дворянства*»; советует прочитать ст. в «Галиньяни», где «трунят» над человекоубийством русского правительства («Я начинаю верить, что Алекс<андр> II полетит к черту»); обещает, очевидно по просьбе Т., прислать «Колокол» 1 ноября н. ст. По поводу получаемых п. из России пишет: «Письма у нас — ужасы, страм и страм» (эти письма Герцен частично публиковал в «Колоколе», например, в статьях «Русская кровь льется!», «Петербургский университет закрыт!» и др.).

Второе п. — рекомендательное, посланное в тот же день с едущим в Италию Н. П. Трубецким: «Он у меня работал около года очень хорошо»; просит дать ему адрес Боткина (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 190).

Дата п. Дружинина к Боткину: «Кланяйтесь Тургеневу, когда его увидите» (см.: *Голиненко О. А.*, *Шумова Б. М.* Письма А. В. Дружинина к В. П. Боткину // Мир филологии. М., 2000. С. 80).

18 (30) октября*. Среда**. Дата ответного п. Т. к Ламберт на ее п. от ***Августа — начала октября ст. ст., в котором делится обеспокоенностью в связи с событиями в Петербурге: «...известия из Петербурга меня терзают — и никогда я не пенял на себя так сильно, отчего я не там. — Мое присутствие едва ли было кому-нибудь или на что-то полезно — но все же жутко быть в отдалении, когда совершаются такие странные и знаменательные события» (о студенческих волнениях и арестах см. ***23 сентября (5 октября)***, ***24 сентября (6 октября)***, ***12 (24) октября***, ***14 (26) октября***); жалуется, что «никто из приятелей мне ничего не пишет» и приходится черпать сведения из газет. Сообщает, что видел брата Ламберт В. Е. Канкрина, который «очень плох — кажется, безнадежен» (умер в 1861). Передает слухи о том, что варшавский генерал-губернатор Герштенцвейг умер (в действительности 5 октября ст. ст. он пытался покончить с собой, умер 24 октября ст. ст.), а деверь Ламберт К. К. Ламберт, исполнявший обязанности наместника Царства Польского, уехал из Варшавы; рад, что слухи оказались ложными (на самом деле К. К. Ламберт вынужден был подать в отставку после «американской дуэли» с Герштенцвейгом, которому выпал жребий стреляться). Выражает сочувствие графине.

Вынесен приговор по делу Михайлова (см. ***14*** (***26***) ***сентября***): каторжные работы на 12 с половиной лет (см.: *Лемке М.* Политические процессы в России в 1860-х гг.: по архивным документам. 2-е изд. М.; Пг., 1923. С. 131).

23 ноября (5 декабря) 1861 срок был сокращен до 6 лет. Т. принимал участие в судьбе Михайлова (см. ***28 декабря 1861*** (***9 января 1862***)).

19 (***31***) ***октября***. **Четверг**. Дата резолюции начальника III отделения генерала И. В. Анненкова (брата П. В. Анненкова) на докладной записке о причинах запрещения пьесы Т. «Нахлебник»: «По внимательному рассмотрению этой пьесы я не нашел в ней оскорбления нравственного чувства и дворянского сословия» (см.: *Лит Арх*. Кн. 4. С. 385; см. также п. Т. к Анненкову от ***11*** (***23***) ***декабря***; *Соч.* Т. 2. С. *597*).

По воспоминаниям Бурдина, именно Анненков «просил брата разрешить эту комедию» (*ВЕ*. 1886. № 12. С. 671—672).

Ап. Григорьев пишет Страхову: «От “Отцов и детей” не жду я многого в отношении к содержанию. Тургенев *весь* сказался и больше сказать ему, право, нечего. Мы ведь им балуемся, балуемся его поэтическою струею... Действительно, самая поэтическая жопа, какую я знаю, но жопа!..» (*Григорьев. Письма*. С. 264).

20 октября (***1 ноября***). **Пятница**. Кн. Черкасский пишет Самарину из Владимирской губ. о путешествии по своим имениям и об улучшении в настроении крестьян: «Жаль, если не найдется ни одного художника-писателя, который бы сумел воспользоваться нынешнею минутою и изобразить эту любопытную переходную минуту; тут был бы сюжет единственный, а настроение это продлится в народе не долго, и тому, кто не вгляделся в него пристально теперь, трудно будет допытаться до него искусственно и верно его воспроизвести. Впрочем, Тургенев теперь в своей Орловской деревне; авось, у него хватит еще на это несколько охладелого художественного чутья» (см.: *Трубецкая О., кн.* Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. М., 1904. Т. 1. Кн. 2. Ч. 3—4. С. 298).

В журнале «Revue européenne» (Vol. 18. P. 5—42) выходит вторая часть франц. перевода романа «Накануне», выполненного Делаво. См. ***3*** (***15***) ***октября***, ***3*** (***15***) ***ноября***, ***19 ноября*** (***1 декабря***).

21 октября (***2 ноября***). **Суббота**. Дата п. к гр. Ламберт в ответ на ее недатированное п. (предположительно от ***Августа — начала***

октября ст. ст., которое «напугало» и огорчило Т. «до крайности», уговаривает ехать за границу, где теплый климат более полезен ее сыну и тяжело больному брату В. Е. Канкрину: «Сделайте это непременно, безотлагательно — я Вас умоляю об этом». По поводу К. К. Ламберта (см. ***18 (30) октября***) пишет: «Говорят, и Ваш beau-frère (деверь — *франц.*) сюда едет, чтобы несколько поправить свое потрясенное здоровье». Ответ Ламберт см. ***23 октября (4 ноября)***.

22 октября (3 ноября). **Воскресенье**. Анненков отвечает на п. Т. от ***14 (26) октября***, называя его «вторым» (первое — от ***1 (13) октября*** — осталось, таким образом, без ответа): «Второе Ваше письмо, любезный друг, вывело меня из апатии, которая не у одного меня отбила всякую охоту приниматься за отчет, неизбежно глупый и вздорный». Подавленное состояние было вызвано, очевидно, ужесточением правительственных мер в связи со студенческими волнениями. Советует почитать «Times», где подробно, хотя и не всегда достоверно, описываются события, «но вообще формальная сторона события верна». Сообщает, что «окрестности университета затихли: 200 человек с лишком последнего скопища у дверей его, арестованного целиком — переведены в Кронштадт и будут там судиться. Такое же число прежде взятых групп осталось в крепости и судится уже особой комиссией. До 300 человек <...> высланы из города. <...> из подчинившихся студентов почти никого не бывает в аудиториях <...> университет распадается сам собой, как переношенная тряпка. Вероятно, его закроют для переформировки, как закрыты Московский и Казанский». Пишет об аресте «толпы молодежи» в Московском ун-те, во время которого «народ вмешался в дело и кинулся на студентов с криком: “бей барчонков”». В Казани тоже «стоит войско в университете». Заключает: «Бедное поколение с возбужденными головами — все пропадает, и Бог знает, вынесет ли его волна жизни опять на свет или оно все заглохнет в нужде, присмотре и беспомощности. / Все общество ошеломлено — ввиду польской анархии многие уже расположены думать, что народилась и своя доморощенная». О судьбе арестованного Михайлова сообщает, что его ждут «десять или 12 лет каторги за распространение возмутительных прокламаций» (см. ***18 (30) октября***). По поводу приостановки печатанья «Отцов и детей» пишет: «Я думаю, и Катков будет того же мнения, как и Вы и я, что с романом надо повременить», но «повести не уничтожайте: факт, ею разбираемый, остается в жизни и художественное его отражение должно там же существовать» (см. п. к Каткову от ***1 (13) октября***). По поводу «плачевной

истории с Толстым» (см. ***1 (13) октября***) Анненков советует: «Хорошо, если Толстой распускает слухи по Москве, а если он вызов примет, а заявит, что до распространения сплетни и клеветы не унижался. <…> Ловко ли драться, так сказать, без факта, а только по влечению натуры»; надеется, что Т. послушает мнение друзей «идти ли на барьер или нет. А с мнением и судом друзей, что бы ни было, вы можете смотреть на людей прямо» (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 112—113). О завершении «истории» с Толстым см. ***26 октября (7 ноября)*** и ***8 (20) ноября***.

23 октября (4 ноября). **Понедельник**. Гр. Ламберт отвечает на п. Т. от ***21 октября (2 ноября)***, возмущается «форматом» его писем: «Вы от меня отвыкли совершенно — да и Бог с Вами! — Что Вы за друг — У меня горе — печаль, неприятности, затруднения в жизни, а Вы упоминаете только вскользь о моем жалком и добром брате». Сообщает, что сына Якова доктора отправляют за границу («у него грудь слаба»), К. К. Ламберт очень болен («харкает кровью») и уехал на о. Мадеру, брат (В. Е. Канкрин) «умирает в Париже», а она не может оставить сына, да и сама нездорова: «какая-то тьма ложится на душу и тогда ни на земле, ни на небесах не видишь одной светлой точки, чтоб к ней обратить свою надежду и глаза». Признается, что ненавидит «политику, известья», не хочет говорить об этом: «Меня интересует жизнь тех, которых я люблю — моя собственная, внутренняя <…>. / Слава Богу, крепостное право уничтожено — это человеческое дело — а будет ли перемена судопроизводства, примут ли матрикулы студенты, что из этого? — По-моему, жить бы мирно, любить Бога и ближнего, вот премудрость <…>». Упрекает за краткость его последнего п.: «Не пишите Вы совсем, сделайте одолжение, коли Вам нечего мне сказать — мне больно получать Ваши письма (Далее по-франц. — *Ред.*) — это производит впечатление злой насмешки или упрека совести — то и другое ранит» (*Granjard.* P. 158—159).

26 октября (7 ноября). **Четверг**. Не получив п. Анненкова от ***22 октября (3 ноября)***, сообщает о получении п. от Толстого от ***8 (20) октября*** с опровержением слухов о разглашении им копии своего «оскорбительного» п. (очевидно, второго или третьего из несохранившихся п. Толстого, см. ***28 мая (9 июня)***), «вследствие чего мой вызов становится недействительным — и мы драться не будем, чему я, конечно, очень рад. Сообщите это Колбасину — и пусть он менее верит своим друзьям».

Из последней фразы следует, что именно Е. Я. Колбасин передал Т. слух, который вторично едва не привел Т. к дуэли с Толстым.

Хочет узнать мнение Анненкова по поводу задержки с печатанием «Отцов и детей» в *РВ* (см. ***22 октября*** (***3 ноября***)).

27 октября (***8 ноября***). **Пятница**. В п. к Каткову, «по совету друзей и по собственному убеждению», просит отложить «на некоторое время» печатание «Отцов и детей», «тем более, что и цензура теперь может сделать затруднения». Обещает, что это «не помешает мне прислать Вам сделанные мною значительные изменения и поправки». Заверяет, что во всяком случае «Отцы и дети», «если явятся, то не иначе, как в “Русском вестнике”»; повторяет просьбу рукопись «держать у себя и не давать ее никому для чтения».

Конец октября ст. ст., до 28. Дата неизв. «большого» п. Достоевского к Т. с просьбой поторопиться с написанием обещанной повести для журнала «Время», интересуется, когда появится новая повесть Т. в *РВ* («Отцы и дети») и каково ее содержание, описывает общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в связи со студенческими беспорядками, волнениями в Польше, крестьянскими бунтами. Сообщает о выпадах против Т. в *Совр*, обещает высылать в Париж номера «Времени». Ответ Т. см. ***30 октября*** (***11 ноября***).

28 октября (***9 ноября***). **Суббота**. Дата п. Толстого к Чичерину, в котором он возвращается к конфликту с Т., предлагавшим дуэль: «...я всё возможное сделал, чтобы его успокоить. *Драться* же с кемнибудь, и особенно с ним, через год, за 2000 верст столько же для меня возможно, как, нарядившись диким, плясать на Тверской улице» (*Толстой.* Т. 60. С. 408). См. ***26 сентября*** (***8 октября***) и ***8*** (***20***) ***октября***.

29 октября (***10 ноября***). **Воскресенье**. Предположительная дата п. Каткова к Т. (ответ на п. от ***27 октября*** (***8 ноября***)) с предложением доработать образ главного героя романа «Отцы и дети».

Фрагменты этого п. Т. включил позже в подстрочный комментарий к своей ст. «По поводу “Отцов и детей”» (1869), по которой оно воспроизводится здесь: «Если и не в апофеозу возведен Базаров <...> то нельзя не сознаться, что он как-то случайно попал на очень высокий пьедестал. Он действительно подавляет всё окружающее. Всё перед ним или ветошь, или слабо и зелено. Такого ли впечатления нужно было желать? В повести чувствуется, что автор хотел характеризовать начало

мало ему сочувственное, но как будто колебался в выборе тона и бессознательно покорился ему. Чувствуется что-то несвободное в отношениях автора к герою повести, какая-то неловкость и принужденность. Автор перед ним как будто теряется, и не любит, а еще пуще боится его!». «Далее, — продолжал Т., — г-н Катков сожалеет о том, что я не заставил Одинцову обращаться иронически с Базаровым, и т. д. — всё в том же тоне!». В самой ст. он писал: «Когда г. Катков получил от меня рукопись “Отцов и детей”, о содержании которой он не имел даже приблизительного понятия, — он почувствовал недоумение. Тип Базарова показался ему “чуть не апофеозой «Современника»”, и я бы не удивился, если б он отказался от помещения моей повести в своем журнале» (*Соч.* Т. 11. С. 92—93).

Дата ответного п. Энгельгардт к Фету на его неизв. п.: «Не браните меня за то, что я сказала о Тургеневе. Вы его знаете с выгодной стороны, а я с самой невыгодной, как и многие, впрочем. Зачем же он так себя показывает, тем в особенности, кто бы дорого дал, чтоб иметь право любить его. <...> А вам спасибо за это слово: *Ведь надо же кому-нибудь быть orfèvre!* (ювелиром — *франц.*)»; эта фраза из п. Фета, очевидно, относилась к Т. (см.: *Письма Энгельгардт к Фету.* С. 68). Письмо Энгельгардт с отрицательным отзывом о Т. неизв.

30 октября* (*11 ноября*). Понедельник.** Отвечает Достоевскому на его «большое» п. (неизв.), где благодарит за обещание прислать «Время», «которое я жду с нетерпеньем»; сообщает, что «повесть («Отцы и дети»), «по причинам внутренним и внешним, явится *не скоро* в “Русском вестнике”, во всяком случае не прежде возвращения моего в Россию — весной, — а может быть, совсем не явится. Последнее даже вероятнее». По поводу нападок *Совр*, вызванных разрывом Т. с журналом, пишет: «...“Современник” плюется и сознательно лжет: но ведь это не в первый раз», сообщает, что у него есть п. от Некрасова (от ***15* (*27*) *января), «писанное *в начале* этого года, в котором он мне делает самые блестящие предложения — я ему отвечал, что сотрудником “Современника” более не буду — ну и выходит, что надо сказать публике, что меня прогнали. Это всё ничтожно и не стоит внимания. Это остается ничтожным, даже если Добролюбов меня совсем доконает — ибо что такое *я*, что такое — отдельное лицо?». Сообщает, что повесть («Призраки»), предназначенная для «Времени», «не подвинулась» в последние дни («много других мыслей (не литературных) вертелось у меня в голове...», — намек на события в России), но «я либо ничего не буду писать или напишу эту вещь для Вас. А писать ее хочется». Просит продолжать переписку. Говоря о журнале «Время», пишет: «Вы не

можете сомневаться в искреннем участии, которое я принимаю в Вас, в Вашем журнале — и во всем, что до Вас касается». По поводу содержания своей новой повести («Отцы и дети»), о чем, видимо, спрашивал Достоевский, пишет: «О содержании моей повести для “Р<усского> в<естника>” говорить в письме невозможно; главное лицо представляется выраженьем новейшей нашей современности — и так как она сама недавно выразилась довольно безобразно — то литературе остается до времени помолчать». Передает поклон Полонскому и «всем добрым приятелям». В постскриптуме пишет, что только что прочел в *РВ* ст-ние Вяземского «Заметка» («Свободой дорожу, но не свободой вашей...») (Т. 34. № 7—8. С. 696—697, с подзаголовком «Из собрания стихотворений “На дороге и дома”»): «Экая мерзость! — Нет, видно, кроме Вашего журнала нигде участвовать нельзя».

Обличая свободу в либеральном понимании слова (с известными лозунгами «Свобода, равенство, братство»), Вяземский противопоставляет ей свободу тех, «кто умирил желанья, / Кто светел и душой, и помышленьем чист, / Кого не обольстят толпы рукоплесканья, / Кого не уязвит нахальной черни свист». Разоблачая «нового Гракха республики журнальной» (очевидно, Некрасова), который косит «косою либеральной / Заслуги, род и честь и все, что им сродни», Вяземский заявлял:

Душой свободен был Шенье, всходя на плаху,
А Робеспьер был раб в кровавом торжестве.

Дата ответа на не сохранившееся целиком п. Каткова, отрывок из которого позже был включен Т. в ст. «По поводу “Отцов и детей”» (1869), см. ***29 октября* (*10 ноября*)**. Из п. следует, что писатель в это время интенсивно работает над черновой рукописью романа. Соглашается «почти со всеми» замечаниями Каткова, «особенно насчет *Павла Петровича* и самого Базарова». По поводу характера Одинцовой, возражает: «Что же касается до Одинцовой, то неясность впечатления, производимого этим характером, показывает мне, что надо и над ним еще потрудиться. (Кстати, *спор* между П. П. и Базаровым совсем переделан и сокращен.)». Настаивает на том, что печатанье романа должно быть отложено как по причине напряженности общественно-политической обстановки, так и по причине необходимости доработки: «Очевидно, что повесть, и по причине современных обстоятельств, и вследствие внутренней своей недоделанности — *пока* — должна быть отложена, — с чем и Вы согласитесь. Мне очень жаль, что это так вышло, но именно с таким сюжетом

надо выйти перед читателем в полном (по возможности) вооружении. Я хочу всю ее пересмотреть не спеша — перепахать ее». Надеется, что ко времени своего возвращения в Россию весной (к апрелю) следующего года «существующие *теперь* затруднения — внутренние и внешние — исчезнут» и «нам, наконец, удастся пустить это детище гулять по свету». Не соглашается с предложением снизить излишне героизированный образ Базарова, настаивает на его жизненности: «Ни Одинцова не должна иронизировать, ни мужик стоять выше Базарова, хоть он сам пуст и бесплоден... Может быть, мое воззрение на Россию более мизантропично, чем Вы предполагаете: он — в моих глазах — действительно герой нашего времени. Хорош герой и хорошо время, — скажете Вы... Но оно так». Повторяет просьбу «о заключении под спуд моего продукта».

3 (15) ноября*. Пятница.** Дата смерти сына Ламберт Якова. См. ***Между 5 (17) и 12 (24) ноября и ***15 (27) ноября***.

В журнале «Revue européenne» (Vol. 18. P. 209—242) выходит третья часть франц. перевода романа «Накануне», выполненного Делаво. См. ***3 (15) октября***, ***20 октября (1 ноября)***, ***19 ноября (1 декабря)***.

***4 (16) ноября*. Суббота.** Боденштедт пишет Гейзе: «О Тургеневе я за последние три месяца ничего не слыхал и полагаю, что едва ли он приедет в этом году в Мюнхен. Из-за хлопот, связанных с освобождением крестьян, он, по-видимому, задерживается в своих имениях» (цит. по: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 350, примеч. 12).

7 (19) ноября*. Вторник.** Герцен отвечает Бенни на его п., полученное «только вчера, с лишком через два месяца» (неизв.), и переданное им из России через Т., который рассчитывал вручить его Герцену при личной встрече (см. п. Т. к Герцену от ***25 сентября (7 октября)); отрицательно оценивает составленный Т. адрес Александру II (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 194). См. также ***Начало августа ст. ст.***

8 (20) ноября*. Среда.** Отвечает Аксакову на его недатированное п. (вероятно, ***Конца сентября ст. ст.: *РО*. 1894. № 12. С. 599) с просьбой предоставить обещанную ст. в газ. «День»: «...спешу сознаться, что я точно виноват перед Вами в неисполнении моего обещания. <...> пера в руки не брал. Этому горю помочь теперь нельзя; сведения, сообщенные мною Вам о состоянии крестьянского вопроса в *сен-*

тябре месяце — потеряли теперь всякий интерес — и я уверен, что Ваши корреспонденты из мировых посредников сообщили уже Вам все более любопытные факты. Но я все-таки считаю себя в долгу перед Вами — и постараюсь доставить Вам в теченье нынешнего же года какую-нибудь статью для Вашего издания» (не осуществ.). См. также ***31 августа*** (***12 сентября***) — ***1*** (***13***) ***сентября***, ***4*** (***16***) ***сентября***. Сообщает, что печатание «Отцов и детей» отложено «на неопределенное время»: «и время теперь не такое — да и поправить ее нужно»; собирается прочесть роман Аксакову весной, когда будет в Москве. Имея в виду начавшиеся волнения среди студенчества, пишет: «Обо всем остальном, что происходит в России, нужно говорить слишком много или молчать». Узнав о появлении в № 3 газ. «День» (от 28 октября) ст. Аксакова, обращенной к студентам («Слово к студентам»), высказывает надежду: «Дай бог, чтобы они послушались голоса человека, которого они не могут заподозрить!» (в ст. содержался призыв к молодежи бросить «бесполезные толки, волнения без содержания и без цели»).

В п. к Фету откликается на жалобы в связи с хозяйственными неурядицами в Степановке, уверяет, что все наладится, и предсказывает, что Фет «пробьется» «чрез все затруднения», если покинет «дерзостную мысль о воздвижении каменных конюшен и т. д. и т. д.». Имея в виду «несчастную историю с Толстым», сообщает: «Проезжая через Петербург, я узнал от *верных людей* (ох, уж эти мне верные люди!) — что по Москве ходят списки с последнего письма Толстого ко мне (того письма, где он меня “презирает”) — списки, будто бы распущенные самим Толстым. Это меня взбесило — и я послал ему отсюда вызов на время моего возвращения в Россию. Толстой отвечал мне, что это распространение списков — чистая выдумка — и тут же прислал мне письмо, в котором, повторив, что и как я его оскорбил — *просит у меня извинения и отказывается от вызова*»; просит Фета передать Толстому (поскольку Толстой написал в неизв. п., что «всякое новое обращение к нему от моего лица сочтет за оскорбление»), что он сам отказывается «от всякого вызова». Надеется, что «всё это похоронено навек». Сообщает, что п. Толстого, посланного через книгопродавца Давыдова, не получил вовсе.

Говоря о получении п. от Толстого, «где он меня “презирает”», Т. имел в виду третье не сохранившееся п. Толстого, не учтенное в литературе, посвященной вопросу о несостоявшейся дуэли (см. ***28 мая*** (***9 июня***)), частично оно было процитировано в дневнике С. А. Толстой (в *П.* Т. 4. С. *663*, примеч. 6 ошибочно указано, что речь идет о п. Толстого к Фету от ***28 мая*** (***9 июня***)). Фет приложил п. Т. к своему п. к Толстому (см.

Конец ноября ст. ст., а также п. Т. к Толстому от ***26 сентября*** (***8 октября***)).

Сообщает, что «Отцы и дети», о которых «так благоприятно» отозвался «ночной фортопианист» (такое прозвище дал Фет Делаво, который, как следует из п., ознакомился с романом в рукописи. — *Ред.*), «по причинам внутренним и внешним» не явятся раньше весны, «может быть даже совсем нигде не явятся»; надеется прочитать повесть вместе с Фетом при свидании весной.

Герцен в п. от 9 (21) ноября к Фогту, написанном вместе с сыном Александром, сообщает радостную весть о побеге Бакунина из Сибири и скором прибытии его в Лондон, а также об осуждении «одного из наших друзей» Михайлова на 12 лет каторги «за выпуск нелегальных прокламаций». Пишет, что в Москве «6 студентов убиты или умерли от ран. 30 в больнице», что «Петербургский университет опустошен, те студенты, которые не оказались в Кронштадте, высланы в губернии (какая великолепная пропаганда)» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 197. Подлинник по-франц.).

10 (***22***) ***ноября.*** **Пятница**. Л. 113 «Колокола» (С. 941) открывается заметкой: «*МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН* в С.-Франциско. *ОН СВОБОДЕН!* Бакунин уехал из Сибири через Японию и собирается в Англию. Извещаем с восторгом об этом всех друзей Бакунина» (*Герцен.* Т. 15. С. 194).

11 (***23***) ***ноября.*** **Суббота**. На заседании Главного управления по делам печати принято решение объявить *Совр* и *РСл* последнее предостережение за их «весьма важное влияние на массу читающей публики, особенно публики молодой. Направлению, в котором они издаются, должны быть положены преграды» (см.: *Никитенко*. Т. 2. С. 239).

15 (***27***) ***июня 1862*** *Совр* был приостановлен на 8 месяцев и вновь вышел ***9*** (***21***) ***февраля 1863***.

Между 5 (***17***) ***и 12*** (***24***) ***ноября***. Предполагаемая дата п. гр. Ламберт к Т. с извещением о смерти сына (см. ***3*** (***15***) ***ноября***): «Иван Сергеич! / Я потеряла дорогого единственного сына — и я радуюсь тому, что его кончина была тихая и светлая — он отлетел в лучший мир, оставив по себе именно — вечную память. — Пишите чаще. Ваш друг / Е. Л.».

Датируется на следующих основаниях: вряд ли графиня написала Т. о смерти сына до похорон, которые должны были состояться око-

ло 5 (17) ноября. Т., получив это п., не задержался с ответом (см. ***15 (27) ноября***). В первой публикации п. Ламберт датируется «около 10 (22) ноября» (*Granjard.* P. 161).

12 (24) ноября. **Воскресенье**. В «Neues Frankfurter Museum» (приложение к нем. газ. «Die Zeit») под заглавием «Edelfrau und Knecht» («Барыня и холоп») начинается публикация рассказа Т. «Муму», переведенного Матильдой Боденштедт (Bd 4. № 201—208; переводчиком указан Боденштедт). Продолжение печаталось 26—29 ноября, 1, 3, 4 декабря н. ст. См. ***Лето н. ст.***; ***22 ноября (4 декабря)*** и п. Боденштедта к Т. от ***13 (25) декабря***.

15 (27) ноября. **Среда**. Отвечает гр. Ламберт на ее недатированную записку с известием о смерти сына (см. ***Между 5 (17) и 12 (24) ноября***), которая «в одно и то же время и усилила мою печаль, и несколько успокоила. Я не мог себе представить состояние Вашей души; меня утешает мысль, что Вы перенесли поразивший Вас удар с христианским смирением и твердою верою в Бога, который всё ведет к лучшему. Да поддержит и вперед Вас эта вера! <...> Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды». Сообщает о встрече с вдовой брата Ламберт В. Е. Канкрина, которую полюбил «за ее искренность и простоту ее горя», признается, что не ожидал этого от нее «и это только доказывает, как трудно знать людей». Надеется, что ее возвращение в Петербург утешит Ламберт. Ответное п. Ламберт см. ***23 ноября (5 декабря)***.

Середина ноября ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к Герцену (см.: *Утраченные письма* (2). С. 301), на которое Герцен отвечает ***20 ноября (2 декабря)***.

Предположительная дата неизв. п. Фета к Толстому, в которое вкладывает выписку из п. к нему Т. от ***8 (20) ноября***: «Только что кончил я к Вам мою галиматью, как получил письмо от Тургенева, в котором одно место, имеющее отношение к Вам, выписываю буквально из опасения недоразумения» (*Толстой. Летопись*. С. 251, где п. датировано предположительно концом ноября; *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 351—352, где п. датировано, как в *Толстой. Летопись*). Ответное п. Толстого к Фету см. ***Вторая половина ноября ст. ст***.

Обозначение в п. Фета, что он сделал выписку из п. Т. от ***8 (20) ноября*** тотчас по получении его, позволяет сдвинуть датировку с конца на середину ноября ст. ст.

До 17 (29) ноября. Предположительно в это время отправляет Виктору де Марсу, главному редактору журнала «Revue des deux mondes», корректурные листы франц. перевода «Дневника лишнего человека» («Le Journal d'un homme de trop», листы не сохр.), поясняет некоторые исправления в корректуре; сожалеет, что редактор снял слова «перевод с русского В. Деложа» (личность не установлена, возможно, псевдоним Делаво); просит расплатиться с переводчиком (или переводчицей), который «еще ничего не получил» за перевод комедии «Где тонко, там и рвется» (см. ***3 (15) июля***) и который в настоящее время находится в Париже. Просит напечатать 5 экземпляров «Дневника лишнего человека» отдельно. В постскриптуме объясняет, как правильно писать его фамилию по-франц., считает, что написание окончаний русских фамилий почему-то принято передавать двумя глухими согласными («ff»), хотя надо было бы писать «v», то есть «Tourguénev», а не Tourguéneff».

В *П.* Т. 4. С. 383 п. к де Марсу датируется более широко: между 28 сентября (10 октября) и 1 (13) декабря, что вряд ли возможно, поскольку корректуры были получены незадолго до выхода в свет соответствующего номера журнала. См. также п. Т. к Фету от ***26 декабря 1861 (7 января 1862)***.

17 (29) ноября. **Пятница**. В ночь с 16 на 17 ноября умирает Добролюбов (некрологи: *СПбВед.* 18 ноября. № 257. С. 1410; *Сев Пчела.* 18 ноября. № 259. С. 1075). Отклик на его смерть см. в п. Т. к Анненкову от ***11 (23) декабря***, а также в п. к Борисову того же дня.

19 ноября (1 декабря). **Воскресенье**. В журнале «Revue des deux mondes» (Vol. 36. P. 655–699; подпись: I. Tourguenef) под заглавием «Le Journal d'un homme de trop») выходит франц. перевод «Дневника лишнего человека», выполненный неким В. Деложем. См. ***До 17 (29) ноября.***

В 1862 вошел в состав сборника «Dimitri Roudine, suivi du Journal d'un homme de trop et de Trois rencontres» (см. ***7 (19) апреля 1862***). См.: *Waddington/Montreynaud.* Item 22, 24.

20 ноября (2 декабря). **Понедельник**. Дата п. Герцена (ответ на неизв. п. Т. от ***Середины ноября ст. ст.*** (см.: *Утраченные письма* (2). С. 301). Сообщает, что Бакунин, от которого получил третье п., находится в Нью-Йорке, куда приехал 16 ноября н. ст. (см. ***10 (22) ноября***), ждет денег из России, которые ему собрали «довольно» «его близкие друзья» («это по секрету»); сообщает, что послал Бакунину

1000 франков; просит Т. «похлопотать» и занять денег для Бакунина у Боткина («пусть Ботк<ин> пришлет мне 500, а если хочет — 1000 — 500 я ему отдам, когда мне пришлют для Бак<унина>»). Пишет, что его сын Александр все «больше и больше хочет ехать в Россию», интересуется, «что надобно делать и с кем посоветоваться», при условии, что «об уступках и речи нет», имея в виду свои убеждения. Полагает, что «бури нисколько не объясняют твоего неприезда», «еще менее бури не объясняют, что не сообщаешь новостей»; по просьбе Т. отдал какому-то «юному» «поляку» 4 франка; спрашивает, был ли у Т. Долгоруков, искавший Н. П. Трубецкого, который «попался в тюрьму в Турине» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 200—201). Ответ Т. неизв. См. п. Т. к Герцену от ***13* (*25*) *января 1862*.**

***21 ноября* (*3 декабря*).** **Вторник**. Просит Анненкова передать Н. Н. Тютчеву благодарность за высылку трех экземпляров *Соч* (*1860—1861*). Интересуется, действительно ли Анненков собирается издавать журнал и уже получил разрешение: «...эта мысль у Вас отличная. Я бы, разумеется, стал вашим исключительно сотрудником, насколько хватило бы сил», хотя признается, что «очень ослабевает в литературном отношении и пера в руки не берет». Спрашивает, взял ли Анненков у Тютчева оставленные Т. 100 р. сер. для выдачи стипендии двум бедным студентам и отдал ли кому следует. Уведомляет, что дал знать Каткову «о нежелании моем печатать “Базарова” в теперешнем виде — да и он, кажется, этого не желает, а переделка, между нами, еще далеко не кончена». О студенческих волнениях пишет: «У вас в Петербурге, кажется, всё понемногу утихает», просит написать об этом. Спрашивает о состоянии здоровья Добролюбова: «Очень было бы жаль, если б он умер»; сообщает о смерти единственного сына гр. Ламберт. Жалуется на возвращение старой болезни. Ответ Анненкова см. ***4* (*16*) *декабря*.**

22 ноября* (*4 декабря*). *Среда. В «Neues Frankfurter Museum» под заглавием «Барыня и холоп» выходит окончание нем. перевода рассказа Т. «Муму» (Bd 4). См. ***12* (*24*) *ноября*.**

23 ноября* (*5 декабря*).** **Четверг**. Дата п. гр. Ламберт (ответ на п. Т. от ***15* (*27*) *ноября) с подробным описанием смерти сына (см. ***3* (*15*) *ноября***) и похорон брата В. Е. Канкрина, скончавшегося в Париже. Пишет в день похорон брата, опасается за жизнь деверя К. К. Ламберта, от которого нет известий, и младшего брата Александра (*Granjard.* P. 162—164). Ответ Т. см. ***10* (*22*) *декабря*.**

26 ноября* (*8 декабря*). Воскресенье.** Выходит № 95 газеты «Русская речь и Московский вестник» (см. ***1* (*13*) *января), в котором помещено объявление: «“Дворянское гнездо” Тургенева явилось во французском переводе графа Соллогуба и Альфонса де-Калонння, под заглавием: “Une Nichée de Gentilshommes: mœurs de la vie de province en Russie”. Французские журналы отзываются об этом сочинении с величайшими похвалами» (С. 688).

Вторая половина ноября ст. ст. Предположительная дата записки Толстого к Фету (ответ на его п. от ***Середины ноября ст. ст.***) с выпиской из п. Т.: «Тургенев — *подлец, которого надобно бить*, что я прошу вас передать ему так же аккуратно, как вы передаете мне его милые изречения, несмотря на мои неоднократные просьбы о нем не говорить»; и «прошу вас не писать ко мне больше, ибо я ваших, так же как и Т<ургене>ва, писем распечатывать не буду» (*Толстой*. Т. 60. С. 413, где записка ошибочно датирована 10—11 января ст. ст. 1862; в *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 354 она датирована декабрем 1861 и ошибочно указано, что она послана Фетом в середине декабря).

Приведя эту недатированную записку в своих воспоминаниях и опустив в ней оскорбительное высказывание по адресу Т., Фет ошибочно отнес ее ко времени ссоры Т. с Толстым в Степановке, т. е. к маю, а не к ноябрю 1861 (см.: *Фет. МВ*. Ч. 1. С. 374), однако сохранившееся п. Фета с выпиской из п. Т. от ***8* (*20*) *ноября*** позволяет с уверенностью отнести записку Толстого ко второй половине ноября.

После этой записки Толстого переписка между ним и Фетом прервалась до октября 1862.

Конец ноября ст. ст. Предположительная дата «большого» п. Каткова к Т. (неизв.), на которое Т. отвечает ***4* (*16*) *декабря*** и ***8* (*20*) *декабря***. В п. Катков упрекает писателя в задержке с печатаньем «Отцов и детей», высказывает опасения, что роман будет опубликован в другом журнале. В п. к Анненкову от ***11* (*23*) *декабря*** Т. характеризует это п. как «исполненное брани и упреков».

21 ноября* (*3 декабря*) — *4* (*16*) *декабря*. Вторник — понедельник.** Предположительная дата неизв. п. Т. к Анненкову. Упоминается в п. Т. к Анненкову от ***11* (*23*) *декабря: «...по крайней мере *одно* мое письмо к Вам затерялось».

4* (*16*) *декабря*. Понедельник**. Отвечает Каткову, что «сию минуту» получил его п. (от ***Конца ноября ст. ст.), в котором, вероятно, выражалось беспокойство, вызванное не только тем, что Т. приостановил печатание «Отцов и детей», но и слухами, что роман будет печататься во «Времени»: «Если я Вас огорчил (нисколько того не желая), — то и Вы меня немало огорчили, допустив во мне возможность изменить данному слову. Я Вам сказал и еще повторяю: “Отцы и дети” не явятся *нигде*, кроме “Русского вестника”, и если время их появления отсрочено, — то этому виною причины внешние, которые Вам известны и которые, по Вашим словам, <не> имеют особой важности — и причины внутренние, — т. е. собственно мое не вполне удовлетворенное чувство и согласие с сделанными мне замечаньями». Имея в виду замечания, высказанные самим Катковым, Анненковым и Боткиным, Т. обосновывает необходимость доработки романа: «Вы бы сами не захотели, чтоб я подвергал на суд публики вещь, которая в моих же собственных глазах не соответствует моим намереньям. Но я надеюсь, что с окончанием поправок, которые значительны и за переписывание которых я принялся, все затруднения устранятся». Уполномочивает Каткова показать это п. кому угодно и «даже объявить о нем печатно, — *“Отцы и дети” назначены для “Р<усского> в<естника>” и появятся только в нем*». Обещает к новому году выслать все поправки и не видит причины, «почему повесть не явилась бы в январской книжке». Поясняет, что действительно обещал «Времени» «большую повесть, которая вся будет состоять из 40 страниц, — из которых написано 2 или 3», утверждая, что «между ею и Вашей повестью нет ничего общего». Отвергает упреки «в малодушии, желании угодить петербургским друзьям и т. п.», в определении своего намерения печатать роман в *РВ* как «*утки*, *пуфа*». Указывает в качестве подтверждения своих слов на журнал *Совр*, на который, видимо, намекал Катков в своем п. и в программе которого исчезло имя Т. (см. ***6* (*18*) *октября 1860***) и остались лишь имена Добролюбова и Чернышевского: «...я не боюсь разрыва с людьми, которых перестал уважать». Заключает п. утверждением, что мог бы обидеться, если бы слова Каткова не льстили его самолюбию, просит «впредь не верить никакой болтовне, а верить моему слову»: «Чтобы успокоить Вас, посылаю Вам два слова по телеграфу». См. также ***13* (*25*) *декабря***.

Дата неизв. телеграммы Т. к Каткову с подтверждением, что роман «Отцы и дети» будет печататься в *РВ*. Упоминается в п. Т. к Кат-

кову того же дня (см. выше), а также в п. к тому же адресату от ***8* (*20*) *декабря*** и к Анненкову от ***11* (*23*) *декабря***.

Дата п. Анненкова к Т. (ответ на п. от ***21 ноября* (*3 декабря*)**). Откликается на просьбу Т. передать оставленные 100 р. сер. в качестве стипендии каким-то пострадавшим студентам, предположительно полякам: «...здесь снова скандал произошел: студент-поляк не матрикулированный явился в университет в польском костюме и прибил вкупе с товарищами субинспектора Шмидта, требовавшего его удаления». Полагает, что ун-т снова будет закрыт: «Это полное разложение универс<итета> и поэтому не следует ли приостановиться со стипендиями <...>».

Возможно, предложение Т. было вызвано подпиской, о которой упоминает Л. И. Лаврентьев в п. к Герцену от 25 июля (6 июня) 1862: «В декабре месяце прошлого года в Гейдельберге составилась подписка в пользу тех студентов, которые, вследствие распоряжений тогдашнего министра народного просвещения г. Путятина, за недостатком средств не могли вступить в университет. Намерение было разослать эту подписку по всем заграничным городам, где обыкновенно живут русские. <...> В Париже взял ее на себя И. С. Тургенев» (*ЛН*. Т. 62. С. 281).

Иронически предлагает послать стипендии в Московский ун-т: «...там порядок, благодаря вмешательству профессоров, которые на петербургское движение смотрят, как на мутную струю пошлого и антинаучного либерализма, будто бы здесь процветающего». Сообщает о лекции Чичерина, обличавшего петербургских доктринеров и призвавшего слушаться указаний «прогрессивной нашей администрации». Пишет, что «гурьбу задержанных студентов» выпустили, «пяток» из них будет сослан, а остальные отправлены к родителям. Никакого журнала, по словам Анненкова, он издавать не собирался, а министр внутренних дел Валуев намерен издавать газ. «Северная почта», взяв в редакторы Никитенко с жалованьем в 10 000 р. До получения ответа Т. по вопросу о стипендиях собирается на оставшиеся деньги подписаться на журналы (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 114–115).

Начало декабря ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к Дудышкину (ответ на неизв. п. Дудышкина), с просьбой перевести и поместить в *ОЗ* один из рассказов Маркович. Упоминается в п. Дудышкина к Т. от ***15* (*27*) *декабря***: «Я был очень рад, когда получил ваше письмо, в ответ на мое» (см.: *ИРЛИ*. № 5805. Л. 5).

7* (*19*) *декабря*. Четверг**. Актер Александринского театра Бурдин сообщает Т. в Париж о волнениях среди петербургских студентов. Выписка из его п. сохранилась в перлюстрациях III отделения: «Вчера кончилась студенческая история: 200 человек прощены совершенно, около сорока исключены из университета и отданы на поруки родителям, с правом поступить снова в университет <...>. Самое строгое наказание обрушилось человек на пять, наиболее виновных, которые посылаются на службу в дальние губернии и то на короткий срок <...>». Находит, что «меры снисходительности» не принесли плодов, рассказывает историю с кулачной расправой над субинспектором Шмидтом, хвалит кн. Суворова, «который действовал с редкой теплотой и участием к заблуждающимся юношам» (цит. по: *Громов В. А.* Корреспонденты Тургенева 1858—1861 гг. в перлюстрациях III Отделения // *Т Сб* (*4*). С. 239—240). О получении этого п. Т. писал Анненкову в ***Середине января ст. ст. 1862.

Дата п. Мериме к Т. по поводу рассказа «Жид», в целесообразности публикации которого на франц. языке Т., по-видимому, сомневался и просил совета у Мериме. «Я нахожу рассказ несколько скабрезным, — писал Мериме, — <...> что же касается перевода (предположительно сделанного Делаво. — *Ред.*), то было бы проще всего, если бы вы взяли на себя труд прийти ко мне завтра на чашку чая. Мы бы прочли рассказ с пером в руке и сделали бы некоторые небольшие изменения, если вы не сможете прийти завтра, то в субботу я отошлю вам рукопись с вариантами» (*Mérimée*. Т. 4. P. 428).

Очевидно, встреча не состоялась, поскольку сохранился (частично) список поправок, сделанных рукой Мериме (Ibid. P. 429), из которых не все были учтены Т. при публикации в 1862 в «Revue nationale» и в сборнике «Nouvelles moscovites» (см.: *Горохова Р. М.* К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» // *Т Сб* (*1*). С. 261—262). Не будучи уверенным в своем мнении относительно печатания рассказа, Мериме обратился за советом к Делессер (см. ***10* (*22*) *декабря***) и порекомендовал Т. обратиться с тем же к Биксио (см. ***Декабрь ст. ст.***).

8* (*20*) *декабря*. Пятница.** Сообщает Каткову, что «на днях» послал ему п. (см. ***4* (*16*) *декабря) и телеграмму (неизв.) в ответ на его «большое письмо» (неизв.) от ***Конца ноября ст. ст.***); просит выслать 1000 р. сер. в счет гонорара за роман «Отцы и дети» («надеюсь теперь, что последние Ваши сомнения исчезнут, — ибо никто еще меня не обвинял в том, что я на фуфу забираю деньги»); обещает выслать «поправки» к роману «через несколько дней, — самое позд-

нее через две недели». Просит сообщить сумму, которую он должен Каткову, за вычетом 200 франков, данных в прошлом году сестре жены Каткова кн. Н. П. Шаликовой, и за вычетом 24 франков («что стоит телеграмма») в качестве «маленького мщения», за недоверие и упреки, «которыми Вы меня осыпали». Об исправлениях к «Отцам и детям», высланных Т. с Щербанем, см. ***28 января*** (***9 февраля***) ***1862***. См. также п. Т. к Каткову от ***11*** (***23***) ***января 1862*** и ***28 января*** (***9 февраля***) ***1862***.

Ханыков сообщает Ег. П. Ковалевскому из Парижа: «Все Ваши парижские знакомые процветают. И. С. Тургенев по-прежнему в 210 номере улицы Риволи, Боткин в 148 той же улицы» (*РНБ*. Ф. 356. № 361. Л. 6 об.).

Дата ценз. разрешения № 11 *РСл*; в нем — ст. Писарева «Писемский, Тургенев и Гончаров (*Сочинения А. Ф. Писемского, т. I и II; Сочинения И. С. Тургенева*)» (Отд. 2. С. 1—48; о Т. см. с. 24—48), в которой рецензировалось издание *Соч* (*1860—1861*). Т., и особенно Писемский, в представлении Писарева, художники, помогающие самопознанию общества в большей степени, нежели Гончаров; при этом критик предпочтение отдает Писемскому, от героев которого читатель более других названных романистов получает ответы. «Я считаю, — писал рецензент, — трех названных мною романистов важнейшими представителями современной поэзии и отвергаю заслуги наших лирических поэтов, за исключением гг. Майкова и Некрасова»; Т. и Писемский «стояли в чисто отрицательных отношениях к нашей действительности», и этот «скептицизм — величайшая их заслуга перед обществом»; данная характеристика относилась ко всему творчеству Т., за исключением романа «Накануне» (см. также: *Писарев*. Т. 3. С. 229—263). Ст. Писарева Т. обсуждает в п. от ***24 января*** (***5 февраля***) ***1862*** к Полонскому, приславшему писателю ее отрывок.

10 (***22***) ***декабря***. **Воскресенье**. Отвечает гр. Ламберт на ее «трогательное» п. от ***23 ноября*** (***5 декабря***), сочувствует по поводу смерти ее брата В. Е. Канкрина, которого видел незадолго до его кончины: «Естественность смерти гораздо страшнее ее внезапности или необычности. Одна религия может победить этот страх... Но сама религия должна стать естественной потребностью в человеке, — а у кого ее нет — тому остается только с легкомыслием или с стоицизмом <...> отворачивать глаза»; рассказывает о смерти жены русского посланника в Голландии Мансуровой, умершей с «легкостью»: «открытая дверь заперлась — и только... <...> Но неужели тут

и конец? Неужели смерть есть не что иное, как последнее отправление жизни?». Сообщает, что работает мало, жизнь ведет праздную, играет в шахматы, слушает хорошую музыку, познакомился с двумя-тремя лицами, но довольно поверхностно, дочь замуж не выдал и «жениха никакого не предвидится». Огорчается известиям из России и, имея в виду, очевидно, Герцена и др., пишет: «Не могу я во многом не винить своих друзей — но и правительство я оправдать не могу; отсутствие людей и глубокое незнание России — сказываются на каждом шагу». Упоминает о «неблагоприятных» известиях из деревни, но уверен, что это «зло необходимое — и переходное». Рекомендует прочесть в *Совр* повесть Помяловского «Молотов» (1861. № 10): «Мне кажется, тут есть признаки самобытной мысли и таланта». Переживая недавние утраты сына и брата, графиня, вероятно, не ответила (в следующем п. Т. от ***14* (*26*) *февраля 1862*** высказывается опасение, что, испытывая потребность уединиться в своем горе, графиня откажется от дальнейшей переписки).

Мериме в п. к Делессер пишет о рассказе Т. «Жид», который нашел «красивым, но по вопросу о нравственности которого» «не знал что сказать, так как никогда не обладал чуткостью в этой области»: «Рассказ не шокирует, но и не походит на оды г. Лапрада». Просит Делессер ознакомиться с рассказом (*Mérimée.* Т. 4. Р. 434). См. также ***7* (*19*) *декабря***.

В п. к Боденштедту просит уведомить о получении экземпляра *Соч (1869–1861)*, посланного из Москвы, собирается выслать список опечаток, «коими издание это, к сожалению, изобилует». Сообщает об окончании романа «Отцы и дети», просит рассказать о новом в немецком литературном мире. Просит передать привет семейству Хилковых, Гейзе и др. мюнхенским знакомым. Ответ Боденштедта см. **13 (*25*) *декабря***.

11* (*23*) *декабря*. Понедельник**. Отвечает на «сурово-юмористическое» п. Анненкова от ***4* (*16*) *декабря, из которого узнал лучше «всю *суть* современного положения петерб<ургского> общества, чем из чтения журнальных корреспонденций», и из которого догадался, что по крайней мере «*одно* мое письмо» затерялось. Отказывается от предложения переслать деньги на стипендии студентам в Москву, где «сияет великий Чичерин». Откликается на смерть Добролюбова (см. ***17* (*29*) *ноября***): «Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя он собирался меня съесть живым. Последняя его статья, как нарочно, очень умна, спокойна и дельна» (речь идет о ст. «Забитые люди», посвященной творчеству Достоевского, см. ***8* (*20*) *октября***); прочел в *Совр* повесть Помяловского «Молотов» (1861.

№ 10) «и порадовался появлению чего-то нового и свежего, хотя недостатков много, но это всё недостатки молодости. Познакомились ли Вы с ним? Что за человек?» (схожие отзывы о повести см. в п. к Ламберт от ***10*** (***22***) ***декабря***; к Борисову от ***11*** (***23***) ***декабря***; к Фету от ***26 декабря 1861*** (***7 января 1862***)). Сообщает о получении «исполненного брани и упреков» п. от Каткова: «Всё дело возгорелось по поводу моей злополучной повести, поправки которой всё еще не кончены». Признается, что поддается «охватывающей со всех сторон апатии» и думает, что это будет «последнее произведение моего красноречивого пера. Пора натягивать на себя одеяло и спать».

Пишет о планах Наполеона III начать войну с Америкой (вернее, с Мексикой) во время продолжающейся войны между Севером и Югом. В связи с этим с негодованием отмечает, что знакомый пастор получил выговор за небольшую ст. Ф. Н. Тургеневой о невольничестве, а Пельтан осужден на три месяца за то, что «пожелал Франции свободу, которою пользуется Австрия». Получив от Бурдина известие о разрешении постановки «Нахлебника», сообщает, что передает Анненкову «все свои права», и просит обратить внимание, чтобы пьесу не давали без прибавочной сцены во втором акте, которую «давным-давно» выслал М. С. Щепкину и готов выслать Анненкову (см. ***19*** (***31***) ***октября***). Просит узнать в Литературном фонде, «взнес ли я в нынешнем году весной при проезде 40 р. от имени Ханыкова. Если нет — значит, я забыл, и Вы взнесите» (см. ***12*** (***24***) ***мая***). Отмечает, что факт назначения Никитенко редактором правительственной газ. с жалованьем в 10 000 р., о чем сообщал Аннненков в п. от ***4*** (***16***) ***декабря***, достоин «остромыслия Щедрина». Ответ Анненкова см. ***25 декабря 1861*** (***6 января 1862***).

Отвечает Борисову на его п. от ***12*** (***24***) ***октября***: «Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного — а мне весело. Это и есть чувство родины». «Известия из России — литературные и всякие другие — печальны. Мы живем в темное и тяжелое время — и так-таки не выберемся из него». Сообщает, что «изредка» получает п. от Фета; прочел повесть Помяловского «Молотов» (*Совр.* 1861. № 10), в которой «попадаются проблески несомненного дарования». Жалеет о смерти Добролюбова, «хотя и не разделял его воззрений: человек был даровитый — молодой... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!». Сообщает, что необходимые поправки к «Отцам и детям» «еще не кончил» и «повесть» раньше «февраля или марта

не появится» в *РВ*; нового «я ничего не делаю; — кажется, я самому себе сказал: Баста!». Ответное п. Борисова см. ***25 декабря 1861*** (***6 января 1862***).

12 (***24***) ***декабря***. **Вторник**. Дата п. Ф. Боденштедта к Т., сообщавшего, что кнж. Хилкова расспрашивала о нем (*BN*).

13 (***25***) ***декабря***. **Среда**. В п. к Делессер (на франц. яз.) посылает франц. перевод своего рассказа «Жид», выполненный Делаво.

Т. не был удовлетворен переводом и сомневался в необходимости публиковать этот рассказ во Франции, в связи с этим он обращается за советом к Мериме, который просмотрел перевод и внес в него ряд поправок, а также к Делессер и к Биксио. См. также ***Конец декабря н. ст.***; ***Декабрь ст. ст.*** Мериме пишет об этом рассказе в п. к Делессер от ***10*** (***22***) ***декабря***.

Боденштедт записывает в дневнике: «Сегодня получил также послание от Тургенева из Парижа (от ***10*** (***22***) ***декабря***. — *Ред.*). Его любовь к княжне Ольге (Хилковой. — *Ред.*) кажется не настолько велика, как ее к нему» (цит. по: *Vishevsky A.* Friedrich D. Bodenstedt's Unpublished Letter to Turgenev // Russian Language Journal. 1998. Vol. 52. № 171/173. P. 270). В этот же день отвечает на п. Т.: напоминает, «что еще в сентябре я подробно писал вам, прежде всего чтобы поблагодарить за присланные вами книги» (это п. неизв.), которые «доставили мне очень большое удовольствие», а также «сообщить вам, что статья о немецкой поэзии после Гейне закончена и подготовлена для отправки» (в *Совр*).

Рукопись ее, по требованию Т., была возвращена Боденштедту редакцией журнала в январе 1863 (см. п. Т. к Боденштедту от ***17*** (***29***) ***января 1863***).

Сообщает, что разговор о сочинениях Т. оставляет до особого п. (неизв.): «Я намерен составить из них два тома и издать по-немецки». Планирует включить в них «Дворянское гнездо», «Фауста», «Муму, «Якова Пасынков» и «Постоялый двор». Два рассказа Т., переведенные его женой Матильдой, поместил в нем. газеты (см. ***12*** (***24***) ***ноября*** и ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***)). С нетерпением ожидает роман «Отцы и дети»; распорядился отправить в Спасское пакет от Гейзе — 4-й сборник его новелл с посвящением Т.

Имеется в виду издание: *Heyse P.* Neue Novellen. 4. Sammlung. Berlin, 1861, посвященное Т.: «Ivan Turgénjeff, dem russischen Meister der Novelle widmet diese Blätter mit freundlichem Gruss der Verfasser» («Ивану

Тургеневу, русскому мастеру новеллы, посвящает эти страницы с дружеским приветом автор»). Сборник не застал Т. в Спасском, и он получил его в Париже, о чем известил Гейзе лично в п. от ***12 (24) февраля 1862***.

Обещает прислать свои переводы на нем. язык сонетов Шекспира (см. п. к Боденштедту от ***12 (24) февраля 1862***) (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 306—310). См. также ***20 мая (1 июня)*** и ***22 июля (3 августа)***.

Дата выхода заметки-опровержения Каткова «Литературное объяснение» в приложении к *РВ* («Современная летопись»), со ссылкой на п. Т. к нему, вызванной сообщением «Книжного вестника» (1861. № 21. С. 351), что роман «Отцы и дети» «по изменившимся обстоятельствам» будет напечатан во «Времени (№ 50. С. 21; б/п). См. также п. Т. к Каткову от ***4 (16) декабря***.

Выходит № 11 *РСл*; в нем — ст. Писарева «Писемский, Тургенев и Гончаров» (см. ***8 (20) декабря***).

14 (26) декабря. **Четверг**. Арестованный ***14 (26) сентября*** Михайлов подвергнут гражданской казни, после чего отправлен на каторгу (см. п. к Анненкову от ***28 декабря 1861 (7 января 1862)***).

Керн записала в дневнике на следующий день: «Вчера, 14 декабря, прочитала в газетах, что в 8 ч. утра на площади близ Мытнинского рынка будет объявлено решение суда бедному Михайлову по приговору на 12 лет в каторжные работы, по царскому велению на 6 лет. Это прочитала в 10 ч. утра в газете, что в 8 ч. это совершится. Как ловко!.. Ожидали демонстрации на 14 декабря от студентов, которые собирались служить панихиды по декабристам, но полиция уже знала и послала запрещение служить панихиды по Кондратии, Сергее и проч. и проч.» (Минувшие годы. 1908. № 10. С. 68).

Выходит № 11 *Совр*; в нем — ст. Панаева «Заметки Нового поэта. По поводу похорон Н. А. Добролюбова», который, имея в виду литературных врагов Добролюбова и, в первую очередь, Т., писал: «Но тут мы, — или, что все равно, некоторые из нас, — решили, что новое поколение, несмотря на свой действительно замечательный ум и сведения, поколение сухое, холодное, черствое, бессердечное, все отрицающее, вдавшееся в ужасную доктрину — в *нигилизм*! Нигилисты! Если мы не решились заклеймить этим страшным именем все поколение, то по крайней мере уверили себя, что Добролюбов принадлежал к нигилистам из нигилистов» (Отд. 2. С. 76).

Герцен в п. к Т. от ***31 января (12 февраля) 1862*** писал по этому поводу: «Уж и Панаев Johann начинает тебя кусать за паюсные икры

твои» (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1—2. С. 210, *687*, где в комментарии ошибочно указаны «Литературные воспоминания» Панаева, опубликованные в этом же номере *Совр*).

15* (*27*) *декабря*. Пятница**. Дата п. Дудышкина к Т. — ответ на его неизв. п. от ***Начала декабря ст. ст., в котором Т. просил перевести повесть Маркович для *ОЗ*. Отвечает отказом, дает характеристику современной литературы и журналистики:

«Я был очень рад, когда получил ваше письмо, в ответ на мое, — рад потому, что между первым и вторым моим письмом я прочел следующее в “Рус<ском> вестнике”: “И. С. Т., чье популярное имя стало непременною принадлежностью всякого рода программ, недавно писал нам из Парижа об обширном предпринятом им труде, который надеется окончить и выслать в ред<акцию> “Р<усского> в<естника>” к февралю или марту будущ<его> года” (см. ***13* (*25*) *декабря*.** — *Ред.*). — Не принимайте этого за тонкий намек, который вышел бы очень груб, — но прочтя эти строки, я думал, что вы забыли меня, хотя Случевский писал мне и противное. Повторяю, получив ваше письмо, я был очень рад тому, что “Рус<ский> вест<ник>” говорит так неопределенно: “обширный труд”, что и мы тогда могли обещать что-нибудь неопределенное. Извините за дрязги, но если бы вы знали, куда погрязла русская литература! “Русский вестник” ополчился на Евг. Тур чуть не хуже “Сына отечества”, который возненавидел “Век”. Чист один “Москвитянин”, да и то потому, что не выходит, а говорят, будет выходить под редакцией Григорьева! / В нашей литературе, легкой и тяжелой, в последнее время не явилось ничего особенно замечательного, и странно — мне кажется, будто мы договорились, т. е. высказали весь маленький запас нашей учености, который приберегли от царствования Николая — а повесть и роман просто стоят в раздумье и не знают, куда идти. — Велик простор для одних головных писателей и фельетонистов. — Эти два не оберутся и не успевают писать. Как вы думаете, но посмотрите на факты: “Рус<ский> вест<ник>” делает новое объявление (по поводу отдельного издания литератур<ной> летописи) и ни слова о идее, мысли журнала “Русская речь” находит возможность основать новый журнал, но повторяет то же, что прежде говорил “Рус<ский> вест<ник>”. — “Современник” остался в общих местах — до того общих для науки, что они никуда не годятся, остаются без приложения, а в литературе эти общие места сделались трафаретом, по которому пишутся грубо-цинические рецензии без начала и конца. — Но пусть бы не было конца, — но начало-то ложное, материализм в искусстве. Пишу не для того, чтобы пускаться в хорошие рассуждения, а потому, что самому недавно пришлось сочинить объявление и потому все это передумать. / Перехожу к ответу на ваше предложение перевести для 4 книжки “От<ечественных> за-

п<исок>” повесть Маркович, которую она поместит в “Основе”. Но знает ли она, что ее повесть, как только она будет напечатана, всякий будет иметь право перевести, не заплатив ей копейки, как это делается на каждом шагу с новейшими писателями? Поэтому мы будем дожидать 4 №, а где-нибудь ее всю или отрывок из нее поместят может быть в феврале. Ведь вопрос о литературной собственности переводов для нас не существует. От души желаю успеха начатому вами труду. / Вам преданный / С. Дудышкин» (*ИРЛИ*. № 5805. Л. 5–6 об.).

В этот день в Лондон приезжает Бакунин, бежавший из сибирской ссылки, появляется в доме Герцена (*Герцен. Летопись*. С. 271).

Около середины декабря ст. ст. Предположительная дата неизв. п. Т. к Герцену (в *Утраченные письма* (*2*). С. 302 ошибочно датируется 20-ми числами декабря ст. ст.) — вероятно, ответного на п. Герцена от ***20 ноября*** (***2 декабря***). Ответ Герцена см. ***22 декабря 1861*** (***3 января 1862***) (в *Утраченные письма* (*2*). С. 302 ошибочно датируется концом декабря ст. ст. 1861).

17 (***29***) ***декабря***. **Воскресенье**. В п. к Боденштедту (на франц. яз.) благодарит за скорый ответ (см. ***13*** (***25***) ***декабря***), сообщает, что не получил его п., адресованного в Спасское (неизв.). Будучи проездом в Петербурге, не увиделся с редакторами *Совр*, так как «в этом году между нами случилось нечто вроде ссоры, отчасти вследствие расхождения в наших политических взглядах, отчасти по той причине, что я послал кое-что из моих сочинений в московский журнал (“Русский вестник”), противоположного направления. Однако я уверен, что они приняли бы с радостью статью, написанную вами».

Речь идет о ст. Боденштедта «Новейшая немецкая литература после Гейне», написанной по просьбе Т. для *Совр* и отосланной в редакцию журнала (не опубл.).

Сообщает, что поручил Анненкову разыскать ст. и передать ее в редакцию журнала «Время», «с которым я нахожусь в наилучших отношениях», и оно «было бы весьма радо поместить на своих страницах вашу статью». Ждет его перевода сонетов Шекспира, о котором слышал много хорошего; горд, что Боденштедт взялся переводить его произведения, упоминает о переводах своих рассказов «Муму» и «Яков Пасынков», выполненных женой Боденштедта Матильдой и отредактированных Боденштедтом. Намеревается выслать ему переводы своих сочинений, когда они будут изданы (сборник: Dimitri Roudine, suivi du Journal d’un homme de trop et de Trois rencontres.

Paris, 1862). «Дней через десять» собирается прислать список ошибок, «о которых я уже говорил вам» (очевидно, в рассказах «Муму» и «Яков Пасынков»). Рад, что Гейзе не забыл его, и сожалеет, что том его новелл, посланный в Спасское, не дошел до него. Просит прислать адрес Хилковых, желая возобновить с ними переписку. Пишет, что новый роман («Отцы и дети») появится лишь в марте следующего года, а в настоящее время он вносит в него важные исправления. Поздравляет с наступающим новым годом. Ответ Боденштедта см. ***19 (31) декабря***.

19 (31) декабря. **Вторник**. В Париже выходит последний номер журнала кн. Долгорукого «Будущность». Герцен интересовался мнением Т. об этом издании в п. от ***28 января (9 февраля) 1862***; ответ. Т. см. ***30 января (11 февраля) 1862***.

Дата п. Боденштедта к Т. из Мюнхена (ответ на п. от ***17 (29) декабря***). Пишет, что п. Т. от «позавчерашнего дня» осчастливило его, имея в виду хлопоты по устройству ст. Боденштедта: «Особенно успокоило меня то, что Вы берете мои петербургские дела в свои руки. Одобряю все, что Вы уже сделали в этом отношении, и на будущее одобряю все, что Вы предпримете <...>». Сообщает мюнхенский адрес кнж. Хилковой, свой указывает в начале п., замечая: «Я не выставлял его ранее, когда писал к Вам, поскольку не считал это необходимым. На почте меня знают лучше, чем кого бы то ни было, так как я получаю больше тысячи писем в год». Откликаясь на фрагмент п. Т. о Гейзе, извещает, что тот проводит зиму в Меране с женой: «Думаю, он был бы рад, если бы Вы написали ему пару строк». Рассказывает, что недавно заходил к Хилковым, чтобы передать им привет от Т., и передает ответный. Делится своими впечатлениями от обеих сестер Хилковых, отдавая предпочтение младшей — Ольге. Жалуется, что она стала уделять ему меньше внимания, находясь в том возрасте, когда девушки находят «молодых лейтенантов и атташе ravissants (очаровательными — *франц.*)» (намекая на увлечение княжны будущим мужем Нелидовым, с которым она познакомилась в декабре 1861). В ответ на просьбу Т. обещает, что сонеты Шекспира в его переводе будут высланы Т. издателем из Берлина, так как не смог найти лишнего экземпляра в Мюнхене. Поздравляет с Новым годом и надеется на скорый ответ (см.: *Vishevsky A.* Friedrich D. Bodenstedt's Unpublished Letter to Turgenev // Russian Language Journal. 1998. Vol. 52. № 171/173. P. 272—273. Подлинник по-нем.). Ответ Т. см. ***12 (24) февраля 1862***.

20 декабря 1861 (***1 января 1862***). **Среда**. Распоряжением Александра II вторично закрыт Петербургский ун-т «впредь до пересмотра университетского устава» (*МВед.* 1861. 23 декабря. № 282. С. 1).

21 декабря ст. ст. Никитенко записал в дневнике: «Высочайшее повеление о закрытии С. Петербургского университета. Фактически он был уже закрыт самими студентами, которые не посещали лекций» (*Никитенко.* Т. 2. С. 250).

Не позднее 20 декабря ст. ст. Дата неизв. п. Достоевского к Т., в котором идет речь о романе «Отцы и дети», о повести, предназначенной для «Времени» («Призраки»), и о литературных новостях. Ответ Т. см. ***26 декабря 1861*** (***7 января 1862***). См. также: *Достоевский.* Т. 28. Кн. 2. С. 510—511. *Список.* № 132; Ср. *Достоевский. Летопись.* С. 343.

Между 16 (***28***) ***декабря 1861*** и ***21 декабря 1861*** (***2 января 1862***). Предположительная дата неизв. п. Герцена к Т. (см.: *Герцен. Летопись.* С. 272).

Предположительная дата п. Бакунина к Т. (неизв.), в котором была, возможно, приписка Герцена (Там же).

Около 22 декабря 1861 (***3 января 1862***). Герцен запиской приглашает к себе кн. Голицына, собирающегося в Париж, намереваясь передать с ним п. к Т., и шутливо обыгрывает заглавия произведений писателя: «“Накануне” вашего отъезда прошу вас зайти в мое “Затишье” и взять от меня как величайшего “Охотника до записок” — таковую вместо “Разговора на большой дороге” “Двух приятелей” из “Дворянского гнезда”. / “Постоялый двор”, где живет Иван Сергеевич Тургенев, находится / *в Rue Rivoli — № 210*» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 205).

22 декабря 1861 (***3 января 1862***). **Пятница**. Дата п. Герцена к Т. (ответ на его п. от ***Около середины декабря ст. ст.***): рекомендует кн. Голицына, «желающего представиться» Т., которому вручает свое п. (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 205). См. ***Около 22 декабря 1861*** (***3 января 1862***).

Факт встречи Т. с Голицыным неизвестен. См. ***Конец декабря 1861, после 22*** (***первая половина января 1862, до 12***).

23 декабря 1861 (***4 января 1862***). **Суббота**. В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 4) под заглавием «Jacob Passinkof. Aus dem Russi-

schen des Iwan Turgénjeff von Bodenstedt» выходит первая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков», выполненного Матильдой Боденштедт по франц. изданию «Scènes de la vie russe» (Paris, 1858; пер. Кс. Мармье) и отредактированного Ф. Боденштедтом по русскому тексту. Продолжение см. в № 5–13, 15 от ***25–30 декабря 1861*** (***6–11 января 1862***), ***1–3*** (***13–15***), ***5*** (***17***) ***января 1862***; окончание в № 17 от ***8*** (***20***) ***января 1862***. См. также п. Боденштедта к Т. от ***13*** (***25***) ***декабря***.

24 декабря 1861 (***5 января 1862***). **Воскресенье**. Феоктистов в п. из Москвы благодарит Т. «за участие» в его жене «во время пребывания ее в Париже. Она говорит, что совершенно потерялась бы без Вас и сошла бы с ума от скуки»; сообщает, что, по слухам, Головнин назначен министром нар. просвещения вместо Путятина, который получает место обер-прокурора Синода (*Письма Феоктистова*. С. 159–160).

25 декабря 1861 (***6 января 1862***). **Понедельник**. Дата п. Борисова к Т. из Новоселок (ответ на п. от ***11*** (***23***) ***декабря***), в котором жалуется на «трудные времена», вспоминает Фета и его «плачи Иеремии»: «До сих пор всё идет дело разрушения. Старых идолов кувыркаем, а новых не придумали». Обсуждая проект новгородского памятника «Тысячелетию России» скульптора Микешина, пишет: «Не знаю, откуда Фет узнал, но уверял, что Шевченку тоже врезали на п<амятнике>» (в своем проекте Микешин внес имя Шевченко в раздел «Писатели и художники» после смерти поэта, о его намерении поместить на памятнике барельеф Шевченко стало известно из «Мясецеслова на 1862 год», изданного Академией наук, там же был помещен некролог Шевченко, но по приказу Александра II имя его было вычеркнуто); сообщает об университетских беспорядках и о газетной дискуссии вокруг них; о бессмысленных попытках устроить «союз дружбы и именины сердца помещиков с мужиками»; о Щедрине, который «злостно рыгает на всю публику»; о подготовленной «восхитительной» ст. Фета «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство»: «все истинная правда» и «передано неподражаемо, фетовски», скоро «весь плач Иеремии прольется на страницы “Р<усского> в<естника>”. Катков уже взял» (речь идет об одной из ст. Фета, позднее опубликованных под заглавием «Заметки о вольнонаемном труде» в *РВ* (1862. № 3, 5)). О Фете пишет: «Не знаю, <...> испытываете ли Вы то наслаждение, какое я вот двадцать лет от на-

шего натурального лирика. И чем плач его слышится сильнее, тем лучше для него. Без этого нет ему жизни. Окружите его всевозможными довольствами и со всех сторон безмятежным покоем — и он тотчас умрет и морально и физически. Посибаритничать он может только минуту где-нибудь в Спасском или на охоте где-нибудь в лесу, но не долго — нужно или в эскадрон или в Степановку». Замечает, что об ожидаемых «Отцах и детях» в печати «было уже несколько звуков» (*Письма Борисова*. С. 353—355). Ответное п. Т. см. ***19 февраля (3 марта) 1862***.

Анненков отвечает на п. Т. от ***11 (23) декабря***; подтверждает, что одно п. Т. пропало; на просьбу писателя переслать ст. «Гамлет и Дон Кихот» (п. с такой просьбой неизв.) отвечает, что не может найти ее копию (см. п. Анненкова к Т. от ***3 (15) февраля 1862***). Сообщает, что в минуту написания этого п. происходит утверждение нового министра нар. просвещения Головнина: «...студенческое дело сломило же наконец Путятина», полагает, что это могло случиться и ранее, «если бы не поддержала его Москва».

Никитенко передает в дневнике разговор с Плетневым об обстоятельствах назначения Путятина: «Митрополит Филарет рекомендовал его как религиознейшего человека. Императрица, плененная рассказами о благочестии и набожности графа, забыла, что для министра необходимы еще и другие качества, и начала сильно настаивать у государя о назначении его на место Ковалевского. Разумеется, к этому присоединились и другие члены камарильи, которые, кроме угодничества двору, ничего не знают и знать не хотят. К сожалению, государь отдался этой интриге, — и вот Путятин сделан министром, к стыду правительства, ко вреду России и к своему собственному позору» (*Никитенко*. Т. 2. С. 237. Запись от 3 декабря ст. ст.). Запись от 27 декабря ст. ст. о назначении Головнина министром нар. просвещения сопровождается следующим рассуждением: «Кое в чем поддерживать правительство еще не значит быть ему преданным. Защищать принцип правительства или самое правительство — не одно и то же» (Там же. С. 251).

Находит, что «прения между Москвой и Петербургом по поводу студенческого дела есть <...> замечательнейший симптом нашей жизни с 55 года». Осторожно высказывается о назначении Головнина, не зная, какую сторону он примет. Упоминает о «повести-драме» Писемского «Батька» («из безобразнейшей черты русского народа — снохачества») и драме Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», в которой «есть превосходнейшие подробности, и летописная русская жизнь является в ореоле, и умиление часто нисходит на

сердце, и сквозь слезы беспрестанно себя спрашиваешь: не надувательство ли это?». Оба произведения авторы собираются читать в пользу Литературного фонда, радуется, что будущие споры привлекут публику и фонд будет в выигрыше, поскольку «издержал 1500 р. сер. на студентов при их выпуске из тюрем и розыске» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 115—116; позже Анненков написал ст. о пьесе Островского: *РВ*. 1862. № 9). О критическом отношении Т. к драме Островского см. его п. к Щербаню от ***26 февраля (10 марта) 1862***, Достоевскому от ***2 (14) марта 1862*** и Фету от ***5 (17) марта 1862***. Ответное п. Т. см. ***Середина января ст. ст. 1862.***

25 декабря 1861 (6 января 1862). **Понедельник**. Головнин назначается министром нар. просвещения. Известие об этом оценивается Т. положительно (см. п. к Герцену от ***13 (25) января 1862***, Анненкову от ***Середины января ст. ст. 1862***).

В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 5) выходит вторая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861 (4 января 1862)***.

26 декабря 1861 (7 января 1862). **Вторник**. Отвечает Достоевскому (на неизв. п. от ***Не позднее 20 декабря ст. ст.***), заподозрившему Т. в распространении слуха о передаче «Отцов и детей» в журнал «Время», что вызвало бурную реакцию Каткова (см. ***4 (16) декабря***): «мне это и в голову не приходило», ссылается на то, что сплетня «царствует в нашей литературе, преимущественно на задних дворах». Сообщает что хотел отложить печатание «Отцов и детей» до весны, но «купец (Катков. — *Ред.*) настойчиво требует запроданный товар». О повести, назначенной для «Времени», пишет, что она «подвинулась в последнее время — и я имею твердую надежду, что она будет готова ко 2-му Nомеру». Интересуется мнением Достоевского о хронике Островского «Минин», называя ее «новой, смелой попыткой», которая, даже если не будет удачной, «может быть интереснее *удачи* многих других», просит передать Островскому поклон. Благодарит за присылку двух номеров «Времени», «которые я читаю с большим удовольствием. Особенно — Ваши “Записки из Мертвого Дома”. Картина *бани* просто дантовская — и в Ваших характеристиках разных лиц (напр. Петров) много тонкой и верной психологии»; радуется успеху журнала, «готов ему содействовать всячески».

В этот день Боткин посещает Т. и «велит излить» «всю свою нежность» перед Фетом, которого любит «искренно и сердечно» (см. ниже п. Т. к Фету).

Отвечает Фету на два «милых» и «парадоксальных письма» (неизв.): жалуется, что не может выдать замуж свою дочь; сообщает, что в «Revue des deux mondes» появился перевод «Дневника лишнего человека» («Le Journal d'un homme de trop») и «произвел неожиданный эффект» (см. п. Т. к де Марсу от ***До 17*** (***29***) ***ноября***); узнал через Достоевского, что Островский привез в Петербург оконченную драму в стихах «Минин»: «Удивился и взволновался и думаю, что это, может быть, выйдет нечто великое — во всяком случае замечательное». О Боткине сообщает, что он здравствует, дает музыкальные утра, жалуется на глаза и «ест гигантски». Высказывает недовольство скорым выходом романа «Отцы и дети», которым «не совсем доволен»: «Прочтете, скажете свое сужденье». Опровергает мнение Фета об англичанах («которых я сам очень люблю»), которые запирают по воскресеньям все лавки, «*исключая кабаков*» («народ может невозбранно упиваться до последних степеней безобразия»). Советует прочитать в *Совр* повесть Помяловского «Молотов». Спрашивает, видел ли Фет Толстого, чье п. (неизв.) он только что получил (см. ***23 сентября*** (***5 октября***)), в нем Толстой «говорит о своем намерении оскорбить меня, извиняется и т. д.». Признается, что в то же самое время, «вследствие других сплетен <...> посылал ему вызов» (см. ***26 сентября*** (***8 октября***)). «Изо всего этого должно вывести заключение, что наши созвездия решительно враждебно двигаются в эфире — и потому нам лучше всего, как он сам предлагает, избегать свидания». Просит Фета передать Толстому, что, тем не менее, он «*издали*» очень любит и уважает его и «с участием» следит «за его судьбою»: «Что делать! Нам следует жить, как будто мы существуем на различных планетах или в различных столетиях». Сообщает о визите Боткина, передающего Фету добрые слова. Возвращаясь к истории с изданием *Соч* (*1860—1861*), пишет: «А об герре Основском надо подумать. Неужели так всем деньгам и пропадать!». См. ***3*** (***15***) ***января***, ***4*** (***16***) ***января***, ***5*** (***17***) ***января*** и др.

В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 6) выходит третья часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

27 декабря 1861 (***8 января 1862***). **Среда**. В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 7) выходит четвертая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

28 декабря 1861 (***9 января 1862***). **Четверг**. В записке к Анненкову просит оставшиеся «из моих» деньги употребить «на вспомоществование несчастному человеку (Михайлову. — *Ред.*), который недавно должен был отправиться из Петербурга в дальний путь и об имени которого Вы, вероятно, догадаетесь сами» (см. ***14*** (***26***) ***декабря***).

Дата ценз. разрешения № 12 журнала «Время»; в нем — ст. Достоевского (б/п) «Рассказы Н. В. Успенского», в которой Т., Островский и Писемский названы предшественниками Успенского и «замечательными писателями», сказавшими «во сто раз более, чем он» (Отд. 2. С. 174—183; *Достоевский*. Т. 19. С. 178).

В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 8) выходит пятая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

29 декабря 1861 (***10 января 1862***). **Пятница**. В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 9) выходит шестая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

30 декабря 1861 (***11 января 1862***). **Суббота**. В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 10) выходит седьмая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

Ранее 31 декабря 1861 (***12 января 1862***). В п. к Т. Герцен просит узнать, через кн. Трубецкого или другого посредника, можно ли послать запрос Головнину о возможности возвращения его сына Александра в Россию, чтобы «снова получить там права гражданства»: «Он очень хочет — я не прочь его отпустить». Просит соблюдать конфиденциальность, но разрешает узнать мнение об этом посла в Бельгии кн. Орлова и посла во Франции гр. Киселева (см. также п. Герцена от ***20 ноября*** (***2 декабря***). А. А. Герцен в Россию не вернулся). По предложению Т., соглашается написать для «Колокола» о процессе против кн. Долгорукова (см. ***3*** (***15***) ***января 1862***). Просит передать Делаво для печати сведения, что «завтра» Бакунин принимает депутацию английских рабочих. Пытаясь организовать постоянную материальную помощь для Бакунина, поручает обратиться к Солдатенкову, который находится в Париже: «...стыд и срам, если вся партия не вышлет ему 1500 руб. сер. в год. Нельзя же мне —

на все разрываться одному». Ожидает Т. в Лондоне. Передает поклон от Огарева и просит передать ответный Боткину (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 205—206). См. ***13 (25) января 1862***.

31 декабря 1861 (12 января 1862). **Воскресенье**. Дата ценз. разрешения № 12 журнала *РСл* (вышел 5 (17) января 1862); в нем — ст. Писарева «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» (Отд. 2. С. 1—53).

Основной разбор посвящен героиням Гончарова и особенно Т., в то время как о героинях Писемского говорится лишь в общем плане. Рассматривая роман «Накануне», Писарев не обнаруживает ни в замысле произведения, ни в его основных образах соответствия с характером предшествующей литературной деятельности писателя. Анализируя, насколько достоверны характеры, житейски мотивированы сюжетные ходы в романе и имеют ли практический смысл поступки героев, критик заключает, что главные персонажи не удались писателю, который, создавая характер Елены Стаховой, «замечтался до забвения действительности» (*Писарев.* Т. 3. С. 381).

Декабрь ст. ст. **Четверг**. Предположительно по совету Мериме (см. ***7 (19) декабря***), посылает Биксио рассказ «Жид» (1847) (переведенный, по-видимому, Делаво) с целью узнать, стоит ли он того, чтобы быть напечатанным по-французски. «Перевод, хотя в нем и встречаются грубые ошибки, весьма добросовестен, весьма педантичен и весьма тяжеловесен». Ответ Биксио неизвестен.

На франц. языке рассказ появился в 1862 в журнале «Revue nationale», а впоследствии, в 1869, в составе сборника «Nouvelles moscovites».

Конец декабря 1861, после 22 (первая половина января 1862, до 12). Дата вероятной встречи Т. с кн. Голицыным, который привез из Лондона п. Герцена от ***22 декабря 1861 (3 января 1862)***. См. также ***Около 22 декабря (3 января 1862)***.

1861. **Понедельник.** В записке к Н. И. Тургеневу, помеченной «понедельник вечером», сообщает, что получил неожиданное приглашение от кн. Трубецкого «охотиться у него завтра», поэтому как «страстный охотник» не может сдержать данного слова и быть у него завтра, просит позволения нанести ему визит «в четверг».

***1861 н. ст*. Вторник**. Предположительная дата охоты с кн. Трубецким по его приглашению. См. выше записку Т. к Н. И. Тургеневу от ***1861*. Понедельник**.

***1861 н. ст*. Четверг**. Дата вероятного визита Т. к Н. И. Тургеневу. См. выше записку Т. к Н. И. Тургеневу от ***1861 н. ст*. Понедельник**.

1862

Конец декабря 1861 – начало января ст. ст. 1862. Т. болеет и около шести дней проводит в постели (см. п. к Герцену от ***13*** (***25***) ***января*** и к Фету от ***14*** (***26***) ***января***). В то же время интенсивно работает над романом «Отцы и дети», внося изменения по замечаниям, сделанным по прочтении рукописи Анненковым, Боткиным, Катковым и др.

1 (***13***) ***января***. **Понедельник**. В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 11) выходит восьмая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

2 (***14***) ***января***. **Вторник**. Дата ценз. разрешения № 1 *Совр* (вышел в свет 8 (20) февраля); в нем – пьеса Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук. Драматическая хроника (1611–1612)» (С. 7–116).

Т. очень интересовался этой пьесой (см. п. к Фету от ***14*** (***26***) ***января***) и, ознакомившись по присланной рукописи, высказывал свое критическое мнение о ней (см. п. к Щербаню от ***26 февраля*** (***10 марта***), Достоевскому от ***2*** (***14***) ***марта*** и Фету от ***5*** (***17***) ***марта***).

В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 12) выходит девятая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

3 (***15***) ***января***. **Среда**. В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 13) выходит десятая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861*** (***4 января 1862***).

Дата л. 119–120 «Колокола»; в нем – ст. Герцена «Процесс князя П. В. Долгорукова», инспирированная отчасти Т. (см. ***Ранее 31 декабря 1861*** (***12 января 1862***)).

В № 2 «Revue des deux mondes» выходит ст. Мазада «La Russie sous le règne de l'empereur Alexandre II» («Россия в царствование императора Александра II»), с которой знакомится Т. В ст., в частности, дается высокая оценка деятельности Герцена, «человека независимого благодаря своему положению, глубокой убежденности, страстной любви к своему народу и возвышенному характеру, признаваемому даже его самыми ожесточенными врагами, должностными лицами русского правительства, которые уважают в нем высокую порядочность». «Могущество Герцена в России необычайно. Это подлинный властелин нового поколения, и можно без всякого преувеличения сказать, что его моральный авторитет превышает авторитет официальной власти. Он может сказать без тщеславия, что он в состоянии померяться силами с Александром II и обращаться с ним как с равным. К тому же это литературный талант, исполненный силы и страсти, обладающий даром красноречивой иронии и негодующей насмешки. Он рожден агитатором, он превосходно умеет убеждать своих соотечественников, затрагивать струны их национального характера до такой степени, что, говорят, ни один русский не может противостоять воздействию его слова» (P. 272). См. п. к Герцену от ***13 (25) января***.

***4 (16) января*. Четверг**. Биксио присылает Т. приглашение на обед: «*Завтра, в пятницу*, у меня обедает сборище революционеров: г<енер>ал Клапка, г<енер>ал Тун, Нарради, Джеймс Фази, Нигра. Если вы не боитесь себя скомпрометировать, я бы вас очень просил пообедать с нами в 6 ч. $^3/_4$ <...>». Передает поклон дочери Т. Полине (*BN*. Slave 81. F. 114. См. также: *Mazon*. P. 107).

Начало января ст. ст. Маркович сообщает Макарову: «Поклон ваш передала Ивану Сергеевичу. Он был недавно болен — теперь выздоравливает» (*Марко Вовчок. Листи*. С. 97).

5 (17) января*. Пятница**. Вечером предположительно обедает у Биксио вместе с Д. Клапкой, Дж. Фази, К. Нигра и др. См. ***4 (16) января.

В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 15) выходит одиннадцатая часть нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861 (4 января 1862)***.

8 (20) января*. Понедельник**. В газ. «Hamburger Nachrichten» (№ 17) выходит окончание нем. перевода рассказа «Яков Пасынков». Начало см. ***23 декабря 1861 (4 января 1862), продолжение ***25—30 декабря 1861 (6—11 января 1862)***, ***1—3 (13—15)***, ***5 (17) января 1862***.

Дата ценз. разрешения № 1 журнала «Время»; в нем (в разделе «Критическое обозрение») — ст. Григорьева «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой (Статья первая)» (С. 1—30), посвященная анализу произведений Толстого. Начиная ст. с общего взгляда на отношения современной критики (разных направлений) к литературе, Григорьев останавливается на причинах ее равнодушия к Толстому, которые обусловили и охлаждение к Т., а также к современным лирикам: Тютчеву, Огареву, Фету. См. ***14 (26) сентября.***

В частности, говоря о представителях «демократической» критики (прежде всего представленной *Совр*), которых Григорьев называет «теоретиками», критик замечает: «Теории ваши, сделавши свое дело, — дело вполне полезное и честное, — пройдут, а миры, к которым были они прилагаемы с беспощадною последовательностью, останутся. Останутся и поэзия вообще и Пушкин в особенности, да не только Пушкин, но даже и меньшие в этом царстве <...>, которые создавали совершенно замкнутые миры, если только миры их окажутся действительно-поэтическими мирами...». «...Толстой — не лирик, как Тютчев, Огарев, Фет, Полонский, хотя в нем и много лиризма. Это даже не повествователь исключительных драм, совершающихся в исключительных обстановках, не историк исключительных, тонко-развитых и притом так сказать тронутых, надломленных организаций, как Тургенев. Понятно охлаждение теоретиков к Тургеневу, и оно должно быть объясняемо их последовательностью. Но Толстой менее всего походит на Тургенева, стало быть и причин равнодушия к нему надобно искать в других источниках, нежели те, из которых проистекло охлаждение теоретиков к Тургеневу» (С. 4—5).

В этом же разделе помещена ст. Бибикова «По поводу одной современной повести. Нравственно-критический этюд» (С. 31—57), посвященная анализу «современного героя», принадлежащего «к числу так называемых “лучших людей”», но оказывающегося в действительности не способным на «подвиг, дело», которое «в наших повестях и романах» составляет «любовь и отношения героя к любимой женщине».

Размышляя о том, что несостоятельность современного героя на rendez-vous невозможно далее оправдывать внешними обстоятельствами, Бибиков заключает: «В жизни только чувствуется потребность иных людей, иных дел, только слышится голос: “довольно слов! мы потеряли уже доверие к ним; дайте нам подвигов!”, но в действительности нет еще героев, настоящих людей, и потому в попытке сложить будущий, страстно желаемый и трепетно ожидаемый образ героя всегда будут слышаться фальшивые ноты. Прошу вас вспомнить хоть один толь-

ко пример, представляемый героем в повести г. Тургенева “Накануне”: осталось ли довольно им общественное сознание, помимо иных, совершенно посторонних красот, представляемых повестью? Против героя, изображенного в ней, ничего сказать нельзя; но чувствуете ли вы, каким диссонансом отдается он в окружающей нас жизни? Это герой не нашего романа. Гораздо более сочувствия возбуждают в нас герои других повестей того же писателя. В них нет такой резко бросающейся в глаза неправды. Мы недовольны в них только тем, что они обманывают нас, что сложившееся в душе нашей убеждение в свойствах и характере их оказывается несостоятельным при первом соприкосновении их с действительной жизнью, когда она потребует от них заявить делом то, о чем так умно, так красноречиво говорят они; что автор не умел подметить в них тех необходимо заметных черт, которые бы не оставляли в душе нашей сомнения, что они поступят действительно так и ни в каком случае иначе; что он сам обманывается их геройством, увлекаемый симпатией к ним и духом всеобъемлющего объяснения и оправдания. Но отсутствие в них этих необходимых черт не уничтожает еще всей правды; герой живет действительно в той знакомой нам среде, которую с таким искусством, с такою поэтическою прелестью воспроизводит г. Тургенев» (С. 45).

11* (*23*) *января*. Четверг**. Извещает Каткова, что вексель на 3500 франков (1000 р. сер.) от московской банкирской конторы «Ахенбах и Колли», в счет гонорара за «Отцы и дети», получен (см. ***8* (*20*) *декабря 1861). Сообщает, что «поправки и прибавления в окончательном виде» к роману «Отцы и дети» вручены Щербаню, который сам повезет их в Москву и впишет в автограф, находящийся у Каткова (неизв.): «Таким образом, моя повесть появится если не в первом, то уже, наверное, во втором номере Вашего журнала. Остается желать, чтобы все наши хлопоты не пропали даром и публика погладила бы нас по головке». В качестве непременного условия повторяет «свою единственную просьбу: напечатать “Отцы и дети” в одном номере. <...> Разделенная, эта вещь потеряет 100 процентов» («Отцы и дети» вопреки желанию Каткова были опубликованы в одном номере; см. ***3* (*15*) *марта***). Поручает корректуру романа «благосклонному надзору» самого Каткова, просит не забыть напечатать 15 отдельных экземпляров и пять из них выслать в Париж. Сообщает, что прочел «с истинным удовольствием» ст. Стасова «О значении Брюллова и Иванова в русском искусстве» (*РВ*. 1861. № 9, 10), имея в виду прежде всего первую часть (в № 9), посвященную Брюллову, где была дана близкая Т. оценка творчества художника.

Так, говоря о картине «Последний день Помпеи», Стасов заключал: «Здесь выразилась в первый раз, но при особенно разительной обстановке, та игра природы, которую представляет собой Брюллов: соединение огромного таланта и силы для блестящей внешности с решительною неспособностью ко всему, что составляет жизнь внутреннего человека. “Последний день Помпеи” не есть шаг вперед искусства. Эта картина — какой-то болезненный припадок его» (*РВ*. 1861. № 9. С. 26). См. также п. к Каткову от ***28 января*** (***9 февраля***).

13 (***25***) ***января***. **Суббота**. Отвечая на п. Герцена (см. ***Ранее 31 декабря 1861*** (***12 января 1862***)), сообщает, что запрос к Головнину, касающийся сына Герцена, отправлен через кн. Орлова: «По словам сего последнего, он не предвидит препятствий к исполнению его желания». Подробно информирует о хлопотах по поводу материальной помощи Бакунину, оценивая шансы обеспечить постоянную сумму невысоко. Сообщает о готовности взять на себя «обязанность давать Бакунину ежегодную сумму 1500 франков впредь на неопределенное время» и одновременно с п. отправляет первые 500 франков. Откладывает свою поездку в Лондон из-за нездоровья, о чем Герцену должен был сообщить Ал. А. Бакунин, видевшийся с Т. в Париже, но не теряет надежды на встречу. Узнав об «овациях», с которыми встречали А. А. Герцена в Гейдельберге и Карлсруэ в декабре 1861, замечает: «Я порадовался за тебя, за твоего сына, а главное за русскую молодежь».

Обед в честь А. А. Герцена был дан русской колонией в Гейдельберге около 22 декабря 1861 (3 января 1862) (см.: *Герцен. Летопись*. С. 273—274). О нем упоминает корреспондент журнала «Revue britannique»: «В честь этого молодого человека двадцати двух лет, или вернее в честь его отца, члены республиканской панславистской партии организовали банкет, в котором приняли участие девяносто русских и десять поляков. В большинстве своем там присутствовали молодые люди, которые слушают курс в Университете» (*Rolland Abr*[ham]. Correspondance d'Allemagne // Revue britannique. 1862. T. 10. Mars. P. 222).

Спрашивает, прочел ли Герцен ст. Мазада в «Revue des deux mondes» (см. ***3*** (***15***) ***января***): «Ты окружен ореолом — да так и следует». С одобрением отзывается о назначении на пост министра нар. просвещения Головнина («первые известия о Головнине довольно хороши»). См. ***22 января*** (***3 февраля***).

14 (***26***) ***января***. **Воскресенье**. В п. к Фету глубоко сожалеет о «невольном грехе», подразумевая, что неумышленно послужил

причиной размолвки между ним и Толстым (см. п. от ***26 декабря 1861*** (***7 января 1862***)). О себе сообщает, что был «довольно сильно болен» («даже пролежал в постели дней 6») и не может поправиться: «Впрочем, жизнь течет однообразно и глупо-глухо — как болотная рыжая речка по холодным камышам и травам». «На днях» привел к окончанию все поправки к «Отцам и детям» и передал их Щербаню, «который повезет их в Москву». После выхода романа просит Фета прочесть его и сообщить «свое нелицемерное мнение». Живо интересуется драматической хроникой Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (опубл.: *Совр.* 1862. № 1) и мнением Фета о ней (см. ***2*** (***14***) ***января***). Благодарит за намерение (по-видимому, выраженное в неизв. п. Фета) приобрести коляску для совместных поездок на охоту. Советует не сердиться «слишком» на газ. Аксакова «День». Сообщает, что узнал из п. Борисова (см. ***25 декабря 1861*** (***6 января 1862***)) о ст. Фета «Лирическое хозяйство» (имеются в виду очерки «Из деревни. Заметки о вольнонаемном труде»): «Я уверен, что это будет прелестно — хотя крайне несправедливо. Но это ничего. Поэт *может* быть несправедливым в известном смысле, хотя в *другом* смысле он должен быть справедлив, как божество!».

Середина января ст. ст. В ответ на п. Анненкова от ***25 декабря 1861*** (***6 января 1862***) сообщает, что получил п. от Бурдина (неизв.; возможно имеется в виду п. от ***7*** (***19***) ***декабря 1861***, известное в перлюстрации), в котором тот «заявляет желание играть главную роль» в «Нахлебнике», «якобы допущенном на сцену». Считая, что «Бурдин черт знает что сделает из этой роли», полагается на решение Анненкова, так как ранее передал ему все права на пьесу (см. ***11*** (***23***) ***декабря 1861***). Беспокоится, имеется ли у Анненкова текст сцены, прибавленной ко второму акту (объяснение Елецкого с Кузовкиным): «Эта сцена — необходима». Обещает переписать ее и «вместе с другими поправками и изменениями» послать «дня через два или три» (см. ***Около 23 января*** (***4 февраля***)).

Сообщает, что «вследствие всяких сплетен, писем и т. д.» решился печатать повесть «Отцы и дети»: «Я сделал в ней большие перемены, сокращения и т. д. и в особенности *рабски* следовал Вашим указаниям, которые нашел справедливейшими» (см. п. Анненкова от ***26 сентября*** (***8 октября***) ***1861***). Выражает опасения, что «перемен и вставок так много, что если их тщательно не вписать в рукопись *до* печатания, а только помещать их в корректуре, то выйдет белиберда страшная, тем более, что страницы моей рукописи не со-

впадают со страницами копии, находящейся у Каткова, и что мне следовательно приходилось означать изменения по главам и цитируя предшествующие слова». Обещает выслать список поправок «*завтра*» (не выполняет) и просит Анненкова добиться у Каткова присылки в Петербург рукописи, с тем чтобы внести необходимые поправки и «судить о сделанных переменах». См. ***3*** (***15***) ***февраля***.

Откликается на сообщенные Анненковым сведения о первых шагах Головнина на посту министра нар. просвещения: «Посмотрим — поддержит ли он свою прежнюю репутацию...». Просит сообщить сведения о Дружинине и Писемском (очевидно, эти слова были переданы Анненковым по назначению; см. п. Писемского и Дружинина от ***22 января*** (***3 февраля***)). Критически высказывается о результатах процесса кн. Воронцова против Долгорукова: «Процесс Долгорукого (недавно решенный против него) здесь делает много шуму; реакция совершается в его пользу: находят приговор жестоким и пристрастным...».

По итогам начатого в Париже в конце ноября 1861 гражданского процесса, 3 января н. ст. 1862 Долгоруков был признан «поносителем чести фельдмаршала Воронцова, клеветником и автором анонимной записки», содержавшей требование 50 тысяч руб. за внесение в подготовлявшуюся им «Родословную книгу» поправок, желательных для семьи Воронцовых, и приговорен к уплате судебных издержек, а также опубликованию «приговора на его счет в пяти повременных изданиях, по выбору <С. М.> Воронцова». См., например: Le Temps. 1862. 8 janvier. № 258. P. 3.

Согласно воспоминаниям Щербаня (требующим критического отношения), Долгоруков неоднократно бывал у Т.: «Уже после того, как судебные прения и в Париже, и в Брюсселе уличили его в диффамации и в шантаже, к<нязь> П. Д. врывался к Ивану Сергеевичу, разваливался на диване, дымил сигарой под нос хозяину, который не курил и избегал “табачного дыма”, болтал без умолку, пересыпая свой монолог обращением к Тургеневу *на ты*, не стесняясь посторонними, напротив — при них-то и фамильярничая особенно...» (*Щербань* (*1*). С. 16).

Первая половина января ст. ст. После доработки рукописи «Отцов и детей» по замечаниям Анненкова, Боткина, Каткова и др. составляет отдельный список поправок и добавлений к роману и отдает его Щербаню для передачи Каткову. Предположительно отправляет второй список Анненкову в Петербург.

По воспоминаниям Щербаня, «по мере того как варианты вносились в подлинную рукопись, Иван Сергеевич отмечал их и отдельно. Мало-помалу составилась целая тетрадка, загадочного для непосвященных

содержания: — *Глава такая-то.* В строке такой-то выкинуть слово "..."; в такой-то прибавить слово "..."; в такой-то зачеркнуть слова "... ..." и вместо них поставить "... ..."; такую-то строку — вычеркнуть; вместо такой-то вписать то-то. И т. д.... / Наконец, месяца в два, поправки исчерпались. Тогда Тургенев переписал тетрадку, сличая ее с подлинною рукописью, и еще кое-где поизменив; потом я перебелил его работу. Один экземпляр этой последней редакции "ne varietur" был отдан мне, для личной передачи "Русскому вестнику" (я уезжал тогда в Москву) и для личного наблюдения за корректурой; другой — на случай дорожных с первым приключений, — послан по почте в Петербург, П. В. Анненкову, ближайшему после Боткина другу Ивана Сергеевича» (*Щербань* (*1*). С. 18—19).

Между 14 (***26***) ***января и 20 января*** (***1 февраля***). Происходит возобновление отношений Фета с Толстым, прервавшихся из-за Т. (см.: *Толстой. Летопись.* С. 254), о чем Фет сообщил Т. См. ***23 января*** (***4 февраля***).

20 января (***1 февраля***). **Суббота**. Дата неизв. п. Т. к Герцену. Упоминается в п. Герцена к Т. от ***10*** (***22***) ***февраля***: «1 февр<аля> — последнее <письмо> с сроком <приезда в Лондон>» (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 213). См. ***22 января*** (***3 февраля***).

22 января (***3 февраля***). **Понедельник**. В рекомендательном п. к Анненкову сообщает о Щербане, который направляется в Россию: «Он прекраснейший человек и оказал мне истинные услуги при приведении в порядок моих многочисленных поправок и прибавлений в "Отцах и детях". Он Вам покажет их список» (список неизв.).

Дата ответного п. Герцена на два п. Т. — от ***13*** (***25***) ***января*** и неизв. п. предположительно от ***20 января*** (***1 февраля***). Приносит «рабскую благодарность» за «справки» относительно возможности возвращения А. А. Герцена на родину. Сообщает, что, по просьбе Т., писал о кн. Долгоруком в «Колоколе» (см. ***3*** (***15***) ***января***) и получил от него благодарственное письмо, где было высказано настойчивое желание издавать газ. «Будущность» у Трюбнера. Интересуется мнением Т. и Боткина о своих ст. «Мясо освобождения» и «Юбилей» (Колокол. 1862. 1 февраля. Л. 121; *Герцен.* Т. 16. С. 25—29, 30—31). Спрашивает о впечатлении Т. от А. А. Бакунина: «...видал ли ты в твою долгую жизнь охотника — зверя более скучного, как дромадер Бакунин jun<ior>. Неужели мы с тобой говорили этим чугунным языком с свинцовой подливкой». Досадует на то, что, кажется, потерял часть состояния в Америке. Сообщает, что закончил «IV главы»

очерка «Император Александр I и В. Н. Каразин». См.: *Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 207–208. См. также ***30 января*** (***11 февраля***).

Дата п. Писемского к Т., первого после перерыва в переписке. Сообщает о надеждах, возлагаемых на Головнина: «...теперь запахло другим воздухом и теперь идут толки об изменении цензуры и, между прочим, по этому случаю спрашивают и литераторов: как и что они, и желают ли иметь над собой не предварительную, а карательную цензуру, итак <...> может, даже доживем до того, что снесем наш труд в типографию без цензурной подписи». Приготовил для Т. экземпляр собр. своих соч. в 3 т. (издание Ф. Стелловского; СПб., 1861), который намеревается вручить ему лично при встрече в Петербурге. Хочет через Т. переслать экземпляр Делаво, так как не знает адреса последнего. Упоминает о своем новом рассказе «Батька» (*РСл.* 1862. № 1). Интересуется мнением Т. о пьесе Островского «Козьма Минин». Спрашивает о романе «Отцы и дети», напоминая об обещании дать прочесть его в рукописи: «Я обращался об этом к Анненкову, но он мне сказал, что он ничего не знает и не ведает» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 170).

Дата п. Дружинина к Т.: спрашивает о состоянии здоровья Боткина и, не получив ответа от него на свои письма, просит передать, чтобы он дал о себе «хотя кратчайшую весть». Сообщает, что чувствует себя лучше, надобности ехать за границу нет. О российских делах замечает: «Утешительного здесь мало, но по крайней мере на месте знаешь обо всем сущую правду, а за границей от одних лживых слухов о России исчахнешь». Прилагает «записочку» к Боткину (см.: *Т и круг Совр.* С. 228–229). См. ***7*** (***19***) ***февраля***.

Дата п. Бакунина к братьям из Лондона, в котором, описывая свой текущий бюджет, сообщает, что, по согласию братьев и по совету брата Александра, собирается взять у Т. 1000 р. сер. (3500 франков) (см.: Былое. 1925. № 3 (31). С. 32–33).

Около 23 января (***4 февраля***). Высылает Анненкову прибавленную сцену и поправки к «Нахлебнику» (не сохр.). См. ***26 января*** (***7 февраля***).

23 января (***4 февраля***). **Вторник**. В ответ на неизв. «дружеские и многочисленные» п. Фета поздравляет его с возвращением в «Ваше мирное сельское убежище» (недавно приобретенную Степановку): «...единственно приличное убежище для человека средних лет в нашем роде!». Сетует, что «принужден жить в гнусном Париже — и каждый день просыпаться с отчаянной тоской на душе...». Надеет-

ся по приезде в Россию в конце апреля быть в Степановке и вместе поохотиться. Сообщает, что ожидал «отчета» о пьесе Островского «Козьма Минин» (см. ***14*** (***26***) ***января***), а получил «целую диатрибу» по поводу повести Помяловского «Молотов», в ответ на которую заключает: «Так же как Толстого страх фразы загнал в самую отчаянную фразу — так и Вас отвращение к *уму* в художестве довело до самых изысканных умствований и лишило именно того наивного чувства, о котором Вы так хлопочете. <...> “Молотов” написан очень молодым человеком, который сам еще не знает, на какой ноге ему плясать — Вы увидели в нем какого-то “образованного Панаева”! Вы не заметили двух-трех прекрасных и наивных страниц о том, как развивалась и росла эта Надя или Настя — Вы не заметили других признаков *молодого* дарования — и уткнулись в наносную пыль и сушь <...>». Подводя итог, замечает: «Впрочем, это между нами — нескончаемый спор: я говорю, что художество такое великое дело, что целого человека едва на него хватает — со всеми его способностями, между прочим и с умом; — Вы поражаете ум остракизмом — и видите в произведениях художества — только бессознательный лепет спящего. Это воззрение я должен назвать славянофильским — ибо оно носит в себе характер этой школы: “здесь всё черно — а там всё бело” <...>». Изображает свои споры с Фетом в виде шутливого рисунка, на котором задумавшийся «ум» мрачен, а «художество» представлено в виде поющей женщины с цитрой. Выражает радость по поводу того, что Фет снова сошелся с Толстым (см. ***Между 14*** (***26***) ***января и 20 января*** (***1 февраля***)). Узнав, что Бурдин планирует выступить в главной роли в его пьесе «Нахлебник», оценивает предстоящую постановку как «одно из несчастий, которые могут случиться со всяким порядочным человеком», и заранее характеризует ее как «мерзость» (см. ***30 января*** (***11 февраля***), ***7*** (***19***) ***февраля***).

24 января (***5 февраля***). **Среда**. Отвечая с запозданием на неизв. п. Полонского, выражает сочувствие в связи с ухудшением его здоровья и приглашает весной приехать к нему в Спасское: «...а там мы втроем (ты, Фет и я) предадимся образцовому эпикурейству <...>». Намеревается быть в Петербурге в конце апреля. Обсуждает ст. Писарева «Писемский, Тургенев и Гончаров», отрывок которой Полонский, задетый высказываниями критика по адресу Т., прислал ему (какую именно часть ст., неизвестно; см.: *РСл.* 1861. № 11; вышла ***13*** (***25***) ***декабря***): «Это всё в порядке вещей — и особенно на Руси не диво, где мы все такие деспоты в душе, что нам кажется, что мы не живем, если не бьем кого-нибудь по морде». Пишет, что «Отцы

и дети» отправлены в *РВ* и явятся в февральской книжке, ждет по этому поводу «большой брани». Живет «тихо и глухо»: «почти ничего не делаю — но не скучаю. “День пережит — и слава богу!” — говорю я с Тютчевым»; просит при случае поклониться ему. В продолжении романа в стихах Полонского «Свежее преданье» находит «милые вещи», но «вообще немного небрежно» (опубл.: Время. 1861. № 6, 10; окончание — 1862. № 1).

25 января (***6 февраля***). **Четверг**. Дата «вольной», выданной Н. Н. Тургеневым по доверенности Т. кучеру, «дворовому человеку Василию Николаеву <Серебрякову> с женою его Натальею Тимофеевой, и с детьми их сыновьями <...> писанным <...> при имении моем в селе Спасском», по «желанию и просьбе» Николаева, «в том, что увольняю их вовсе от обязательных ко мне отношений, предоставляя ему, Николаеву, полное право приписаться к какому-либо обществу по его избранию, на свое содержание дозволенными средствами» (текст «вольной» см.: *Громов В. А.* Из воспоминаний крестьян о Тургеневе // *Т Сб* (*2*). С. 291).

26 января (***7 февраля***). **Пятница**. Одно из двух ответных п. Анненкова на три п. Т. от середины — конца января ст. ст. (известно только первое, от ***Середины января ст. ст.***): ожидает Щербаня («всегда поражавший меня высокомерным обращением своим с dame Францией») с поправками к «Отцам и детям» и встречу с Катковым («который не менее горделиво держит себя перед Россией»): «мы с ними и решим судьбу вашей рукописи». Пишет, что Катков приезжает для совещаний с Головниным «касательно цензурных дел», одобряет его действия по созданию комитета из редакторов для обсуждения вопроса («expedient (полезное — *франц.*) и уловка в соединении с желанием настоящей пользы и добра составляют, как кажется, основные черты его характера»). Сообщает о «колоссальном» успехе газ. Аксакова «День», о дискуссии вокруг ст. Аксакова о «необходимости уничтожения дворянства как сословия» («О самоуничтожении дворянства как сословия»), о Чичерине и др. (в том числе *РВ*), вступивших в полемику с Аксаковым (ст. Чичерина «Русское дворянство»: Наше время. 6 января. № 4), о множестве адресов к правительству, где «косвенно и туманно поговаривают <...> о чем-то таком, что на конституцию не похоже, но может быть принято за намек об ней», о п. К. К. Грота, из-за которого был отправлен в отставку министр финансов Княжевич. Отзывается о «Минине» Островского: это «дифирамб старой русской жизни, обработка идеала

ее по летописи, по монастырскому взгляду, по Домострою», написан «отличнейшим языком». Признается, что был растроган до слез. Сообщает, что Островский «посылает ее в Париж» (Т. получил копию пьесы от Щербаня ***26 февраля*** (***10 марта***)). В приписке сообщает, что сейчас получил п. Т. с поправками к «Нахлебнику» (неизв.) и передаст его по назначению (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 117–119). Второе ответное п. Анненкова см. ***3*** (***15***) ***февраля***.

27 января (***8 февраля***). **Суббота**. Утром в записке к Ф. Н. Тургеневой (на франц. яз.) сообщает, что принимает ее приглашение.

Предположительная дата записки к дочери, которой посылает правленую (возможно, вместе с Л. Виардо) рукопись переводов романа «Накануне» и повести «Первая любовь». Просит вручить рукопись переводчику (Делаво), который должен зайти за ней в тот же день, и попросить его быть аккуратным, так как листы плохо держатся. Эти переводы вошли позже в сборник: Nouvelles scènes de la vie russe. Traduction de H. Delaveau. Paris: Dentu, 1863. Сообщает, что не будет обедать у Н. И. Тургенева по причине сильных колик.

28 января (***9 февраля***). **Воскресенье**. Передает с уезжающим в Москву Щербанем список поправок к роману «Отцы и дети» и п. к Каткову, просит его «иметь наблюдение над печатанием “Отцов и детей”, которые, к сожалению, едва ли попадут в январскую книжку»; повторяет «свое задушевное желание о помещении их в *одном* номере».

Дата п. Герцена к Т.: спрашивает, не запрещено ли издание «Колокола» во Франции; просит сообщить свое мнение о газ. Долгорукова «Будущность», переставшей издаваться в Париже (последний номер вышел ***31 декабря н. ст. 1861***), окупалось ли это издание и следует ли издавать его у Трюбнера; ожидает, что в России будет бунт; упрекает Т., что он отдал «Отцы и дети» в *РВ*. По поводу полемики Чичерина с Аксаковым (см. п. Анненкова от ***26 января*** (***7 февраля***)) пишет: «Еще каков, брат, вылупился барин из Чичерина <...>». Сообщает, что «учел» 500 франков, присланных Т. для Бакунина, но остальную сумму (1000 франков) пока присылать не нужно, сейчас Бакунин в деньгах не нуждается, поскольку Герцен собрал для него 1500 франков (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 208–209). Ответное п. Т. см. ***30 января*** (***11 февраля***).

Дата п. из редакции *РВ* к Анненкову, в котором по поводу романа Т. от имени Каткова говорилось: «Относительно романа г. Тургенева Ми-

хаил Никифорович просит Вас быть совершенно спокойными: он будет напечатан во второй книжке со всеми поправками, которые сделаны г. Тургеневым и которые везет из Парижа г. Щербань. Без сомнения, редакция позаботится, чтобы роман был напечатан со всею тщательностью. В первой же книжке роман не мог быть напечатан единственно потому, что г. Тургенев опоздал высылкою поправок» (цит. по: *Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 393—394).

30 января (11 февраля)*. Вторник**. Отвечая Герцену на его п. от ***28 января (9 февраля) и, вероятно, от ***22 января (3 февраля)***, сообщает, что «Колокол» в Париже никто не запрещал и что «еще вчера» он продавался «*повсюду*»; не советует иметь дело с «Будущностью» ни Герцену ни Трюбнеру, поскольку она не окупалась и не пользовалась успехом; утверждает, что Долгоруков «нравственно погиб — и едва ли не поделом», поддержка его, о которой Т. просил Герцена, важна была «в силу принципа, а теперь предоставь его своей судьбе». Возмущается упреком за сотрудничество в *РВ*, ссылаясь на отсутствие, после разрыва с *Совр*, других возможностей печататься: «Да и <...> “Русский вестник” не такая уж дрянь — хотя много в нем мне противно до тошноты». Отвергает слух о дружбе с Чичериным: «Я бы тебя вызвал на дуэль, если бы ты заподозрил меня в дружбе с Чичериным», имея в виду поведение Чичерина во время студенческих волнений осенью 1861. Просит не «трогать» в «Колоколе» Головнина: «...всё, что он делает — хорошо», напоминает о разрешении Головнина читать публичные лекции Кавелину: «Не беспокойся; если он свихнется, мы тебе его “придставим”, как говорят мужики, приводя виноватых для сечения в волость». Пишет о свиданиях в Париже с младшим братом Бакунина Александром: «Драмадер Бакунин был здесь, мямлил, скрыпел и уехал, оставив мне адрес каких-то Lafare frères, которым надобно заплатить задолженные Мишелем 1000 фр.». Сообщает, что открыл подписку в пользу Бакунина, но пока к 500 франков от себя прибавилось лишь 200, в то время как Бакунин в п. к нему (неизв.) просит 1000 р. сер. Готов выдать ему эту сумму до своего отъезда в Россию, при условии, что они будут зачислены в счет обещанного трехлетнего пансиона. Просит уговорить Бакунина не выписывать сейчас, ввиду неустойчивости его финансового положения, из России жену: «Это было бы безумие». Ответное п. Герцена см. ***31 января (12 февраля)***.

Состоялась первая в Москве постановка запрещенной ранее пьесы Т. «Нахлебник» («Чужой хлеб»), в Большом театре, в бенефис Щепкина, которому не удалось сыграть роль Кузовкина в свой бенефис в 1856 и в 1857 (см.: *Соч.* Т. 2. С. *596—597*).

Роль Кузовкина играл Щепкин, Ольги Петровны — Н. М. Медведева, Елецкого — И. В. Самарин, Карпачова — Калинин, Тропачева — С. В. Шумский, Иванова — П. М. Садовской. Критик Баженов, отметив «сценическую слабость» пьесы, особое внимание уделил игре Щепкина, который ему понравился гораздо более в первом, чем во втором действии, мастерству Садовского, сумевшего создать образ из «пятишестисловной роли», Шумскому и Калинину. О самой пьесе Баженов писал: «30-го января в Большом театре, почти наполненном сверху донизу, был дан бенефисный спектакль г. Щепкина», в котором среди других комедий «дан был “Нахлебник”, комедия И. С. Тургенева, которая давно уже была напечатана в “Современнике”»; в рецензии отмечалось, что все драматические опыты Т., кроме «Провинциалки» и «Завтрака у предводителя», «писаны решительно не для сцены и потому не могут иметь в представлении особенного успеха. И это очень понятно: литературное достоинство их прежде всего в живой, необыкновенно тонкой и правдивой обрисовке характеров действующих лиц, в уменье автора разлить по целой пьесе какую-то особенную, обаятельную теплоту, которою приятно греется читатель; их сценическая слабость заключается в недостатке действия и в некоторой растянутости», поэтому и «Нахлебник» не имел «и не мог иметь успеха на сцене» (*Баженов А.* Заметки о Московском театре: Бенефис г. Щепкина // *МВед.* 1862. 11 февраля. № 33. С. 265). См. также ***19 (31) октября 1861***, а также п. Т. к Анненкову от ***11 (23) декабря 1861***.

31 января (12 февраля). **Среда**. Дата ответного п. Герцена. на п. Т. от ***30 января (11 февраля)***: призывает проявлять осмотрительность в деле финансирования Бакунина, который ведет себя инфантильно для своего возраста, просит оставить дело материального обеспечения Бакунина за собой, считает, что деньги должны собрать русские (не более 3500 франков), а тех 500 франков, которые дал Т., «за глаза довольно»: «но если *ты хочешь* за полстолетье вперед заплатить — то этого будет мало». Узнав от Александра Бакунина, что Т. взялся оплатить какие-то долги Бакунина в Париже, спрашивает, не должны ли это взять на себя его братья. Признается, что, упрекая Т. в сотрудничестве с *РВ*, «дурачился», но все же считает, что лучше было бы печататься в *ОЗ* или даже в *РСл*, замечает, что даже Панаев насмехается над ним по этому поводу (см. ***14 (26) декабря 1861***). Сообщает, что в Берлине Блюммер начал издавать русский журнал «Свободное слово»; что сегодня у него обедают Бакунин и «Луй Блан», оправдывается, что задел Головнина, но «так, с бархатцем, улыбаясь»; саркастически отзывается о будущем праздновании 1000-летия России, называя ожидаемую конституцию

«Констипацией» (от франц. constipation — запор), спрашивает, неужели Т. не поедет к ее объявлению: «Я еду». Заключает п. по-немецки, перефразируя «Дон-Карлоса» Шиллера: «Tausend Jahre — und noch nichts für die Ewigkeit getan» (Тысяча лет — и еще ничего не сделано для вечности) (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 210—211).

В заметке «Юбилей» Герцен определенно высказался о том, что находит смешным «праздновать день в день зачатие какого-нибудь государства, особенно когда это зачатие совершилось в такой тиши и в такой глуши, что знающие люди спорят до сих пор, кто был и кто не был отцом <...>» (*Герцен*. Т. 16. С. 30). Ответное п. Т. неизв.

Дата п. Бакунина к Т. (неизв.), о котором сообщает Герцен. См. ***1* (*13*) *февраля***.

Конец января ст. ст. Дата двух неизв. п. Т. к Анненкову (в списке *Утраченных писем* (*2*) не указано). Ответы Анненкова на три п. Т. от середины — конца января ст. ст. (известно только первое, см. выше). См. ***26 января* (*7 февраля*)** и ***3* (*15*) *февраля***.

1* (*13*) *февраля*. Четверг**. Дата п. Герцена к Т., в котором сообщает, что Бакунин «накануне» писал Т. о том, «чтоб не делать подписки для него» (п. неизв), добавляет, что Бакунин «не знает что делает», что подписку нужно производить не во Франции, а в России, предлагая сделать это Т. «своим авторитетом»; советует не давать займа братьям Бакунина для организации переезда его жены из России в Лондон (см. п. Бакунина к Н. С. Бакуниной от ***3* (*15*) *апреля: Былое. 1925. № 3 (31). С. 36), предлагает пересылать собранные деньги ему, «а сумм для братьев не доставай», предупреждает, что подписку надо делать «секретно». В качестве новости, от которой Т. должен «вспрыгнуть», сообщает, что в московском дворянском собрании «плантатор Безобразов» (Н. А. Безобразов) поставил на голосование вопрос об отречении государя в пользу сына (183 против, 165 за) (*Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 211).

На это событие Герцен откликнулся в «Колоколе» заметкой «Дворянская крамола», противопоставив «бланкисту» Безобразову осужденного на каторгу Михайлова, автора прокламации «К молодому поколению», предложившего союз царя с народом (*Герцен*. Т. 16. С. 33—34).

В Москве на сцене Малого театра состоялось представление пьесы Т. «Нахлебник» («Чужой хлеб») (объявление см.: *МВед*. 1862. 1 февраля. № 25. С. 202).

Выходит № 1 журнала «Время», о высылке которого говорится в п. Т. к Достоевскому от ***2** (**14**) **марта***.

2** (**14**) **февраля. **Пятница**. В Петербурге Т. заочно избран в новый Комитет Литературного фонда на срок до ***2** (**14**) **февраля 1863***. См. также ***2** (**14**) **февраля 1861***.

Т. являлся членом Комитета Литфонда в периоды: 8 (20) ноября 1859 — 2 (14) февраля 1863, 2 (14) февраля 1864 — 2 (14) февраля 1866. Согласно протоколу заседания Комитета Литфонда от ***6** (**18**) **января 1863***, Т. в числе других кандидатов был предложен в новый состав Комитета (см.: *РНБ*. Ф. 438. № 1. Л. 287) и с 2 (14) февраля 1880 по 2 (14) февраля 1883 (см.: *Сб Лит фонда* (*L*). С. 73—76).

3** (**15**) **февраля. **Суббота**. Дата второго ответного п. Анненкова на три п. Т. от середины — конца января ст. ст. (известно только первое, см. выше) — первое ответное п. Анненкова см. ***26 января** (**7 февраля**)*: посылает переписанную Карташевской ст. Т. «Гамлет и Дон-Кихот» (см. п. Анненкова к Т. от ***25 декабря 1861** (**6 января 1862**)*), а также п. редакции *РВ*, «заверяющей о тщательном вводе всех будущих поправок в рукопись вашего романа» (см. ***28 января** (**9 февраля**)*); сообщает о получении по почте «нескольких листов поправок», переданных Каткову; успокаивает Т., что «Нахлебник», поправки к которому Анненков передал Снетковой, будет идти не с Бурдиным в главной роли, а с Васильевым (2-м). Что касается введения поправок в спектакль, то выяснилось, что они должны быть введены в текст суфлера и одобрены III отделением, «что есть дело крайне опасное и щекотливое», вследствие чего решено было не вводить присланные поправки. Утешает Т.: «...да вам-то что? Ведь ни хуже, ни лучше пьесу сделать нельзя» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 119—120). См. также п. к Карташевской от ***10** (**22**) **февраля***.

Дата доверенности Т. на имя дяди Н. Н. Тургенева, управляющего его имениями. По поручению Т., жившего за границей, Н. Н. Тургенев должен был юридически оформить отношения Т. с его бывшими крепостными.

Первая половина февраля н. ст. Посылает с Щербанем в редакцию *РВ* тетрадку с поправками к «Отцам и детям» (местонахождение неизв.). См. ***28 января** (**9 февраля**)*.

7** (**19**) **февраля. **Среда**. В ответном п. к Дружинину на его п. от ***22 января** (**3 февраля**)* (см.: *Т и круг Совр*. С. 228—229): радуется

известию об улучшении состояния его здоровья, сообщает, что передал его п. Боткину, который действительно не получил «большого послания» Дружинина. О Боткине пишет: «Кроме небольшого расстройства в глазах, что заставляет нашего друга носить по вечерам синеватые очки и тем самым получать вид какого-то бразильского или чилийского посланника — всё обстоит довольно благополучно у Василия Петровича: кушает он до онемения, посещает театры — и даже завел у себя по вторникам отличнейшие квартеты, на которые приглашались только избранные любители». Сообщает, что вскоре Боткин с Милютиным едут в Италию, Боткин собирается вернуться в Россию в апреле. Просит пересылать письма к Боткину к нему с дальнейшей пересылкой по назначению. К весне надеется быть в России и увидеться с Дружининым.

Бенни в п. к Кельсиеву из Петербурга сообщает, что в связи с недоверием к нему в демократической среде «не успел ничего сделать» в сборе подписей под адресом Александру II, составленным Т. (см. ***Начало августа ст. ст. 1861***), который «дал мне подлинник» (*ЛН*. Т. 62. С. 24). Сообщает также, что Т. передал через него п. к Анненкову (неизв.), см. ***Март ст. ст.*** (записка к Рашет).

В Петербурге на сцене Александринского театра состоялась вторая премьерная постановка пьесы «Нахлебник» («Чужой хлеб») в бенефис Снетковой, исполнявшей роль Елецкой. См.: *СПбВед*. 1862. 11 февраля. № 33. «Петербургская летопись»; *МВед*. 1862. 11 февраля. № 33. С. 265. См. также ***30 января*** (***11 февраля***).

В «Хронике петербургских театров» Вольф назвал «великолепным» Васильева 2-го в роли Кузовкина (Ч. 3. С. 23).

8 (***20***) ***февраля***. **Четверг**. Дата п. Герцена (ответ на неизв. п. Т. с уведомлением о предстоящем приезде в Лондон), переданного с Трюбнером («он деятельный и очень полезный книгопродавец»), который хочет о чем-то переговорить с Т.; просит принять его «с изяществом» и сделать для него «что-нибудь» по Парижу. Упоминает неизв. п. Т. (возможно, от ***1*** (***13***) ***февраля***), в котором «ты меня и славянофилом матюгнул — а сам каких Хорей с Калинычем вывел» (в списке *Утраченных писем* (*2*) не отмечено); ждет Т. в «субботу» (см. ***10*** (***22***) ***февраля***). Спрашивает, читал ли Т. новую брошюру Шедо-Ферроти «Lettre de Mr Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londre avec une réplique et quelques observations de D. K. Schédo-Ferroti» («Письмо г. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти»), вышедшую в Берлине в 1862, а также ст. Щапова в *ОЗ* «Земство и раскол

(с XVIII столетия)» (№ 12) (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 213). Ответное п. Т. неизв.

***9* (*21*) *февраля*. Пятница.** В Москве на сцене Малого театра состоялось второе представление после премьеры ***30 января* (*11 февраля*)** пьесы Т. «Нахлебник» (см.: *МВед.* 1862. 9 февраля. № 31. С. 250).

10* (*22*) *февраля*. Суббота.** Благодарит Карташевскую, переписавшую ст. «Гамлет и Дон-Кихот», которую Т. получил вместе с п. Анненкова от ***3* (*15*) *февраля. Просит передать Анненкову, что Боденштедт уполномочил Т. взять его ст. «Новейшая немецкая литература после Гейне», отосланную автором в редакцию *Совр*, где она, однако, не была опубликована.

Ранее, в п. к Боденштедту от ***10* (*22*) *декабря 1861***, Т. сообщал, что поручил Анненкову разыскать в *Совр* ст. Боденштедта и передать ее в редакцию журнала «Время». Об этой ст. Анненков сообщил Т. ***22 февраля* (*6 марта*)**.

Дата ответного п. Герцена на неизв. п. Т. об откладываемой поездке в Лондон и ироническим началом: «Я очень рад, что ты не приедешь»; упоминаются неизв. п. Т. к нему от ***20 июля* (*1 августа*) *1861*** и ***20 января* (*1 февраля*)**, со сроками приезда в Лондон, называет Т. «злокачественнейшим охотником». Интересуется личностью Головина, который должен прибыть в Лондон; спрашивает, ознакомился ли Т. с еще одной брошюрой Шедо-Ферроти, направленной против Герцена; ознакомившись с корректурным листом журнала Блюммера, находит, что против него, «кажется, врут <...> ничего дурного нет». (Возможно, Т. высказывал опасения, что Блюммер действует от лица правительства.) Интересуется, был ли у Т. Трюбнер (*Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 213). Ответ Т. неизв.

***12* (*24*) *февраля*. Понедельник.** В п. к Боденштедту (на франц. яз.) сообщает, что редакция *Совр* не дает знать о его ст. «Новейшая немецкая литература после Гейне», «и я снова отправил туда письмо, настоятельно требуя ответа» (п. Т. в редакцию *Совр* по этому поводу неизвестны; в списке *Утраченных писем* (*2*) не отмечены. Возможно, Т. имел в виду свои п. к Анненкову). С восхищением отзывается о врученных ему переводах сонетов Шекспира: «...вот уже три дня, как я погружен в волны поэзии, которая ныне забыта и которую вам дано было воскресить. <...> Некоторые из этих сонетов проникают

прямо в душу и там остаются; по нежности, силе и свежести они несравненны... Впечатление, что это *перевод*, совершенно исчезает: ваши стихи льются с изумительною легкостью, и лишь потом начинаешь думать с удивлением о трудностях, которые вы преодолели». Уверен, что книгу ждет «огромный успех» (см. п. Боденштедта к Т. от ***13 (25) декабря 1861***). Сообщает, что намерен через два-три месяца остановиться в Мюнхене подольше по дороге в Россию, жалуется, что «мало наработал» со времени приезда в Париж, что роман «Отцы и дети» появится в *РВ*, просит передать прилагаемое п. к Гейзе, кланяется семейству Хилковых.

В п. к Гейзе (на франц. яз.) благодарит его за «милое» посвящение тома его «прелестных повестей»: «Эти маленькие рассказы преисполнены поэзии, изящества, тонкости и правды; они гармоничны и трогательны; в них обнаруживается глубокое знание человеческого сердца и столь же большая любовь к нашему бедному человечеству, — две вещи, которые должны бы всегда сочетаться, но так редко встречаются вместе»; особенно выделяет новеллу «На альпийском лугу»; сообщает, что уже рекомендовал весь том вниманию «наших русских переводчиков». Речь идет об изд.: *Heyse Paul.* Neue Novellen. 4. Sammlung. Berlin, 1861. См. также п. Боденштедта к Т. от ***13 (25) декабря 1861*** и ***19 (31) декабря 1861***.

В Петербурге на сцене Александринского театра состоялось представление пьесы Т. «Нахлебник» («Чужой хлеб») (объявление см.: *Сев Пчела.* 1862. 12 февраля. № 42. С. 168).

13 (25) февраля*. Вторник**. Обедает с Ханыковым: «объедались устрицами и шампанское испивали» (см. п. к Боткину от ***14 (26) февраля).

Плетнев в п. к Толстому упоминает о своей встрече с Т. в Париже в ***Конце сентября ст. ст., после 17 (29) 1861***: «Прошлое лето я с моим семейством» провел август и сентябрь в Париже, «где меня успел застать наш Тургенев» (см.: Толстой. 1850—1860. Материалы, статьи / Под ред. В. И. Срезневского. Труды Толстовского музея АН СССР. Л., 1927. С. 24).

***14 (26) февраля*. Среда.** Дата п. к Боткину, которому пересылает в Рим п. Толстого от 7 (19) февраля, напоминает об обещании дать Бакунину 100 франков. Сообщает, что Н. И. Тургенев дал столько же; пишет, что «вчера» обедал с Ханыковым «и шампанское испивали за ваше здоровье». Передает приветствие путешествующему с Боткиным брату Михаилу, Милютиным и Ростовцевым.

Спрашивает гр. Ламберт о ее состоянии после смерти сына и брата, просит сообщить, если графиня чувствует «потребность уединиться, отвернуться от всего», что ее прежде занимало, желал бы «только уверить Вас в своей неизменной дружбе и преданности»; сообщает, что дочь замуж не вышла «и едва ли выйдет». Ответное п. Ламберт см. ***21 февраля*** (***5 марта***).

15 (***27***) ***февраля***. **Четверг**. В п. к Каткову выражает надежду, что «уже всё пришло в порядок: Щербань наконец приехал, повесть моя печатается с присланными изменениями и поправками»; что «экземпляры будут мне высланы»; при выплате причитающихся денег («за вычетом взятых наперед») просит выслать в Петербург на имя Анненкова 500 р. сер. Желает («и для Вас и для себя»), чтобы «Отцы и дети» «не провалились». См. также п. Анненкова к Т. от ***7*** (***19***) ***апреля***.

В записке к К. Тургеневой (на франц. яз.) сообщает, что вместе с дочерью будет сопровождать Жюльену Орвиль, которая «сообщила мне», что посетит «вас в *понедельник* вечером», т. е. ***19 февраля*** (***3 марта***).

Дата п. Фета к Т. (неизв.), содержавшего отрицательный отзыв о «Минине» Островского. См. ответное п. Т. от ***5*** (***17***) ***марта***.

Дата п. Щербаня, прибывшего из Парижа в Москву, вместе с п. посылает Т. издание «Минина» Островского; благодарит за знакомство с Анненковым, которого посетил в Петербурге; говоря об «Отцах и детях», пишет: «По совету Анненкова, совершенно сходному с мнением редакции и с тем, к чему вы больше склонялись, *эпиграф* не помещается»; передает пожелание Каткова, чтобы «Довольно» было опубликовано в *РВ*: «Я раззвонил, что вы задумали “Довольно”, и вам собираются писать, просить “не миновать нашего порога”. Да и в самом деле: дайте “Довольно” “Русскому вестнику”». Просит передать Случевскому, что стихи его отданы Каткову: «о результате я тотчас напишу»; сообщает о внесении правки в рукопись романа «Отцы и дети»: «Я застал уже много страниц в печати. Вставки были сделаны самим Мих<аилом> Никиф<оровичем> и, проверив, я нашел только две ошибки, которые уже исправлены. (Сделаны, было, впрочем, лишь до XX главы; дальше я сам вписывал). Не беспокойтесь, все будет исправно. В настоящую минуту первые два листа — в печати, следующие четыре-пять — сверстаны; далее несколько — в гранках; остальное в наборе. Вчера посланы последние главы. Поспеем непременно к февральскому номеру, который выйдет 28 февраля. Весь роман войдет, по вашему желанию, в одну книжку. Много

держали советов по этому поводу, тем более что ваше письмо, последнею строчкою — отдает на волю. Соображения о подписке говорили сильно в пользу раздела <...>. Но Катков решил, что следует угодить вам, *ergo* — на подписку махнул рукою». Рекомендует прочесть в № 1 *РВ* повесть Крестовского (Хвощинской) (см.: *ИРЛИ.* № 5770. Л. 2 об.–3 об.). Ответное п. Т. см. ***26 февраля (10 марта)***.

Впервые «Довольно» было напечатано в «Сочинениях» Т. (Карлсруэ, 1865. Т. 5).

В Москве на сцене Малого театра состоялось утреннее представление пьесы Т. «Нахлебник» («Чужой хлеб») (объявление см.: *МВед.* 1862. 15 февраля. № 36. С. 290).

Первая половина февраля ст. ст. Дата неизвестного п. Достоевского к Т. с напоминанием об ожидаемой редакцией журнала повести «Призраки» (*Достоевский.* Т. 28. Кн. 2. С. 511. *Список.* № 133; Ср. *Достоевский. Летопись.* Т. 1. С. 349). Ответное п. Т. см. ***2 (14) марта***.

***17 февраля (1 марта)*. Суббота.** В Москве на сцене Малого театра состоялось представление пьесы Т. «Нахлебник» («Чужой хлеб») (объявление см.: *МВед.* 1862. 16 февраля. № 37. С. 298).

В Петербурге на сцене Александринского театра состоялось утреннее представление пьесы Т. «Нахлебник» («Чужой хлеб»).

***18 февраля (2 марта)*. Воскресенье.** Дата п. Кропоткина к брату с упоминанием нового финала романа «Рудин» в *Соч* (*1860–1861*): «...ты упоминал про Рудина. В новом издании Тургенев прибавил к Рудину несколько строк. Он идет в 48 г. на баррикады, помахивая сабелькой и его подстрелил венсенский стрелок». Ждет «с нетерпением нового романа Тургенева “Отцы и дети”. Ведь Рудин, Лаврецкий, эти типы Тургенева уже отживают свой век, их оттеснило новое поколение. Каким-то он его представит?» (*Кропоткины Петр и Александр.* Переписка. 1857–1862. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 256).

Впоследствии Кропоткин, сравнивая Базарова с нигилистом Марком Волоховым из романа Гончарова «Обрыв», вспоминал: «Тургенев был слишком тонкий художник и слишком уважал новый тип, чтобы быть способным на карикатуру, но и его Базаров не удовлетворял нас. Мы в то время нашли его слишком грубым, — например, в отношениях к ста-

рикам-родителям, а в особенности, мы думали, что он слишком пренебрегал своими обязанностями как гражданин. Молодежь не могла быть удовлетворена исключительно отрицательным ко всему отношением тургеневского героя. Нигилизм, с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия, был только переходным моментом к появлению “новых людей”»; в «нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе “Что делать?”, мы видели лучшие портреты самих себя» (*Кропоткин П.* Записки революционера. СПб., 1906. Т. 1. С. 271).

***В ночь с 18 на 19 февраля ст. ст.* Воскресенье — понедельник**. В Петербурге от апоплексического удара умирает один из редакторов *Совр* Панаев.

Т. сообщил об этом Анненков ***22 февраля* (*6 марта*)**, присутствовавший на его похоронах на кладбище Фарфоровского завода (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 120). Т. узнал о его смерти из газ. *Сев Пчела* ***20 февраля* (*4 марта*)**, о чем написал Боткину ***26 февраля* (*10 марта*)**; см. также п. к Боткину от ***14* (*26*) *марта***.

19 февраля* (*3 марта*). Понедельник**. В ответном п. к Борисову (см. ***25 декабря 1861* (*6 января 1862*)**) отзывается о ст. Фета «Заметки о вольнонаемном труде» (*РВ*. 1862. № 3, 5): «...недаром в нем частица немецкой крови — он деятелен и последователен в своих предприятиях, при всей поэтической безалаберщине — и я уверен, что, конец концов, — его *лирическое* хозяйство принесет ему больше пользы, чем множество других, прозаических и практических»; спрашивает, получен ли номер *РВ* с «моим детищем» («Отцами и детьми»), просит Борисова высказать свое мнение о них; жалуется на абсолютное «бездействие». Мечтает увидеть Фета и поспорить с ним. См. также п. к Фету от ***14* (*26*) *января и п. Борисова к Т. от ***22 февраля* (*6 марта*)**.

Дата п. к Боткину, которому пересылает в Рим новое п. Толстого, ждет весточки из Рима, сообщает художественные вести, в том числе об опере Гуно «Царица Савская», которая «потерпела почти фиаско».

Вечером вместе с дочерью и Ж. Орвиль наносит визит К. Тургеневой (см. ***15* (*27*) *февраля***).

***20 февраля* (*4 марта*). Вторник**. Дата п. Писемского к Т., к которому было приложено его собр. соч. в 3 т. (СПб., 1861) для Делаво («ваш экземпляр дожидается вас в Петербурге»), а также два экземпляра рассказа «Батька» (один для Делаво; *РСл*. 1862. № 1), см. пре-

дыдущее п. Писемского от ***22 января*** (***3 февраля***). Вновь излагает историю своего протеста против ст. Елисеева в «Искре» и прилагает свой фельетон и ответ «Искры» (см. ***Февраль ст. ст.***); сообщает о смерти Панаева (см. отклик Т. на его смерть в п. к Достоевскому от ***2*** (***14***) ***марта***) (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 172–173). Отзыв Т. на рассказ «Батька» см. в п. к Боткину от ***14*** (***26***) ***марта***.

Дата № 49 газ. *Сев Пчела*; в нем — известие о смерти Панаева. Т. узнал о его смерти из этой газ., о чем писал ***26 февраля*** (***10 марта***).

21 февраля (***5 марта***). **Среда**. Дата ответного п. гр. Ламберт к Т. на его п. от ***14*** (***26***) ***февраля***, в котором писатель высказал опасение, что графиня откажется от переписки с ним. Сетует на длительный перерыв в их переписке: «Вы тоже для меня дороги и близки как прежде, но я заметила [в Вас] какое-то разъединение меж нами, точно мое горе стало между нами стеной <...> Вы перестали писать» (предшествующее п. к Ламберт было написано Т. ***10*** (***22***) ***декабря 1861***). Оправдывая долгое молчание Т., графиня полагает: «...на Вас — человека, преисполненного жизнью земной, — смерть, гроб, ладан, черные покровы наводят [на Вашу душу] такое тяжелое впечатление, что Вы чувствуете одну потребность невольно удалиться от печального зрелища»; просит Т. не забывать ее; передать его дочери, с которой познакомилась в Париже в ***Середине августа н. ст. 1860***, благодарность за п. (см.: Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу / Публ. В. А. Лукиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001. СПб., 2006. С. 154–155). Ответное п. Т. см. ***2*** (***14***) ***марта***.

Около 22 февраля (***6 марта***). Братья Бакунина Алексей и Николай арестованы и посажены в Петропавловскую крепость вместе с другими мировыми посредниками Тверской губ., подписавшими адрес Александру II с протестом против сохранения сословно-дворянских, имущественных и военных привилегий, считая их позорными и беззаконными.

26 мая (***7 июня***) – ***2*** (***14***) ***июня*** Т. видится с ними в крепости для переговоров о возвращении из Сибири жены Бакунина: «По приезде в Петербург я прежде всего желал удостовериться, точно ли семейство Бакунина не хочет принять его жены к себе в дом: для этого мне нужно было видеться с братьями Бакунина, заключенными в крепости. Без разрешения санкт-петербургского генерал-губернатора, князя Суворова,

это было невозможно. Я прямо обратился к князю, откровенно объяснился с ним — и князь, взявши с меня слово, что разговор мой с братьями Бакунина будет касаться одних частных дел, дал мне возможность видеться с ними в крепости. Они немедленно объявили мне свою готовность принять к себе жену брата; оставалось доставить ей денежные средства перебраться из Иркутска в Тверскую губернию» (см. ответы Т. «В Сенатскую следственную комиссию» от ***22 марта*** (***3 апреля***) ***1863***: *П.* Т. 5. С. 313). 22 июля (3 августа) 1862 братья в числе других арестованных мировых посредников были освобождены с запрещением поступать на государственную службу, участвовать в выборах и быть избранными (см. п. Герцена к Т. от ***28 января*** (***9 февраля***): *Герцен.* Т. 27. Кн. 1. С. 209).

22 февраля (***6 марта***). **Четверг**. Дата п. Борисова к Т., ждет его в Новоселки, сообщает, что «настоящее положение так для всех тягостно, что нельзя не желать лучшего»: «Дело крестьянск<ое> туго ползет. Уставн<ых> грамот много не подано». Пишет, что был в Спасском, где все переболели. С нетерпением ожидает роман «Отцы и дети». Описывает приезд Фета в Новоселки. О «Минине» Островского замечает: «...выясняется, чего нет в таланте Остр<овского> и чего одним умом не сочинишь. Он слишком натура русская, то есть многие почки его корня здорового не раскрылись, а может и совсем пропали от русского капустного духа». Делится впечатлением от январской книжки журнала Толстого «Ясная Поляна»: «Главная его мысль, что *свобода* должна быть основанием школьного обучения, доводит его до того, что он доказывает необходимость стулья ломать <...>». «И несмотря на множество истинных, здоровых его мыслей, свободная его школа — мечта», словом, «Толстой желает *идеальную* школу, для которой — кроме Ясной Поляны — не может быть места на земле» (Речь идет о ст. Толстого: Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы // Ясная Поляна. 1862. № 1. С. 35—86). Готовится к вальдшнепиной охоте, делится хозяйственными заботами (*Письма Борисова.* С. 357—358).

Анненков в п. к Т. описывает похороны Панаева: «Народу было много, сожаления тоже, смущения у домашних достаточно, но истинное чувство представлялось чуть ли не одним человеком — бледным и рыдающим М. Языковым». Сообщает, что петербургский генерал-губернатор Суворов запретил произносить речи. Ушел, не дождавшись конца церемонии: «Не до речей также и городу, который занят привозом сюда и отдачей под суд 13 тверских посредников и дворян (между которыми и 2 Бакунина)».

Помещены в Петропавловскую крепость и отданы под суд Сената за решение на Дворянском собрании 1—4 февраля ст. ст. предоставить крестьянам земли в собственность. См.: *Лемке. Очерки.* С. 448.

Рассказывает новости из Литературного фонда, на последнем заседании которого ему удалось освободиться от обязанностей секретаря. Сообщает, что получил от Т. «две записочки», переданные со Скарятиным (неизв.) и Щербанем; «роман ваш печатается исправно, но Катков стремится разбить его на две книжки, чему я сопротивлялся перед собственным его лицом, бывшим тоже на минуту в Петербурге, но успеха не ожидаю». О поручении Т. забрать статью Боденштедта из *Совр* пишет: «Не забыт мною и Боденштедт, но он забыт редакцией “Современника”, которая едва отыскала его статью, препоручила прочесть ее Пыпину, а он и доселе читает», ожидает продолжения истории на будущей неделе. Собирается забрать в редакции гонорар и переслать Т. Кается, что не навещал гр. Ламберт. Обижается, что Т. мало пишет ему, не сообщив, например, о получении ст. «Гамлет и Дон-Кихот», переписанной Карташевской. Пишет о скандале с Писемским и Некрасовым, который едва не кончился дуэлью между Писемским и Курочкиным и Степановым, пославшими вызов (*Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 120—121. О несостоявшейся дуэли Писемского с сотрудниками «Искры» см.: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 171—172). Ответ Т. на это п. неизв.

24 февраля (***8 марта***). **Суббота**. Дата выхода № 2 «Журнала министерства народного просвещения»; в нем — ст. Петрова «Практический взгляд на программу русского языка и словесности», в которой обосновывается «необходимость для учащихся средней школы читать и перечитывать Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого, Кохановскую» и др.» (№ 2. Отд. 1. С. 175). См. также полемическую ст. Глебова о включении в школьные программы сочинений современных авторов, включая Т.: *МВед.* 1862. 22 июня. № 141. Литературный отдел. С. 1128—1129.

26 февраля (***10 марта***). **Понедельник**. Посылает Боткину копию хроники Островского «Минин» (полученную от автора через Щербаня, см. п. Анненкова к Т. от ***26 января*** (***7 февраля***)), о которой пишет: «...мне он показался бессильной и вялой вещью, написанной превосходнейшим языком — с несколькими прелестными *лирическими* проблесками <...> но драмы нет и помина, характеры не живые и вообще от всего “Минина” веет чем-то Карамзинисто-За-

госкиноватым. Я могу ошибаться — но не того ожидал я от Островского. <...> Что-то пухлое без мышец и крови... <...> Но язык, повторяю — образцовый. Эдак у нас еще не писали». Особых новостей нет, «но большая чувствуется *шатость*». Пишет о приезде в Париж Шевырева, собирающегося читать лекции по русской литературе, который сообщил ему, что в Москве собрались печатать новое издание сочинений Гоголя, но не могут добиться рукописей, хранящихся у брата художника Иванова, архитектора, который живет в Риме. Просит Боткина посодействовать получению этих бумаг: «Этим ты окажешь важную услугу и семейству Гоголя и всей русской публике» (Собр. соч. Гоголя было издано в 4 т. в 1862 в Москве). Сообщает, что прочел в *Сев Пчеле* известие о смерти Панаева: «Жаль его, бедняка!!».

Отвечает Щербаню на его «обстоятельное и любопытное» п. от ***15* (*27*) *февраля***, которое «доставило мне много удовольствия»; в отношении «Отцов и детей» «я с Вами», как «у Христа за пазухой» (речь идет о поправках и прибавлениях к роману, пересланных с Щербанем Каткову, которые Щербань собственноручно вносил в наборную рукопись); в ответ на переданное через Щербаня пожелание Каткова, чтобы «Довольно» было напечатано в *РВ*, сообщает, что оно обещано во «Время», но подвигается «ужасно медленно». Отзывается о «Минине» Островского, который «обманул мои ожидания: язык — удивительный, но нет ни драмы, ни *живых* характеров. Самое лучшее — лирические места». Благодарит за услуги, оказанные Щербанем М. Иннис, Случевскому, Рашет.

***27 февраля* (*11 марта*). Вторник.** Выходит № 2 журнала «Время»; в нем — ст. Достоевского «Два лагеря теоретиков (По поводу “Дня” и кой-чего другого)», где Т. назван в одном ряду с Пушкиным, Лермонтовым, Островским, Гоголем — «всё, чем гордится наша литература» (Отд. 2. С. 143—163; *Достоевский.* Т. 20. С. 10).

Здесь Достоевский полемизирует с Чернышевским, высказавшим в рец. на «Рассказы» Н. В. Успенского мысль, что писатель отказался от идеализации народа, свойственной его предшественникам Григоровичу и Т.; в этой же рец. говорилось: «Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — все это насквозь пропитано запахом “шинели” Акакия Акакиевича» (Не начало ли перемены? // *Совр.* 1861. № 11. Отд. «Современное обозрение». С. 79—106; *Чернышевский.* Т. 7. С. 859). См. также ст. Достоевского «Рассказы Н. В. Успенского», в которой Т., Островский и Писемский названы предшественниками Успенского, «замечательными писателями», сказавши-

ми «во сто раз более, чем он» (см.: Время. 1861. № 12. Отд. 2. С. 174–183; *Достоевский.* Т. 19. С. 178). См. ***28 декабря 1861*** (***9 января 1862***).

28 февраля (***12 марта***). **Среда**. Дата ценз. разрешения № 2 *РВ* (цензоры А. Петров, Гиляров-Платонов; вышел 4 (16) марта); в нем — роман Т. «Отцы и дети». В конце текста дата: «Август, 1861 года» См. ***4*** (***16***) ***марта***.

1 (***13***) ***марта***. **Четверг**. Дата выхода еженедельника «Современная летопись» («Русский вестник»); в нем — объявление о том, что № 2 *РВ*, в котором публикуется роман «Отцы и дети», «будет раздаваться послезавтра» (№ 9. С. 15). См. ***4*** (***16***) ***марта***.

Февраль ст. ст. Дата п. Писемского к Т.: сообщает о брани в свой адрес на страницах «Искры» (1862. 2 февраля. № 5; автор Елисеев) и *Сев Пчелы* (1862. 24 января. № 23) в ответ на фельетон Писемского (см.: *БдЧ.* 1861. № 12): «...мне советовали вам написать обо всем и просить вас написать по поводу этому и вообще обо мне письмо в "Петербургские ведомости", где оно сейчас же и будет напечатано. <...> вашему раздавшемуся за меня голосу посильнее публика поверит». Т. не стал вмешиваться в эту историю, его ответное п. неизв. (см.: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 171). Следующее п. Писемского от ***20 февраля*** (***4 марта***).

2 (***14***) ***марта***. **Пятница**. Отвечая Достоевскому на его п. от ***Первой половины февраля ст. ст.***, извиняется за поздний ответ; в последние два месяца «почти ничего не работал, мало читал, никуда не выезжал»; сообщает о медленном ходе работы над повестью для «Времени» («Призраки»), которая «раньше моего возвращения в Россию (в апреле) навряд ли будет готова». Подробно высказывается о «Минине» Островского: «На днях я прочел "Минина" — и говоря по совести — остался холоден. Стихи удивительные, язык прекрасный — но где жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где История наконец? Я совсем другого ожидал от Островского — я никак не думал, что и он станет вытягивать каждый характер в одну струнку. Есть места чудесные — надо всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким — но этого мало... особенно от Островского этого мало». Просит Достоевского прочесть и «с полной искренностью» высказать мнение об «Отцах и детях»: «Я ожидаю *неуспеха*, чтобы не сказать более — и это не есть "забегание вперед" — а довольно ясное сознание, основанное на положительных

данных. Я знаю, чего я хотел — и начинаю чувствовать, что взял задачу не по силам; но *учить* кого бы то ни было — мне в голову не приходило. Не до того было»; ожидает присылки № 1 «Времени» за 1862; откликается на смерть Панаева: «Я пожалел о нем, как о старом товарище».

Отвечает гр. Ламберт на ее п. от ***21 февраля*** (***5 марта***) с упреками за долгое молчание: «...и если я еще не успел приникнуть мыслью к неземному, то земное *всё* давно ушло от меня — и я нахожусь в какой-то пустоте, туманной и тяжелой — и уже нисколько не расположен отворачиваться от картин разрушения, черных покровов, горя и т. п. <...> Вы напрасно воображаете, что Ваша печаль стала *стеной* между нами»; просит прочесть номер *РВ* с «Отцами и детьми» — и прочесть повесть, «которая, помнится, так мало Вам понравилась в рукописи. — Я сделал в ней много сокращений и изменений, хотя, разумеется, основная мысль и вся физиономия исполнения — остались те же»; просит написать свое мнение, «хотя бы в подтверждение прежнего осуждения». Ответное п. Ламберт см. ***8*** (***20***) ***апреля***.

М. Н. Толстая в п. к Толстому из Алжира спрашивает: «Что слышно о И. С. Тургеневе? Что он пишет?» (см.: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 253).

4 (***16***) ***марта***. **Воскресенье**. Выходит в свет № 2 *РВ*, в нем — роман Т. «Отцы и дети» (с. 473—663). См. ***28 февраля*** (***12 марта***).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анненков (1983) — Анненков П. В. Литературные воспоминания / Вступит. статья В. И. Кулешова, коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. 1983 (Сер. лит. мемуаров).

Анненков. Письма — Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888—1910.

БдЧ — «Библиотека для чтения» (журнал).

Бирж Вед — «Биржевые ведомости» (газета).

Боткин и Т — В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851—1869 / Пригот. к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930.

ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).

ГАРФ (ранее *ЦГАОР*) — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

Герцен — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1966.

Герцен. Летопись — Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864 / Сост. И. Г. Птушкина, С. Д. Гурвич-Лищинер. М., 1983.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

Гол Мин — «Голос минувшего» (журнал).

Голованова — Голованова Т. П. Тургенев в кругу петербургских украинцев // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1969. Вып. 5. С. 363—374.

Гончаров — Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017 (Изд. продолжается).

Гончаров и Т — И. А. Гончаров и И. С. Тургенев: По неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг., 1923.

Гончаров. Летопись — *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1960.

Гончаров. Письма — *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма / Подгот. текста статей, заметок, рецензий, автобиографий и примеч. А. П. Рыбасова; подгот. текста писем А. П. Могилянского, М. Я. Полякова; примеч. к письмам М. Я. Полякова.

Григорьев. Письма — *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999 (Лит. памятники).

ГРМ — Государственный Русский музей (С.-Петербург).

Дело Чернышевского — Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968.

Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961—1964.

Добролюбов. Летопись — *Рейсер С. А.* Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953.

Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. / Гл. ред. В. Г. Базанов, зам. гл. ред. Г. М. Фридлендер. Л., 1972—1990.

Достоевский. Летопись — Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821—1881: В 3 т. / Сост. А. В. Архипова, И. А. Битюгова и др.; ред. Н. Ф. Буданова, Г. М. Фридлендер. СПб., 1999.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

Звенья — Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др. М.; Л., 1932—1936. Вып. 1—6; М., 1950—1951. Вып. 8—9.

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

Клеман. Летопись — *Клеман М. К.* Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Ред. Н. К. Писканова. М.; Л., 1934.

Клеман. Т и Мериме — *Клеман М. К.* И. С. Тургенев и Проспер Мериме // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 707—752.

Лемке. Очерки — *Лемке М. К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908.

Леонтьев — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2000—2018 (Изд. продолжается).

Летопись (1818—1858) — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Авт.-сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995.

Лит Арх — Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1938—1968. Т. 1—6.

Лит Мысль — Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922—1923. Вып. 1—2; Л., 1925. Вып. 3.

Лобач-Жученко — *Лобач-Жученко Б. Б.* Літопис життя і творчості Марка Вовчка. Київ, 1983.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—2016. Т. 1—105 (Изд. продолжается).

МВед — «Московские ведомости» (газета).

МВест — «Московский вестник» (газета).

Мериме — *Мериме П.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1963.

НВр — «Новое время» (газета).

Некрасов — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л./СПб., 1981—2000.

Некрасов. Летопись — Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. 1821—1877 / Отв. ред. Б. В. Мельгунов. СПб., 2006—2009.

Некрасов. Переписка — Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. / Вступит. статья Г. В. Краснова; сост. и коммент. В. А. Викторовича, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1987.

НИиМ (1—4) — И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2009—2016. Вып. 1—4 (Изд. продолжается).

Никитенко — *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. И. Я. Айзенштока. М., 1956 (Сер. лит. мемуаров).

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

ОГЛМТ — Объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева (Орел).

Одоевский. Дневник — «Текущая хроника и особые происшествия»: Дневник В. Ф. Одоевского 1859—1869 гг. / Вступит. статья Б. Козьмина; ред. текста и предисл. М. Бриксмана; коммент. М. Бриксмана и М. Аронсона // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22—24. С. 79—308.

Островский. Летопись — *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М., 1953.

Панаева (1972) — *Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1972.

Пантелеев — *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. М., 1958.

ПД. Описание — Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И. С. Тургенев / Сост.: И. Е. Грудинина, Л. М. Добровольский и др.; под ред. М. П. Алексеева.

Первое собрание писем — Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. (Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). СПб., 1884.

Писарев — *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2000—2013.

Писемский — *Писемский А. Ф.* Письма / Подгот. текста и коммент. М. К. Клемана, А. П. Могилянского. М.; Л., 1936.

Письма Борисова — <Письма к И. С. Тургеневу и письма о нем>. И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 335—367.

Письма к Герцену — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / С объяснениями М. П. Драгоманова. Женева, 1892.

Письма к Дружинину — Письма к А. В. Дружинину (1850—1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948 (Летописи ГЛМ. Кн. 9).

Письма к Нелидовой — *Vishevsky A., Nelidow I.* The Unknown Correspondence between I. S. Turgenev and O. D. Nelidova (2017): http://repository.brynmawr.edu/bmc_books

Письма Павлова — *Мостовская Н. Н.* И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 143—158.

Письма Плещеева — <Письма А. Н. Плещеева к Тургеневу> / Публ. Г. М. Фридлендера // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1961. Вып. 6. С. 305—320.

Письма Феоктистова — Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851—1861) / Публ. Э. Г. Гайнцевой. Ч. 2: 12 сент. 1852 — 24 дек. 1861 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 73—161.

Письма Энгельгардт к Фету — Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Ч. 1: 1858—1873 / Публ. Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 43—146.

ПССиП(1). Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961—1969.

ПССиП(1). Соч — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1961—1968.

РА — «Русский архив» (журнал).

РВ — «Русский вестник» (журнал).

РГАЛИ (ранее *ЦГАЛИ*) — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ (ранее *ГБЛ*) — Российская государственная библиотека (Москва).

РГИА (ранее *ЦГИА*) — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

РЛ — «Русская литература» (журнал).

РНБ (ранее *ГПБ*) — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

РО — «Русское обозрение» (журнал).

РусВед — «Русские ведомости» (газета).

РМысль — «Русская мысль» (журнал).

РРечь — «Русская речь» (газета).

РСл — «Русское слово» (журнал).

РСт — «Русская старина» (журнал).

Рус Беседа — «Русская беседа» (журнал).

Сб Лит фонда (XXV) — XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884.

Сб Лит фонда (L) — L. Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. <СПб., 1910>.

Сев Пчела — «Северная пчела» (газета).

Семенов. Освобождение — *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: В 3 т. СПб., 1889—1892.

Словарь членов ОЛРС — Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911.

Совр — «Современник» (журнал).

Соч (1860—1861) — *Тургенев И. С.* Соч.: В 4 т. М., 1860—1861.

СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Т в восп совр — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и подгот. текста С. М. Петрова, В. Г. Фридлянд М., 1983 (Сер. лит. мемуаров).

Т в восп совр. Переписка (1988) — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей / Сост., вступит. статья и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд; сост., пер. писем, вступит. статья и коммент. к разделу «Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей» Н. П. Генераловой. М., 1988.

Т. Вопр биогр и творч (1982) — И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1982.

Т. Вопр биогр и творч (1990) — И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990.

Т и его время — Тургенев и его время / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923. Сб. 1.

Т и круг Совр — Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847—1861. М.; Л., 1930.

Т Сб (1—5) — Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева / Ред. М. П. Алексеев, Н. В. Измайлов. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1—2; Л., 1967, 1968, 1969. Вып. 3—5.

Т Сб (1960) — И. С. Тургенев (1818—1883—1958): Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1960.

Толстой — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л., 1928—1958.

Толстой А. — *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1963—1964.

Толстой. Летопись — *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958.

Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. / Сост., вступит. статья и примеч. С. А. Розановой. М., 1978.

34 письма Энгельгардт — 34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 174—234.

Труды ГБЛ — Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1934—1939. Вып. 3—4.

Тургенев/Лонгинов — *Шахматова С. А.* Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 137—212.

Тургенев. Переписка — Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. / Подгот. текста и коммент. В. Н. Баскакова, Т. П. Головановой, Е. И. Кийко, Н. Н. Мостовской, Л. Н. Назаровой. Л., 1986.

Тютчев. Летопись — Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: В 3 кн. / Отв. ред. Т. Г. Динесман. Мураново, 1999—2012.

Утраченные письма (1—2) — *Хмелевская Е. М.* 1) Утраченные письма И. С. Тургенева (1857—1860) // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева / Ред. М. П. Алексеев, Н. В. Измайлов. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 339—353; 2) Утраченные письма И. С. Тургенева (1861—1870) // Там же. Л., 1967. Вып. 3. С. 297—334.

Фет/Боткин — Переписка с В. П. Боткиным. 1857—1869 / Вступит. статья, публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной // Литературное наследство. М., 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 156—542.

Фет. МВ — *Фет А. А.* Мои воспоминания: В 2 ч. М., 1890.

ФетСб (1—3) — А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб., 2010—2018. Вып. 1—3 (Изд. продолжается).

Фет. СПП — *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. статья А. Е. Тархова; сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина, А. Е. Тархова. М., 1988.

Фет. ССиП — *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002—2015. Т. 1—5 (Изд. продолжается).

Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939—1953.

Шестидесятые годы — Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н. К. Пиксанова, О. В. Цехновицера. М.; Л., 1940.

Штакеншнейдер — *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886). М.; Л., 1934.

Щедрин — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. / Гл. ред. С. А. Макашин. М., 1965—1977.

Щербань (1—2) — *Щербань Н. В.* Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем // Русский вестник. 1890. № 7. С. 3—28; № 8. С. 3—26.

Щукинский сб — Щукинский сборник / Отделение имп. Российского исторического музея им. императора Александра III — Музей П. И. Щукина. М., 1902—1912. Вып. 1—10.

Марко Вовчок. Листи — *Марко Вовчок.* Твори. Київ, 1967. Т. 7: Листи. Кн. 2.

Марко Вовчок. Твори — *Марко Вовчок.* Твори / За ред. Ол. Дорошкевича. <Київ,> 1928. Т. 4.

BN — Bibliothèque Nationale de France (Париж).

Cahiers — Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977—2013. № 1—35 (Изд. продолжается).

Granjard — Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, 1960 (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. T. 31).

Mazon — *Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev: notices et extraits. Paris, 1930.

Mazon. Gontcharov — *Mazon A.* Un maître du roman russe Ivan Gontcharov (1812—1891). Paris, 1914.

Mérimée — *Mérimée P.* Correspondance générale / Etabli et commentée, annotée par M. Parturier. Paris, 1953—1964. II série. T. 1—11.

NAF — Nouvelles acquisitions françaises.

N Z Sl J — «New Zealand Slavonic Journal» (журнал).

T. Portraits Catalogue — *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818—83). Pinehaven (New Zealand), 1999.

Waddington/Montreynaud — *Waddington P., Montreynaud F.* A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854—1885. Wellington (New Zealand), 1980.

Waddington. T and England — *Waddington P.* Turgenev and England. London, 1980.

Waddington. Turgenev's sketches — *Waddington P.* Turgenev's sketches for «Ottsy i deti» («Fathers and sons») // New Zealand Slavonic Journal. 1984. P. 33—76.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЗАМЫСЛОВ И ПЕРЕВОДОВ И. С. ТУРГЕНЕВА

Переводы

Из Марко Вовчок

Из Пушкина

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтисписе

На вклейке

Париж. Вид на улицу Риволи, на которой И. С. Тургенев жил с сентября 1860 г. 1850-е гг.

Первая публикация повести «Первая любовь» в журнале «Библиотека для чтения» (1860. № 3). Отдельный оттиск. Первая страница с посвящением П. В. Анненкову и фрагмент обложки с дарственной надписью П. В. Анненкову: «Павлу Васильевичу Анненкову вторично посвящает автор. С<анкт->П<етер>бург. Март, 1860». *Библиотека ИРЛИ.*

П. В. Анненков. Литография П. Ф. Бореля по фотографии А. И. Деньера. Петербург, март 1859 г. *Литературный музей ИРЛИ.*

Циркулярное письмо И. С. Тургенева к К. Д. Кавелину от 29 августа (10 сентября) 1860 г. при посылке «Проекта программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”». Первая страница. *Рукописный отдел ИРЛИ.*

К. Д. Кавелин. Париж, 1862 г. Фотография с дарственной надписью Ю. П. Гурскалин на обороте: «Юлии Петровне Гурскалин от К. Кавелина. Париж, 20 апреля/2 мая 1862». *Рукописный отдел ИРЛИ (Из архива А. Н. Пыпина).*

К. Д. Кавелин с дочерью Софией. Фотография. Петербург, начало 1870-х гг. *Рукописный отдел ИРЛИ (Из архива А. Н. Пыпина).*

Братья Л. Н. и Н. Н. Толстые. Дагерротип К. П. Мазера. Москва, 1851 г. На обороте надпись чернилами рукой С. А. Толстой: «Гр. Николай (в мундире) и Лев (в сюртуке) Толстые». *Государственный музей Л. Н. Толстого.*

И. И. Маслов. Фотография М. Б. Тулинова. Петербург, 1860-е гг. *Российский государственный архив литературы и искусства (Из архива Ю. Г. Оксмана).*

К. К. Ламберт. Фотография 1861 г. *Рукописный отдел ИРЛИ.*

Я. И. Ламберт на смертном одре. Петербург, 1861 г. Акварель. *Литературный музей ИРЛИ.*

Е. Е. Ламберт. Фотография 1880-х гг. *Литературный музей ИРЛИ.*

Н. И. Тургенев. Фотография. Париж, 1860-е гг. *Литературный музей ИРЛИ.*

Первый том «Сочинений И. С. Тургенева» в издании Н. А. Основского (М., 1860), содержащий «Записки охотника» и подаренный Н. И. Тургеневу. Титульный лист. *Библиотека ИРЛИ (Из собрания А. Ф. Онегина).*

Дарственная надпись Н. И. Тургеневу на шмуцтитуле т. 1 «Сочинений И. С. Тургенева» в 4 т. в издании Н. А. Основского (М., 1860): «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак искреннего и глубокого уважения от автора. Париж, 1862». *Библиотека ИРЛИ (Из собрания А. Ф. Онегина).*

В. П. Боткин. Фотография Захарьина. Петербург, 1860-е гг. *Литературный музей ИРЛИ.*

Роман «Отцы и дети». Черновой автограф. Титульный лист. *Рукописный отдел ИРЛИ.*

И. С. Тургенев (в конце стола справа) в парижском «Café de la Régence». Гравюра на дереве. 1873 г. Опубл.: Всемирная иллюстрация. 1873. № 233. С. 401. *Литературный музей ИРЛИ (Из собрания С. А. Венгерова).*

И. С. Тургенев. Серия фотографий С. Л. Левицкого. Париж, апрель — май 1861 г. *Литературный музей ИРЛИ.*

Содержание

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», книга предназначена для детей старше 14 лет

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Научное издание

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. С. ТУРГЕНЕВА (1859–1862)

Авторы-составители
Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина

Выпускающий редактор: *В. А. Лукина*
Верстка: *С. В. Степанов*
Корректор: *Т. Л. Самсонова*

Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Октава.
Печ. л. 42,5. Тираж 300 экз.
Зак. № 3454

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: http://www.rostokbooks.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4